

КАРЛ МАРКС

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

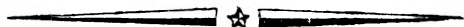
ТОМ

II

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

КАРЛ МАРКС

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Б. МИТИНА

ТОМ
II

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1940

К ИСТОРИИ СОЮЗА КОММУНИСТОВ¹

С осуждением кельнских коммунистов в 1852 г. закончился первый период самостоятельного немецкого рабочего движения. Этот период в настоящее время почти забыт. А между тем он продолжался с 1836 до 1852 г., и с распространением немецких рабочих за границы это движение развевалось почти во всех культурных странах. Но мало того. Современное международное рабочее движение по существу представляет непосредственное продолжение тогдашнего немецкого, которое вообще было *первым международным рабочим движением* и из которого вышло много лиц, игравших потом руководящую роль в Международном Товариществе Рабочих². А теоретические принципы «Коммунистического манифеста», которые Союз коммунистов в 1847 г. начертал на своем знамени, служат в настоящее время наиболее крепкой интернациональной связью для всего пролетарского движения Европы и Америки.

До сих пор для связной истории этого движения имеется только один основной источник. Это так называемая черная книга — «Коммунистические заговоры XIX столетия» — Вермута и Штибера, Берлин, 2 части, 1853 и 1854 гг. («Die Kommunistenverschwörungen des 19 Jahrhunderts. Von Wermuth und Stieber». Berlin, 2 Teile, 1853 und 1854). Эта лживая, переполненная сознательными подлогами стряпня двух подлейших полицейских негодяев нашего столетия и теперь еще служит первоисточником для всех некоммунистических изданий, посвященных тому периоду.

Я могу здесь дать только набросок, да и то лишь в той мере, в какой речь идет о самом Союзе, — только абсолютно необходимое для понимания «Разоблачений». Надеюсь, что мне еще

¹ Помещаемая здесь работа Энгельса является введением к третьему изданию брошюры Маркса «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», вышедшему в 1885 г. Об этом процессе, происходившем в 1852 г., см. также Маркс и Энгельс, «Революция и контрреволюция в Германии», в настоящем томе. *Ред.*

² *Международное Товарищество Рабочих* — официальное название I Интернационала, основанного в 1864 г. в Лондоне. *Ред.*

удастся когда-нибудь обработать собранный Марксом и мною богатый материал по истории того славного периода, периода юности международного рабочего движения.

* * *

Из основанного в 1834 г. германскими эмигрантами в Париже демократическо-республиканского тайного «Союза отверженных» выделились в 1836 г. самые крайние, по большей части пролетарские, элементы и образовали новый тайный союз — «*Союз справедливых*». Первоначальный Союз, в котором остались только самые бездеятельные элементы, вроде Якоба Венедее, скоро совсем замер: в 1840 г., когда полиция выследила несколько его секций в Германии, от него оставалась едва лишь тень. Напротив, новый Союз развивался сравнительно быстро. Первоначально он был немецким отпрыском французского рабочего коммунизма, сложившегося к тому времени в Париже и примыкавшего к бабувистским¹ традициям; требование общности имущества выдвигалось как необходимое следствие «равенства». Цели были те же, что и у тогдашних парижских тайных обществ. Это было наполовину пропагандистское, наполовину заговорщическое общество, причем, однако, Париж всегда считался центром революционного действия, хотя отнюдь не исключалась при случае подготовка восстаний и в Германии. Но так как Париж оставался ареной решающих битв, то Союз фактически был тогда лишь немецким *отделением* французских тайных обществ, в частности руководимого Бланки и Барбесом «Общества времен года» («*Société des Saisons*»)², с которым он находился в тесной связи. Французы начали восстание 12 мая 1839 г.³; вместе с ними выступили и секции Союза и потерпели, таким образом, вместе с ними общее поражение.

Из немцев были арестованы в частности *Карл Шанпер* и *Генрих Бауэр*. Правительство Луи-Филиппа удовлетворилось их высылкой после длительного тюремного заключения. Оба они отправились в Лондон. Шанпер был родом из Вейльбурга в Нассау;

¹ *Бабуизм* — учение Гракха Бабефа (1760—1797), руководителя «заговора равных» во Франции в годы буржуазной революции конца XVIII в. Утопический коммунизм Бабефа, проповедывающий всеобщий аскетизм и грубую уравнильность, возникает в период ниспровержения феодального общества и является результатом неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения. *Ред.*

² «*Общество времен года*» — организованное Бланки в 1837 г. тайное общество, носившее заговорщический характер. *Ред.*

³ *Восстание 12 мая 1839 г.* было организовано «Обществом времен года». Была захвачена городская ратуша, провозглашено временное правительство и Бланки избран главнокомандующим. Однако не связанная с широкими массами горстка заговорщиков была быстро рассеяна полицией и национальной гвардией. *Ред.*

будучи студентом-лесником в Гиссене, он в 1832 г. участвовал в заговоре, организованном Георгом Бюхнером¹, 3 апреля 1833 г. участвовал в нападении на франкфуртский полицейский пост², бежал за границу и в феврале 1834 г. принимал участие в походе Мадзини на Савойю. Богатырского сложения, решительный и энергичный, всегда готовый riskовать житейскими благами и самой жизнью, он был образцом революционера-профессионала, игравшего некоторую роль в 30-х годах. Как показывает его развитие из «демагога»³ в коммуниста, ему, при известной медлительности мышления, отнюдь не было недоступно глубокое понимание теоретических вопросов, и тем с большим постоянством он держался того, что однажды им было признано. Именно поэтому его революционный пыл шел иногда вразрез с его разумом, но впоследствии он всегда замечал свои ошибки и открыто их признавал. Это был крупный человек, и то, что он сделал для первоначальной организации германского рабочего движения, никогда не будет забыто.

Генрих Бауэр из Франконии был сапожником; это был живой, бойкий и остроумный паренек, в маленьком теле которого, однако, таилось также много изворотливости и решимости.

Прибыв в Лондон, где Шаппер, работавший в Париже наборщиком, стал добывать средства к существованию преподаванием языков, они оба снова начали восстанавливать оборвавшиеся связи Союза и сделали Лондон его центром. Здесь, если еще не раньше в Париже, к ним примкнул часовщик из Кельна, *Иосиф Молль*; это был силач, среднего роста, — сколько раз они вдвоем с Шаппером победоносно оттаивали двери зала против сотни вламывавшихся противников, — человек, который в энергии и решимости по меньшей мере не уступал обоим своим товарищам, а умом превосходил их обоих. Он не только был прирожденным дипломатом, что доказали успехи его многочисленных поездок в качестве уполномоченного, — и теоретические вопросы ему были более доступны. Со всеми троими я познакомился в Лондоне в 1843 г.; это были первые революционные пролетарии, которых я видел. И как бы ни расходились в частностях

¹ Речь идет о попытке революционной пропаганды немецкого писателя Георга Бюхнера (1813—1837) среди гессенских крестьян. Бюхнер совместно с пастором Вейдигом, вождем гессенских либералов, организовал в 1834 г. «Общество прав человека». Общество вело пропаганду среди крестьянства. «Мир хижинам, война дворцам!» — таков был лозунг Бюхнера. Движение это было подавлено правительством в самом начале. *Ред.*

² *Нападение на франкфуртский полицейский пост* — неудавшаяся попытка восстания кучки (немногим больше 50 человек) радикальных элементов, главным образом студентов. *Ред.*

³ Так называли правительственные власти Германии представителей либерально-демократических идей в 20—40-х годах XIX века. В 1819 г. была создана специальная комиссия для расследования «козней демагогов» во всех германских государствах. *Ред.*

наши тогдашние взгляды, — их ограниченному уравнительному коммунизму¹ я в то время противопоставлял не малую дозу столь же ограниченного философского высокомерия, — все же я никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда я еще только хотел стать человеком.

В Лондоне, как в меньшей степени и в Швейцарии, свобода союзов и собраний сослужила им хорошую службу. Уже 7 февраля 1840 г. было основано легальное Немецкое просветительное рабочее общество, существующее до настоящего времени. Это общество служило Союзу местом вербовки новых членов, и так как коммунисты были, как всегда, наиболее деятельными и интеллигентными членами общества, то вполне понятно, что руководство обществом всецело находилось в руках Союза. Скоро у Союза было в Лондоне уже несколько общин, или «лож», как их тогда еще называли. Эта же сама собой разумеющаяся тактика применялась в Швейцарии и других местах. Везде, где только можно было основывать рабочие общества, ими пользовались подобным же образом. Там, где это воспрещалось законами, члены Союза шли в певческие, гимнастические и тому подобные общества. Связи главным образом поддерживались постоянно приезжавшими и уезжавшими членами Союза, которые выступали также в качестве эmissаров там, где это требовалось. И в том и в другом отношении Союзу оказывали большую помощь мудрые правительства, которые всякого неугодного им рабочего, — а среди них девять из десяти были членами Союза, — высылали и таким образом превращали в эmissара.

Восстановленный Союз получил значительное распространение. В частности в Швейцарии *Вейтлинг*, *Август Беккер* (человек весьма незаурядного ума, но, подобно многим немцам, погибший из-за внутренней неустойчивости) и другие создали сильную организацию, которая в большей или меньшей степени тяготела к коммунистической системе Вейтлинга. Здесь не место критиковать вейтлинговский коммунизм. Что же касается его значения, которое он имел в качестве первого самостоятельного теоретического движения германского пролетариата, то я и теперь подписываюсь под словами Маркса, напечатанными в парижском «Vorwärts'e»² в 1844 г.: «Где у (немецкой) буржуазии, вместе с ее философами и книжниками, найдется такое произведение об

¹ Под уравнительным коммунизмом я понимаю просто, как уже сказано выше, коммунизм, который опирается исключительно или по преимуществу на требование равенства. (*Примечание Энгельса.*)

² «Vorwärts» («Вперед») — выходившая в Париже в 1844 г. на немецком языке радикальная газета немецких эмигрантов, одним из сотрудников которой был и Маркс. В 1845 г. Маркс по настоянию прусского правительства, как опасный революционер, был выслан из Франции. *Ред.*

освобождении буржуазии — политическом освобождении, — как вейтлинговские «Гарантии гармонии и свободы»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим ни с чем не сравнимым, блестящим дебютом германских рабочих, стоит сравнить эти *гигантские детские башмаки пролетариата* с карликовыми стоптанными политическими башмаками буржуазии, чтобы предсказать этой золушке в будущем фигуру атлета». Эта атлетическая фигура стоит в настоящее время перед нами, хотя она далеко еще не достигла своего полного роста.

В Германии также были многочисленные секции, по существу своему преходящего характера, но число возникавших далеко превосходило число распадавшихся. Полиция только через семь лет, в конце 1846 г., открыла в Берлине (Ментель) и в Магдебурге (Бекк) следы Союза, но проследить их дальше ей не удалось.

В Париже Вейтлинг, в 1840 г. еще находившийся там, также собрал рассеянные элементы, прежде чем отправиться в Швейцарию.

Ядром Союза были портные. Немецкие портные были повсюду: в Швейцарии, в Лондоне, в Париже. В последнем немецкий язык был очень сильно распространен в портняжном ремесле; в 1846 г. я там знал одного норвежского портного, который приехал во Францию морем прямо из Дронтгейма и в продолжение полутора лет не усвоил почти ни одного французского слова, но прекрасно научился говорить по-немецки. Из парижских общин две состояли в 1847 г. преимущественно из портных, одна — из столяров-мебельщиков.

С тех пор как центр тяжести был перенесен из Парижа в Лондон, на первый план выступил новый момент: Союз из немецкого постепенно стал *интернациональным*. В рабочее общество, кроме немцев и швейцарцев, входили также члены всех тех национальностей, которые пользовались главным образом немецким языком, как общим для всех них. Это были скандинавцы, голландцы, венгерцы, чехи, южные славяне, а также русские и эльзасцы. В 1847 г. постоянным гостем был, между прочим, один английский гвардейский гренадер в форме. Общество скоро стало называться *Коммунистическим* рабочим просветительным обществом, и на членских карточках был девиз: «Все люди — братья», по меньшей мере на двадцати языках, — правда, кое-где не без ошибок. Тайный союз, как и открытое общество, вскоре принял более интернациональный характер; сначала, правда, только в ограниченном смысле: практически — в силу пестрого национального состава его членов, теоретически — из убеждения, что всякая революция, чтобы стать победоносной, должна быть европейской. Дальше этого еще не шли, но основа была заложена.

С французскими революционерами Союз поддерживал тесную связь через лондонских эмигрантов, участников борьбы 12 мая 1839 г. Также и с польскими радикалами. Официальная польская эмиграция, как и Мадзини, была, конечно, скорее противником, чем союзником. Английские чартисты ввиду специфически английского характера их движения, как революционеры, были оставлены в стороне. С ними лондонские руководители Союза вступили в связь только впоследствии через меня.

Также и в других отношениях характер Союза изменялся вместе с ходом событий. Хотя на Париж все еще смотрели — и в то время с полным основанием — как на родину революции, тем не менее зависимость от парижских заговорщиков уже прекратилась. С ростом Союза росло и его самосознание. Чувствовалось, что движение все больше и больше пускает корни в рабочем классе Германии и что германские рабочие призваны историей быть знаменосцами для рабочих севера и востока Европы. В лице Вейтлинга у них был теоретик коммунизма, которого можно было смело поставить рядом с его тогдашними французскими конкурентами. Наконец, опыт 12 мая показал, что попытки восстаний пока ни к чему привести не могут. И если всякое событие продолжали еще истолковывать как предзнаменование наступающей бури, если старый полузаговорщический устав вообще еще соблюдался, то в этом было главным образом повинно старое революционное упрямство, которое начинало уже приходить в столкновение с пробивавшими себе дорогу более правильными воззрениями.

Напротив, социальная доктрина Союза, при всей своей неопределенности, отличалась одним крупным недостатком, который, однако, коренился в самих общественных отношениях. Члены Союза, если они вообще были рабочими, были, собственно говоря, почти исключительно ремесленниками. Человек, который их эксплуатировал, даже в крупных мировых центрах, был в большинстве случаев только мелким мастером. Эксплуатация даже в портняжном промысле крупного масштаба, в так называемой теперь конфекционной промышленности, сложившейся путем превращения портняжного ремесла в домашнюю промышленность, которая работает на крупного капиталиста, тогда даже в Лондоне только еще зарождалась. С одной стороны, эксплуататором этих ремесленников был мелкий мастер; с другой стороны, они сами надеялись в конце концов стать мелкими мастерами. К тому же тогдашний немецкий ремесленник находился еще под влиянием массы унаследованных цеховых представлений. Эти ремесленники еще не были настоящими пролетариями; они составляли только придаток мелкой буржуазии, который еще находился в процессе превращения в современный пролетариат и который еще не стоял в прямой противоположности к буржуазии, т. е. к крупному капиталу.

И величайшую честь им делает то обстоятельство, что они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и конституироваться, хотя и не вполне сознательно, как партия пролетариата. Но их старые предрассудки ремесленников подводили их каждый раз, когда дело шло о конкретной критике существующего общества, т. е. об анализе экономических фактов. И это было неизбежно. Я полагаю, что во всем Союзе не было тогда ни одного человека, который прочитал хотя бы одну книгу по политической экономии. Не беда: «равенство», «братство» и «справедливость» помогали брать любые теоретические высоты.

Между тем наряду с коммунизмом Союза и Вейтлинга создавался другой коммунизм, существенно отличный от первого. Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что экономические факты образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития, в частности, следовательно, в Англии, в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и вместе с тем для всей политической истории. Маркс не только пришел к тем же взглядам, но и обобщил их уже в «*Deutsch-Französische Jahrbücher*»¹ (1844 г.) в том смысле, что вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю надо объяснять из экономических отношений и их развития, а не наоборот. Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях. С того времени началась наша совместная работа. Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс, исходя из вышеуказанных основных положений, уже завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях.

Но это открытие, которое произвело переворот в исторической науке и, как мы видим, в основном было делом Маркса и в котором я могу приписать себе лишь очень небольшое участие, имело непосредственное значение для современного ему рабочего дви-

¹ «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («*Немецко-Французские Ежегодники*») — радикальный журнал, издававшийся Марксом вместе с Арнольдом Руге, левым гегельянцем, за границей, в Париже, в 1844 г. (см. статью Ленина «Карл Маркс» в т. I настоящего издания). *Ред.*

жения. Коммунизм у французов и немцев, чартизм у англичан уже не казались какой-то случайностью, которой с таким же успехом могло и не быть. Эти движения представлялись теперь движениями современного угнетенного класса, пролетариата, более или менее развитыми формами его исторически неизбежной борьбы против господствующего класса, буржуазии, формами классовой борьбы, отличающимися, однако, от всякой прежней классовой борьбы тем, что современный угнетенный класс, пролетариат, не может добиться своего освобождения, не освобождая в то же время все общество от разделения на классы и тем самым от классовой борьбы. Коммунизм отныне означал уже не фантастическое измышление возможно более совершенного общественного идеала, а понимание природы, условий и вытекающих из них общих целей борьбы, которую ведет пролетариат.

Мы отнюдь не намеревались сообщить о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. Наоборот. Мы оба уже глубоко вошли в политическое движение; у нас уже были последователи среди интеллигенции, особенно в западной Германии, и значительные связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших воззрений европейский и прежде всего германский пролетариат. Когда мы сами себе все уяснили, мы приступили к работе. В Брюсселе мы основали Немецкое рабочее общество и завладели «*Deutsche Brüsseler Zeitung*»¹, которая оставалась нашим органом до февральской революции. С революционной частью английских чартистов мы поддерживали сношения через Джулиана Гарри, редактора центрального органа этого движения, «*The Northern Star*», сотрудником которого я состоял. Мы находились также в своего рода коалиции с брюссельскими демократами (Маркс был вице-председателем «Демократической ассоциации»²) и с французскими социальными демократами из «*Réforme*»³, которой я посылал сообщения об английском и немецком движении. Словом, наши связи с радикальными и пролетарскими организациями и органами печати вполне соответствовали нашим желаниям.

С «Союзом справедливых» мы находились в следующих отношениях. О существовании Союза мы были, понятно, осведомлены;

¹ «*Deutsche Brüsseler Zeitung*» («*Немецкая Брюссельская Газета*») — издававшаяся с начала 1847 г. в Бельгии газета немецких эмигрантов. *Ред.*

² «*Демократическая ассоциация*» — общество, носившее международный характер и объединявшее бельгийских демократов с политическими эмигрантами, жившими в Брюсселе. Было организовано в сентябре 1847 г. *Ред.*

³ «*Réforme*» («*Реформа*») — орган французской мелкобуржуазной радикально-демократической партии, приверженцы которой называли себя социальными демократами. *Ред.*

в 1843 г. Шаппер предложил мне вступить в Союз, но тогда я, разумеется, отклонил предложение. Мы, однако, не только поддерживали постоянную переписку с лондонцами, но и находились в еще более тесных сношениях с д-ром Эвербеком, руководителем в то время парижских общин. Не входя во внутренние дела Союза, мы все же узнавали о всех важных происшествиях. С другой стороны, мы устно, письменно и при посредстве печати воздействовали на теоретические воззрения наиболее выдающихся его членов. Той же цели служили разные литографированные циркуляры, которые мы в особых случаях, когда речь шла о внутренних делах создавшейся коммунистической партии, рассылали по всему свету своим друзьям и корреспондентам. В этих циркулярах затрагивался иногда и самый Союз. Так, например, один молодой вестфальский студент, Герман Криге, отправившись в Америку и выступая там в качестве эмиссара Союза, связался с сумасшедшим Гарро Гаррингом с целью вызвать при посредстве Союза переворот в Южной Америке; он основал газету, в которой от имени Союза проповедывал основанный на «любви», преисполненный любовью, чрезвычайно сентиментальный коммунизм. Против него мы выступили в одном циркуляре, который не преминул оказать свое действие: Криге исчез с арены Союза.

Позднее в Брюссель приехал Вейтлинг. Но это был уже не тот наивный, молодой подмастерье-портной, пораженный своим собственным талантом и старающийся уяснить себе, как будет выглядеть коммунистическое общество. Это был великий человек, которого преследовали завистники за его превосходство, которому всюду мерещились соперники, тайные враги и козни; гонимый из страны в страну пророк, он носил в кармане готовый рецепт осуществления царства небесного на земле и воображал, что каждый только о том и думает, чтобы украсть у него этот рецепт. Вейтлинг уже в Лондоне перессорился с членами Союза, а также ни с кем не мог поладить и в Брюсселе, где Маркс и его жена относились к нему с необыкновенным, почти сверхчеловеческим терпением. Поэтому он вскоре уехал в Америку, чтобы попытаться там выступать в роли пророка.

Все эти обстоятельства способствовали перевороту, который незаметно совершался в Союзе и особенно среди лондонских руководителей. Несостоятельность существовавших до того времени коммунистических воззрений, как французского примитивного уравнилельного коммунизма, так и вейтлинговского, становилась им все более ясной. Устанавливаемая Вейтлингом связь коммунизма с ранним христианством, при всей гениальности отдельных положений его «Евангелия бедного грешника», привела в Швейцарии к тому, что движение большей частью попадало сперва в руки таких глупцов, как Альбрехт, а затем и корыстных пророков-шарлатанов, как Кульман. Распространяемый

несколькими беллетристами «истинный социализм» — перевод французских социалистических теорий на испорченный гегельянско-немецкий язык и сентиментально-мечтательное человеколюбие (см. отдел о немецком или «истинном» социализме в «Коммунистическом манифесте»), — этот социализм, проникший в Союз через Германа Криге вместе с соответствующей литературой, должен был уже своим слюнявым бессилием вызывать отвращение у старых революционеров Союза. Несостоятельность господствовавших до тех пор теоретических представлений и вытекавшие из них практические ошибки все более убеждали лондонцев в правильности нашей, Маркса и моей, новой теории. Усвоению этого взгляда несомненно содействовали находившиеся тогда среди лондонских вождей два человека, которые по своим способностям к теоретическому познанию значительно превосходили названных выше; это были живописец-миниатюрист Карл Пфендер из Гейльбронна и портной Георг Эккариус из Тюрингии¹.

Наконец, весной 1847 г. Молль приехал в Брюссель к Марксу и тотчас же после этого ко мне в Париж, чтобы от имени своих товарищей еще раз пригласить нас вступить в Союз. Они, по его заявлениям, были убеждены как в общей правильности наших воззрений, так и в необходимости освободить Союз от старых заговорщических традиций и форм. Если мы пожелаем вступить в Союз, то нам дана будет возможность изложить на съезде Союза наш критический коммунизм в форме манифеста, который после этого будет опубликован как манифест Союза; вместе с тем мы будем иметь возможность содействовать замене его устарелой организации новой, более целесообразной и соответствующей условиям времени.

Что для немецкого рабочего класса необходима организация хотя бы для целей пропаганды и что эта организация, поскольку она не носит исключительно местного характера, может быть даже и за пределами Германии только тайной организацией, на этот счет у нас не было сомнений. Но как раз такая организация уже существовала: это был Союз. То, что мы считали до сих пор недостатками Союза, теперь сами его представители готовы были устроить и нас же приглашали участвовать в его реорганизации. Могли ли мы ответить отказом? Разумеется, нет. Мы поэтому вступили в Союз. Маркс организовал в Брюсселе общину Союза из наших близких друзей, в то время как я посещал три парижские общины.

¹ Пфендер приблизительно восемь лет назад умер в Лондоне. Это был человек с тонким, оригинальным умом, одаренный остроумием, иронией, диалектикой. Эккариус впоследствии был, как известно, много лет генеральным секретарем Международного Товарищества Рабочих, в Генеральном Совете которого состояли, между прочим, следующие старые члены Союза коммунистов: Эккариус, Пфендер, Лесснер, Лохнер, Маркс и я. Впоследствии Эккариус посвятил себя исключительно английскому профессиональному движению. (*Примечание Энгельса.*)

Летом 1847 г. в Лондоне состоялся первый конгресс Союза, на котором В. Вольф представлял брюссельские, а я — парижские общины. Здесь прежде всего была проведена реорганизация Союза. Все, что в нем еще оставалось из старых мистических названий, сохранившихся от заговорщических времен, было уничтожено; организация Союза состояла из общин, округов, руководящих округов, Центрального комитета и конгресса, и с этого времени ему было присвоено название «Союз коммунистов». «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности», — так гласит первый параграф. Самая организация была полностью демократическая, с выборными и в любое время сменяемыми комитетами; уже одно это закрывало путь всякому стремлению к заговорам, требующим диктатуры, и Союз — по крайней мере для обычного мирного времени — превратился в чисто пропагандистское общество. Этот новый устав был передан — так демократично теперь действовали — на обсуждение общинам, после чего он еще раз был рассмотрен и окончательно принят вторым конгрессом 8 декабря 1847 г. Он напечатан у Вермута и Штибера, т. I, стр. 239, приложение X.

Второй конгресс состоялся в конце ноября и в начале декабря того же года. На нем присутствовал и Маркс, который в продолжительных прениях — конгресс продолжался по меньшей мере десять дней — защищал новую теорию. Все разногласия и сомнения были, наконец, устранены, и новые принципы приняты единогласно. Марксу и мне было поручено выработать манифест. Поручение это было выполнено в ближайшее же время, и за несколько недель до февральской революции манифест был отослан для напечатания в Лондон. С того времени он обошел весь мир, был переведен почти на все языки и до сих пор продолжает служить руководством пролетарскому движению в самых различных странах. Место старого девиза Союза: «Все люди — братья», занял новый боевой лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», открыто провозгласивший международный характер борьбы. Через семнадцать лет этот лозунг прогремел как боевой клич Международного Товарищества Рабочих по всему миру, и в настоящее время борющийся пролетариат всех стран начертал его на своем знамени.

Вспыхнула февральская революция. Лондонский Центральный комитет немедленно препоручил свои полномочия Брюссельскому руководящему округу. Но это постановление прибыло в Брюссель в то время, когда там уже фактически господствовало осадное положение и немцам нигде уже нельзя было больше устраивать собраний. Мы все уже приготовились переехать в Париж, и новый Центральный комитет постановил поэтому также распу-

стить самого себя, передать все свои полномочия Марксу и уполномочить его немедленно создать новый Центральный комитет в Париже. Не успели разойтись пять человек, принявшие (3 марта 1848 г.) это решение, как в квартиру Маркса ворвалась полиция, арестовала его и заставила на другой же день выехать во Францию, куда он как раз и собирался отправиться.

Вскоре мы все снова встретились в Париже. Там был составлен следующий подписанный членами нового Центрального комитета документ, который был распространен по всей Германии и из которого многие и в настоящее время могут еще кое-чему научиться:

Требования Коммунистической партии в Германии ¹

1. Вся Германия объявляется единой, нераздельной республикой.

3. Народные представители получают жалованье, чтобы и рабочий имел возможность заседать в парламенте немецкого народа.

4. Всеобщее вооружение народа.

7. Княжеские и прочие феодальные земельные владения, все рудники, копи и т. д. обращаются в собственность государства. На этих землях в интересах всего общества хозяйство ведется в крупном масштабе и при помощи наиболее современных, рекомендуемых наукой вспомогательных средств.

8. Ипотеки на крестьянские земли объявляются государственной собственностью. Проценты по этим ипотекам крестьяне уплачивают государству.

9. В тех областях, где развита аренда, земельная рента или арендная плата уплачивается государству как налог.

11. Государство берет в свои руки все транспортные средства: железные дороги, каналы, пароходы, гужевые дороги, почту и т. д. Они обращаются в государственную собственность и предоставляются в распоряжение неимущего класса.

14. Ограничение права наследования.

15. Введение высоких ставок прогрессивного налога и отмена налогов на предметы потребления.

16. Учреждение национальных мастерских. Государство гарантирует средства к существованию всем рабочим и берет на себя попечение о неспособных к труду.

17. Всеобщее и бесплатное народное образование.

В интересах германского пролетариата, мелкой буржуазии и крестьянства — со всей энергией добиваться проведения в жизнь указанных выше мероприятий. Только с их осуществлением миллионы людей, которые до сих пор в Германии эксплуатировались

¹ Энгельс цитирует здесь «Требования» в сокращенном виде. Полностью они напечатаны в т. V Сочинений Маркса и Энгельса, стр. 585—586. *Ред.*

ничтожной кучкой людей и которых постараются и впредь держать в угнетении, сумеют добиться своих прав и такой власти, какая подобает им, как производителям всех богатств.

Комитет: *Карл Маркс, Карл Шаппер, Г. Бауэр, Ф. Энгельс, И. Молль, В. Вольф.*

В Париже господствовало тогда увлечение революционными легионами. Испанцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы, поляки и немцы объединялись в отряды, чтобы идти освобождать свое отечество. Немецкий легион возглавляли Гервег, Борнштедт, Бернштейн. Так как все иностранные рабочие немедленно после революции не только лишились работы, но и стали подвергаться притеснениям со стороны населения, то наплыв в эти легионы был большой. Новое правительство хотело воспользоваться легионами, для того чтобы избавиться от иностранных рабочих, и предоставляло им l'étape du soldat, т. е. квартиры по пути следования, и денежное довольствие в размере 50 сантимов в день до границы, где у вечно растроганного до слез министра иностранных дел, красная Ламартина, была уже возможность выдавать их соответствующим правительствам.

Мы самым решительным образом выступили против этой игры в революцию. Произвести вторжение в Германию в разгар происходившего там тогда брожения и насильственно навязывать ей революцию, импортировав ее извне, означало подставлять ногу революции в Германии, усиливать правительства, а самих легионеров — этому порукой был Ламартин — выдавать безоружными немецким войскам. С победой революции в Вене и в Берлине организация легиона становилась уже совершенно бесцельной; тем не менее, раз начавшись, игра не прекращалась.

Мы учредили немецкий коммунистический клуб и в нем убеждали рабочих не идти в легион, а поодиночке возвращаться на родину и действовать там в интересах движения. Наш старый друг Флокон, бывший членом временного правительства, добился для отправляемых нами рабочих таких же путевых льгот, какие были обещаны легионерам. Таким способом мы отправили обратно в Германию от 300 до 400 рабочих, среди которых члены Союза составляли огромное большинство.

Как легко было предвидеть, перед лицом поднявшегося теперь движения народных масс Союз оказался слишком слабым орудием воздействия. Три четверти членов Союза, живших раньше за границей, переменили с возвращением на родину свое местожительство; их прежние общины были вследствие этого большей частью распущены, и всякая связь с Союзом была для них поте-

ряна. Часть наиболее честолюбивых из них даже не пыталась восстановить эту связь, но каждый в отдельности начинал за свой собственный страх и риск создавать в месте своего пребывания маленькое сепаратное движение. Наконец, условия были настолько различны в каждом отдельном маленьком государстве, в каждой провинции, в каждом городе, что Союз был в состоянии давать лишь самые общие директивы; но распространять их было лучше всего через прессу. Словом, с того момента, как исчезли причины, которые делали необходимым тайный Союз, и самый тайный Союз, как таковой, потерял всякое значение. И это меньше всего могло удивить тех, кто только что лишил этот тайный Союз последних остатков его заговорщического характера.

Теперь, однако, обнаружилось, что Союз был превосходной школой революционной деятельности. На Рейне, где «Новая Рейнская Газета» представляла надежный центр, в Нассау, в Рейнском Гессене и т. д., — повсюду во главе крайнего демократического движения стояли члены Союза. То же было и в Гамбурге. В Южной Германии этому мешало преобладание мелкобуржуазной демократии. В Бреславле с большим успехом действовал до лета 1848 г. Вильгельм Вольф; он получил также в Силезии мандат кандидата в депутаты Франкфуртского парламента. Наконец, наборщик Стефан Борн, бывший деятельным членом Союза в Брюсселе и Париже, основал в Берлине «Рабочее братство», которое получило значительное распространение и продержалось до 1850 г. Борн, талантливый молодой человек, слишком поспешил, однако, с выступлением в качестве политического деятеля. Он «братался» с самым разношерстным сбродом, лишь бы собрать вокруг себя толпу. Он был вовсе не из тех людей, которые способны внести единство в противоречивые стремления, внести свет в хаос. В официальных публикациях его братства постоянно попадаетея поэтому путаница и смешение взглядов «Коммунистического манифеста» с цеховыми воспоминаниями и пожеланиями, с обрывками взглядов Луи Блана и Прудона, с защитой протекционизма и т. д., — одним словом, эти люди хотели всем угодить. В особенности занимались они устройством стачек, профессиональных союзов, производительных товариществ, забывая, что задача состояла прежде всего в том, чтобы посредством политической победы завоевать себе сначала такое поприще, на котором только и могли прочно, надежно осуществиться такие вещи. И вот, когда победы реакции заставили вожаков этого братства почувствовать необходимость прямого участия в революционной борьбе, тогда, само собой разумеется, неразвитая масса, группировавшаяся вокруг них, покинула их. Борн принял участие в дрезденском восстании в мае 1849 г. и спасся по счастливому случаю. «Рабочее же братство» удержалось в стороне от великого политического движения пролетариата, как обособленный союз, существовавший

большей частью на бумаге и игравший до того второстепенную роль, что реакция нашла нужным закрыть его лишь в 1850 г., а его филиальные отделения — лишь много лет спустя. Борн, настоящая фамилия которого, собственно, Буттермильх, так и не сделался крупным политическим деятелем, а оказался маленьким швейцарским профессором, который переводит теперь не Маркса на цеховой язык, а благодушного Ренана на свой сладенький немецкий язык.

Тринадцатым июня 1849 г. в Париже, поражением майского восстания в Германии и подавлением венгерской революции русскими закончился большой период революции 1848 г. Но победа реакции еще ни в коем случае не была окончательной. Необходима была реорганизация рассеянных революционных сил, а вместе с тем и сил Союза. Как и до 1848 г., общее положение делало невозможной какую бы то ни было открытую организацию пролетариата; приходилось, следовательно, опять организовываться тайно.

Осенью 1849 г. большинство членов прежних центральных комитетов и конгрессов опять оказалось в Лондоне. Только Шаппера и Молля не доставало. Шаппер находился в заключении в Висбадене и после своего оправдания весной 1850 г. также прибыл в Лондон. Молль, закончив целый ряд опаснейших партийных поручений и агитационных поездок, — под конец он вербовал среди прусской армии в Рейнской провинции верховых канониров для пфальцской артиллерии ¹, — вступил в отряд Виллиха, в безансонскую рабочую роту и в сражении на Мурге перед Ротенфельзским мостом был убит пулей в голову. Но зато явился Виллих. Виллих был одним из тех коммунистов по чувству, которые так часто встречались в западной Германии начиная с 1845 г. Уже в силу одного этого он инстинктивно находился в скрытой оппозиции к нашему критическому направлению. Но мало того. Это был настоящий пророк, убежденный в том, что ему судьбою предопределено стать освободителем германского пролетариата, и в качестве такового он считал себя прямым претендентом на политическую и военную диктатуру. Наряду с древнехристианским коммунизмом, который раньше проповедывал Вейтлинг, возникал новым образом в некотором роде коммунистический ислам. Впрочем, пропаганда этой новой религии пока не выходила за пределы эмигрантской казармы, которой командовал Виллих.

Итак, Союз был реорганизован, выпущено воззвание ² от марта 1850 г., и Генрих Бауэр был отправлен в Германию в качестве эмиссара. Это воззвание, проредактированное Мар-

¹ Имеется в виду артиллерия революционной армии, боровшейся во время баденско-пфальцкого восстания в мае — июне 1849 г. против прусских правительственных войск. *Ред.*

² См. стр. 127 настоящего тома. *Ред.*

ксом и мною, представляет интерес и в настоящее время, потому что мелкобуржуазная демократия еще и теперь есть та партия, которая при ближайшем европейском потрясении, — а оно должно скоро наступить (промежутки между европейскими революциями — 1815, 1830, 1848—1852, 1870 — длятся в нашем веке от 15 до 18 лет), — в Германии безусловно должна стать сначала у кормила правления, как спасительница общества от коммунистических рабочих. Следовательно, многое из сказанного там применимо и к настоящему моменту. Поездка Генриха Бауэра увенчалась полным успехом. Этот маленький веселый сапожник был прирожденным дипломатом. Он снова собрал в активную организацию бывших членов Союза, которые частью отошли от работы, частью работали за собственный страх; в частности он также привлек туда и теперешних вождей «Рабочего братства». Союз стал играть руководящую роль в рабочих, крестьянских и гимнастических обществах в несравненно большей степени, чем до 1848 г., так что уже ближайшее очередное (раз в три месяца) обращение к общинам, напечатанное в июне 1850 г., могло констатировать, что обезжавший Германию от мелкобуржуазной демократии студент Шурц из Бонна (впоследствии американский экс-министр) «нашел уже все дельные элементы в руках Союза». Союз был безусловно единственной революционной организацией, имевшей значение в Германии.

Но цели, которым должна была служить эта организация, зависели главным образом от того, оправдаются ли надежды на новый подъем революции. А это в течение 1850 г. становилось все менее вероятным, даже невозможным. Промышленный кризис 1847 г., подготовивший революцию 1848 г., был изжит; начался новый, неслыханный дотоле период промышленного процветания. Для всякого, кто имел глаза, чтобы видеть и пользоваться ими, должно было стать ясным, что революционная буря 1848 г. постепенно иссякла.

«При таком всеобщем процветании, при котором производительные силы буржуазного общества развиваются настолько широко, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, *о действительной революции не может быть и речи*. Такого рода революция возможна только в те периоды, когда эти оба фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства, вступают между собой в противоречие. Бесконечные распри, которыми изводят и взаимно компрометируют теперь друг друга представители отдельных фракций континентальной партии порядка, отнюдь не ведут к новой революции; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений в данный момент так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна*. Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие *столь же несомненно разобьются*

об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов». Так мы писали, Маркс и я, в «Обзрении за май — октябрь 1850 г.» в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-oekonomische Revue», тетрадь V и VI, Гамбург, 1850 г., стр. 153.

Это трезвое понимание положения представлялось, однако, многим ересью в то время, когда Ледрю-Роллей, Луи Блан, Мадзини, Кошут, а из менее значительных немецких светил — Ругэ, Кинкель, Гегг и как они еще там назывались — толпами организовывались в Лондоне в будущие временные правительства не только для своих отечеств, но и для всей Европы, и когда все сводилось лишь к тому, чтобы добыть при помощи революционного займа в Америке необходимые средства для немедленной организации европейской революции и заодно, само собой разумеется, для организации ряда различных республик. Кого может удивить тот факт, что сюда попал такой человек, как Виллих, что и Шаппер, охваченный старым революционным пылом, дал себя одурачить и что состоявшее главным образом из эмигрантов большинство лондонских рабочих последовало за ними в лагерь буржуазно-демократических революционных дел мастеров? Словом, отстаиваемая нами сдержанность была не по нутру этим людям; следовало, по их мнению, начать делать революцию; мы самым решительным образом отказывались от этого. Произошел раскол. О дальнейшем можно прочесть в «Разоблачениях». Затем последовал арест сначала Нотьюнга, а потом Гаупта в Гамбурге, который стал предателем, выдав членов Центрального комитета в Кельне. Он должен был фигурировать в процессе в качестве главного свидетеля, но его родственники хотели избежать такого позора и отправили его в Рио-де-Жанейро, где он впоследствии устроился в качестве купца и, в признание своих заслуг, был назначен сперва прусским, а затем и германским генеральным консулом. Теперь он опять в Европе ¹.

Для лучшего понимания последующего я привожу список кельнских обвиняемых: 1) П. Г. Резер, рабочий-сигарочник; 2) Генрих Бюргерс, впоследствии окончивший жизнь прогрессистским депутатом ландтага; 3) Петер Нотьюнг, портной, умерший несколько лет назад в Бреславле фотографом; 4) В. И. Рейфф; 5) д-р Герман Беккер, ныне обер-бургомистр Кельна и член палаты господ; 6) д-р Роланд Даниэльс, врач, умерший через несколько лет после процесса от чахотки, которую он нажил в тюрьме; 7) Карл Отто, химик; 8) д-р Абрагам Якоби, теперь врач

¹ Шаппер умер в 1870 г. в Лондоне. Виллих участвовал в гражданской войне в Америке и получил отличие; в битве при Мерфрисборо (Теннесси), будучи бригадным генералом, был ранен в грудь, но излечился; умер он около 10 лет назад в Америке. Из других упомянутых личностей я еще замечу, что Генрих Бауэр пропал без вести в Австралии, Вейтлинг и Эвербек умерли в Америке. (*Примечание Энгельса.*)

в Нью-Йорке; 9) д-р И. Я. Клейн, теперь врач и гласный г. Кельна; 10) Фердинанд Фрейлиграт, который, однако, тогда был уже в Лондоне; 11) И. Л. Эргард, приказчик; 12) Фридрих Лесснер, портной, живет теперь в Лондоне. Суд присяжных, публичные заседания которого продолжались с 4 октября до 12 ноября 1852 г., приговорил за покушение на государственную измену Резера, Бюргера и Нотьюнга к 6 годам заключения в крепости, Рейффа, Отто и Беккера — к 5 годам, Лесснера — к 3 годам; Даниэльс, Клейн, Якоби и Эргард были оправданы.

Кельнским процессом заканчивается первый период немецкого коммунистического рабочего движения. Непосредственно после приговора мы распустили наш Союз; несколько месяцев спустя приказал долго жить и отдельный союз (Sonderbund) Виллих — Шаппера.

* * *

Целое поколение отделяет нынешний период от того времени. Тогда Германия была страной ремесла и домашней промышленности, основанной на ручном труде, теперь это страна крупной промышленности, страна, в которой непрерывно происходит промышленный переворот. Тогда нужно было выискивать отдельных рабочих, которые сознавали свое положение как рабочих и свою историко-экономическую противоположность капиталу, потому что самая эта противоположность тогда только возникала. Теперь приходится весь немецкий пролетариат подвергнуть действию исключительных законов для того только, чтобы хоть немного замедлить процесс его развития к полному пониманию своего положения как угнетенного класса. Тогда те немногие, которые дошли до познания исторической роли пролетариата, должны были работать в подполье, собираться укладкой небольшими группами от 3 до 20 человек. Теперь германскому пролетариату не нужна больше официальная организация, ни открытая, ни тайная¹; простая, сама собой разумеющаяся связь одинаково мыслящих товарищей по классу достаточна для того, чтобы без всяких уставов, комитетов, постановлений и тому подобных осязаемых форм потрясти всю Германскую империю. Бисмарк — третейский судья в Европе, за пределами Германии; но внутри страны растет с каждым днем все более грозная атлетическая

¹ Эти слова Энгельса, как это следует со всей очевидностью из всего текста данной работы, представляют собой иронический вызов бисмарковской политике, направленной на запрещение пролетарской партии и на удушение рабочего движения. Действительная позиция Маркса и Энгельса по вопросу о роли и значении революционной пролетарской партии ясно отражена во всей их деятельности и в их произведениях. В частности см. выдержки из письма Энгельса к Триру, напечатанные в примечании редакции на стр. 478—479 настоящего тома. *Ред.*

фигура немецкого пролетариата, которую Маркс предвидел уже в 1844 г., исполин, которому уже слишком тесно становится в рассчитанном на филистера государственном здании и мощное сложение и широкие плечи которого крепнут в предвидении момента, когда ему достаточно будет только подняться с своего места, чтобы превратить в развалины все здание имперской конституции. Более того. Международное движение европейского и американского пролетариата теперь настолько окрепло, что не только его первая узкая форма — тайный Союз, — но и его вторая, бесконечно более широкая форма — открытое Международное Товарищество Рабочих — стали оковами для него; достаточно простого чувства солидарности, основанного на одинаковом понимании классового положения, чтобы создать из рабочих всех стран и языков одну великую партию пролетариата и поддерживать ее. Учение, представителем которого с 1847 по 1852 г. был Союз и на которое тогда мудрые филистеры смотрели, пожимая плечами, как на бред безумцев, как на тайное учение нескольких сектантов-одинок, это учение имеет теперь бесчисленных приверженцев во всех цивилизованных странах мира, среди узников сибирских рудников и среди золотоискателей Калифорнии; а основатель этого учения, наиболее ненавидимый, наиболее оклеветанный человек своего времени, *Карл Маркс*, ко времени своей кончины был для пролетариата Старого и Нового Света человеком, к которому постоянно обращались и который всегда был готов помочь советом.

Лондон, 8 октября 1885 г.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» (Цюрих) №№ 46, 47 и 48 за 1885 г. (12, 19 и 26 ноября) и одновременно в книге К. Маркса «*Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln*», Цюрих, 1885 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I.

МАРКС И «НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА»¹

(1848—1849)

Когда разразилась февральская революция, немецкая «Коммунистическая партия», как мы ее называли, состояла из небольшого ядра, из «Союза коммунистов», организованного в тайное пропагандистское общество. Союз был тайным только потому, что в то время в Германии не существовало свободы союзов и собраний. Помимо рабочих обществ за границей, среди которых Союз вербовал своих членов, у него было около тридцати общин или секций в самой Германии, и, кроме того, были отдельные члены во многих местах. Но у этого незначительного боевого стряда был в лице *Маркса* первоклассный вождь, вождь, которому все охотно подчинялись, и была благодаря ему принципиальная и тактическая программа, сохранившая все свое значение и до сих пор, — *«Коммунистический манифест»*.

Здесь нас интересует в первую очередь тактическая часть программы. В общем она заключалась в следующем:

«Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают *общие, не зависящие от национальности интересы* всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые про-

¹ Статья Энгельса «Маркс и «Новая Рейнская Газета»» (1884 г.) представляет особый интерес, поскольку она рисует роль и тактику Маркса во время германской революции 1848 г. О тактике Маркса в революции 1848 г. Ленин писал: «В Германии 1848—1849 г.г. Маркс поддерживал крайнюю революционную демократию и никогда впоследствии не брал назад сказанного им тогда о тактике» (*Ленин, Соч., т. X\III, стр. 29*). *Ред.*

ходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями *интересов движения в целом*.

Коммунисты, следовательно, на *практике* являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в *теоретическом* отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения»¹.

А относительно немецкой партии в частности в программе говорилось:

«В Германии, поскольку буржуазия выступает революционно, коммунистическая партия борется вместе с ней против абсолютной монархии, феодальной поземельной собственности и реакционного мещанства.

Но ни на минуту не перестает она вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы немецкие рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы сейчас же после свержения реакционных классов в Германии, началась борьба против самой буржуазии.

На Германию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она находится накануне буржуазной революции» и т. д. («Манифест», гл. IV).

Никогда еще ни одна тактическая программа не оправдалась в такой мере, как эта. Выдвинутая накануне революции, она выдержала испытание этой революции; и с тех пор каждый раз, когда какая-нибудь рабочая партия отступала от нее в своей деятельности, она расплачивалась за каждое отступление. И ныне, почти сорок лет спустя, она служит руководящей нитью для всех решительных и сознательных рабочих партий Европы — от Мадрида до Петербурга.

Февральские события в Париже ускорили надвигавшуюся немецкую революцию и тем самым изменили ее характер. Вместо того чтобы победить собственными силами, немецкая буржуазия победила на буксире французской рабочей революции. Не успев еще окончательно справиться со своими старыми противниками — абсолютной монархией, феодальной земельной собственностью, бюрократией, трусливым мещанством, — она уже должна была повернуть фронт против нового врага — пролетариата. Но при этом тотчас же сказалось влияние очень отсталых по сравнению с Францией и Англией экономических отношений и таких же отсталых вследствие этого классовых взаимоотношений в Германии.

¹ Курсив в данной цитате принадлежит Энгельсу. *Ред.*

Немецкая буржуазия, только начавшая создавать свою крупную промышленность, не имела ни силы, ни мужества завоевать себе безусловное господство в государстве и не была вынуждена к этому необходимостью; пролетариат, в такой же мере неразвитый, выросший в полном духовном порабощении, неорганизованный и даже еще не способный к самостоятельной организации, только смутно чувствовал глубокую противоположность своих интересов интересам буржуазии. Поэтому, хотя по существу он был грозным противником буржуазии, он тем не менее оставался ее политическим придатком. Напуганная не тем, чем немецкий пролетариат был, а тем, чем он грозил стать и чем французский пролетариат уже был, буржуазия видела свое спасение в любом, даже самом трусливом компромиссе с монархией и дворянством; пролетариат же, не сознавая еще своей собственной исторической роли, должен был в подавляющей своей массе на первых порах взять на себя роль передового, крайнего левого крыла буржуазии. Немецкие рабочие должны были прежде всего завоевать себе те права, которые были им необходимы для самостоятельной организации в классовую партию: свободу печати, союзов и собраний, — права, которые сама буржуазия должна была бы завоевать в интересах своего собственного господства, но которые она из страха перед рабочими стала теперь у них оспаривать. Две-три сотни разрозненных членов Союза затерялись в огромной массе, внезапно приведенной в движение. Немецкий пролетариат появился поэтому в первый раз на политической сцене сначала как крайняя демократическая партия.

Это определяло наше знамя, когда мы приступили к основанию в Германии большой газеты. Этим знаменем могло быть только знамя демократии, но демократии, выдвигавшей повсюду, по каждому отдельному случаю, свой специфический пролетарский характер, о чем она еще не могла раз навсегда написать на своем знамени. Если бы мы не пошли на это, если бы мы не захотели примкнуть к движению на его уже существовавшем, самом передовом, фактически пролетарском фланге и толкать его дальше вперед, то нам ничего другого не оставалось бы, как проповедывать коммунизм в каком-нибудь захолустном листке и вместо большой партии действия основать маленькую секту. Но для роли проповедников в пустыне мы уже не годились: для этого мы слишком хорошо изучили утопистов, и не для этого составили мы свою программу.

Когда мы приехали в Кельн, там уже делались приготовления демократами, а отчасти и коммунистами, к созданию большой газеты. Ее хотели сделать узко-местной, кельнской, а нас сослать в Берлин. Но мы в 24 часа завоевали позиции главным образом благодаря Марксу; газета стала нашей, причем мы

согласились включить в редакцию *Генриха Бюргера*. Последний написал (в № 2) *одну* статью, за которой другая так никогда и не последовала.

Нам нужен был именно Кельн, а не Берлин. Во-первых, Кельн был центром Рейнской провинции, которая пережила французскую революцию, усвоила через кодекс Наполеона *современное* правосознание, развила у себя наиболее крупную промышленность и вообще во всех отношениях была тогда самой передовой частью Германии. Мы по собственным наблюдениям слишком хорошо знали тогдашний Берлин с его едва зарождавшейся буржуазией, с его дерзким на словах, но трусливым и раболепным мещанством, с его еще совершенно неразвитыми рабочими, с его бесчисленными бюрократами, придворной и дворянской челядью, со всеми его особенностями города, представлявшего только «резиденцию». Но решающее значение имел тот факт, что в Берлине действовало жалкое прусское земское право и политические процессы разбирались профессиональными судьями; на Рейне же действовал кодекс Наполеона, не знавший процессов по делам печати, так как исходил из существования цензуры, и если совершали не политическое преступление, а только *правонарушение*, то подлежали суду присяжных. В Берлине *после* революции молодой Шлеффель за пустяки был осужден на год, на Рейне же у нас была безусловная свобода печати, и мы ее полностью использовали.

Мы приступили к изданию газеты 1 июня 1848 г. с очень небольшим акционерным капиталом, из которого была выплачена только небольшая часть; да и сами акционеры были более чем ненадежные. После первого же номера половина из них нас покинула, а к концу месяца не осталось ни одного.

Конституция редакции сводилась просто к диктатуре Маркса. Большая ежедневная газета, которая должна выходить в определенный час, ни при какой другой конституции не может последовательно проводить свои взгляды. К тому же в этом вопросе для нас диктатура Маркса была чем-то само собой разумеющимся, бесспорным, и мы все ее охотно принимали. Благодаря главным образом его проницательности и твердой позиции газета стала самой известной немецкой газетой революционных годов.

Политическая программа «Новой Рейнской Газеты» состояла из двух главных пунктов: единая, неделимая, демократическая немецкая республика и война с Россией, включавшая восстановление Польши.

Мелкобуржуазная демократия делилась тогда на две фракции: северо-германскую, желавшую демократического прусского императора, и южно-германскую, тогда почти специфически баденскую, желавшую превратить Германию в федеративную респуб-

лику по образцу Швейцарии. Мы должны были бороться с обеими фракциями. Интересам пролетариата одинаково противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробления на множество мелких государств. Интересы пролетариата повелительно требовали окончательного объединения Германии в единую *нацию*, — объединения, которое одно могло очистить от всяких унаследованных от прошлого мелких препятствий то поле битвы, на котором пролетариат и буржуазия должны были померяться силами. Но было также недопустимо, чтобы во главе стала Пруссия: Прусское государство со всеми своими порядками, своими традициями и своей династией было как раз единственным серьезным внутренним врагом революции в Германии, и революция должна была его сокрушить; кроме того, Пруссия могла объединить Германию, только разорвав ее, только исключив из нее немецкую Австрию. Разложение Прусского государства, развал Австрийского, действительное объединение Германии как республики, — только такой могла быть наша революционная программа на ближайшее время. Осуществить ее можно было при помощи войны с Россией, только таким путем. К этому пункту я еще вернусь.

Вообще же тон газеты отнюдь не был торжественным, серьезным или восторженным. У нас были одни только презренные противники, и мы относились ко всем им, без исключения, с крайним презрением. Конспирирующая монархия, камарилья, дворянство, «*Kreuzzeitung*» [«Крестовая газета»], — словом, вся «реакция», вызывавшая такое нравственное негодование у филистера, — с нашей стороны встречала только насмешки и издевательства. Но не лучше относились мы и к новым, созданным революцией кумирам: мартовским министрам, Франкфуртскому и Берлинскому собраниям, и к их правым, и к их левым. Первый же номер газеты начинался статьей, издававшейся над ничтожеством Франкфуртского парламента, над бесполезностью длиннейших речей, над никчемностью его трусливых резолюций. Она стояла нам половины наших акционеров. Франкфуртский парламент не был даже дискуссионным клубом; в нем почти не дискутировали, а в большинстве случаев произносили заранее заготовленные академические трактаты и принимали резолюции, которые должны были воодушевлять немецкого филистера, но которыми, однако, никто не интересовался.

Берлинское собрание имело больше значения: оно противостояло реальной силе, оно дебатировало и принимало решения не на пустом месте, не на заоблачных высотах Франкфуртского собрания. Ему поэтому и уделялось больше внимания. Но и к тамошним кумирам левой — Шульце-Деличу, Беренсу, Эльснеру, Штейну и т. д. — мы относились не менее резко, чем к франкфуртцам; мы беспощадно разоблачали их нерешительность, ро-

бость и мелочную расчетливость, показывая им, как они своими компромиссами шаг за шагом изменяли революции. Это, разумеется, вызывало ужас у демократических мещан, только что сфабриковавших себе этих кумиров для собственного употребления. Но нам этот ужас показывал, что мы попадали прямо в цель.

Точно так же выступали мы и против усердно распространявшейся мещанством иллюзии, будто революция закончилась мартовскими днями и теперь остается только пожинать ее плоды. Для нас февраль и март могли иметь значение действительной революции только в том случае, если бы они были не концом, а, наоборот, началом длительного революционного движения, в котором, как во время великого французского переворота, народ развивался бы в ходе своей собственной борьбы, партии все резче обособлялись бы, пока полностью не совпали бы с крупными классами: буржуазией, мелкой буржуазией, пролетариатом, а пролетариат в ряде битв завоевывал бы одну позицию за другой. Поэтому мы выступали также против демократической мелкой буржуазии повсюду, где она желала затушевать свою классовую противоположность пролетариату излюбленной фразой: «Ведь все мы хотим одного и того же, все разногласия — просто результат недоразумений». Но чем меньше мы позволяли мелкой буржуазии создавать себе ложное представление о нашей пролетарской демократии, тем смирнее и сговорчивее становилась она по отношению к нам. Чем резче и решительнее выступают против нее, тем более податливой она становится, тем больше уступок делает она рабочей партии. В этом мы убедились.

Наконец, мы вскрывали парламентский кретинизм (по выражению Маркса) различных так называемых национальных собраний. Эти господа выпустили из рук все средства власти, передав их — отчасти добровольно — обратно правительствам. Наряду с вновь окрепшими реакционными правительствами в Берлине и во Франкфурте существовали немощные собрания, воображавшие, однако, что их бессильные резолюции перевернут мир. Жертвами этого идиотского самообмана были все, вплоть до крайней левой. А мы повторяли им: ваша парламентская победа будет в то же время и вашим фактическим поражением.

Так оно и случилось и в Берлине и во Франкфурте. Когда «левая» получила большинство, правительство разогнало Собрание; оно могло себе это позволить, так как Собрание потеряло доверие народа.

Когда я прочитал впоследствии книгу *Бужара о Марате*¹, я увидел, что мы во многих отношениях бессознательно подра-

¹ *Alfred Bougeart, Marat, l'ami du peuple. Vol. 1—2, Paris, Lacroix 1865. [Альфред Бужар, Марат, друг народа. Париж, Лякруа 1865.] Ред.*

жали великому образцу подлинного (не фальсифицированного роялистами) «друга народа» и что все яростные вопли и вся фальсификация истории, в силу которой в течение почти столетия был известен лишь искаженный облик Марата, объясняются только тем, что он безжалостно срывал маску с тогдашних кумиров — Лафайета, Байи и других, разоблачив в их лице уже законченных изменников революции, и тем еще, что, подобно нам, он не считал революцию законченной, а хотел, чтобы она была объявлена непрерывной.

Мы открыто заявляли, что представляемое нами направление лишь тогда будет в состоянии начать борьбу за достижение наших действительных партийных целей, когда самая крайняя из существующих в Германии официальных партий встанет у власти: по отношению к ней мы тогда перейдем в оппозицию.

Но события позаботились о том, чтобы наряду с насмешками над немецкими противниками мы проявили и пламенную страстность. Восстание парижских рабочих в июне 1848 г. застало нас на посту. С первого же выстрела мы решительно стали на сторону повстанцев. После их поражения Маркс почтил память побежденных одной из своих самых сильных статей¹.

Тут нас покинули последние акционеры. Но мы были удовлетворены тем, что наша газета была в Германии и почти во всей Европе единственной газетой, высоко державшей знамя разгромленного пролетариата в тот момент, когда буржуазия и мещанство всех стран обливали побежденных грязью своей клеветы.

Наша иностранная политика была проста: выступление в защиту каждого революционного народа, призыв ко всеобщей войне революционной Европы против могучей опоры европейской реакции — России. С 24 февраля нам было ясно, что революция имеет только *одного* действительно страшного врага — Россию и что этот враг тем более будет вынужден вступить в борьбу, чем больше движение будет становиться общеевропейским. Венские, миланские, берлинские события должны были задержать нападение России, но неизбежность этого нападения становилась тем вернее, чем ближе надвигалась революция на Россию. Но если бы удалось толкнуть Германию на войну с Россией, то Габсбургам и Гогенцоллернам пришел бы конец и революция победила бы по всей линии.

Эта политика проходит красной нитью через все номера газеты до момента действительного вторжения русских в Венгрию, вполне подтвердившего наши предсказания и сыгравшего решающую роль в поражении революции.

Когда весной 1849 г. стал надвигаться решительный бой,

¹ См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. VI, стр. 198—201. *Ред*

тон газеты с каждым номером становился все более резким и страстным. Силезским крестьянам *Вильгельм Вольф* напомнил в «Силезском миллиарде» (восемь статей) о том, как при освобождении их от феодальных повинностей помещики при содействии правительства обманули их и в денежном отношении и в отношении земли, и требовал миллиард талеров возмещения.

Одновременно с этим в апреле появилась работа *Маркса* о наемном труде и капитале в ряде передовых статей, определенно указывавших на социальную цель нашей политики. Каждый номер, каждый экстренный выпуск указывал на подготавливающую великую битву, на обострение противоречий во Франции, Италии, Германии и Венгрии. Особенно апрельские и майские экстренные выпуски были сплошными призывами к народу быть готовым к атаке.

Во всей Германии удивлялись нашим смелым выступлениям в первоклассной прусской крепости с восьмьютысячным гарнизоном и гауптвахтой; но 8 ружей и 250 патронов в редакционной комнате и красные якобинские колпаки наборщиков придавали нашему помещению в глазах офицерства также вид крепости, которую нельзя взять простым налетом.

Наконец, 18 мая 1849 г. последовал удар.

Восстание в Дрездене и Эльберфельде было подавлено, восстание в Изерлоне окружено кольцом войск; Рейнская провинция и Вестфалия были наводнены войсками, которые после насильственного подавления прусской Рейнской области должны были двинуться против Пфальца и Бадена. Тогда, наконец, правительство отважилось приняться и за нас. Против половины редакции было возбуждено судебное преследование; другие, не пруссаки, подлежали высылке. Против этого ничего нельзя было поделать, так как за правительством стоял целый армейский корпус. Мы должны были сдать свою крепость, но мы отступили, унося свое оружие и снаряжение, с музыкой, с развевающимся знаменем последнего красного номера, в котором мы предостерегали кельнских рабочих от безнадежных восстаний и говорили им:

«Редакторы «Новой Рейнской Газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и всюду будет: *освобождение рабочего класса!*»

Так закончила свое существование «Новая Рейнская Газета» незадолго до того, как истек ее первый год существования. Начатая почти без всяких денежных средств, — обещанная ей небольшая сумма денег не была, как я уже сказал, выплачена ей, — она уже в сентябре достигла тиража почти в 5 000. При введении осадного положения в Кельне газета была закрыта, в середине октября она должна была начать все сначала. Но в мае 1849 г., при ее запрещении, у нее было снова 6 000 подписчи-

ков, между тем как у «Кельнской Газеты» было, по ее собственному признанию, не более 9 000. Ни одна из немецких газет—ни раньше, ни после — не обладала подобной силой и влиянием, не умела так электризовать пролетарские массы, как «Новая Рейнская Газета».

И этим она была обязана прежде всего *Марксу*.

Когда разразился удар, редакция рассеялась. *Маркс* уехал в Париж, где подготавливалась развязка, наступившая 13 июня 1849 г.; *Вильгельм Вольф* занял теперь свое место во Франкфуртском парламенте — в тот момент, когда это Собрание должно было выбирать между разгоном сверху или присоединением к революции, а я отправился в Пфальц и стал адъютантом в добровольческом отряде Виллиха.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в газете «Der Sozialdemokrat» № 11 от 13 марта 1884 г. (Цюрих).—Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1 и т. VI.

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ ¹

1. ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ ²

Лондон, сентябрь 1851 г.

Первый акт революционной драмы на европейском континенте закончился. «Власти, существовавшие» до бури 1848 г., снова стали властями, «существующими теперь», а более или менее популярные властители на один день, временные правители, триумвиры, диктаторы с тянувшимся за ними хвостом депутатов, гражданских комиссаров, военных комиссаров, префектов, судей, генералов и солдат оказались выброшенными на чужие берега, «изгнанными за море», в Англию или Америку, где начали организовывать новые правительства *(in partibus infidelium)* ³, европейские комитеты, центральные комитеты, национальные комитеты и возвещать о своем пришествии в прокламациях, которые по торжественности не уступают прокламациям менее призрачных государей.

Трудно представить себе более решительное поражение, чем то, которое потерпела революционная партия или, вернее, потерпели революционные партии континента на всех пунктах боевой линии. Но что же из этого? Не потребовала ли борьба британской буржуазии за свое общественное и политическое господство сорока восьми лет, а борьба французской буржуазии сорока лет беспримерных битв? И не приблизилась ли буржуазия к своему тор-

¹ Эта работа была написана в основном Энгельсом, но опубликована за подписью Маркса. в виде ряда статей в американской буржуазно-демократической газете «Нью-Йоркская Трибуна» (1851—1852 гг.). Долгое время автором этих статей считали одного Маркса. Однако переписка между Марксом и Энгельсом показывает, что эта работа в основном была выполнена Энгельсом. *Ред.*

² Заголовки глав даны по первому английскому изданию «Революции и контрреволюции в Германии», подготовленному Элеонорой Маркс и вышедшему в 1896 г. в Лондоне. *Ред.*

³ Дословно: в «стране неверных», т. е. за пределами страны, правительства которой они претендуют быть, иначе говоря, призрачные правительства. *Ред.*

жеству больше всего как раз в тот момент, когда восстановленная монархия считала свое положение более прочным, чем когда бы то ни было? Уже давно миновали времена того суеверного взгляда, который причиной революций считал злонамеренность кучки агитаторов. В настоящее время всякий знает, что каждый раз, когда наступают революционные потрясения, за ними всегда и повсюду стоит известная общественная потребность, удовлетворение которой тормозится отжившими учреждениями. Эта потребность может ощущаться не так еще сильно, может еще не настолько войти в общее сознание, чтобы обеспечить непосредственную победу; но всякая попытка ее насильственного подавления лишь заставляет ее выступать с возрастающей силой до тех пор, пока, наконец, она не разобьет своих оков. Поэтому, если мы разбиты, нам не остается ничего другого, как только начинать сначала. И та, вероятно, очень короткая передышка между концом первого и началом второго акта движения, которая выпала нам на долю, к счастью, дает нам время для крайне необходимой работы: для исследования причин, с необходимостью обусловивших как недавний революционный взрыв, так и его поражение; причин, которые следует искать не в случайных стремлениях, талантах, ошибках, заблуждениях или предательствах некоторых вождей, а в общем социальном состоянии и в условиях жизни каждой из наций, затронутых потрясением. Что внезапно вспыхнувшие движения февраля и марта 1848 г. были не делом отдельных личностей, а стихийным, непреодолимым выражением нужд и потребностей народов — потребностей, сознававшихся более или менее ясно, но ощущавшихся весьма отчетливо различными классами каждой страны, — это теперь признается всеми. Но когда приступаешь к исследованию причин успеха контрреволюции, то со всех сторон наталкиваешься на готовый ответ, будто все дело в господине А или в гражданине В, которые «предали» народ. Этот ответ, смотря по обстоятельствам, может быть правильным или нет, но ни при каких обстоятельствах он ничего не объясняет, не показывает даже того, как могло случиться, что «народ» позволил предать себя. И печальна же будущность политической партии, если весь ее политический инвентарь заключается в знании только того факта, что гражданин имя рек не заслуживает доверия.

Кроме того, и с исторической точки зрения исследование и изложение причин как революционного потрясения, так и его подавления представляет исключительную важность. Все эти мелкие личные распри и взаимные обвинения, все эти противоречащие друг другу утверждения: Марраст, или Ледрю-Роллен, или Луи Блан, или какой-либо другой член временного правительства, или все они вместе были тем кормчим, который направил революцию на подводные скалы, на которых она и потер-

пела крушение, — какой интерес может представлять все это, что поучительного дает оно американцу или англичанину, следившему за всеми этими движениями издали, с расстояния, не позволяющего различать подробности развертывающихся событий? Ни одно разумное существо не поверит, чтобы одиннадцать человек¹, притом в большинстве мало способных как на добро, так и на зло, могли в течение трех месяцев погубить тридцатипяти-шестимиллионную нацию, если бы эти тридцать шесть миллионов не разбирались так же мало в том, куда им идти, как и упомянутые одиннадцать человек. Вопрос и заключается именно в том, как могло случиться, что эти тридцать шесть миллионов, бродивших как бы в потемках, вдруг были призваны к тому, чтобы самостоятельно определить свой путь; и как могло случиться, что они сбились с пути и их прежние руководители могли снова, хотя и на короткое время, выступить в роли вождей.

Итак, если мы попытаемся выяснить читателям «Трибуны» причины, которые не только сделали необходимой германскую революцию 1848 г., но с такой же неизбежностью обусловили и ее временное подавление в 1849 и 1850 гг., то от нас не следует ожидать, что мы дадим полную историю событий, разыгравшихся в Германии. Позднейшие события и приговор грядущих поколений решат, что именно из этой хаотической массы фактов, по видимости случайных, несвязанных и друг другу противоречащих, должно войти составной частью во всемирную историю. Время для решения этой задачи еще не настало. Мы должны держаться в пределах возможного; мы будем считать себя удовлетворенными, если нам удастся раскрыть рациональные, вытекающие из бесспорных фактов причины, которые объясняют важнейшие события, решительные повороты движения и дают ключ для того, чтобы открыть направление, какое сообщит германскому народу ближайший, может быть, не особенно отдаленный взрыв.

Итак, прежде всего, каково было состояние Германии к моменту революционного взрыва?

Сочетание различных классов народа, образующих основу политической организации, было в Германии более сложно, чем в какой-либо другой стране. В то время как в Англии и Франции сильная и богатая буржуазия, сконцентрированная в больших городах, и особенно в столице, совершенно уничтожила феодализм или по меньшей мере, как в Англии, свела его к немногим ничтожным остаткам, — в Германии феодальное дворянство сохранило значительную часть своих старых привилегий. Система феодального землевладения почти повсюду оставалась господствующей. В руках землевладельцев осталось даже право суда над феодально-зави-

¹ *Одиннадцать человек* — члены французского временного правительства, образовавшегося 24 февраля 1848 г. *Ред.*

симыми крестьянами. Лишенные своих политических привилегий — права контролировать государей — землевладельцы сохранили почти в полной неприкосновенности свою средневековую власть над крестьянством своих поместий, равно как и свою свободу от налогов. В одних местностях феодализм был сильнее, чем в других, но нигде, за исключением левого берега Рейна, он не был вполне уничтожен. Это феодальное дворянство, тогда чрезвычайно многочисленное и отчасти очень богатое, официально считалось первым «сословием» в стране. Оно поставляло высших правительственных чиновников, оно почти исключительно занимало все офицерские должности в армии.

Буржуазия Германии далеко не была так богата и так сплочена, как во Франции или в Англии. Старинные германские отрасли промышленности были разрушены введением пара и быстро растущим превосходством английской промышленности. Более современные отрасли промышленности, вызванные к жизни при континентальной системе¹ Наполеона, созданные в других частях страны, не могли возместить утраты старинных отраслей промышленности и были слишком слабы для того, чтобы обеспечить себе достаточное значение и заставить правительства считаться с их потребностями, тем более что правительства подозрительно относились ко всякому увеличению богатства и силы не-дворян. Если Франция с полным успехом провела свою шелковую промышленность через пятидесятилетие революций и войн, то Германия за этот же период почти совсем потеряла свою старинную полотняную промышленность. Кроме того, промышленных районов было мало, и они были разбросаны далеко один от другого. Расположенные в глубине страны, они пользовались для вывоза и ввоза преимущественно иностранными — голландскими или бельгийскими — гаванями, так что лишь немногие или вообще никакие общие интересы не связывали их с большими портовыми городами на Северном и Балтийском морях; но, самое главное, они были неспособны создать такие крупные промышленные и торговые центры, как Париж и Лион, Лондон и Манчестер. Причины такой отсталости германской промышленности были многочисленны, но достаточно упомянуть две, чтобы объяснить ее: неблагоприятное географическое положение страны, ее отдаленность от Атлантического океана, который превратился в большую дорогу для мировой торговли, и постоянные войны, в которые вовлекалась Германия и которые с XVI столетия и до последнего времени велись на ее территории. Численная слабость и в особенности полное отсутствие какой бы то ни было сплоченности — вот что мешало немецкой буржуазии достигнуть такого политического

¹ Блокада английского ввоза на европейский континент, объявленная Наполеоном I в 1806 г. В блокаде приняли участие Франция, Пруссия, Голландия, Россия, Испания и ряд других стран. *Ред.*

господства, каким английская буржуазия постоянно пользовалась уже с 1688 г. и какое французская буржуазия завоевала в 1789 г. Тем не менее и в Германии начиная с 1815 г. богатство, а вместе с богатством и политическое значение буржуазии непрерывно возрастали. Правительства, хотя и вопреки своей воле, были вынуждены все же считаться по крайней мере с наиболее насущными материальными интересами буржуазии. Можно даже по справедливости утверждать, что за каждую крупницу политического влияния, которое предоставлялось буржуазии в конституциях мелких государств и потом вновь отбиралось в периоды политической реакции 1815—1830 и 1832—1840 гг., что за каждую такую крупницу буржуазия вознаграждалась предоставлением ей какой-либо более существенной выгоды. Каждое политическое поражение буржуазии влекло за собой победу в области торгового законодательства. В самом деле, прусский покровительственный тариф 1818 г. и образование Таможенного союза¹ представляли для купцов и промышленников Германии значительно большую ценность, чем сомнительное право выражать в палате какого-нибудь маленького государства недоверие министрам, которые смеялись над их голосованиями. Таким образом, с ростом богатства и с расширением торговли буржуазия быстро достигла такого уровня, при котором она увидела, как тормозится развитие ее насущнейших интересов политическим строем страны: ее нелепой раздробленностью между тридцатью шестью государями с их взаимно противоречивыми стремлениями и причудами; феодальными путами, которые сковывали сельское хозяйство и связанную с ним торговлю; назойливым надзором, которому невежественная и полная сомнений бюрократия подвергала все дела буржуазии. В то же время расширение и упрочение Таможенного союза, повсеместное введение пара в транспортное дело, рост конкуренции на внутреннем рынке — все это вело к сближению коммерческих классов различных государств и областей, вносило большую однородность в их интересы, централизовало их силу. Естественным последствием этого был переход всей массы их в лагерь либеральной оппозиции и победоносный исход первой серьезной борьбы немецкой буржуазии за политическую власть. Началом такого поворота можно считать 1840 г.², тот момент, когда прусская буржуазия стала

¹ *Таможенный союз* (1818—1866 гг.) — Союз германских государств (за исключением Бадена, некоторых северных областей и Австрии), согласившихся отменить все таможенные преграды между собой и образовать общую кассу из пошлин, взимаемых на границах территории Союза. *Ред.*

² Недовольство прусской буржуазии впервые прорвалось в 1840 г., после смерти прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Его сын и наследник Фридрих-Вильгельм IV, на которого буржуазия возлагала свои надежды, отказался дать конституцию, обещанную его отцом в 1815 г. *Ред.*

во главе движения германской буржуазии. Впоследствии мы еще возвратимся к этому либерально-оппозиционному движению 1840—1847 гг.

Основная масса народа, не принадлежавшая ни к дворянству, ни к буржуазии, состояла в городах из класса мелких ремесленников и торговцев и из рабочего люда, в деревне же — из крестьянства.

Класс мелких ремесленников и торговцев в Германии чрезвычайно многочислен вследствие слабого развития класса крупных капиталистов и промышленников в этой стране. В более крупных городах он составляет почти большинство населения; в мелких ему принадлежит решительный перевес, потому что здесь отсутствуют более богатые соперники, которые могли бы пользоваться большим влиянием. Этот класс, играющий весьма важную роль во всех современных государствах и во всех современных революциях, особенно важен в Германии, где во время недавней борьбы он в общем сыграл решающую роль. Его характер определяется промежуточностью его положения между классом более крупных капиталистов — торговцев и промышленников, буржуазией в собственном смысле слова — и классом пролетариата. Он стремится к положению первого, но малейшая неудача низвергает отдельных лиц из этого класса в ряды последнего. В монархических и феодальных странах класс мелких ремесленников и торговцев нуждается для своего существования в таких покупателях, как двор и аристократия; утрата этих покупателей может погубить его большую часть. В сравнительно мелких городах основу его благосостояния очень часто составляют гарнизон, уездное управление, суд со своим окружением. Стоит устранить эти учреждения, и мелкие лавочники, портные, сапожники, столяры гибнут. Таким образом, вечно колеблясь между надеждой подняться в ряды зажиточного класса и страхом опуститься до положения пролетариев или даже нищих; между надеждой обеспечить свои интересы, завоевав для себя долю участия в руководстве общественными делами, и страхом возбудить несвоевременной оппозицией гнев правительства, которое распоряжается самым их существованием, потому что в его власти отнять у них их лучших заказчиков; обладая очень малыми средствами, непрочность обладания которыми стоит в обратном отношении к их величине, — этот класс во взглядах своих до чрезвычайности шаток. Смирный и рабски покорный перед сильным феодальным или монархическим правительством, он переходит на сторону либерализма, когда буржуазия находится на подъеме; его охватывают приступы неистового демократизма, когда буржуазия обеспечила себе господство, но он впадает в самую жалкую трусость, когда класс, стоящий под ним, пролетариат, предпринимает какое-нибудь самостоятельное движение. В ходе нашего изложения

мы увидим, как в Германии этот класс попеременно переходил от одного из этих состояний к другому.

Рабочий класс Германии в своем социальном и политическом развитии в такой же мере отстал от рабочего класса Англии и Франции, в какой немецкая буржуазия отстала от буржуазии этих стран. Каков господин, таков и слуга. Развитие условий для существования многочисленного, сильного, сплоченного и интеллигентного пролетариата идет рука об руку с развитием условий существования многочисленной, богатой, сплоченной и могущественной буржуазии. Само движение рабочего класса никогда не приобретает самостоятельности и исключительно пролетарского характера, пока все различные части буржуазии и особенно ее прогрессивнейшая часть — крупные промышленники — не завоевали политической власти и не преобразовали государство согласно своим потребностям. Но едва лишь развитие доходит до этого пункта, как в порядок дня ставится неизбежное столкновение между предпринимателем и рабочим, и отсрочить его больше уже невозможно; тогда становится невозможным кормить рабочих обманчивыми надеждами и обещаниями, которые никогда не приводятся в исполнение; тогда выступает, наконец, во всей своей полноте и со всей ясностью великая проблема XIX столетия — упразднение пролетариата. В Германии подавляющее большинство наемных рабочих получало работу не от промышленных князей современного типа, представленных в Великобритании такими превосходными экземплярами, а от мелких ремесленников, вся производственная система которых является пережитком средневековья. И подобно тому как между хлопчатобумажным лордом, с одной стороны, и мелким хозяйчиком-сапожником или портным — с другой, существует колоссальное различие, так и пробудившийся к жизни фабричный рабочий современных промышленных Вавилонов в корне отличается от смиренного портновского или столярного подмастерья в мелком провинциальном посаде, в котором условия жизни и характер труда лишь немногим отличаются от условий жизни и приемов труда за пять веков до нашего времени. Это общее отсутствие современных условий жизни, современных способов промышленного производства сопровождалось, конечно, таким же общим отсутствием современных идей; поэтому нет ничего удивительного в том, что в начале революции значительная часть рабочих выставила требование немедленного восстановления цехов и средневековых привилегированных ремесленных корпораций. И все же благодаря промышленным округам, где преобладал современный способ производства, благодаря легкости общения внутри страны и благодаря умственному развитию, создаваемому бродячей жизнью большого количества рабочих, образовалось сильное ядро рабочих, у которых идеи об освобождении их класса отличались несравненно

большей ясностью и более согласовались с наличными фактами и историческими потребностями. Но эти рабочие составляли меньшинство. Если активное движение буржуазии начинается с 1840 г., то движение рабочего класса берет начало с восстания силезских и богемских рабочих в 1844 г. Скоро нам представится случай дать обзор различных стадий, которые прошло это движение.

Наконец, был огромный класс мелких сельских хозяев, крестьян, составляющих вместе со своим придатком — сельскохозяйственными рабочими — значительное большинство всего народа. Но этот класс сам по себе опять-таки подразделяется на различные группы. Мы видим здесь прежде всего зажиточных крестьян, так называемых в Германии Gross- и Mittel-Bauern — *крупных и средних крестьян*, которые владеют более или менее обширными участками земли и располагают каждым услугами нескольких наемных рабочих. Для этого класса, который стоял между крупными, свободными от налогов феодальными землевладельцами и мелким крестьянством и сельскохозяйственными рабочими, по вполне понятным причинам самой естественной политикой был союз с антифеодальной городской буржуазией. Во-вторых, мы видим мелких свободных крестьян, которые преобладали в Рейнской области, где феодализм пал под мощными ударами великой французской революции. Такие же независимые мелкие крестьяне встречались кое-где и в других областях, где им удалось выкупить за деньги феодальные повинности, лежавшие на их земельных участках. Но собственность этих крестьян была свободной только номинально: она была обыкновенно так заложена, и притом на таких тяжелых условиях, что истинным собственником земли был не крестьянин, а ростовщик, ссужавший деньги. В-третьих, мы встречаем феодально-зависимых крестьян, которых не легко было согнать с их участков, но которые обязаны были уплачивать землевладельцам постоянную ренту или постоянно выполнять для них известное количество работы. Наконец, сельскохозяйственные рабочие, положение которых во многих крупных хозяйствах было совершенно такое же, как положение этого класса в Англии, и которые всегда жили и умирали бедняками, ведя полуголодное существование и оставаясь рабами своих господ. Эти три последних класса сельского населения — мелкие свободные крестьяне, феодально-зависимые и сельскохозяйственные рабочие — до революции никогда особенно не ломали своей головы над политикой; но ясное дело, что революция открыла им новое поприще, богатое самыми блестящими перспективами. Каждому из них революция сулила свои выгоды, и потому можно было думать, что все они один за другим примкнут к ней, как только движение будет в полном ходу. Но в то же время не менее ясно, — и история всех современных

стран свидетельствует об этом, — что самостоятельное движение сельскохозяйственного населения никогда не может быть успешным: для этого оно чересчур разбросано, и слишком трудно объединить значительную его часть для совместных действий. Крестьянство нуждается в инициативе и толчке со стороны более сплоченного, более просвещенного и более подвижного населения городов.

Данного здесь краткого обзора важнейших классов, из которых состоял немецкий народ при взрыве недавнего движения, уже достаточно для того, чтобы в значительной степени объяснить непоследовательности, несообразности и кажущиеся противоречия, преобладавшие в этом движении. Если столь разнородные, столь противоречивые и причудливо перекрещивающиеся друг с другом интересы пришли в мощное столкновение; если эти взаимно борющиеся интересы в разных округах, в разных областях перемешиваются в различных пропорциях; если, что особенно важно, в стране нет ни одного крупного центра, Лондона или Парижа, решения которого вследствие своего авторитета могли бы избавить население от необходимости решать новой борьбой все один и тот же спор в каждой отдельной части страны, — что же удивительного, если борьба распадется на бесчисленное множество не связанных друг с другом частных столкновений, в которых будет затрачена чудовищная масса крови, сил и капитала и которые, несмотря на все это, не приведут ни к какому решительному результату?

Политическое раздробление Германии на три дюжины более или менее значительных государств точно так же объясняется именно этой хаотической многосложностью элементов, которые составляют нацию и которые в каждой особой части страны имеют особый характер. Где нет общности интересов, там нет места единству целей, не говоря уже о единстве действий. Правда, Германский союз¹ объявили нерушимым на вечные времена, но, несмотря на это, Союз и его орган — Союзный сейм никогда не представляли собой действительного единства Германии. Наивысшей ступенью, до которой была доведена централизация Германии, было образование Таможенного союза. Это вынудило и государства, расположенные по Северному морю, объединиться в свою особую таможенную организацию, между тем как Австрия продолжала отгораживаться своим особым запретительным таможенным тарифом. Таким образом, Германия удовлетворилась тем, что теперь для всех своих практических задач она была разделена всего лишь между тремя самостоятельными державами вместо три-

¹ Германский союз и его орган — Союзный сейм, собиравшийся во Франкфурте-на-Майне, был основан после свержения Наполеона I на Венском конгрессе в 1815 г. *Ред.*

дцати шести. Руководящая роль русского царя, установившаяся в 1814 г., разумеется, не потерпела от этого никаких изменений.

Сделав эти предварительные выводы из наших посылок, мы должны в нашей следующей статье исследовать, как различные классы немецкого народа один за другим приводились в движение и какой характер это движение получило после взрыва французской революции 1848 г.

Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
25 октября 1851 г.

II. ПРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Лондон, сентябрь 1851 г.

Начало политического движения среднего класса или буржуазии в Германии может быть отнесено к 1840 г. Ему предшествовали симптомы, показывавшие, что класс этой страны, владеющий капиталом и промышленностью, созрел настолько, что он не может дольше оставаться равнодушным и покорным под гнетом полуфеодального, полубюрократического монархизма. Более мелкие государи Германии один за другим даровали конституции более или менее либерального характера, — отчасти для того, чтобы обеспечить себе большую независимость от гегемонии Австрии и Пруссии или от влияния дворянства своих собственных государств, отчасти же с той целью, чтобы объединить в единое целое те не связанные друг с другом области, которые Венский конгресс¹ соединил под их скипетром. Они могли это сделать без всякой опасности для себя: если бы Союзный сейм, эта марионетка в руках властителей Австрии и Пруссии, сделал попытку посягнуть на их независимость как суверенных государей, то они знали, что общественное мнение и палаты поддержали бы их сопротивление, а если бы, напротив, палаты оказались слишком сильными, то легко можно было бы воспользоваться властью Союзного сейма, чтобы смести всякую оппозицию. Конституционные учреждения Баварии, Вюртемберга, Бадена или Ганновера не могли при таких обстоятельствах вызвать серьезной борьбы за политическую власть. Поэтому основная масса немецкой буржуазии в общем держалась в стороне от мелочных ссор, которые возникали в законодательных собраниях мелких государств, прекрасно зная, что без коренной перемены в политике и строе двух великих держав Германии все второстепенные усилия и победы останутся безрезультатными. Но в то же время в этих мелких палатах выросло поколение либеральных юристов,

¹ Венский конгресс (1814—1815 гг.) — конгресс представителей европейских держав, перекроивший карту Европы в интересах реакционных государств — победителей наполеоновской Франции (Англии, России, Пруссии, Австрии и ряда других государств). *Ред.*

профессиональных представителей оппозиции — Роттеки, Велькеры, Ремеры, Иорданы, Стюве, Эйзенманы, — те великие «народные деятели» (Volksmänner), которые после более или менее шумной, но неизменно бесплодной двадцатилетней оппозиции были вознесены на вершину власти бурным революционным приливом 1848 г. и потом, обнаружив там свою полную неспособность и ничтожество, в один момент были низвергнуты вниз. Эти первые на германской почве экземпляры специализированных политиков и профессиональных оппозиционеров своими речами и писаниями приучали немецкое ухо к языку конституционализма и уже самым фактом своего существования возвещали приближение того времени, когда буржуазия усвоит и придаст истинный смысл политическим фразам, которые эти болтливые адвокаты и профессора привыкли употреблять, не особенно-то понимая их действительный смысл.

Немецкая литература тоже не могла избежать влияния того политического возбуждения, которое со времени событий 1830 г. охватило всю Европу. Почти все писатели того времени проповедывали незрелый конституционализм или еще более незрелый республиканизм. У литераторов, особенно более мелкого калибра, все больше и больше входило в привычку восполнять недостаток литературных способностей политическими намеками, которые обеспечивали привлечение внимания публики к ним. Стихи, романы, рецензии, драмы, — словом, все литературные произведения были полны тем, что называлось «тенденцией», т. е. более или менее робкими выражениями антиправительственного духа. Чтобы довершить путаницу идей, царившую в Германии после 1830 г., эти элементы политической оппозиции перемешивались с плохо переваренными университетскими воспоминаниями о немецкой философии и с непонятыми обрывками французского социализма, в особенности сен-симонизма. Клика писателей, разглагольствовавших об этой разнородной смеси идей, сама претенциозно окрестила себя «Молодой Германией»¹ или «новой школой». Впоследствии они раскаялись в грехах своей молодости, но несколько не усовершенствовали своего литературного стиля.

Наконец, и немецкая философия, этот наиболее сложный, но в то же время и надежнейший показатель развития немецкой мысли, встала на сторону буржуазии, когда Гегель в своей «Философии права» объявил конституционную монархию высшей и совершеннейшей формой правления. Иными словами, он возвестил, что буржуазия страны близка к тому, чтобы достигнуть политической власти. После его смерти его школа не остано-
ви-

¹ «Молодая Германия» — литературное направление группы немецких писателей, возникшее в 30-х годах XIX века под влиянием Гейне и Бёрне. Несмотря на половинчатую оппозиционность этой группы, 10 декабря 1835 г. ее произведения были запрещены Союзным сеймом. *Ред.*

лась на этом. Более радикальное крыло его приверженцев, с одной стороны, подвергло всякую религиозную веру испытанию огнем строгой критики, которая до самого основания потрясла древнее здание христианства, а с другой стороны, оно выдвинуло более смелые политические принципы по сравнению с теми, какие до того времени доводилось слышать немецкому уху, и попыталось воздать должное славной памяти героев первой французской революции. Правда, темный философский язык, в который облачались эти идеи, затуманивал ум как автора, так и читателя, зато он ослеплял и цензорские очи, и потому «младогегельянцы» пользовались такой свободой печати, какой не знала ни одна из прочих отраслей литературы.

Таким образом, было очевидно, что в общественном мнении Германии совершалась огромная перемена. Значительное большинство тех классов, которым их образование или положение позволяло даже при абсолютной монархии приобрести некоторые политические сведения и составить себе хотя бы кое-какое подобие самостоятельных политических убеждений, мало-помалу объединилось в одну мощную фалангу оппозиции против существующего режима. Говоря о медленности политического развития в Германии, нельзя забывать о тех трудностях, которые стояли на пути к приобретению правильных взглядов по любому вопросу в такой стране, где все источники знания подчинены были правительству, где ни в одной сфере — от школ для бедных и воскресных школ вплоть до газет и университетов — ничто не могло быть сказано, преподавано, напечатано и опубликовано, не получив предварительного разрешения правительства. Возьмем, например, Вену. Венцы, которые в промышленном отношении не уступают, пожалуй, никому в Германии, которые далеко превосходят других по живости мысли, мужеству и революционной энергии, все же оказались более невежественными в отношении своих истинных интересов и наделали во время революции больше ошибок, чем кто-либо другой. Это в очень значительной мере приходится приписать тому почти полному невежеству в самых заурядных политических вопросах, в котором правительство Меттерниха умело держать население.

Без всяких дальнейших пояснений очевидно, почему при таком режиме политические знания были почти исключительной монополией тех классов общества, которые были в состоянии оплачивать контрабандный ввоз их в страну, в особенности тех, интересы которых больше всего нарушались существующим строем вещей, т. е. промышленных и торговых классов. Поэтому они первые выступили как масса против дальнейшего сохранения более или менее замаскированного абсолютизма, и время их вступления в ряды оппозиции следует считать началом действительно революционного движения в Германии.

Моментом оппозиционного пронунациаменто¹ немецкой буржуазии можно признать 1840 год, год смерти Фридриха-Вильгельма III Прусского, последнего из оставшихся в живых основателей Священного союза 1815 г. О новом короле знали, что он отнюдь не сторонник монархической системы своего отца, бюрократической и милитаристской по преимуществу. Чего французская буржуазия ожидала в свое время от Людовика XVI, того немецкая буржуазия до известной степени ждала от Фридриха-Вильгельма IV Прусского. Все признавали, что старая система пережила себя, обанкротилась и должна быть ликвидирована; теперь громко называли невыносимым то, что молча переносили при старом короле.

Но если Людовик XVI, Louis le Désiré [Людовик желанный], был обыкновенный, непритязательный простак, отчасти сам сознававший свое собственное ничтожество, человек без определенных идей, руководившийся преимущественно привычками, приобретенными во время своего воспитания, то «Фридрих-Вильгельм le Désiré» [желанный] был человек совсем другого склада. По слабости характера он несомненно превосходил свой французский оригинал, но отнюдь не был лишен претензий и своих собственных мнений. По-дилетантски он познакомился с начатками большинства наук и потому считал себя достаточно знающим для того, чтобы по всякому вопросу считать свое суждение окончательным. Он был убежден, что он — первоклассный оратор, и несомненно в Берлине не было ни одного коммивояжера, который мог бы превзойти его обилием мнимого остроумия и бойкостью речи. Но, что важнее всего, у него были свои мнения. Он ненавидел и презирал бюрократический элемент прусской монархии, но лишь потому, что все его симпатии принадлежали феодальному элементу. Один из основателей и главных сотрудников берлинской газеты «*Politisches Wochenblatt*»², приверженец так называемой исторической школы³, школы, которая питалась идеями Бональда, де-Местра и других писателей из первого поколения французских легитимистов, он стремился к возможно более полному восстановлению господствующего общественного положения дворянства. Король — это первый дворянин в своем королевстве; его окружает прежде всего блестящий придворный штат могущественных

¹ Государственный переворот, совершаемый сверху, без участия народа. *Ред.*

² «*Politisches Wochenblatt* [«*Политический Еженедельник*»] — самая влиятельная консервативная газета в Германии, выходившая с 1831 по 1840 г. *Ред.*

³ *Историческая школа* — реакционная школа права в Германии, «школа, — как характеризовал ее Маркс, — узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и приращенный исторический кнут...» (Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 387). *Ред.*

вассалов, князей, герцогов и графов, а потом многочисленное и богатое низшее дворянство. Он по своему благоусмотрению царствует над своими верными горожанами и крестьянами как глава законченной иерархии общественных ступеней или каст, из которых каждая обладает своими особыми привилегиями и отделяется от остальных почти непреходимым барьером происхождения или строго определенного общественного положения; при этом все эти касты или сословия государства должны своей силой и влиянием до такой степени точно уравнивать друг друга, чтобы король мог быть безусловно свободным в своих действиях. Таков был тот beau idéal [прекрасный идеал], который хотел осуществить Фридрих-Вильгельм IV и который он теперь вновь старается осуществить.

Потребовалось известное время для того, чтобы прусская буржуазия, не особенно искушенная в теоретических вопросах, раскрыла истинный характер намерений короля. Но зато она очень быстро заметила, что его симпатии направлены на вещи, которые представляют прямую противоположность тому, что желательно ей. Как только смерть отца развязала язык новому королю, он стал заявлять о своих намерениях в бесчисленных речах. И каждая его речь, каждое его действие все более отнимали у него симпатии буржуазии. Это несколько не беспокоило бы его, не будь нескольких неумолимых и тревожных фактов, которые нарушали его поэтические грезы. К сожалению, романтика довольно слаба в арифметике, и феодализм со времен Дон-Кихота всегда производит расчеты без хозяина. Фридрих-Вильгельм IV чересчур уж усвоил себе то презрение к звонкому металлу, которое искони было благороднейшим наследием потомков крестоносцев. При вступлении на трон он нашел дорогостоящую, хотя и по-скаредному организованную правительственную систему и весьма умеренно наполненную государственную казну. Через два года всякий признак излишков ушел на придворные балы, королевские поездки, милостивые подарки, пособия нуждающимся, обносившимся и жадным дворянам и т. д. Обычных налогов уже не хватало на покрытие потребностей двора и правительства. И вот его величество скоро попало в тиски между явным дефицитом и законом 1820 г., который всякий новый заем и всякое увеличение существующих налогов без согласия «будущего народного представительства» объявлял незаконным. Этого народного представительства не было; новый король еще менее, чем даже его отец, склонен был создать его; а если бы он и был склонен, то он знал, что, с тех пор как он вступил на трон, общественное мнение изменилось поразительным образом.

Действительно, буржуазия, которая отчасти надеялась, что новый король немедленно дарует конституцию, даст свободу печати, суды присяжных и т. д., — словом, сам будет руко-

водителем мирной революции, в которой нуждалась буржуазия, чтобы достигнуть политической власти, — эта буржуазия поняла свое заблуждение и свою ярость обратила на короля. В Рейнской области, а также в большей или меньшей мере и во всей Пруссии раздражение ее было так велико, что она, не имея в своем распоряжении достаточно способных людей, которые могли бы представить ее в прессе, пошла на союз с крайним философским направлением, о котором мы уже говорили. Плодом этого союза была «Рейнская Газета», издававшаяся в Кельне. Хотя ее закрыли через пятнадцать месяцев после ее основания, тем не менее ее можно считать началом современной периодической прессы в Германии. Это было в 1842 г.

Бедный король, денежные затруднения которого были самой злой сатирой на его средневековые склонности, очень скоро заметил, что дальнейшее управление невозможно, если не сделать кое-какие уступки всеобщим требованиям дать «народное представительство» — то народное представительство, которое в качестве последнего остатка давно забытых обещаний 1813 и 1815 гг. было упомянуто в законе 1820 г. Наименее неприятным способом удовлетворить требование этого неудобного закона король считал созыв постоянных комитетов от областных ландтагов. Областные ландтаги были учреждены в 1823 г. В каждой из восьми областей королевства они составлялись: 1) из высшего дворянства, некогда суверенных фамилий Германской империи, главы которых в силу рождения становились членами сословного собрания; 2) из представителей рыцарства или низшего дворянства; 3) из представителей городов; 4) из депутатов крестьянства, или класса мелких сельских хозяев. Представительство в ландтагах было организовано так, что в каждой области обеим фракциям дворянства всегда принадлежало большинство в собрании. Каждый из этих восьми областных ландтагов избирал комитет, и вот эти-то восемь комитетов призывались теперь в Берлин, чтобы образовать представительное собрание, которое должно было проголосовать возведенный заем. Было заявлено, что государственная казна полна и заем требуется не для покрытия текущих потребностей, а для постройки железной дороги. Но соединенные комитеты ответили королю полным отказом, объявив себя некомпетентными действовать в качестве народного представительства, и потребовали от его величества исполнить обещание о введении представительного строя, данное его отцом в то время, когда он нуждался в помощи народа против Наполеона.

Сессия соединенных комитетов показала, что оппозиционный дух уже не ограничивается одной буржуазией. К ней примкнула часть крестьянства; многие дворяне, которые сами вели крупное сельское хозяйство в своих поместьях и торговали зерном, шерстью, спиртом и льном, тоже высказались против правительства и за

представительный строй, потому что они в не меньшей мере нуждались в гарантиях против абсолютизма, бюрократии и восстановления феодализма. План короля потерпел полное крушение. Король не получил ни копейки денег и увеличил силу оппозиции. Состоявшиеся вслед за тем сессии самих областных ландтагов прошли еще хуже для короля. Все ландтаги потребовали реформ, исполнения обещаний 1813 и 1815 гг., дарования конституции и свободы печати; соответствующие резолюции некоторых из них были составлены в довольно-таки неспочтительных выражениях; раздраженные ответы вышедшего из себя короля еще более обострили положение.

Между тем финансовые затруднения правительства все возрастали. Сокращением ассигновок, предназначенных для различных отраслей общественного управления, и нечистоплотными операциями с торговым учреждением «*Seehandlung*» [«Морская торговля»], которое спекулировало и торговало за счет и страх государства и уже давно функционировало в качестве его маклера по денежной части, на время удалось соблюсти видимость платежеспособности. Усиленный выпуск государственных кредитных билетов в свою очередь послужил некоторым подспорьем, и, вообще говоря, тайна финансового положения хранилась довольно успешно. Однако все эти уловки очень скоро были исчерпаны. Тогда был испробован другой путь: был основан банк, капитал которого должен был создаваться частью из средств государства, частью из взносов частных акционеров и главное управление которым принадлежало бы государству, а правительство могло бы брать из фондов этого банка крупные суммы и таким образом повторять те нечистоплотные операции, которых оно не могло уже больше прodelывать с «*Seehandlung*». Но, разумеется, не нашлось ни одного капиталиста, который захотел бы отдать свои деньги на подобных условиях. Пришлось переделывать устав банка и гарантировать собственность акционеров от покушений казны, прежде чем состоялась подписка хотя бы на одну акцию. Когда, таким образом, этот план окончился неудачей, не оставалось ничего другого, как попытаться заключить заем, — конечно, если бы нашлись капиталисты, которые ссудили бы свои деньги, не требуя гарантии и согласия этого таинственного «будущего народного представительства». Обратились к Ротшильду, но тот заявил, что он без всяких затруднений устроит заем, если он будет гарантирован этим «народным представительством»; если же нет, тогда он не станет связываться с этим делом.

Так исчезла всякая надежда достать денег, и уже не было никакой возможности обойтись без рокового «народного представительства». Отказ Ротшильда стал известен осенью 1846 г., а в феврале следующего года король уже созвал в Берлине все восемь областных ландтагов, чтобы составить из них «соединенный

ландтаг». Задачей этого ландтага было заниматься тем, чего требовал, в случае нужды, закон 1820 г., а именно: вотировать займы и новые налоги; он был лишен каких-либо иных прав. Его голос по вопросам общего законодательства должен был быть чисто совещательным; он должен был созываться не в определенные сроки, а по благоусмотрению короля; он мог обсуждать лишь дела, которые правительству заблагорассудилось бы внести на его обсуждение. Понятно, что членам ландтага мало польстила отведенная им роль. Они повторили желания, о которых заявляли на областных собраниях. Отношения между ними и правительством вскоре обострились, и когда от них стали испрашивать согласия на заем снова якобы на постройку железных дорог, то они опять отказались разрешить его.

Это голосование очень скоро привело к закрытию сессии ландтага. Король, раздражение которого все возрастало, распустил ландтаг с выражением порицания; но все-таки он оставался без денег. И действительно, у него были все основания притти в замешательство от своего положения, так как он видел, что либеральная партия, во главе которой стояла буржуазия и которая охватывала значительную часть низшего дворянства и всевозможных недовольных, накопившихся в различных частях низших сословий, — что эта либеральная партия решила достигнуть того, чего она хотела. Тщетно в речи, которой король открыл заседание соединенного ландтага, он уверял, что никогда, никогда не дарует конституции в современном значении слова. Либеральная партия настаивала именно на современной, антифеодальной конституции представительного строя со всеми ее последствиями — свободой печати, судами присяжных и т. д.; до тех пор, пока она ее не получит, она не согласится дать ни копейки. Одно было ясно: долго так не могло продолжаться, и либо одна из двух сторон должна была уступить, либо же дело должно было дойти до насильственного разрыва, до кровопролитной борьбы. И буржуазия знала, что она стоит накануне революции, и готовилась к ней. Всевозможными средствами она старалась обеспечить себе поддержку рабочего класса в городах и крестьянства в сельскохозяйственных округах. Хорошо известно, что в конце 1847 г. среди буржуазии едва ли можно было бы отыскать хоть одну выдающуюся политическую фигуру, которая, чтобы приобрести симпатии пролетариата, не выдавала бы себя за «социалиста». Мы увидим вскоре этих «социалистов» за работой.

Это стремление передовой буржуазии надеть на себя маску социализма было следствием огромной перемены, совершившейся в рабочем классе Германии. С 1840 г. часть немецких рабочих, побывавших во Франции и Швейцарии, более или менее прониклась незрелыми социалистическими или коммунистическими воззрениями, которые тогда были в ходу среди французских

рабочих. Возрастающий интерес, с каким во Франции, начиная с 1840 г., относились к подобным идеям, сделал модными социализм и коммунизм и в Германии, и уже с 1843 г. во всех газетах стали оживленно обсуждать социальные вопросы. Вскоре в Германии возникла социалистическая школа, которая отличалась скорее туманностью, чем новизной своих идей. Главная деятельность ее заключалась в переводе фурьеристских, сенсимонистских и других теорий с французского языка на темный язык немецкой философии. Приблизительно в это же время образовалась и немецкая коммунистическая школа, коренным образом отличающаяся от этой секты.

В 1844 г. произошли восстания силезских ткачей, за которыми последовало восстание набойщиков ситца в Праге. Эти восстания, жестоко подавленные, восстания рабочих не против правительства, а против предпринимателей, произвели глубокое впечатление и дали новый толчок социалистической и коммунистической пропаганде среди рабочих. Так же подействовали «хлебные бунты» в голодный 1847 год. Коротко говоря, как конституционная оппозиция объединила вокруг своего знамени основную массу имущих классов (за исключением крупных феодальных землевладельцев), так рабочий класс больших городов ожидал своего освобождения только от социалистических и коммунистических теорий, хотя при существовавших законах о печати его можно было познакомить с ними лишь в очень незначительной степени. Конечно, нельзя было ожидать, чтобы у рабочих были очень ясные представления о том, что им надо: они знали только, что программа конституционной буржуазии не содержит всего, что им требуется, и что их стремления отнюдь не укладываются в рамки идей конституционализма.

В Германии не было в то время особой республиканской партии. Немцы были либо конституционными монархистами, либо более или менее ясно определившимися социалистами и коммунистами.

При наличии таких элементов малейшее столкновение должно было привести к серьезной революции. В то время как высшее дворянство и высшие чиновники и офицеры были единственной надежной опорой существующей системы; в то время как низшее дворянство, промышленная и торговая буржуазия, университеты, преподаватели разных рангов и даже часть низших разрядов бюрократии и офицерства — все объединились против правительства; в то время как за ними стояли недовольные массы крестьянства и пролетариата крупных городов, массы, которые пока еще поддерживали либеральную оппозицию, но уже поговаривали о том, что они намерены сами взять дела в свои собственные руки; в то время как буржуазия была готова свергнуть правительство, а пролетариат готов был свергнуть вслед за тем

буржуазию, — в это самое время правительство упрямо следовало по пути, который неизбежно должен был привести к столкновению. В начале 1848 г. Германия стояла на пороге революции, и эта революция несомненно вспыхнула бы даже и в том случае, если бы ее наступление не ускорила французская февральская революция.

Далее мы увидим, какое действие оказала эта парижская революция на Германию.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
28 октября 1851 г.*

III. ПРОЧИЕ НЕМЕЦКИЕ ГОСУДАРСТВА

Лондон, сентябрь 1851 г.

В нашей последней статье мы ограничились почти исключительно государством, которое с 1840 по 1848 г. играло безусловно важнейшую роль в германском движении, а именно Пруссией. Однако нам следует бросить беглый взгляд и на другие германские государства за тот же период.

Со времени революционных движений 1830 г. мелкие государства всецело подпали под диктатуру Союзного сейма, т. е. Австрии и Пруссии. Различные конституции, дарованные как для того, чтобы защитить эти малые государства от посягательств со стороны более крупных, так и с той целью, чтобы доставить популярность их коронованным авторам и объединить разнородные конгломераты областей, созданные Венским конгрессом без всякого руководящего принципа, — эти конституции, как ни были они иллюзорны, все же в эпоху возбуждения 1830—1831 гг. оказались опасными для власти мелких монархов. Они были почти уничтожены. Остатки их, которые благорассудили сохранить, были меньше, чем тень, и нужно было все болтливое самодовольство какого-нибудь Велькера, Роттека или Дальмана, чтобы воображать, будто могут получиться какие-нибудь результаты от той смешанной с недостойным пресмыкательством всеподданнейшей оппозиции, которую им разрешалось проявлять в бессильных палатах этих мелких государств.

Более энергичная часть буржуазии в мелких государствах вскоре после 1840 г. совершенно отказалась от своей прежней надежды на то, что в этих придатках Австрии и Пруссии разовьется парламентарное управление. И едва прусская буржуазия с прилегающими к ней классами обнаружила серьезную решимость бороться за парламентарный режим в Пруссии, как на нее возложили роль вождя конституционного движения во всей Германии, кроме австрийской ее части. В настоящее время уже не подлежит никакому сомнению тот факт, что ядро тех конституционалистов Центральной Германии, которые впоследствии вышли из франкфуртского Национального собрания и по месту своих се-

паратных собраний получили название Готской партии, — что они уже задолго до 1848 г. обсуждали план, который в 1849 г. с незначительными изменениями предложили представителям всей Германии. Они стремились к совершенному исключению Австрии из Германского союза, к основанию нового союза с новой конституцией и с союзным парламентом под протекторатом Пруссии и к включению мелких государств в более крупные. Все это должно было осуществиться с того момента, как только Пруссия вступит в ряды конституционных монархий, введет свободу печати, усвоит независимую от России и Австрии политику и таким образом откроет для конституционалистов мелких государств возможность осуществить действительный контроль над своими правительствами. Автором этого плана был профессор Гервинус из Гейдельберга (Баден). Следовательно, эмансипация прусской буржуазии должна была послужить сигналом для эмансипации буржуазии в Германии вообще и для создания оборонительного и наступательного союза как против России, так и против Австрии; ибо, как мы сейчас увидим, Австрию считали совершенно варварской страной, о которой притом знали очень немного, да и это немногое было очень нелестно для ее населения. Поэтому Австрию не считали существенной составной частью Германии.

Что касается других классов общества в мелких государствах, то они с большей или меньшей быстротой следовали по стопам своих собратьев в Пруссии. Мелких буржуа охватывало все большее недовольство их правительствами, ростом тяжести налогов, урезками их призрачных прав, которыми они так кичились, сравнивая себя с «рабами деспотизма» в Австрии и Пруссии. Но в их оппозиции еще не обнаруживалось никаких определенных целей, которые превращали бы их в самостоятельную партию в отличие от конституционализма крупной буржуазии. Среди крестьянства тоже росло недовольство, но, как известно, в спокойные и мирные времена эта часть населения никогда не выдвигает своих интересов и не выступает как самостоятельный класс, если оставить в стороне страны, в которых господствует всеобщее избирательное право. Городские фабрично-заводские рабочие начали заражаться «ядом» социализма и коммунизма. Но так как вне Пруссии было мало значительных городов и еще меньше промышленных районов, то за отсутствием центров агитации и пропаганды движение этого класса в мелких государствах развивалось очень медленно.

Трудность дать выход политической оппозиции породила как в Пруссии, так и в мелких государствах своеобразную религиозную оппозицию, выражавшуюся в параллельных движениях германо-католицизма и свободных религиозных общин. История дает нам многочисленные примеры того, как в странах, которые пользуются благословениями государственной церкви и в которых

стесняется обсуждение политических вопросов, мирская и опасная оппозиция против светской власти укрывается за более благочестивой и, повидимому, более бескорыстной борьбой против духовного деспотизма. Многие правительства, которые не потерпят того, чтобы подвергалось обсуждению какое бы то ни было из их действий, поостерегутся создавать мучеников и разжигать религиозный фанатизм масс. В Германии 1845 г. в каждом государстве составной частью положительного права страны считалась или римско-католическая, или протестантская религия, или обе одновременно. И в каждом из государств духовенство одного из этих исповеданий или обоих составляло существенную часть государственной бюрократии. Поэтому нападение на католическую или протестантскую ортодоксию, нападение на духовенство было равносильно замаскированному нападению на само правительство. Что касается германо-католиков, то уже один факт их существования был нападением на католические правительства Германии, в особенности Австрии и Баварии. Эти правительства именно так и поняли дело. Члены свободных общин, протестанты-диссиденты, представлявшие некоторое сходство с английскими и американскими унитариями, открыто заявляли о своей оппозиции клерикальному и строго правоверному направлению короля прусского и его любимца — министра народного просвещения и исповеданий Эйхгорна. Обе новые секты, которые одно время быстро распространялись — первая в католических, вторая в протестантских странах, отличались друг от друга только различием происхождения. Что касается их учений, то они полностью сходились в том крайне важном пункте, что все строго определенные догмы не имеют никакой ценности. Это отсутствие всякой определенности составляло их подлинную сущность. По их словам, они строили великий храм, под кровом которого могли бы объединиться все немцы. Следовательно, в религиозной форме они представляли вторую политическую идею момента — идею единства Германии. А между тем они никак не могли притти к взаимному соглашению.

Идея германского единства, которую только что упомянутые секты старались осуществить по крайней мере на религиозной почве, изобретя для всех немцев общую религию, сфабрикованную специально для их потребностей, привычек и склонностей, — эта идея действительно получила широкое распространение, особенно в мелких государствах. После уничтожения Германской империи Наполеоном ¹ призыв к воссоединению *disjecta membra* [раз-

¹ *Германская империя* или *Священная римская империя германской нации* (962 — 1806 гг.) — империя, формально объединявшая под своей властью германскую территорию. Наполеон I, разгромив в 1806 г. Австрию и Пруссию и подчинив своей власти значительную часть германских государств, положил этой империи конец. *Ред.*

розенных членов] Германии превратился в самое общее выражение недовольства существующим строем, особенно в мелких государствах, в которых огромные расходы на двор, на государственное управление, армию — словом, весь мертвый груз обложения возрастал прямо пропорционально ничтожеству размеров и бессилию государства. Но что должно собою представлять единство Германии, когда оно осуществится, на этот счет мнения партий расходились. Буржуазия, не желавшая опасных революционных потрясений, удовлетворялась бы тем «практичным» разрешением, с которым мы уже познакомились, а именно — союзом, который охватил бы всю Германию, за исключением Австрии, и находился бы под верховным руководством конституционного правительства Пруссии. И несомненно, в то время нельзя было требовать большего, не вызывая опасной бури. Мелким буржуа и крестьянам, поскольку последние вообще занимались такими вопросами, никогда не удавалось определить то германское единство, которого они требовали с таким шумом; некоторые фантазеры, главным образом феодальные реакционеры, надеялись на восстановление Германской империи; кучка невежественных *soi-disant* [так называемых] радикалов, преклонявшихся перед учреждениями Швейцарии, с которыми они еще не успели завести знакомства на практике, впоследствии так потешно их разочаровавшего, — эта кучка высказывалась за федеративную республику; и только самая крайняя партия решалась тогда выступить за единую и неделимую Германскую республику. Таким образом, вопрос о германском единстве был чреват разногласиями, раздорами и, при известных обстоятельствах, даже гражданской войной.

Подведем итоги. Состояние Пруссии и мелких государств Германии к концу 1847 г. было следующее. Буржуазия чувствовала свою силу и решила не терпеть дальше оков, которыми феодальный и бюрократический деспотизм сковывал ее торговые дела, ее промышленную деятельность, ее совместные действия как класса; часть сельского дворянства до такой степени превратилась в производителей товаров для рынка, что, в силу тождества ее интересов с интересами буржуазии, она примкнула к буржуазии; мелкая буржуазия обнаруживала недовольство, роптала на налоги, на помехи, которые ставились ее промышленной и торговой деятельности, но у нее не было определенной программы тех реформ, которые могли бы обеспечить ее положение в государстве и обществе; крестьянство в одних местах было задавлено феодальными повинностями, в других же — угнетено заимодавцами, ростовщиками и адвокатами; рабочие в городах были охвачены общим недовольством, в равной мере ненавидели правительство и крупных промышленных капиталистов и заражались социалистическими и коммунистическими идеями.

Словом, это была разнородная масса оппозиционных элементов, с разнообразными интересами, но руководимых в общем и целом буржуазией, в передовых рядах которой шла, в свою очередь, буржуазия Пруссии и в особенности Рейнской области. На другой стороне мы видим правительства, которые по многим вопросам были несогласны между собой, преисполнены взаимного недоверия, и прежде всего недоверия к Пруссии, хотя им приходилось уповать на ее защиту. В Пруссии — правительство, покинутое общественным мнением, покинутое даже частью дворянства, опирающееся на армию и бюрократию, которые изо дня в день все более заражались идеями оппозиционной буржуазии и все более подчинялись ее влиянию, — и, что самое главное, правительство буквально без гроша в кармане, которое без капитуляции перед буржуазной оппозицией не могло достать ни копейки для покрытия растущего дефицита. Занимала ли когда-либо буржуазия других стран, борясь за власть против существующего правительства, более сильную позицию?

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
6 ноября 1851 г.*

IV. АВСТРИЯ

Лондон, сентябрь 1851 г.

Теперь мы должны познакомиться с Австрией, с той страной, которая до марта 1848 г. почти так же плотно была закрыта от глаз заграницы, как Китай до своей последней войны с Англией.

Разумеется, мы можем ограничиться здесь лишь немецкой частью Австрии. Дела польских, венгерских и итальянских австрийцев не входят в нашу тему, а поскольку с 1848 г. они оказывали влияние на судьбы австрийских немцев, речь о них будет впереди.

Правительство князя Меттерниха руководилось двумя принципами: во-первых, каждую отдельную из различных наций, подчиненных австрийскому господству, сдерживать при помощи всех остальных наций, которые находились в таком же положении; во-вторых, — и таков вообще главный принцип всех абсолютных монархий — опираться на два класса: на крупных феодальных землевладельцев и на финансовую аристократию, уравновешивая влияние и силу каждого из этих классов влиянием и силой другого, чтобы у правительства, таким образом, была полная свобода действий. Землевладельческое дворянство, весь доход которого составлялся из всевозможных феодальных поборов, не могло не поддерживать правительство, представлявшее для него единственную защиту против угнетенного класса крепостных, эксплуатацией которого оно жило. А если менее состоятельная часть этого дворянства решалась на оппозицию против правитель-

ства, как это было в 1846 г. в Галиции, то Меттерних немедленно выпускал против него именно этих крепостных, которые всеми силами старались использовать случай, чтобы жестоко мстить своим непосредственным угнетателям. С другой стороны, крупные биржевые капиталисты были прикованы к правительству Меттерниха теми огромными суммами, которые государство занимало у них. Австрия, вернувшая себе в 1815 г. всю свою мощь, восстановившая и поддерживавшая с 1820 г. абсолютную монархию в Италии и банкротством 1810 г. избавленная от части своего долга, после заключения мира скоро опять приобрела кредит на крупных денежных рынках Европы, и чем больше он рос, тем более она им пользовалась. Поэтому все крупные финансисты Европы вложили значительную долю своего капитала в австрийские государственные бумаги. Все они были заинтересованы в поддержании кредита этой страны, а так как поддержание австрийского кредита требовало все новых и новых займов, то им время от времени приходилось сужать новые капиталы, чтобы поддержать кредит тех долговых обязательств, под которые они уже выдали деньги. Продолжительный мир, наступивший после 1815 г., и кажущаяся невозможность падения такой тысячелетней монархии, как Австрия, необыкновенно увеличивали кредит правительства Меттерниха и даже доставили ему независимость от венских банкиров и биржевых спекулянтов: пока Меттерних мог получать достаточно денег во Франкфурте и Амстердаме, он, разумеется, имел удовольствие видеть у своих ног австрийских капиталистов. Впрочем, и в других отношениях они были вполне в его власти. Огромные барыши, которые банкиры, спекулянты и государственные поставщики постоянно умеют извлекать из всякой абсолютной монархии, возмещались почти безграничной властью правительства над их личностью и имуществом. Таким образом, с их стороны нельзя было ожидать и тени оппозиции. Следовательно, Меттерних уверенно мог рассчитывать на поддержку двух самых могущественных и влиятельных классов государства, а кроме того он располагал армией и бюрократией, которые были организованы как нельзя лучше для целей абсолютизма. Офицеры и гражданские чиновники австрийской службы образуют особую расу; их отцы служили императору, и их сыновья тоже будут служить ему. Они не принадлежат ни к одной из многочисленных наций, которые соединены под крылами двуглавого орла. Их постоянно переводили и переводят с одного конца империи на другой — из Польши в Италию, из Германии в Трансильванию; они с одинаковым презрением относятся к венгерцу, поляку, немцу, румыну, итальянцу, хорвату, ко всякому лицу, не носящему на себе клейма «императорско-королевской» должности и обнаруживающему особый национальный характер. У них нет своей национальности, или, вернее, они одни только и составляют действительную

австрийскую нацию. Ясно, каким послушным и в то же время сильным орудием должна была являться такая гражданская и военная иерархия в руках умного и энергичного руководителя государства.

Что касается остальных классов населения, то Меттерних, совершенно в духе государственного человека *ancien régime* [старого режима], мало интересовался поддержкой с их стороны. По отношению к ним он знал только одну политику: по возможности больше выкачивать из них налогами и в то же время поддерживать среди них спокойствие. Промышленная и торговая буржуазия развивалась в Австрии очень медленно. Торговля по Дунаю была сравнительно незначительна; страна располагала лишь одним морским портом — Триестом, да и в нем торговля была очень невелика. Промышленники пользовались щедрым покровительством, которое в большинстве случаев переходило в полное устранение иностранной конкуренции. Но это преимущество предоставлялось им главным образом с той целью, чтобы повысить их платежеспособность как налогоплательщиков, и в значительной мере сводилось к нулю вследствие внутренних ограничений промышленности, привилегий цехов и других феодальных корпораций, которые всячески поддерживались, пока они не мешали целям и намерениям правительства. Мелкие ремесленники были заперты в тесных рамках этих средневековых цехов, которые поддерживали нескончаемую войну между отдельными промыслами из-за привилегий и в то же время придавали занятиям членов этих принудительных союзов своего рода наследственный, постоянный характер, отнимая у представителей рабочего класса почти всякую возможность повысить свое общественное положение. Наконец, крестьянин и рабочий рассматривались просто как объект для обложения; о них пеклись лишь в том смысле, чтобы всеми мерами удерживать их в тех условиях жизни, в которых пребывали они и до них отцы их. С этой целью всякая старинная, установленная, исконная власть поддерживалась не в меньшей мере, чем и власть государства. Правительство повсюду строго охраняло власть помещика над феодально-зависимыми крестьянами, фабриканта — над фабричными рабочими, ремесленного мастера — над подмастерьями и учениками, отца — над сыном и карало универсальным орудием австрийской юстиции — палкой — всякий вид непослушания как нарушение закона.

Наконец, чтобы завершить систему всех этих попыток искусственного поддержания застоя, духовная пища, которую разрешено было давать народу, выбиралась с самой придирчивой тщательностью и отпускалась до крайности скупно. Повсюду воспитание находилось в руках католического духовенства, руководители которого наравне с крупными феодальными землевладельцами были самым непосредственным образом заинтересованы

в сохранении существующей системы. Университеты были организованы так, что они могли выпускать лишь специалистов, которые могли достигнуть больших или меньших успехов в отдельных специальных отраслях знания, но они отнюдь не способны были дать того свободного общего образования, какого вообще ожидают от других университетов. Периодической печати совершенно не существовало, за исключением Венгрии, но венгерские газеты были воспрещены во всех остальных частях монархии. Область общей литературы за сто лет несколько не расширилась; после смерти Иосифа II она даже снова сузилась. И на всех границах, где только австрийские области соприкасались с какой-либо цивилизованной страной, был выставлен связанный с кордоном таможенных чиновников кордон литературных цензоров, которые не пропускали из-за границы в Австрию ни одной книги, ни одного номера газеты, не подвергнув их содержания двух- и трехкратному основательному исследованию и не убедившись, что оно совершенно свободно от какого-либо влияния тлетворного духа времени.

Почти тридцать лет, начиная с 1815 г., эта система действовала с изумительным успехом. Австрию почти совсем не знали в Европе, точно так же как и Европу мало знали в Австрии. Казалось, как будто не произошло абсолютно никаких перемен в общественном положении ни одного класса населения, ни в положении всего народа в целом. Как ни сильна была вражда между отдельными классами, — а наличность этой враждебности была для Меттерниха главным принципом управления, он даже разжигал ее, превращая высшие классы в орудие всех правительственных вымогательств и таким образом навлекая на них ненависть, — и как ни ненавидел народ низших государственных чиновников; недовольства центральным правительством, вообще говоря, почти или вовсе не наблюдалось. Императора обожали, и факты, повидимому, подтверждали справедливость слов старика Франца I, который однажды, когда у него поднялись сомнения в прочности этой системы, облегченно заметил: «Во всяком случае на мой и Меттерниха век еще хватит».

И тем не менее в стране совершалось медленное подземное движение, которое уничтожало все усилия Меттерниха. Богатство и влияние промышленной и торговой буржуазии возрастали. Введение машин и применение пара в промышленности перевернуло в Австрии, как и повсюду, все старые отношения и условия жизни всех общественных классов; крепостных оно превратило в свободных людей, мелких земледельцев — в фабричных рабочих; оно подорвало старинные феодальные ремесленные корпорации и у многих из них отняло всякую возможность дальнейшего существования. Новое торговое и промышленное население повсюду приходило в столкновение со старыми феодальными учреждениями.

Буржуазия, которую дела все чаще заставляли выезжать за границу, привозила оттуда некоторые, звучавшие, как сказки, сведения о цивилизованных странах, лежавших по ту сторону императорских таможенных застав; наконец, введение железных дорог ускорило как промышленное, так и духовное развитие страны. К тому же в австрийском государственном здании была одна опасная составная часть — венгерская феодальная конституция с ее парламентскими дебатами и борьбой обедневшей и оппозиционной массы дворянства против правительства и магнатов, его союзников. Пресбург, резиденция сейма, был у самых ворот Вены. Все эти элементы содействовали возникновению среди городской буржуазии если не прямо духа оппозиции, — потому что оппозиция все еще была невозможна, — то духа недовольства, всеобщего желания реформ, более административного, чем конституционного свойства. И так же, как в Пруссии, и здесь часть бюрократии примкнула к буржуазии. Среди наследственной касты чиновников традиции Иосифа II не были забыты. Более образованные правительственные чиновники, которые иногда и сами предавались мечтам о возможных реформах, вообще оказывали решительное предпочтение прогрессивному и просвещенному деспотизму этого императора перед «отеческим» деспотизмом Меттерниха. Часть более бедного дворянства тоже стала на сторону буржуазии, а низшие классы населения, у которых всегда было достаточно оснований к недовольству высшими классами, если не прямо правительством, в большинстве случаев не могли не присоединиться к реформаторским пожеланиям буржуазии.

Приблизительно в это самое время, в 1843 или 1844 г., в Германии было положено основание особой отрасли литературы, соответствовавшей такой перемене. Несколько австрийских писателей — беллетристов, литературных критиков, плохих поэтов, вообще очень посредственных талантов, но одаренных той особой деловой споровкой, которая характерна для еврейской расы, обосновались в Лейпциге и других немецких городах за пределами Австрии и здесь, недостижимые для Меттерниха, выпустили ряд книг и брошюр об австрийских делах. Они и их издатели «бойко торговали» этим товаром. Вся Германия жаждала проникнуть в тайны политики европейского Китая. И еще больше любопытства испытывали сами австрийцы, которые получали эти издания посредством массовой контрабанды на богемской границе. Конечно, тайны, разоблачавшиеся этими изданиями, не были особенно крупными, а планы реформ, высуженные их благомыслящими авторами, носили отпечаток невинности, граничившей с политической девственностью. Конституция и свобода печати считались здесь вещами, недостижимыми для Австрии. Административные реформы, расширение прав областных ландта-

гов, допущение заграничных книг и газет и смягчение цензуры — дальше этого едва ли заходили благонамеренные и верноподданные пожелания этих добрых австрийцев.

Как бы то ни было, все невозможнее становилось воспрепятствовать литературному общению Австрии с остальной Германией, а через Германию — и со всем миром. Это тоже немало содействовало развитию враждебного правительству общественного мнения и во всяком случае дало части австрийского населения хотя бы некоторую политическую осведомленность. Поэтому к концу 1847 г. и Австрия — хотя в сравнительно слабой степени — оказалась охваченной тем политическим и политико-религиозным брожением, которое распространилось тогда по всей Германии. И хотя успехи его в Австрии были менее шумны, оно все же нашло достаточно революционных элементов, поддававшихся его воздействию. То были: крестьянин, крепостной или феодально зависимый, задавленный гнетущими помещичьими или правительственными поборами; далее, фабричный рабочий, принуждаемый палкой полицейского работать на любых условиях, какие фабриканту заблагорассудится установить; затем ремесленный подмастерье, у которого цеховые законы отнимали всякую надежду на то, что он со временем станет самостоятельным в своем промысле; купец, который в своем деле на каждом шагу натывался на нелепые предписания; фабрикант, находившийся в постоянном конфликте с ремесленными цехами, которые ревниво отстаивали свои привилегии, и с жадными, назойливыми чиновниками, которые всюду совали свой нос; наконец, школьный учитель, *savant* [ученый], более образованный чиновник, — тщетно ведущие борьбу против невежественного и заносчивого духовенства или тупого начальника-самодура. Словом, не было ни одного класса, который был бы доволен, потому что мелкие уступки, которые правительству иногда приходилось делать, делались им не за свой собственный счет — государственная казна не могла бы выдержать этого, а за счет высшего дворянства и духовенства. Что касается, наконец, крупных банкиров и государственных кредиторов, то последние события в Италии, усиливающаяся оппозиция венгерского сейма, необычный дух недовольства и стремление к реформам, охватившие всю империю, не могли содействовать тому, чтобы укрепить доверие к прочности и платежеспособности австрийской монархии.

Таким образом, и Австрия медленно, но верно двигалась к крупным переменам, как вдруг во Франции произошли события, которые сразу раскрыли путь для надвигавшейся бури и опровергли утверждение старика Франца, что здание еще продержится до конца его и Меттерниха дней.

V. ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ

Лондон, октябрь 1851 г.

24 февраля 1848 г. Луи-Филипп был изгнан из Парижа, и Франция была объявлена республикой. Вслед за тем 13 марта венцы сокрушили власть Меттерниха и заставили его постыдно бежать из страны. 18 марта берлинцы подняли вооруженное восстание и после 18-часовой упорной борьбы, к своему удовлетворению, добились того, что король капитулировал перед ними. В то же время и в столицах более мелких государств Германии произошли более или менее мощные взрывы, которые все имели такой же успех. Если германский народ и не довел до конца свою первую революцию, то во всяком случае он вступил на революционный путь.

Мы не можем здесь останавливаться на подробностях различных восстаний; мы намерены выяснить лишь их общий характер и отношение к ним со стороны различных классов населения.

Революция в Вене была совершена, можно сказать, почти совершенно единодушным населением. Буржуазия, за исключением банкиров и биржевых спекулянтов, мелкая буржуазия, рабочий класс — все сразу, как один человек, восстали против правительства, которое все они ненавидели и которое возбуждало такое всеобщее негодование, что небольшая кучка поддерживавших его дворян и финансистов постаралась стушеваться при первом же нападении на него. Меттерних держал буржуазию в таком полном политическом невежестве, что для нее были совершенно непонятны все приходившие из Парижа известия о господстве анархии, социализма и террора и о предстоящей борьбе между классом капиталистов и классом рабочих. В силу своей политической невинности она или не придавала никакого значения этим известиям, или же они представлялись ей дьявольским измышлением Меттерниха, для того чтобы запугать ее и вернуть к послушанию. Кроме того, она никогда еще не видала, чтобы рабочие действовали как класс или выступали за свои особые классовые интересы. По всему своему опыту она не могла представить себе возможности проявления противоречий между классами, которые только что в таком трогательном единении свергли одинаково для всех ненавистное правительство. Она видела, до какой степени рабочие согласны с нею по всем пунктам: относительно конституции, суда присяжных, свободы печати и т. д. Поэтому — по крайней мере в марте 1848 г. — буржуазия целиком отдалась движению; и движение, со своей стороны, с самого начала (по крайней мере в теории) сделало буржуазию господствующим классом в государстве.

Но уже такова судьба всех революций, что то единение разных классов, которое до известной степени всегда является необхо-

димой предпосылкой всякой революции, не может долго продолжаться. Едва лишь одержана победа над общим врагом, как победители уже расходятся в различные лагеря и направляют свое оружие друг против друга. Именно это быстрое и страстное развитие классового антагонизма в старых и сложных общественных организациях делает революцию таким могучим фактором общественного и политического прогресса; именно этот непрерывный и быстрый подъем новых партий, одна за другой сменяющих друг друга у власти, двигает в эпохи подобных сильных потрясений нацию за пятилетний промежуток времени дальше, чем в обычных условиях она ушла бы в течение столетия.

Революция в Вене сделала буржуазию теоретически господствующим классом. Это значит, что уступки, которые были вырваны у правительства, обязательно обеспечили бы гегемонию буржуазии, если бы они были проведены на практике и продержались в течение известного времени. Но фактически гегемония этого класса далеко еще не была установлена. Правда, учреждение Национальной гвардии, давшее оружие в руки буржуазии и мелких торговцев и ремесленников, придало буржуазии силу и влияние; правда, в результате создания «Комитета общественной безопасности», своего рода безответственного революционного правительства, в котором преобладала буржуазия, она встала во главе власти. Но в то же время отчасти и рабочие получили оружие; они и студенты выносили борьбу на своих плечах, когда дело доходило до вооруженных столкновений; ядро революционной армии, ее действительную силу составляли студенты, числом около 4 000 человек, хорошо вооруженные и много лучше дисциплинированные, чем Национальная гвардия; и они отнюдь не соглашались служить простым орудием в руках «Комитета общественной безопасности». Хотя студенты и признавали его и даже были его самыми горячими защитниками, они составляли тем не менее независимую и довольно-таки беспокойную организацию, устраивали собственные совещания в актовом зале, занимали посредническое положение между буржуазией и рабочими, постоянным возбуждением препятствовали тому, чтобы все опять вошло в старую, будничную колею, и часто навязывали свои решения «Комитету общественной безопасности». С другой стороны, рабочим, которые почти все были без работы, пришлось дать занятия на общественных работах за государственный счет, а необходимые деньги для этого, конечно, приходилось брать из карманов налогоплательщиков или из кассы города Вены. Все это, разумеется, не могло не сделаться весьма неприятным для венских торговцев и ремесленников. Венские промышленные предприятия, обслуживавшие потребности богатых и аристократических домов обширной страны, из-за революции, вследствие бегства дворянства и двора, разумеется, совершенно прекра-

тили работу; торговля совсем приостановилась, а непрерывная тревога и возбуждение, исходившие от студентов и рабочих, разумеется, не были способны «восстановить доверие», как тогда было принято говорить. Поэтому очень скоро возникла некоторая холодность между буржуазией, с одной стороны, и беспокорными студентами и рабочими — с другой; и если эта холодность долгое время не превращалась в открытую вражду, то объясняется это очень просто: министерство и в особенности двор в своем нетерпении восстановить старый порядок вещей давали все новое и новое оправдание опасениям и шумной деятельности более революционных партий и все снова и снова вызывали — даже перед взором буржуазии — призрак старого меттерниховского деспотизма. И вот ввиду того, что правительство попыталось ограничить или же совершенно уничтожить некоторые из только что завоеванных свобод, 15 мая, а потом еще раз, 26 мая, произошли новые восстания всех классов Вены. В обоих случаях союз между Национальной гвардией, или вооруженной буржуазией, студентами и рабочими снова был на известное время закреплён.

Что касается других классов населения, то аристократы и крупные финансисты исчезли, а крестьянство повсюду ревностно искореняло феодализм до последних остатков. Вследствие войны в Италии, а также забот, которые причиняли двору Вена и Венгрия, крестьянам предоставили полную свободу действий, и дело освобождения удалось им в Австрии лучше, чем в какой-либо другой части Германии. Австрийскому сейму вскоре после этого пришлось лишь санкционировать меры, которые крестьянство фактически уже приняло, и что бы ни удалось теперь реставрировать правительству князя Шварценберга, у него никогда не будет достаточной силы для того, чтобы восстановить феодальное порабощение крестьян. Если Австрия в настоящий момент снова сравнительно спокойна и даже сильна, то это преимущественно потому, что громадное большинство народа — крестьяне — извлекло действительную выгоду из революции, и потому, что — при всех прочих посягательствах реставрированного правительства — эти осязательные материальные выгоды, полученные крестьянством, до сих пор остаются неприкосновенными.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
12 ноября 1851 г.*

VI. ВОССТАНИЕ В БЕРЛИНЕ

Лондон, октябрь 1851 г.

Вторым центром революционного движения был Берлин. После всего сказанного в предыдущих статьях не трудно понять, почему берлинское движение далеко не нашло такой единодушной поддержки со стороны всех классов, какую сопровождалось

восстание в Вене. В Пруссии буржуазия уже ввязалась в действительную борьбу с правительством. В результате созыва «соединенного ландтага» между ними произошел разрыв. Надвигалась буржуазная революция, и революция эта при своем первом взрыве могла бы оказаться столь же единодушной, как и венская, не случись февральской революции в Париже. Это событие, совершившееся под знаменем, совершенно отличным от того, под которым прусская буржуазия готовилась идти войной на правительство, перевернуло все. Февральская революция опрокинула во Франции как раз ту самую форму правления, которую прусская буржуазия намеревалась учредить в своей стране. Февральская революция объявила себя революцией рабочего класса против буржуазии; она провозгласила низвержение буржуазного правительства и освобождение рабочих. Прусская буржуазия незадолго перед тем имела у себя дома достаточно хлопот с волнениями рабочего класса. Когда прошел первый страх, нагнанный волнениями в Силезии, она даже сделала попытку использовать эти волнения к своей собственной выгоде. Но у нее навсегда сохранился спасительный страх перед революционным социализмом и коммунизмом. Поэтому, когда она увидела во главе парижского правительства людей, которые представлялись ей опаснейшими врагами собственности, порядка, религии, семьи и прочих святынь современного буржуа, она немедленно почувствовала, что ее революционный жар порядочно поостыл. Она знала, что необходимо использовать момент и что без помощи рабочих масс она будет побеждена, но храбрость покинула ее. Поэтому при первых частичных восстаниях в областях она стала на сторону правительства, старалась в Берлине успокоить народ, который в течение пяти дней собирался толпами перед королевским дворцом, чтобы обсуждать новости и требовать перемены правительства. Наконец, когда стало известно о падении Меттерниха и король сделал некоторые незначительные уступки, буржуазия признала революцию законченной и поспешила принести благодарность его величеству за исполнение всех желаний его народа. Но вслед за этим последовали нападение войск на толпу, баррикады, борьба и поражение монархии. Тогда все переменилось. Тот самый рабочий класс, который буржуазия хотела держать на заднем плане, как раз и выдвинулся на первый план. Рабочие сражались, победили и сразу пришли к сознанию своей силы. Ограничения избирательного права, свободы печати, права быть присяжным заседателем, права собраний — ограничения, которые были бы очень приятны для буржуазии, так как они коснулись бы лишь классов, стоящих ниже ее, теперь стали уже невозможными. Грозил опасность повторения парижских сцен «анархии». Перед лицом этой опасности прекратились все прежние распри. Против победоносного рабочего, хотя он еще не выставил никаких

особых требований в своих собственных интересах, объединились старинные друзья и враги, и еще на баррикадах Берлина был заключен этот союз между буржуазией и приверженцами низвергнутой системы. Приходилось делать необходимые уступки, но только такие, которых нельзя было избежать; пришлось составить министерство из вождей оппозиции в соединенном ландтаге, а в награду за его услуги в деле спасения короны ему обеспечивалась поддержка всех столпов старого правительства: феодального дворянства, бюрократии, армии. Таковы были условия, на которых господа Кампгаузени Ганземаан взялись составить кабинет.

Страх новых министров перед возбужденными массами был настолько велик, что всякое средство казалось им хорошим, если только оно вело к тому, чтобы укрепить расшатанные устои власти. Эти наивные, обманутые простофили вообразили, что уже миновала всякая опасность восстановления старой системы, и потому начали пользоваться всем старым государственным механизмом, чтобы вновь водворить «порядок». Не был уволен ни один чиновник, ни один офицер. В старой бюрократической системе государственного управления не было произведено ни малейшей перемены. Эти безукоризненные конституционные и ответственные министры даже вернули на прежние места тех чиновников, которых народ вначале в пылу своего революционного воодушевления прогнал за их прежние подвиги бюрократического произвола. В Пруссии ничто не изменилось, кроме лиц, занимающих министерские посты. Не был затронут даже персонал различных министерств, и всем конституционным охотникам за местами, составившим хор вокруг новоиспеченных правителей и рассчитывавшим получить свою долю власти и должностей, дали понять, что им следует повременить, пока восстановление устойчивых отношений не позволит произвести перемены в личном составе чиновников, что в настоящее время было бы небезопасно.

Король, который после восстания 18 марта совершенно пал духом, очень скоро заметил, что он в такой же мере необходим этим «либеральным» министрам, как и они ему. Восстание пощадило трон; трон был последней из сохранившихся преград «анархии»; либеральная буржуазия и ее вожди, ныне очутившиеся в министерстве, имели поэтому все основания поддерживать с короной самые лучшие отношения. Король и окружавшая его реакционная камарилья очень скоро поняли это и воспользовались этим обстоятельством, чтобы тормозить деятельность министерства даже и в тех ничтожных реформах, которые оно время от времени пыталось проводить.

Первой заботой министерства было придать некоторый вид законности недавним насильственным переменам. Несмотря на все протесты населения, был созван соединенный ландтаг, чтобы он, как законный и конституционный орган народа, утвердил

новый избирательный закон для выборов в Собрание, которое должно было договориться с короной относительно новой конституции. Выборы должны были быть косвенные, а именно—масса избирателей должна была избрать известное количество выборщиков, которые уже выбрали бы депутатов. Несмотря на всю оппозицию, эта система двухстепенных выборов прошла. После этого у соединенного ландтага было испрошено разрешение на заем в двадцать пять миллионов долларов; народная партия выступила против займа, но ландтаг вотировал и его.

Эти действия министерства способствовали чрезвычайно быстрому развитию народной или, как она сама себя теперь назвала, демократической партии. Эта партия, возглавляемая классом мелких ремесленников и торговцев и объединявшая под своим знаменем в начале революции значительное большинство рабочих, требовала такого же прямого и всеобщего избирательного права, какое было введено во Франции, однопалатного законодательного собрания и полного и открытого признания революции 18 марта как основы новой правительственной системы. Более умеренная часть партии готова была удовольствоваться «демократизированной» таким образом монархией; более прогрессивная требовала окончательного установления республики. Обе сходились в том, что признавали германское Национальное собрание во Франкфурте высшей властью в стране, между тем как конституционалисты и реакционеры ощущали величайший ужас перед суверенитетом этого Собрания, которое они, согласно их заявлениям, считали крайне революционным.

Самостоятельное движение рабочего класса было временно прервано революцией. Непосредственные потребности и условия движения были таковы, что не позволяли выдвинуть на первый план особых требований пролетарской партии. Действительно, пока не была расчищена почва для самостоятельных действий рабочих, пока еще не было установлено прямое и всеобщее избирательное право, пока тридцать шесть крупных и мелких государств попрежнему разрывали Германию на многочисленные клочки, что иное могла делать пролетарская партия, как не следить за парижским движением, имевшим для нее наиважнейшее значение, и бороться сообща с мелкими буржуа за достижение тех прав, которые должны были открыть перед ней возможность бороться впоследствии за свое собственное дело?

Лишь по трем пунктам пролетарская партия в своих политических действиях существенно отличалась от партии класса мелких буржуа, или собственно так называемой демократической партии. Во-первых, тем, что она иначе оценивала французское движение: демократы выступали против крайней партии в Париже, между тем как пролетарские революционеры защищали ее. Во-вторых, тем, что она провозгласила необходимость уста-

новления единой и неделимой германской республики, между тем как даже самые решительные крайние из демократов осмеливались вздыхать лишь по федеративной республике. В-третьих, пролетарская партия при каждом случае проявляла ту революционную отвагу и готовность действовать, отсутствием которых всегда будет страдать партия, возглавляемая мелкими буржуа и состоящая преимущественно из них.

Пролетарской, или действительно революционной, партии лишь мало-помалу удавалось отвлекать массу рабочих от влияния демократов, в хвосте которых они шли в начале революции. Но в надлежащий момент нерешительность, слабость и трусость демократических вождей довершили дело, и теперь можно сказать, что один из главных результатов потрясений последних годов заключается в том, что повсюду, где рабочий класс сосредоточен в сколько-нибудь значительных массах, он совершенно освободился от упомянутого демократического влияния, которое в 1848 и 1849 гг. привело его к бесконечному ряду ошибок и злоключений. Но не станем забегать вперед: события этих двух годов еще дадут нам полную возможность увидеть демократических господ за работой.

Крестьянство в Пруссии, как и в Австрии, использовало революцию, чтобы сразу избавиться от всех феодальных оков, хотя и не так энергично, как в Австрии, потому что феодализм, вообще говоря, здесь не так сурово давил на него. Но прусская буржуазия — по изложенным выше причинам — тотчас обратилась против крестьянства, своего старейшего и необходимейшего союзника. Демократы, не менее чем буржуа напуганные так называемыми посягательствами на частную собственность, также не оказали ему поддержки, и вот по истечении трех месяцев свободы, после кровавых боев и военных экзекуций, в особенности в Силезии, феодализм был восстановлен руками буржуазии, которая до вчерашнего дня была еще антифеодальной. Нельзя привести в осуждение ее более позорного факта, чем этот. В истории еще никогда ни одна партия не совершила подобного предательства по отношению к своим лучшим союзникам, к самой себе; и какие бы унижения и кары ни предстояли еще этой буржуазной партии, она уже одним этим вполне заслужила их.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
28 ноября 1851 г.*

VII. ФРАНКФУРТСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Лондон, январь 1852 г.

Читатель, быть может, припомнит, что в шести предыдущих статьях мы проследили революционное движение в Германии до момента двух великих побед народа: в Вене 13 марта и в Берлине

18 марта. Мы видели, что как в Австрии, так и в Пруссии было учреждено конституционное правительство и руководящим началом всей будущей политики были объявлены принципы либерализма или принципы буржуазии; единственным заметным различием между обоими крупными центрами движения было то, что в Пруссии бразды правления захватила непосредственно в свои руки либеральная буржуазия в лице двух крупных купцов, господ Кампгаузена и Ганземана, а в Австрии, где буржуазия была гораздо менее развита в политическом отношении, к власти поднялась либеральная бюрократия, открыто заявлявшая, что правит по доверенности буржуазии. Мы видели дальше, как партии и общественные классы, которые до того времени были единодушны в оппозиции против старого правительства, после победы или даже во время борьбы разошлись в разные стороны и как та самая либеральная буржуазия, которая одна только и извлекла выгоду из победы, тотчас же обратилась против своих вчерашних союзников, заняла враждебную позицию по отношению ко всем более передовым классам или партиям и заключила союз с побежденными феодальными и бюрократическими элементами. В сущности, уже в самом начале революционной драмы было очевидно, что, только опираясь на помощь более радикальных народных партий, либеральная буржуазия может устоять против побежденных, но не уничтоженных феодальной и бюрократической партий и что, с другой стороны, против натиска этих более радикальных масс она нуждается в помощи феодального дворянства и бюрократии. Было, таким образом, ясно, что в Австрии и Пруссии буржуазия не обладала достаточной силой для того, чтобы удержать за собою власть и вполне приспособить государственные учреждения к своим потребностям и понятиям. Либеральное буржуазное министерство было лишь переходной ступенью, от которой страна,—в зависимости от того, какой оборот приняли бы события,—должна была или двинуться вперед к дальнейшей ступени — единой республике, или же снова вернуться к старому клерикально-феодальному и бюрократическому режиму. Во всяком случае настоящая, решительная борьба была еще впереди; мартовские события были только еще началом битвы.

Так как Австрия и Пруссия были в Германии двумя руководящими государствами, то всякая решительная революционная победа в Вене или Берлине была бы решающей для всей Германии. И действительно, события марта 1848 г. в обоих городах определили направление движения в Германии. Поэтому было бы излишне останавливаться на движениях, происходивших в мелких государствах, и мы могли бы ограничиться исключительно изложением австрийских и прусских дел, если бы существование этих мелких государств не вызвало к жизни учреждения, кото-

рое одним фактом своего существования представляло разительное доказательство ненормального состояния Германии и половинчатости недавней революции, — учреждения столь уродливого, столь нелепого уже по самому своему положению и, однако, до такой степени преисполненного сознания своей важности, что, вероятно, история никогда больше не создаст ничего подобного. Этим учреждением было так называемое *германское Национальное собрание* во Франкфурте-на-Майне.

После победы народа в Вене и Берлине само собою стало ясно, что должно быть созвано представительное собрание для всей Германии. И вот это Собрание было избрано и открылось во Франкфурте рядом со старым Союзным сеймом. Народ ждал от германского Национального собрания, что оно разрешит все спорные вопросы и будет действовать в качестве верховной законодательной власти всего Германского союза. Однако Союзный сейм, который созвал Собрание, ни в малой мере не определил его полномочий. Никто не знал, имеют ли его постановления силу закона или же они подлежат санкции Союзного сейма или санкции отдельных правительств. Ввиду такой неясности Собрание, если бы оно обладало хоть каплей энергии, должно было бы без всякого промедления распустить Союзный сейм — самое непопулярное учреждение в Германии — и заменить его союзным правительством, избранным из своих собственных членов. Оно должно было объявить себя единственным законным выразителем суверенной воли германского народа и тем самым сообщить силу закона всем своим постановлениям. Но прежде всего оно должно было бы обеспечить для себя в стране организованную и вооруженную силу, достаточную для того, чтобы сломить всякое сопротивление правительств. И все это было легко, очень легко сделать в начальной стадии революции. Но было бы уж слишком много ожидать таких шагов от Собрания, большинство которого состояло из либеральных адвокатов и профессоров-доктринеров, от Собрания, которое хотя и претендовало на то, будто оно заключает в себе цвет немецкой мысли и немецкой науки, но в действительности представляло арену, на которой старые, отжившие свой век политические актеры выставляли напоказ перед взорами Германии весь свой непреднамеренный комизм и всю свою неспособность к мышлению и действию. Это Собрание старых баб с первого же дня своего существования больше боялось самого слабого народного движения, чем всех реакционных заговоров всех немецких правительств, вместе взятых. Оно заседало под надзором Союзного сейма, — мало того, оно почти выпрашивало санкции Союзного сейма для своих решений, потому что это ненавистное учреждение должно было опубликовать его первые постановления. Вместо того чтобы утвердить свой суверенитет, оно всячески уклонялось от обсуждения этого опасного

вопроса. Вместо того чтобы окружить себя народной вооруженной силой, оно переходило к очередным делам, закрывая глаза на все акты насилия, учиняемые правительствами. На его глазах в Майнце ввели осадное положение, обезоружили майнцское население — и Национальное собрание не ударило пальцем о палец. Позже оно избрало эрцгерцога Иоганна австрийского в имперские правители и объявило все свои постановления имеющими силу закона. Но эрцгерцог Иоганн принял новый сан лишь по получении согласия от всех правительств и был назначен не Собранием, а Союзным сеймом. Что же касается законной силы указов Собрания, то правительства крупных государств так и не признали этого пункта, а Национальное собрание не настаивало на своем, так что этот вопрос остался открытым. Словом, перед нами было странное зрелище: это Собрание заявляло претензию быть единственным законным представителем великой и суверенной нации, а между тем у него не хватало ни желания, ни силы для того, чтобы заставить признать свои требования. Прения этого учреждения, остававшиеся совершенно безрезультатными, не представляли в то же время и теоретической ценности, так как в них просто-напросто пережевывались самые избитые общие места устарелых философских и юридических школ. Всякое положение, какое только было высказано, или, вернее, какое пробормотали в этом Собрании, было уже давным-давно бесконечное число раз, и притом несравненно лучше, опубликовано в печати.

Таким образом, это учреждение, претендовавшее быть новой центральной властью в Германии, оставило все в таком виде, как нашло. Далекое от того, чтобы осуществить давно ожидаемое единство Германии, оно не устранило ни одного, хотя бы ничтожнейшего, из монархов, господствовавших в Германии; оно не скрепило теснее союза ее разрозненных областей; оно ничего не сделало для того, чтобы разрушить таможенные заставы, которые отделяли Ганновер от Пруссии и Пруссию от Австрии; оно даже не сделало ни малейшей попытки устранить ненавистные пошлины, которые в Пруссии на каждом шагу препятствовали речному судоходству. Но чем меньше делало Национальное собрание, тем больше шуму производило оно. Оно создало германский флот, но на бумаге; оно присоединило Польшу и Шлезвиг; оно разрешило Немецкой Австрии вести войну против Италии, но воспретило итальянцам преследовать австрийцев в их надежном убежище на германской территории; оно разразилось приветственными возгласами по адресу французской республики и принимало венгерские посольства, которые, несомненно, возвращались домой с более смутными представлениями о Германии, чем те, которые у них были до приезда.

Это Собрание в начале революции было пугалом для всех германских правительств. Правительства ожидали от него весьма

диктаторских и революционных действий в силу полной неопределенности, в которой было признано необходимым оставить вопрос о его компетенции. Чтобы ослабить влияние этого внушавшего страх учреждения, они раскинули чрезвычайно обширную сеть интриг. Но оказалось, что у них было больше счастья, чем ума: в действительности это Собрание выполняло дело правительств лучше, чем они могли бы это сделать сами. Главным среди интриг правительств был созыв местных законодательных собраний; не только мелкие государства созвали свои палаты, но и Пруссия и Австрия организовали у себя учредительные собрания. В этих собраниях, как и во франкфуртском парламенте, большинство принадлежало либеральной буржуазии или ее союзникам — либеральным адвокатам и чиновникам; и в каждом из этих собраний дела приняли почти один и тот же оборот. Единственным отличием было лишь то, что германское Национальное собрание было парламентом какой-то воображаемой страны, так как оно отказалось создать объединенную Германию, т. е. как раз то, создание чего было первым условием его собственного существования; что оно обсуждало воображаемые мероприятия им же созданного в воображении правительства, мероприятия, которым не было суждено когда-либо осуществиться, и принимало воображаемые постановления, до которых никому не было дела. Напротив, учредительные собрания в Австрии и Пруссии были как-никак действительными парламентами; они свергали и назначали действительных министров и навязывали, хотя бы только на время, свои постановления монархам, с которыми им приходилось бороться. Они тоже были достаточно трусливы, им тоже недоставало широкого понимания революционных мероприятий; они тоже предали народ и возвратили власть в руки феодально-бюрократического и военного деспотизма. Но положение вынуждало их по крайней мере обсуждать практические вопросы, представляющие непосредственный интерес, и жить на земле с другими людьми, между тем как франкфуртские болтуны испытывали наивысшее счастье, когда им удавалось парить в «воздушном царстве грез», (*im Luftreich des Traums*). Поэтому прения берлинского и венского учредительных собраний составляют важную часть в истории германской революции, между тем как ораторские потуги шутовской франкфуртской коллегии могут заинтересовать лишь коллекционера литературных и антикварных курьезов.

Германский народ, глубоко чувствуя необходимость положить конец ненавистой территориальной раздробленности, которая распыляла и сводила к нулю совокупную силу нации, некоторое время ожидал, что хоть франкфуртское Национальное собрание положит начало новой эре. Но ребяческое поведение этой компании глупцов, вообразивших себя мудрецами, быстро расхолодило национальный энтузиазм. Позорные происшествия,

сопровождавшие перемирие, заключенное в Мальме (сентябрь 1848 г.), переполнили чашу народного негодования против этого Собрания, от которого ожидали, что оно создаст свободную арену для проявлений национальной деятельности, но которое вместо этого, охваченное неслыханной трусостью, только вернуло прежнюю устойчивость тем основам, на которых построена нынешняя контрреволюционная система.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
27 февраля 1852 г.*

VIII. ПОЛЯКИ, ЧЕХИ И НЕМЦЫ ¹

Лондон, февраль 1852 г.

Из того, что было изложено в предыдущих статьях, уже ясно, что, раз за мартовской революцией 1848 г. не последовало новой революции, положение дел в Германии неизбежно должно было возвратиться к тому состоянию, в котором оно находилось перед этим событием. Но сущность того исторического явления, на которое мы хотим пролить некоторый свет, настолько сложна, что невозможно вполне уразуметь последующие события, не рассмотрев той стороны, которую можно назвать международными отношениями германской революции. Эти международные отношения были не менее запутаны, чем внутренние дела.

Вся восточная половина Германии — до Эльбы, Заале и Богемского леса за последнее тысячелетие, как хорошо известно, была отвоевана у завоевателей славянского происхождения. Большая часть этой области подверглась германизации, так что славянская национальность и язык там совершенно исчезли уже несколько столетий тому назад. И если оставить в стороне немногие совершенно изолированные остатки, насчитывающие в совокупности менее ста тысяч душ (кашубы в Померании, венды или сорбы в Лаузице), то жители здесь — во всех отношениях немцы. Иначе обстоит дело на протяжении всей границы с прежней Польшей и в странах чешского языка, в Богемии и Моравии. Здесь в каждом округе перемешаны две национальности: города в общем

¹ Маркс и Энгельс подходили к разрешению национального вопроса так же, как и всех других вопросов пролетарской политики, под углом зрения интересов революции и классовой борьбы пролетариата. В 1848—1849 гг. чехи и южные славяне в своей борьбе за независимость ориентировались на царскую Россию, которая была в то время европейским жандармом; таким образом, они на деле являлись защитниками реакции в Европе. Буржуазия вообще оказалась неспособной разрешить национальный вопрос. Только с победой социалистической революции создались условия действительного освобождения всех угнетенных национальностей и колониальных стран. В трудах Ленина и Сталина теоретические взгляды марксизма на национальный вопрос получили всестороннее дальнейшее развитие. В СССР с победой социализма национальный вопрос полностью разрешен. *Ред.*

являются более или менее немецкими, между тем как в деревнях преобладает славянский элемент, хотя и здесь он постепенно распадается и оттесняется непрерывным ростом немецкого влияния.

Причина такого положения вещей заключается в следующем. Со времен Карла Великого немцы с величайшей настойчивостью и постоянством направляли свои усилия на то, чтобы завоевать, колонизовать или по меньшей мере цивилизовать Восток Европы. Завоевания, сделанные феодальным дворянством между Эльбой и Одером, и феодальные колонии военных рыцарских орденов в Пруссии и Ливонии пролагали лишь пути для несравненно более широкой и действенной германизации при посредстве торговой и промышленной буржуазии, социальное и политическое значение которой, начиная с XV столетия, выросло в Германии, как и в остальной Западной Европе. Славяне, в особенности западные славяне — поляки и чехи, — по преимуществу народ земледельческий; торговля и промышленность никогда не были у них в большой чести. Вследствие этого, с ростом населения и возникновением городов производство всех продуктов промышленности попало в этих странах в руки немецких иммигрантов, а обмен промышленных продуктов на земледельческие сделался исключительной монополией евреев, которые, если они вообще принадлежат к какой-либо национальности, в этих странах являются, несомненно, скорей немцами, чем славянами. То же самое было, хотя и в меньшей степени, и на всем Востоке Европы. В Петербурге, Пеште, Яссах и даже Константинополе ремесленником, мелким торговцем, мелким фабрикантом до сего дня является немец; напротив, ростовщик, кабатчик, разносчик — очень важная персона в этих странах с редким населением — почти без всяких исключений еврей, родным языком которого является безобразно исковерканный немецкий. Значение немецкого элемента в пограничных славянских областях, неизменно возраставшее с ростом городов, торговли и промышленности, еще больше усилилось, когда выяснилась необходимость ввозить из Германии почти все элементы духовной культуры. Вслед за немецким купцом и ремесленником на славянской почве осели немецкий пастор, немецкий школьный учитель, немецкий ученый. И, наконец, железная поступь завоевательных армий или осторожная и хорошо обдуманная игра дипломатии не только следовали за медленным, но верным процессом денационализации посредством социального развития, но зачастую опережали этот процесс. Так, после первого раздела Польши были онемечены значительные части Западной Пруссии и Познани посредством продажи и отвода государственных земель немецким колонистам, поощрения немецких капиталистов к основанию в этих смежных областях промышленных предприятий и т. д. и очень часто также посредством крайне деспотических мероприятий против польского населения страны.

Таким образом, за последние 70 лет пограничная линия между немецкой и польской национальностями значительно передвинулась. Революция 1848 г. сразу вызвала со стороны всех угнетенных наций требование независимого существования и права самостоятельно вершить свои собственные дела; совершенно естественно поэтому, что поляки немедленно потребовали восстановления своей страны в границах старой Польской республики 1772 г. Правда, эта граница уже и в то время устарела, если брать ее как разграничение между немецкой и польской национальностями, и с каждым годом становилась все более устарелой по мере того, как шел вперед процесс онемечения. Однако немцы с таким воодушевлением высказывались тогда за восстановление Польши, что им надо было ожидать, что их попросят, в качестве первого доказательства искренности их симпатий, отказаться от *своей* части награбленной добычи. Но, с другой стороны, неужели следовало уступить целые области, населенные преимущественно немцами, и большие города, совершенно немецкие, — уступить народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма, основанного на закрепощении сельского населения? Вопрос был весьма сложен. Единственным возможным его разрешением была война против России. Тогда вопрос о разграничении между различными охваченными революцией нациями стал бы второстепенным по сравнению с главным вопросом — об установлении надежной границы против общего врага. С поляками, если бы они получили обширные территории на Востоке, было бы легче договориться на разумных основаниях относительно Запада; в конце концов Рига и Митава оказались бы для них не менее важными, чем Данциг и Эльбинг. Поэтому передовая партия в Германии, считая войну против России необходимой для того, чтобы оказать поддержку движению на континенте, и будучи убеждена, что национальное восстановление хотя бы только части Польши неминуемо повело бы к этой войне, поддерживала поляков. Напротив, для правящей буржуазной партии было ясно, что национальная война против России поведет к ее собственному падению, так как война выдвинет и поставит у власти более активных и энергичных людей; поэтому она, проявляя лицемерный энтузиазм к расширению немецкой национальности, объявила Прусскую Польшу, главный очаг польского революционного брожения, неотделимой составной частью будущей германской империи. Обещания, данные полякам в первые дни возбуждения, были постыдно нарушены; польские вооруженные отряды, организованные с согласия правительства, были рассеяны и перебиты прусской артиллерией, и уже в апреле 1848 г., всего шесть недель спустя после берлинской революции, польское движение было задушено, и снова возродилась старая национальная вражда

между поляками и немцами. Эту огромную и неоценимую услугу российскому самодержцу оказали либеральные купцы-министры — Кампгаузен и Ганземан. Следует добавить, что польская кампания была первым средством для того, чтобы реорганизовать и вновь преисполнить доверия к своим собственным силам ту самую прусскую армию, которая потом прогнала от власти либеральную партию и подавила движение, над созданием которого так трудились господа Кампгаузен и Ганземан. «Чем согрешили, тем они и были наказаны». Такова была вообще судьба всех выскочек 1848 и 1849 гг., от Ледрю-Роллена до Шангарнье и от Кампгаузена до Гайнау.

Национальный вопрос послужил поводом и к борьбе в Богемии. У этой страны, населенной двумя миллионами немцев и тремя миллионами славян, говорящих по-чешски, были великие исторические воспоминания, почти сплошь связанные с прежним господством чехов. Но мощь этой ветви семьи славянских народов была сломлена со времени гуситских войн¹ в XV веке; страны чешского языка были разделены: одна часть составила королевство Богемию, другая — княжество Моравию, третья, карпатская горная страна словаков, вошла в состав Венгрии. Моравы и словаки давно утратили всякие следы национального сознания и национальной жизни, хотя они в значительной степени сохранили свой язык. Богемия с трех сторон была окружена совершенно немецкими странами. Немецкий элемент сделал большие успехи в самой Богемии; даже в столице, в Праге, обе национальности были почти равны по численности, а капитал, торговля, промышленность и умственная культура повсюду были в руках немцев. Профессор Палацкий, главный борец за чешскую национальность, — это всего лишь спятивший с ума ученый немец; он даже до сих пор не умеет правильно и без иностранного акцента говорить на чешском языке. Но, как это часто бывает, умирающая чешская национальность, — умирающая, судя по всем известным из истории последних четырехсот лет фактам, — в 1848 г. сделала последнее усилие, чтобы вновь вернуть себе прежнюю жизнеспособность, усилие, крушение которого должно, независимо от всех революционных соображений, доказать, что Богемия может впредь существовать лишь в качестве составной части Германии, хотя бы часть ее жителей в течение нескольких веков все еще продолжала говорить на не-немецком языке.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
5 марта 1852 г.*

¹ *Гуситские войны* (первая половина XV века) были, по характеристике Маркса и Энгельса, «национально-чешской крестьянской войной под религиозным знаменем против немецкого дворянства и верховной власти германского императора» («Новая Рейнская Газета» № 194 от 13 января 1849 г.). *Ред.*

IX. ПАНСЛАВИЗМ. ШЛЕЗВИГ-ГОЛШТИЙСКАЯ ВОЙНА

Лондон, февраль 1852 г.

Богемия и Хорватия (еще один из разьединенных членов славянской семьи, который подвергался воздействию венгров, подобно тому, как Богемия подвергалась воздействию немцев) были родиной того, что на европейском континенте называется «панславизмом». Ни Богемия, ни Хорватия не были достаточно сильны, чтобы существовать как самостоятельные нации. Их национальности, постепенно подтачиваемые ходом исторического развития, неизбежно ведущим к поглощению их более энергичными народами, могли бы рассчитывать на возрождение известной самостоятельности лишь при условии союза с другими славянскими нациями. Существует 22 миллиона поляков, 45 миллионов русских, 8 миллионов сербов и болгар; почему бы не составить мощную конфедерацию из 80 миллионов славян, чтобы оттеснить или уничтожить захватчиков святой славянской земли — турок, венгров и прежде всего — ненавистных, но столь необходимых *немцев* (Niemetz). Таким-то образом в кабинетах некоторых славянских дилетантов исторической науки возникло это нелепое, антиисторическое движение, поставившее себе целью ни много, ни мало, как подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город — деревне, торговлю, промышленность, духовную культуру — первобытному земледелию славян-крепостных. Но за этой нелепой теорией стояла грозная действительность в лице *Российской империи* — той империи, которая каждым своим движением показывает, что она считает всю Европу достоянием славянского племени и в особенности единственно энергичной части его — русских; той империи, которая со своими двумя столицами — Петербургом и Москвой — все еще не отыскала своего центра тяжести, пока «город царя» (Константинополь называется по-русски Царьград, город царя), который всякий русский крестьянин считает истинным центром своей религии и своей нации, не станет фактической резиденцией русского императора; той империи, которая за последние 150 лет ни разу не теряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой предпринятой ею войной. И Центральная Европа хорошо знает интриги, при помощи которых русская политика поддерживала новомодную теорию панславизма, теорию, как нельзя лучше соответствующую ее целям. Так, богемские и хорватские панслависты, одни сознательно, другие не сознавая этого, действовали прямо в интересах России; они предали дело революции из-за призрака национальности, которую в лучшем случае ожидала бы судьба польской национальности под русским господством. Следует, однако, отметить к чести поляков, что они никогда серьезно не попадались на эту панславистскую удочку, и если

некоторые из их аристократов сделались яростными панславистами, то они знали, что под русским игом они потеряют меньше, чем от восстания своих собственных крепостных.

Чехи и хорваты созвали в Праге общеславянский конгресс для подготовки всеобщего славянского союза. Если бы даже не вмешались австрийские войска, конгресс все равно окончился бы неудачей. Отдельные славянские языки в такой же степени отличаются один от другого, как английский, немецкий и шведский; поэтому при открытии прений выяснилось отсутствие общего славянского языка, который был бы понятен всем присутствующим. Попробовали говорить по-французски, но большинство не понимало и этого языка, и вот несчастные энтузиасты-славяне, у которых единственным общим чувством только и была общая ненависть к немцам, в конце концов были вынуждены объясняться на ненавистном немецком языке — единственном понятном для всех собравшихся! Но как раз в это же самое время в Праге собрался еще один славянский конгресс — в виде галицийских улан, хорватских и словацких гренадеров и чешских артиллеристов и кирасиров, и этот реальный, вооруженный славянский конгресс под командой Виндишгреца менее чем в двадцать четыре часа выгнал из города основателей воображаемой славянской гегемонии и рассеял их во все стороны.

Богемские, моравские, далматские и часть польских депутатов (аристократия) австрийского Учредительного собрания вели в этом Собрании систематическую борьбу против немецкого элемента. Немцы и часть поляков (разорившееся дворянство) были в этом Собрании главными сторонниками революционного прогресса. Масса славянских депутатов, стоявших в оппозиции к ним, не довольствуясь этим открытым проявлением реакционных тенденций всего своего движения, обнаружила такую беспринципность, что вела интриги и устраивала заговоры с тем самым австрийским правительством, которое разогнало их собрание в Праге. И они были вознаграждены за свое позорное поведение. После того как славянские депутаты оказали правительству поддержку во время октябрьского восстания 1848 г., которое в конце концов обеспечило им большинство в Учредительном собрании, это — теперь уже почти исключительно славянекое — Собрание было, подобно пражскому конгрессу, разогнано австрийскими солдатами, и панславистам пригрозили тюрьмой, если они опять вздумают шевельнуться. И они добились лишь того, что славянская национальность теперь повсюду подтачивается австрийской централизацией — результат, которым они обязаны своему собственному фанатизму и своему собственному ослеплению.

Если бы границы Венгрии и Германии оставляли место каким-либо сомнениям, то и здесь непременно разгорелась бы ссора. Но, к счастью, тут не было таких поводов, и так как интересы

обеих наций были тесно связаны, то они боролись против одних и тех же врагов — против австрийского правительства и панславистского фанатизма. Доброе согласие не омрачалось здесь ни на один момент. Но итальянская революция впутала часть Германии в пагубную войну, и здесь необходимо указать в доказательство того, до какой степени меттерниховской системе удалось затормозить развитие общественного сознания, что в течение первых шести месяцев 1848 г. те самые люди, которые в Вене бились на баррикадах, шли с воодушевлением в армию, сражавшуюся против итальянских патриотов. Однако это прискорбное недоразумение продолжалось недолго.

Наконец, велась еще война с Данией из-за Шлезвига и Голштинии. Эти области, несомненно немецкие по национальности, языку и симпатиям населения, необходимы Германии также и по военным, морским и торговым причинам. Жители этих областей за последние три года вели упорную борьбу против датского вторжения. За них были, кроме того, и договоры. Мартовская революция привела их к открытому конфликту с датчанами, и Германия оказала им поддержку. Но в то время как в Польше, в Италии, в Богемии, а позже в Венгрии военные операции велись с величайшей решительностью, в этой войне, единственно популярной, единственно хотя бы отчасти революционной, была принята система бесполезных маршей и контрмаршей и было допущено даже вмешательство иностранной дипломатии, в силу чего все дело после нескольких героических сражений завершилось самым жалким концом. Во время этой войны немецкое правительство при каждом удобном случае предавало революционную армию Шлезвиг-Голштинии и преднамеренно позволяло датчанам уничтожать ее, когда она оказывалась рассеянной или разделенной. Подобное же отношение было и к корпусам немецких волонтеров.

Но в то время как немецкое имя при таких обстоятельствах ничего не стяжало, кроме всеобщей ненависти, немецкие конституционные и либеральные правительства только потирали руки от радости. Им удалось подавить польское и чешское движение. Повсюду они пробудили старую национальную вражду, которая до сих пор препятствовала какому бы то ни было соглашению и совместным действиям немцев, поляков и итальянцев. Правительства приучили население к сценам гражданской войны и к насильственному подавлению с помощью войска. Прусская армия в Польше и австрийская в Праге вновь обрели уверенность в себе. И в то время как воодушевленную чрезмерным патриотизмом, революционную, но близорукую молодежь (*«патриотическую сверхсилу»* — по выражению Гейне) спровадили в Шлезвиг и Ломбардию, чтобы она гибла под картечью врага, — в это самое время регулярную армию, это действительное орудие как Австрии, так и Пруссии, поставили в такое положение, чтобы

она победами над чужеземным врагом завоевала себе общественное расположение. Но мы повторяем: едва лишь эти армии, усиленные либералами, чтобы использовать их против более радикальной партии, восстановили до некоторой степени уверенность в себе и дисциплину, как они обратились против самих либералов и вернули власть представителям старой системы. Когда Радецкий в своем лагере у реки Адидже получил первые приказы «ответственных министров» из Вены, он воскликнул: «Кто эти министры? Это не австрийское правительство! Австрия теперь только в моем лагере; я и моя армия — вот Австрия; когда мы разобьем италянцев, мы вернем империю императору». И старик Радецкий был прав. Но безмозглые «ответственные» министры в Вене не обращали на него внимания.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
15 марта 1852 г.*

Х. ПАРИЖСКОЕ ВОССТАНИЕ. ФРАНКФУРТСКОЕ СОБРАНИЕ

Лондон, февраль 1852 г.

Еще в самом начале апреля 1848 г. революционный поток на всем континенте Европы был остановлен союзом, который общественные классы, извлекая выгоду из первых побед, немедленно заключили с побежденными. Во Франции мелкая буржуазия и республиканская фракция буржуазии соединились с монархической буржуазией против пролетариата. В Германии и Италии победоносная буржуазия ревностно домогалась поддержки феодального дворянства, государственной бюрократии и армии против народных масс и мелких буржуа. Очень скоро объединенные консервативные и контрреволюционные партии снова получили перевес. В Англии несвоевременная и плохо подготовленная народная демонстрация (10 апреля) превратилась в полный и решительный разгром народной партии. Во Франции две такие же попытки тоже окончились неудачей (16 апреля и 15 мая). В Италии Король-бомба ¹ 15 мая одним ударом восстановил свою власть. В Германии упрочились разные новые буржуазные правительства и их учредительные собрания, и хотя бурное 15 мая в Вене закончилось победой народа, но это событие все же имело лишь второстепенное значение и может считаться последней успешной вспышкой народной энергии. В Венгрии движение, казалось, входило в спокойное русло полной законности, а польское движение, как мы видели, еще в зародыше было убито прусскими штыками. Однако все это далеко не предreshало, какой оборот примут в конце концов дела, и каждая пядь земли, которую

¹ *Король-бомба* — кличка неаполитанского короля Фердинанда II, по приказанию которого восставший город Палермо был подвергнут бомбардировке в течение двух суток. *Ред.*

утрачивали революционные партии в разных странах, лишь побуждала их теснее сплачиваться для решительной битвы.

Эта решительная битва приближалась. Она могла разыграться в одной только Франции: действительно, пока Англия не приняла участия в революционной борьбе, а Германия оставалась раздробленной, Франция благодаря своей национальной самостоятельности, своей цивилизации и централизации была единственной страной, которая могла дать окружающим странам толчок к мощным потрясениям. Поэтому, когда 23 июня 1848 г. в Париже началось кровопролитное сражение и каждая новая телеграмма, каждая новая почта все яснее раскрывала перед Европой тот факт, что бой идет между массой трудящегося народа на одной стороне и всеми остальными классами парижского населения, поддерживаемыми армией, — на другой; когда бой затянулся на несколько дней — с ожесточением, неслыханным в истории современных гражданских войн, но без заметных успехов для той или другой стороны, — тогда всякому сделалось ясно, что это — великий, решительный бой, который в случае победы восстания затопит весь континент новыми революциями, в случае же своего поражения приведет по меньшей мере к временному восстановлению контрреволюционного режима.

Парижские пролетарии были побеждены, разбиты, раздавлены настолько, что они и теперь еще не оправились от этого удара. И немедленно же новые и старые консерваторы и контрреволюционеры во всей Европе подняли голову с такой наглостью, которая доказывала, как хорошо они поняли всю важность события. Печать повсюду стала подвергаться преследованиям, право собраний и союзов было ограничено; каждым ничтожным происшествием в каком-либо маленьком провинциальном городке начали пользоваться с той целью, чтобы отобрать у населения оружие, ввести осадное положение и дать войскам практику в тех новых маневрах и приемах, которым их обучил Кавеньяк. И, кроме того, впервые со времен Февраля непобедимость народного восстания в большом городе оказалась иллюзией; честь армии была опять восстановлена; войска, которые до сих пор всегда терпели поражение в сколько-нибудь значительных уличных боях, вновь приобрели уверенность в том, что им по плечу и такого рода борьба.

Со времени этого поражения парижских рабочих ведут свое начало и первые положительные шаги и определенные планы старой феодально-бюрократической партии Германии, направленные к тому, чтобы отделаться даже и от своей временной союзницы — буржуазии — и восстановить положение, существовавшее в Германии до мартовских событий. Армия снова стала решающей силой в государстве, но армия принадлежала не буржуазии, а именно этой партии. Даже в Пруссии, где перед 1848 г. часть младших офицеров обнаруживала сильные симпатии к кон-

ституционному режиму, беспорядок, внесенный в армию революцией, снова сделал этих рассудительных молодых людей верными их присяге. Стоило лишь простым солдатам допустить некоторую вольность по отношению к офицерам, как последний сразу стала понятной необходимость дисциплины и бессловесного подчинения. Побегденные дворяне и бюрократы начали теперь понимать, что надо делать. Следовало только постоянно приводить к мелким конфликтам с народом армию, более сплоченную, чем когда бы то ни было, ободренную рядом побед в мелких восстаниях и в военных действиях за границей и жаждавшую таких же крупных успехов, каких только что добились французские солдаты, — и эта самая армия при наступлении решительного момента одним сильным ударом могла бы уничтожить революционеров и положить конец заносчивости буржуазных парламентариев. Подходящий момент для такого решительного удара наступил очень скоро.

Мы не останавливаемся на иногда курьезных, но в большинстве случаев скучных парламентских прениях и местных конфликтах, занимавших в Германии различные партии в течение лета. Достаточно сказать, что большинство представителей буржуазных интересов, несмотря на многочисленные парламентские победы, из которых ни одна не привела к какому-либо практическому результату, чувствовали, что их положение между крайними партиями становится изо дня в день все более неустойчивым; поэтому они оказались вынужденными сегодня добиваться союза с реакционерами, а завтра заискивать у более демократических партий. Эти постоянные колебания окончательно уронили их в общественном мнении, и, в соответствии с дальнейшим оборотом дел, то презрение, которое они навлекли на себя, было наруку главным образом бюрократам и феодалам.

К началу осени отношения партий стали крайне напряженными и до того критическими, что решительное сражение сделалось неизбежным. Первое столкновение в этой борьбе между демократическими и революционными массами и армией произошло во Франкфурте. Хотя столкновение это было второстепенным, но войска впервые получили здесь сколько-нибудь заметный перевес над восстанием, и это произвело огромное моральное действие. Пруссия по вполне понятным причинам позволила иллюзорному правительству, учрежденному франкфуртским Национальным собранием, заключить такое перемирие с Данией, которое не только предало шлезвигских немцев мстительности датчан, но и было полным отрицанием более или менее революционных принципов, лежавших, согласно общему убеждению, в основе датской войны. Франкфуртское собрание отклонило это перемирие большинством двух или трех голосов. За этим голосованием последовала комедия министерского кризиса, а три дня спустя Собрание пересмотрело свое решение и вынуждено было фактически отменить его и при-

знать перемирие. Этот позорный поступок возбудил в народе негодование. Были воздвигнуты баррикады. Но во Франкфурте уже было сосредоточено достаточно войск, и после шестичасового боя восстание было подавлено. Такие же, хотя и менее значительные волнения в связи с этим событием произошли и в других частях Германии (Бадене, Кельне), но все они точно так же были подавлены.

Эта предварительная стычка принесла контрреволюционной партии одну огромную выгоду, заключающуюся в том, что единственное правительство, которое — по меньшей мере по видимости — вышло всецело из народных выборов, а именно имперское правительство во Франкфурте, равно как и Национальное собрание потеряли в глазах народа всякий авторитет. Это правительство и это Собрание вынуждены были прибегнуть к солдатским штыкам против выражения народной воли. Они были скомпрометированы, и как ни мало прав на уважение заслужили они до сих пор, это отречение от своего происхождения, эта зависимость от враждебных народу правительств и их войск уже окончательно превратили имперского правителя и его министров и депутатов в полные нули. Мы скоро увидим, с каким презрением встречали потом — сначала Австрия, за ней Пруссия, а в конце концов и мелкие государства — всякое распоряжение, всякую просьбу и всякую депутацию, которые исходили от этого собрания бессильных мечтателей.

Мы подходим теперь к великому отражению в Германии французской июньской битвы, к событию, которое для Германии имело не менее решающее значение, чем для Франции пролетарская борьба в Париже. Мы имеем в виду восстание и последовавший затем штурм Вены в октябре 1848 г. Но значение этой борьбы настолько велико, а с другой стороны, объяснение различных обстоятельств, оказавших особое влияние на ее исход, потребует столько места в «Трибуне», что мы должны посвятить этому предмету особое письмо.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
18 марта 1852 г.*

ХІ. ВЕНСКОЕ ВОССТАНИЕ

Лондон, март 1852 г.

Мы подходим теперь к тому решающему событию, которое в Германии явилось революционной параллелью к июньскому восстанию в Париже и которое одним ударом склонило весы на сторону контрреволюционной партии: к венскому восстанию в октябре 1848 г.

Мы видели, каково было положение различных классов Вены после победы 13 марта. Мы видели также, как движение Немецкой Австрии переплелось с событиями в не-немецких областях

Австрии и тормозилось ими. Следовательно, нам остается теперь лишь кратко отметить причины, которые привели к последнему и самому грозному восстанию в Немецкой Австрии.

Высшее дворянство и финансовая буржуазия, бывшие главной неофициальной опорой меттерниховского режима, смогли даже и после мартовских событий попрежнему оказывать решающее влияние на правительство; они пользовались при этом не только двором, армией и бюрократией, но в еще большей степени страхом перед «анархией», который быстро охватил буржуазию. Эти круги очень скоро осмелились пустить несколько пробных шаров в виде закона о печати¹, чудовищной аристократической конституции² и избирательного закона, в основе которого лежало старинное разделение на «сословия». Так называемое конституционное министерство, составленное из трусливых, неспособных, полулиберальных бюрократов, 14 мая отважилось даже на прямой удар против революционных организаций масс и распустило Центральный комитет делегатов от Национальной гвардии и Академического легиона, — организацию, созданную специально для того, чтобы контролировать правительство и в случае необходимости призывать против него народные силы. Но этот акт лишь вызвал восстание 15 мая, которое заставило правительство признать Комитет, отменить конституцию и избирательный закон и передать полномочия на выработку нового основного государственного закона Учредительному сейму, избранному на основе всеобщего избирательного права. На следующий день все это было утверждено в императорском манифесте. Но реакционной партии, у которой были свои представители в министерстве, скоро удалось подтолкнуть своих «либеральных» коллег к новому нападению на завоевания народа. Академический легион, главный оплот прогрессивной партии, центр постоянной агитации, именно потому и стал несносен для более умеренных венских бюргеров. 26 мая министерским приказом он был распущен. Удар, пожалуй, увенчался бы удачей, если бы исполнение приказа было поручено только части Национальной гвардии; но правительство, которое не доверяло и гвардии, вывело на улицы войска, и Национальная гвардия тотчас же круто повернула, соединилась с Академическим легионом и таким образом расстроила план министерства.

Между тем император еще 16 мая вместе со своим двором оставил Вену и бежал в Инсбрук. Здесь, окруженная фанатично-

¹ Закон о печати требовал внесения большой суммы залога для получения права издания газеты. *Ред.*

² Конституция от 25 апреля не давала рабочим избирательного права, учреждала вторую (верхнюю) палату, сохраняла областные сословные представительные учреждения и предоставляла императору право отклонения законов, принятых палатами. *Ред.*

набожными тирольцами, лойяльность которых пробудилась ввиду опасности вторжения в их страну сардинско-ломбардской армии, поддерживаемая близостью войск Радецкого, стоявших на расстоянии выстрела от Инсбрука, контрреволюционная партия нашла себе убежище, откуда она, свободная от контроля и наблюдения, могла уверенно собирать свои рассеянные силы, плести и раскидывать по всей стране сеть интриг. Отсюда вступили в сношения с Радецким, Елачишем и Виндишгрецем, а также с надежными людьми из административной иерархии различных провинций; отсюда завязывали интриги с вождами славян и таким образом организовали реальную силу, находившуюся в распоряжении контрреволюционной камарильи, между тем как неспособные министры в Вене растрачивали свою недавнюю и незначительную популярность в постоянных столкновениях с революционными массами и в дебатах вскоре собравшегося Учредительного собрания. Так, в течение некоторого времени движение в Вене было предоставлено самому себе. Такая политика в централизованной и однородной стране вроде Франции повела бы к всемогуществу партии движения, — здесь, в Австрии, в разношерстном политическом конгломерате, она была одним из вернейших средств к тому, чтобы реорганизовать силы реакционеров.

Венская буржуазия, убежденная в том, что после трех последовавших друг за другом поражений двора и при наличии Учредительного собрания, основанного на всеобщем избирательном праве, ей уже нечего опасаться двора как противника, — эта венская буржуазия все более и более поддавалась той усталости и апатии и тому вечному стремлению к спокойствию и порядку, которые всегда охватывают этот класс после сильных потрясений и связанных с ними нарушений в деловой жизни. Промышленность столицы Австрии ограничивается почти исключительно производством предметов роскоши, на которые со времени революции и бегства двора спрос, разумеется, стал очень незначительным. Призывы к восстановлению упорядоченной правительственной системы и к возвращению двора — и от того и от другого ожидали оживления дел, — эти призывы теперь среди буржуазии стали всеобщими. Открытие Учредительного собрания в июле приветствовали с восторгом как конец революционной эры. Так же приветствовали и возвращение двора, который после побед Радецкого в Италии и создания реакционного министерства Добльгофа почувствовал себя достаточно сильным, чтобы не бояться натиска народа, и, кроме того, считал свое присутствие в Вене необходимым для того, чтобы довести до конца интриги, начатые с славянским большинством сейма. В то время как Учредительный сейм обсуждал законы об освобождении крестьянства от феодального рабства и принудительного труда на дворян, двору удалось

ловкий маневр. Императору предложили произвести 19 августа смотр Национальной гвардии; императорская фамилия, придворные, генералитет соперничали друг с другом в лести по адресу вооруженных бюргеров, которые и без того уже были вне себя от гордости, что их публично признают одной из решающих сил в государстве. Непосредственно вслед за этим появился приказ, подписанный г-ном Шварцером, единственным популярным министром в кабинете, лишавший безработных выдававшегося им до тех пор пособия от государства. Уловка удалась. Рабочие устроили демонстрацию; буржуазная Национальная гвардия высказалась за приказ своего министра; национальные гвардейцы бросились на «анархистов», как тигры, напали 23 августа на безоружных, не оказавших сопротивления рабочих и многих из них перебили. Так были сломлены единство и мощь революционной боевой силы. В Вене классовая борьба между буржуазией и пролетариатом тоже дошла, таким образом, до кровопролитного взрыва, и контрреволюционная камарилья уже видела приближение того дня, когда она сможет нанести решительный удар.

Венгерские дела очень скоро дали повод открыто высказать те принципы, которыми контрреволюционная камарилья собиралась руководствоваться в своих действиях. 5 октября императорский указ, под которым не было подписи ни одного венгерского ответственного министра, объявил в «Венской Газете» венгерский сейм распущенным и назначил наместником императора и главнокомандующим императорских войск в Венгрии хорватского бана Елачича, вождя южно-славянской реакции, человека, который фактически вел войну с законными властями Венгрии. В то же время войска, стоявшие в Вене, получили приказ выйти из города и присоединиться к армии, которая должна была стать опорой власти Елачича. Но это значило уже слишком явно раскрывать карты; каждый житель Вены чувствовал, что война против Венгрии равносильна войне против принципа конституционного правительства. Принцип этот был погран уже тем, что император попытался издавать без подписи ответственного министра распоряжения, имеющие силу закона. 6 октября народ, Академический легион и Национальная гвардия Вены подняли массовое восстание и воспротивились выступлению войск из города. Некоторые гренадеры перешли на сторону народа; произошла короткая схватка между боевыми силами народа и солдатами; военный министр Латур был убит народом, и к вечеру народ оказался победителем. Между тем бан Елачич, разбитый Перцелем при Штульвейсенбурге, бежал на немецко-австрийскую территорию близ Вены. Венский гарнизон, который должен был выйти к нему на помощь, вместо того обнаружил по отношению к нему явную враждебность и приготовился защи-

щаться; император и двор снова бежали, на этот раз в Ольмюц, на полуславянскую территорию.

Но в Ольмюце двор находился в совершенно иных условиях, чем это было в Инсбруке. Теперь он мог уже непосредственно начать поход против революции. Он был окружен славянскими депутатами Учредительного сейма, которые толпами стекались в Ольмюц, и славянскими энтузиастами из всех частей монархии. Военный поход, как им представлялось, должен был превратиться в войну за восстановление славянства и в истребительную войну против пришельцев в страну, которую они считали славянской, против немцев и мадьяр. Виндишгрец, победитель Праги, а теперь командующий армией, сосредоточенной вокруг Вены, сразу сделался героем славянской народности. Его армия со всех сторон быстро стала получать подкрепления. Из Богемии, из Моравии, Штирии, Верхней Австрии и Италии полки за полками шли по направлению к Вене, чтобы соединиться с войсками Елачича и с прежним гарнизоном Вены. Таким образом, к концу октября скопилось свыше 60 тысяч человек, которые вскоре начали со всех сторон окружать столицу империи, пока, наконец, к 30 октября они не продвинулись настолько, что можно было отважиться на решительный штурм.

Между тем в Вене царили смущение и растерянность. Буржуазию, как только победа была одержана, опять охватило старое недоверие к «анархическому» рабочему классу. Рабочие, помня, как за шесть недель перед тем обошлись с ними вооруженные лавочники, помня непостоянную, полную колебаний политику буржуазии в целом, не хотели доверить ей защиту города и потребовали себе оружия и военной организации. Академический легион, обуреваемый жаждой борьбы с императорским деспотизмом, был совершенно не в состоянии понять ни того, в чем заключается источник взаимного отчуждения обоих общественных классов, ни того, чего вообще требует положение. Путаница царила и в головах народа и в руководящих сферах. Остатки сейма, немецкие депутаты и несколько славян, — которые, за исключением немногих революционных польских депутатов, несли шпионскую службу для своих ольмюцских друзей, — стали заседать непрерывно. Но вместо энергичных действий они тратили все свое время на праздные дебаты по вопросу о том, как можно выступить против императорской армии, не нарушая конституционной законности. Правда, Комитет общественной безопасности, составленный из представителей почти всех демократических организаций Вены, готов был оказать сопротивление; но им руководило большинство, состоявшее из венских бюргеров и мелкой буржуазии, которые никогда не допустили бы его до решительных, энергичных действий. Комитет Академического легиона принимал героические резолюции, но решительно не мог взять на себя роль руководителя. Ра-

бочие, окруженные недоверием, безоружные, неорганизованные, едва выбиравшиеся из духовного рабства, в котором их держал старый режим, едва проснувшиеся, не для того, чтобы полностью осознать, а лишь для того, чтобы только инстинктом почувствовать свое общественное положение и наиболее целесообразную для них политику, — могли проявлять себя лишь в шумных демонстрациях; нельзя было ожидать от них, чтобы они доросли до всех трудностей момента. Но, как и повсюду в Германии во время революции, они были готовы драться до последней крайности, как только получали оружие.

Таково было положение в Вене. Вне Вены — реорганизованная австрийская армия, ободренная победами Радецкого в Италии, — 60—70 тысяч человек, хорошо вооруженных и хорошо организованных и если не под хорошей командой, то все же имеющих командиров. Внутри Вены — хаос, классовые противоречия, дезорганизация: Национальная гвардия, часть которой решила вообще не сражаться, другая часть обнаруживала перешителность, и лишь ничтожная часть готова была действовать; пролетарская масса, сильная количественно, но без вождей, без всякой политической подготовки, способная почти беспричинно так же впасть в панический ужас, как и поддаваться взрывам ярости, жертва всякого ложного слуха, рвущаяся к борьбе, но безоружная, по крайней мере вначале, и лишь плохо вооруженная и кое-как организованная, когда ее, наконец, повели в бой; беспомощный сейм, который все еще вел диспуты о теоретических тонкостях, когда крыша над его головой была уже почти охвачена пламенем; руководящий комитет — без пыла, без энергии. Все изменилось со времени мартовских дней, когда в лагере контрреволюции царил полный хаос, а единственной существовавшей тогда организованной силой была та, которую создала революция. Едва ли еще оставалось место для сомнений, каков будет исход борьбы, а если сомнения и были, то они были устранены событиями 30 и 31 октября и 1 ноября.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
19 марта 1852 г.*

ХП. ШТУРМ ВЕНЫ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО, СОВЕРШЕННОЕ НО ОТНОШЕНИЮ К ВЕНЕ

Лондон, март 1852 г.

Когда, наконец, армия Виндишгреца, сконцентрировавшись, начала наступление на Вену, оборона могла противопоставить ей лишь совершенно недостаточные силы. Из Национальной гвардии можно было послать в окопы лишь некоторую часть. Правда, наскоро организовали, наконец, Пролетарскую гвардию, но так как слишком поздно приступили к использованию

этого наиболее многочисленного, храброго и энергичного класса населения, то он недостаточно ознакомился с употреблением оружия и с первыми начатками дисциплины и потому не мог оказать успешного сопротивления. Таким образом, Академический легион, численностью в 3—4 тысячи человек, хорошо подготовленный и до известной степени дисциплинированный, с военной точки зрения был единственной войсковой частью, способной выполнять свою роль успешно. Но что значил он вместе с небольшой надежной частью Национальной гвардии и беспорядочной массой вооруженных пролетариев, что значил он по сравнению с гораздо более многочисленными регулярными войсками Виндишгреца, не говоря уже о разбойничьих ордах Елачича, которые по всем своим жизненным навыкам были весьма полезны, когда приходилось брать дом за домом, переулочек за переулочком? И что, кроме нескольких старых, негодных, плохо устанавливаемых и плохо обслуживаемых пушек, могли противопоставить повстанцы многочисленной и прекрасно снабженной всем необходимым артиллерии, которой Виндишгрец дал такое беспощадное применение?

Чем ближе надвигалась опасность, тем более возрастало замешательство в Вене. Сейм до последнего момента не решался принять постановление о призыве на помощь венгерской армии Перцея, стоявшей в нескольких милях от города. Комитет общественной безопасности принимал противоречивые постановления, потому что и в нем, как и в вооруженных народных массах, энергия то возрастала, то падала в зависимости от прилива и отлива противоречивых слухов. Все соглашались лишь в одном пункте — уважении к собственности; и это уважение проявляли в размерах, почти комических при данных обстоятельствах. Для окончательной выработки плана обороны сделано было очень мало. Бем, единственный человек, который мог бы спасти Вену, если ее в то время вообще можно было спасти, почти никому неизвестный иностранец, славянин по происхождению, под бременем всеобщего недоверия отступился от этой задачи. Если бы он упорствовал, его могли бы растерзать, как изменника. Командир повстанцев Мессенгаузер — писатель-романист, понимавший в военном деле меньше, чем даже какой-нибудь младший офицер, — совершенно не годился для своей роли. И тем не менее народная партия по истечении восьми месяцев революционной борьбы не подготовила и не воспитала более способного военачальника, чем он. При таких обстоятельствах начался бой. Венцы — если принять во внимание их совершенно недостаточные средства обороны и полное отсутствие военной подготовки и организации — оказали геройское сопротивление. Во многих местах приказ, данный Бемом, когда он был командующим: «защищать позицию до последнего человека», — был выполнен буквально. Но сила

одолела. Императорская артиллерия считала одну за другой баррикады на длинных и широких улицах, главных артериях пригородов; и уже на второй день битвы к вечеру хорваты овладели рядом домов, расположенных против вала старого города. Слабая и беспорядочная атака венгерской армии окончилась полной неудачей. И во время перемирия, когда некоторые части во внутреннем городе сдались, когда другие колебались и распространяли смятение, когда остатки Академического легиона готовили новые окопы, императорские войска вторглись в город и, пользуясь всеобщим смятением, взяли приступом старый город.

Ближайшие последствия этой победы: зверства и казни по приговорам военных судов, неслыханные жестокости и гнусности, совершенные славянскими ордами, натравленными на Вену, — все это слишком известно и потому не нуждается в подробном описании. Дальнейшие последствия — совершенно новый оборот, который получили германские дела в результате поражения Венской революции, — будут освещены ниже. Мы остановимся лишь на двух еще пунктах, стоящих в связи с падением Вены. У населения этого города было два союзника — венгерский парод и германский народ. Что делали они в этот час испытаний?

Мы видели, что венцы со всем великодушием только что освобожденного народа восстали за дело, которое в последнем счете было и их делом, но прежде всего и больше всего делом венгров. Они предпочли сами принять первый и самый сильный натиск австрийских войск, чем позволить им двинуться против Венгрии. И в то время как они с таким благородством напрягали все усилия, чтобы поддержать своих союзников, венгры, успешно борясь против Елачича, отогнали его к Вене и своей победой усилили войска, предназначенные для нападения на этот город. При таких обстоятельствах несомненным долгом Венгрии было без малейшего промедления и со всеми наличными силами оказать помощь — не Венскому сейму, не Комитету общественной безопасности и не какой-либо другой официальной организации, а *Венской революции*. И если бы даже Венгрия забыла, что Вена дала первое сражение за Венгрию, то для своей собственной безопасности она не должна была забывать, что Вена была единственным аванпостом венгерской независимости и что после падения Вены уже ничто не могло бы задержать наступления императорских войск на Венгрию. Мы теперь очень хорошо знаем все, что венгры могли привести и приводили в оправдание своей бездеятельности во время осады и штурма Вены: неудовлетворительное состояние их собственных боевых сил, отказ сейма и всех остальных официальных организаций Вены призвать их на помощь, необходимость оставаться на почве конституции и избе-

жать осложнений с германской центральной властью. Что касается неудовлетворительного состояния венгерской армии, то все же остается тот факт, что в первые дни после взрыва революции в Вене и прибытия Елачича можно было бы обойтись и без регулярных войск, так как австрийские линейные войска далеко еще не были сконцентрированы; с другой стороны, решительные и непреклонные действия вслед за первыми победами над Елачичем, даже если бы налицо не было ничего, кроме одного лишь ландштурма, который сражался при Штульвейсенбурге, были бы вполне достаточны, чтобы установить связь с венцами и отодвинуть на шесть месяцев концентрацию австрийских войск. В войне, и особенно в революционной войне, быстрота действий, пока не достигнут какой-нибудь решительный успех, является основным правилом; мы не колеблясь утверждаем это на основании *чисто военных соображений*. Перцель не должен был останавливаться, пока он не соединился с венцами. Конечно, с этим была сопряжена известная опасность, но кто и когда выигрывал какое-либо сражение, ничем не рискуя при этом? И разве венское население — четыреста тысяч душ — ничем не рисковало, навлекая на себя боевые силы, предназначенные для покорения двенадцати миллионов венгров? Военная ошибка, заключавшаяся в том, что венгры пребывали в ожидании, пока австрийцы не соединились, а потом сделали при Швехате нерешительную демонстрацию, заслуженно окончившуюся бесславным поражением, — эта военная ошибка несомненно заключала в себе больше опасностей, чем смелое наступление на Вену против разнузданных разбойничьих банд Елачича.

Но, говорят, такое наступление венгров, не получившее предварительного одобрения со стороны какой-нибудь официальной организации, было бы посягательством на германскую территорию и повлекло бы за собой осложнения с центральной властью во Франкфурте и, что самое важное, означеновало бы отречение венгров от легальной и конституционной политики, составлявшей их силу. Но ведь официальные организации в Вене были сплошные нули! В самом деле, кто поднялся в защиту Венгрии? Сейм или какие-нибудь демократические комитеты? Не один ли только народ Вены взялся за оружие, чтобы дать первое сражение за независимость Венгрии? Дело шло не о поддержке той или иной официальной организации Вены; все эти организации легко было бы опрокинуть очень быстро в ходе развития революции; нет, дело шло исключительно о подъеме самой революции, о непрерывном развитии народного движения, которое только и могло бы предохранить Венгрию от вторжения. Вопрос о том, какие формы могло бы принять революционное движение в будущем, касался самих венцев, а не венгров, пока Вена и вообще Немецкая Австрия оставались союзниками венгров против общего врага. Но спра-

шивается: в этом упорном отстаивании венгерским правительством какой-то квази-легальности не следует ли видеть первый ясный симптом той самой системы — прятаться за довольно естественную законность, — которая, правда, не спасла Венгрию, но зато в позднейшее время производила такое благоприятное впечатление на английскую буржуазную публику¹?

Совершенно несостоятельна, далее, ссылка на возможный конфликт с центральной властью Германии во Франкфурте. Франкфуртские властители фактически были свергнуты победой контрреволюции в Вене; но точно так же они были бы свергнуты и в том случае, если бы революция в Вене встретила необходимую поддержку для того, чтобы нанести поражение своим врагам. Наконец, тот важный аргумент, что Венгрия не должна была покидать законной и конституционной почвы, конечно, мог очень импонировать британским фритредерам², но история никогда не признает его достаточным. Представим себе, что 13 марта и 6 октября венцы стали бы придерживаться «законных и конституционных средств». Что вышло бы тогда из «законного и конституционного» движения и из всех славных боев, которые впервые обратили внимание цивилизованного мира на Венгрию? Та самая законная и конституционная почва, на которой венгры, по их утверждению, неизменно стояли в 1848 и 1849 гг., была завоевана для них как раз в высшей степени незаконным и неконституционным восстанием венского населения 13 марта. В нашу задачу не входит исследовать здесь историю венгерской революции, но нам представляется уместным отметить, что совершенно нецелесообразно применять лишь законные средства сопротивления против такого врага, который презирает подобную щепетильность, и что не будь этого вечного притязания на законность, за которую Гергей все время хватался и которую он пускал в ход против правительства, была бы невозможна покорность армии Гергея своему вождю и позорная катастрофа при Вилагоше³. И когда в конце октября 1848 г. венгры, чтобы спасти, наконец, свою честь, перешли через Лейту, разве это не было незаконно в такой же мере, в какой было бы незаконно прямое и решительное нападение?

¹ Намек на Кошута, бывшего главой революционного правительства Венгрии, который в 1851 г., во время своей агитации в Англии, стремился завоевать симпатии и открыть денежный мешок буржуазной публики постоянным подчеркиванием того, что именно революционное правительство Венгрии стояло на почве закона, а король покинул эту почву. *Ред.*

² Агитацию Кошута больше всего поддерживали либеральные английские фритредеры (либеральные буржуа, сторонники отмены пошлин на хлеб) с Кобденом во главе. *Ред.*

³ В августе 1849 г. армия Гергея сдалась при Вилагоше русским войскам под командованием Паскевича, посланным царем Николаем I для подавления венгерской революции. *Ред.*

Известно, что мы не питаем никаких неприязненных чувств к Венгрии. Мы были на ее стороне во время борьбы; мы с полным правом можем сказать, что наша газета, «Новая Рейнская Газета», более, чем всякая другая, содействовала тому, чтобы сделать венгерское дело популярным в Германии; она выясняла характер борьбы между мадьярской и славянской расами и посвящала венгерской войне ряд статей, на долю которых выпала та честь, что их плагиатировали почти во всякой позднейшей книге об этом предмете, не исключая и работ природных венгров и «очевидцев». Мы даже и теперь видим в Венгрии естественную и необходимую союзницу Германии при всяком будущем перевороте на континенте Европы. Но мы были достаточно строги по отношению к нашим собственным землякам и потому имеем право свободно высказать свое мнение и о наших соседях. Кроме того, отмечая здесь факты с беспристрастием историка, мы должны сказать, что в этом частном случае великодушная отвага венского населения была не только несравненно благороднее, но и намного дальновиднее, чем робкая осмотрительность венгерского правительства. И, далее, нам, как немцам, да позволено будет заявить, что мы на все блестящие победы и славные битвы венгерской кампании не променяли бы стихийного, изолированного восстания и героического сопротивления наших соотечественников — венцев, давших венграм время для того, чтобы организовать армию, которая могла совершить такие великие дела ¹.

Вторым союзником Вены был немецкий народ. Но он повсюду был вовлечен в ту же борьбу, что и венцы. Франкфурт, Баден, Кельн только что потерпели поражение и были обезоружены. В Берлине и Бреславле народ и войска были друг с другом на ножах, и со дня на день приходилось ожидать открытия военных действий. Таково же было положение и в каждом местном центре движения. Повсюду оставались открытыми вопросы, которые могли быть разрешены только силой оружия. И здесь-то впервые со всей силой почувствовались пагубные последствия сохранения старой раздробленности и децентрализации Германии. Различные вопросы в каждом государстве, в каждой области, в каждом городе по существу были одни и те же; но везде они выступали в различных формах, при различных условиях и в разных местах достигали различных ступеней зрелости. Поэтому, хотя повсюду чувствовалось решающее значение событий в Вене, однако нигде не было возможности нанести серьезный удар с какой-либо надеждой помочь венцам или сделать диверсию в их пользу. Помочь им оставалось только парламенту и центральной власти во Франкфурте. К ним взывали со всех сторон. А что же те сделали?

¹ Венгерская революционная армия весной 1849 г. нанесла ряд поражений австрийской армии и вынудила ее очистить всю территорию Венгрии. *Ред.*

Франкфуртский парламент и ублюдок, явившийся па свет от преступной связи его с старым Союзным сеймом, так называемая центральная власть, воспользовались венским движением для того, чтобы обнаружить свое собственное полное ничтожество. Это презренное Собрание, как мы видели, уже давно пожертвовало своей девственностью, и, как ни юно оно было, все же оно успело приобрести большой опыт во всех уловках болтливой и псевдодипломатической проституции. От всех грез и иллюзий о могуществе, о возрождении и единстве Германии, владевших Собранием в его первые дни, не осталось ничего, кроме набора трескучих тевтонских фраз, повторявшихся при каждом случае, да твердого убеждения каждого отдельного депутата в своей собственной важности и в легковерии публики. Первоначальная наивность улетучилась; представители германского народа стали людьми практичными, т. е. пришли к убеждению, что их положение вершителей судеб Германии будет тем прочнее, чем меньше они делают и чем больше болтают. Это не значит, что они считали свои прения излишними, — совсем наоборот. Но они открыли, что все действительно крупные вопросы — запретная область для них и что будет лучше подальше держаться от этой области. И вот, подобно сборищу византийских ученых империи времен упадка, они с важным видом и усердием, достойными той участи, которая в конце концов их постигла, обсуждали теоретические догмы, давным-давно уже решенные во всех частях цивилизованного мира, или же такие микроскопические практические вопросы, которые никогда не приводили к каким-либо практическим результатам. Так как Собрание было, таким образом, своего рода ланкастерской школой, в которой депутаты занимались взаимным обучением, и имело поэтому для них величайшее значение, то они были убеждены, что оно делает больше, чем был в праве ожидать от него немецкий народ, и считали изменником отечества всякого, кто имел бесстыдство требовать от Собрания, чтобы оно пришло к какому-нибудь результату.

Когда вспыхнуло венское восстание, оно дало повод для массы запросов, прений, предложений и поправок к ним, которые, разумеется, ни к чему не привели. Центральная власть должна была вмешаться. Она и отправила в Вену двух комиссаров — бывшего либерала Велькера и Мосле. Похождения Дон-Кихота и Санчо-Пансы представляют собою настоящую «Одиссею» по сравнению с героическими подвигами и удивительными приключениями этих двух странствующих рыцарей германского единства. В Вену они отправиться не решились, Виндишгрец запугал их, в слабоумном императоре они возбудили изумление, а министр Стадион одурачил их самым бессовестным образом. Их депеши и донесения, может быть, единственная часть франкфуртских протоколов, которая займет свое место в немецкой литературе; это превосход-

ный сатирический роман и вечный памятник позора франкфуртского Национального собрания и его правительства.

Левая часть Национального собрания тоже отправила в Вену двух комиссаров, Фребеля и Роберта Блюма, чтобы поддержать там свой авторитет. Когда опасность надвинулась, Блюм совершенно правильно понял, что здесь произойдет сражение, которое решит судьбу германской революции и не колеблясь решил поставить на карту свою голову. Напротив, Фребель счел, что он обязан сберечь себя для важных обязанностей своего поста во Франкфурте. Блюм считался одним из красноречивейших ораторов франкфуртского Собрания; он несомненно пользовался наибольшей популярностью. Его красноречие не удовлетворило бы требований более искушенного парламента; он слишком любил пустые декламации в духе немецкого проповедника-сектанта, и его доводам не хватало ни философской остроты, ни знакомства с фактами действительности. Как политик он принадлежал к «умеренной демократии» — довольно неопределенному направлению, которое, однако, пользовалось большой популярностью именно в силу недостатка определенности в принципах. При всем том Роберт Блюм был подлинный, хотя и несколько отшлифованный, плебей, и его плебейский инстинкт и плебейская энергия в решительные моменты одерживали верх над неопределенностью и вытекавшей отсюда нерешительностью его политических убеждений и взглядов. В такие моменты он поднимался высоко над обычным уровнем своих способностей.

Так, в Вене он сразу понял, что судьба его страны решится здесь, а не в якобы изысканных прениях во Франкфурте. Он тотчас принял решение, оставил всякую мысль об отступлении, взял на себя командование революционной армией и держался с чрезвычайным хладнокровием и твердостью. Именно он на значительное время отсрочил падение города и прикрыл одну его сторону от нападения, спалив Таборский мост через Дунай. Всем известно, что после взятия штурмом Вены его арестовали, предали военному суду и расстреляли. Он умер, как герой. А франкфуртское Собрание хотя и было поражено ужасом, все же приняло это кровное оскорбление с притворным спокойствием. Оно вынесло резолюцию, которая по своей мягкости и дипломатической гладкости языка была скорее поруганием могилы убитого мученика, чем проклятием по адресу Австрии. Но разве можно было ожидать, чтобы это презренное Собрание выразило негодование по поводу убийства одного из его членов, в особенности если это был один из вождей левой?

ХШ. ПРУССКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ — НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Лондон, март 1852 г.

1 ноября пала Вена, а 9-го числа того же месяца роспуск Учредительного собрания в Берлине показал, как быстро это событие во всей Германии подняло дух и силу контрреволюционной партии.

О событиях лета 1848 г. в Пруссии рассказать не долго. Учредительное собрание, — или, вернее, «Собрание, избранное с целью войти в соглашение с короной относительно конституции», — и его большинство, состоявшее из представителей буржуазных интересов, давным-давно лишились всякого уважения в глазах общества, так как из страха перед более энергичными элементами населения они подчинились всем интригам двора. Они подтвердили или, вернее, восстановили ненавистные привилегии феодализма и таким образом предали свободу и интересы крестьянства. Собрание оказалось неспособным ни выработать конституцию, ни хотя бы несколько улучшить общее законодательство. Оно занималось почти исключительно тонкими теоретическими определениями, пустыми формальностями и вопросами конституционного этикета. Собрание по существу было скорее школой парламентского *savoir vivre* [уменья вести себя] для его членов, чем учреждением, которым мог бы хоть сколько-нибудь заинтересоваться народ. Кроме того, большинство Собрания было крайне неустойчивым и почти всегда зависело от нерешительного центра, который своими колебаниями справа налево и наоборот сверт сначала министерство Кампгаузена, а потом министерство Ауэрсвальда — Ганземайна. Но между тем как либералы здесь, как и повсюду, упускали из рук представлявшиеся им возможности, двор заново организовал свои силы среди дворянства и наиболее отсталой части сельского населения, а также в армии и бюрократии. После падения Ганземайна было образовано министерство из бюрократов и офицеров, сплошь заядлых реакционеров, которое, однако, делало вид, что подчиняется требованиям парламента. И Собрание, державшееся удобного принципа, заключающегося в том, что «важны мероприятия, а не люди», позволило настолько одурачить себя, что одобрило это министерство, совершенно, конечно, не замечая, как оно почти совсем открыто сосредоточивает и организует контрреволюционные силы. Наконец, когда падение Вены дало сигнал, король отставил этих министров и заменил их «людьми дела» во главе с теперешним министром-президентом Мантейфелем. Тогда сонное Собрание вдруг увидело опасность. Оно выразило кабинету свое недоверие, немедленным ответом на которое явился указ, перенесший заседания палаты из Берлина, где она в случае конфликта могла бы рассчитывать на поддержку масс, в Бранденбург, маленький провинциальный

город, находившийся в полной зависимости от правительства. Собрание заявило, однако, что без его собственного согласия его нельзя ни отсрочить, ни перевести, ни распустить. Между тем в Берлин вступил генерал Врангель во главе почти сорокатысячного войска. Собрание городских властей и офицеров Национальной гвардии постановило не оказывать сопротивления. И вот теперь, после того как Учредительное собрание и стоявшая за ним либеральная буржуазия позволили объединенной реакционной партии овладеть всеми важными позициями и допустили вырвать из своих рук почти все средства обороны, началась та великая комедия «пассивного и легального сопротивления», которая по мысли ее инициаторов должна была превратиться в славное подражание примеру Гэмпдена¹ и первым действиям американцев во времена войны за независимость. Берлин был объявлен на военном положении, и все-таки Берлин остался спокойным; правительство распустило Национальную гвардию, и она с величайшей пунктуальностью сдала свое оружие. Собрание в течение двух недель гоняли с одного места заседаний в другое и повсюду разгоняли при помощи войск, а члены Собрания умоляли граждан оставаться спокойными. Наконец, когда правительство объявило Собрание распущенным, Собрание постановило объявить дальнейшее взимание налогов незаконным, и члены его рассеялись по стране, чтобы организовать отказ от уплаты налогов. Но оказалось, что они жестоко ошиблись в выборе средств. После нескольких тревожных недель, за которыми последовали суровые меры правительства против оппозиции, все оставили мысль об отказе от уплаты налогов в угоду этому мертвому Собранию, у которого нехватило мужества даже для самообороны.

Было ли в начале ноября 1848 г. слишком поздно прибегать к вооруженному сопротивлению или же, напротив, часть армии, встретив серьезное сопротивление, перешла бы на сторону Собрания и таким образом решила бы дело в его пользу, — это вопрос, который, вероятно, никогда не будет разрешен. Но в революции, как и на войне, всегда необходимо вести энергичную борьбу с врагом, и нападающий всегда оказывается в более выгодном положении; в революции, как и на войне, безусловно необходимо в решительный момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. История не знает ни одной успешной революции, которая не подтверждавала бы правильности этих истин. В ноябре 1848 г. для прусской революции как раз наступил решительный момент; прусское Учредительное собрание, которое официально стояло во главе всего революционного движения, не вело энергичной

¹ Гэмпден — один из вождей оппозиции в английской палате общин в 30-х и 40-х годах XVII столетия; выступил против уплаты налогов, не вотируемых палатой общин. *Ред.*

борьбы с врагом, а, напротив, отступало при каждом его продвижении вперед; и еще меньше помышляло оно о нападении, потому что оно предпочло даже не обороняться. А когда наступил решительный момент, когда Врангель во главе сорокатысячного войска постучал в ворота Берлина, он совершенно неожиданно для себя и своих офицеров увидел не загороженные сплошь баррикадами улицы и не превращенные в бесчисленные бойницы окна, а открытые ворота и на улицах, в качестве единственной помехи движению, мирных берлинских бюргеров, радующихся шутке, которую они с ним сыграли тем, что, связанные по рукам и ногам, сдались изумленным солдатам. Правда, если бы Собрание и народ оказали сопротивление, они могли бы быть разбиты; Берлин могли бы подвергнуть бомбардировке, не одна сотня людей лишилась бы жизни, не воспрепятствовав этим окончательному торжеству королевской партии. По это еще не было основанием для того, чтобы немедленно слагать оружие. Поражение после упорного боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко выигранная победа. Поражения — парижское в июне и венское в октябре 1848 г. — во всяком случае сделали несравненно больше для революционизирования умов народа в этих двух городах, чем февральская и мартовская победы. Возможно, что Учредительное собрание и население Берлина разделили бы судьбу двух только что упомянутых городов; но они пали бы со славой и оставили бы после себя в сознании тех, кто остался в живых, жажду мести, которая в революционные времена является одним из самых могущественных побуждений к энергичной и страстной деятельности. Во всякой борьбе совершенно неизбежно, что тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным; но разве это — основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?

В революции всякий, кто, занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику.

Тот самый указ прусского короля, которым распускалось Учредительное собрание, возвестил и новую конституцию, в основе которой лежал проект, составленный комиссией Собрания. Но конституция эта в одних пунктах расширяла полномочия короны, а в других делала полномочия парламента призрачными. Конституция вводила две палаты, которые обещано было созвать в непродолжительном времени для утверждения и пересмотра конституции.

Едва ли приходится поднимать вопрос о том, где было германское Национальное собрание во время «легальной и мирной борьбы» прусских конституционалистов. Оно, как это было заведено во Франкфурте, занималось тем, что принимало очень кроткие резолюции против действий прусского правительства

и выражало восхищение «величественным зрелищем пассивного, легального и единодушного сопротивления целого народа против грубой силы». Центральное правительство отправило в Берлин комиссаров, которые должны были выступить посредниками между министерством и Собранием. Но их постигла та же судьба, что и их предшественников в Ольмюце: их вежливо выпроводили. Левая Национального собрания, т. е. так называемая радикальная партия, тоже послала своих комиссаров; но последние, убедившись должным образом в полной беспомощности берлинского Собрания и сознавая не меньшую собственную беспомощность, возвратились во Франкфурт, чтобы сделать сообщение о своей поездке и удостоверить достойное удивления мирное поведение берлинцев. Мало того. Когда г. Бассерман, один из комиссаров центрального правительства, доложил, что недавние решительные меры прусских министров были приняты не без основания, так как в последнее время на берлинских улицах появились различные личности свирепого вида, которые всегда показываются накануне анархических движений (с того времени они так и называются «бассермановскими личностями»), тогда эти достойные депутаты левой и энергичные представители революции, как это ни странно, поднялись, чтобы клятвенно засвидетельствовать, что этого вовсе не было! Таким образом, за два месяца было воочию доказано полное бессилие франкфуртского Собрания. Нельзя было бы придумать более яркого доказательства, что этому учреждению совершенно не под силу возложенная на него задача, что оно не имеет даже ни малейшего представления о том, в чем заключается его действительная задача. Того факта, что судьба революции была решена в Вене и Берлине, что в этих двух столицах так было покончено с важнейшими и существеннейшими вопросами, как будто бы Собрания во Франкфурте вовсе не существовало, — одного этого факта достаточно, чтобы доказать, что это Собрание было просто дискуссионным клубом, состоявшим из множества легковых простофиль. Они позволили правительствам использовать себя в качестве парламентских марионеток, чтобы устраивать представления для забавы мелких буржуа в мелких государствах и мелких городах, пока правительства находили нужным отвлекать внимание этих господ. До какой поры они считали это нужным, мы скоро увидим. Но заслуживает внимания тот факт, что из всех «выдающихся» людей этого Собрания не нашлось ни одного, у кого было бы хоть малейшее представление о роли, которую их заставили разыграть, и что даже до настоящего дня бывшие члены франкфуртского клуба сохранили в неизменном виде свойственные лишь им органы исторического восприятия.

ХIV. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКА — СЕЙМ И ПАЛАТА

Лондон, апрель 1852 г.

Правительства Пруссии и Австрии использовали первые месяцы 1849 г., чтобы расширить успехи, которых они достигли в октябре и ноябре 1848 г. Со времени взятия Вены австрийский сейм вел чисто номинальное существование в маленьком провинциальном моравском городке Кремзире. Там славянские депутаты, являвшиеся, вместе со своими избирателями, тем главным орудием австрийского правительства, с помощью которого оно смогло подняться из состояния полного бессилия, были своеобразно наказаны за свою измену европейской революции. Как только правительство восстановило свою силу, оно проявило величайшее презрение к сейму и его славянскому большинству; а когда первые успехи императорского оружия позволили ожидать скорого окончания венгерской войны, правительство 4 марта распустило сейм и военной силой разогнало депутатов. Тут только славяне, увидев, что их одурачили, воскликнули: «Двинемся во Франкфурт и будем продолжать там дело оппозиции, которая здесь стала для нас невозможной!» Но было слишком поздно, и уже тот факт, что у них не было иного выбора, как либо оставаться спокойными, либо присоединиться к бессильному франкфуртскому Национальному собранию, — уже один этот факт достаточно показывает их крайнюю беспомощность.

Так закончились в настоящее время и, весьма вероятно, навсегда, попытки славян Германии завоевать самостоятельное национальное существование. Раздробленные остатки многочисленных наций, национальность и политическая жизнеспособность которых давным-давно угасла и которые поэтому в течение почти тысячи лет были вынуждены покорно следовать за более сильной нацией, одержавшей верх над ними, как это было с кельтами в Англии, басками в Испании, ниже-бретонцами во Франции, а в новейшее время — с испанскими и французскими креолами в тех частях Северной Америки, которые недавно захвачены англо-американской расой, — эти умирающие национальности: чехи, каринтийцы, далматинцы и т. д., попытались использовать общее замешательство 1848 г. для восстановления политического status quo [прежнего состояния], существовавшего в 800 году. История истекшего тысячелетия должна была бы достаточно ясно показать им, что такое возвращение вспять невозможно; что если вся территория к востоку от Эльбы и Заале действительно была некогда занята рядом родственных между собою славянских народов, то этот факт свидетельствует лишь об исторической тенденции и в то же время о физической и умственной мощи немецкой нации, оказавшейся способной покорить, поглотить и ассимилировать своих старых восточных соседей; что эта тенденция к поглощению

со стороны немцев всегда составляла и все еще составляет одно из самых могучих средств, при помощи которых цивилизация Западной Европы распространялась на востоке нашего континента; что эта тенденция перестанет проявлять свое действие лишь тогда, когда процесс онемечивания достигнет границы крупных, сплоченных, не раздробленных на части наций, способных вести самостоятельное национальное существование, как венгры и в известной степени поляки, и что, следовательно, естественной и неизбежной судьбой этих умирающих наций было дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями. Конечно, это не очень-то лестная перспектива для национального честолюбия панславистских мечтателей, которым удалось привести в движение часть чехов и южных славян. Но как могут они ожидать, что история возвратится на тысячу лет назад в угоду нескольким хилым человеческим группам, которые повсюду, — в какой бы части своей страны они ни жили, — перемешаны с немцами и окружены ими, у которых почти с незапамятных времен для всех надобностей цивилизации нет иного языка, кроме немецкого, и у которых отсутствуют первые условия национальной жизни: большая численность и сплошная территория? Неудивительно, что подъем панславизма, за которым во всех славянских областях Германии и Венгрии скрывалось стремление к восстановлению независимости этих бесчисленных мелких наций, повсюду столкнулся с европейскими революционными движениями и что славяне, — хотя они, по их утверждению, сражались за свободу, — сплошь (за исключением демократической части поляков) оказались на стороне деспотизма и реакции. Так было в Германии, в Венгрии и даже кое-где в Турции. Изменники народному делу, защитники и главная опора интриг австрийского правительства, они в глазах всех революционных наций поставили себя в положение отверженных. И хотя масса населения нигде не принимала участия в мелких национальных распрях, затеянных вождями панславизма, — уже в силу того, что она была слишком невежественна, — тем не менее никогда не забудется тот факт, что в Праге, наполовину немецком городе, толпы славянских фанатиков с ликованием подхватили и повторяли возглас: «Лучше русский кнут, чем немецкая свобода!» После их первых неудачных попыток 1848 г. и после урока, данного им австрийским правительством, мало вероятно, чтобы они впоследствии при представившейся возможности сделали другую подобную попытку. Но если бы они еще раз вознамерились из подобных же соображений вступить в союз с контрреволюционными силами, тогда обязанность Германии совершенно ясна. Ни одна страна, находящаяся в состоянии революции и ведущая войну с заграницей, не потерпит Вандеи в своем собственном сердце.

Нам незачем еще раз возвращаться к конституции, которую император возвестил одновременно с роспуском сейма: она никогда не вступала в действие и теперь совершенно отменена. С 4 марта 1849 г. абсолютизм в Австрии был во всех отношениях восстановлен.

В Пруссии в феврале собрались палаты для рассмотрения и утверждения данной королем новой конституции. Они заседали почти шесть недель, вели себя по отношению к правительству достаточно смиренно и покорно, но не были еще готовы идти так далеко, как этого хотелось бы королю и его министрам. Поэтому при первом же удобном случае они были распущены.

Таким образом, как Австрия, так и Пруссия на время отделались от пут парламентского контроля. Правительства сосредоточили теперь в своих руках всю государственную власть и могли применить ее именно там, где им было нужно: Австрия — против Венгрии и Италии, Пруссия — против Германии. Ибо Пруссия тоже готовилась к походу, чтобы восстановить «порядок» в мелких государствах.

Теперь, когда в двух крупных центрах движения в Германии — в Вене и Берлине — контрреволюция одержала победу, оставались только более мелкие государства, где исход борьбы еще не вполне определен, хотя и там весы все более склонялись не в пользу революции. Эти мелкие государства, как мы уже сказали, нашли общий центр во франкфуртском Национальном собрании. Хотя уже давным-давно реакционный дух этого так называемого Национального собрания обнаружился настолько, что народ во Франкфурте даже поднял против него оружие, все же происхождение его было более или менее революционно. В январе оно заняло необычную революционную позицию; его компетенция никогда не была определена, и в конце концов оно пришло к решению, — впрочем никогда не получившему признания со стороны крупных государств, — что его постановления имеют силу закона. Неудивительно поэтому, что когда при таких обстоятельствах конституционно-монархическая партия увидела свои позиции захваченными оправившимися сторонниками абсолютизма, то либерально-монархическая буржуазия почти всей Германии возложила свои последние упования на большинство этого Собрания, а мелкая буржуазия, ядро демократической партии, под давлением растущих невзгод объединилась вокруг меньшинства той же корпорации, которое действительно составляло последнюю сомкнутую фалангу демократии. С другой стороны, правительства более крупных государств, и особенно прусское министерство, все менее понимали несовместимость подобного, не подчиненного им выборного Собрания с восстановленным в Германии монархическим режимом, и если они не требовали немедленного роспуска этого Собрания, то это происходило только потому, что не настало

еще время и что Пруссия рассчитывала предварительно использовать Собрание для своих собственных честолюбивых целей.

Между тем это жалкое Собрание само приходило все в большее замешательство. Его депутации и его комиссаров третировали как в Вене, так и в Берлине с величайшим презрением; один из его членов, несмотря на свою парламентскую неприкосновенность, был казнен в Вене как простой бунтовщик. С его постановлениями нигде не считались. Если более крупные державы обращали на них внимание, то только в протестующих нотах, которые оспаривали право Собрания вотировать законы и постановления, обязательные для их правительств. Представительница Собрания, центральная исполнительная власть, впуталась в дипломатическую грызню почти со всеми кабинетами Германии, и ни Собрание, ни центральное правительство, несмотря на все усилия, не могли заставить Австрию и Пруссию заявить, каковы в конце концов их намерения, планы и требования. Наконец, Собрание начало сознавать хоть то, что оно упустило из своих рук всю власть, что само оно целиком зависело от Австрии и Пруссии и что ему следует немедленно и со всей серьезностью взяться за дело, если оно вообще намерено дать Германии федеративную конституцию. А многие из колеблющихся членов его тоже ясно увидели, что правительства как нельзя лучше их одурачили. Но что могли они поделать теперь в своем беспомощном положении? Единственным шагом, который еще мог бы спасти их, был решительный и быстрый переход на сторону народа; однако успех даже и этого шага представлялся более чем сомнительным. Да и нашлись ли бы решительные люди в этой беспомощной толпе нерешительных, близоруких, самодовольных созданий, которые, совершенно оглушенные вечным шумом взаимно противоречащих слухов и дипломатических нот, находили себе единственное утешение и прибежище в неустanno повторяемых уверениях, что они как-никак лучшие, величайшие, мудрейшие люди страны и что только они и могли бы спасти Германию? Можно ли было бы среди этих несчастных созданий, которых один только год парламентской жизни превратил в совершенных идиотов, найти людей, способных притти к быстрому и определенному решению, не говоря уже об активной и последовательной деятельности?

Наконец, австрийское правительство сбросило маску. В своей конституции 4 марта оно объявило Австрию нераздельной монархией с общими финансами, общей таможенной системой и общей армией, стирая этим всякие границы и отличия между немецкими и не-немецкими областями. Это было провозглашено наперекор резолюциям и статьям грядущей имперской конституции, уже принятым франкфуртским Собранием. Это был вызов, брошенный Австрией, и несчастному Собранию не оставалось иного выбора, как только принять его. Оно сделало это с большой дозой шумного

бахвальства, на что Австрия с полным сознанием своей силы и крайнего ничтожества Собрания отлично могла не обращать никакого внимания. И вот, чтобы отомстить Австрии за это оскорбление, достопочтенное представительство немецкого народа, как оно само себя называло, не нашло ничего лучшего, как со связанными руками и ногами броситься к ногам прусского правительства. Как это ни невероятно, все же остается фактом, что оно пало ниц перед теми самыми министрами, которых заклеямило как антиконституционных и враждебных народу и на отставке которых оно тщетно настаивало. Подробности этой позорной сделки и трагикомических событий, которые последовали за нею, послужат темой нашей следующей статьи.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
22 апреля 1852 г.*

XV. ТОРЖЕСТВО ПРУССИИ

Лондон, июль 1852 г.

Мы подходим теперь к последней главе в истории германской революции: к столкновению Национального собрания с правительствами различных государств, в особенности Пруссии; к восстанию юго-западной и западной Германии и его окончательному подавлению Пруссией.

Мы уже видели франкфуртское Национальное собрание за работой. Мы видели, как Австрия надавала ему пинков, как Пруссия его оскорбляла, как мелкие государства ему не повиновались и как его дурачило его же собственное бессильное центральное «правительство», которое в свою очередь было одурачено всеми и каждым из властителей страны. Но под конец положение этого слабого, колеблющегося, безжизненного законодательного учреждения стало критическим. Оно вынуждено было признать, что «осуществлению высокой идеи германского единства грозит опасность»; это означало не более не менее, как то, что франкфуртскому Собранию и всему, что оно сделало и хотело сделать, по всей вероятности, приходит конец. Поэтому оно горячо принялось за работу, чтобы возможно скорее завершить свое великое творение — «имперскую конституцию». Но тут было одно затруднение. Какова должна была быть исполнительная власть? Должен ли был быть ею исполнительный совет? — Нет; это значило бы, рассуждало мудрое Собрание, сделать из Германии республику. «Президент»? — Но ведь и это сводится к тому же. Значит, необходимо возродить старый императорский сан. Но так как, конечно, императором должен сделаться кто-нибудь из монархов, то кто же именно будет императором? Очевидно, ни один из *dei minorum gentium* [богов мелких племен], начиная от Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн-Эберс-

дорфа и кончая Баварией; ни Австрия, ни Пруссия не допустили бы этого. Итак, это могла бы быть только Австрия или Пруссия. Но кто же из этих двух? Несомненно, что при более благоприятных обстоятельствах почтенное Собрание заседало бы до настоящего времени и все еще обсуждало бы эту важную дилемму, будучи не в силах притти к тому или другому решению, если бы австрийское правительство не разрубило гордиев узел и таким образом не избавило Собрание от хлопот.

Австрия превосходно понимала, что с того момента, когда, покорив все свои провинции, она снова сможет выступить перед Европой как сильная и великая европейская держава, закон политического тяготения сам собой вовлечет в орбиту ее влияния остальную Германию, так что не будет никакой нужды в авторитете, который могла бы сообщить ей императорская корона, переданная франкфуртским Собранием. Австрия стала много сильнее, много свободнее в своих движениях с той поры, как она сбросила с себя лишнюю власть *корону* германских императоров, — корону, которая, не прибавляя ничего к ее силе внутри и вне Германии, только на каждом шагу тормозила ее самостоятельную политику. А если бы обстоятельства сложились так, что Австрия оказалась бы неспособной снова утвердиться в Италии и в Венгрии, тогда она и в Германии утратила бы всякое значение, была бы сведена на-нет и уже никогда не могла бы возобновить свои притязания на корону, которая выскользнула из ее рук в то время, когда Австрия была еще в полном обладании всех своих сил. Поэтому Австрия без всякой провоочки высказалась против воскрешения императорской власти и прямо потребовала восстановления Союзного сейма — единственного центрального правительства Германии, установленного и признанного договорами 1815 г. А 4 марта 1849 г. Австрия обнародовала конституцию, которая означала не что иное, как объявление Австрии нераздельной, централизованной и самостоятельной монархией, совершенно отличной от той Германии, которую стремилось создать франкфуртское Собрание.

Это открытое объявление войны оставляло перед франкфуртскими мудрецами лишь один выход — исключить Австрию из Германии и из остатка последней создать своего рода *Bas Empire*¹, «Малую Германию»; ее довольно убогая императорская мантия должна была пасть на плечи его величества короля прусского. Напомним, что это было возрождением одного старого проекта, высиженного шесть — восемь лет назад партией южно-германских и средне-германских либеральных доктринеров, которые считали ниспосланными свыше унижительные обстоятельства, выдвинувшие

¹ *Bas Empire* (буквально: низкая империя) — так называется Восточно-Римская (Византийская) империя периода ее упадка. *Ред.*

их старую причуду на первый план в качестве новейшего «шахматного хода» для спасения отечества.

В феврале и марте 1849 г. Собрание закончило прения об имперской конституции вместе с декларацией прав и имперским избирательным законом, сделав вынужденные уступки самого противоречивого характера по очень многим пунктам как консервативной или, вернее, реакционной партии, так и более передовым фракциям Собрания. Действительно, было очевидно, что главная роль в Собрании, принадлежавшая раньше правой и правому центру (консерваторам и реакционерам), постепенно, хотя и очень медленно, переходила к левой, или к демократической стороне Собрания. Довольно подозрительная позиция австрийских депутатов в Собрании, которое исключило их страну из Германии, но в котором им все же и после этого приходилось оставаться и голосовать, тоже содействовала нарушению равновесия в Собрании. И таким образом уже к концу февраля левый центр и левая с помощью австрийских голосов очень часто оказывались в большинстве, хотя по временам консервативная фракция австрийцев, совершенно неожиданно, по капризу голоса вместе с правой, опять склоняла весы в противоположную сторону. Такими внезапными резкими скачками она хотела навлечь презрение на Собрание, в чем, однако, никакой нужды не было, так как народные массы уже давным-давно убедились в совершенной пустоте и ничтожестве всего, что исходило из Франкфурта. Легко представить себе, что за конституция была тем временем составлена при таких прыжках из стороны в сторону.

Левая Собрания, считавшая себя красой и гордостью революционной Германии, была совершенно опьянена несколькими жалкими успехами, достигнутыми благодаря доброй или, вернее, злой воле нескольких австрийских политиков, действовавших по наущению австрийского деспотизма и в его интересах. Эти демократы, как только ничтожнейшее приближение к их далеко не определенным принципам получало — в гомеопатически разжиженной форме — своего рода санкции от франкфуртского Собрания, уже возвещали, что они спасли отечество и народ. Эти несчастные, слабоумные люди в течение своей вообще совершенно неизвестной жизни так мало привыкли к чему-либо похожему на успех, что им действительно показалось, будто их незначительные поправки, принимавшиеся большинством от двух до трех голосов, изменят весь облик Европы. С самого начала своей законодательной карьеры они более чем какая-либо другая часть Собрания были заражены неизлечимой болезнью *парламентского кретинизма*, недугом, несчастные жертвы которого проникаются торжественным убеждением, будто весь мир, его история и его будущее направляются и определяются большинством голосов именно того представительного учреждения, которому они оказывают

честь состоять его членами, и будто все и вся, совершающееся вне стен этого здания, — войны, революции, постройка железных дорог, колонизация целых новых континентов, открытие калифорнийских золотых приисков, каналы Центральной Америки, русские войска и все остальное, что хоть сколько-нибудь может притязать на то, чтобы оказывать влияние на судьбы человечества, — все это будто бы ничто перед лицом не поддающихся никакому сравнению событий, связанных с тем или другим важным вопросом, который как раз в данный момент занимает внимание их почтенной палаты. В результате, только потому, что демократической партии Собрания удалось контрабандным путем протащить в «имперскую конституцию» некоторые из своих политических рецептов, она считала себя обязанной выступить за нее, хотя эта конституция почти в каждом существенном пункте находилась в вопиющем противоречии с ее собственными, так часто провозглашавшимися, принципами. А когда, наконец, главные инициаторы бросили это ублюдочное произведение и оставили его в наследство демократической партии, последняя приняла это наследство и защищала эту *монархическую* конституцию, вступая даже в борьбу с теми, кто провозглашал *тогда* ее собственные *республиканские* принципы.

Но надо признать, что в этом отношении противоречие было лишь кажущееся. Неопределенный, внутренне противоречивый, незрелый характер имперской конституции был лишь точным отражением незрелых, спутанных, взаимно противоречивых политических идей этих господ демократов. Если бы это не доказывалось достаточно их собственными словами и писаниями, — поскольку они умели писать, — доказательством послужили бы поступки демократов. В самом деле, для разумных людей совершенно естественно судить о человеке не по его уверениям, а по его поступкам; не по тому, за что он себя выдает, а по тому, что он делает и что представляет собой в действительности. Дела же этих героев немецкой демократии, как мы увидим дальше, достаточно громко говорят за себя. Как бы то ни было, имперская конституция со всеми ее придатками и украшениями была окончательно принята, и 28 марта прусский король 290 голосами против 248 воздержавшихся и при отсутствии 200 депутатов был избран императором Германии без Австрии. Ирония истории достигла высшего пункта: императорский фарс, разыгранный Фридрихом-Вильгельмом IV на улицах изумленного Берлина через три дня после революции 18 марта 1848 г.¹, причем король был в состоянии, которое при иных обстоятельствах подпало бы под действие закона

¹ Король в полупьяном состоянии проехал верхом на лошади по улицам Берлина, объявляя народу, что он готов возглавить движение за создание единой Германии. *Ред.*

штата Мэн против спиртных напитков, — этот отвратительный фарс ровно через год был санкционирован мнимым представительным собранием всей Германии. Таков был итог немецкой революции!

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
27 июля 1852 г.*

XVI. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВА

Лондон, июль 1852 г.

Избрав прусского короля в императоры Германии (без Австрии), франкфуртское Национальное собрание отправило депутацию в Берлин, чтобы предложить Фридриху-Вильгельму корону, а затем отсрочило свои заседания. 3 апреля Фридрих-Вильгельм принял депутатов. Он заявил им, что хотя и принимает предоставленное ему голосованием народных представителей право старшинства над всеми другими монархами Германии, но тем не менее не может принять императорскую корону, пока у него нет уверенности, признают ли эти другие монархи его верховенство и имперскую конституцию, предоставляющую ему такие права. Дело германских правительств, добавил он, рассмотреть, такова ли эта конституция, чтобы они могли утвердить ее. Во всяком случае, закончил он, будет ли он императором или нет, он всегда готов обнажить свой меч против внешнего или внутреннего врага. Мы увидим, что он сдержал свое обещание ошеломляющим для Национального собрания образом.

После основательного дипломатического расследования франкфуртские мудрецы пришли, наконец, к заключению, что этот ответ равносителен отклонению короны. Поэтому они постановили (12 апреля), что имперская конституция есть закон страны и должна быть утверждена, а так как они совершенно не знали, что же делать теперь дальше, то они избрали комиссию из тридцати членов, которая должна была выработать предложения относительно того, каким способом можно было бы осуществить эту конституцию.

Это постановление послужило сигналом к вспыхнувшему теперь конфликту между франкфуртским Собранием и немецкими правительствами. Буржуазия и в особенности мелкая буржуазия сразу высказались за новую франкфуртскую конституцию. Они не могли дольше ждать момента, который должен был «закончить революцию». В Австрии и Пруссии вследствие вмешательства вооруженной силы революция в данный момент была закончена. Упомянутые классы предпочли бы менее насильственный способ выполнения этой операции, но у них не было выбора. Дело было сделано, и с этим приходилось примириться, — вот решение, которое они сразу приняли и выполнили самым героическим образом. В мелких государствах, где все шло сравнительно гладко,

буржуазия давным-давно ограничивалась эффектной парламентской агитацией, столь соответствовавшей ее духу, но безрезультатной, потому что за ней не стояло никакой силы. Таким образом, каждое из немецких государств, взятое в отдельности, как будто приобрело новую, окончательную форму, которая, как полагали, для всех них сделает с этого времени возможным вступление на путь мирного конституционного развития. Оставался открытым лишь один вопрос: о новой политической организации Германского союза. И этот вопрос — единственный, который еще казался чреватым опасностью, — считали необходимым разрешить немедленно. Отсюда давление, которое буржуазия производила на франкфуртское Собрание, чтобы заставить его как можно быстрее выработать конституцию; отсюда решение крупной и мелкой буржуазии принять и поддерживать эту конституцию, какова бы она ни была, чтобы без промедлений создать устойчивый порядок вещей. Словом, движение в пользу имперской конституции с самого начала вытекало из реакционного чувства и исходило от тех классов, которые уже давно устали от революции.

Но тут было и еще одно обстоятельство. Первые и основные принципы будущей германской конституции были приняты в первые месяцы весны и лета 1848 г., в период, когда еще высоко вздымались волны народного движения. Принятые тогда постановления *для того времени* были совершенно реакционны, но теперь, после актов произвола австрийского и прусского правительств, они казались необычайно либеральными и даже демократическими. Изменилась мерка, которой их мерили. Не совершая морального самоубийства, франкфуртское Собрание не могло вычеркнуть эти постановления, раз они уже были приняты, не могло создать имперскую конституцию по образцу тех конституций, которые Австрия и Пруссия продиктовали с мечом в руке. Кроме того, как мы видели, большинство в этом Собрании переместилось, и влияние либеральной и демократической партии все возрастало. Таким образом, имперская конституция выделялась не только своим якобы исключительно демократическим происхождением: она в то же самое время, несмотря на все свои внутренние противоречия, была все-таки либеральнейшей конституцией во всей Германии. Величайший ее недостаток заключался в том, что она была только клочком бумаги, за которым не стояло никакой силы, необходимой для того, чтобы провести в жизнь ее положения.

При таких обстоятельствах было естественно, что так называемая демократическая партия, т. е. масса мелкой буржуазии, цеплялась за имперскую конституцию. Этот класс в своих требованиях всегда шел дальше, чем либеральная монархически-конституционная буржуазия; он выступал с большей дерзостью, очень часто грозил вооруженным сопротивлением и не скупился

на обещания пожертвовать кровью и жизнью в борьбе за свободу; однако он уже дал множество доказательств того, что в момент опасности он всегда отсутствует и что никогда он не чувствует себя лучше, чем на другой день после решительного поражения, когда все потеряно, но он может утешаться тем, что дело так или иначе *уже* решено. Поэтому, в то время как выражение сочувствия крупных банкиров, фабрикантов и купцов к франкфуртской конституции носило более сдержанный характер, представляя собою в значительной степени простую демонстрацию в ее пользу, — стоящий непосредственно под ними общественный класс, наши brave демократические мелкие буржуа выступили крайне торжественно, заявив по обыкновению, что скорее пожертвуют последней каплей своей крови, чем допустят крушение имперской конституции.

Поддержанное этими двумя партиями — буржуазными сторонниками конституционной монархии и более или менее демократическими мелкими буржуа, — движение в пользу немедленного проведения имперской конституции быстро распространилось; наиболее энергичное выражение оно нашло в парламентах отдельных государств. Палаты Пруссии, Ганновера, Саксонии, Бадена, Вюртемберга высказались за эту конституцию. Борьба между правительствами и франкфуртским Собранием приобретала угрожающий вид.

Однако правительства действовали быстро. Прусские палаты были распущены — вопреки конституции, так как им еще предстояло пересмотреть и утвердить конституцию; в Берлине произошли волнения, преднамеренно вызванные правительством, а днем позже, 28 апреля, прусское министерство издало циркулярную ноту, в которой имперская конституция была объявлена в высшей степени анархистским и революционным документом, который немецкие правительства должны подвергнуть переделке и очищению. Таким образом, Пруссия без обиняков отвергла ту суверенную учредительную власть, которой всегда хвастились франкфуртские мудрецы, но которую они никак не сумели установить. Был созван конгресс монархов, обновленный старый Союзный сейм, для обсуждения той конституции, которая уже была объявлена законом. В то же время Пруссия сосредоточила войска в Крейцнахе, в трех переходах от Франкфурта, и предложила мелким государствам последовать ее примеру и тоже распустить свои палаты, как только те вздумают примкнуть к франкфуртскому Собранию. Ганновер и Саксония немедленно последовали этому примеру.

Было ясно, что решение конфликта силой оружия неизбежно. Враждебность правительств и возбуждение в народе изо дня в день обнаруживались все ярче. Демократические граждане старались обработать войска — в Южной Германии с большим успехом.

Везде устраивались большие народные собрания, на которых принимались резолюции о поддержке имперской конституции и Национального собрания, если это потребует, силою оружия. В Кельне с этой же целью состоялось собрание депутатов от всех общинных советов Рейнской Пруссии. В Пфальце, в Бергском округе, в Фульде, в Нюрнберге, в Оденвальде крестьяне собирались огромными массами и находились в состоянии величайшего воодушевления. В то же самое время во Франции Учредительное собрание было распущено, и к новым выборам везде готовились в атмосфере страстного возбуждения; а на восточной границе Германии венгры в один месяц рядом блестящих побед отбросили от Тиссы к Лейте ¹ поток австрийского нашествия; со дня на день ожидалось, что они возьмут приступом Вену. Словом, так как воображение народа было возбуждено до крайней степени, а вызывающая политика правительств с каждым днем проявлялась все яснее, то вооруженное столкновение было неизбежно, и только трусливое слабоумие могло убеждать себя, что борьба найдет мирный исход. Но именно это-то слабоумие и было сильнее всего представлено во франкфуртском Собрании.

Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
19 августа 1852 г.

XVII. ВОССТАНИЕ

Лондон, август 1852 г.

Неизбежный конфликт между франкфуртским Национальным собранием и правительствами немецких государств разразился, наконец, в форме открытых враждебных действий в первых числах мая 1849 г. Австрийские депутаты, отозванные своим правительством, уже покинули Собрание и, за исключением немногих членов левой, или демократической партии, возвратились домой. Подавляющая масса консервативных членов, заметив, какой оборот принимают дела, ушла из Собрания даже раньше, чем этого потребовали от них их правительства. Таким образом, независимо от указанных уже в предыдущих главах причин, усиливавших влияние левой, одного бегства членов правой было достаточно для того, чтобы превратить прежнее меньшинство в большинство Собрания. Представители нового большинства, которому такое счастье и во сне не снилось, раньше пользовались своим положением на скамьях оппозиции, чтобы напыщенно

¹ Тисса — река, пересекающая старую Венгрию в направлении с севера на юг. Лейта — река на западной границе Венгрии, отделяющая Венгрию от Австрии. Ред.

разглагольствовать против слабости, нерешительности, дряблости старого большинства и его имперского правительства. Теперь же вдруг *им самим* пришлось занять место этого старого большинства. Теперь *они* должны были показать, что сами они в состоянии сделать. Конечно, *их* деятельность должна быть энергичной, решительной, активной. *Они* — *цвет* Германии — быстро сумеют подтолкнуть дряхлого имперского правителя и его нерешительных министров, а если это окажется невозможным, тогда — кто может сомневаться в этом? — в силу суверенитета народа они низложат это неспособное правительство и заменят его деятельной, неутомимой исполнительной властью, которая обеспечит спасение Германии. Бедные люди! *Их* правление, — если вообще можно говорить о правлении, когда никто не подчиняется ему, — оказалось даже еще более смешным, чем правление их предшественников.

Новое большинство объявило, что, несмотря на все препятствия, новую конституцию следует провести в жизнь, и притом *немедленно*. В ближайшее время, 15 июля, народ должен избрать депутатов в новую палату представителей, и эта палата 15 августа должна будет собраться во Франкфурте. Это было уже прямым объявлением войны тем правительствам, которые не признали имперской конституции, и прежде всего Пруссии, Австрии, Баварии, включавшим три четверти всего населения Германии, — объявлением войны, немедленно принятым правительствами. Пруссия и Бавария тоже отозвали своих депутатов, посланных во Франкфурт от их территорий, и ускорили свои военные приготовления против Национального собрания. С другой стороны, демонстрации демократической партии (вне парламента) в пользу общегерманской конституции и Национального собрания приобретали все более бурный и энергичный характер, и масса рабочих, руководимых сторонниками крайней партии, обнаруживала готовность поднять оружие на защиту дела, которое, правда, не было их делом, но, по крайней мере, освобождая Германию от тяжкого бремени старых монархических учреждений, открывало перед рабочими возможность несколько приблизиться к своим целям. Таким образом, по этому вопросу народ и правительства повсюду с крайним ожесточением выступали друг против друга; взрыв был неминуем; мина была заряжена, и одной искры было достаточно, чтобы она взорвалась. Такими искрами были роспуск палат в Саксонии, призыв ландвера в Пруссии, прямое противодействие правительств общегерманской конституции; искры упали, и вся страна тотчас была охвачена пламенем. В Дрездене народ 4 мая, одержав победу, овладел городом и изгнал короля; все соседние округа послали подкрепления восставшим. В Рейнской Пруссии и Вестфалии ландвер отказался выступить против восставших, захватил арсеналы и вооружился на защиту общегерманской конституции. В Пфальце

народ арестовал баварских правительственных чиновников, захватил казначейство и учредил комитет обороны, который поставил область под защиту Национального собрания. В Вюртемберге народ заставил короля признать имперскую конституцию, а в Бадене армия в союзе с народом принудила великого герцога к бегству и создала областное правительство. В других частях Германии народ лишь дожидался решающего сигнала от Национального собрания, чтобы восстать с оружием в руках и предоставить себя в распоряжение Собрания.

Положение Национального собрания было гораздо благоприятнее, чем можно было бы ожидать после его бесславного прошлого. Западная половина Германии взялась за оружие для защиты Собрания; войска повсюду колебались; в мелких государствах они явно склонялись на сторону движения. Австрия была доведена до критического положения победоносным натиском венгров, а Россия, этот резервный оплот немецких правительств, напрягала все свои силы для поддержки Австрии против мадьярских войск. Оставалось только справиться с Пруссией, а при наличии в стране революционных симпатий достижение такой цели было несомненно возможным. Словом, все зависело от поведения Национального собрания.

Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении. Эти правила, будучи логическим следствием из сущности партий, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848 г. достаточно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца. Восстание есть уравнивание с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета; если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены; надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению,

раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость¹.

Итак, что же следовало делать франкфуртскому Национальному собранию, чтобы избежать неминуемо угрожавшей ему гибели? Оно должно было прежде всего ясно понять положение и притти к убеждению, что теперь перед ним нет иного выбора, как или подчиниться безоговорочно правительствам, или же решительно и без промедлений выступить за дело вооруженного восстания. Во-вторых, оно должно было открыто признать все уже вспыхнувшие восстания, повсюду призвать народ взяться за оружие для защиты национального представительства и объявить вне закона всех монархов, министров и других лиц, которые отважились бы противиться суверенному народу, представленному своими уполномоченными. В-третьих, оно должно было немедленно сместить германского имперского правителя, создать сильную, деятельную, ни перед чем не отступающую исполнительную власть, призвать во Франкфурт для своей непосредственной защиты вооруженные силы восстания, давая тем в то же время законный повод для распространения восстания, организовать в одно сплоченное целое все состоявшие в его распоряжении боевые силы, — словом, быстро и без колебания использовать все возможные средства, чтобы укрепить свою позицию и ослабить позицию своих врагов.

Добродетельные демократы франкфуртского Собрания поступили во всем как раз наоборот. Не довольствуясь тем, что они предоставили вещи их собственному течению, эти достойные господа дошли до того, что своим противодействием прямо-таки подавляли все возникавшие повстанческие движения. Так поступил, например, г. Карл Фогт в Нюрнберге. Они допустили подавление восстаний в Саксонии, Рейнской Пруссии, Вестфалии, не оказав им никакой другой помощи, кроме посмертного сентиментального протеста против бесчувственной жестокости прусского правительства. Тайно они поддерживали дипломатические сношения с южно-германскими восстаниями, но отнюдь не поддержали их открытым признанием. Они знали, что имперский правитель стоит на стороне правительств, и, однако, они обратились *к нему*, — на что тот не обратил ни малейшего внимания, — с прось-

¹ Эти указания Маркса и Энгельса, подтвержденные всем опытом борьбы рабочего класса, сохранили свою полную силу и до настоящего времени. Ленин и Сталин, руководя Октябрьской борьбой 1917 г., блестяще воплотили в жизнь эти правила, обогащенные опытом последующей борьбы пролетариата, в частности опытом декабрьского восстания 1905 г. в Москве. См. *Ленин*, «Марксизм и восстание», «Советы постороннего» и другие статьи 1917 г. (Соч., т. XXI). *Ред.*

бой противодействовать интригам этих правительств. Имперские министры, старые консерваторы, на каждом заседании осыпали насмешками это бессильное Собрание, и оно мирилось с этим. А когда Вильгельм Вольф, силезский депутат и один из редакторов «Новой Рейнской Газеты», потребовал, чтобы Собрание объявило вне закона имперского правителя, который, как правильно заявил Вольф, был первым и величайшим предателем империи, его заглушил единодушный крик добродетельного негодования этих демократических революционеров! Коротко говоря, они продолжали болтать, заявлять, протестовать, возвещать, провозглашать, но им никогда не хватало ни мужества, ни ума, чтобы действовать, между тем как враждебные войска правительств подходили все ближе, а их собственная исполнительная власть, имперский правитель, усердно подготавливала совместно с немецкими государями их быстрое уничтожение. Так это презренное Собрание потеряло последние остатки значения; те повстанцы, которые поднялись на его защиту, бросили заботы о нем, а когда, как мы еще увидим, дело пришло к позорному концу, Собрание умерло так, что никто и не заметил его бесславного исчезновения.

Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
18 сентября 1852 г.

ХVIII. МЕЛКАЯ БУРЖУАЗИЯ

Лондон (без даты).

В своей последней статье мы показали, как борьба между немецкими правительствами, с одной стороны, и франкфуртским парламентом — с другой, в конце концов достигла такой степени ожесточения, что в первые дни мая в значительной части Германии вспыхнуло открытое восстание: сначала в Дрездене, потом в Баварском Пфальце, в части Рейнской Пруссии и, наконец, в Бадене.

Во всех этих случаях *действительно боевые* силы повстанцев, взявшиеся первыми за оружие и вступившие в сражение с войсками, состояли из *городских рабочих*. После того как разразился конфликт, к рабочим стала присоединяться часть беднейших слоев сельского населения — батраки и мелкие крестьяне. Большинство молодых людей из всех общественных классов, стоящих ниже класса капиталистов, по меньшей мере временно находилось в рядах повстанческих армий, но эта довольно пестрая толпа скоро поредела, как только дело приняло более серьезный оборот. В частности студенты, эти «представители интеллекта», как они любили себя называть, в первую очередь покидали знамена, если только их не удавалось задержать производством в офицеры, для чего они, разумеется, лишь в самых редких случаях обладали необходимыми данными.

Рабочий класс принял участие в этом восстании, как принял бы его во всяком другом, которое обещало бы либо устранить некоторые препятствия на его пути к политическому господству и социальной революции, либо по крайней мере заставить более влиятельные, но менее смелые общественные классы взять более решительный и революционный курс, чем тот, какого они придерживались до сих пор. Рабочий класс взялся за оружие с полным сознанием того, что по своим прямым последствиям это не его собственная борьба. Но он преследовал единственно правильную для него тактику: ни одному классу, поднявшемуся на его плечах (как это сделала буржуазия в 1848 г.), он не хотел позволить укрепить свое классовое господство, если тот не открывал рабочему классу по крайней мере свободного поля для борьбы за его собственные интересы. И во всяком случае рабочий класс стремился довести дело до кризиса, который или решительно и бесповоротно увлек бы нацию на революционный путь, или же, насколько возможно полно, восстановил бы предреволюционное состояние и таким образом сделал бы неизбежной новую революцию. И в том и в другом случае рабочий класс представлял действительные и правильно понятые интересы всей нации: он по мере сил ускорял ход революции, которая стала теперь исторической необходимостью для старых обществ цивилизованной Европы и без которой ни одно из них не может помышлять о дальнейшем более спокойном и регулярном развитии своих сил.

Что касается присоединившихся к восстанию крестьян, то они бросились в объятия революционной партии частью из-за относительно огромного бремени налогов, частью же из-за тяготивших на них феодальных повинностей.

Лишенные какой бы то ни было собственной инициативы, они плелись в хвосте других классов, вовлеченных в восстание, и колебались из стороны в сторону между рабочими и мелкой буржуазией. Почти всегда особое общественное положение каждого в отдельности решало, к какой стороне примыкал он. Сельский батрак обычно присоединялся к городским наемным рабочим; мелкий крестьянин обнаруживал склонность идти рука об руку с мелким буржуа.

Этот класс мелких буржуа, большое значение и влияние которого мы уже неоднократно отмечали, можно считать руководящим классом майского восстания 1849 г. Так как на этот раз среди центров движения не было ни одного из крупных городов Германии, то мелкой буржуазии, которая всегда преобладает в городах средних и мелких размеров, удалось захватить в свои руки руководство движением. Мы видели, кроме того, что в борьбе за имперскую конституцию и за права германского парламента интересы именно этого класса были поставлены на карту. Во всех временных правительствах, которые организовались в восставших

областях, большинство составляли представители имени этой части народа, и по тому, насколько далеко они заходили, как раз можно судить, на что вообще способна немецкая мелкая буржуазия; как мы увидим, она способна лишь на то, чтобы погубить всякое движение, которое вверяется ее руководству.

Мелкая буржуазия, великая в хвастовстве, совершенно неспособна действовать и очень боится рисковать чем бы то ни было. Мелочный характер ее торговых сделок и кредитных операций как нельзя более подходит для того, чтобы лишить ее энергии и предприимчивости; поэтому можно ожидать, что такими же свойствами отличается и ее политическая деятельность. В соответствии с этим мелкая буржуазия поощряла восстание высокопарными словами и неумеренным прославлением подвигов, которые она собирается совершить; она поспешила захватить власть, как только восстание — совершенно вопреки ее желанию — вспыхнуло; но этой властью она пользовалась только для того, чтобы свести к нулю все успехи восстания. Повсюду, где вооруженное столкновение приводило к серьезному кризису, мелких буржуа охватывал величайший ужас перед опасным положением, в которое они попали; ужас перед народом, который всерьез принял их хвастливый призыв к оружию; ужас перед властью, которая теперь попала им в руки, и прежде всего ужас перед последствиями для них самих, для их общественного положения, для их собственности от политики, в которую они были вынуждены впутаться. Не ожидали ли от них, что они действительно будут рисковать «жизнью и собственностью», как они обычно говорили, для дела восстания? Не вынуждены ли они были занять официальное положение в восстании, и, следовательно, в случае поражения не рисковали ли они потерять свои капиталы? И какая иная перспектива стояла перед ними в случае победы, как не уверенность, что победоносные пролетарии, составлявшие главную массу борющейся армии, прогонят их с постов и радикально изменят их политику? Поставленная таким образом между противоположными опасностями, окружавшими ее со всех сторон, мелкая буржуазия сумела использовать свою власть лишь для того, чтобы оставлять все на произвол судьбы, в силу чего утрачивались последние остатки надежды на успех и восстание окончательно осуждалось на крушение. Тактика мелкой буржуазии, или, вернее, полное отсутствие всякой тактики, повсюду была одна и та же, и потому восстания в мае 1849 г. во всех частях Германии сложились по одинаковому образцу.

В Дрездене борьба на улицах продолжалась четыре дня. Мелкие буржуа Дрездена, «городская гвардия», не только не принимали участия в борьбе, но во многих случаях поддерживали действия войск против восставших. Последние состояли почти исключительно из рабочих окрестных промышленных округов. Они

нашли способного и хладнокровного командира в лице русского эмигранта Михаила Бакунина, который впоследствии был взят в плен и в настоящее время находится в заключении в Мункачской тюрьме в Венгрии. Вмешательство многочисленных прусских войск подавило это восстание.

В Рейнской Пруссии дело дошло лишь до незначительных схваток. Так как все крупные города были крепостями, над которыми господствовали цитадели, то для восставших были возможны лишь небольшие стычки. Как только было сосредоточено достаточное количество войск, вооруженному сопротивлению был положен конец.

В Пфальце и Бадене, наоборот, восставшие овладели богатой, плодородной областью и целым государством. Здесь было все под руками: деньги, оружие, солдаты, боевые припасы. Солдаты регулярной армии сами присоединились к восставшим; более того, в Бадене они даже были в первых рядах восставших. Восстания в Саксонии и Рейнской Пруссии принесли себя в жертву, чтобы дать время для организации южно-германского движения. Никогда еще не было таких благоприятных обстоятельств для областного и частичного восстания, как в данном случае. В Париже ожидали революцию; венгры стояли у ворот Вены; во всех государствах Средней Германии не только народ, но и солдаты решительно склонялись на сторону восстания и ждали только случая, чтобы открыто присоединиться к нему. И все же движение, попав в руки мелких буржуа, с самого начала было обречено на гибель. Мелкобуржуазные правители, в особенности в Бадене, — и во главе их господин Брентано, — никак не могли забыть, что узурпацией поста и прерогатив своего «законного» суверена, великого герцога, они совершают государственную измену. Они сидели на своих министерских креслах, в душе считая себя преступниками. Чего же было ждать от таких трусов? Они не только предоставили восстание его собственному нецентрализованному и потому безрезультатному стихийному ходу, но они делали все, что было в их силах, чтобы отнять у движения всю энергию, обессилить его, уничтожить. И им это удалось благодаря горячей поддержке того глубокомысленного разряда политиков, «демократических» героев мелкой буржуазии, которые были уверены, что «спасают отечество», предоставляя нескольким более ловким политикам, вроде Брентапо, водить себя за нос.

Что касается военной стороны дела, то никогда еще боевые операции не велись с большей небрежностью и вялостью, чем под командой баденского главнокомандующего Зигеля, отставного лейтенанта регулярной армии. Все было в беспорядке, упущены были все благоприятные случаи, все драгоценные моменты были потрачены на измышление колоссальных, но невыполнимых проектов, так что, когда, наконец, командование взял на себя даровитый поляк Мерославский, армия была дезорганизована,

разбита, недостаточно вооружена, наля духом, стояла перед вчетверо сильнейшим противником. Мерославскому не оставалось ничего иного, как только дать под Вагхейзелем славное, но окончившееся неудачей сражение, совершить искусное отступление, дать последний безнадежный бой под стенами Раштатта и сложить с себя командование. В этой, как и во всякой повстанческой войне, в которой войска представляют собой смесь опытных солдат и недисциплинированных повстанцев, революционная армия проявила много героизма, но вместе с тем и много, зачастую необъяснимой, недопустимой у солдат паники. Но при всем своем неизбежном несовершенстве эта армия получила то удовлетворение, что противники не сочли четырехкратный перевес достаточным для того, чтобы разбить ее наголову, и что во время кампании сто тысяч регулярных войск обнаруживали в военном отношении такую почтительность перед двадцатью тысячами повстанцев, словно перед ними была старая гвардия Наполеона.

В мае восстание вспыхнуло, в половине июля 1849 г. оно было совершенно подавлено. Первая германская революция закончилась.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
2 октября 1852 г.*

ХІХ. КОНЕЦ ВОССТАНИЯ

Лондон, 24 сентября 1852 г.

В то время как юг и запад Германии были охвачены открытым восстанием и правительствам от начала первых военных действий в Дрездене до сдачи Раштатта потребовалось более десяти недель, чтобы задуть эту последнюю вспышку первой германской революции, Национальное собрание исчезло с политической арены, причем никто не заметил его исчезновения.

Мы оставили это высокое учреждение во Франкфурте в состоянии растерянности от дерзких посягательств правительств на его достоинство, от бессилия и предательского бездействия созданной им самим центральной власти, от восстаний мелкой буржуазии, выступившей на его защиту, и восстаний рабочих, преследовавших более революционную конечную цель. Среди членов Собрания царили крайняя безнадежность и отчаяние; события сразу приняли такой ясный и решительный оборот, что в несколько дней совершенно рушились все иллюзии этих ученых законодателей относительно действительной их силы и влияния. Консерваторы по сигналу своих правительств уже оставили Собрание, которое могло продолжать свое существование только вопреки существующим властям. Либералы в крайнем смятении отступили; они тоже сложили с себя свои депутатские полномочия. Достопочтенные господа дезертировали сотнями. Их было сначала от восьми до девяти сотен, но число это уменьшалось

с такой стремительностью, что скоро для принятия постановлений Собрание признало достаточным присутствие ста пятидесяти, а через несколько дней — ста депутатов. Но трудно было собирать даже это количество, хотя вся демократическая партия осталась на месте.

Было достаточно ясно, что надо было делать остатку парламента. Ему следовало только открыто и решительно примкнуть к восстанию, придав тем самым восстанию всю силу, какую только могла сообщить законность; в то же время Собрание приобрело бы таким способом армию для своей собственной защиты. Ему надо было потребовать от центральной власти немедленного прекращения всех военных действий; а если бы, как это можно было предвидеть, эта власть не сумела и не захотела поступить так, оно должно было бы немедленно устранить ее и заменить более энергичным правительством. Если нельзя было привлечь во Франкфурт войска повстанцев (что не трудно было бы осуществить вначале, пока правительства отдельных государств были мало подготовлены и обнаруживали нерешительность), Собрание могло бы, не теряя времени, перенести свое местопребывание в самый центр восставшей области. Если бы все это было сделано немедленно и решительно, не позже половины или конца мая, то как перед восстанием, так и перед Национальным собранием еще открылись бы надежды на успех.

Но от представителей немецкого мещанства (*shopocrasy*) никак нельзя было ожидать таких решительных действий. Эти честолюбивые политики ничуть не расстались со своими иллюзиями. Те члены парламента, которые утратили свою роковую веру в его силу и неприкосновенность, уже удрали; оставшихся демократов не легко было бы убедить отказаться от тех грез о власти и величии, которым они предавались в течение целого года. Оставаясь верными принятому ими раньше курсу, они все время избегали решительных действий, до тех пор, пока, наконец, не исчезла всякая возможность успеха и даже всякая возможность хотя бы пасть с честью. Развивая кипуче-хлопотливую, но лишенную реального значения деятельность, полное бессилие которой при сопоставлении с их преувеличенными притязаниями могло возбудить лишь сострадание и насмешку, они продолжали направлять резолюции, обращения и требования к имперскому правителю, который не обращал на них никакого внимания, и к министрам, которые вступили в открытый союз с врагом. А когда, наконец, Вильгельм Вольф, депутат из Штригау и один из редакторов «Новой Рейнской Газеты», единственный действительный революционер во всем Собрании, заявил, что если они серьезно относятся к своим словам, то должны положить конец болтовне и немедленно объявить вне закона имперского правителя, главного предателя страны, тогда все долго сдерживаемое нрав-

ственное негодование этих господ парламентариев разразилось с такой силой, которой и в помине не было, когда правительства осыпали их оскорблениями.

Несомненно, предложение Вольфа было первым разумным словом, сказанным в стенах храма св. Павла¹; несомненно потому, что он требовал именно того, что было необходимо. Но такая откровенная речь, называвшая все своими именами, могла лишь оскорбить те чувствительные души, которые были решительны только в своей нерешительности и которые, будучи трусливыми для того, чтобы действовать, раз навсегда вбили себе в голову, что ничего не делать — это именно и есть то, что следует делать. Каждое слово, которое, как вспышка молнии, освещало безрассудную, но в то же время преднамеренную неясность их умов, каждое напоминание, способное вывести их из лабиринта, в котором они во что бы то ни стало хотели оставаться как можно дольше, всякий ясный взгляд на действительное положение вещей — все это было, разумеется, оскорблением величества этого суверенного Собрания.

Вскоре после того как, несмотря на все резолюции, воззвания, запросы и прокламации, дальнейшая защита позиций почтенных господ депутатов во Франкфурте стала невозможной, они ушли, но ушли не в восставшие области, — это было бы слишком смелым шагом. Они отправились в Штутгарт, где вюртембергское правительство сохраняло своего рода выжидательный нейтралитет. Здесь они, наконец, объявили имперского правителя низложенным и из своей собственной среды избрали регентство из пяти членов. Это регентство начало с того, что попыталось провести закон о милиции, который с соблюдением всех законных формальностей был разослан всем правительствам Германии.

Им-то, завзятым врагам Собрания, было приказано собирать силы для его защиты! Так создавалась — разумеется, на бумаге — армия для защиты Национального собрания. Дивизии, бригады, полки, батареи — все было предусмотрено и предписано. Ни в чем не было недостатка, кроме реальности, потому что эта армия, конечно, никогда не появилась на свет.

Еще один последний план сам собою напрашивался Национальному собранию. Демократическое население из всех частей страны присылало депутации, чтобы отдать себя в распоряжение парламента и побудить его к решительным действиям. Народ, знавший истинные намерения вюртембергского правительства, заклинал Национальное собрание принудить это правительство к открытому и активному участию в восстании, поднятом соседями. Но напрасно. Перейдя в Штутгарт, Национальное собрание

¹ Храм св. Павла во Франкфурте — помещение, где заседало Национальное собрание. *Ред.*

отдалось на милость вюртембергского правительства. Депутаты сознавали это и потому противодействовали агитации среди народа. В силу этого они утратили последний остаток влияния, которое еще могли бы сохранить за собой. Они стяжали заслуженное презрение, и вюртембергское правительство, побуждаемое Пруссией и имперским правителем, положило конец демократическому фарсу: 18 июня 1849 г. оно заперло зал заседаний парламента и предписало членам регентства оставить страну.

Тогда они отправились в Баден, в лагерь восставших; но там они были теперь уже бесполезны. Никто не обращал на них внимания. Тем не менее регентство продолжало «спасать» отечество своими мероприятиями от имени суверенного германского народа. Оно сделало попытку добиться своего признания со стороны иностранных держав, выдавая паспорта всякому, кто хотел их брать. Оно издавало прокламации и отправляло комиссаров, чтобы вызвать восстание в тех самых областях Вюртемберга, активным содействием которых оно пренебрегло, когда время еще не было потеряно; но все это, разумеется, безуспешно. Перед нами лежит сейчас подлинное донесение, отправленное регентству одним из его комиссаров, г. Реслером, депутатом от Эльса; его содержание весьма характерно. Оно помечено: Штутгарт, 30 июня 1849 г. Описав приключения полдюжины этих комиссаров, безуспешно искавших денег, г. Реслер приводит ряд оправданий, почему он все еще не возвратился на свой пост, и затем делает экскурс в область глубокомысленных соображений о возможных конфликтах между Пруссией, Австрией, Баварией и Вюртембергом и о их возможных последствиях. Подробно обсудив все это, он тем не менее приходит к выводу, что надеяться все-таки не на что. Далее он предлагает организовать из надежных людей почтовую службу для передачи известий и создать систему шпионажа для раскрытия намерений вюртембергского министерства и получения сведений о передвижениях войск. Это письмо не дошло по адресу, потому что, когда оно писалось, регентство целиком уже переправилось в «иностранное ведомство», именно в Швейцарию. И в то время как бедный г. Реслер все еще ломал голову над тем, каковы планы страшного министерства захудалого королевства, сто тысяч прусских, баварских и гессенских солдат в последнем бою под стенами Раштатта уже решили все дело.

Так исчез германский парламент, а вместе с ним — первое и последнее создание германской революции. Его созыв был первым доказательством того, что в Германии действительно *была* революция; и он существовал до тех пор, пока она, эта первая современная германская революция, не пришла к концу. Избранный под влиянием класса капиталистов разьединенным, разбросанным сельским населением, большая часть которого только

что очнулась от феодального оцепенения, этот парламент послужил к тому, чтобы, собрав вместе все крупные популярные имена периода 1820—1848 гг., выдвинуть их на политическую арену, а затем совершенно их уничтожить. Здесь собрались все знаменитости буржуазного либерализма. Буржуазия ждала чудес, а стяжала она позор для себя и своих представителей. Класс промышленников и торговых капиталистов понес в Германии более тяжкое поражение, чем в какой-либо другой стране. Сначала он был побежден, сокрушен, прогнан от власти в отдельных государствах Германии, а потом был разбит наголову, обесчещен и осыпан насмешками в центральном германском парламенте. Политический либерализм, правление буржуазии — будь то при монархической или при республиканской форме правительства, — стал навсегда невозможен в Германии.

В последний период своего существования германский парламент послужил тому, чтобы навсегда опозорить партию, которая с марта 1848 г. стояла во главе официальной оппозиции — демократов, этих представителей интересов мелкой буржуазии и отчасти крестьянства. В мае и июне 1849 г. этот класс получил возможность показать свою способность к организации устойчивого правительства в Германии. Мы уже знаем, какую он потерпел неудачу, — не столько из-за неблагоприятных обстоятельств, сколько из-за своей полной и неизменной трусости, проявлявшейся при всех решающих движениях, какие только имели место со времени начала революции; из-за того, что в политике он обнаружил близорукость, малодушие и нерешительность, которые характерны для его коммерческих операций. В мае 1849 г. в силу такого поведения он утратил доверие подлинно боевой силы всех европейских восстаний — рабочего класса. Но все же у него были благоприятные виды на успех. С того времени как реакционеры и либералы удалились, германский парламент был исключительно в его руках. Сельское население было на его стороне. Две трети армий в мелких государствах, треть прусской армии, большая часть прусского ландвера (запаса) готовы были присоединиться к нему, если бы он стал действовать с той решительностью и отвагой, которые вытекают из ясного понимания положения вещей. Но политики, стоявшие во главе этого класса, были не дальновиднее, чем масса мелких буржуа, следовавшая за ними. Они обнаружили еще большее ослепление, еще упорнее цеплялись за преднамеренно питаемые иллюзии, были еще легчевернее, еще более неспособны решительно считаться с фактами, чем либералы. Их политическое значение тоже упало ниже точки замерзания. Но так как фактически они не осуществили своих заезженных принципов, то при *очень* благоприятных обстоятельствах они могли бы вновь ожить на короткое время, если бы у них, как и у их товарищей, «чистых демократов» во Франции,

государственный переворот Луи Бонапарта не отнял и этой последней надежды.

Подавлением восстания в юго-западной Германии и разгоном германского парламента заканчивается история первой германской революции. Нам остается еще бросить прощальный взор на победоносных членов контрреволюционного союза. Это мы сделаем в нашей следующей статье ¹.

*Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
23 октября 1852 г.*

XX. ПРОЦЕСС КОММУНИСТОВ В КЕЛЬНЕ

Лондон, 1 декабря 1852 г.

Вы, вероятно, уже получили через европейскую печать множество отчетов о процессе-монстре против коммунистов в Кельне (Пруссия) и о его исходе. Но так как ни один из этих отчетов не дает хотя бы приблизительно верного изложения фактов и так как эти факты бросают яркий свет на политические средства, которыми держат в оковах европейский континент, то я считаю необходимым вернуться к этому процессу.

Вследствие уничтожения права союзов и собраний коммунистическая или пролетарская партия, точно так же как и другие партии, утратила возможность создать себе на континенте легальную организацию. Кроме того, ее вожди были изгнаны из своих стран. Но ни одна политическая партия не может существовать без организации; и если у либеральной буржуазии и демократической мелкой буржуазии ее социальное положение, ее средства и упрочившиеся ежедневные сношения между ее членами до известной степени могли заменить подобную организацию, то пролетариату, лишенному такого общественного положения и денежных средств, оставалось искать эту организацию в тайных обществах. Вот почему как во Франции, так и в Германии возникло множество тайных обществ, которые, начиная с 1849 г., полиция открывала одно за другим и преследовала как заговоры. Многие из этих обществ были действительно заговорами, организованными с целью ниспровергнуть существующую государственную власть, — и трус тот, кто при известных обстоятельствах не стал бы организовывать заговоры, точно так же как он был бы глупцом, если бы стал делать это при других обстоятельствах. Но кроме этого существовали и другие общества,

¹ Эта статья не найдена. Вместо нее дочь Маркса, Элеонора Эвелинг, издавшая в 1896 г. в виде отдельной книжки серию статей «Революция и контрреволюция в Германии», дала в виде заключительной главы статью о Кельнском процессе коммунистов, напечатанную в той же американской газете «New-York Daily Tribune» за подписью Маркса. *Ред.*

ставившие себе более отдаленную и высокую цель, знавшие, что свержение существующего правительства является только эпизодом в приближающейся великой борьбе, и стремившиеся организовать и подготовить партию, ядро которой они составляли, к последнему решительному бою, который рано или поздно должен будет навсегда уничтожить в Европе господство не только «тиранов», «деспотов» и «узурпаторов», но несравненно более могущественную и страшную власть: власть капитала над трудом.

Такого типа была организация передовой коммунистической партии в Германии. В согласии с принципами «Манифеста» (опубликованного в 1848 г.) и с положениями, развитыми в напечатанной в «New-York Daily Tribune» серии статей *о революции и контр-революции в Германии*, партия эта никогда не предполагала, будто она может, когда и как ей заблагорассудится, произвести ту революцию, которая должна на деле осуществить ее идеи. Она изучала причины, которые вызвали революционные движения 1848 г., и причины, которые привели к их крушению. Считая, что общественный антагонизм классов лежит в основе всякой политической борьбы, она обратилась к исследованию тех условий, при которых один общественный класс может и должен быть призван к тому, чтобы представлять совокупность интересов народа и, следовательно, политически управлять им. История показала коммунистической партии, каким образом вслед за земельной аристократией средних веков возникла денежная мощь первых капиталистов, захвативших бразды правления; как общественное влияние и политическое господство этой *финансовой* части буржуазии было заменено влиянием *промышленных* капиталистов, возросшим с того времени, как стал применяться пар, и как в настоящее время притязание на господство заявляют в свою очередь еще два класса — класс мелких буржуа и класс промышленных рабочих. Практический революционный опыт 1848—1849 гг. подтвердил теоретические соображения, приведшие к тому выводу, что сначала должен настать черед мелкобуржуазной демократии, прежде чем коммунистический рабочий класс может надеяться установить свою постоянную власть и уничтожить ту систему наемного рабства, которая держит его под игом буржуазии. Следовательно, тайная организация коммунистов не могла иметь непосредственной целью ниспровержение *существующих* правительств в Германии. Она была образована для того, чтобы ниспровергнуть не эти правительства, а то правительство восстания, которое раньше или позже должно было сменить их. Члены организации вероятно, даже несомненно, каждый за свой страх и риск оказали бы активную поддержку революционному движению против *существующего* порядка. Но *подготовка* такого движения иным способом, кроме тайного распространения коммунистических идей в массах, не

могла быть задачей Союза коммунистов. Большинство членов Союза настолько хорошо понимало эти основные положения, что, когда честолюбивый карьеризм некоторых из его членов привел к попыткам превратить Союз в заговор для организации импровизированной революции, эти члены были быстро удалены из Союза ¹.

Никакой закон в мире не мог бы назвать деятельность такого общества комплотом, заговором, ставящим себе целью государственную измену. Если это был заговор, то это был заговор не против существующего правительства, а против его вероятного преемника. И прусское правительство знало это. Вот в чем причина, почему одиннадцать обвиняемых держали в одиночном заключении восемнадцать месяцев, использованных властями для самых поразительных юридических фокусов. Представьте себе: после восьмимесячного ареста заключенных задержали в тюрьме еще на несколько месяцев «за отсутствием против них улик, доказывающих какое-либо преступление». А когда, наконец, обвиняемые предстали перед присяжными, им не смогли вменить ни одного неоспоримого деяния, которое носило бы характер государственной измены. Все же они были осуждены, и вы сейчас увидите, каким образом.

В мае 1851 г. был арестован один из эмиссаров Союза, и на основании найденных у него бумаг произведены были дальнейшие аресты. Один прусский полицейский чиновник, некто *Штибер*, немедленно получил предписание проследить разветвления мнимого заговора в Лондоне. Ему удалось добыть некоторые документы, принадлежащие тем упомянутым выше лицам, которые были исключены из Союза и после этого организовали действительный заговор в Париже и Лондоне. Эти бумаги были добыты посредством двойного преступления. Удалось подкупить некоего Рейтера, который взломал конторку секретаря Союза и украл из нее документы. Но это еще не все. Кража эта повела к раскрытию так называемого «немецко-французского заговора» в Париже и к осуждению его участников, но все же не дала ключа к большому Союзу коммунистов. Парижским заговором, кстати сказать, руководили несколько честолюбивых дураков и политических проходимцев в Лондоне и один парижский полицейский шпион, осужденный раньше за подделку документов. Одураченные ими олухи яростными декламациями и кровавыми трескучими фразами возмещали свое крайнее политическое ничтожество.

Таким образом, прусской полиции пришлось искать новых открытий. В прусском посольстве в Лондоне она устроила настоящее отделение тайной полиции. Полицейский агент по имени

¹ Имеется в виду фракция Виллиха и Шаппера, исключенная из Союза коммунистов в 1850 г. *Ред.*

Грейф занимался своей гнусной профессией, нося звание атташе посольства, — прием, которого, собственно, достаточно, чтобы поставить все прусские посольства вне международного права и прибегать к которому еще не решались даже австрийцы. Под его руководством работал некий Флери, купец лондонского Сити, человек с некоторым состоянием и довольно хорошими связями, одна из тех жалких тварей, которые совершают гнуснейшие дела из прирожденной склонности к подлости. Другим агентом был торговый приказчик по имени Гирш, который, однако, уже при его прибытии в Лондон был заподозрен в шпионстве. Он втерся в общество нескольких немецких эмигрантов-коммунистов в Лондоне, которые, чтобы достать доказательства относительно истинного характера его деятельности, терпели его в течение некоторого времени в своей среде. Доказательства его связи с полицией скоро были получены, и г. Гирш с этого момента исчез. Но хотя он потерял, таким образом, всякую возможность приобретать те сведения, за которые ему платили, он все-таки не остался бездейственным. В своем уединении в Кенсингтоне, где он ни разу не встретил ни одного из вышеупомянутых коммунистов, он еженедельно фабриковал мнимые отчеты о мнимых заседаниях мнимого центрального комитета как раз той заговорщической организации, которую никак не могла изловить прусская полиция. Содержание этих отчетов было в высшей степени бессмысленно. Ни одно имя не соответствовало действительности, ни одна фамилия не была написана правильно, ни одному лицу не было приписано тех слов, которые оно с некоторой вероятностью могло бы произнести. В составлении этих поддельных документов Гиршу помогал его учитель Флери, и отнюдь не доказано, что к этим постыдным действиям не приложил своей руки и «атташе» Грейф. Как ни невероятно это, но прусское правительство приняло за святую истину эту бессмысленную стряпню, и можно представить себе, какую путаницу внесли такого рода свидетельства в те доказательства, которые были представлены присяжным. В судебном процессе в качестве свидетеля выступил еще г. Штибер, уже упомянутый полицейский чиновник, который клятвенно удостоверял справедливость всех этих нелепостей и с великим самодовольством уверял, что один из его тайных агентов находится в интимнейших отношениях с теми людьми в Лондоне, которые являются главными инициаторами ужасного заговора. Этот тайный агент был действительно очень тайный, потому что он восемь месяцев скрывался в Кенсингтоне из страха, как бы в самом деле не увидеть тех людей, о самых тайных мыслях, словах и делах которых он, по его утверждению, доносил из недели в неделю.

Однако у гг. Гирша и Флери было в запасе еще одно изобретение. Сделанные ими отчеты они переработали «в подлинную

протокольную книгу» заседаний тайного верховного комитета, на существовании которого настаивала прусская полиция. А так как г. Штибер нашел, что эта книга удивительно согласуется с отчетами, которые он получал от тех же людей, то он немедленно представил ее присяжным и поклялся, что после обстоятельного исследования он пришел к твердому убеждению в подлинности книги. Тогда-то и было опубликовано большинство нелепостей, которые сообщал Гирш. Можно представить себе изумление мнимых членов этого тайного комитета, когда они услыхали, что о них сообщаются вещи, о которых они до того времени даже и не подозревали. Если кого-нибудь окрестили Вильгельмом, то здесь его переименовывали в Людвига или Карла; другим приписывалось произнесение речей в Лондоне в такое время, когда они были на другом конце Англии; о третьих сообщалось, что они читали письма, которых они никогда не получали; указывалось, что они устраивали регулярные собрания по четвергам, между тем как они еженедельно запросто собирались по средам; один рабочий, едва умевший писать, фигурировал в качестве составителя протоколов и подписывался как таковой; и все они говорили языком, который, пожалуй, является языком прусского полицейского участка, но уж никак не общества, большинство в котором составляли писатели с очень известными на родине именами. И в довершение всего была подделана расписка в получении суммы, будто бы уплаченной фальсификаторами за книгу протоколов мнимому секретарю вымышленного центрального комитета. Но существование этого мнимого секретаря основывалось исключительно на мистификации, которую какой-то коварный коммунист разыграл над несчастным Гиршем.

Эта грубая подделка была слишком скандальна, чтобы не произвести действия, прямо противоположного тому, которого хотели достичь. Хотя лондонские друзья обвиняемых были лишены всякой возможности познакомить присяжных с истинными обстоятельствами дела; хотя письма, которые они посылали защитникам, изымались на почте; хотя документы и официально заверенные письменные показания, которые, несмотря на все это, им удалось доставить защитникам, не были допущены в качестве материала для доказательств, тем не менее общее негодование было таково, что даже прокурор, да и сам г. Штибер, который под присягой поручился за подлинность этой протокольной книги, были вынуждены признать ее подделкой.

Этот подлог был, однако, не единственным подвигом подобного рода, который совершила полиция. В процессе выплыли еще два или три таких же случая. Полиция посредством вставок фальсифицировала украденные Рейтером документы и таким образом искажила их смысл. Один документ, полный дикой бессмыслицы, был написан почерком, подделанным под почерк д-ра К. Маркса,

и в течение некоторого времени этот документ приписывался именно ему, пока, наконец, прокурор не был вынужден признать подлог. Но на смену каждой разоблаченной полицейской гнусности выдвигалось пять или шесть новых, которые невозможно было немедленно разоблачить, потому что защитников старались захватить врасплох, доказательства приходилось добывать из Лондона, а всякая переписка защитников обвиняемых с лондонскими эмигрантами-коммунистами трактовалась на суде как соучастие в мнимом заговоре!

Что Грейф и Флери действительно таковы, какими они изображены выше, это подтвердил сам г. Штибер в своем свидетельском показании. Что же касается Гирша, то он признался перед одним лондонским судьей, что он подделал «протокольную книгу» по приказу и при содействии Флери, а потом он скрылся из Англии, чтобы избежать уголовного преследования.

Ввиду позорных разоблачений, к которым привел процесс, правительство было в затруднительном положении. Состав присяжных был такой, какого еще не наблюдалось в Рейнской области: шесть дворян — отъявленных реакционеров, четыре крупных финансиста и два правительственных чиновника. — Эти люди не склонны были слишком внимательно разбираться в хаотической массе материала, нагромождавшегося перед ними в течение шести недель под непрерывные крики о том, что обвиняемые являются главарями страшного коммунистического заговора, имеющего целью ниспровержение всего святого: собственности, семьи, религии, порядка, правительства и закона! И однако, если бы правительство во-время не дало понять привилегированным классам, что оправдание в этом процессе послужит сигналом к отмене суда присяжных и будет принято как прямая политическая демонстрация, как доказательство, что буржуазно-либеральная оппозиция готова пойти на союз даже с крайними революционерами, — если бы не это, приговор был бы все-таки вынесен оправдательный. Таким-то способом, благодаря применению нового прусского уголовного уложения, которому была дана сила обратного действия, правительству удалось добиться осуждения семерых арестованных, между тем как оправдано было только четверо. Осужденным было назначено от трех до шести лет заключения в крепости, о чем вы, несомненно, уже сообщили в свое время, когда известие об этом дошло до вас.

Напечатано в «Нью-Йоркской Трибуне»
22 декабря 1852 г.

Все статьи этой серии написаны на английском языке. Даты их опубликования в газете «New-York Daily Tribune» указаны в конце каждой статьи. — Маркс и Энгельс, Соч., т. VI.

ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ — СОЮЗУ

Братья! В течение обоих революционных лет, 1848—1849, Союз коммунистов вдвойне выдержал испытание: во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении, что они и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений стояли в первых рядах единственного решительно революционного класса, пролетариата. Союз, далее, выдержал испытание и в том смысле, что его воззрения на движение, как они были изложены в циркулярных письмах конгрессов и Центрального комитета в 1847 г. и в «Коммунистическом манифесте», оказались единственно правильными и что высказанные в этих документах ожидания вполне оправдались, а понимание современного общественного положения — пропагандировавшееся раньше Союзом только тайно — теперь на устах всех и публично проповедуется на площадях. В то же самое время прежде крепкая организация Союза значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные округа и общины стали запускать свои сношения с Центральным комитетом и постепенно прекратили их вовсе. Таким образом, в то время как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору, сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого попала в общем движении всецело под господство и под руководство мелкобуржуазных демократов. Такому состоянию необходимо положить конец: самостоятельность рабочих должна быть восстановлена. Центральный комитет понял эту необходимость и поэтому уже зимой 1848—1849 гг. отправил эмиссара Иосифа Молля в Германию для реорганизации Союза. Миссия Молля не оказала, однако, прочного влияния отчасти потому, что германские

рабочие еще не имели тогда достаточного опыта, отчасти же потому, что эта миссия была прервана восстанием в мае прошлого года. Сам Молль взялся за ружье, вступил в баденско-пфальцскую армию и 19 июля пал в стычке при Мурге. В его лице Союз потерял одного из своих старейших, активнейших и надежнейших членов, участвовавшего во всех конгрессах и Центральных комитетах и уже раньше выполнявшего с большим успехом ряд поездок с определенными поручениями. После поражения революционных партий Германии и Франции в июле 1849 г. почти все члены Центрального комитета опять собрались в Лондоне и, пополнив свой состав новыми революционными силами, с обновленной энергией принялись за реорганизацию Союза.

Реорганизация Союза может быть проведена только через эмиссара, и Центральный комитет считает в высшей степени важным, что эмиссар должен отправиться как раз в настоящее время, когда предстоит новая революция¹, когда, следовательно, рабочая партия должна выступать возможно более организованной, возможно более единой и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и тащиться у нее в хвосте.

Мы говорили вам, братья, уже в 1848 г., что немецкие либеральные буржуа скоро придут к власти и тотчас же обратят свою только что приобретенную власть против рабочих. Вы видели, как это сбылось. В самом деле, именно буржуа после мартовского движения 1848 г. немедленно захватили государственную власть и тотчас использовали эту власть для того, чтобы заставить рабочих, своих союзников по борьбе, вернуться в их прежнее угнетенное положение. Если буржуазия не могла этого достигнуть, не вступив в союз с побежденной в марте феодальной партией, даже в конце концов не уступив снова господства этой феодальной абсолютистской партии, то все же она обеспечила себе условия, которые ввиду финансовых затруднений правительства передали бы, наконец, в ее руки господство и гарантировали бы ее интересы в том случае, если бы оказалось возможным, чтобы революционное движение уже теперь вступило на путь так называемого мирного развития. Для обеспечения своего господства буржуазии даже не понадобились бы насильственные мероприятия, которые вызвали бы против нее ненависть народа, потому

¹ В марте 1850 г., когда было написано «Обращение ЦК к Союзу коммунистов», Маркс считал еще, что скоро последует новый подъем революционной волны. Однако после тщательного анализа мирового экономического положения он уже в сентябре 1850 г. пришел к выводу, что наступил новый мощный подъем развития капитализма, который является «матерью контрреволюции», так же как мировой торгово-промышленный кризис 1847 г. явился «матерью революции». *Ред.*

что все эти насильственные шаги уже сделала феодальная контрреволюция. Но развитие не пойдет этим мирным путем. Наоборот, близка революция, которая ускорит это развитие, будет ли она вызвана самостоятельным восстанием французского пролетариата или вторжением Священного союза в революционный Вавилон¹.

И роль, которую немецкие либеральные буржуа 1848 г. сыграли по отношению к народу, — эту столь предательскую роль в предстоящей революции возьмут на себя демократические мелкие буржуа, занимающие теперь в оппозиции такое же положение, какое занимали либеральные буржуа до 1848 г. Эта партия, демократическая партия, которая для рабочих много опаснее, чем прежние либералы, состоит из тройкого рода элементов:

1. Из наиболее прогрессивных частей крупной буржуазии, которые ставят себе целью немедленное и полное низвержение феодализма и абсолютизма. Эта фракция представлена прежними берлинскими соглашателями, предложившими отказ от платежа налогов.

II. Из конституционно-демократических мелких буржуа, главной целью которых в предшествовавшем движении было создание более или менее демократического федеративного государства в том виде, как его добивались их представители, левая франк-фуртского Собрания, а позже штутгартский парламент и они сами в кампании за имперскую конституцию.

III. Из республиканских мелких буржуа, идеалом которых является германская федеративная республика вроде швейцарской и которые теперь называют себя «красными» и «социальными демократами» потому, что питают благочестивое желание уничтожить угнетение мелкого капитала крупным, мелкого буржуа крупным буржуа. Представители этой фракции были: члены демократических конгрессов и комитетов, руководители демократических союзов, редакторы демократических газет.

Все эти фракции называют себя теперь, после своего поражения, «республиканцами» или «красными», совершенно так же, как республиканские мелкие буржуа во Франции называют себя теперь социалистами. Там, где они, как в Вюртемберге, Баварии и т. д., находят еще возможность отстаивать свои цели конституционным путем, они пользуются случаем, чтобы сохранить свои старые фразы и доказать на деле, что они несколько не изменились. Впрочем, понятно, что изменение названия этой партии несколько не изменяет ее отношения к рабочим; оно доказывает только, что теперь эта партия должна выступать против объеди-

¹ *Революционный Вавилон* — подразумевается столица Франции, Париж, считавшийся со времен французской буржуазной революции (1789—1794 гг.) очагом революции. *Ред.*

нившейся с абсолютизмом буржуазии и опираться на пролетариат.

Мелкобуржуазно-демократическая партия в Германии очень сильна. Она охватывает не только огромное большинство буржуазного населения городов, мелкого торгово-промышленного люда и ремесленных мастеров: под ее влиянием находятся крестьяне и деревенский пролетариат, пока он еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов.

Отношение революционной рабочей партии к мелкобуржуазной демократии таково: она идет вместе с нею против той фракции, к низвержению которой рабочая партия стремится; она выступает против них во всех случаях, когда мелкобуржуазная демократия хочет упрочить положение в своих собственных интересах.

Далекие от мысли произвести переворот во всем обществе в интересах революционных пролетариев, демократические мелкие буржуа стремятся к такому изменению общественных порядков, которое сделало бы для них по возможности более сносным и удобным существующее общество. Поэтому они требуют прежде всего сокращения государственных расходов путем ограничения бюрократии и переложения главных налогов на крупных землевладельцев и на буржуа. Далее, они требуют создания государственных кредитных учреждений, чтобы устранить гнет крупного капитала, давящего на мелкий, и требуют законов против ростовщичества, благодаря чему перед ними и крестьянами открылась бы возможность получать ссуды не от капиталистов, а от государства, и притом на льготных условиях; они добиваются затем введения буржуазных имущественных отношений в деревне путем полного устранения феодализма. Чтобы провести все это в жизнь, им необходим демократический, будь то конституционный или республиканский, образ правления, который давал бы большинство им и их союзникам — крестьянам, и демократическое местное самоуправление, которое передало бы в их руки непосредственный контроль над муниципальной собственностью и ряд функций, которые в настоящее время выполняются бюрократами.

Для противодействия господству и быстрому росту капитала необходимо, по их мнению, отчасти ограничить права наследования, отчасти же передать возможно большее количество работ в руки государства. Что касается рабочих, то прежде всего несомненно, что они попрежнему должны остаться наемными рабочими, но при этом демократические мелкие буржуа хотят, чтобы рабочие имели лучший заработок и обеспеченное существование; они надеются достигнуть этого отчасти предоставлением занятий со стороны государства, отчасти мерами благотворительности, — словом, они надеются подкупить рабочих более или

менее замаскированными подачками и сломить их революционную силу временным улучшением их положения. Далеко не все фракции мелкобуржуазной демократии отстаивают все приведенные здесь ее требования, и только немногие из мелкобуржуазных демократов считают своей задачей добиваться этих требований во всей их совокупности. Чем дальше идут отдельные лица или фракции мелкобуржуазной демократии, тем большее количество этих требований они делают своими, а те немногие, которые в вышеизложенном видят свою собственную программу, пожалуй, могут вообразить, что это максимум того, чего вообще можно ожидать от революции. Но эти требования ни в коем случае не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затухании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества. Что мелкобуржуазная демократия в период дальнейшего развития революции на известное время получит в Германии преобладающее влияние, — это не подлежит никакому сомнению. Поэтому, спрашивается, какова будет позиция пролетариата и в частности Союза по отношению к ней:

1) пока продолжают существовать теперешние отношения, когда мелкобуржуазные демократы находятся также в угнетенном положении;

2) в ближайшей революционной борьбе, которая даст им перевес;

3) по окончании этой борьбы, на то время, когда они получают перевес над низвергнутыми классами и над пролетариатом.

1. В настоящий момент, когда демократические мелкие буржуа повсюду угнетены, они вообще проповедают пролетариату сдвинение и примирение, они протягивают ему руку и стремятся к созданию одной большой оппозиционной партии, которая охватила бы все оттенки в демократической партии, т. е. они стремятся к тому, чтобы втянуть рабочих в партийную организацию, где господствуют общие социально-демократические фразы, за которыми скрываются их особые интересы, и где ради столь желанного

мира не должны быть выставляемы особые требования пролетариата. Подобное объединение безусловно принесло бы вред пролетариату и было бы выгодно исключительно им. Пролетариат совершенно утратил бы свою самостоятельную, с таким трудом завоеванную позицию и опять опустился бы до роли придатка официальной буржуазной демократии. Значит, от такого объединения следует отказаться самым решительным образом. Вместо того чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие и прежде всего Союз должны работать в том направлении, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую местную секцию в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний. Насколько несерьезно буржуазные демократы относятся к такому союзу с пролетариями, в котором последние обладали бы равной с ними силой и равными правами, видно на примере бреславльских демократов: в их органе, в «*Neue Oderzeitung*» [*Новой Одерской Газете*] они яростно преследуют организованных самостоятельно рабочих, которых они именуют социалистами. На случай борьбы против общего врага не нужно никакого особого объединения. Поскольку необходимо вести прямую борьбу против такого противника, интересы обеих партий на время совпадают, и как бывало до сих пор, так и в будущем само собою возникает такой союз, рассчитанный лишь на данный момент. Понятно, что в предстоящих кровавых конфликтах, как и во всех предыдущих, главным образом рабочим придется завоевывать победу своим мужеством, решительностью и готовностью к самопожертвованию. В этой борьбе масса мелких буржуа, как и раньше, будет по возможности дольше медлить и держаться нерешительно и пассивно с тем, чтобы потом, когда будет одержана победа, воспользоваться ею для себя, призвать рабочих к спокойствию и возвращению к своему труду, предупредить так называемые эксцессы и лишиться пролетариатом плодов победы. Не во власти рабочих помешать в этом мелкобуржуазным демократам, но во власти рабочих затруднить мелкобуржуазным демократам выдвинуться вперед по отношению к вооруженному пролетариату и продиктовать им такие условия, при которых господство их с самого начала будет носить в себе зерно их гибели и их последующее вытеснение властью пролетариата будет значительно облегчено. Во время конфликта и непосредственно по окончании борьбы рабочие прежде всего должны, насколько это возможно, противодействовать попыткам буржуазии внести успокоение и вынуждать демократов привести в исполнение их теперешние террористические фразы. Они должны действовать в таком направлении, чтобы непосредственное

революционное возбуждение не было опять подавлено тотчас же после победы. Напротив, они должны его поддерживать, насколько это только возможно. Они не только не должны выступать против так называемых эксцессов, против случаев народной мести по отношению к ненавистным лицам или официальных учреждений, с которыми связаны только ненавистные воспоминания, они должны не только терпеть эти выступления, но и взять на себя руководство ими. Во время борьбы и после нее рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования. Они должны потребовать гарантий для рабочих, лишь только демократические буржуа приготовятся взять власть в свои руки. Если будет необходимо, они должны добиться этих гарантий силой и вообще позаботиться о том, чтобы новые правители обязались пойти на всевозможные уступки и обещания; это — самое верное средство их скомпрометировать. Они вообще должны всемерно и насколько возможно сдерживать ликование, вызываемое новым положением, и опьянение победой, наступающее после всякой победоносной уличной борьбы, противопоставляя этому спокойное и хладнокровное понимание событий и нескрываемое недоверие к новому правительству. Наряду с новыми официальными правительствами они должны сейчас же учреждать собственные, революционные рабочие правительства в виде ли органов местного самоуправления, муниципальных советов, в виде ли рабочих клубов или рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих. Одним словом, с первого же момента победы необходимо направлять недоверие уже не против побежденной реакционной партии, а против своих прежних союзников, против той партии, которая хочет использовать общую победу исключительно для себя.

2. Но чтобы можно было энергично и грозно выступить против этой партии, которая начнет предавать рабочих с первого же часа победы, они должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, винтовками, орудиями и амуницией должно быть проведено немедленно; надо противодействовать возрождению старого гражданского ополчения, направленного против рабочих. Но там, где осуществление этого окажется невозможным, рабочие должны сделать попытку организовать в виде самостоятельной пролетарской гвардии, с командиром и генеральным штабом, избранными ими же самими, и поступить в распоряжение не государственной власти, а созданных рабочими революционных муниципальных советов. Там, где рабочие работают на государственных предприятиях, они должны добиться вооружения и организации в отдельный корпус с из-

бранными ими командирами или же организации в виде части пролетарской гвардии. Оружие и боевые припасы ни под каким предлогом они не должны сдавать; всякой попытке разоружения в случае необходимости следует давать вооруженный отпор. Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и создать условия, по возможности наиболее тяжелые и компрометирующие, для неизбежного в начале господства буржуазной демократии, — таковы главные требования, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания.

3. Лишь только новые правительства до известной степени упрочатся, немедленно начнется их борьба против рабочих. Чтобы иметь возможность энергично выступить против демократических мелких буржуа, необходимо прежде всего, чтобы рабочие были самостоятельно организованы и централизованы через свои клубы. После свержения существующих правительств, как только представится возможность, Центральный комитет будет перенесен в Германию, тотчас же созовет конгресс и внесет на его рассмотрение необходимые предложения относительно централизации рабочих клубов под руководством органа, находящегося в главном центре движения. Быстрая организация по крайней мере областных объединений рабочих клубов является одной из главнейших мер для усиления и развития рабочей партии; ближайшим следствием низвержения существующего правительства будет избрание национального представительного собрания. Здесь пролетариату придется позаботиться:

I. О том, чтобы ни под каким предлогом не устранялись группы рабочих из-за каких-либо каверз местных властей или правительственных комиссаров.

II. Чтобы наряду с буржуазно-демократическими кандидатами всюду выставлялись рабочие кандидаты, по возможности из числа членов Союза, и чтобы для их избрания были использованы все возможные средства. Даже там, где нет никакой надежды на их избрание, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и открыто показать всем свою революционную позицию и свою партийную точку зрения. При этом рабочие не должны дать обманывать себя фразами демократов, например, о том, что это раскалывает демократическую партию и дает реакции возможность победы. Все эти фразы имеют своей конечной целью одурачить пролетариат. Успехи, которых пролетарская партия должна достигнуть подобным независимым выступлением, неизмеримо важнее, чем тот вред, который может причинить присутствие нескольких реакционеров в представительном собрании. Если демократия с самого начала выступит решительно

и террористически против реакции, влияние последней на выборы заранее будет уничтожено.

Первым вопросом, из-за которого возникнет конфликт между буржуазными демократами и рабочими, будет уничтожение феодализма. Как в первой французской революции, мелкие буржуа отдадут феодальные поместья крестьянам в виде свободной собственности, т. е. захотят сохранить сельский пролетариат и создать мелкобуржуазный крестьянский класс, который должен будет проделывать тот же кругооборот обнищания и растущей задолженности, в котором находится теперь французский крестьянин.

Рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в своих собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная собственность стала государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия. Этим самым в обстановке расшатывающихся буржуазных отношений собственности принцип общественной собственности немедленно же станет на твердую почву. Как демократы объединяются с крестьянами, так и рабочие должны объединиться с сельским пролетариатом. Далее, демократы либо прямо будут стремиться к установлению федеративной республики, либо, если им не удастся миновать единой и нераздельной республики, постараются по крайней мере парализовать центральное правительство, предоставив возможно большую самостоятельность и независимость общинам¹ и областям. В противоположность этому плану рабочие не только должны отстаивать единую и нераздельную германскую республику, но и добиваться самой решительной централизации сил в руках государственной власти. Они не должны давать вводить себя в заблуждение демократической болтовней о свободе муниципалитетов, о самоуправлении и т. д. В такой стране, как Германия, где еще предстоит устранить столь многочисленные остатки средневековья, где необходимо сломить так много местного и областного своеправия, ни при каких обстоятельствах не может быть терпимо, чтобы каждая деревня, каждый город и каждая область ставили новую помеху на пути революционной деятельности, которая всю свою силу может развернуть лишь при наличии централизации. Нельзя допускать, чтобы возродилось теперешнее положение, в силу которого немцы за один и тот же шаг вперед должны бороться особо в каждом городе и в каждой области. Менее всего можно допускать, чтобы с помощью так называемого свободного

¹ *Община* — термин, употребляемый Энгельсом в широком смысле, в отношении как городских муниципалитетов, так и сельской общины. *Ред.*

местного самоуправления была бы увековечена общинная собственность, — форма собственности, которая стоит еще позади современной частной собственности и повсюду, разлагаясь, неизбежно переходит в нее, — а вместе с тем были бы увековечены возникающие из этой общинной собственности тягбы между бедными и богатыми общинами, равно как существующее наряду с общегосударственным гражданским правом общинное гражданское право с его каверзами против рабочих. Как во Франции в 1793 г., так и теперь в Германии проведение строжайшей централизации является задачей действительно революционной партии¹.

Мы видели, что демократы в ближайшем движении придут к господству и что они будут вынуждены выступить с более или менее социалистическими мероприятиями. Возникает вопрос, какие же меры должны будут в противовес этому предложить рабочие? Конечно, рабочие не могут в самом начале движения предлагать чисто коммунистические мероприятия. Но они могут:

1. Принудить демократов вторгаться по возможности в наибольшее количество областей существующего общественного строя, нарушать его нормальный ход, компрометировать самих себя, а также сконцентрировать в руках государства возможно больше производительных сил, средств транспорта, фабрик, железных дорог и т. д.

2. Они должны доводить до крайних пределов предложения демократов, которые, конечно, будут выступать не революционно, а лишь реформистски; они должны превращать эти требования в прямые нападения на частную собственность. Так, например,

¹ В настоящее время надо заметить, что это место основано на недоразумении. Благодаря бонапартистским и либеральным фальсификаторам истории тогда считалось установленным, что французская централизованная машина управления была введена великой революцией и что конвент пользовался ею как необходимым и решающим орудием для победы над роялистской и федералистской реакцией и над внешним врагом. Но теперь стало уже общеизвестным фактом, что общее управление департаментов, округов и общин в продолжение всей революции, вплоть до 18 брюмера, состояло из властей, избираемых самими управляемыми, и пользовалось полной свободой в рамках общегосударственных законов; что это областное и местное самоуправление, аналогичное американскому, стало как раз наиболее сильным рычагом революции, настолько, что Наполеон непосредственно после государственного переворота 18 брюмера поспешил заменить это самоуправление хозяйничанием префектов, которое сохранилось еще до настоящего времени и которое, таким образом, с самого начала было чистейшим орудием реакции. Но насколько местное и провинциальное самоуправление не противоречит политической и национальной централизации, настолько же необязательна его связь с тем ограниченным кантональным или коммунальным эгоизмом, который выступает перед нами в таком отвратительном виде в Швейцарии и который южно-германские федеративные республиканцы хотели ввести в Германии в 1849 г. (*Примечание Энгельса к цюрихскому изданию 1885 г.*)

если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие должны требовать, чтобы эти железные дороги и фабрики, как собственность реакционеров, были конфискованы государством без всякого вознаграждения. Если демократы предлагают пропорциональные налоги, рабочие должны требовать прогрессивных; если сами демократы предлагают умеренно-прогрессивные налоги, рабочие должны настаивать на налоге, ставки которого растут так быстро, что крупный капитал при этом должен погибнуть; если демократы требуют регулирования государственных долгов, рабочие должны требовать государственного банкротства. Следовательно, требования рабочих всюду должны будут сообразовываться с уступками и мероприятиями демократов.

Если немецкие рабочие не сумеют достигнуть господства и осуществления своих классовых интересов, не пройдя полностью более длительного пути революционного развития, то на этот раз у них есть по крайней мере уверенность, что первый акт этой приближающейся революционной драмы совпадет с прямой победой их собственного класса во Франции и тем самым будет сильно ускорен.

Но для своей конечной победы они сами больше всего сделают тем, что выяснят себе свои классовые интересы, займут, лишь только это окажется возможным, свою самостоятельную партийную позицию и ни на одно мгновение не поддадутся тому, чтобы демократические мелкие буржуа своими лицемерными фразами сбили их с пути самостоятельной организации партии пролетариата. Их боевой лозунг должен гласить: «Непрерывная революция».

Лондон, март 1850 г.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в книге К. Маркса «Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln», Цюрих, 1855 г. — Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII.

(Первое обращение.)

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ
с 1848 ПО 1850 г.

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА¹

Переиздаваемая здесь работа была первой попыткой Маркса на основе своего материалистического понимания объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения. В «Коммунистическом манифесте» эта теория была применена в общих чертах ко всей новой истории; в статьях в «Neue Rheinische Zeitung» Маркс и я постоянно пользовались ею для объяснения текущих политических событий. Здесь же дело шло о том, чтобы на протяжении многолетнего периода исторического развития, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь и, стало быть, согласно концепции автора, свести поли-

¹ При опубликовании «Введения» в «Vorwärts'e» [*«Вперед»*, центральный орган германской социал-демократии, редактировавшийся В. Либкнехтом] в 1895 г. текст его подвергся такого рода сокращениям, которые совершенно исказили мысли Энгельса. Об этом Энгельс писал 3 апреля 1895 г. Лафаргу: «Х [Энгельс имеет в виду В. Либкнехта. *Ред.*] сыграл со мной недурную шутку. Из моего «Введения» к статьям Маркса о Франции 1848---1850 гг. он взял все, что могло послужить ему для защиты *во что бы то ни стало мирной и противонасиельственной тактики*, которую ему с некоторого времени угодно проповедывать, особенно теперь, когда в Берлине подготовляются исключительные законы».

Возмущенный бесцеремонной «редакторской» работой, проделанной над его «Введением», Энгельс писал также Каутскому 4 апреля 1895 г.: «К моему величайшему изумлению, я нахожу сегодня в «Vorwärts'e» извлечение из моего «Введения», напечатанное без моего ведома, которое таким образом специально обкариали, что я превращаюсь в мирного поклонника законности *quand même* [во что бы то ни стало]. Тем более хотел бы я, чтобы все «Введение» целиком появилось в «Neue Zeit» [теоретический журнал германской социал-демократии. *Ред.*] и это позорное впечатление стерлось. Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые — кто бы они ни были — предоставили ему этот случай исказить мои взгляды». Однако и «Neue Zeit» все же не дало статьи полностью.

Полный текст энгельсовского «Введения» был впервые опубликован лишь в СССР большевистской партией, верной хранительницей традиций революционного марксизма. *Ред.*

тические события к действию причин, в конечном счете экономических.

При суждении о событиях и рядах событий текущей истории никогда не удастся дойти до *последних* экономических причин. Даже в настоящее время, когда соответствующие специальные органы печати дают такую массу материала, нет возможности даже в Англии проследить ход развития промышленности и торговли на мировом рынке и изменения, совершающиеся в методах производства, проследить их изо дня в день таким образом, чтобы можно было для любого момента подвести общий итог этим многосложным и постоянно изменяющимся факторам, из которых к тому же важнейшие большей частью действуют скрыто в течение долгого времени, прежде чем внезапно с силой прорваться наружу. Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. Необходимым вспомогательным средством является тут статистика, а она всегда запаздывает. Поэтому при рассмотрении текущих событий слишком часто приходится этот фактор, имеющий решающее значение, рассматривать как постоянный, принимать экономическое положение, сложившееся к началу рассматриваемого периода, за данное и неизменное для всего периода или же принимать в расчет лишь такие изменения этого положения, которые сами вытекают из имеющихся налицо очевидных событий, а поэтому также вполне очевидны. Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и классовых прослоек, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и классовых прослоек.

Само собою разумеется, что такое неизбежное игнорирование совершающихся в то же время изменений экономического положения, этой подлинной основы всех исследуемых процессов, должно быть источником ошибок. Но все условия обобщающего изложения текущей истории неизбежно заключают в себе источники ошибок, что, однако, никого не заставляет отказаться писать историю текущих событий.

Когда Маркс принялся за эту работу, упомянутый источник ошибок был в еще большей мере неизбежен. Во время революции 1848—1849 гг. следить за совершавшимися в то же время экономическими изменениями или даже сохранять их в поле зрения было просто невозможно. Так же невозможно было это и в первые месяцы изгнания в Лондоне, осенью и зимой 1849—1850 гг. Но именно в это время Маркс и начал свою работу. И, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, благодаря своему знанию

во всех подробностях как экономического положения Франции накануне февральской революции, так и политической истории этой страны после февральской революции Маркс смог дать такое изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь с до сих пор непревзойденным совершенством; и изложение это блестяще выдержало двукратное испытание, произведенное впоследствии самим Марксом.

Первое испытание произведено было в связи с тем, что с весны 1850 г. Маркс снова нашел досуг для занятий экономическими вопросами и прежде всего принялся за экономическую историю последних десяти лет. В результате ему из самих фактов стало вполне ясно то, что до сих пор он выводил наполовину априорно из далеко не полного материала: именно, что мировой торговый кризис 1847 г. собственно и породил февральскую и мартовскую революции и что промышленное процветание, мало-помалу снова наступившее с середины 1848 г. и достигшее полного расцвета в 1849 и 1850 гг., было движущей силой вновь окрепнувшей европейской реакции. Это имело решающее значение. Если в трех первых статьях (появившихся в январском, февральском и мартовском номерах «*Neue Rheinische Zeitung, politisch-oekonomische Revue*», Гамбург, 1850 г.) проглядывает еще ожидание скорого нового подъема революционной энергии, то исторический обзор, написанный Марксом и мною для последнего двойного номера, вышедшего осенью 1850 г. (май — октябрь), раз навсегда порывает с этими иллюзиями: «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего». Однако это и было единственным существенным изменением, которое нам пришлось внести. В толковании событий, данном в прежних статьях, в причинных связях, там установленных, изменять было решительно нечего, как показывает данное в том же обзоре продолжение повествования с 10 марта по осень 1850 г. Это продолжение я включил поэтому как четвертую статью в нынешнее издание.

Второе испытание было еще более суровым. Тотчас после государственного переворота, произведенного Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г., Маркс заново разработал историю Франции от февраля 1848 г. вплоть до этого события, завершившего на время революционный период («18 брюмера Луи Бонапарта», третье издание, Гамбург, Мейснер, 1885 г.). В этой брошюре снова излагается, хотя и более кратко, период, рассмотренный в переиздаваемой нами работе. Сравните это второе изложение, написанное в свете совершившегося через год с лишним решающего события, с первым изложением, и вы убедитесь, что автору пришлось изменить лишь очень немногое.

Совсем особое значение придает нашей работе еще то обстоятельство, что в ней впервые дана формула, в которой рабочие

партии всех стран мира единогласно кратко резюмируют свое требование экономического преобразования: присвоение средств производства обществом. Во второй главе, по поводу «права на труд», называемого там «первой неуклюжей формулой, в которой резюмируются революционные требования пролетариата», говорится: «Но за правом на труд стоит власть над капиталом, а за властью над капиталом — *присвоение средств производства*, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно отмена наемного труда, капитала и их взаимоотношения». Таким образом, здесь впервые формулировано положение, которым современный рабочий социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной «общности имущества», выдвигавшейся утопическим и стихийным рабочим коммунизмом. Если впоследствии Маркс распространил эту формулу и на присвоение средств обмена, то такое расширение формулы, вытекавшее, впрочем, само собой из «Коммунистического манифеста», представляло собой лишь вывод из основного положения. Недавно некоторые мудрецы в Англии добавили еще к этому, что обществу должны быть переданы также и «средства распределения». Едва ли эти господа сумели бы сказать, что такое эти экономические средства распределения, отличные от средств производства и средств обмена; уж не имеют ли они в виду *политические* средства распределения: налоги, призрение бедных, в том числе саксенвальдские ¹ и другие дотации? Но ведь эти средства распределения уже и теперь являются общественным достоянием, принадлежат государству или общине, а, во-вторых, их-то мы как раз и хотим упразднить.

* *
*

Когда вспыхнула февральская революция, все мы в своих представлениях об условиях и ходе революционных движений находились под влиянием прошлого исторического опыта, главным образом опыта Франции. Ведь именно она играла главную роль во всей европейской истории с 1789 г., именно ею был и теперь вновь подан сигнал ко всеобщему перевороту. Поэтому было вполне естественно и неизбежно, что наши представления о характере и ходе провозглашенной в феврале 1848 г. в Париже «социальной» революции, революции пролетариата, были ярко окрашены воспоминаниями о прообразах 1789—1830 гг. А когда парижское восстание нашло отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина; когда вся Европа вплоть до русской

¹ Саксенвальд — обширное имение, подаренное германскому канцлеру Бисмарку. *Ред.*

границы была вовлечена в движение; когда затем в июне в Париже произошла первая великая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда даже победа буржуазного класса настолько потрясла буржуазию всех стран, что она снова бросилась в объятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции, — тут уж при тогдашних обстоятельствах для нас не могло быть никакого сомнения в том, что наступил великий решительный бой, что он должен быть доведен до конца в течение одного длительного и исполненного превратностей революционного периода, что завершиться, однако, он может лишь окончательной победой пролетариата.

После поражений 1849 г. мы вовсе не разделяли иллюзий вульгарной демократии, группировавшейся *in partibus* [на чужбине] вокруг будущих временных правительств. Она рассчитывала на скорую и окончательную победу «народа» над «тиранами», мы же — на продолжительную борьбу, после устранения «тиранов», между таившимися в этом самом «народе» противоположными элементами. Вульгарная демократия со дня на день ждала нового взрыва; мы еще осенью 1850 г. заявили, что во всяком случае *первый* этап революционного периода закончен и что до наступления нового мирового экономического кризиса ничего ожидать нельзя. Поэтому мы и были подвергнуты отлучению как изменники революции теми самыми людьми, которые впоследствии почти все без исключения заключили мир с Бисмарком, поскольку Бисмарк их этого удостоивал.

Однако история показала, что неправы были и мы, что взгляд, которого мы тогда придерживались, был иллюзией. История пошла еще дальше: она не только рассеяла наше тогдашнее заблуждение, но совершенно изменила и те условия, при которых приходится бороться пролетариату. Способ борьбы, применявшийся в 1848 г., теперь во всех отношениях устарел, и этот пункт заслуживает в данном случае более подробного рассмотрения.

Все прежние революции сводились к замене господства одного определенного класса господством другого; но все господствовавшие до сих пор классы являлись лишь ничтожным меньшинством по сравнению с подвластной народной массой. Таким образом, одно господствующее меньшинство свергалось, другое меньшинство овладевало вместо него кормилом государственной власти и преобразовывало государственные порядки сообразно своим интересам. Всякий раз это бывала та группа меньшинства, которая на данном уровне экономического развития была способна и призвана господствовать, и именно поэтому — и только поэтому — при перевороте подвластное большинство либо принимало участие в перевороте в пользу этой группы, либо же спокойно примирялось с переворотом. Но, если отрешиться от конкретного содержания каждого отдельного случая, общая форма всех этих

революций заключалась в том, что это были революции меньшинства. Если большинство и принимало в них участие, оно действовало — сознательно или бессознательно — лишь на пользу меньшинства; но именно это или даже просто пассивное поведение большинства, отсутствие сопротивления с его стороны создавало иллюзию, будто это меньшинство является представителем всего народа.

После первого большого успеха победоносное меньшинство обыкновенно раскалывалось: одна часть его удовлетворялась достигнутым, другая желала идти дальше, ставила новые требования, соответствовавшие, по крайней мере отчасти, подлинным или воображаемым интересам широкой народной массы. В отдельных случаях эти более радикальные требования действительно осуществлялись, но по большей части только на очень короткое время: более умеренная партия снова одерживала верх и сводила — целиком или отчасти — на-нет радикальные завоевания; тогда побежденные начинали кричать об измене или объясняли поражение случайностью. В действительности же дело большей частью обстоит так: то, что было завоевано при первой победе, становилось прочным лишь благодаря второй победе более радикальной партии; как только это бывало достигнуто, а тем самым выполнялось то, что было в данный момент необходимо, радикалы и их достижения снова сходили со сцены.

Во всех революциях новейшего времени, начиная с великой английской революции XVII века, обнаруживались эти черты, казавшиеся неотделимыми от всякой революционной борьбы. Казалось, что они свойственны и борьбе пролетариата за свое освобождение, тем более что как раз в 1848 г. можно было по пальцам перечесать людей, которые хоть сколько-нибудь понимали бы, в каком направлении следует искать это освобождение. Даже в Париже самым пролетарским массам и после победы было совсем неясно, каким путем им следует идти. И все же движение было налицо — инстинктивное, стихийное, неистребимое. Разве это не было именно таким положением, при котором должна была увенчаться успехом революция, руководимая, правда, меньшинством, но на этот раз не в интересах меньшинства, а в самых подлинных интересах большинства? Если во все сколько-нибудь продолжительные революционные периоды широкие народные массы так легко давали себя увлечь пустыми, лживыми приманками рвавшихся вперед меньшинств, то могли ли они быть менее восприимчивыми к идеям, бывшим точнейшим отражением их экономического положения, к идеям, представлявшим собою не что иное, как ясное, разумное выражение их потребностей, еще не понятых, но уже смутно ощущаемых ими самими? Правда, это революционное настроение масс почти всегда и большей частью очень скоро сменялось утомлением или даже поворотом в противоположную сторону, как только рассеивались иллюзии и насту-

пало разочарование. Но здесь дело шло не о лживых приманках, а об осуществлении самых доподлинных интересов огромного большинства; эти интересы, правда, тогда еще отнюдь не были ясны этому огромному большинству, но скоро должны были в ходе своего практического осуществления, путем убедительной очевидности, стать достаточно ясными. А к тому же, как доказано в третьей статье Маркса, к весне 1850 г. развитие буржуазной республики, возникшей из «социальной» революции 1848 г., привело к тому, что действительное господство оказалось сосредоточенным в руках крупной буржуазии, настроенной вдобавок монархически, а все другие общественные классы, крестьяне и мелкие буржуа, напротив, сгруппировались вокруг пролетариата, так что при общей победе и после нее решающим фактором должны были оказаться не они, а умудренный опытом пролетариат. Неужели при этих условиях нельзя было вполне рассчитывать на то, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?

История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и собственно впервые фактически укоренила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, в Польше, недавно и в России, а из Германии сделала прямо-таки первоклассную промышленную страну, — и все это на капиталистической основе, которая, стало быть, в 1848 г. обладала еще большой способностью к расширению. Но именно эта промышленная революция и внесла повсюду ясность в классовые отношения; она устранила множество промежуточных форм, перешедших из мануфактурного периода, а в Восточной Европе даже из цехового ремесла, породила подлинную буржуазию и подлинный крупнопромышленный пролетариат, выдвинув их на авансцену общественного развития. А вследствие этого борьба этих двух великих классов, происходившая в 1848 г. кроме Англии только в Париже и разве еще в некоторых крупных промышленных центрах, теперь распространилась по всей Европе и достигла такой интенсивности, какая в 1848 г. была еще немыслимой. Тогда — множество смутных сектантских эвангелий с их всеисцеляющими средствами; теперь — одна общепризнанная, до прозрачности ясная теория Маркса, отчетливо формулирующая конечные цели борьбы; тогда — разделенные и разобщенные местными и национальными особенностями массы, связанные лишь чувством общих страданий, неразвитые, беспомощно переходившие от воодушевления к отчаянию; теперь — *единая* великая интернациональная армия социалистов, неудержимо шествующая вперед, с каждым днем усиливающаяся в числен-

ности, организованности, дисциплинированности, сознательности и уверенности в победе. Если даже и эта могучая армия пролетариата все еще не достигла цели, если она, отнюдь не добившись *одним* решительным ударом победы, вынуждена медленно пробиваться вперед, завоевывая в суровой, упорной борьбе одну позицию за другой, то это окончательно доказывает, насколько невозможно было в 1848 г. достичь социального преобразования посредством простого внезапного нападения.

Распавшаяся на две династически-монархические части буржуазия¹, которая, однако, прежде всего требовала спокойствия и безопасности для своих денежных дел; против нее — хотя и побежденный, но все еще грозный пролетариат, вокруг которого все более и более группировались мелкие буржуа и крестьяне; постоянная угроза насильственного взрыва, который ко всему тому не подавал никаких надежд на окончательное разрешение вопроса, — таково было положение, как бы созданное для государственного переворота третьего, псевдо-демократического претендента, Луи Бонапарта. 2 декабря 1851 г. он с помощью армии положил конец напряженному состоянию и обеспечил Европе внутреннее спокойствие с тем, чтобы осчастливить ее зато новой эрой войн². Период революций снизу был на время закончен; последовал период революций сверху.

Возврат к империи в 1851 г. дал новое доказательство незрелости пролетарских стремлений того времени. Но сама же империя принуждена была создавать те условия, при которых они должны были достигнуть зрелости. Внутреннее спокойствие обеспечило полный простор для нового подъема промышленности; необходимость дать работу армии и отвлечь революционные стремления вопросами внешней политики породила войны, посредством которых Бонапарт, под предлогом защиты «принципа национальности», старался всякими уловками добиться аннексий для Франции. Его подражатель Бисмарк усвоил ту же политику для Пруссии; в 1860 г. он произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху по отношению к Германскому союзу и к Австрии, а также по отношению к прусской палате, вступившей в конфликт с правительством. Но Европа была слишком мала для двух

¹ Имеются в виду *легитимисты*, сторонники «легитимной» («законной») монархии Бурбонов, находившейся во Франции у власти до 1792 г., а также во время реставрации (1815—1830), и *орлеанисты*, сторонники Орлеанской династии, ставшей у власти со времени июльской революции 1830 г. и низвергнутой революцией 1848 г. *Ред.*

² При Наполеоне III Франция участвовала в Крымской кампании (1854—1855), вела войну с Австрией из-за Италии (1859), организовала экспедицию в Сирию (1860), вместе с Англией участвовала в войне против Китая, завоевала Камбоджу (Индо-Китай), в 1863 г. участвовала в мексиканской экспедиции, наконец, в 1870 г. вела войну против Пруссии. *Ред.*

Бонапартов, и вот по иронии истории получилось, что Бисмарк сверг Бонапарта и что Вильгельм, король Пруссии, восстановил не только малогерманскую империю, но и французскую республику¹. Общим же результатом было то, что самостоятельность и внутреннее единство великих европейских наций, за исключением одной только Польши, стали действительностью. Стали, правда, в сравнительно скромных границах, но все же в границах, достаточно широких для того, чтобы процесс развития рабочего класса не тормозился более национальными осложнениями. Могильщики революции 1848 г. стали ее душеприказчиками. А рядом с ними уже грозно поднимался наследник 1848 г., пролетариат в лице *Интернационала*.

После войны 1870—1871 гг. Бонапарт исчезает со сцены, а миссия Бисмарка оказывается выполненной, так что он снова может превратиться в заурядного юнкера. Но завершением этого периода является Парижская коммуна. Вероломная попытка Тьера украсть у парижской Национальной гвардии ее артиллерию вызвала победоносное восстание. Снова обнаружилось, что в Париже уже невозможна никакая другая революция, кроме пролетарской. После победы господство досталось рабочему классу само собою, без всякого спора. И снова обнаружилось, как невозможно было даже и тогда, через двадцать лет после периода, рассмотренного в предлагаемой брошюре, это господство рабочего класса. С одной стороны, Франция бросила Париж на произвол судьбы, равнодушно наблюдая, как он истекал кровью под ядрами Мак-Магона; с другой стороны, Коммуна истощалась в бесплодном споре двух партий, на которые она раскололась: бланкистов (большинство) и прудонистов (меньшинство), из которых ни те, ни другие не знали, что делать. Легкая победа 1871 г. оказалась столь же бесплодной, как и внезапное нападение в 1848 г.

Вместе с Парижской коммуной надеялись окончательно похоронить борющийся пролетариат. Но как раз наоборот, со времени Коммуны и с франко-прусской войны начинается его наиболее мощный подъем. Включение всего населения, способного носить оружие, в армии, насчитывавшие уже миллионы солдат, введение огнестрельного оружия, артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ еще неслыханной силы — все это создало полный переворот во всем военном деле, круто положивший, с одной стороны, конец бонапартистскому периоду войн и обеспечивший

¹ В результате победы над Францией во время франко-прусской войны (1870—1871) возникла Германская империя, из которой, однако, была исключена Австрия (отсюда и название «малогерманская империя»). Поражение Наполеона III послужило толчком для революции во Франции, свергнувшей Луи Бонапарта и приведшей 4 сентября 1870 г. к установлению республики. *Ред.*

мирное промышленное развитие, сделав невозможной никакую другую войну, кроме неслыханной по своей жестокости мировой войны, исход которой совершенно не поддается учету. С другой стороны, этот переворот, вызвавший возрастание военных расходов в геометрической прогрессии, заставил поднять налоги до невероятной высоты и бросил тем самым немущие классы населения в объятия социализма. Аннексия Эльзаса-Лотарингии, ближайшая причина бешеной гонки военных вооружений, могла разжечь шовинизм французской и немецкой буржуазии друг против друга, но для рабочих обеих стран она стала лишь новым связующим звеном. И день годовщины Парижской коммуны стал первым общим праздничным днем для всего пролетариата.

Война 1870—1871 гг. и поражение Коммуны временно, как предсказывал Маркс, перенесли центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Во Франции, разумеется, понадобились годы, чтобы оправиться от кровопускания, устроенного в мае 1871 г. Наоборот, в Германии, где все быстрее развивалась промышленность, поставленная вдобавок благоприятными французскими миллиардами в прямо-таки тепличные условия, еще быстрее и неуклоннее вырастала социал-демократия. В результате того уменьшения, с которым немецкие рабочие использовали введенное в 1866 г. всеобщее избирательное право, изумительный рост партии ясно виден всему миру из бесспорных цифр: в 1871 г. — 102 000, в 1874 г. — 352 000, в 1877 г. — 493 000 социал-демократических голосов. Затем последовало признание этих успехов свыше в виде закона против социалистов; партия была временно разбита, число голосов упало в 1881 г. до 312 000. Но с этим партия быстро справилась, и вот под гнетом исключительного закона, без прессы, без легальной организации, без права союзов и собраний, только и начался по-настоящему быстрый рост: в 1884 г. — 550 000, в 1887 г. — 763 000, в 1890 г. — 1 427 000 голосов. Тут рука государства ослабела. Закон против социалистов исчез, число социалистических голосов увеличилось до 1 787 000, что составило более четверти всех поданных голосов. Правительство и господствующие классы исчерпали все свои средства — бесполезно, бесцельно, безрезультатно. Властям, от ночного сторожа до рейхсканцлера, пришлось получить — и притом от презренных рабочих! — осязательные доказательства своего бессилия, и доказательства эти насчитывались миллионами. Государство зашло в тупик, рабочие же только начинали свой путь.

Но наряду с этой первой услугой, которую немецкие рабочие оказали делу рабочего класса одним своим существованием в качестве самой сильной, самой дисциплинированной и наиболее быстро растущей социалистической партии, они оказали ему еще и вторую крупную услугу. Они дали своим товарищам

во всех странах новое оружие, — одно из самых острых, — показав им, как нужно пользоваться всеобщим избирательным правом.

Всеобщее избирательное право давно уже существовало во Франции, но оно приобрело там дурную репутацию вследствие того, что им злоупотребляло бонапартистское правительство. После Коммуны не существовало рабочей партии, которая могла бы его использовать. В Испании оно тоже было введено со времен республики, но в Испании воздержание от участия в выборах было издавна общим правилом всех серьезных оппозиционных партий. Швейцарские опыты со всеобщим избирательным правом тоже меньше всего могли ободрить рабочую партию. Революционные рабочие романских стран привыкли считать избирательное право ловушкой, орудием правительственного обмана. В Германии дело обстояло иначе. Уже «Коммунистический манифест» провозгласил завоевание всеобщего избирательного права, завоевание демократии, одной из первых и важнейших задач борющегося пролетариата, и Лассаль снова выдвинул это требование. Когда же Бисмарк оказался вынужденным ввести это всеобщее избирательное право ¹ как единственное средство заинтересовать в своих планах народные массы, наши рабочие сразу отнеслись к делу серьезно и послали Августа Бебеля в первый учредительный рейхстаг. И с тех пор они так пользовались избирательным правом, что это принесло огромную пользу им самим и стало образцом для рабочих всех стран. Избирательное право они, говоря словами французской марксистской программы ², *ont transformé de moyen de duperie qu'il a été jusqu'ici en instrument d'émancipation* — превратили из средства обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения. И если бы даже всеобщее избирательное право не давало никакой другой выгоды, кроме той, что оно позволяло нам через каждые три года производить подсчет наших сил; что благодаря регулярно отмечавшемуся неожиданно быстрому росту числа голосов оно одинаково усиливало как уверенность рабочих в победе, так и страх врагов, став, таким образом, наилучшим нашим средством пропаганды; что оно давало нам точные сведения о наших собственных силах и о силах всех вражеских партий и тем самым давало ни с чем не сравнимый масштаб для расчета наших действий, предохраняя нас как от несвоевременной робости, так и от несвоевременной дерзости, — если бы избирательное право давало только эту единственную вы-

¹ Всеобщее избирательное право было введено Бисмарком в 1866 г. для выборов в Северо-германский рейхстаг и в 1871 г. для выборов в рейхстаг объединенной Германской империи. *Ред.*

² Имеется в виду программа французской рабочей партии, составленная Ж. Гэдом и П. Лафаргом под непосредственным руководством Маркса (см. об этом в настоящем томе письмо Энгельса Бернштейну 25 октября 1881 г.). *Ред.*

году, то и этого было бы уже более чем достаточно. Но оно дало гораздо больше. В избирательной агитации оно дало нам несравненное средство войти в соприкосновение с народными массами там, где они еще далеки от нас, принудить все партии к защите перед всем народом своих взглядов и действий от нашей критики; и, кроме того, в рейхстаге оно предоставило нашим представителям трибуну, с которой они могли гораздо более авторитетно и более свободно, чем в печати и на собраниях, обращаться как к своим противникам в парламенте, так и к массам за его стенами. Что толку было для правительства и буржуазии в их законе против социалистов, если избирательная агитация и социалистические речи в рейхстаге беспрестанно пробивали в нем брешь?

Но вместе с этим успешным использованием всеобщего избирательного права вступил в действие совершенно новый способ борьбы пролетариата, быстро получивший дальнейшее развитие. Оказалось, что в государственных учреждениях, при помощи которых буржуазия организует свое господство, есть вообще много такого, чем может воспользоваться рабочий класс для борьбы против этих самых учреждений. Рабочие стали принимать участие в выборах в ландтаги отдельных государств, в муниципальные советы, в промысловые суды, стали оспаривать у буржуазии каждую выборную должностъ, для замещения которой в голосовании участвует достаточное количество пролетариата. И вышло так, что буржуазия и правительство стали бояться легальной деятельности рабочей партии гораздо больше, чем нелегальной, успехов на выборах — гораздо больше, чем успехов восстания.

Ибо и здесь условия борьбы существенно изменились. Восстание старого типа, уличная борьба с баррикадами, до 1848 г. игравшая повсюду решающую роль, в значительной степени устарели.

Не будем создавать себе на этот счет иллюзий: действительная победа восстания над войсками в уличной борьбе, такая победа, какая бывает в битве между двумя армиями, составляет величайшую редкость. Но инсургенты и рассчитывали на такую победу столь же редко. Для них все дело было только в том, чтобы поколебать дух войск моральным воздействием, которое в борьбе между армиями двух воюющих стран не играет никакой роли или во всяком случае играет гораздо меньшую роль. Если это удастся, то войска отказываются стрелять, или же командиры теряют голову, и восстание побеждает. Если же это не удастся, то на стороне войск, даже при меньшей их численности, сказываются преимущества лучшего вооружения и обучения, единого руководства, планомерного применения боевых сил и дисциплины. Наибольшее, чего может достичь восстание при надлежащей тактике, это — правильное сооружение и защита какой-нибудь отдельной баррикады. Взаимная поддержка, размещение и при-

менение резервов, — словом, согласование и соподчинение действий отдельных отрядов, необходимые даже для защиты какого-нибудь одного городского района, не говоря уже о защите целого большого города, достижимы лишь в очень слабой степени, а большей частью и вовсе недостижимы; сосредоточение боевых сил в одном решающем пункте отпадает здесь само собою. Поэтому преобладающей формой борьбы является пассивная защита; если наступление кое-где и производится, то лишь в виде исключения, для случайных вылазок и фланговых атак; как правило же, наступление ограничивается лишь занятием позиций, оставленных отступающими войсками. К тому же войска располагают артиллерией и хорошо снаряженными и обученными инженерными частями, а у инсургентов эти средства борьбы почти всегда совершенно отсутствуют. Неудивительно поэтому, что даже те баррикадные бои, в которых был проявлен величайший героизм, — в Париже в июне 1848 г., в Вене в октябре 1848 г., в Дрездене в мае 1849 г., — оканчивались поражением восстания, как только руководители наступающих войск, отбросив всякие политические соображения, начинали действовать, исходя из чисто военной точки зрения, и могли положиться на своих солдат.

Многочисленные успехи инсургентов до 1848 г. объясняются очень разнообразными причинами. В Париже в июле 1830 г. и в феврале 1848 г., а также в большинстве испанских уличных боев между инсургентами и войсками стояла Национальная гвардия, которая либо прямо переходила на сторону восставших, либо же своим вялым и нерешительным поведением вызывала колебания также и в войсках и которая вдобавок доставляла восставшим оружие. Там, где эта Национальная гвардия с самого начала выступала против восстания, как в Париже в июне 1848 г., восстание терпело поражение. В Берлине в 1848 г. народ победил отчасти потому, что ночью и утром 19 марта к нему присоединилось много свежих боевых сил, отчасти вследствие истощения и плохого снабжения войск, отчасти, наконец, потому, что было парализовано командование. Словом, во всех случаях восставшие одерживали верх потому, что войска отказывались стрелять, что у командиров пропадала решительность или же у них были связаны руки.

Итак, даже в классическую эпоху уличных боев баррикада действовала более морально, чем материально. Она была средством подорвать стойкость войск. Если ей удавалось продержаться до тех пор, пока эта цель бывала достигнута, — победа была одержана; не удавалось, — борьба кончалась поражением. Вот тот главный пункт, который следует иметь в виду также при исследовании шансов возможных в будущем уличных боев.

Уже в 1849 г. шансы эти были довольно плохи. Буржуазия повсюду перешла на сторону правительств; представители «про-

«свещения и собственности» приветствовали и угощали войска, выступавшие против восстаний. Баррикада утратила свое обаяние: солдаты видели за нею уже не «народ», а мятежников, бунтовщиков, грабителей, сторонников дележа, отбросы общества; офицеры с течением времени освоились с тактикой уличной борьбы: они уже не шли напрямик и без прикрытия на импровизированный бруствер, а обходили его через сады, дворы и дома. И это при некоторой ловкости удавалось теперь в девяти случаях из десяти.

Но с тех пор произошло много еще и других изменений, и все в пользу войск. Если сильно выросли большие города, то еще больше возросла численность армий. Население Парижа и Берлина не увеличилось с 1848 г. в четыре раза, а гарнизоны их увеличились более чем вчетверо. Благодаря железным дорогам численность этих гарнизонов в 24 часа может быть увеличена более чем вдвое, а в 48 часов доведена до размеров огромных армий. Эта чрезвычайно усилившаяся армия несравненно лучше вооружена. В 1848 г. — гладкоствольное ударное ружье, заряжаемое с дула; теперь — мелкокалиберное магазинное ружье, заряжаемое с казенной части, ружье, которое стреляет в четыре раза дальше, в десять раз более метко и в десять раз быстрее, чем старое. Прежде — артиллерия с относительно слабо действующими ядрами и картечью; теперь — разрывные гранаты, из которых достаточно одной, чтобы разрушить наилучшую баррикаду. Прежде — кирка сапера для проламывания брандмауэров; теперь — динамитный патрон.

Наоборот, на стороне инсургентов все условия ухудшились. Восстание, которому сочувствовали бы все слои народа, вряд ли повторится; в классовой борьбе средние слои никогда, конечно, не сплотятся все без исключения вокруг пролетариата так, чтобы окружающая буржуазию реакционная партия почти растаяла. «Народ», таким образом, всегда окажется разделенным, а следовательно, не будет того могучего рычага, который оказался столь действенным в 1848 г. Если на стороне восставших окажется больше лиц, прошедших военную службу, то зато вооружить их будет труднее. Охотничьи и любительские ружья из оружейных магазинов, даже в том случае, если их по распоряжению полиции не приведут заранее в негодность, вынудив ту или иную часть замка, далеко не могут даже при бое на близком расстоянии сравниться с солдатской винтовкой. До 1848 г. можно было самому изготовить из пороха и свинца необходимый заряд, теперь же для каждого ружья требуются особые патроны, похожие друг на друга лишь в том отношении, что все они представляют собою сложный продукт крупной промышленности и, следовательно, не могут быть немедленно изготовлены, так что большая часть ружей остается бесполезной, если нет подходящих специально к ним боевых

патронов. Наконец, длинные, прямые, широкие улицы во вновь выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и винтовок. Сумасшедшим был бы тот революционер, который сам избрал бы для баррикадной борьбы новые рабочие кварталы в северной и восточной частях Берлина.

Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали гораздо менее благоприятными для бойцов из гражданского населения, гораздо более благоприятными для войск. Будущая уличная борьба может, таким образом, привести к победе лишь в том случае, если это невыгодное соотношение будет уравновешено другими моментами. Поэтому уличная борьба будет происходить реже в начале большой революции, чем в дальнейшем ее ходе, и ее надо будет предпринимать с более значительными силами. А силы эти так же, как и в течение всей великой французской революции, как и 4 сентября и 31 октября в Париже ¹, предпочтут, конечно, открытое наступление пассивной баррикадной тактике.

Понятно ли теперь читателю, почему господствующие власти хотят заманить нас непременно туда, где стреляет ружье и рубит сабля? Почему нас теперь упрекают в трусости за то, что мы не желаем прямо выходить на улицу, где, как мы наперед знаем, нас ожидает поражение? Почему нас так настойчиво упрасивают согласиться, наконец, сыграть роль пушечного мяса?

Эти господа совершенно напрасно расточают свои просьбы и свои вызовы. Мы не настолько глупы. С таким же успехом они могли бы потребовать в ближайшую войну от своего врага, чтобы он выстроил свои войска в линию, как во времена старого Фрица ², или в колонны из целых дивизий, как в дни Ваграма и Ватерлоо ³, и притом с кремневыми ружьями в руках. Если изменились условия для войны между народами, то не меньше изменились они и для классовой борьбы. Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет. Но для того

¹ Имеется в виду 4 сентября 1870 г., когда было свергнуто правительство Луи Бонапарта и провозглашена республика, и 31 октября того же года — неудачная попытка бланкистов поднять восстание против правительства национальной обороны (подробно об этом см. Маркс, «Гражданская война во Франции», в настоящем томе). *Ред.*

² *Фридрих II* (1712—1786) — прусский король (1740—1786). *Ред.*

³ В битве при Ваграме в 1809 г. Наполеон I победил австрийскую армию; при Ватерлоо 18 июля 1815 г. он потерпел решительное поражение от союзных армий (австрийской, прусской и т. д.). *Ред.*

чтобы массы поняли, что нужно делать, необходима длительная, настойчивая работа, и именно эту работу мы и ведем теперь, ведем с таким успехом, который приводит в отчаяние наших противников.

В романских странах тоже начинают все больше понимать, что старую тактику необходимо подвергнуть пересмотру. Повсюду немецкий пример использования избирательного права, завоевания всех доступных нам позиций находит себе подражание; повсюду неподготовленные вспышки отошли на задний план. Во Франции, где за сто с лишним лет почва как-никак взрыхлена рядом революций, где нет ни одной партии, которая не отдала бы своей дани заговорам, восстаниям и всяческим другим революционным действиям; во Франции, где вследствие этого правительство никоим образом не может полагаться на армию и где вообще обстоятельства гораздо более благоприятны для мятежных вспышек, чем в Германии, — даже во Франции социалисты все более и более приходят к убеждению, что для них прочная победа возможна лишь в том случае, если они предварительно привлекут на свою сторону широкую массу народа, т. е. в данном случае крестьян. Медленная пропагандистская работа и парламентская деятельность признаны и там ближайшей задачей партии. Успехи не заставили себя ждать. Завоеван не только целый ряд муниципалитетов; в палате заседают 50 социалистов, и они уже свергли три министерства и одного президента республики. В Бельгии рабочие в прошлом году завоевали избирательное право и одержали победу в четверти избирательных округов. В Швейцарии, в Италии, в Дании, даже в Болгарии и Румынии социалисты имеют своих представителей в парламентах. В Австрии все партии пришли к единодушному выводу, что невозможно более преграждать нам доступ в рейхсрат. Мы, наверное, туда проникнем, спор идет лишь о том — через какую дверь. И даже относительно России, когда там соберется пресловутый Земский собор¹, — это Национальное собрание, созыву которого так тщетно противится молодой Николай, — мы можем с уверенностью рассчитывать, что будем и там иметь своих представителей.

Само собою разумеется, что из-за этого наши заграничные товарищи ни в коем случае не отказываются от своего права на революцию. Ведь право на революцию является единственным *действительно* «историческим правом», — единственным, на котором основаны все без исключения современные государства, в том числе и Мекленбург, где дворянская революция закончилась в 1758 г. «договором о наследовании» («Erbvergleich»), этим действующим еще и сейчас достославным документом феодализма. Право на революцию настолько прочно вошло в общее сознание, что даже генерал фон-Богуславский только из этого народного

¹ Слова «Земский собор» написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

права и выводит право на государственный переворот для своего императора.

Но что бы ни происходило в других странах, германская социал-демократия занимает особое положение, а стало быть, по крайней мере в ближайшее время, она имеет и особую задачу. Два миллиона избирателей, которых она посылает к урнам, а также молодежь и женщины, которые, не будучи избирателями, стоят за ними, составляют самую многочисленную, самую компактную массу, решающий «ударный отряд» интернациональной пролетарской армии. Эта масса составляет уже сейчас более четверти всех поданных голосов, и она все время растет, как доказывают дополнительные выборы в рейхстаг, выборы в ландтаги отдельных государств, в муниципалитеты и в промышленные суды.

Ее рост происходит так же самопроизвольно, так же непрерывно, так же неудержимо и вместе с тем так же спокойно, как какой-нибудь процесс, происходящий в природе. Все попытки правительства помешать этому оказались безуспешными. Мы можем уже теперь рассчитывать на $2\frac{1}{4}$ миллиона избирателей. Если так будет продолжаться, мы завоюем к концу этого столетия большинство среди средних прослоек общества, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства и вырастем в стране в решающую силу, перед которой волей-неволей должны будут склониться все другие силы. Способствовать не покладая рук этому росту, пока он не перерастет через голову господствующей правительственной системы, не уничтожать этот крепнущий с каждым днем ударный отряд в авангардных схватках, а сохранять его в неприкосновенности до решающего дня — вот наша главная задача. И только одно средство могло бы временно задержать и даже отбросить на некоторое время назад непрерывный рост социалистических боевых сил в Германии: крупное столкновение с войсками, кровопускание, подобное произведенному в 1871 г. в Париже. Со временем мы преодолели бы и это. Нельзя стереть с лица земли партию, насчитывающую миллионы, для этого нехватит всех магазинных ружей Европы и Америки. Но это задержало бы нормальный ход развития, мы остались бы, может быть, в критический момент без ударного отряда, решающая битва была бы отсрочена, отдалена и стоила бы более тяжелых жертв.

Ирония всемирной истории ставит все вверх ногами. Мы, «революционеры», «аниспровергатели», мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота. Партии, называющие себя партиями порядка, погибают от созданного ими же самими легального положения. В отчаянии они восклицают вместе с Одилоном Барро: *la légalité nous tue*, законность для нас — смерть, между тем как мы при этой законности накачиваем упругие мускулы и румяные щеки и цвеем, как вечная жизнь. И если мы не будем столь

безумны, чтобы в угоду этим партиям дать себя заманить в уличную борьбу, то им в конце концов останется лишь одно: самим нарушить эту роковую законность.

Покамест они составляют новые законы против переворота. Опять-таки все поставлено вверх ногами. Разве сегодняшние фанатичные враги переворота не были вчера сами ниспровергателями? Разве *мы* вызвали гражданскую войну 1866 г.? Разве *мы* прогнали короля ганноверского, курфюрста гессенского, герцога нассауского из их родовых, законных, наследственных земель и аннектировали эти земли? И эти-то лица, произведшие переворот в Германском союзе, низвергшие три трона божьей милостью, жалуются на переворот! *Quis tulerit Gracchos de seditione querentes?* [Кто позволил бы Гракхам жаловаться на мятеж?] Кто может позволить поклонникам Бисмарка бранить переворот?

Но пусть они проводят свои законопроекты против переворота, пусть делают их еще свирепее, пусть превращают весь уголовный кодекс в каучук, — они достигнут лишь того, что представят новое доказательство своего бессилия. Для того чтобы ущемить социал-демократию всерьез, им придется прибегнуть к совершенно другим еще мерам. Против социал-демократического переворота, которому в настоящий момент идет на пользу соблюдение законов, они могут пустить в ход лишь переворот со стороны партий порядка, переворот, который не может произойти без нарушения законов. Г-н Реслер, прусский бюрократ, и г. фон-Богуславский, прусский генерал, показали им единственный способ, который можно было бы, пожалуй, пустить в ход против рабочих, не дающих себя вовлечь в уличную борьбу. Нарушение конституции, диктатура, возвращение к абсолютизму, *regis voluntas suprema lex!* [воля монарха — высший закон!] Смелей же, господа, тут нечего болтать, тут надо действовать!

Но не забывайте, что Германская империя, как и все мелкие государства и как все современные государства вообще, — *продукт договора*: во-первых, договора между государями и, во-вторых, договора между государями и народом. Если одна сторона нарушает договор, то уничтожается договор в целом, и другая сторона также освобождается от обязательств. Это великолепно продемонстрировал нам Бисмарк в 1866 г. Если вы, стало быть, нарушите имперскую конституцию, то социал-демократия тоже будет свободна от своих обязательств и сможет поступить по отношению к вам как ей будет угодно. Но что именно она тогда сделает, — эту тайну она вряд ли поведает нам теперь.

Почти ровно 1600 лет тому назад в Римской империи тоже действовала опасная партия переворота. Она подрывала религию и все основы государства, она прямо-таки отрицала, что воля императора — высший закон, она не признавала отечества, была

интернациональной; она распространилась по всем провинциям империи, от Галлии до Азии, и проникла за ее пределы. Долгое время вела она подпольную, тайную работу; но в течение довольно уже продолжительного времени она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы выступить открыто. Эта партия переворота, известная под именем христиан, имела много сторонников и в войсках; целые легионы были христианскими. Когда их посылали присутствовать на торжествах языческой господствующей церкви для оказания там воинских почестей, солдаты, принадлежавшие к партии переворота, имели дерзость прикреплять в виде протеста к своим шлемам особые значки — кресты. Даже обычные в казармах притеснения со стороны начальников оставались безрезультатными. Император Диоклетиан не мог более спокойно смотреть, как подрывались в его войсках порядок, послушание и дисциплина. Он принял энергичные меры, пока время еще не ушло. Он издал закон против социалистов, — то бишь против христиан. Собрания сторонников переворота были воспрещены, места их собраний были закрыты или даже разгромлены, христианские эмблемы — кресты и т. п. — были запрещены, как в Саксонии запрещены красные носовые платки. Христиан лишили права занимать государственные должности, они не могли быть даже ефрейторами. Так как в то время еще не было судей, как следует выдрессированных по части «лицеприятия», судей, наличие которых предполагает внесенный г. фон-Келлером законопроект против переворота ¹, то христианам было просто-напросто запрещено искать защиты в суде. Но и этот исключительный закон остался безрезультатным. Христиане в насмешку срывали текст закона со стен и даже, говорят, подожгли в Никомедии дворец, в котором находился в это время император. Тогда он отомстил массовым гонением на христиан в 303 г. нашего летосчисления. Это было последнее из гонений этого рода. И оно оказало настолько сильное действие, что через 17 лет подавляющее большинство армии состояло из христиан, а следующий самодержец всей Римской империи, Константин, прозванный попами великим, провозгласил христианство государственной религией.

Лондон, 6 марта 1895 г.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано (с сокращениями) в журнале «Neue Zeit» в 1895 г. Полностью, без искажений, напечатано в книге: Marx, Ausgewählte Schriften in 2 Bänden. Bd. II. М.—Л. 1934. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2.

¹ 5 декабря 1894 г. в рейхстаг был внесен проект нового закона против социалистов; этот проект был передан комиссии, которая обсуждала его до 25 апреля 1895 г. *Ред.*

Классовая борьба во Франции

I. ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ИЮНЯ 1848 г.

За исключением лишь немногих глав, каждый более или менее значительный раздел революционной летописи от 1848 до 1849 г. носит заглавие: *поражение революции!*

Но в этих поражениях погибала не революция. Погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений, не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не *февральская победа*, а только целый ряд *поражений*.

Одним словом, революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а, напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и выросла в подлинную революционную партию.

Доказать это и составляет задачу предлагаемых статей.

Июньское поражение 1848 г.

После июльской революции либеральный банкир Лафит, провозжая своего «кума»¹, герцога Орлеанского, в его триумфальном шествии к ратуше, обронил фразу: «*Отныне господствовать будут банкиры*». Лафит выдал тайну революции.

При Луи-Филиппе господствовала не французская буржуазия, а лишь одна ее *фракция*: банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей, железных рудников и лесов, часть примыкающего к ним крупного землевладения — так называемая *финансовая аристократия*. Она сидела на троне, она диктовала в палатах законы, она раздавала государственные должности, начиная с министерства и кончая табачным бюро.

Собственно *промышленная буржуазия* составляла часть официальной оппозиции, т. е. была представлена в палатах лишь

¹ В подлиннике — французское слово «compère», имеющее двойной смысл: 1) кум, 2) соучастник в интриге, авантюре. *Ред.*

в виде меньшинства. Ее оппозиция становилась тем решительнее, чем яснее развивалось самодержавие финансовой аристократии и чем более сама она воображала, что после подавленных в крови восстаний 1832, 1834 и 1839 гг. ее господство над рабочим классом упрочено. Руанский фабрикант *Гранден*, наиболее яркий фанатик буржуазной реакции в Учредительном и в Законодательном национальных собраниях, был в палате депутатов самым горячим противником Гизо. *Леон Фоссе*, впоследствии прославившийся своими бессильными потугами подняться до роли Гизо французской контрреволюции, вел в конце царствования Луи-Филиппа чернильную войну в защиту промышленности против спекуляции и ее прихвостня — правительства. *Бастиа* агитировал против господствующей системы от имени Бордо и всех французских виноделов.

Мелкая буржуазия во всех ее разновидностях, а также крестьянство были совершенно устранены от участия в политической власти. Наконец, в рядах официальной оппозиции или совсем вне *pays légal* [круга лиц, пользовавшихся избирательным правом] стояли *идеологические* представители и защитники упомянутых классов, их ученые, адвокаты, врачи и т. д., — короче, их так называемые «*таланты*».

Финансовая нужда с самого начала поставила июльскую монархию в зависимость от крупной буржуазии, а ее зависимость от крупной буржуазии, в свою очередь, стала неисчерпаемым источником все растущей финансовой нужды. Нельзя подчинить государственное управление интересам национального производства, пока не восстановлено равновесие в бюджете, равновесие между государственными расходами и доходами. А как восстановить это равновесие, не сокращая государственных расходов, т. е. не нарушая интересов столпов господствующего режима и не изменяя налоговой системы, т. е. не сваливая значительной части налогового бремени на плечи крупной буржуазии?

Задолженность государства была, напротив, в *прямых интересах* той фракции буржуазии, которая господствовала и законодательствовала в палатах. *Государственный дефицит* был как раз главным предметом ее спекуляции и важнейшим источником ее обогащения. По истечении каждого года — новый дефицит. После каждых четырех или пяти лет — новый заем. А каждый новый заем давал финансовой аристократии новый удобный случай обирать государство, искусственно поддерживаемое на пороге банкротства, — оно должно было заключать займы у банкиров на самых невыгодных условиях. Кроме того, каждый новый заем давал лишний случай грабить публику, помещавшую свои капиталы в государственные процентные бумаги, посредством биржевых операций, в тайну которых были посвящены правительство и большинство в палатах. Вообще неустойчивое положение государ-

ственного кредита и обладание государственными тайнами — вот что давало банкирам и их сообщникам в палатах и на троне возможность вызывать внезапные, чрезвычайные колебания в курсе государственных бумаг, которые каждый раз неизбежно влекли за собой разорение множества мелких капиталистов и баснословно быстрое обогащение крупных игроков.

Тем, что государственный дефицит был в прямых интересах господствующей фракции буржуазии, объясняется, почему *чрезвычайные* государственные расходы в последние годы царствования Луи-Филиппа более чем вдвое превысили чрезвычайные государственные расходы при Наполеоне; они поглощали ежегодно около 400 миллионов франков, тогда как весь вывоз Франции в среднем редко достигал 750 миллионов франков в год. Огромные суммы, проходившие, таким образом, через руки государства, создавали, сверх того, удобный случай для мошеннических подрядов, подкупов, хищений и плутней всякого рода. Обкрадывание государства, происходившее при займах в крупных размерах, повторялось в малом масштабе при казенных подрядах. То, что имело место в отношениях между палатой и правительством, многократно воспроизводилось в отношениях между отдельными ведомствами и отдельными предпринимателями.

Подобно тому как господствующий класс эксплуатировал государственные расходы вообще и государственные займы, он эксплуатировал и *постройку железных дорог*. Палаты сваливали главное бремя издержек на государство, а спекулировавшей финансовой аристократии они обеспечивали золотые плоды. Всем памятен скандалы в палате депутатов, когда случайно обнаружилось, что все депутаты большинства, включая и часть министров, были заинтересованы в качестве акционеров в тех самых железнодорожных строительствах, которые они потом в качестве законодателей заставляли производить на государственный счет.

Напротив, малейшая финансовая реформа разбивалась о противодействие банкиров. Так, например, *почтовая реформа*. Ротшильд запротестовал. Разве посмело бы государство сокращать те свои источники дохода, из которых уплачивались проценты по все растущим его долгам?

Июльская монархия была не чем иным, как акционерной компанией для эксплуатации французского национального богатства; дивиденды ее распределялись между министрами, палатами, 240 000 избирателей и их прихвостнями. Луи-Филипп был директором этой компании — Робером Макэром¹ на троне. Эта система постоянно угрожала опасностями и вредила интересам торговли, промышленности, земледелия, судоходства, интересам промышлен-

¹ Робер Макэр — тип ловкого пройдохи в комедии Беньямена Антье и Фредерика Леметра «Робер и Бертрам» (1834 г.). *Ред.*

ной буржуазии, которая в июльские дни написала на своем знамени «gouvernement à bon marché» [«дешевое правительство»].

Так как финансовая аристократия издавала законы, управляла государством, распоряжалась всем организованным аппаратом государственной власти и ввиду подобного положения вещей и с помощью печати держала в своих руках общественное мнение, то во всех сферах, начиная от королевского двора и кончая притонами низшего разряда, царила одна и та же проституция, тот же бесстыдный обман, та же страсть к обогащению не путем производства, а путем ловкого прикармливания уже имеющегося чужого богатства; и особенно среди верхов буржуазного общества проявлялись необузданные, на каждом шагу сталкивавшиеся даже с буржуазными законами нездоровые и порочные вожделения, в которых нажитое спекуляцией богатство естественно ищет себе удовлетворения, где наслаждение становится распутством, где сливаются вместе золото, грязь и кровь. По способу своего обогащения, как и по своим наслаждениям, финансовая аристократия есть не что иное, как *возрождение люмпен-пролетариата на верхах буржуазного общества*.

Не участвовавшие во власти фракции французской буржуазии кричали: *«Коррупция!»* Народ кричал: *«Долой крупных воров! Долой убийц!»*, когда в 1847 г. на самых высоких подмостках буржуазного общества публично разыгрывались те самые сцены, которые обыкновенно гонят люмпен-пролетариат в притоны разврата, в богадельни и в дома для умалишенных, приводят его на скамью подсудимых, на каторгу и на эшафот. Промышленная буржуазия увидела угрозу своим интересам, мелкая буржуазия была полна нравственного негодования, воображение народа было возмущено. Париж был наводнен памфлетами: «La dynastie Rotschild», «Les juifs — rois de l'époque» [«Династия Ротшильдов», «ростовщики — короли нашего времени»] и т. д., которые с большим или меньшим остроумием разоблачали и клеймили господство финансовой аристократии.

Rien pour la gloire! [Ни гроша для славы!] Слава не приносит никакой прибыли! La paix partout et toujours! [Мир во что бы то ни стало!] Война понижает курс трех- и четырехпроцентных бумаг! — вот что написала на своем знамени Франция биржевых дельцов. Ее внешняя политика свелась поэтому к ряду унижений французского национального достоинства. Особенно сильно было оно возмущено присоединением Кракова к Австрии, которое завершило разграбление Польши, и тем, что Гизо активно стал на сторону Священного союза в швейцарской войне Зондербунда. Победа швейцарских либералов в этой опереточной войне подняла чувство собственного достоинства буржуазной оппозиции во Франции, а кровавое народное восстание в Палермо действовало на парализованную народную массу, как электри-

ческий ток, и пробудило ее великие революционные воспоминания и страсти¹.

Наконец, взрыв всеобщего недовольства был ускорен, а ропот вырос в восстание благодаря *двум экономическим событиям* мирового значения.

Картофельная болезнь и неурожай 1845 и 1846 гг. усилили всеобщее брожение в народе. В 1847 г. дороговизна вызвала во Франции, как и на всем континенте, кровавые столкновения. Рядом с бесстыдными оргиями финансовой аристократии — борьба народа за необходимое средства к жизни! В Бюансе казнят участников голодных бунтов, а в Париже королевская семья вырывает из рук суда пресыщенных мошенников!

Вторым крупным экономическим событием, ускорившим взрыв революции, был всеобщий *торговый и промышленный кризис* в Англии. Он был возведен уже осенью 1845 г. массовым крахом спекулянтов железнодорожными акциями, в 1846 г. его задержал ряд случайных обстоятельств, как предстоявшая отмена хлебных пошлин, — наконец, осенью 1847 г. он разразился в виде банкротств крупных лондонских торговцев колониальными товарами, за которыми немедленно последовали крахи земельных банков и закрытие фабрик в промышленных округах Англии. Еще не успели на континенте сказаться до конца все последствия этого кризиса, как вспыхнула февральская революция.

Экономическая эпидемия, поразившая торговлю и промышленность, сделала еще невыносимее самодержавие финансовой аристократии. Оппозиционная буржуазия подняла во всей Франции *кампанию банкетов* в пользу *избирательной реформы*, которая должна была дать ей большинство в палате и свергнуть министерство биржи. В Париже промышленный кризис повлек за собой в частности еще один результат: массу фабрикантов и крупных торговцев, которые при сложившихся условиях не в состоянии были вести свои дела на заграничном рынке, он заставил наброситься на внутренний рынок. Они основали крупные фирмы, конкуренция которых массами разоряла мелких бакалейщиков и лавочников. Этим объясняются многочисленные банкротства в этой части парижской буржуазии и революционное поведение ее в февральские дни. Хорошо известно, что Гизо и палаты ответили на предложения реформ недвусмысленным вызовом, что Луи-Филипп решился назначить министерство Барро, когда было уже слишком поздно, что дело дошло до стычки между народом и армией, что армия была обезоружена пассивным поведением Национальной гвардии, а

¹ Присоединение Кракова к Австрии, с согласия России и Пруссии; 41 ноября 1846 г. — Швейцарская война Зондербунда (Sonderbundskrieg) от 4 до 28 ноября 1847 г. — Восстание в Палермо 12 января 1848 г., в конце января девятидневная бомбардировка города неаполитанцами. (*Примечание Энгельса.*)

июльская монархия должна была уступить место временному правительству.

По своему составу *временное правительство*, возникшее на февральских баррикадах, неизбежно являлось отражением различных партий, которые разделили между собою плоды победы. Оно не могло быть не чем иным, как *компромиссом между различными классами*, которые совместными усилиями низвергли июльскую монархию, но интересы которых были друг другу враждебны. Огромное большинство его состояло из представителей буржуазии. Ледрю-Роллен и Флокон были представителями республиканской мелкой буржуазии, республиканская буржуазия была представлена людьми из редакции «National'я»¹, династическая оппозиция — Кремье, Дюпоном (из департамента Эры) и т. д. Рабочий класс имел только двух представителей: Луи Блана и Альбера. Наконец, Ламартин во временном правительстве не был собственно выразителем какого-либо реального интереса, какого-либо определенного класса; он был олицетворением самой февральской революции, всеобщего восстания с его иллюзиями, с его поэзией, его иллюзорным содержанием и его фразами. Впрочем, по своему положению и своим взглядам этот представитель февральской революции принадлежал к буржуазии.

Если Париж благодаря политической централизации господствует над Францией, то рабочие в моменты революционных потрясений господствуют над Парижем. Первым шагом временного правительства была попытка избавиться от этого подавляющего влияния путем апелляции от опьяненного победой Парижа к трезвой Франции. Ламартин оснаивал у бойцов баррикад право провозгласить республику. Это, говорил он, может сделать лишь большинство французской нации; надо выждать ее голосования, парижский пролетариат не должен запятнать свою победу узурпацией. Буржуазия разрешает пролетариату только одну узурпацию — узурпацию борьбы.

В полдень 25 февраля республика еще не была провозглашена, зато все министерские портфели были уже распределены между буржуазными элементами временного правительства и генералами, банкирами и адвокатами из редакции «National'я». Но рабочие решили не допускать на этот раз такого надувательства, как в июле 1830 г. Они готовы были возобновить борьбу и добиться республики силой оружия. Чтобы сообщить об этом, Распайль отправился в ратушу. От имени парижского пролетариата он приказал временному правительству провозгласить республику; если это повеление народа не будет выполнено в течение двух часов, то он вернется во главе 200 000 человек. Группы павших борцов

¹ «National» — основанная в 1830 г. газета буржуазной республиканской оппозиции. *Ред.*

еще не успели остыть, баррикады еще не были убраны, рабочие еще не были обезоружены, и единственная сила, которую можно было им противопоставить, была Национальная гвардия. При этих обстоятельствах сразу исчезли соображения государственной мудрости и юридическая щепетильность временного правительства. Еще до истечения двухчасового срока на всех стенах Парижа красовались исторические исполинские слова:

République Française! Liberté, Egalité, Fraternité! [Французская республика! Свобода, Равенство, Братство!]

С провозглашением республики на основе всеобщего избирательного права исчезло и самое воспоминание о тех ограниченных целях и мотивах, которые толкнули буржуазию на февральскую революцию. Вместо немногих отдельных фракций буржуазии все классы французского общества вдруг получили доступ к политической власти, принуждены были оставить логи, партер и галерею и в качестве действующих лиц выступить на революционную сцену! Вместе с конституционной монархией исчезла и кажущаяся независимость государства по отношению к буржуазному обществу, а с нею целый ряд производных столкновений, вызываемых этой фикцией!

Заставив временное правительство, а через его посредство всю Францию, принять республику, пролетариат сразу выступил на первый план как самостоятельная партия, но в то же время он вызвал на борьбу с собой всю буржуазную Францию. Он завоевал только почву для борьбы за свое революционное освобождение, а отнюдь не само это освобождение.

Напротив, февральская республика прежде всего должна была лишь *завершить господство буржуазии*: благодаря ей рядом с финансовой аристократией *все имущие классы* получили доступ к политической власти. Республика извлекла большинство крупных землевладельцев, легитимистов, из того политического ничтожества, на которое их осудила июльская монархия. Недаром «Gazette de France»¹ агитировала заодно с газетами оппозиции, недаром Ларошжаклен на заседании палаты депутатов 24 февраля стал на сторону революции. Всеобщее избирательное право отдало судьбу Франции в руки номинальных собственников, составляющих громадное большинство французского народа, — в руки *крестьян*. Наконец, февральская республика разбила корону, за которой прятался капитал, так что господство буржуазии выступило теперь открыто.

Подобно тому как в июльские дни рабочие завоевали *буржуазную монархию*, так в февральские дни они завоевали *буржуазную республику*. Подобно тому как июльская монархия принуждена была объявить себя *монархией, обставленной*

¹ Старая монархическая (легитимистская) газета. *Ред.*

республиканскими учреждениями, так февральская республика принуждена была объявить себя *республикой, обставленной социальными учреждениями*. Парижский пролетариат добился и этой уступки.

Марш, рабочий, продиктовал декрет, в котором только что образованное временное правительство обязывалось обеспечить рабочим работу, дать работу всем гражданам и т. д. Когда же через несколько дней оно забыло свои обещания и, казалось, совсем упустило из виду пролетариат, толпа в 20 000 рабочих двинулась к ратуше с криками: *Организация труда! Образование собственного министерства труда!* Против воли, после долгих прений временное правительство назначило специальную постоянную комиссию с поручением *изыскать средства к улучшению положения трудящихся классов*. Эта комиссия состояла из делегатов парижских ремесленных корпораций под председательством Луи Блана и Альбера. Ей для заседаний был отведен Люксембургский дворец. Так представители рабочего класса были изгнаны из здания, где заседало временное правительство, и буржуазная часть последнего удержала исключительно в своих руках действительную государственную власть и бразды правления. *Рядом с министерствами финансов, торговли и общественных работ, рядом с банком и биржей воздвигалась социалистическая синагога*, первосвященники которой, Луи Блан и Альбер, имели своей задачей открыть обетованную землю, возвестить новое евангелие и дать работу парижскому пролетариату. В отличие от всякой мирской государственной власти они не располагали никаким бюджетом, никакой исполнительной властью. Они должны были своим собственным лбом разбить устои буржуазного строя. В то время как в Люксембургском дворце занимались изысканием философского камня, в ратуше чеканили имевшую хождение монету.

И, однако, нужно сказать, что требования парижского пролетариата, поскольку они выходили за пределы буржуазной республики, действительно не могли реализоваться иначе, как в туманной форме Люксембургской комиссии.

Рабочие сделали февральскую революцию сообща с буржуазией; теперь они старались отстаивать свои интересы *рядом с буржуазией*, — ведь посадили же они в самом временном правительстве *рядом с буржуазным большинством одного рабочего*. *Организация труда!* Но наёмный труд — вот она, уже существующая буржуазная организация труда. Без него нет капитала, нет буржуазии, нет буржуазного общества. *Собственное министерство труда!* Но разве министерства финансов, торговли, общественных работ не являются *буржуазными* министерствами труда? *Рядом с ними пролетарское министерство труда* могло быть только министерством бессилия, министерством благих пожеланий, Лю-

ксембургской комиссией. Веря в возможность своего освобождения бок о бок с буржуазией, рабочие надеялись также осуществить свою пролетарскую революцию в национальных границах Франции, бок о бок с прочими буржуазными нациями. Но производственные отношения Франции обуславливаются ее внешней торговлей, ее положением на всемирном рынке и законами этого рынка. Разве Франция могла бы их нарушить, не вызвав европейской революционной войны, которая отразилась бы на Англии, этой властелинице мирового рынка?

Когда восстает класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, то он находит непосредственно в своем собственном положении содержание и материал для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, а последствия его собственных действий толкают его дальше. Он не занимается теоретическими исследованиями своих собственных задач. Французский рабочий класс не находился в таком положении, он еще не был способен осуществить свою революцию.

Вообще развитие промышленного пролетариата обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь при ее господстве приобретает он широкое национальное существование, способное поднять его революцию до национальной, лишь при ее господстве он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобождения. Лишь ее господство вырывает материалы корни феодального строя и выравнивает почву, на которой единственно возможна пролетарская революция. Французская промышленность — самая развитая, а французская буржуазия — самая революционная на всем континенте. Но разве февральская революция не была направлена непосредственно против финансовой аристократии? Факт этот показывал, что промышленная буржуазия не господствовала во Франции. Господство промышленной буржуазии возможно лишь там, где современная промышленность преобразовала по-своему все имущественные отношения; а этой степени могущества она может достигнуть лишь тогда, когда она завоевала всемирный рынок, так как национальные границы недостаточны для ее развития. Французская же промышленность даже внутренний рынок удерживает за собой в значительной мере только благодаря более или менее модифицированной системе запретительных пошлин. Если поэтому французский пролетариат в момент революции обладает в Париже фактической силой и влиянием, толкающим его дальше, чем это соответствует его средствам, то в остальной Франции он сосредоточен лишь в отдельных, разбросанных промышленных центрах, почти исчезая в подавляющем большинстве крестьянства и мелкой буржуазии. Борьба против капитала в ее развитой, современной форме, в ее кульминационной фазе, борьба промыш-

ленного наемного рабочего против промышленного буржуа, является во Франции частичным фактом. После февральских дней она тем менее могла служить национальным содержанием революции, что борьба против второстепенных способов капиталистической эксплуатации — борьба крестьянина против ростовщичества в форме ипотеки, борьба мелкого буржуа против крупного торговца, банкира и фабриканта, одним словом, против банкротства — была еще скрыта под оболочкой общего восстания против общего гнета финансовой аристократии. Неудивительно поэтому, что парижский пролетариат старался отстаивать свои интересы *бок о бок* с буржуазными интересами, вместо того чтобы проводить их в жизнь в качестве революционного интереса самого общества; неудивительно, что он склонил *красное* знамя перед *трехцветным*. Французские рабочие не могли двинуться ни на шаг вперед, не могли ни на волос затронуть буржуазный строй, пока ход революции не поднял против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, и не заставил их примкнуть к пролетариату, признав в нем своего передового борца. Только ценою страшного июньского поражения рабочие могли купить эту победу.

За Люксембургской комиссией, этим созданием парижских рабочих, останется та заслуга, что она с высоты европейской трибуны раскрыла тайну революции XIX столетия: *освобождение пролетариата*. «Moniteur» [правительственная газета] приходил в ярость, когда ему приходилось официально пропагандировать «дикие бредни», до тех пор погребенные в апокрифических сочинениях социалистов и лишь время от времени доносившиеся до ушей буржуазии в виде каких-то отдаленных легенд, наполовину страшных, наполовину смешных. Изумленная Европа внезапно очнулась от своей буржуазной полудремоты. Итак, в представлении пролетариев, которые смешивали финансовую аристократию с буржуазией вообще; в воображении республиканских простаков, которые отрицали самое существование классов или в лучшем случае считали их следствием конституционной монархии; в лицемерных фразах тех слоев буржуазии, которые до тех пор были отстранены от власти, — *господство буржуазии* было устранено вместе с введением республики. В то время все роялисты превратились в республиканцев, все парижские миллионеры — в рабочих. Фразой, соответствовавшей этому воображаемому уничтожению классовых отношений, было *fraternité* — всеобщее братание и братство. Это идиллическое отвлечение от классовых противоречий, это сентиментальное примирение противоположных классовых интересов, это фантазерское воспарение над классовой борьбой, словом, *fraternité* — вот что было истинным лозунгом февральской революции. Лишь простое *недоразумение* раскололо общество на классы, и 24 февраля Ламартин окрестил временное правитель-

ство «правительством, которое прекращает страшное недоразумение, существующее между различными классами». Парижский пролетариат упивался этим великодушным порывом всеобщего братства.

Со своей стороны, временное правительство, вынужденное провозгласить республику, всеми силами старалось сделать ее приемлемой для буржуазии и провинций. Оно отреклось от кровавых ужасов первой французской республики, отменив смертную казнь за политические преступления; в печати можно было свободно отстаивать все взгляды; армия, суд, администрация, за немногими исключениями, остались в руках старых сановников; ни один из крупных преступников июльской монархии не был привлечен к ответу. Буржуазные республиканцы «National'я» забавлялись тем, что меняли монархические имена и костюмы на старореспубликанские. Для них республика была лишь новым бальным костюмом для старого буржуазного общества. Главную свою заслугу молодая республика полагала в том, чтобы никого не пугать, а, напротив, самой всего пугаться и мягкой податливостью и непротивлением отстаивать свое существование и обезоруживать врагов. Она громко заявила о своем миролюбии привилегированным классам внутри страны и деспотическим державам во-вне. Живи и жить давай другим — таков был ее лозунг. Как раз в это время, немедленно вслед за февральской революцией, восстали немцы, поляки, австрийцы, венгры, итальянцы, — каждый народ сообразно с особыми условиями своего положения. Россия и Англия, — последняя сама захваченная движением, первая запуганная им, — не были подготовлены к вмешательству. Таким образом, республика не встретила на своем пути ни одного *национального* врага. Не оказалось, значит, тех крупных внешних осложнений, которые могли бы воспламенить национальную энергию, ускорить революционный процесс, толкнуть вперед временное правительство или выбросить его за борт. Парижский пролетариат, который видел в республике свое собственное детище, приветствовал, разумеется, всякий шаг временного правительства, помогавший последнему укрепить свое положение в буржуазном обществе. Он охотно оказывал Коссидьеру полицейские услуги по охране собственности в Париже и предоставлял Луи Блану улаживать споры между рабочими и хозяевами по поводу заработной платы. Он считал вопросом чести для себя сохранить в глазах Европы незапятнанной буржуазную честь республики.

Республика не встретила никакого сопротивления ни извне, ни внутри. Это ее обезоружило. Ее задачей было теперь уже не революционное переустройство мира, а лишь свое собственное приспособление к условиям буржуазного строя. С каким фанатизмом временное правительство принялось за выполнение этой задачи, лучше всего показывают его *финансовые мероприятия*.

Государственный и частный кредит был, конечно, расшатан. *Государственный кредит* покоится на уверенности в том, что государство дает себя эксплуатировать ростовщикам-финансистам. Но старое государство пало, а революция была направлена прежде всего против финансовой аристократии. Судороги последнего европейского торгового кризиса еще не прекратились. Одно банкротство еще следовало за другим.

Итак, *частный кредит* был парализован, товарооборот затруднен, производство подорвано еще до взрыва февральской революции. Революционный кризис усилил кризис коммерческий. Частный кредит покоится на уверенности, что весь комплекс условий буржуазного производства, весь буржуазный строй остается нетронутым и неприкосновенным; как же должна была подействовать на него революция, которая угрожала самой основе буржуазного производства, экономическому рабству пролетариата, — революция, которая бирже противопоставила люксембургского сфинкса? Освобождение пролетариата равносильно уничтожению буржуазного кредита, потому что оно означает уничтожение буржуазного производства и буржуазного строя. Государственный и частный кредит, это — экономический термометр, показывающий интенсивность революции. *В той самой мере, какой падает кредит, повышается температура революции и растет ее творческая сила.*

Временное правительство хотело сбросить с республики ее антибуржуазную личину. Для этого нужно было прежде всего обеспечить *меновую стоимость* новой государственной формы, ее биржевой *курса*. Вместе с биржевой котировкой республики необходимо должен был снова подняться частный кредит.

Чтобы устранить даже *подозрение*, будто республика не хочет или не может выполнить обязательства, полученные ею в наследство от монархии, чтобы вселить доверие к буржуазной честности и платежеспособности республики, временное правительство прибегло к столь же недостойному, сколь и ребяческому бахвальству. Еще до законного срока оно уплатило государственным кредиторам проценты по 5-, 4½- и 4-процентным бумагам. К капиталистам сразу вернулись весь их буржуазный апломб и самоуверенность, когда они увидели, с какой боязливой поспешностью стараются купить их доверие.

Конечно, денежные затруднения временного правительства не уменьшились от этой театральной выходки, лишившей его всего запаса наличных денег. Нельзя было дольше скрывать денежную нужду, и *мелкой буржуазии, прислуге и рабочим* пришлось из собственного кармана расплачиваться за приятный сюрприз, сделанный государственным кредиторам.

Правительство объявило, что *сберегательные кассы* не будут более выдавать денег по книжкам на сумму свыше 100 франков.

Вложенные в сберегательные кассы суммы были конфискованы и декретом правительства превращены в государственный долг, не подлежащий уплате. Это озлобило против республики *мелкую буржуазию*, и без того находившуюся в стесненном положении. Получив вместо сберегательных книжек государственные векселя, она была вынуждена продавать их на бирже и таким образом отдать себя в руки тех самых биржевых воротил-ростовщиков, против которых была направлена февральская революция.

Банк был храмом финансовой аристократии, царившей в июльской монархии. Как биржа держит в своих руках государственный кредит, так банк управляет *торговым кредитом*.

Февральская революция угрожала не только господству банка, но и самому его существованию; поэтому он с самого начала старался дискредитировать республику, сделав некредитоспособность всеобщей. Он внезапно прекратил кредит банкирам, фабрикантам и купцам. Не вызвав немедленной контрреволюции, этот маневр неизбежно пал всей своей тяжестью обратно на банк. Капиталисты взяли назад свои деньги, хранившиеся в подвалах банка. Владельцы банковых билетов бросились к кассе банка, чтобы обменять их на золото и серебро.

Временное правительство могло бы совершенно законно, без насильственного вмешательства, принудить банк к *банкротству*; ему нужно было только оставаться пассивным и предоставить банк своей судьбе. *Банкротство банка* было бы потопом, который в один миг очистил бы французскую почву от финансовой аристократии, этого золотого пьедестала июльской монархии, самого могучего и опасного врага республики. А в случае банкротства банка сама буржуазия должна была бы отнестись к созданию правительства национального банка и к подчинению национального кредита контролю нации как к последней отчаянной попытке к спасению.

Но вместо этого временное правительство установило *принудительный курс* для банковых билетов. Мало того. Оно превратило все провинциальные банки в филиальные отделения Banque de France [Французского банка] и, таким образом, дало ему раскинуть свою сеть по всей Франции. Позднее оно сделало у банка заем и в качестве гарантии заложило ему *государственные леса*. Таким образом, февральская революция непосредственно укрепила и расширила ту самую банкократию, которую она должна была свергнуть.

Между тем временное правительство все больше сгибалось под тяжестью все растущего дефицита. Тщетно клянчило оно, вымаливая патриотические жертвы. Только рабочие бросили ему милостыню. Пришлось прибегнуть к героическому средству — к введению *нового налога*. Но кого обложить? Биржевых водков, бан-

ковских королей, государственных кредиторов, рантье, промышленников? Но таким путем нельзя было расположить буржуазию к республике. Это значило бы одной рукой подрывать государственный и торговый кредит, в то время как другой рукой ему приносились такие унижительные жертвы. Но кто-нибудь должен же был раскошелиться. Кто же был принесен в жертву буржуазному кредиту? *Jacques le bonhomme*¹, *крестьянин*.

Временное правительство ввело дополнительный налог в 45 сантимов на каждый франк по всем четырем прямым налогам. Правительственная печать лгала парижскому пролетариату, будто этот налог падает главным образом на крупное землевладение, на владельцев пожалованного реставрацией миллиарда. В действительности же он пал прежде всего на *крестьянство*, т. е. на огромное большинство французского народа. *Крестьянам пришлось нести издержки февральской революции*, — и они составили главную армию контрреволюции. Новый налог в 45 сантимов был жизненным вопросом для французского крестьянина, который, в свою очередь, сделал его вопросом жизни и смерти для республики. С этого момента в глазах французского крестьянина *республику* олицетворял добавочный налог в 45 сантимов, а парижский пролетариат представлялся ему расточителем, который благоденствовал за его счет.

Тогда как революция 1789 г. начала с того, что освободила крестьян от бремени феодальных повинностей, революция 1848 г., чтобы не повредить капиталу и обеспечить ход его государственной машины, первым делом преподнесла сельскому населению новый налог.

Только одним путем временное правительство могло устранить все эти затруднения и выбить государство из его старой колеи, а именно *объявлением государственного банкротства*. Все помнят, как Ледрю-Роллен впоследствии расписывал перед Национальным собранием, что он с добродетельным негодованием отверг подобное предложение биржевого воротилы-ростовщика Фульда, теперешнего французского министра финансов. Между тем Фульд предлагал ему яблоко от древа познания.

Признав векселя, выданные на государство старым буржуазным обществом, временное правительство подпало под его власть. Оно попало в положение запутавшегося должника буржуазного общества, вместо того чтобы явиться к нему в роли грозного кредитора, взыскивающего старые революционные долги. Оно должно было укрепить пошатнувшийся буржуазный строй, чтобы справиться с обязательствами, выполнимыми только в рамках этого строя. Кредит стал необходимым условием его существова-

¹ *Жак-простак* — презрительная кличка, которой французские помещики называли крестьян. *Ред.*

ния, а уступки пролетариату и данные ему обещания — *оковами*, которые во что бы то ни стало *должны* были быть разбиты. Освобождение рабочих — даже одна *фраза* об этом — стало невыносимой опасностью для новой республики, так как это требование было постоянным протестом против восстановления кредита, который покоится на прочном и непоколебимом признании существующих классовых отношений. Поэтому надо было *покончить с рабочими*.

Февральская революция выбросила армию вон из Парижа. Национальная гвардия, т. е. буржуазия всех разновидностей, составляла единственную военную силу, но она не чувствовала себя достаточно крепкой для того, чтобы справиться с пролетариатом. К тому же она была вынуждена, хотя и после упорнейшего сопротивления, после сотни всяческих помех, мало-помалу, по частям, открыть доступ в свои ряды вооруженным пролетариям. Таким образом, оставался только один исход: *противопоставить одну часть пролетариев другой*.

С этой целью временное правительство образовало 24 батальона *мобильной гвардии* из молодых людей в возрасте от 15 до 20 лет, по тысяче человек в каждом батальоне. Они принадлежали большей частью к *люмпен-пролетариату*, который имеется во всех больших городах и резко отличается от промышленного пролетариата. Этот слой, из которого рекрутируются вори и преступники всякого рода, состоит из элементов, живущих отбросами с общественного стола, людей без определенных занятий, бродяг, *gens sans feu et sans aveu* [бродяги, темные личности]; они различаются в зависимости от культурного уровня нации, к которой они принадлежат, но везде и всегда они сохраняют характерные черты лаццарони. Крайне неустойчивые в том юношеском возрасте, в котором их вербовало временное правительство, они способны были на величайшее геройство и самопожертвование, но вместе с тем и на самые низкие разбойничьи поступки и на самую грязную продажность. Временное правительство платило им 1 франк 50 сантимов в день, т. е. купило их. Оно одело их в особый мундир, т. е. внешним видом обособило их от блузников. В вожди им отчасти дали офицеров регулярного войска, отчасти они сами выбрали молодых буржуазных сынков, которые пленили их громкими словами о смерти за отечество и о преданности республике.

Таким образом, против парижского пролетариата стояла набранная из его же среды армия в 24 000 молодых, крепких *головорезов*. Пролетариат приветствовал мобильную гвардию на улицах Парижа громкими криками «ура». Он узнавал в ней своих передовых борцов на баррикадах. Он считал ее *пролетарской* гвардией в отличие от буржуазной Национальной гвардии. Его ошибка была простительна.

Рядом с мобильной гвардией правительство решило собрать

вокруг себя также армию промышленных рабочих. Министр Мари дал занятие ста тысячам рабочих, выброшенных на мостовую кризисом и революцией, в так называемых Национальных мастерских. Под этим громким именем скрывалось не что иное, как использование рабочих на скучных, однообразных, непроизводительных *земляных работах* с заработной платой в 23 су. *Английские «рабочие дома»*¹ *под открытым небом* — вот чем были эти Национальные мастерские. Правительство думало, что нашло в них *вторую пролетарскую армию против самих же рабочих*. На этот раз буржуазия ошиблась в Национальных мастерских точно так же, как рабочие ошиблись в мобильной гвардии. Она создала *армию мятежа*.

Но одна цель была достигнута.

Ateliers nationaux — так назывались Национальные мастерские, которые проповедывал Луи Блан в Люксембурге. Мастерские Мари созданы были по плану, прямо *противоположному* плану Луи Блана, но благодаря одинаковому ярлыку они давали повод к интриге ошибок, достойной испанской комедии с плутовскими проделками слуг. Временное правительство само тайком распустило слух, что эти Национальные мастерские — изобретение Луи Блана, и это казалось тем более правдоподобным, что Луи Блан, апостол Национальных мастерских, был членом временного правительства. Для парижской буржуазии, подунавивно и полупамерно смешивавшей обе вещи, для искусственно обрабатываемого общественного мнения Франции и Европы эти рабочие дома были первым шагом к осуществлению социализма, который был выставлен таким образом у позорного столба.

Если не по своему содержанию, то по своему названию *Национальные мастерские* были воплощенным протестом пролетариата против буржуазной промышленности, буржуазного кредита и буржуазной республики. И на них обрушилась вся ненависть буржуазии; в них она увидела тот пункт, на который могла направить свой удар, как только она достаточно окрепла, чтобы открыто поврать с февральскими иллюзиями. *Мелкая буржуазия* тоже обратила все свое недовольство, всю свою досаду против Национальных мастерских, которые стали общей мишенью. Со скрежетом зубным она высчитывала, сколько денег поглощали дармоеды-рабочие, тогда как ее собственное положение с каждым днем становилось все более невыносимым. Государственная пенсия за видимость работы — вот что такое социализм! — ворчала она про себя. В Национальных мастерских, в люксембургском словозвержении, в уличных демонстрациях парижских рабочих она

¹ По новому английскому закону о бедных, принятому в 1834 г., вместо вспомоществования бедным деньгами или натурой предусматривалась постройка для них рабочих домов. Эти дома получили название «бастилий для бедных» и являлись пугалом для бедняков. *Ред.*

видела причину своего бедственного положения. И никто так не горячился против мнимых махинаций коммунистов, как мелкий буржуа, стоявший на краю банкротства без всякой надежды на спасение.

Таким образом, в предстоявшей схватке между буржуазией и пролетариатом все преимущества, все важнейшие позиции, все средние слои общества были в руках буржуазии. А в это самое время волны февральской революции высоко вздымались над континентом, каждая почта приносила революционные вести то из Италии, то из Германии, то с крайнего юго-востока Европы и поддерживала упоение народа, непрерывно принося ему новые доказательства его победы, плоды которой уже ускользнули из его рук.

17 марта и 16 апреля были первыми стычками в великой классовой борьбе, которая таилась в недрах буржуазной республики.

17 марта обнаружилось двусмысленное положение пролетариата, не допускавшее никаких решительных действий. Первоначальной целью его демонстрации было вернуть временное правительство на путь революции, заставить его в случае надобности исключить из своей среды буржуазных членов и отложить день выборов в Национальное собрание и в Национальную гвардию. Но 16 марта буржуазия, представленная в Национальной гвардии, устроила демонстрацию против временного правительства. С криками: «Долой Ледрю-Роллена!» она двинулась к ратуше. Это заставило народ кричать 17 марта: «Да здравствует Ледрю-Роллен, да здравствует временное правительство!» Чтобы дать *отпор* буржуазии, ему пришлось стать на сторону буржуазной республики, которая казалась ему в опасности. Он укрепил положение временного правительства, вместо того чтобы подчинить его себе. 17 марта разрешилось мелодраматической сценой. Правда, в этот день парижский пролетариат еще раз показал свое исплинское тело, но это лишь укрепило буржуазию — внутри временного правительства и вне его — в решении сломить пролетариат.

16 апреля было *недоразумением*, созданным временным правительством в союзе с буржуазией. На Марсовом поле и на ипподроме собрались в большом числе рабочие, чтобы обсудить предстоящие выборы в генеральный штаб Национальной гвардии. Вдруг с быстротой молнии по всему Парижу, с одного конца до другого, распространяется слух, будто на Марсовом поле под предводительством Луи Блана, Бланки, Кабэ и Распайля собрались вооруженные толпы рабочих с намерением двинуться на ратушу, свергнуть временное правительство и провозгласить коммунистическое правительство. Бьют всеобщий сбор, — впоследствии Ледрю-Роллен, Марраст и Ламартин оспаривали друг у друга честь этой инициативы, — и через час 100 000 человек стоят под ружьем,

ратуша занята Национальной гвардией, по всему Парижу гремит крик: «Долой коммунистов! Долой Луи Блана, Бланки, Распайля и Кабэ!» К временному правительству являются с выражением преданности бесчисленные депутаты, готовые спасти отечество и общество. Когда же, наконец, рабочие появляются перед ратушей, чтобы вручить временному правительству патриотический денежный сбор, устроенный на Марсовом поле, они, к своему удивлению, узнают, что буржуазный Париж только что одержал в фиктивной борьбе, обставленной величайшими предосторожностями, победу над их тенью. Ужасное покушение 16 апреля послужило предлогом для *возвращения армии в Париж*, — что собственно и было целью всей этой грубой комедии, — и для реакционных федералистских демонстраций в провинции.

4 мая собралось вышедшее из *прямых и всеобщих выборов Национальное собрание*. Всеобщее избирательное право не обладало той магической силой, которую приписывали ему республиканцы старого покроя. Во всей Франции или по крайней мере в большинстве французов они видели *citoyens* [граждан] с одинаковыми интересами, одинаковыми взглядами и т. д. Это был у них своего рода *культ народа*. Но выборы вместо их *воображаемого* народа обнаружили *действительный* народ, т. е. различные классы, на которые он распадается. Мы уже знаем, почему крестьяне и мелкая буржуазия шли на выборах за воинственно настроенной буржуазией и жаждавшими реставрации крупными землевладельцами. Однако если всеобщее избирательное право не было той волшебной палочкой, какой его считали простаки-республиканцы, то оно обладало другим, несравненно более высоким достоинством: оно связывало классовую борьбу, оно заставляло различных средние слои буржуазного общества быстро изживать свои иллюзии; оно сразу подняло на вершину государства все фракции эксплуатирующего класса, таким образом срывая с них их лживую маску, тогда как монархия с ее цензом компрометировала только определенные фракции буржуазии, позволяя другим прятаться за кулисами и окружать себя ореолом общей оппозиции.

В Учредительном национальном собрании, открывшемся 4 мая, преобладали *буржуазные республиканцы*, республиканцы «National'я». Даже легитимисты и орлеанисты сначала осмеливались выступать лишь под маской буржуазного республиканизма. Только во имя республики можно было начать борьбу против пролетариата.

С 4 мая, а не с 25 февраля надо считать начало республики, т. е. республики, признанной французским народом; это не та республика, которую парижский пролетариат навязал временному правительству, не республика с социальными учреждениями, не та мечта, которая носилась перед бойцами баррикад. Провозглашенная Национальным собранием, единственно законная рес-

публика была не революционным оружием против буржуазного строя, а, напротив, его политической реконструкцией, заново политически укреплявшей буржуазное общество, — одним словом, *буржуазной республикой*. Это утверждение раздалось с трибуны Национального собрания и нашло себе отклик во всей республиканской и антиреспубликанской буржуазной прессе.

И мы видели, что февральская республика действительно не была и не могла быть ничем иным, как *буржуазной республикой*, но что под непосредственным давлением пролетариата временное правительство принуждено было объявить ее *республикой с социальными учреждениями*; что парижский пролетариат не был еще в состоянии выйти из рамок буржуазной республики иначе, как в своих мечтаниях, в воображении, — в действительности же он всей своей деятельностью повсюду служил ей; что данные ему обещания сделались невыносимой опасностью для новой республики и все существование временного правительства свелось к беспрестанной борьбе с требованиями пролетариата.

В лице Национального собрания вся Франция явилась судьей парижского пролетариата. Собрание немедленно порвало со всеми социальными иллюзиями февральской революции и напрямик провозгласило *буржуазную республику*, и только буржуазную республику. Оно поспешило исключить из выбранной им Исполнительной комиссии представителей пролетариата — Луи Блана и Альбера; оно отклонило предложение учредить особое министерство труда и встретило бурными одобрениями слова министра Трелэ: «Теперь речь идет только о том, чтобы вернуть труд в его прежние условия».

Но всего этого было еще недостаточно. Февральская республика была завоевана рабочими при пассивной поддержке со стороны буржуазии. Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе и предъявляли несомерные требования победителя. Надо было победить их в уличной борьбе, надо было показать им, что они осуждены на поражение, когда сражаются не в союзе с буржуазией, а *против нее*. В свое время для февральской республики с ее уступками социализму понадобилась битва соединенного с буржуазией пролетариата против монархии; теперь нужна была вторая битва, чтобы освободить республику от сделанных ею уступок социализму, чтобы официально утвердить господство *буржуазной республики*. С оружием в руках буржуазия должна была отвергнуть требования пролетариата. Настоящей колыбелью буржуазной республики была не *февральская победа*, а *июньское поражение*.

Пролетариат ускорил развязку, ворвавшись 15 мая в Национальное собрание, сделав безуспешную попытку вернуть себе свое прежнее революционное влияние, — он достиг лишь того,

что его энергичные вожди попали в руки тюремщиков буржуазии¹. Il faut en finir! Надо положить этому конец! В этом возгласе выразилось твердое решение Национального собрания принудить пролетариат к решительной битве. Исполнительная комиссия издала ряд вызывающих декретов, как, например, запрещение народных скопищ и т. д. С трибуны Учредительного национального собрания раздавались открытые вызовы, издевательства и брань по адресу рабочих. Но главным пунктом для нападения были, как мы видели, Национальные мастерские. На них Учредительное собрание повелительно указало Исполнительной комиссии, которая только и ждала, чтобы Национальное собрание в форме приказа подтвердило ее собственный план.

Исполнительная комиссия начала с того, что затруднила доступ в Национальные мастерские, заменила поденную плату сдельной и удалила всех рабочих не-уроженцев Парижа в Солонь под предлогом якобы производящихся там земляных работ. Эти работы, — как объявили своим товарищам вернувшиеся оттуда разочарованные рабочие, — были только риторической формулой, которая должна была скрасить их изгнание. Наконец, 21 июня, в «Moniteur'e» появился декрет, приказывавший силой удалить из Национальных мастерских всех холостых рабочих или же зачислить их в армию.

У рабочих не было выбора: они должны были или умереть с голоду или начать борьбу. Они ответили 22 июня грандиозным восстанием — первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя. Покрывало, окутывавшее республику, было разорвано.

Известно, с каким беспримерным мужеством и с какой гениальностью рабочие, не имея вождей, не имея общего плана действий, не имея средств и большей частью оружия, целых пять дней держались против армии, мобилей, парижской Национальной гвардии и прибывших из провинции национальных гвардейцев. Известно, что буржуазия отомстила за пережитый ею смертельный страх неслыханными жестокостями и перебила свыше 3 000 пленных.

Официальные представители французской демократии находились под таким сильным влиянием республиканской идеологии, что лишь через несколько недель после июньской битвы стали догадываться о ее значении. Они были словно ошеломлены пороховым дымом, в котором рассеялась их фантастическая республика.

¹ В связи с событиями 15 мая 1848 г. были арестованы и брошены в Венсенскую тюрьму Барбес, Альбер, Распайль, Собрин, а через несколько дней и Бланки. *Ред.*

Читатель позволит нам передать словами «Новой Рейнской Газеты» непосредственное впечатление, произведенное на нас июньским поражением:

«Последний официальный остаток февральской революции — Исполнительная комиссия — разлетелся, как призрак, перед серьезностью события; фейерверк Ламартина превратился в артиллерийскую канонаду Кавеньяка. Вот оно — *fraternité*, братство противостоящих друг другу классов, из которых один эксплуатирует другой, это братство, возведенное в феврале, огромными буквами начертанное на челе Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме. Его истинным, неподдельным, прозаическим выражением является *гражданская война*, гражданская война в своем самом страшном обличии, — война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюминацию, в то время как Париж пролетариата сгорал в огне, испускал стоны, истекал кровью. Братство продолжалось ровно до того момента, покуда интересы буржуазии совпадали с интересами пролетариата.

Педанты старой революционной традиции 1793 г., социалистические доктринеры, которые просили для народа милостыню у буржуазии и которым дозволено было читать длинные проповеди и компрометировать себя, пока не удастся убаюкать пролетарского льва; республиканцы, помогавшие всего старого буржуазного порядка, но только без коронованного главы; династические оппозиционеры, которым случай преподнес вместо смены министерства крушение династии; легитимисты, стремившиеся не сбросить ливрею, а только изменить ее покррой, — таковы были союзники, с которыми народ совершил свой Февраль. Февральская революция была *красивой* революцией, революцией всеобщих симпатий, ибо противоречия, ярко обнаружившиеся в ней против королевской власти, ещё дремали мирно, рядышком, в *неразвернувшемся виде*, ибо социальная борьба, составлявшая их подкладку, вела пока лишь призрачное существование, существование фразы, слова. *Июньская революция*, напротив, — революция *отвратительная*, отталкивающая, потому что на место фразы выступило дело, потому что республика обнаружила голову самого чудовища, сбив с него маскировавшую и скрывавшую его корону. *Порядок!* — таков был боевой клич Гизо. *Порядок!* — кричал гизотист Себастиани, когда Варшава была взята русскими. *Порядок!* — кричит Кавеньяк, это грубое эхо французского Национального собрания и республиканской буржуазии. *Порядок!* — гремела его картечь, разрывая тело пролетариата. Ни одна из многочисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 г., не была покушением на *порядок*, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и *буржуазный порядок*, как бы часто ни менялась

политическая форма этого господства и этого рабства. Июнь по-
сегнул на этот *порядок*. Горе Июнью!» («Neue Rheinische Zeit-
tung», 29 июня 1848 г.)

Горе Июнью! — откликается европейское эхо.

Буржуазия *принудила* парижский пролетариат к июньскому
восстанию. Уже одно это обстоятельство осудило его на неудачу.
Не непосредственная, осознанная потребность толкнула проле-
тариат на этот шаг, заставила его стремиться к насильственному
низвержению буржуазии; да он еще и не был в силах справиться
с этой задачей. «Moniteur» должен был официально заявить ему,
что прошло время, когда республика находила нужным расшар-
киваться перед его иллюзиями, и только поражение его открыло
ему ту истину, что малейшее улучшение его положения *в рамках*
буржуазной республики остается *утопией* и что эта утопия ста-
новится преступлением при первой попытке осуществить ее. Тогда
на место требований, удовлетворение которых пролетариат хотел
вырвать у февральской республики, требований чрезмерных по
форме, но мелочных и даже буржуазных по существу, выступил
смелый революционный боевой лозунг: *Низвержение буржуазии!*
Диктатура рабочего класса!

Превратив свою могилу в колыбель *буржуазной республики*,
пролетариат заставил ее в то же время выступить в своем чистом
виде как государство, признанная задача которого — увековечить
господство капитала и рабство труда. Имея всегда перед глазами
покрытого рубцами, непримиримого, непобедимого врага, — непо-
бедимого потому, что его существование является жизненной по-
требностью самой буржуазии, — господство буржуазии, освобо-
жденное от всех оков, должно было немедленно превратиться
в *терроризм буржуазии*. После того как пролетариат на время
сошел со сцены и официально была провозглашена диктатура
буржуазии, средние слои буржуазного общества — мелкая бур-
жуазия и крестьянство — должны были начать все теснее при-
мыкать к пролетариату, по мере того как ухудшалось их положе-
ние и обострялся антагонизм между ними и буржуазией. Как
раньше они видели причину своих бедствий в усилении проле-
тариата, так теперь они должны были ее видеть в его поражении.

Если июньское восстание подняло повсюду на континенте
самосознание буржуазии и побудило ее вступить в открытый союз
с феодальной монархией против народа, то кто же был первой
жертвой этого союза? Сама же континентальная буржуазия.
Июньское поражение помешало ей укрепить свое господство и
удержать народ полуудовлетворенным, полуразочарованным на
самой низшей ступени буржуазной революции.

Наконец, июньское поражение открыло деспотическим держа-
вам Европы ту тайну, что Франции необходимо во что бы то ни
стало сохранять мир с соседями, чтобы быть в состоянии вести

гражданскую войну у себя дома. Это отдало во власть России, Австрии и Пруссии народы, начавшие борьбу за свою национальную независимость, но в то же время судьба этих национальных революций была поставлена в зависимость от судьбы пролетарской революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота. Ни венгерец, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!

Наконец, победы Священного союза так перекроили Европу, что всякое новое пролетарское восстание во Франции неминуемо повлечет за собой *мировую войну*. Новая французская революция принуждена будет сейчас же покинуть национальную почву и *завоевать себе европейскую арену*, на которой только и может быть осуществлена социальная революция XIX столетия.

Итак, только июньское поражение создало те условия, при которых Франция может взять на себя *инициативу* европейской революции. Только окупившись в кровь *июньских инсургенентов*, трехцветное знамя превратилось в знамя европейской революции — *в красное знамя*.

И мы восклицаем: *Революция умерла, да здравствует революция!*

[Лондон, январь 1850 г.]

II. ОТ ИЮНЯ 1848 Г. ДО 13 ИЮНЯ 1849 Г.

25 февраля 1848 г. дало Франции *республику*, 25 июня навязало ей *революцию*. А после июня революция означала: *ниспровержение буржуазного общества*, тогда как до февраля она означала: *ниспровержение государственной формы*.

Июньскую борьбу вела *республиканская* фракция буржуазии, победа естественно отдала власть в ее руки. Осадное положение положило к ее стопам связанный юо рукам и ногам, неспособный к сопротивлению Париж, а в провинциях царил моральная атмосфера осадного положения, грозный и грубый задор торжествующей победу буржуазии и разнузданный собственнический фанатизм крестьян. Итак, *снизу* не угрожало никакой опасности!

Вместе с революционной силой рабочих было сокрушено политическое влияние *демократических*, т. е. *мелкобуржуазных, республиканцев*, представителями которых в Исполнительной комиссии был Ледрю-Роллен, в Учредительном собрании — партия Горы, в прессе — «*Réforme*». Они вместе с буржуазными республиканцами организовали 16 апреля заговор против пролетариата, вместе с ними сражались против него в июньские дни. Таким образом, они сами подорвали ту основу, на которой покоилась сила их партии, так как мелкая буржуазия может только до тех пор выступать революционно против буржуазии, пока она опирается на пролетариат. Они получили отставку. Буржуазные республиканцы открыто порвали тот фиктивный союз, который они

против воли и с задней мыслью заключили с ними в период временного правительства и Исполнительной комиссии. Презрительно отвергнутые как союзники, демократические республиканцы опустились до роли телохранителей трехцветных республиканцев, причем они не могли добиться от них ни единой уступки, но должны были защищать их господство каждый раз, когда ему, а вместе с тем и республике грозила, казалось, опасность со стороны антиреспубликанских фракций буржуазии. Наконец, эти фракции, орлеанисты и легитимисты, с самого начала находились в Учредительном собрании в меньшинстве. До июньских дней они даже не осмеливались выступать иначе, как под маской буржуазного республиканизма; июньская победа на мгновение объединила всю буржуазную Францию вокруг Кавеньяка, в котором она приветствовала своего спасителя, а когда вскоре после июньских дней антиреспубликанская партия снова выступила самостоятельно, военная диктатура и осадное положение в Париже позволили ей лишь робко и осторожно выпускать свои шупальцы.

С 1830 г. фракция *буржуазных республиканцев* группировалась в лице своих писателей, ораторов и талантов, в лице своих честолюбцев, депутатов, генералов, банкиров и адвокатов вокруг парижской газеты «National». В провинции «National» имел свои филиальные газеты. Клика «National'я» была *династией трехцветной республики*. Она сейчас же овладела всеми государственными постами — министерствами, полицейской префектурой, дирекцией почт, местами префектов и сделавшимися вакантными высшими офицерскими постами в армии. Во главе исполнительной власти стоял ее генерал Кавеньяк; ее главный редактор Марраст сделался бессменным председателем Учредительного национального собрания. Вместе с тем на своих приемах он, как церемониймейстер, исполнял долг гостеприимства от лица «добропорядочной» республики.

Даже революционные французские писатели, из своего рода благоговения перед республиканской традицией, укрепили ложное мнение, будто в Учредительном собрании господствовали роялисты. Напротив, с июньских дней Учредительное собрание оставалось *исключительно представителем буржуазного республиканизма*, и оно тем решительнее выставляло свой республиканизм, чем ниже падало влияние трехцветных республиканцев вне Собрания. Когда дело шло о том, чтобы отстаивать *форму* буржуазной республики, оно располагало голосами демократических республиканцев; когда же речь шла об отстаивании содержания ее, то даже по стилю речи это Собрание не отличалось от роялистских фракций буржуазии, потому что именно интересы буржуазии, материальные условия ее классового господства и классовой эксплуатации, составляют содержание буржуазной республики.

Итак, не роялизм, а буржуазный республиканизм воплотился в жизни и деятельности этого Учредительного собрания, которое в конце концов не умерло и не было убито, а просто сгнило.

Во все время господства Учредительного собрания, пока оно разыгрывало на авансцене лицедейство для почтеннейшей публики, на заднем плане происходило непрерывное жертвоприношение — бесконечные приговоры военно-полевых судов пленным июньским инсургентам или ссылка их без суда. Учредительное собрание имело такт признаться, что в июньских инсургентах оно не судит преступников, а уничтожает врагов.

Первым делом Учредительного собрания было учреждение *следственной комиссии* о событиях июньских дней и 15 мая и об участии, которое принимали в них вожди социалистической и демократической партий. Следствие было направлено прямо против Луи Блана, Ледрю-Роллена и Коссидьера. Буржуазные республиканцы горели нетерпением освободиться от этих соперников. Для приведения в исполнение своей мести они не могли найти более подходящего субъекта, чем г. *Одилон Барро*, бывший вождь династической оппозиции. Этому воплощению либерализма, этому напыщенному ничтожеству (*nullité grave*), этому тяжеловесному пустомеле хотелось не только отомстить за династию, но, кроме того, привлечь революционеров к ответу за ускользнувшее от него место первого министра. Надежная гарантия его беспощадности! Этот-то Барро и был назначен председателем следственной комиссии, и он создал настоящее дело против февральской революции, которая сводилась у него к следующему: 17 марта — *манифестация*, 16 апреля — *заговор*, 15 мая — *покушение*, 23 июня — *гражданская война*! Отчего он не довел своих ученых криминалистических изысканий до 24 февраля? «*Journal des Débats*» дал ответ на это: 24 февраля это своего рода *основание Рима*. Происхождение государства теряется в области мифов, которые надо принимать на веру, которые нельзя обсуждать. Луи Блан и Коссидьер были преданы суду. Национальное собрание завершило дело своего собственного очищения, начатое им 15 мая.

Намеченный временным правительством и опять выдвинутый Гудшо план обложения капитала — в форме налога на ипотеки — был отвергнут Учредительным собранием; закон, ограничивающий рабочий день десятью часами, был отменен; снова введено было тюремное заключение за долги; неграмотные, составляющие значительную часть населения Франции, были отстранены от участия в суде присяжных. Отчего бы заодно не лишить их также избирательного права? Снова был введен залог для газет, право союзов было ограничено.

Но в своей торопливости вернуть старым буржуазным отношениям их старые гарантии и уничтожить все следы, оставленные революционными волнами, буржуазные республиканцы

натолкнулись на сопротивление, которое грозило им неожиданной опасностью.

В июньские дни никто с таким фанатизмом не боролся за спасение собственности и восстановление кредита, как парижская мелкая буржуазия — держатели кафе и ресторанов, виноторговцы, мелкие купцы, лавочники, ремесленники и пр. Лавочка всполошилась и двинулась против баррикады, чтобы восстановить движение, ведущее с улицы в лавочку. Но за баррикадой находились покупатели и должники лавочника, перед ней — его кредиторы. И когда баррикады были разрушены, рабочие разбиты, когда лавочники в опьянении победы бросились назад к своим лавкам, вход туда оказался забаррикадированным спасителем собственности, официальным агентом кредита, который встретил их грозными повестками. Вексель просрочен! Просрочена плата за квартиру! Просрочена долговая расписка!... Пропала лавочка! Пропал лавочник!

Спасение собственности! Но дом, в котором они жили, не был их собственностью; лавки, в которых они торговали, не были их собственностью; товары, которые они сбывали, не были их собственностью. Ни их лавка, ни тарелка, из которой они ели, ни кровать, на которой они спали, уже не принадлежали им. Именно против них самих надлежало *спасать эту собственность*, — для домовладельца, который отдал им в наем свой дом, для банкира, который учел их векселя, для капиталиста, который ссудил их паличными, для фабриканта, который доверил лавочникам свои товары для продажи, для оптового торговца, который отпустил ремесленникам в кредит сырой материал. *Восстановление кредита!* Но снова окрепший кредит проявил себя как живое и мстительное божество прежде всего тем, что выгнал несостоятельного должника из его жилища, выгнал его вместе с женой и детьми, отдал его иллюзорное имущество капиталу, а его самого бросил в долговую тюрьму, которая снова грозно воздвиглась над трупами июньских инсургентов.

Мелкая буржуазия в ужасе поняла, что, разбив рабочих, она без сопротивления предала себя в руки своих кредиторов. Ее банкротство, которое хронически тянулось с февраля и которому, казалось, не придавали значения, теперь, после июня, было официально объявлено.

Ее номинальную собственность оставляли в покое до тех пор, пока надо было гнать ее на борьбу во имя собственности. Теперь, когда крупное дело, касающееся пролетариата, было урегулировано, можно было свести и мелкие счета с лавочником. В Париже просроченных векселей было на сумму свыше 21 миллиона франков, в провинциях — свыше 11 миллионов. Владельцы более 7 000 торговых заведений в Париже не платили за наем помещений с февраля.

Если Национальное собрание назначило расследование о *политическом преступлении*, начиная с февраля, то мелкая буржуа-

зия, со своей стороны, потребовала расследования о *гражданских долгах* до 24 февраля¹. Мелкие буржуа собрались в большом числе в зале биржи и с угрозами заявили свои требования: каждый купец, доказавший, что он стал банкротом только вследствие вызванного революцией застоя в делах и что к 24 февраля его дела находились в хорошем положении, должен получить через посредство коммерческого суда отсрочку своего долга, а кредитор обязан ликвидировать свой иск за уплату умеренных процентов. Этот вопрос обсуждался в Национальном собрании в форме законопроекта о так называемых *concordats à l'amiable* [полюбовных сделках]. Собрание колебалось; вдруг оно узнало, что в это самое время у ворот Сен-Дени тысячи жен и детей инсургентов готовят петицию об амнистии.

В присутствии воскресшего июньского призрака мелкая буржуазия затрепетала, а Собрание снова стало неумолимым. Полюбовные сделки между кредитором и должником были отвергнуты в существеннейших пунктах.

Таким образом, после того как республиканские представители буржуазии в Национальном собрании давно уже оттолкнули от себя демократических представителей мелкой буржуазии, этот парламентский разрыв получил буржуазный, реально-экономический смысл: мелкие буржуа-должники отданы были на произвол буржуа-кредиторов. Значительная часть этих должников совершенно разорилась, остальным дозволено было продолжать свои дела при условиях, которые делали их безусловными рабами капитала. 22 августа 1848 г. Национальное собрание отвергло *concordats à l'amiable*, 19 сентября 1848 г., во время осадного положения, принц Луи Бонапарт и венсенский узник, коммунист Распайль, были выбраны представителями Парижа. Буржуазия же выбрала ростовщика — банкира и орлеаниста Фульда. Итак, со всех сторон сразу была объявлена открытая война Учредительному национальному собранию, буржуазному республиканизму и Кавеньяку.

Само собой понятно, что массовые банкротства парижских мелких буржуа должны были распространить свое влияние далеко за пределы непосредственно потерпевших и снова потрясти буржуазный товарооборот, между тем как издержки по июньскому восстанию еще более увеличили государственный дефицит, а государственные доходы все падали вследствие застоя в производстве, сокращения потребления и ввоза. Кавеньяк и Национальное собрание могли искать выход только в новом займе, который еще туже стягивал над ними ярмо финансовой аристократии.

Если мелкой буржуазии достались от июньской победы только банкротство и продажа с молотка, то *мобильная гвардия*, эти яны-

¹ Игра слов: *politische Schuld* — *bürgerliche Schulden*. *Ред.*

чары Кавеньяка, нашли себе вознаграждение в нежных объятиях лореток и в приветствиях, которыми осыпали «юных спасителей общества» в салонах Марраста, этого рыцаря трехцветного знамени, игравшего одновременно роль амфиотриона и трубадура «добропорядочной» республики. Но это предпочтение со стороны общества к мобилиям и их несоразмерно высокое жалованье озлобляло армию; в то же время исчезли все национальные иллюзии, которыми буржуазный республиканизм, при помощи своей газеты «National», сумел привязать к себе при Луи-Филиппе часть армии и крестьянства. Посредническая роль, которую сыграли Кавеньяк и Национальное собрание в *северной Италии*, предав ее сообщая с Англией Австрии, — один этот день нахождения у власти уничтожил результаты 18 лет оппозиции «National'я». Ни одно правительство не было так мало национально, как правительство «National'я», ни одно не зависело в такой степени от Англии, а между тем при Луи-Филиппе «National» жил перефразированием изо дня в день катоповского Carthaginem esse delendam [Карфаген должен быть разрушен]; ни одно правительство не пресмыкалось так низко перед Священным союзом, тогда как от какого-нибудь Гизо «National» требовал разрыва венских трактатов. Ирония истории сделала Бастида, экс-редактора иностранного отдела в «National'е», министром иностранных дел Франции для того, чтобы он каждую свою статью опровергал каждой своей депешей.

Один момент армия и крестьянство верили, что военная диктатура поставит для Франции в порядок дня внешнюю войну и «gloire» [славу]. Но Кавеньяк олицетворял собою не диктатуру сабли над буржуазным обществом, а диктатуру буржуазии при помощи сабли. Солдат нужен был теперь только в роли жандарма. Под строгой маской древне-республиканской скромности Кавеньяк скрывал пошлое подчинение унижительным условиям своей буржуазной должности. L'argent n'a pas de maître! [Деньги не знают господина!] Кавеньяк и Учредительное собрание идеализировали этот старый девиз третьего сословия, переводя его на язык политики словами: буржуазия не знает короля, истинная форма ее господства есть республика.

В выработке этой *формы*, в выработке республиканской *конституции* должна была заключаться «великая органическая работа» Учредительного собрания. Если бы переименовать христианский календарь в республиканский, святого Варфоломея — в святого Робеспьера, то погода от этого изменилась бы столь же мало, сколь мало эта конституция изменила или должна была изменить буржуазное общество. Где дело шло дальше *перемены костюма*, она просто заносила в протокол *уже существующие* факты. Так, она торжественно регистрировала факт установления республики, факт всеобщего избирательного права, факт единого суверенного Национального собрания вместо двух ограниченных кон-

ституционных палат. Так, она зарегистрировала и узаконила факт диктатуры Кавеньяка, заменив постоянную, неотвественную, наследственную королевскую власть преходящей, ответственной и избирательной королевской властью — чытырехлетним президентством. Далее, она не преминула возвести в степень основного закона ту чрезвычайную власть, которою после ужасов 15 мая и 25 июня Национальное собрание предусмотрительно наделило своего председателя в интересах своей собственной безопасности. Остальное в конституции было делом терминологии. С механизма старой монархии были сорваны роялистские ярлычки, и па их место приклеены республиканские. Марраст, бывший главный редактор «National'я», а теперь главный редактор конституции, не без таланта справился с этой академической задачей.

Учредительное собрание напоминало того чилийского чиновника, который собрался межевать землю для более точного разграничения земельной собственности в то самое мгновение, когда подземный гул возвестил уже вулканическое извержение, которому суждено было вырвать из-под его ног эту землю. В то время как в теории оно вырабатывало точные формы для республиканского выражения господства буржуазии, в действительности оно держалось только отрицанием всяких формул, силой *sans phrase* [голой силой], помощью *осадного положения*. За два дня перед тем, как начать выработку конституции, оно продлило срок осадного положения. В прежнее время конституции составлялись и вотиrowались тогда, когда процесс общественного переворота приходил в равновесие, когда окончательно устанавливались новые классовые отношения и борющиеся фракции господствующего класса прибегали к компромиссу, который позволял им продолжать между собой борьбу и вместе с тем отстранить от нее изнемогшую народную массу. Эта же конституция не санкционировала никакой социальной революции; она санкционировала временную победу старого общества над революцией.

В первом проекте конституции, составленном до июньских дней, еще упоминалось «*droit au travail*», право *на труд*, эта первая неуклюжая формула, в которой резюмируются революционные требования пролетариата. Теперь она превратилась в «*droit à l'assistance*», в право на общественную благотворительность, — а какое же современное государство не кормит так или иначе своих нищих? Право на труд в буржуазном смысле есть бессмыслица, жалкое благочестивое пожелание, но за правом на труд стоит власть над капиталом, а за властью над капиталом — присвоение средств производства, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно отмена наемного труда, капитала и их взаимоотношения. За «*правом на труд*» стояло июньское восстание. Учредительное собрание, которое фактически поставило

революционный пролетариат *hors la loi*, вне закона, должно было принципиально выкинуть *его* формулу из конституции, из этого закона законов, и предать анафеме «право на труд». Но на этом оно не остановилось. Как Платон из своей республики изгнал поэтов, так оно на вечные времена изгнало из своей республики *прогрессивный подоходный налог*. А между тем этот налог не только является вполне буржуазной мерой, осуществимой в большем или меньшем масштабе в рамках существующих производственных отношений, — он был единственным средством привязать средние слои буржуазного общества к «добропорядочной» республике, уменьшить государственный долг и дать отпор антиреспубликанскому большинству буржуазии.

Отвергнув *concordats à l'amiable*, трехцветные республиканцы фактически пожертвовали мелкой буржуазией в угоду крупной. Этот единичный факт они возвели в принцип, проведя в законодательной форме запрещение прогрессивного подоходного налога. Они поставили буржуазную реформу на одну доску с пролетарской революцией. Какой же класс оставался после этого опорой их республики? Крупная буржуазия. Но большинство ее было антиреспубликанским. Если она пользовалась республиканцами «*National'я*», чтобы снова упрочить старые экономические отношения, то, с другой стороны, она собиралась воспользоваться упрочением старых общественных отношений, чтобы восстановить соответствующие им политические формы. Уже в начале октября Кавеньяк увидел себя вынужденным назначить министрами республики Дюфора и Вивьена, бывших министров Луи-Филиппа, несмотря на весь шум и крик, поднятый безмозглыми пуританами его собственной партии.

Отвергнув всякий компромисс с мелкой буржуазией и не сумев привязать к новой государственной форме никаких новых общественных элементов, трехцветная конституция зато поспешила возвратить традиционную неприкосновенность той корпорации, которая была самым заклатым и самым фанатичным защитником старого строя. Она сделала основным законом конституции *несменяемость судей*, на которую посягнуло было временное правительство. Один король, которого она низвергла, тысячекратно воскрес в этих несменяемых инквизиторах законности.

Французская печать выяснила многочисленные противоречия конституции г. Марраста, например одновременное существование двух суверенов — Национального собрания и президента и т. д. и т. д.

Но главное противоречие этой конституции заключается в следующем: посредством всеобщего избирательного права она отдает политическую власть в руки тех самых классов, социальное рабство которых она должна увековечить, — в руки пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии. А тот класс, чью старую со-

циальную власть она санкционирует, — буржуазию — она лишает политических гарантий этой власти. Политическое господство буржуазии втиснуто ею в демократические рамки, которые ведут к победе противников буржуазии и ставят на карту самые основы буржуазного строя. От одних она требует, чтобы от политического освобождения они не шли вперед к социальному, от других — чтобы от социальной реставрации они не шли назад к политической.

Буржуазным республиканцам было мало дела до этих противоречий. По мере того как они переставали быть *необходимыми*, — а они были необходимы лишь как авангард старого общества в его борьбе против революционного пролетариата, — через несколько недель после своей победы, они перестали быть *партией* и опустились до положения *клики*. Конституция была для них крупной *интригой*. Она должна была прежде всего установить господство их клики. Президентом должен был оставаться Кавеньяк. Законодательное собрание должно было быть продолжением Учредительного. Политическую мощь народных масс они надеялись свести к фикции; они рассчитывали даже, что смогут легко играть этой фикцией и постоянно держать в страхе буржуазное большинство, поставив перед ним дилемму июньских дней: *царство «National'я» или царство анархии*.

Начатая 4 сентября учредительная работа была окончена 23 октября. 2 сентября Учредительное собрание решило заседать до тех пор, пока не будут изданы органические, дополняющие конституцию законы. Тем не менее оно решилось призвать к жизни свое собственное детище, президента, уже с 10 декабря, задолго до конца своего собственного жизненного поприща. Так было оно уверено в том, что будет приветствовать в лице гомункула конституции сына его матери. Из предосторожности было решено, что, если ни один из кандидатов не получит двух миллионов голосов, право выборов переходит от нации к Учредительному собранию.

Напрасная заботливость! Первый день применения конституции был последним днем господства Конституанты [Учредительного собрания]. В глубине избирательной урны лежал ее смертный приговор. Она искала «сына своей матери», а нашла «племянника своего дяди». Саул-Кавеньяк добился миллиона голосов, Давид-Наполеон — шести миллионов. Шестикратно был разбит Саул-Кавеньяк.

10 декабря 1848 г. было днем *крестьянского восстания*. Лишь с этого дня начался Февраль для французских крестьян. Символ, выразивший их вступление в революционное движение, неуклюже-лукавый, паивно-плутовской, идиотски-возвышенный, расчетливое суеверие, патетический фарс, гениально-пелепый анахронизм, озорная шутка всемирной истории, непонятный иероглиф для цивили-

лизованного ума, — этот символ явно носил печать того класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика заявила ему о своем существовании фигурой *борщика податей*, он заявил ей о своем существовании фигурой *императора*. Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе исчерпывающее выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса. Написав его имя на фронтоне республики, крестьянство этим самым объявляло войну иностранным государствам и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательным урнам, восклицая: «Plus d'impôts, à bas les riches, à bas la république, vive l'Empereur!» [«Долой подати, долой богачей, долой республику, да здравствует император!»] За спиной императора скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, была *республика богачей*.

10 декабря было крестьянским *coup d'état* [государственным переворотом], свергнувшим существующее правительство. С этого дня, когда крестьяне отняли у Франции одно правительство и дали ей другое, их взоры постоянно направлены были на Париж. Они выступили на миг действующими лицами революционной драмы, и после этого нельзя было более навязывать им пассивную и бездеятельную роль хора.

Остальные классы помогли довершить избирательную победу крестьянства. *Пролетариат* видел в выборе Наполеона прежде всего конец Кавеньяка и Учредительного собрания, ликвидацию буржуазного республиканизма, — это была для него кассация июньской победы. Для *мелкой буржуазии* выбор Наполеона означал торжество должников над кредиторами. Для большинства *крупной буржуазии* он был открытым разрывом с той фракцией, которая на время послужила этому большинству орудием против революции, но стала большинству крупной буржуазии в тягость с тех пор, как оно захотело закрепить временное положение конституцией. Наполеон вместо Кавеньяка — это означало для большинства крупной буржуазии монархию вместо республики, начало роялистского реставрации, робкий кивок в сторону герцога Орлеанского, спрятанную между фиалками лилию¹. Наконец, *армия*, выбирая Наполеона, голосовала против мобильной гвардии, против идиллии мира, за войну.

Таким образом, как выразилась «Новая Рейнская Газета», самый недалекий человек Франции получил самое многостороннее значение. Именно потому, что он был ничем, он мог означать все, — только не самого себя. Однако, хотя имя Наполеона имело различный смысл в устах различных классов, все они написали вместе

† Эмблема легитимной монархии Бурбонов. *Ред.*

с этим именем на своем избирательном бюллетене: «Долой партию «National'я», долой Кавеньяка, долой Учредительное собрание, долой буржуазную республику!» Министр Дюфор открыто заявил это в Учредительном собрании: «10 декабря есть второе 24 февраля».

Мелкая буржуазия и пролетариат голосовали *en bloc* [все вместе] за Наполеона для того, чтобы голосовать *против* Кавеньяка и, сосредоточив все голоса на одном кандидате, не дать Учредительному собранию возможности окончательного решения. Однако наиболее передовая часть обоих этих классов выставила собственных кандидатов. Наполеон был *парицательным* именем всех партий, соединившихся против республики, *Ледрю-Роллен* и *Распайль* были *именами собственными*, первый — демократического мещанства, второй — революционного пролетариата. Голосование за Распайля — так объявили во всеуслышание рабочие и их социалистические вожди — носило характер лишь демонстрации; оно было массовым протестом против всякого президентства вообще, т. е. против самой конституции; вместе с тем это было голосованием против Ледрю-Роллена; это был первый акт, в котором выразилось отделение пролетариата, как самостоятельной политической партии, от демократической партии. Напротив, эта последняя партия — демократическое мещанство и его представительница в парламенте, Гора — отнеслась к кандидатуре Ледрю-Роллена с той полной серьезностью, с которой она имеет торжественное обыкновение дурачить самое себя. Это, впрочем, была ее последняя попытка выступить самостоятельно наряду с пролетариатом. Не только партия республиканской буржуазии, но и демократическое мещанство с его Горой были разбиты 10 декабря.

Рядом с *Горой* Франция имела теперь *Наполеона* — доказательство, что и та и другой были лишь безжизненными карикатурами великих явлений действительности, имена которых они носили. Луи-Наполеон со своим императорским орлом и треуголкой был такой же жалкой пародией на старого Наполеона, как Гора со своими демократическими позами и заимствованными у 1793 г. фразами — пародией на старую Гору. Таким образом, традиционному суеверию по отношению к 1793 г. был положен конец одновременно с крахом традиционного суеверия по отношению к Наполеону. Революция стала самой собой лишь тогда, когда получила свое *собственное, оригинальное* имя, а это сделалось возможным лишь тогда, когда на первый план ее властно выступил новый революционный класс — промышленный пролетариат. Можно сказать, что 10 декабря уже потому было сюрпризом для партии Горы и сбило ее с толку, что грубая крестьянская шутка со смехом оборвала классическую аналогию со старой революцией.

20 декабря Кавеньяк сложил с себя свою должность, и Учреди-

тельное собрание провозгласило Луи-Наполеона президентом республики. 19 декабря, в последний день своего единодержавия, оно отвергло предложение об амнистии для июньских инсургентов. Аннулировать декрет 27 июня, которым оно без суда приговорило к ссылке 15 000 инсургентов, — не значило ли это отречься от самой июньской бойни?

Одилон Барро, последний министр Луи-Филиппа, стал первым министром Луи-Наполеона. Как Луи-Наполеон считал начало своей власти не с 10 декабря, а с сенатского постановления 1806 г., так он нашел себе первого министра, который тоже считал начало своего министерства не с 20 декабря, а с королевского декрета 24 февраля. В качестве законного наследника Луи-Филиппа, Луи-Наполеон смягчил перемену правительства, сохранив старое министерство, которое к тому же не имело еще времени износиться, так как оно не успело еще появиться на свет.

Этот выбор подсказали ему вожди роялистских фракций буржуазии. Глава старой династической оппозиции, бессознательно послуживший переходной ступенью к республиканцам «National'я», еще более подходил к тому, чтобы с полной сознательностью послужить мостом от буржуазной республики к монархии.

Одилон Барро был вождем единственной старой оппозиционной партии, которая, безуспешно добиваясь все время министерского портфеля, не успела еще окончательно себя скомпрометировать. Быстро одну за другой революция поднимала на вершину государства все старые оппозиционные партии, чтобы они вынуждены были не только на деле, но и на словах отказаться, отречься от своих старых фраз и в конце концов были выброшены народом все вместе, в виде сплошного отвратительного месива, на мусорную свалку истории. И Барро, это воплощение буржуазного либерализма, восемнадцать лет подряд скрывавший свою внутреннюю подлость и пустоту под внешним важничаньем, не миновал ни одной ступени ренегатства. Если временами его самого пугал слишком уж резкий контраст между терниями настоящего и лаврами прошлого, ему стоило только посмотреть в зеркало — и к нему снова возвращались его министерское самообладание и человеческое самопоклонение. В зеркале сияла перед ним физиономия Гизо — Гизо, которому он всегда завидовал, который постоянно третирует его, как школьника, — самого Гизо, по с олимпийским челом Одилона. Одного только он не замечал на себе — ушей Мидаса ¹.

Барро 24 февраля показал себя лишь в Барро 20 декабря; к нему, орлеанисту и вольтерьянцу, присоединился в качестве министра вероисповеданий легитимист и иезуит Фаллу.

¹ *Мидас* — легендарный фригийский царь. По древнему преданию, при музыкальном состязании Аполлона с Паном Мидас отдал предпочтение Пану, за что разгневанный Аполлон наградил его ослиными ушами; отсюда «уши Мидаса». *Ред.*

Несколько дней спустя министерство внутренних дел было отдано мальтузианцу Леону Фоше. Право, религия, политическая экономия! В министерстве Барро все это было, и кроме того оно соединило легитимистов с орлеанистами. Недоставало только бонапартиста. Бонапарт еще скрывал свои претензии на роль Наполеона, потому что Сулук¹ еще не разыгрывал из себя Туссэна Лувретьора².

Партия «National'я» тотчас же была устранена со всех высших постов, куда она успела забраться. Полицейская префектура, дирекция почт, должность генерального прокурора, мэрия Парижа — все досталось старым ставленникам монархии. Легитимист Шангарнье стал общим главнокомандующим Национальной гвардии Сеиского департамента, мобильной гвардии и линейных войск первой армейской дивизии; орлеанист Бюжо был назначен главнокомандующим альпийской армии. Эта смена должностных лиц продолжалась без перерыва во время министерства Барро. Первым делом его министерства была реставрация старой роялистской администрации. В один миг преобразилась вся официальная сцена — кулисы, костюмы, язык, актеры, фигуранты, статисты, суфлеры, позиция партий, движущие силы драмы, сущность коллизии, вся обстановка. Только возникшее до сотворения мира Учредительное собрание оставалось еще на своем месте. Но с того момента, когда Национальное собрание водворило на посту Бонапарта, Бонапарт — Барро, а Барро — Шангарнье, Франция перешла из периода учреждения республики в период учрежденной республики. И к чему было это Учредительное собрание в уже учрежденной республике? Когда сотворена была земля, ее творцу не осталось ничего другого, как бежать на небо. Учредительное собрание твердо решилось не следовать его примеру, Национальное собрание было последним убежищем партии буржуазных республиканцев. Если у него были отняты все рычаги исполнительной власти, то не оставалось ли у него в руках всемогущество учредительной власти? Первой его мыслью было во что бы то ни стало удержаться за собой свой державный пост и с его помощью вернуть себе потерянные позиции. Стоит только свергнуть министерство Барро и заменить его министерством «National'я», и тогда роялистские чиновники немедленно должны будут очистить присутственные места, а трехцветный персонал с триумфом вернется обратно.

¹ *Сулук* — президент негритянской республики Гаити, который, подражая Наполеону I, в 1850 г. приказал провозгласить себя императором, окружил себя целым штабом негритянских маршалов и генералов, устроил двор по французскому образцу и во всем старался копировать Наполеона. Французская народная масса остроумно подметила сходство, дав Луи Бонапарту прозвище «французского Сулука». *Ред.*

² *Туссэн Лувретьор* (1743—1803) — вождь восставших негров в Сан-Доминго в 1796—1802 гг.; был взят в плен французскими войсками и умер в форте Жу. *Ред.*

Национальное собрание решило свергнуть министерство, и министерство само дало ему случай для нападения, удобнее которого Конституанта не могла бы и придумать.

Вспомним, что для крестьян имя Бонапарта означало: долой подати! Шесть дней сидел он на президентском кресле, а на седьмой, 27 декабря, его министерство предложило *сохранить налог на соль*, отмененный декретом временного правительства. Налог на соль делит с налогом на вино привилегию быть козлом отпущения старой финансовой системы Франции, в особенности в глазах сельского населения. Крестьянскому избраннику министерство Барро не могло подсказать более едкой эпиграммы на его избирателей, чем слова: «*восстановление налога на соль*». С налогом на соль Бонапарт потерял свою революционную соль, — Наполеон крестьянского восстания расплылся, как туманный призрак, осталась только загадочная фигура роялистски-буржуазной интриги. И не без умысла министерство Барро сделало этот бестактный акт грубого разрушения иллюзии первым правительственным актом президента.

С своей стороны, Конституанта с радостью ухватилась за двойную возможность — свергнуть министерство и выступить против крестьянского избранника в роли защитницы крестьянских интересов. Она отвергла предложение министра финансов, уменьшила соляной налог до одной трети его прежней величины, увеличив таким образом на 60 миллионов государственный дефицит в 560 миллионов, и после этого *вотума недоверия* спокойно ожидала отставки министерства. Вот как мало понимала она окружающий ее новый мир и свое собственное изменившееся положение. За министерством стоял президент, а за президентом — шесть миллионов избирателей, каждый из которых положил в избирательную урну вотум недоверия Конституанте. Конституанта вернула нации ее вотум недоверия. Смешной обмен! Конституанта забыла, что ее вотумы потеряли принудительный курс. Отвергнув налог на соль, она лишь укрепила решение Бонапарта и его министров «*покопчить*» с нею. Начался долгий поединок, который заполняет собой всю последнюю половину ее существования. 29 января, 21 марта, 8 мая были большими днями этого кризиса, предвестниками 13 июня.

Французы, — например Луи Блан, — видели в 29 января проявление конституционного противоречия между суверенным, не подлежащим роспуску Национальным собранием, порожденным всеобщим избирательным правом, и президентом, который на бумаге ответственен перед Собранием, а на самом деле, точно так же как Собрание, санкционирован всеобщей подачей голосов, — даже более того: соединяет в себе одном все те голоса, которые распределены и стократно раздроблены между отдельными членами Собрания; к тому же в руках президента находится вся исполни-

тельная власть, над которой Национальное собрание витает лишь в качестве моральной силы. Это толкование событий 29 января смешивает словесную форму борьбы в парламенте, в печати, в клубах с ее действительным содержанием. Луи Бонапарт и Учредительное национальное собрание вовсе не были отдельными, противостоящими друг другу односторонними органами одной и той же конституционной власти. Бонапарт не был исполнителем власти, противостоящей власти законодательной. Бонапарт — это была сама уже учрежденная буржуазная республика, противостоявшая орудиям ее учреждения, противостоявшая честолюбивым интригам и идеологическим требованиям революционной фракции буржуазии, которая основала республику, а теперь, к удивлению своему, нашла, что основанная ею республика выглядит совсем как реставрированная монархия, и которая захотела теперь насильно продлить учредительный период с его особыми условиями, его иллюзиями, его языком и его персонажами и помешать созревшей уже буржуазной республике выступить в ее вполне законченном и характерном виде. Как Учредительное национальное собрание было представителем свалившегося обратно в его среду Кавеньяка, так Бонапарт выступал представителем еще не отделившегося от него Законодательного собрания, т. е. Национального собрания уже учрежденной буржуазной республики.

Избрание Бонапарта могло получить истолкование только после того, как на место *одного* имени были подставлены его многообразные значения, после того как это избрание повторилось на выборах нового Национального собрания. Мандат старого был кассирован 10 декабря. Таким образом, 29 января пришли в столкновение не президент и Национальное собрание *одной и той же* республики, а, с одной стороны, Национальное собрание устанавливающейся республики, с другой — президент уже установленной республики, две власти, воплощавшие два совершенно различных периода в жизненном процессе республики. В одном лагере стояла небольшая фракция республиканской буржуазии, — только она могла провозгласить республику, путем уличной борьбы и террора вырвать ее из рук пролетариата и наметить в конституции основные черты своей идеологии; в другом — вся роялистская масса буржуазии, — только она могла господствовать в уже учрежденной буржуазной республике, сбросить с конституции ее идеологический паряд и с помощью своего законодательства и своей администрации осуществить в действительности необходимые условия для порабощения пролетариата.

Гроза, разразившаяся 29 января, готовилась в продолжение всего месяца. Конституанта думала, что, вотируя недоверие министерству Барро, она заставит его подать в отставку. Но в ответ на это министерство Барро, со своей стороны, предложило Конституанте выразить себе самой окончательное недове-

рие. приговорить себя к самоубийству, декретировать свой *собственный роспуск*. По наущению министерства, Рато, один из самых незначительных депутатов, внес 6 января это предложение в Конституанту, ту самую Конституанту, которая уже в августе постановила не распускать себя, пока не издаст целого ряда органических, дополняющих конституцию законов. Сторонник министерства, Фульд, заявил ей без обиняков, что ее роспуск необходим *«для восстановления расширенного кредита»*. В самом деле, разве она не подрывала кредит, затягивая временное положение и вновь ставя под вопрос в лице Барро — Бонапарта, а в лице Бонапарта — уже учрежденную республику? Олимпиец Барро превратился в неистового Орlando от мысли, что у него вновь вырвут наконец-то добытый им пост премьер-министра, не дав ему насладиться им и двух-трех недель, — тот самый пост, которого республиканцы однажды уже заставили его дожидаться целый «децениум», т. е. десять месяцев. И вот Барро в обращении с этим жалким Собранием превзошел в тирании самого тираша. Самое мягкое выражение его было: «С ним невозможна никакая будущность». И действительно, оно представляло теперь лишь прошлое. «Оно неспособно, — иронически добавил он, — обставить республику такими учреждениями, которые необходимы для ее упрочения». И в самом деле! Вместе с исключительным антагонизмом Собрания по отношению к пролетариату сломилась его буржуазная энергия, а с его антагонизмом по отношению к роялистам снова ожил его республиканский пафос. Таким образом, оно было вдвойне неспособно укрепить соответствующими учреждениями буржуазную республику, которой оно больше не понимало.

Одновременно с предложением Рато министерство вызвало во всей стране целую *бурю петиций*; ежедневно из всех уголков Франции летели Конституанте на голову тучи *billets-doux* [любовных посланий], в которых ее более или менее категорически просили *распустить* себя и составить свое духовное завещание. Конституанта, со своей стороны, вызвала контр-петиции, в которых от нее требовали оставаться в живых. Избирательная борьба между Наполеоном и Кавеньяком возобновилась в виде борьбы путем петиций за и против роспуска Национального собрания. Петиции явились дополнительными комментариями к 10 декабря. Эта агитация продолжалась в течение всего января.

В своем конфликте с президентом Конституанта не могла сослаться на то, что она является детищем всеобщего избирательного права, так как противники апеллировали против нее именно к всеобщему избирательному праву. Она не могла опереться ни на какую правомерную власть, так как дело шло о борьбе против законной власти. Она не могла свергнуть министерство вотумами недоверия, как она попыталась это сделать еще 6 и

26 января, потому что министерство и не требовало ее доверия. Ей оставался лишь один исход — *восстание*. Боевую силу восстания составляли *республиканская часть Национальной гвардии, мобильная гвардия* и центры революционного пролетариата — *клубы*. Мобили, герои июньских дней, составляли в декабре организованную боевую силу республиканской буржуазии, точно так же как до июня *Национальные мастерские* были организованной боевой силой революционного пролетариата. Подобно тому как Исполнительная комиссия Конституанты, решившись покончить со ставшими невыносимыми для нее требованиями пролетариата, грубо обрушилась на Национальные мастерские, так министерство Бонапарта, решившись покончить со ставшими невыносимыми требованиями республиканских фракций буржуазии, обрушилось на мобильную гвардию. Оно постановило *распустить ее*. Одна половина ее была уволена и выброшена на мостовую, другая — получила новую организацию, монархическую, взамен демократической, а жалованье ее было понижено до уровня обыкновенного жалованья линейных войск. Мобильная гвардия очутилась в положении июньских инсургентов, и в газетах ежедневно стали появляться *публичные покаяния* мобилей, в которых они признавали свою вину в июне и умоляли пролетариат о прощении.

А *клубы*? С того момента, как Учредительное собрание в лице Барро поставило под вопрос президента, в лице президента — учрежденную буржуазную республику, а в ее лице — буржуазную республику вообще, — вокруг них неизбежно сплотились все учредительные элементы февральской республики, все партии, которые желали свергнуть существующую республику и насильственно вернуть ее в прежнее состояние, превратить ее в республику, выражающую их собственные классовые интересы и принципы. То, что произошло, было вычеркнуто из жизни; то, что выкристаллизовалось из различных элементов революционного движения, опять растворилось; борьба завязалась опять за неопределенную республику февральских дней, которую каждая партия понимала по-своему. На мгновение партии опять заняли свои старые февральские позиции, не разделяя, однако, февральских иллюзий. Трехцветные республиканцы «National'я» снова стали опираться на демократических республиканцев «Réforme», снова выдвинули их в качестве застрельщиков на авансцену парламентской борьбы. Демократические республиканцы снова стали опираться на социалистических республиканцев (27 января публичный манифест возвестил их примирение и объединение) и подготавливали в клубах почву для восстания. Министерская печать справедливо увидела в трехцветных республиканцах «National'я» воскресших июньских инсургентов. Чтобы удержаться во главе буржуазной республики, они поставили под

вопрос самое буржуазную республику. 26 января министр Фоше внес закон о праве союзов, первый параграф которого гласил: «*клубы воспрещаются*». Он предложил немедленно же начать обсуждение этого законопроекта, как не терпящего отлагательства. Конституанта отвергла вопрос о неотложности, а 27 января Ледрю-Роллен внес подписанное 230 депутатами предложение о предании министерства суду за нарушение конституции. Предание министерства суду в такой момент, когда это означало либо бестактное обнаружение бессилия судьи, т. е. большинства палаты, либо бессильный протест обвинителя против самого этого большинства, — вот тот великий революционный козырь, который эта Гора-последыш с тех пор стала пускать в ход во всякий решительный момент кризиса. Бедная Гора, раздавленная тяжестью своего собственного имени!

Бланки, Барбес, Распайль и др. пытались 15 мая разогнать Учредительное собрание, ворвавшись во главе парижского пролетариата в зал его заседаний. Барро готовил тому же Собранию моральное повторение 15 мая, намереваясь продиктовать его самораспуск и запереть зал его заседаний. Это самое Собрание поручило Барро начать следствие против виновников майских событий; теперь же, когда Барро стал играть по отношению к нему роль роялистского Бланки, а оно искать союзников против него в клубах, у революционного пролетариата, у партии Бланки, — теперь беспощадный Барро начал пытаться его своим предложением изъять майских пленников из суда присяжных и предать их изобретенному партией «National'я» верховному суду — «Haute-Cour». Замечательно, как страх за министерский портфель сумел извлечь из головы нашего Барро фортели, достойные Бомарше! После долгого колебания Национальное собрание приняло его предложение. В отношении к майским инсургентам оно вновь обрело свой нормальный характер.

Если президент и министры толкали Конституанту на путь *восстания*, то, в свою очередь, Конституанта толкала их на путь государственного переворота, так как у них не было никакой законной возможности распустить ее. Но Конституанта была матерью конституции, а конституция — матерью президента. Путем государственного переворота президент упразднял конституцию, а вместе с ней свою республиканскую правовую основу. Ему оставалось тогда выдвинуть свои императорские права, но императорские права вызывали к жизни орлеанистские, а те и другие стушевывались перед легитимистскими правами. Падение законной республики могло вызвать торжество лишь ее антипода, легитимной монархии, так как в этот момент орлеанисты были только побежденными февральских дней, а Бонапарт был только победителем 10 декабря, и обе партии могли противопо-

ставить республиканской узурпации лишь свои точно так же узурпированные у монархии права. Легитимисты сознавали, что положение дел им благоприятствует, они конспирировали среди бела дня. Они могли надеяться найти в генерале Шангарнье своего *Монка*¹. Близость *белой монархии* так же открыто возвещалась в их клубах, как в клубах пролетариев близость *красной республики*.

Успешно подавленное восстание избавило бы министерство от всех затруднений. «Законность нас убивает!» — воскликнул Одилон Барро. Восстание позволило бы распустить Конституанту под предлогом общественного спасения, нарушить конституцию ради самой же конституции. Грубое выступление Барро в Национальном собрании, предложение о закрытии клубов, нашумевшее отрешение от должности 50 трехцветных префектов и их замещение роялистами, роспуск мобильной гвардии, презрительное отношение Шангарнье к ее начальникам, возвращение кафедры профессору Лерминье, ставшему невозможным уже при Гизо, терпимость по отношению к выходкам легитимистов — все это имело целью вызвать восстание. Но восстание безмолствовало. Оно ожидало сигнала от Конституанты, а не от министерства.

Наконец, настало 29 января, день, в который должно было обсуждаться предложение Матье (из Дромского департамента) о безусловном отклонении предложения Рато. Легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, мобильная гвардия, Гора, клубы — все конспирировали в этот день, конспирировали столько же против своего мнимого врага, сколько и против своего мнимого союзника. Бонапарт, верхом на коне, производил смотр части войск на площади Согласия, Шангарнье актерствовал, производя эффектные стратегические маневры, Конституанта нашла здание своих заседаний занятым войсками. Центр всех перекрещивающихся надежд, опасений, ожиданий, брожений, напряжений, заговоров, Учредительное собрание, храброе, как лев, не поколебалось ни на минуту в этот более чем когда-либо серьезный для него всемирно-исторический момент. Оно поступило, как тот борец, который не только боялся употребить в дело свое собственное оружие, но чувствовал себя обязанным сохранить в целости оружие своего противника. С презрением к смерти подписало оно свой собственный смертный приговор и отвергло безусловное отклонение предложения Рато. Очутившись само в осадном положении, оно положило предел своей учредительной деятельности, необходимым обрамлением которой было осадное положение Парижа. Его месть была достойна его: на другой день

¹ Английский генерал (1608—1669), использовавший подчиненные ему войска для реставрации Стюартов. *Ред.*

оно назначило следствие по поводу страха, который нагнало на него министерство 29 января. Гора обнаружила недостаток революционной энергии и политического смысла, позволив партии «National'я» использовать себя в качестве глашатая в этой великой комедии интриг. Партия «National'я» сделала последнюю попытку удержать за собой в учрежденной уже буржуазной республике монополию власти, которою она обладала в период возникновения республики. Она потерпела фиаско.

Если в январском кризисе дело шло о существовании Конституанты, то в кризисе 21 марта стоял вопрос о существовании конституции; в первом случае дело шло о персонале партии «National'я», во втором — о ее идеале. Разумеется, «добропорядочные» республиканцы дешевле продали свою заоблачную идеологию, чем земное обладание правительственной властью.

21 марта стоял в порядке дня Национального собрания законопроект Фоше, направленный против права союзов: *упразднение клубов*. 8-я статья конституции гарантирует всем французам право союзов. Запрещение клубов было, следовательно, явным нарушением конституции, и самой Конституанте предстояло санкционировать осквернение своей святыни. Но ведь клубы были сборными пунктами революционного пролетариата, его конспиративными квартирами. Само Национальное собрание воспретило коалиции рабочих против своих буржуа. А что такое были клубы, как не коалиция всего рабочего класса против всего буржуазного класса, как не организация особого рабочего государства, направленного против буржуазного государства? Разве это не был ряд учредительных собраний пролетариата и такое же количество готовых к бою отрядов армии восстания? Конституция первым делом должна была конституировать господство буржуазии; очевидно, стало быть, что она подразумевала под правом союзов только те союзы, которые совместимы с господством буржуазии, т. е. с буржуазным строем. Если конституция из теоретических приличий применила общую формулу, то разве не было правительства и Национального собрания, чтобы толковать ее и применять в отдельных случаях? И если уже в первобытном периоде республики клубы фактически были воспрещены благодаря осадному положению, то неужели их нельзя воспретить на законном основании в упорядоченной, конституированной республике? Трехцветные республиканцы могли выдвинуть против такого прозаического толкования конституции только напыщенную фразеологию конституции. Часть их, Паньерр, Дюклерк и др., голосовала за министерство и таким образом доставила ему большинство. Другая часть, с архангелом Кавеньяком и отцом церкви Маррастом во главе, после принятия статьи о воспрещении клубов удалилась вместе с Ледрю-Ролленом и Горой в помещение одной из комиссий — и «держала совет». — Нацио-

нальное собрание было парализовано, оно не насчитывало более узаконенного числа депутатов, без которого нельзя было принимать никаких решений. Тут г. Кремье во-время вспомнил в помещении комиссии, что дорога отсюда ведет прямо на улицу и что теперь уже не февраль 1848 г., а март 1849 г. Партия «National'я», внезапно прозрев, вернулась в зал заседаний Национального собрания, а за ней снова одураченная Гора. Гору постоянно мучили революционные потуги, но с таким же постоянством она всегда искала конституционного исхода; и она всегда чувствовала себя все же лучше на своем месте за спиной буржуазных республиканцев, чем впереди революционного пролетариата. Так закончилась эта комедия. Сама Конституанта постановила, что нарушение текста конституции является единственно верным толкованием ее смысла.

Осталось урегулировать еще один пункт: отношение учрежденной республики к европейской революции, ее *внешнюю политику*. 8 мая 1849 г. в Конституанте, доживавшей свои последние дни, царил необычайное возбуждение. В порядке дня стояло нападение французской армии на Рим, отражение ее римлянами, ее политический позор и военное фиаско, предательское убийство, совершенное над римской республикой французской республикой, первый итальянский поход второго Бонапарта. Гора еще раз пустила в ход свой главный козырь: Ледрю-Роллен положил на стол президента неизменный обвинительный акт против министерства, на этот раз направленный и против Бонапарта, по делу о нарушении конституции.

Мотив 8 мая повторился позднее в мотиве 13 июня. Посмотрим, что такое была эта римская экспедиция.

Кавеньяк уже в середине ноября 1848 г. отправил военный флот в Чивита-Веккию с поручением защищать папу, взять его па борт и перевезти во Францию. Папа должен был дать свое благословение «добропорядочной» республике и обеспечить избрание Кавеньяка в президенты. Вместе с папой Кавеньяк хотел поймать на удочку попов, вместе с попами — крестьян, а с крестьянами — президентство. Будучи по своей ближайшей цели избирательной рекламой, экспедиция Кавеньяка в то же время была протестом и угрозой против римской революции. В ней в зародыше заключалось вмешательство Франции в пользу папы.

Эта интервенция в пользу папы и против римской республики, в союзе с Австрией и Неаполем, была решена 23 декабря на первом заседании совета министров Бонапарта. Фаллу в министерстве — это был папа в Риме, и притом в папском Риме. Бонапарт не нуждался более в папе, чтобы стать президентом крестьян, но он нуждался в консервировании папской власти для того, чтобы консервировать крестьян президента. Их легковерие сделало его президентом. Вместе с верой они теряли легковерие,

а с папой — веру. Что же касается объединенных орлеанистов и легитимистов, господствовавших именем Бонапарта, то ведь, прежде чем восстановить короля, надо было восстановить власть, которая освящает королей; но, не говоря уже об их роялизме, — без старого Рима, подчиненного светской власти папы, нет католицизма, без католицизма нет французской религии, а без религии что стало бы со старым французским обществом? Ипотека на небесные блага, которую религия дает крестьянину, служит гарантией для ипотеки буржуа на крестьянские земли. Римская революция была, следовательно, таким же страшным посягательством на собственность, на буржуазный порядок, как и июньская революция. Восстановленное господство буржуазии во Франции требовало реставрации папской власти в Риме. Наконец, в лице римских революционеров терпели поражение союзники французских революционеров; союз контрреволюционных классов в учрежденной французской республике нашел свое естественное дополнение в союзе французской республики со Священным союзом, с Неаполем и Австрией. Решение совета министров от 23 декабря не было тайной для Конституанты. Уже 8 января Ледрю-Роллен сделал об этом министерству запрос, министерство отреклось, и Собрание перешло к очередным делам. Поверило ли оно словам министерства? Мы знаем, что весь январь оно только и делало, что вотировало ему свое недоверие. Но если лгать входило в роль министерства, то в роль Собрания входила приговорная вера в эту ложь, спасавшую республиканский декорум.

Тем временем Пьемонт был разбит, Карл-Альберт отрекся от престола, австрийская армия стучалась в ворота Франции, Ледрю-Роллен внес резкие запросы. Но министерство доказало, что оно лишь продолжало в северной Италии политику Кавеньяка, который в свою очередь продолжал политику временного правительства, т. е. Ледрю-Роллена. На этот раз оно даже получило у Национального собрания вотум доверия и было уполномочено временно занять подходящий пункт в северной Италии, что должно было подкрепить мирные переговоры с Австрией о нераздельности сардинских владений и римском вопросе. Известно, что судьбу Италии решают сражения на полях северной Италии. Поэтому надо было или допустить, чтобы вслед за Ломбардией и Пьемонтом пал и Рим, или же объявить войну Австрии, а вместе с ней европейской контрреволюции. Неужели Национальное собрание приняло вдруг министерство Барро за старый Комитет общественного спасения? Или самого себя за Конвент? Для чего же в таком случае надо было занимать французским войскам удобный пункт в северной Италии? За этим прозрачным покровом прятали римскую экспедицию.

14 апреля 14 000 солдат под начальством Удино отплыли в Чивита-Веккию; 16 апреля Национальное собрание вотировало

министерству кредит в 1 200 000 франков, чтобы в течение трех месяцев держать наготове в водах Средиземного моря французскую эскадру. Таким образом, оно дало министерству в руки все средства для интервенции против Рима, делая вид, будто заставляет его действовать против Австрии. Оно не видело, что делает министерство, а лишь слушало, что оно говорит. Такой веры нельзя было найти и во Израиле. Конституанта попала в такое положение, когда она не смела знать, что должна делать учрежденная республика.

Наконец, 8 мая была разыграна последняя сцена комедии. Конституанта потребовала от министерства немедленных мероприятий, чтобы вернуть итальянскую экспедицию к поставленной ей цели. Бонапарт в тот же вечер поместил в «*Moniteur*» письмо, в котором выразил величайшую признательность Удино. 11 мая Национальное собрание отвергло обвинительный акт против этого самого Бонапарта и его министров. А Гора, вместо того чтобы разорвать эту сеть лжи, сделала трагедию из парламентской комедии, чтобы самой сыграть в ней роль Фукье-Тенвилля¹, но под взятой напрокат львиной шкурой Конвента обнаружила лишь свою собственную мелкобуржуазную телячью шкуру!

Последняя половина жизни Конституанты сводится к следующему: 29 января она согласилась с тем, что роялистские фракции буржуазии являются естественными хозяевами в учрежденной ею республике, 21 марта — с тем, что нарушение конституции есть ее осуществление, и 11 мая — с тем, что высокопарно провозглашенный пассивный союз французской республики с борющимися за свое освобождение европейскими народами означает ее активный союз с европейской контрреволюцией.

Прежде чем сойти со сцены, это жалкое Собрание доставило себе удовольствие еще за два дня до годовщины своего рождения, 4 мая, отвергнуть предложение об амнистии для июньских инсургентов. Потерявшая всю свою власть, смертельно ненавидимая народом, грубо оттолкнутая, презрительно отброшенная буржуазией, орудием которой она была, принужденная во вторую половину своего существования отречься от первой, лишенная своих республиканских иллюзий, без великих дел в прошлом, без надежд в будущем, заживо сгнивая по частям, Конституанта умела только гальванизировать свой собственный труп, постоянно вызывая перед собой призрак июньской победы, снова переживая и смакуя ее, вновь и вновь осуждая уже осужденных и удостоверяясь таким путем в своем существовании. Вампир, живший кровью июньских инсургентов!

¹ *Фукье-Тенвилль* (1747—1795) — один из виднейших деятелей французской буржуазной революции, с 10 марта 1793 г. общественный обвинитель при революционном трибунале. *Ред.*

Она оставила после себя прежний государственный дефицит, увеличенный издержками июньских дней, отменой соляного налога, вознаграждениями, которые она дала владельцам плантаций за отмену рабства негров, издержками по римской экспедиции, наконец, уничтожением налога на вино; этот налог Конституанта отменила перед самой своей кончиной, как злорадный старик, который рад навязать своему счастливому наследнику компрометирующий долг чести.

В первых числах марта началась избирательная кампания для выборов в *Законодательное национальное собрание*. Две основные группы выступали друг против друга: *партия порядка* и *демократическо-социалистическая*, или *красная партия*; между ними стояли *«друзья конституции»*, — под этим именем трехцветные республиканцы «National'я» пытались представить особую партию. *Партия порядка* образовалась сейчас же после июньских дней, но только после 10 декабря, когда она развязалась с буржуазными республиканцами, с кликой «National'я», открылась тайна ее существования: *коалиция орлеанистов и легитимистов в одну партию*. Буржуазный класс распадался на две большие фракции, которые по очереди обладали монополией власти: *крупное землевладение* — в период *реставрации*, *финансовая аристократия* и *промышленная буржуазия* — в период *июльской монархии*. *Бурбоны* — таково было королевское имя для преобладающего влияния интересов одной фракции; *Орлеан* — королевское имя для преобладающего влияния интересов другой фракции; только в *безыменном царстве республики* обе фракции могли отстаивать свои общие классовые интересы, стоя на равных началах у власти, не прекращая в то же время своего соперничества. Если буржуазная республика не могла быть не чем иным, как чистой и законченной формой господства всего буржуазного класса, то чем же она могла быть, как не господством орлеанистов, дополненных легитимистами, и господством легитимистов, дополненных орлеанистами, *синтезом реставрации и июльской монархии*? Буржуазные республиканцы «National'я» не представляли собой никакой крупной фракции своего класса, опирающейся на экономическую основу. Их значение и их исторический смысл заключались лишь в том, что в период монархии, в противоположность обеим буржуазным фракциям, которые знали каждая лишь свой особый режим, они выдвинули общий режим буржуазного класса, *безыменное царство республики*, идеализируя и украшая его античными арабесками, но приветствуя в нем прежде всего, конечно, господство своей клики. Если партия «National'я» была сбита с толку, когда увидела на вершине основанной ею республики объединенных роялистов, то и роялисты не менее заблуждались относительно факта своего совместного господства. Они не понимали, что если каждая из

их фракций, взятая отдельно, была роялистской, то продукт их химического соединения необходимо должен был быть *республиканским*; они не понимали, что белая и голубая монархии должны были нейтрализоваться в трехцветной республике. Антагонизм с революционным пролетариатом и с переходными классами, все более и более к нему тяготеющими, заставил обе фракции партии порядка напрягать всю свою объединенную силу и сохранять организацию этой объединенной силы; каждая из фракций должна была против реставрационных и исключительных стремлений другой выдвигать совместное господство, т. е. *республиканскую форму* господства буржуазии. И вот мы видим, что вначале эти роялисты еще верили в немедленную реставрацию, потом с пеной у рта, с проклятиями на устах сохраняли республиканскую форму и, наконец, признали, что могут ужиться только в республике, отложив реставрацию на неопределенное время. Совместное господство усиливало каждую из обеих фракций и делало ее еще менее способной и склонной подчиниться другой, т. е. реставрировать монархию.

Партия порядка открыто провозгласила в своей избирательной программе господство буржуазного класса, т. е. сохранение жизненных условий его господства: *собственности, семьи, религии, порядка!* Конечно, господство буржуазии и условия этого господства она изображала как господство цивилизации и как необходимые условия материального производства и вытекающих из него общественных отношений. Партия порядка располагала огромными денежными средствами, она организовала во всей Франции свои отделения, она содержала на жалованьи всех идеологов старого строя, пользовалась всем влиянием существующей правительственной власти, имела даровое вассальное войско во всей массе мещан и крестьян, которые оставались еще вдали от революционного движения и видели в сановных представителях собственности естественных представителей своей мелкой собственности и ее мелких предассудков. Представленная по всей стране бесчисленным множеством маленьких королей, партия порядка могла наказывать, как бунтовщиков, всех, кто отверг бы ее кандидатов, уволить мятежных рабочих, непослушных батраков, прислугу, приказчиков, железнодорожных чиновников, писарей, всех подчиненных ей в гражданской жизни служащих. Наконец, кое-где партия порядка могла поддерживать легенду, будто республиканская Конституанта помешала Бонапарту 10 декабря обнаружить свои чудодейственные силы. Говоря о партии порядка, мы не упомянули о бонапартистах. Они не были серьезной фракцией буржуазного класса, — это была смесь старых суеверных инвалидов и молодых неверующих авантюристов. — Партия порядка победила на выборах и послала огромное большинство в Законодательное собрание.

Перед лицом коалиции контрреволюционной буржуазии все уже революционизированные элементы мелкой буржуазии и крестьянства естественно должны были соединиться с главным носителем революционных интересов, с революционным пролетариатом. Мы видели, как парламентские поражения толкали демократических вождей мелкой буржуазии в парламент, т. е. Гору, к союзу с социалистическими вождями пролетариата и как вне парламента отклонение *concordats à l'amiable*, грубое отстаивание буржуазных интересов и банкротство толкали подлинную мелкую буржуазию на сближение с подлинными пролетариями. 27 января Гора и социалисты отпраздновали свое примирение; на большом февральском банкете 1849 г. они вновь подтвердили этот акт объединения. Социальная и демократическая партии, партия рабочих и партия мелких буржуа, соединились в *социально-демократическую*, т. е. в *красную*, партию.

На мгновение парализованная последовавшей за июньскими днями агонией, французская республика пережила со времени прекращения осадного положения, с 14 октября, непрерывный ряд лихорадочных встрясок. Во-первых, борьба за президентство; затем борьба президента с Конституантой; борьба из-за клубов; процесс в Бурже¹, в котором по сравнению с мелкими фигурами президента, объединившихся роялистов, «добропорядочных» республиканцев, демократической Горы и социалистических доктринеров пролетариата — его подлинные революционеры выступили такими первобытными гигантами, каких только всемирный потоп оставляет на поверхности общества или какие только могут предшествовать общественному потоку; выборная агитация, казнь убийц Бреа²; непрерывные процессы по делам печати; насильственные полицейские вмешательства правительства в банкеты; дерзкие провокации роялистов; портреты Луи Блана и Коссидьера у позорного столба; непрерывная борьба между Учредительным собранием и учрежденной им республикой, всякий раз возвращавшая революцию к ее исходному пункту, всякий раз превращавшая победителя в побежденного, побежденного — в победителя, в мгновение ока менявшая положение партий и

¹ Процесс участников событий 15 мая 1848 г., обвиняемых в заговоре против правительства. Перед судом, происходившим в г. Бурже, предстали представители пролетариата (Бланки, Барбес), а также часть Горы. Барбес, Альбер, Флотт, Собрин и Расийль были присуждены к изгнанию. Тот же приговор был вынесен заочно Луи Блану, Коссидьеру, Лависсону и Гюберу. Бланки был осужден на десятилетнее одиночное заключение. Ввиду его болезни считали, что этот срок достаточен, чтобы довести его до могилы. *Ред.*

² Генерал Бреа, командовавший частью войск, подавлявших июньское восстание парижского пролетариата, был убит инсургентами (восставшими) в Фонтенебло 25 июня. В связи с этим были казнены двое из участников восстания. *Ред.*

классов, их разрывы и соединения; быстрый ход европейской контр-революции; славная борьба венгров; немецкие восстания; римская экспедиция; позорное поражение французской армии у ворот Рима, — в этом вихре движения, в этих муках исторического волнения, в этом драматическом приливе и отливе революционных страстей, надежд и разочарований различные классы французского общества должны были исчислять неделями периоды своего развития, ранее исчислявшиеся полустолетиями. Значительная часть крестьян и провинций была революционизирована. Они не только разочаровались в Наполеоне, — партия красных давала им вместо имени содержание, вместо иллюзорной свободы от податей — возвращение уплаченного легитимистам миллиарда, урегулирование ипотек и уничтожение ростовщичества.

Даже армия была заражена революционной лихорадкой. Голосуя за Бонапарта, она голосовала за победу, а он принес ей поражение. Она голосовала за маленького капрала, за которым скрывается великий полководец революции, а он вернул ей важных генералов, за которыми скрывается заурядный капрал. Бесспорно, красная партия, т. е. соединенная демократическая партия, должна была добиться если не победы, то все же крупных успехов: Париж, армия, значительная часть провинций стали бы голосовать за нее. *Ледрю-Роллен*, вождь Горы, был избран пятью департаментами; ни один вождь партии порядка не одержал такой победы, ни одно имя из рядов собственно рабочей партии. Это избрание открывает нам тайну демократическо-социалистической партии. С одной стороны, Гора, этот парламентский авангард демократической мелкой буржуазии, принуждена была соединиться с социалистическими доктринерами пролетариата, а пролетариат, потерпевший в июне ужасное материальное поражение, вынужден был искать пути к новому подъему в интеллектуальных победах; поскольку развитие остальных классов еще не позволяло пролетариату захватить революционную диктатуру, он должен был броситься в объятия к доктринерам его освобождения, к основателям социалистических сект. С другой стороны, революционные крестьяне, армия, провинции стали на сторону Горы. К Горе, таким образом, перешло командование над соединенными революционными силами, а ее соглашение с социалистами устранило всякий раскол в революционном лагере. В последнюю половину существования Учредительного собрания Гора представляла собою его республиканский пафос и заставила забыть свои грехи за время временного правительства, Исполнительной комиссии и июньских дней. В такой же мере, в какой партия «National'я» соответственно своей половинчатой природе позволила роялистскому министерству себя придавить, партия Горы, устранившая со сцены во время всемогущества партии «National'я», теперь поднялась и приобрела значение как представи-

тельница революции в парламенте. В самом деле, партия «National'я» ничего не могла противопоставить другим роялистским фракциям, кроме честолюбивых личностей и идеалистической болтовни. Партия Горы, напротив, представляла колеблющуюся между буржуазией и пролетариатом массу, материальные интересы которой требовали демократических учреждений. Рядом с Кавеньяком и Маррастом Ледрю-Роллен и Гора представлялись истинной революцией, и сознание этой важной роли придавало им тем большую храбрость, что проявление революционной энергии ограничивалось парламентскими вылазками, составлением обвинительных актов, угрозами, повышением голоса, громовыми речами и крайностями, которые не шли дальше фраз. Крестьяне находились приблизительно в таком же положении, как и мелкие буржуа, их социальные требования были приблизительно те же. Поэтому все средние слои общества, поскольку их захватило революционное движение, должны были видеть в Ледрю-Роллене своего героя. Ледрю-Роллен был главным персонажем демократической мелкой буржуазии. В борьбе с партией порядка должны были выдвинуться на первое место прежде всего полуконсервативные, полуреволюционные и всецело утопические реформаторы этого порядка.

Партия «National'я», «друзья конституции quand même» [во что бы то ни стало], républicains purs et simples [чистые республиканцы] были совершенно разбиты на выборах. Пичтожное меньшинство их попало в Законодательную палату; их наиболее известные вожди исчезли со сцены, в том числе даже Марраст, главный редактор и Орфей «добропорядочной» республики.

29 мая открылось Законодательное собрание, 11 июня возобновилось столкновение 8 мая. Ледрю-Роллен от имени Горы представил обвинительный акт против президента и министерства, которые обвинялись в нарушении конституции, в бомбардировке Рима. 12 июня Законодательное собрание отклонило этот обвинительный акт, как отклонило его Учредительное собрание 11 мая, но на этот раз пролетариат заставил Гору выйти на улицу, — правда, не для уличной борьбы, а для уличной процессии. Достаточно сказать, что Гора стояла во главе этого движения, чтобы знать, что это движение было подавлено и что июнь 1849 г. был столь же смешной, сколь и ничтожной пародией на июнь 1848 г. Великое отступление 13 июня затмил разве лишь еще более великий отчет о сражении, представленный Шангарнье, которого партия порядка произвела в великие люди. Каждая общественная эпоха нуждается в своих великих людях, и, если их нет, она их изобретает, как говорит Гельвеций.

20 декабря существовала лишь одна половина учрежденной буржуазной республики — *президент*, 29 мая она была дополнена другой половиной — *Законодательным собранием*. Беспри-

мерной битвой против пролетариата в июне 1848 г. была отмечена в метрической книге истории учреждающаяся буржуазная республика; в июне 1849 г. учрежденная буржуазная республика была отмечена там же невыразимой комедией, разыгранной ею с мелкой буржуазией. Июнь 1849 г. был мщением за июнь 1848 г. В июне 1849 г. были побеждены не рабочие, но пали жертвой мелкие буржуа, стоявшие между рабочими и революцией. Июнь 1849 г. был не кровавой трагедией, разыгравшейся между капиталом и наемным трудом, а жалкой, чреватой тюрьмой пьесой, разыгранной должником и кредитором. Партия порядка победила, она стала всемогуща, — она должна была показать теперь свою сущность.

[Лондон, февраль 1850 г.]

III. ОТ 13 ИЮНЯ 1840 Г. ДО 10 МАРТА 1850 Г.

20 декабря япусова голова *конституционной республики* показала только *одно* свое лицо, исполнительное, с расплывчато-плоскими чертами Луи Бонапарта. 29 мая она показала другое свое лицо, *законодательное*, усеянное рубцами, которые оставили после себя оргии реставрации и июльской монархии. Законодательное национальное собрание завершило собою создание *конституционной республики*, т. е. республиканской формы правления, в которой было конституировано господство буржуазного класса, стало быть, совместное господство обеих больших роялистских фракций, образующих французскую буржуазию, легитимистов и орлеанистов, господство *партии порядка*. В то время как французская республика сделалась, таким образом, собственностью коалиции роялистских партий, европейская коалиция контрреволюционных держав предприняла всеобщий крестовый поход против последних убежищ мартовских революций. Россия вторглась в Венгрию, прусские войска двинулись против армии сторонников имперской конституции, а Удино бомбардировал Рим. Европейский кризис явно приближался к решительному поворотному пункту, взоры всей Европы были устремлены на Париж, а взоры всего Парижа — на *Законодательное собрание*.

11 июня Ледрю-Роллен взшел на его трибуну. Он не произнес речи, он лишь сформулировал обвинение против министров, голое, без прикрас, фактическое, сжатое, мощное обвинение.

Нападение на Рим есть нападение на конституцию, нападение на римскую республику есть нападение на французскую республику. 5-я статья конституции гласит: «Французская республика никогда не употребляет своих военных сил против свободы какого бы то ни было народа», а президент обращает французские войска против римской свободы. 4-я статья конституции запрещает исполнительной власти объявлять какую бы то ни было войну

без согласия Национального собрания. Постановление Конституанты от 8 мая категорически повелевает министрам как можно скорее вернуть римскую экспедицию к ее первоначальной цели, оно, стало быть, не менее категорически воспрещает войну против Рима, а Удино бомбардирует Рим. Ледрю-Роллен призвал, таким образом, самое конституцию в свидетели обвинения против Бонапарта и его министров. Роялистскому большинству Собрания он, трибун конституции, бросил в лицо грозное заявление: «Республиканцы сумеют заставить уважать конституцию всеми средствами, хотя бы даже силой оружия!» — *«Силой оружия!»* — повторило стократное эхо Горы. Большинство ответило страшным шумом; президент Национального собрания призвал Ледрю-Роллена к порядку; Ледрю-Роллен повторил свое вызывающее заявление и в заключение положил на стол президента предложение предать суду Бонапарта и его министров. Национальное собрание большинством 361 против 203 голосов по вопросу о бомбардировке Рима вотировало простой переход к очередным делам.

Неужели Ледрю-Роллен надеялся побить Национальное собрание с помощью конституции, а президента — с помощью Национального собрания?

Конституция, конечно, запрещала всякое нападение на свободу чужеземных народов, но, по словам министерства, французская армия нападала в Риме не на «свободу», а на «деспотизм анархии». Разве Гора, наперекор всему своему опыту в Учредительном собрании, все еще не понимала, что толкование конституции принадлежит не тем, кто ее составил, а лишь тем, кто ее принял? Что ее текст надо толковать в его жизнеспособном смысле и что буржуазный смысл — единственный жизнеспособный смысл ее? Что Бонапарт и роялистское большинство Национального собрания были подлинными толкователями конституции, точно так же как поп есть подлинный толкователь библии, а судья — подлинный толкователь закона? Неужели Национальное собрание, только что вышедшее из лоно всеобщих выборов, должно было считать, что оно связано завещанием мертвой Конституанты, когда и при жизни ее такой человек, как Одилон Барро, нарушал ее волю? Ссылаясь на решение Конституанты от 8 мая, разве Ледрю-Роллен забыл, что эта же Конституанта 11 мая отвергла его первое предложение о предании суду Бонапарта и его министров, что она оправдала президента и министров и таким образом санкционировала бомбардировку Рима как «конституционную», что по существу он только апеллировал против уже произнесенного приговора, притом апеллировал от республиканской Конституанты к роялистской Легислативе [Законодательному собранию]? Конституция сама призывает на помощь восстание, в особой статье призывая каждого гражданина охранять ее. Ледрю-Роллен опирался на эту статью. Но, с другой стороны,

разве не для защиты конституции учреждены общественные власти, разве нарушение конституции не начинается лишь с того момента, когда одна из конституционных властей восстает против другой? Между тем президент республики, министры республики, Национальное собрание республики находились между собой в гармоническом согласии.

То, что пыталась устроить Гора 11 июня, было *«восстанием в пределах чистого разума»*, т. е. чисто *парламентским восстанием*. Большинству Собрания, испуганному перспективой вооруженного восстания народных масс, предлагалось в лице Бонапарта и его министров уничтожить свою собственную власть и значение своего собственного избрания. Разве Конституанта не пыталась уже подобным путем кассировать избрание Бонапарта, так упорно настаивая на отставке министерства Барро—Фаллу?

Разве не было примеров из времен Конвента, когда парламентские восстания внезапно производили коренной переворот в отношениях большинства и меньшинства, — почему же не удастся молодой Горе то, что удавалось старой? — да и обстановка момента казалась благоприятной для такого предприятия. Народное возбуждение в Париже дошло до такой степени, что стало внушать тревогу; судя по голосованию на выборах, армия не была расположена к правительству, большинство Законодательного собрания было еще слишком молодо, чтобы собраться, к тому же оно состояло из людей старых. Если бы Горе удалось парламентское восстание, кормило правления перешло бы непосредственно в ее руки. Демократическое мещанство, со своей стороны, как всегда, ничего так страстно не желало, как того, чтобы борьба произошла над его головой, в облаках, между теньями членов парламента. Наконец, путем парламентского восстания как демократическое мещанство, так и его представительница, Гора, достигали своей великой цели: сокрушить мощь буржуазии, не развязывая рук пролетариату или показывая его только в перспективе; пролетариат был бы использован, не становясь опасным.

После востума Национального собрания от 11 июня произошло свидание нескольких членов Горы с делегатами тайных рабочих обществ. Последние настаивали на том, чтобы начать восстание в тот же вечер. Гора решительно отвергла этот план. Она ни за что не хотела выпустить из своих рук руководства движением; к своим союзникам она относилась с таким же подозрением, как и к своим врагам, и она была права. Воспоминание об июне 1848 г. никогда еще так живо не волновало ряды парижского пролетариата. Тем не менее он был связан союзом с Горой. Она представляла в парламенте большинство департаментов, она превеличивала свое влияние в армии, она располагала демократической частью Национальной гвардии, наконец, на ее стороне

было общественное влияние лавки. Начать восстание против воли Горы — это значило для пролетариата, ряды которого к тому же поредели от холеры и от безработицы, разогнавшей значительную массу его из Парижа, бесполезно повторить июньские дни 1848 г., но уже вне тех условий, которые толкали его тогда на отчаянную борьбу. Рабочие делегаты сделали то, что единственно было разумно. Они обязали Гору *скомпрометировать себя*, т. е. выйти из границ парламентской борьбы, если ее обвинительный акт будет отвергнут Собранием. В продолжение всего 13 июня пролетариат занимал то же скептически-наблюдательное положение и выжидал серьезной, бесповоротной схватки между демократической Национальной гвардией и армией, чтобы броситься тогда в борьбу и толкнуть революцию дальше навязанной ей мелкобуржуазной цели. На случай победы уже была организована пролетарская коммуна, которая должна была действовать рядом с официальным правительством. Парижских рабочих научила кровавая июньская школа 1848 г.

12 июня министр Лакросс сам внес в Законодательное собрание предложение перейти к немедленному обсуждению обвинительного акта. За ночь правительство приняло все меры для обороны и нападения; большинство Национального собрания решилось заставить выйти на улицу мятежное меньшинство, меньшинство не могло уже отступить, жребий был брошен; 377 голосов против 8 отвергли обвинительный акт; Гора, воздержавшаяся от голосования, полная злобы, бросилась в залы пропаганды «миролюбивой демократии», в редакцию газеты «*Démocratie pacifique*»¹.

Удаление из здания парламента сломило силу Горы, подобно тому как гигант Антей, теряя соприкосновение с землею, своей матерью, терял и свою силу. Самсоны в стенах Законодательного собрания, монтаньяры стали простыми филистерами в залах «миролюбивой демократии». Возгорелись долгие, шумные и пустые дебаты. Гора была полна решимости заставить уважать конституцию, не останавливаясь ни перед какими средствами, «*исключая только силу оружия*». В этом решении ее поддерживали манифест и депутация «друзей конституции». «Друзьями конституции» называли себя обломки клики «National'я», партии буржуазных республиканцев. В то время как из уцелевших представителей ее в парламенте шесть голосовали *против*, остальные все *за* отклонение обвинительного акта, в то время как *Кавеньяк* предоставил свою саблю в распоряжение партии порядка, более значительная внепарламентская часть клики жадно ухватила за представившийся ей случай выйти из своего положения поли-

¹ *Démocratie pacifique* («Мирная демократия») — орган фурьеристов, издававшийся Консидераном. *Ред.*

тических париев и протиснуться в ряды демократической партии. В самом деле, разве они не являлись естественными щитоносцами этой партии, спрятавшейся за их щит, за их *принцип*, за *конституцию*!

До самого утра Гора мучилась родами. Она родила «*прокламацию к народу*», которая появилась утром 13 июня в укромном уголке двух социалистических газет. Эта прокламация объявила «*вне конституции*» (*hors la Constitution*) президента, министров и большинство Законодательного собрания и призвала «подняться» Национальную гвардию, армию, а в заключение также народ. «*Да здравствует конституция!*» было ее паролем, — паролем, который значил не что иное, как «*долой революцию!*»

Конституционной прокламации Горы соответствовала так называемая *мирная демонстрация*, устроенная 13 июня мелкими буржуа. Это была уличная процессия от Château d'Eu по бульварам; 30 000 человек, большей частью национальные гвардейцы, без оружия, смешавшись с членами тайных рабочих секций, шли по бульварам с криками: «*Да здравствует конституция!*» Сами демонстранты выкрикивали этот лозунг механически, холодно, не от чистого сердца, и, вместо того, чтобы усиливаться до громовых раскатов, эти возгласы находили иронический отклик у народа, толпившегося на тротуарах. Многоголосому пению недоставало грудного голоса. Когда же шествие поравнялось со зданием заседаний «друзей конституции» и на фронте его появился наемный герольд конституции, который, размахивая изо всех сил своей клакерской шляпой и надрывая свои невероятные легкие, засыпал паломников градом кликов «*да здравствует конституция!*», — казалось, сами участники процессии почувствовали весь комизм положения. Известно, какой вовсе не парламентский прием приготовили процессии у конца rue de la Paix, на бульварах, драгуны и егеря Шангарнь; как она в один миг разбежалась во все стороны и лишь на бегу издавала жидкие крики «к оружию!» во исполнение парламентского призыва 11 июня к восстанию.

Большинство собравшихся на rue du Hazard членов Горы разбежалось в этот решительный момент, когда насильственный разгон мирной процессии, глухие слухи об убийстве безоружных граждан на бульварах, все усиливавшееся уличное смещение — все, казалось, возвещало приближение восстания. *Ледрю-Роллен*, во главе небольшой группы депутатов, спас честь Горы. Под защитой парижской артиллерии, которая заняла Palais National, они отправились в Conservatoire des arts et métiers, куда должны были прибыть 5-й и 6-й легионы Национальной гвардии. Но монтаньяры напрасно ждали 5-й и 6-й легионы; эти осторожные гвардейцы оставили на произвол судьбы своих представителей, парижская артиллерия сама помешала народу по-

строить баррикады, хаос и суматоха сделали невозможным никакое решение, линейные войска надвинулись со штыками наперевес, часть депутатов была захвачена, часть скрылась. Так кончилось 13 июня.

Если 23 июня 1848 г. было днем восстания революционного пролетариата, то 13 июня 1849 г. было днем восстания демократических мелких буржуа; каждое из этих восстаний было *классически чистым* выражением того класса, который его поднял.

Только в Лионе дело дошло до упорного, кровавого столкновения. Здесь промышленная буржуазия и промышленный пролетариат стоят непосредственно лицом к лицу, рабочее движение не включено, как в Париже, в рамки всеобщего движения и им не определяется; поэтому 13 июня потеряло здесь в своем отражении свой первоначальный характер. В остальных местах провинции, где 13 июня нашло отклик, оно ничего не зажгло, — это была *холодная молния*.

13 июня закончился *первый период жизни конституционной республики*, которая 29 мая 1849 г., с открытием Законодательного собрания, начала свое нормальное существование. Весь этот пролог заполнен шумной борьбой между партией порядка и Горой, между крупной и мелкой буржуазией; мелкая буржуазия тщетно сопротивлялась установлению буржуазной республики, в пользу которой сама же беспрерывно конспирировала во временном правительстве и в Исполнительной комиссии, за которую сама же с ожесточением билась против пролетариата в июньские дни. День 13 июня сломил ее сопротивление и сделал *законодательную диктатуру* соединенных роялистов *fait accompli* [совершившимся фактом]. С этого момента Национальное собрание становится лишь *Комитетом общественного спасения партии порядка*.

Париж объявил президента, министров и большинство Национального собрания в *«положении обвиняемых»*; последние объявили Париж в *«осадном положении»*. Гора объявила большинство Законодательного собрания *«вне конституции»*, большинство, в свою очередь, предало Гору верховному суду за нарушение конституции и подвергло проскрипции все, что в этой партии было наиболее жизненного. От Горы осталось лишь одно туловище без головы и сердца. Меньшинство дошло до попытки *парламентского восстания*, большинство возвело свой *парламентский деспотизм* в степень закона. Оно декретировало новый парламентский *регламент*, уничтоживший свободу трибуны и давший председателю Национального собрания право наказывать депутатов за нарушение порядка дисциплинарными взысканиями, денежными штрафами, лишением оклада, временным исключением из заседаний, заключением. Над туловищем Горы повесило оно вместо меча розгу. Долг чести требовал бы от уцелевших депутатов Горы демонстративно сложить полномочия. Этот акт уско-

рил бы распадение партии порядка. Она должна была бы распасться на свои первоначальные составные части в тот момент, когда ее перестала бы объединять хотя бы тень противодействия.

Одновременно с ее *парламентской* силой у демократической мелкой буржуазии отнята была также ее *вооруженная* сила; были распущены парижская артиллерия и 8-й, 9-й и 12-й легионы Национальной гвардии. Напротив, легион финансовой аристократии, 13 июня напавший на типографии Булэ и Ру, разбивший типографские станки, разгромивший редакции республиканских газет и незаконно арестовавший их редакторов, наборщиков, печатников, экспедиторов, рассыльных, получил поощрение с трибуны Национального собрания. По всей Франции повторился этот роспуск заподозренных в республиканизме национальных гвардейцев.

Новый закон о печати, новый закон о союзах, новый закон об осадном положении, переполнение парижских тюрем, изгнание политических эмигрантов, приостановка всех газет, идущих дальше «National'я», подчинение Лиона и пяти соседних департаментов грубому деспотизму солдатчины, повсеместная работа судов, новая чистка столько раз уже чищенной армии чиновников — вот неизбежные, постоянно повторяющиеся, *общие места* победоносной реакции, достойные упоминания после июньской бойни и июньских ссылок только потому, что на этот раз они были направлены не только против Парижа, но и против департаментов, не только против пролетариата, но прежде всего против средних классов.

Вся законодательная деятельность Национального собрания в продолжение июня, июля и августа была заполнена карательными законами, которые предоставили правительству право объявления осадного положения, еще крепче зажали рот печати и уничтожили право союзов.

Однако для этого периода характерно не *фактическое*, а *принципиальное* использование победы, не решения Национального собрания, а мотивировка этих решений, не дело, а фраза, даже не фраза, а акцент и жесты, оживлявшие фразу. Безудержно-наглая демонстрация *роялистских убеждений*, презрительно-аристократические оскорбления по адресу республики, кокетливо-фривольное выбалтывание реставрационных целей, — словом, хвастливое нарушение *республиканских приличий* — вот что придает этому периоду особый тон и отпечаток. «Да здравствует конституция!» — был боевой клич *побежденных* 13 июня. Это избавило *победителей* от лицемерия конституционного, т. е. республиканского, языка. Контрреволюция победила Венгрию, Италию и Германию, и они уже видели реставрацию у ворот Франции. Между вождями фракций порядка завязалась настоящая конкуренция; они наперерыв старались доказать документально через посредство

«Moniteur'a» свой роялизм, исповедаться, покаяться в кое-каких либеральных грехах, совершенных ими во времена монархии, испросить за них прощение перед богом и людьми. Не проходило дня без того, чтобы с.трибуны Национального собрания не объявляли февральскую республику общественным бедствием, без того, чтобы какой-нибудь легитимистский захолустный помещик торжественно не заявлял, что он никогда не признавал республики, без того, чтобы кто-нибудь из трусливых перебежчиков и предателей июльской монархии не рассказал о своих запоздавших подвигах, исполнению которых помешали только человеколюбие Луи-Филиппа или другие недоразумения. Выходило так, что в февральских днях заслуживало удивления не великодушие победоносного народа, а самопожертвование и умеренность роялистов, которые позволили ему победить себя. Один народный представитель предложил выдать часть денег, назначенных для вспомоществования раненым в февральские дни, *муниципальным свирдейцам*, которые одни оказали в те дни услугу отечеству. Другой предлагал воздвигнуть конную статую герцога Орлеанского на площади Карусели. Тьер назвал конституцию лоскутком грязной бумаги. По очереди на трибуне появлялись орлеанисты, чтобы каяться в своих кознях против легитимной монархии; легитимисты упрекали себя в том, что их сопротивление против нелегитимной монархии ускорило падение монархии вообще; Тьер каялся в том, что интриговал против Моле, Моле каялся в своих интригах против Гизо, Барро — в интригах против всех троих. Возглас «Да здравствует социально-демократическая республика!» был объявлен антиконституционным; возглас «Да здравствует республика!» преследовался в качестве социалистическо-демократического. В годовщину битвы при Ватерлоо один из депутатов объявил: «Я не так боюсь вторжения пруссаков, как вступления революционных эмигрантов во Францию». В ответ на жалобы на террор, организованный в Лионе и соседних департаментах, Барагэ д'Илле сказал: «Я предпочитаю белый террор красному» («J'aime mieux la terreur blanche, que la terreur rouge»). И Собрание неистово аплодировало каждый раз, когда из уст его ораторов вырывалась эпиграмма против республики, против революции, против конституции, за монархию, за Священный союз. Всякое нарушение малейших республиканских формальностей, например обращения к депутатам со словами «citoyens» [граждане], приводило в восторг рыцарей порядка.

Парижские дополнительные выборы 8 июля, произведенные под действием осадного положения и при воздержании значительной части пролетариата от голосования, занятие Рима французской армией, вступление в Рим красных преподобий, а в их свите — инквизиции и террора монахов, — все это присоединяло новые победы к июньской победе, все усиливало упоение партии порядка.

· Наконец, в середине августа роялисты декретировали двухмесячный перерыв заседаний Национального собрания — отчасти для того, чтобы присутствовать в только что собравшихся департаментских советах, отчасти же потому, что переутомились после многомесячной оргии своего роялизма. С нескрываемой иронией они оставили в качестве заместителей Национального собрания, в качестве *стражей республики*, комиссию из двадцати пяти депутатов, такие сливки легитимистской и орлеанистской партий, как Моле, Шангарнье и пр. Ирония была глубже, чем они подозревали. Приговоренные историей способствовать падению монархии, которую они любили, они были предназначены ею к охранению республики, которую ненавидели.

С перерывом заседаний Законодательного собрания закончился второй период в жизни конституционной республики, период ее роялистского неистовства.

Осадное положение в Париже было опять отменено, печать снова начала функционировать. Во время приостановки социалистическо-демократических газет, в период репрессивных мер и роялистского разгула «*Siècle*», старый литературный представитель *монархически-конституционной мелкой буржуазии*, стал *республиканским*; «*Presses*», старый орган *буржуазных реформаторов*, стал *демократическим*, а «*National*», старый классический орган *буржуазных республиканцев*, принял *социалистическую окраску*.

В той же мере, в какой становились невозможными *открытые клубы*, получили большее распространение и усилились *тайные общества*. Производительные *товарищества рабочих*, которые терпелись как чисто коммерческие общества и которые не имели никакого экономического значения, в политическом отношении сыграли для пролетариата роль связующих звеньев. 13 июня снесло официальную верхушку у различных полуреволюционных партий, зато у уцелевших масс выросла своя голова на плечах. Рыцари порядка пугали ужасами красной республики, но подлые зверства и гиперборейские ужасы победоносной контрреволюции в Венгрии, в Бадене, в Риме добела омыли «*красную республику*». И недовольные промежуточные классы французского общества начали предпочитать обещания красной республики с ее проблематическими ужасами ужасам красной монархии с ее фактической безнадежностью. Ни один социалист не сделал во Франции большего для революционной пропаганды, чем *Гайнау*¹. А chaque capacité selon ses oeuvres! [Каждому дарованию по его делам!]

Между тем Луи Бонапарт воспользовался каникулами На-

¹ *Гайнау* — австрийский генерал, прославившийся своими жестокими расправами с революционерами при подавлении революции в Италии (1848 г.) и Венгрии (1849 г.). *Ред.*

ционального собрания для августейших поездок по провинции, самые горячие из легитимистов отправились на поклонение в Эмс к потомку святого Людовика ¹, а масса депутатов из партии порядка занялась интригами в только что собравшихся департаментских советах. Надо было заставить советы высказать то, чего не осмеливалось еще произнести большинство Национального собрания, надо было, чтобы они потребовали *немедленного пересмотра конституции*. Согласно конституции, этот пересмотр мог состояться лишь в 1852 г. в особо созванном для этой цели Национальном собрании. Но если бы большинство департаментских советов высказалось за пересмотр, — неужели Собрание могло бы не пожертвовать голосу Франции девственностью конституции? Национальное собрание ожидало от этих провинциальных собраний того самого, чего ожидали в «Генриаде» Вольтера монахи от пандуров. Но, за немногими исключениями, Пентефрии Национального собрания натолкнулись в провинции на не меньшее число Иосифов. Громадное большинство не хотело понимать назойливых внушений. Пересмотру конституции помешало то самое орудие, которое должно было вызвать его к жизни: голосование департаментских советов. Франция, и притом буржуазная Франция, высказалась, и высказалась против пересмотра.

В начале октября Законодательное собрание снова открыло свои заседания — *tantum mutatus ab illo!* [но как оно изменилось!] Его физиономия совершенно преобразилась. Неожиданное отклонение пересмотра конституции со стороны департаментских советов вернуло его в пределы конституции и напомнило ему о пределах его существования. Орлеанистам внушали подозрение паломничества легитимистов в Эмс, легитимистов тревожили сношения орлеанистов с Лондоном ², газеты обеих фракций раздували огонь и взвешивали взаимные притязания своих претендентов. Орлеанисты вместе с легитимистами злились на происки бонапартистов, проявившиеся в августейших поездках президента, в его более или менее прозрачных попытках сбросить с себя всякую конституционную узду, в заносчивом языке бонапартистских газет; Луи Бонапарт, со своей стороны, злился на Национальное собрание, которое признавало право на конспирацию только за легитимистами и орлеанистами, и на министерство, которое постоянно изменяло ему в пользу этого Национального собрания. Наконец, в министерстве произошел раскол по поводу римской политики и *подходного налога*, предложенного

¹ В Эмсе жил претендент на французский престол из династии Бурбонов граф Шамбор (он же Генрих V). *Ред.*

² В окрестностях Лондона жил бежавший после февральской революции в Англию Луи-Филипп. *Ред.*

министром *Пасси*, который консерваторы честили как социалистический.

Одним из первых предложений министерства Барро во вновь собравшемся Законодательном собрании было требование кредита в 300 000 франков для уплаты вдовьей пенсии *герцогине Орлеанской*. Национальное собрание согласилось на это и прибавило к реестру долгов французской нации сумму в семь миллионов франков. Между тем как Луи-Филипп продолжал, таким образом, с успехом играть роль «*peu honteux*» [«стыдливый нищий»], министерство не решалось предложить Собранию увеличить содержание Бонапарта, а Собрание не казалось склонным разрешить эту надбавку, и Луи Бонапарт, как всегда, стоял перед дилеммой: «*Aut Caesar, aut Clichy!*» [«Либо цезарь, либо долговая тюрьма!»]

Второе требование кредита в девять миллионов франков для покрытия *издержек по римской экспедиции* еще более усилило натянутые отношения между Бонапартом, с одной стороны, и министрами и Национальным собранием — с другой. Луи Бонапарт обнародовал в «*Moniteur*» письмо к своему адъютанту Эдгару Нею, в котором он связывал папское правительство конституционными гарантиями. Папа, со своей стороны, издал обращение «*motu proprio*» [«по собственному почину»], в котором отвергал всякое ограничение своей восстановленной власти. Письмо Бонапарта с умышленной нескромностью приподымало занавес над его кабинетом, чтобы выставить его самого перед взорами галерки в качестве благожелательного, но не признанного даже в собственном доме и скованного гения. Он не в первый раз кокетничал «затаенными взмахами крыльев свободной души». *Тьер*, докладчик комиссии, совершенно игнорировал взмахи крыльев Бонапарта и ограничился тем, что перевел папское обращение на французский язык. Не министерство, а *Виктор Гюго* сделал попытку выручить президента, предложив Национальному собранию высказать свое одобрение письму Наполеона. *Allons donc! Allons donc!* [Полноте! Полноте!] — таким непочтительно-легкомысленным восклицанием похоронило большинство предложение Гюго. Политика президента? Письмо президента? Сам президент? *Allons donc! Allons donc!* Кто же принимает *monsieur* Бонапарта всерьез? Думаете ли вы, *monsieur* Виктор Гюго, что мы верим вам, будто вы верите президенту? *Allons donc! Allons donc!*

Наконец, разрыв между Бонапартом и Национальным собранием был ускорен благодаря прениям по поводу проекта *призвать обратно Орлеанов и Бурбонов*. В отсутствие министерства кузен президента, сын экс-короля Вестфалии, внес в палату это предложение, которое имело целью не что иное, как поставить легатимистских и орлеанистских претендентов на одну

доску с бонапартистским претендентом или, вернее, *ниже* его, так как он, по крайней мере, фактически стоял на вершине государственной власти.

Наполеон Бонапарт был достаточно испочтительен, чтобы соединить в одно предложение *возвращение прогнанных королевских фамилий и амнистию июльских инсургентов*. Негодование большинства тотчас же заставило его взять назад это кощунственное смешение святого и проклятого, королевской породы и пролетарского истребления, неподвижных звезд общества и его блуждающих болотных огоньков и отвести должное место каждому из двух предложений. Большинство энергично отвергло проект призвания в страну королевских фамилий, и *Беррье*, Демосфен легитимистов, не оставил никаких сомнений насчет значения этого востума. Разжалование претендентов в простые граждане — вот цель Бонапарта! Их хотят лишить ореола святости, последнего уцелевшего у них величия, *величия изгнания*! Что подумали бы о том из претендентов, — воскликнул Беррье, — который, забыв свое высокое происхождение, вернулся бы во Францию жить здесь простым частным лицом? Яснее нельзя было сказать Бонапарту, что он ничего не выиграл своим присутствием в стране, что если он нужен был соединенным роялистам здесь, на президентском кресле, в качестве *нейтральной личности*, то настоящие претенденты на корону должны были оставаться скрытыми от непосвященных взоров туманом изгнания.

1 ноября Луи Бонапарт ответил Законодательному собранию посланием, в котором в довольно резких выражениях извещал об отставке министерства Барро и образовании нового министерства. Министерство Барро — Фаллу было министерством роялистской коалиции, министерство д'Опуля — министерством Бонапарта, орудием президента против Законодательного собрания, *министерством приказчиков*.

Бонапарт уже не был теперь только *нейтральной личностью* 10 декабря 1848 г. Как глава исполнительной власти, он стал центром известных интересов, борьба с анархией заставила самую партию порядка усилить его влияние, и, если он *не был* больше популярен, то она была *непопулярна*. Разве он не мог надеяться, что соперничество орлеанистов и легитимистов, с одной стороны, и необходимость какой бы то ни было монархической реставрации — с другой, заставят обе эти фракции признать *нейтрального претендента*?

С 1 ноября 1849 г. начинается третий период в жизни конституционной республики, заканчивающийся 10 марта 1850 г. Начинается нормальная игра конституционных учреждений, которой так восхищается Гизо, т. е. раздоры между исполнительной и законодательной властью. Но это не все. Против реставрационных вожделений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт

защищает основу своей фактической силы — республику; против реставрационных вожделений Бонапарта партия порядка защищает основу своего совместного господства — республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают status quo — республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет in petto [в мечтах] своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вождениям своих соперников общее господство буржуазии, государственную форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются и сохраняются, — *республику*.

Как Кант признает республику в качестве единственного разумного государственного строя, постулатом практического разума, который никогда не осуществляется, но осуществление которого всегда должно быть нашей целью и предметом наших помыслов, — так для этих роялистов постулатом является *монархия*.

Таким образом, конституционная республика, вышедшая из рук буржуазных республиканцев пустой идеологической формулой, в руках соединенных роялистов стала полной содержания, живой государственной формой. Тьер и не подозревал, какая правда скрывалась в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики».

Падение министерства роялистской коалиции, выступление на сцену министерства приказчиков имело еще другое значение. Министром финансов в новом кабинете был назначен *Фульд*. Сделать Фульда министром финансов значило официально предоставить французское национальное богатство в руки биржи, управлять государственным достоянием через посредство биржи и в интересах биржи. Вместе с назначением Фульда финансовая аристократия объявила в «*Moniteur*» свою реставрацию. Эта реставрация необходимо дополняла собой все остальные реставрации и вместе с ними являлась звеном в цепи конституционной республики.

Луи-Филипп ни разу не осмелился сделать министром финансов настоящего *loup-stevier* [биржевого волка]. Подобно тому как его монархия была идеальным названием для господства крупной буржуазии, так и в его министерствах привилегированные интересы должны были носить идеологические имена, свидетельствующие о личной незаинтересованности. В буржуазной республике выступило на авансцену то, что различные монархии, легитимистская и орлеанистская, прятали за кулисами. Она низвела на землю то, что те возносили на небеса. Имена святых она заменила буржуазными собственными именами господствующих классовых интересов.

Все наше изложение показало, каким образом республика

с первого же дня существования не только не уничтожила господства финансовой аристократии, а, напротив, укрепляла его. Но она делала ей эти уступки против воли, подчиняясь року. С Фульдом же правительственная инициатива вернулась в руки финансовой аристократии.

Спросят, каким образом вся буржуазия в совокупности могла сносить и терпеть господство финансовой аристократии, которое при Луи-Филиппе покоилось на отстранении от власти или на подчинении остальных слоев буржуазии?

Ответ на это простой.

Прежде всего, финансовая аристократия сама образует важную руководящую группу внутри роялистской коалиции, общая правительственная власть которой называется республикой. Разве ораторы и вожди орлеанистов не были старыми союзниками и сообщниками финансовой аристократии? Разве сама она не является золотой фалангой орлеанистов? Что касается легитимистов, то они уже при Луи-Филиппе принимали фактическое участие во всех оргиях биржевых, горных и железнодорожных спекуляций. Вообще союз крупного землевладения с финансовой аристократией есть *нормальное явление*. Доказательство — Англия, доказательство — даже Австрия.

В такой стране, как Франция, где национальное производство стоит на непропорционально низкой ступени сравнительно с размером государственного долга, где государственная рента является важнейшим предметом спекуляции и биржа составляет главный рынок для приложения капитала, желающего расти непроизводительным путем, — в такой стране бесчисленное множество лиц из всех буржуазных и полубуржуазных классов необходимо должно быть заинтересовано в государственном долге, в биржевой игре, в финансах. А разве все эти второстепенные участники биржевой игры не находят свою естественную опору и главу в той фракции, которая является представителем тех же интересов, но в колоссальных размерах, во всей их полноте и целостности?

Что служит причиной перехода государственного достояния в руки финансовой аристократии? Постоянно растущая задолженность государства. А в чем причина этой задолженности государства? В постоянном перевесе его расходов над доходами, который, в свою очередь, является и следствием и причиной системы государственных займов.

Чтобы избежать этой задолженности, государство должно либо ограничить свои расходы, т. е. упростить, сократить правительственный организм, управлять возможно меньше, держать как можно меньший персонал чиновников, как можно меньше вмешиваться в дела гражданского общества. Партия порядка не могла пойти этим путем; она должна была тем более усиливать

свои репрессивные мероприятия, свое официальное вмешательство от лица государства, свое вездесущие в лице государственных органов, чем более со всех сторон ее господству и условиям существования ее класса угрожали разные опасности. Нельзя уменьшать состав жандармерии в то время, когда учащаются преступления против личности и собственности.

Либо же государство должно попытаться обойтись без долгов, установить на момент хотя бы скоропреходящее равновесие в бюджете путем переложения *чрезвычайных налогов* на состоятельнейшие классы населения. Но для избавления национального богатства от биржевой эксплуатации могла ли партия порядка принести в жертву на алтарь отечества свое собственное богатство? *Pas si bête!* [Она не так глупа!]

Словом, без коренного переворота во французском государстве немислим переворот в государственном хозяйстве Франции. А с этим государственным хозяйством необходимо связана задолженность государства, с задолженностью государства — спекуляции на государственных долгах, господство государственных кредиторов, банкиров, торговцев деньгами, «биржевых волков». Только одна фракция партии порядка была прямо заинтересована в падении финансовой аристократии, это — *фабриканты*. Мы говорим не о средних, не о мелких промышленниках, но о командирах промышленности, составлявших при Луи-Филиппе широкий базис династической оппозиции. Их интересы, несомненно, требовали уменьшения издержек производства, стало быть — уменьшения налогов, которые входят в издержки производства, уменьшения государственных долгов, проценты с которых входят в эти налоги, — другими словами, их интересы требовали падения финансовой аристократии.

В Англии, — а крупнейшие французские фабриканты являются мелкими буржуа в сравнении со своими английскими соперниками, — мы действительно видим фабрикантов, какого-нибудь Кобдена или Брайта, во главе крестового похода против банка и биржевой аристократии. Отчего же нет этого во Франции? В Англии преобладает промышленность, во Франции — земледелие. В Англии промышленность нуждается в *свободе торговли*, во Франции — в покровительственных пошлинах, в национальной монополии наряду с другими монополиями. Французская промышленность не господствует над французским производством, поэтому французские фабриканты не господствуют над французской буржуазией. Чтобы отстоять свои интересы от других фракций буржуазии, они не могут, как англичане, стать во главе движения и тем самым выдвинуть свои классовые интересы на первое место: они должны идти в хвосте революции и служить интересам, противоположным общим интересам их класса. В феврале они не поняли своего положения, по февраль

научил их уму-разуму. И кому ближе всего грозит опасность со стороны рабочих, как не работодателю, промышленному капиталисту? Поэтому во Франции фабрикант необходимо примкнул к наиболее ярым фанатикам партии порядка. Правда, биржевики урезают его *прибыль*, но *что это в сравнении с полным уничтожением ее пролетариатом?*

Во Франции мелкий буржуа выполняет то, что нормально было бы делом промышленного буржуа; рабочие выполняют то, что нормально было бы задачей мелкого буржуа; кто же разрешит задачу рабочего? Никто. Разрешается она не во Франции, она здесь только провозглашается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в мировую войну между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе народа, господствующего над мировым рынком, во главе Англии. Однако революция, находящая здесь не свой конец, а лишь свое организационное начало, не будет кратковременной революцией. Нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира.

Вернемся к Фульду.

14 ноября 1849 г. Фульд вззошел на трибуну Национального собрания и изложил свою финансовую систему: апология старой налоговой системы! сохранение налога на вино! отказ от подоходного налога Пасси!

Пасси тоже не был революционером, он был старым министром Луи-Филиппа. Он принадлежал к пуританам типа Дюфора и к самым интимным друзьям Теста, этого козла отпущения июльской монархии.¹ Пасси тоже был сторонником старой налоговой системы, он тоже желал сохранить налог на вино, но в то же время он сорвал завесу с государственного дефицита. Он объявил, что избежать государственного банкротства можно только с помощью нового налога — подоходного. Фульд, предлагавший некогда Ледрю-Роллену государственное банкротство, предложил Законодательному собранию государственный дефицит. Он обещал сбережения, тайна которых обнаружилась впоследствии: например, расходы уменьшились на 60 миллионов, а текущий долг увеличился на 200 миллионов, — подозрительные фокусы в группировке

¹ 8 июня 1847 г. в палате пэров начался процесс против Пармантье и генерала Кюбьера — они обвинялись в подкупе чиновников с целью получить соляную концессию — и против тогдашнего министра общественных работ Теста, обвинявшегося в том, что он принимал от них взятки. Последний во время процесса покушался на самоубийство. Все были приговорены к крупным денежным штрафам. Тест, кроме того, — к трем годам тюремного заключения. (*Примечание Энгельса.*)

цифр, в подведении счетов, что в конце концов сводилось к новым займам.

При Фульде финансовая аристократия рядом с остальными соперничающими фракциями буржуазии, конечно, не выступала с таким беззащитным цинизмом, как при Луи-Филиппе. Но система оставалась та же: тот же постоянный рост государственных долгов; тот же замаскированный дефицит. А с течением времени старое биржевое мошенничество выступило откровеннее. Доказательства: закон об Авиньонской железной дороге, таинственные колебания государственных бумаг, ставшие одно время злобой дня во всем Париже, наконец, неудавшиеся спекуляции Фульда и Бонапарта на выборах 10 марта.

После официальной реставрации финансовой аристократии французский народ должен был скоро снова дойти до 24 февраля.

Конституанта, чтобы насолить своему наследнику, отменила винный налог за 1850 г. Отмена старых налогов не давала средств для уплаты новых долгов. *Кретон*, один из кретинов партии порядка, предложил еще до перерыва заседаний Законодательного собрания сохранить налог на вино. Фульд принял это предложение от имени бонапартистского министерства, и 20 декабря 1849 г., в годовщину провозглашения Бонапарта президентом, Национальное собрание декретировало *восстановление налога на вино*.

Адвокатом этого восстановления был не финансист, а вождь иезуитов *Монталамбер*. Его аргументация была поражающе проста. Налог — это материнская грудь, кормящая правительство; правительство — это орудие репрессий, это органы авторитета, это армия, это полиция, это чиновники, судьи, министры, это *священники*. Покушение на налог есть покушение анархистов на стражей порядка, охраняющих материальное и духовное производство буржуазного общества от посягательств пролетарских вандалов. Налог — это пятый бог рядом с собственностью, семьей, порядком и религией. А налог на вино есть бесспорно налог, и притом не обыкновенный, а стародавний, проникнутый монархизмом, почтенный налог. *Vive l'impôt des boissons! Three cheers and one cheer more!* [Да здравствует налог на вино! Троекратное ура и еще раз ура!]

Когда французский крестьянин хочет представить себе чорта, он представляет его в виде сборщика налогов. С того момента, как Монталамбер объявил налог богом, крестьянин стал безбожником, атеистом и бросился в объятия к чорту — *социализму*. Религия порядка легкомысленно его потеряла, иезуиты легкомысленно его потеряли, Бонапарт легкомысленно его потерял. 20 декабря 1849 г. навсегда скомпрометировало 20 декабря 1848 г. «Племянник своего дяди» был в своей семье не первый, которого погубил налог на вино, налог, пахнувший, по словам Монталамбера, революционной грозой. Настоящий, великий Наполеон

высказался на острове св. Елены в том смысле, что восстановление налога на вино более чем что-либо другое было причиной его падения, так как восстановило против него крестьян южной Франции. Уже при Людовике XIV этот налог был главным предметом народной ненависти (см. сочинения Буагильбера и Вобана). Первая революция отменила его, а Наполеон снова ввел в 1808 г. в несколько измененном виде. Когда Бурбоны возвратились во Францию, в их авангарде гарцовали не только казаки, но им предшествовали также обещания отменить налог на вино. *Gentilhomme* [дворянство], конечно, не обязано было сдерживать слово, данное *gent taillable à merci et miséricorde* [бесправному низшему сословию]. 1830 год обещал отмену налога на вино. Не в его характере было делать то, что он говорил, и говорить то, что он делал. 1848 год обещал отмену налога на вино, так же как он обещал все. Конституанта, наконец, которая ничего не обещала, распорядилась, как мы уже сказали, в своем завещании, чтобы налог на вино был отменен с 1 января 1850 г. Но как раз за десять дней перед 1 января 1850 г. его снова ввело Законодательное собрание. Таким образом, французский народ тщетно гонялся за этим налогом: когда он выбросил его за дверь, тот снова влетел в окно.

Налог на вино недаром служил предметом народной ненависти: в нем соединились все ненавистные стороны французской налоговой системы. Способ его взимания ненавистен, способ распределения аристократичен, так как процентная ставка обложения одинакова как для самых обыкновенных, так и для самых дорогих вин; он, стало быть, увеличивается в геометрической прогрессии, по мере того как уменьшается имущество потребителя; это — прогрессивный налог на выворот. Он является премией за фальсификацию и подделку вина и таким образом вызывает систематическое отравление трудящихся классов. Он сокращает потребление, воздвигая у ворот каждого города с населением свыше 4 000 человек акцизные заставы (*octrois*) и превращая каждый такой город в чужую страну, защищенную от французского вина покровительственными пошлинами. Крупные виномоторговцы и в еще большей степени мелкие *marchands de vin*, трактирщики, которые всецело зависят от потребления вина, все они — заклятые враги налога на вино. И, наконец, сокращая потребление, налог на вино суживает для производства рынок сбыта. Лишая городских рабочих возможности покупать вино, он лишает крестьян-виноделов возможности продавать его. А Франция насчитывает приблизительно 12 миллионов виноделов. Понятна поэтому ненависть всего народа к налогу на вино, понятно в особенности фанатичное ожесточение против него крестьян. К тому же в восстановлении налога на вино они видели не единичное, более или менее случайное событие. Крестьяне имеют свои особые исторические тради-

ции, которые переходят от отца к сыну, и в этой исторической школе установилось такое убеждение, что всякое правительство, когда оно хочет обмануть крестьян, обещает им отмену налога на вино, а как только оно обмануло их, оно сохраняет его в силе или восстанавливает. На налоге на вино крестьянин пробует букет правительства, его тенденцию. Восстановление налога на вино 20 декабря означало: *Луи Бонапарт — такой же, как другие*. Но он не был такой, как другие, он был *изобретением крестьян*, и в покрытых миллионами подписей петициях против налога крестьянство взяло назад свои голоса, которые оно год назад дало «племяннику своего дяди».

Сельское население, больше двух третей всего французского населения, состоит главным образом из так называемых свободных *земельных собственников*. Первое поколение их, безвозмездно освобожденное революцией 1789 г. от феодальных повинностей, получило свою землю даром. Но последующие поколения под видом *цены за землю* уплачивали то, что их полукрепостные предки уплачивали в форме ренты, десятины, барщины и т. д. Чем более, с одной стороны, росло народонаселение, а с другой — увеличивалось дробление земель, тем дороже становилась цена мелкого земельного участка, так как, по мере того как мельчали эти парцеллы, рос спрос на них. Но вместе с ростом цены крестьянских парцелл росла *задолженность крестьянина*, т. е. *ипотека*, — все равно, покупал ли он парцеллу прямо или она засчитывалась ему сонаследниками в качестве капитала. Долг, тяготеющий на земле, и называется *ипотекой*, закладной на землю. Как вокруг средневековых земельных участков накапливались *привилегии*, так вокруг новейших парцелл происходит накопление *ипотек*. — С другой стороны, при режиме мелких участков земля является для крестьянина простым *орудием производства*. Но в той же мере, в какой дробится земля, уменьшается ее плодородие. Применение машин к обработке почвы, разделение труда, крупные мелиорационные предприятия, как то: устройство отводных и оросительных каналов и т. д., — становятся все более и более недоступными, а *непроизводительные издержки* на обработку земли растут в той же пропорции, как и дробление самого средства производства. Все это происходит независимо от того, обладает ли собственник парцеллы капиталом или нет. Но чем дальше идет процесс дробления земли, тем более и более единственным капиталом карликового хозяйства становится земельный участок с самым жалким инвентарем, тем менее становится возможным приложение капитала к земле, тем больше ощущается у мелкого крестьянина недостаток в земле, деньгах и образовании, необходимых для использования успехов агрономии, тем более регрессирует обработка земли. Наконец, *чистый доход* уменьшается в той же пропорции, в какой увеличивается *валовое потребление*,

в какой всю семью крестьянина удерживает от других занятий ее собственность, которая, однако, не обеспечивает ее существования.

Итак, в той же мере, в какой увеличивается население и дробление земли, в той же мере *дорожает орудие производства*, земля, и уменьшается ее *плодородие*, в той же мере *падает земледелие и растут крестьянские долги*. И то, что было следствием, в свою очередь становится причиной. Каждое поколение оставляет все больше долгов следующему, каждое новое поколение начинает свою жизнь при все более тяжелых и неблагоприятных условиях, задолженность рождает задолженность, и когда крестьянин не может уже *перезакладывать* свой клочок земли *под новые долги*, т. е. обременять его новыми ипотеками, он прямо попадает в лапы *ростовщика*, и тем огромнее становятся *ростовщические проценты*.

Таким образом, французский крестьянин в виде *процентов* на тяготеющие на земле *ипотеки*, в виде процентов и на *не-ипотечные ссуды у ростовщика* отдает капиталистам не только поземельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом, — не только *весь чистый доход*, но даже *часть своей заработной платы*; он опустился таким образом до уровня *ирландского арендатора*, и все это под видом *частного собственника*.

Этот процесс был ускорен во Франции все растущим *бременем налогов и судебными издержками*, вызванными частью непосредственно самими формальностями, которыми французское законодательство обставляет земельную собственность, частью бесчисленными конфликтами между владельцами всюду соприкасающихся и перекрещивающихся парцелл, частью же страстью к тяжбам, свойственной крестьянам, для которых все наслаждение собственностью сводится к фанатичной защите воображаемой собственности, *права собственности*.

По статистическим вычислениям 1840 г., валовой продукт французского земледелия составлял 5 237 178 000 франков. Из этой суммы надо вычесть 3 552 миллиона франков на издержки по обработке, включая сюда потребление земледельцев. Остается чистый продукт в 1 685 178 000 франков, из которых 550 миллионов надо скинуть на проценты по ипотекам, 400 миллионов на судебных чиновников, 350 миллионов на налоги и 107 миллионов на нотариальный сбор, гербовый сбор, на пошлины с ипотек и т. д. Остается третья часть чистого продукта — 538 миллионов; на душу населения не приходится и 25 франков чистого дохода. В этом вычислении, конечно, не приняты во внимание ни внеипотечное ростовщичество, ни расходы на адвокатов и т. д.

Теперь понятно положение французских крестьян, когда республика прибавила к их старым тяготам еще новые. Ясно, что эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации промыш-

ленного пролетариата лишь по *форме*. Эксплуататор — тот же самый: *капитал*. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством *ипотек* и *ростовщичества*; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством *государственных налогов*. Право крестьянской собственности является талисманом, который отдавал до сих пор крестьян во власть капитала; во имя этой собственности капитал натравливал их против промышленного пролетариата. Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации. *Конституционная республика*, это — диктатура его объединенных эксплуататоров; *социально-демократическая, красная республика*, это — диктатура его союзников. И чашки весов падают или поднимаются, смотря по тем голосам, которые крестьянин бросает в избирательную урну. Он сам должен решать свою судьбу. — Так говорили социалисты в памфлетах, в альманахах, в календарях, во всевозможных брошюрах. Эти идеи стали еще понятнее крестьянину благодаря полемическим сочинениям партии порядка; она тоже обращалась к нему, и своими грубыми преувеличениями, своим бессовестным искажением социалистических идей и стремлений как раз попадала в настоящий крестьянский тон и разжигала жадность крестьянина к запретному плоду. Но понятнее всего говорил самый опыт, приобретенный классом крестьян при применении избирательного права, говорили те разочарования, которые одно за другим обрушивались на него в стремительном развитии революции. *Революции — locomotives истории*.

Постепенный переворот в настроении крестьянства проявился в различных симптомах. Он сказался уже на выборах в Законодательное собрание, сказался в осадном положении, объявленном в пяти департаментах вокруг Лиона, сказался спустя несколько месяцев после 13 июня в избрании департаментом Жиронды монтаньяра на место бывшего президента *chambre introuvable* [бесподобной палаты]¹, сказался 20 декабря 1849 г. в избрании красного на место умершего легитимистского депутата *Гардского* департамента, этой обетованной страны легитимистов, арены ужаснейших расправ с республиканцами в 1794 и 1795 гг., очага белого террора 1815 г., где открыто убивали либералов и протестантов. Это революционизирование самого консервативного класса ярче всего сказалось после восстановления налога на вино. Правительственные мероприятия и законы, изданные в январе и феврале 1850 г., направлены были почти исключительно против *департа-*

¹ Так называют в истории выбранную в 1815 г., непосредственно после второго отречения Наполеона, палату, фанатично ультрароялистскую и реакционную. (*Примечание Энгельса.*)

ментов и крестьян, что является самым убедительным доказательством их пробуждения.

Циркуляр д'Опуля, сделавший жандарма инквизитором при префекте, супрефекте и прежде всего при мэре, организовавший систему шпионажа вплоть до глухих углов самых захолустных деревень; *закон против школьных учителей*, подчинявший их, духовных вождей, воспитателей и идеологов крестьянского класса, произволу префекта, гонявший их, пролетариев класса ученых, словно затравленную дичь, из одной деревни в другую; *законопроект против мэров*, повесивший над головой последних Дамоклов меч отставки и каждый момент противопоставлявший их, президентов крестьянских общин, президенту республики и партии порядка; *указ*, превративший 17 военных округов Франции в четыре пашалыка и сделавший казарму и бивуак национальным салоном французов; *закон о школах*, которым партия порядка объявила невежество и насильственное помрачение Франции необходимым условием своего существования при режиме всеобщего избирательного права, — что представляли собою все эти законы и мероприятия? Отчаянные попытки снова подчинить партии порядка департаменты и крестьянство департаментов.

Как *репрессии*, это были жалкие средства, бывшие мимо цели. Крупные меры, как сохранение налога на вино и 45-сантиметрового налога, издевательское отклонение крестьянских петиций о возвращении миллиарда и т. д., — все эти законодательные перуны поражали крестьянский класс только сразу, оптом, из центра. Перечисленные же выше законы и мероприятия придавали нападению и сопротивлению *всеобщий* характер, делали их темой разговоров в каждой хижине, они прививали революцию каждой деревне, они *переносили революцию на места и окрестывали ее*.

С другой стороны, не доказывают ли эти проекты Бонапарта и принятие их Национальным собранием согласия обеих властей конституционной республики там, где дело идет о подавлении анархии, т. е. всех тех классов, которые восстают против диктатуры буржуазии? Разве *Сулук* тотчас после своего грубого послания не уверил Законодательное собрание в своей преданности делу порядка в непосредственно затем последовавшем послании *Карльс*, этой грязной и пошлой карикатуры на Фуше¹, подобно тому как и сам Луи Бонапарт был плоской карикатурой на Наполеона?

Закон о школах показывает нам союз молодых католиков и старых вольтерьянцев. Господство соединенной буржуазии, — могло ли оно быть чем-либо иным, как не объединенным деспотизмом дружественной иезуитам реставрации и спекулировавшей вольнодумством июльской монархии? Оружие, которым снабжали

¹ Жозеф Фуше (1763—1820) — министр полиции при Наполеоне I. *Ред.*

народ одни буржуазные фракции против других в своей взаимной борьбе за верховную власть, — разве не должны были они снова исторгнуть его из рук народа, раз он противостоял их объединенной диктатуре? Ничто, даже отклонение *concordats à l'amiable*, не возмутило так парижского лавочника, как это кокетничание с *иезуитизмом*.

Между тем столкновения между различными фракциями партии порядка, так же как между Национальным собранием и Бонапартом, продолжались своим чередом. Не понравилось Собранию, что Бонапарт непосредственно после своего *coup d'état* [государственного переворота], после назначения собственного бонапартистского министерства, призвал к себе вновь произведенных в префекты инвалидов монархии и поставил условием их службы запрещенную конституцией агитацию в пользу вторичного избрания его президентом; не понравилось, что Карлье ознаменовал свое назначение закрытием одного легитимистского клуба; не понравилось, что Бонапарт основал собственную газету «*Le Napoléon*», которая открывала публике тайные вожделения президента, в то время как министры должны были отрекаться от них на подмостках Законодательного собрания; не понравилось Собранию, что Бонапарт, несмотря на все вотумы недоверия, упорно не увольнял своих министров; не понравилась попытка приобрести расположение унтер-офицеров прибавкой четырех су к их ежедневному жалованью и расположение пролетариата посредством плагиата из «Парижских тайн» Эжена Сю — учреждением ссудного «банка чести» (*Ehren-Leihbank*); наконец, не понравилось то бесстыдство, с которым через министров Бонапарта было внесено предложение сослать в Алжир уцелевших июньских инсургентов, чтобы сделать Законодательное собрание непопулярным *en gros* [оптом], тогда как себе самому президент обеспечивал популярность *en détail* [в розницу] отдельными актами помилования. *Тьер* произнес угрожающие слова о «*coups d'état*» [государственных переворотах] и «*coups de tête*» [опрометчивых поступках], а Законодательное собрание мстило за себя Бонапарту тем, что отвергало всякий законопроект, который он вносил в собственных интересах, и с шумной подозрительностью исследовало всякий проект, который он вносил в общих интересах, не играет ли он на руку личной власти Бонапарта под предлогом усиления исполнительной власти. Одним словом, оно *мстило заговором презрения*.

Партию легитимистов, в свою очередь, раздражало, что более ловкие орлеанисты снова захватили в свои руки почти все государственные должности, раздражал рост *централизации*, тогда как они ожидали успеха своего дела от *децентрализации*. И действительно, контрреволюция *насиловственно проводила централизацию*, т. е. подготавливала механизм революции. Установив обязательный курс для банковых билетов, она *централизовала* даже

золото и серебро Франции в Парижском банке и создала таким образом *готовую военную кассу* революции.

Наконец, орлеанистов раздражало, что их принципу побочной династии противопоставляется вновь выплывший принцип легитимизма, что их самих постоянно осаживают и третируют, подобно тому как дворянин третирует свою супругу буржуазного происхождения.

Мы шаг за шагом проследили, как крестьяне, мелкие буржуа, вообще средние слои общества становились на сторону пролетариата, приходили к открытому антагонизму по отношению к официальной республике, третировались ею как враги. *Возмущение против диктатуры буржуазии, потребность в преобразовании общества, сохранение демократическо-республиканских учреждений как орудий этого преобразования, сплочение вокруг пролетариата как решающей революционной силы* — вот общие черты, характеризующие так называемую *партию социальной демократии, партию красной республики*. Эта партия анархии, как окрестили ее противники, точно так же как *партия порядка*, является коалицией различных интересов. От ничтожнейшей реформы старого общественного беспорядка до свержения старого общественного порядка, от буржуазного либерализма до революционного терроризма — так далеко расходятся между собой крайности, составляющие исходный и конечный пункт партии «анархии».

Отмена покровительственных пошлин — социализм! потому что она посягает на монополию *промышленной* фракции партии порядка. Приведение в порядок государственного хозяйства — социализм! потому что оно затрагивает монополию *финансовой* фракции партии порядка. Свободный ввоз заграничного хлеба и мяса — социализм! потому что он нарушает монополию третьей фракции партии порядка, *крупного землевладения*. Требования фритредеров, передовой партии английской буржуазии, во Франции сплошь оказываются социалистическими требованиями. Вольтерьянство — социализм! потому что оно нападает на четвертую фракцию партии порядка, *католическую* фракцию. Свобода печати, свобода союзов, вообще народное образование — социализм, социализм! Ведь все это — покушения на общую монополию партии порядка!

В ходе революции положение так быстро созрело, что друзья реформы всех оттенков, что самые скромные требования средних классов принуждены были объединяться вокруг знамени самой крайней партии переворота, вокруг *красного знамени*.

Но как ни различен был социализм главных составных элементов партии анархии, смотря по экономическим условиям и вытекающим из них общим революционным потребностям того или другого класса или фракции класса, — в *одном* пункте он оста-

вался один и тот же: он объявлял себя *средством освобождения пролетариата* и провозглашал это освобождение своей *целью*. Сознательный обман у одних, самообман у других, которые убеждены, что мир, переустроенный сообразно их потребностям, есть лучший из миров для всех, что он осуществляет все революционные требования и устраняет все революционные конфликты.

Под более или менее одинаково звучащими *общими социалистическими* фразами «*партии анархии*» скрывается, во-первых, *социализм* газет «*National*», «*Presse*», «*Siècle*», который более или менее последовательно стремится свергнуть господство финансовой аристократии и освободить промышленность и торговлю от старых пут. Это — социализм промышленности, торговли и земледелия, заправила которых, входящие в партию порядка, жертвуют этими интересами, поскольку они более уже не совпадают с их частными монополиями. От этого *буржуазного социализма*, который, как всякая другая разновидность социализма, привлекает к себе известную часть рабочих и мелких буржуа, отличается собственно *мелкобуржуазный социализм*, социализм *par excellence* [по преимуществу]. Капитал обирает этот класс главным образом в качестве *кредитора*, поэтому этот класс требует *кредитных учреждений*; капитал давит его своей *конкуренцией*, поэтому он требует *ассоциаций*, поддерживаемых государством; капитал побеждает его *концентрацией*, поэтому он требует *прогрессивных налогов*, ограничения права наследования, выполнения крупных работ государством и других мер, *насиловственно задерживающих рост капитала*. Так как он мечтает о мирном осуществлении своего социализма, — исключая разве лишь какую-нибудь непродолжительную вторую февральскую революцию, — то он, естественно, представляет себе грядущий исторический процесс в виде *осуществления систем*, которые выдумывают или уже выдумали социальные теоретики, будь то компаниями или в одиночку. Таким образом, эти социалисты становятся эклектиками или сторонниками наличных социалистических *систем*, сторонниками *доктринерского социализма*, который был теоретическим выражением пролетариата лишь до тех пор, пока пролетариат еще не дорос до своего собственного свободного исторического движения.

Эта *утопия*, этот *доктринерский социализм*, подчиняющий все историческое движение одному из его моментов, заменяющий коллективное, общественное производство мозговой деятельностью отдельного педанта, а, главное, устраняющий в своей фантазии при помощи маленьких фокусов и больших сентиментальностей революционную борьбу классов со всеми ее необходимыми проявлениями, этот доктринерский социализм в сущности лишь идеализирует современное общество, дает лишенную теневых сторон картину его и старается осуществить свой идеал напере-

кор действительности этого же общества. И вот в то время как пролетариат уступает этот социализм мелкой буржуазии, а борьба между различными социалистическими вождями обнаруживает, что каждая из так называемых систем есть претенциозное подчеркивание одного из переходных моментов социального переворота в противоположность другим, — *пролетариат* все более объединяется вокруг *революционного социализма*, вокруг *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем *Вланки*. Этот социализм есть *объявление перманентной революции, классовая диктатура пролетариата*, как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений.

Рамки нашего изложения не позволяют нам подробнее останавливаться на этом вопросе.

Мы видели: подобно тому как в партии *порядка* неизбежно встала во главе *финансовая аристократия*, так в партии *«анархии»* — *пролетариат*. В то время как различные классы, объединившиеся в революционную лигу, группировались вокруг пролетариата, в то время как департаменты становились все менее надежными и само Национальное собрание все сердитее ворчалось против притязаний французского Сулука, — подошли долго откладывавшиеся и задерживавшиеся дополнительные выборы на место изгнанных монпаньяров 13 июня.

Правительство, презираемое своими врагами, оскорбляемое и унижаемое на каждом шагу своими мнимыми друзьями, видело лишь *одно* средство выйти из этого невыносимого и шаткого положения — *мятеж*. Мятеж в Париже дал бы предлог объявить осадное положение в Париже и департаментах и таким образом распорядиться выборами. С другой стороны, друзья порядка должны были бы пойти на уступки правительству, одержавшему победу над анархией, иначе они сами являлись бы в роли анархистов.

Правительство взялось за работу. В начале февраля 1850 г. оно провоцирует народ, срубая деревья свободы. Тщетно! Если деревья свободы и потеряли свои места, то оно само потеряло голову и в испуге отступило перед своей собственной провокацией. Национальное собрание встретило ледяным недоверием эту неуклюжую попытку Бонапарта освободиться. Не большой успех имело и удаление с июльской колонны венков иммортелей. Это вызвало в одной части армии революционные демонстрации и дало Национальному собранию повод к более или менее скрытому вотуму недоверия министерству. Напрасно правительственная пресса грозила отменой всеобщего избирательного права и

вторжением казаков; напрасно д'Опуль бросил в Законодательном собрании прямой вызов членам левой; напрасно звал он их на улицу и заявил, что правительство приготовилось встретить их как следует. Д'Опуль не добился ничего, кроме призыва к порядку со стороны президента, и партии порядка с молчаливым злорадством позволила одному депутату левой осмелеть узурпаторские вожделения Бонапарта. Напрасно, наконец, правительство предсказывало революцию на 24 февраля. Правительство добилося лишь того, что народ никак не отметил 24 февраля.

Пролетариат не дал спровоцировать себя к *бунту*, он намеревался произвести *революцию*.

Провокации правительства, лишь усилив всеобщее недовольство существующим порядком, не помешали избирательному комитету, находившемуся всецело под влиянием рабочих, выставить следующих трех кандидатов для Парижа: *Дефлотта*, *Видаля* и *Карно*. Дефлотт был сослан в июне и амнистирован в результате одной из бивших на популярность бонапартовских выходов; он был другом Бланки и принимал участие в деле 15 мая. Видаль известен как коммунистический писатель, как автор книги «О распределении богатства»; он был секретарем Луи Блана в Люксембургской комиссии. Карно, сын организовавшего победу члена Конвента, наименее скомпрометированный член партии «*National*», министр просвещения во временном правительстве и Исполнительной комиссии, был благодаря своему демократическому законопроекту о школах живым протестом против школьного закона иезуитов. Эти три кандидата представляли собою три соединившихся класса: во главе — июньский инсургент, представитель революционного пролетариата; рядом с ним — доктринер-социалист, представитель социалистической мелкой буржуазии; наконец, третий кандидат — представитель республиканской буржуазии, демократические формулы которой в столкновениях с партией порядка приобрели социалистический смысл и давно утратили свое собственное значение. Это была *всеобщая коалиция против буржуазии и правительства, как и в феврале*. Но на этот раз *пролетариат стоял во главе революционной лиги*.

Наперекор всем усилиям противников победили социалистические кандидаты. Даже армия голосовала за июньского инсургента и против своего же военного министра Лаитта. Партия порядка была поражена, как громом. Департаментские выборы не принесли ей утешения: они дали большинство монтаньярам.

Выборы 10 марта 1850 года! Это была кассация июня 1848 г.: те, кто ссылали и избивали июньских инсургентов, вернулись в Национальное собрание, но согбенные, в сопровождении сосланных, с их принципами на устах. *Это была кассация 13 июня 1849 г.:* Гора, которую Национальное собрание изгнало, вернулась в На-

циональное собрание, но она вернулась уже не как командир революции, а как ее передовой трубач. *Это была кассация 10 декабря*: Наполеон провалился в лице своего министра Лаитта. Парламентская история Франции знает лишь одну аналогию с этим: провал д'Осси, министра Карла X, в 1830 г. Наконец, выборы 10 марта 1850 г. были кассацией выборов 13 мая, которые дали большинство партии порядка. Выборы 10 марта явились протестом против большинства 13 мая. 10 марта было революцией. За избирательными бюллетенями скрываются булыжники мостовой.

«Голосование 10 марта объявляет нам войну», — воскликнул Сегюр д'Агессо, один из прогрессивнейших членов партии порядка.

С 10 марта 1850 г. конституционная республика вступает в новую фазу, в *фазу своего разложения*. Различные фракции большинства снова объединены друг с другом и с Бонапартом; они снова спасают порядок; Бонапарт снова — их *нейтральная личность*. Если они вспоминают о своем роялизме, то лишь потому, что отчаялись в возможности буржуазной республики; если он вспоминает, что он — президент, то только потому, что отчаивается в возможности остаться президентом.

На избрание июньского инсургента Дефлотта Бонапарт, по команде партии порядка, ответил назначением на пост министра внутренних дел Бароша — Бароша, который был обвинителем Бланки и Барбеса, Ледрю-Роллена и Гинара. На избрание Карно Законодательное собрание ответило принятием закона о школах, на избрание Видаля — запрещением социалистической печати. Трубными звуками своей печати партия порядка пытается заглушить свой собственный страх. «Меч свят», — восклицает один из ее органов. «Защитники порядка должны начать наступление против партии красных», — заявляет другой орган. «Между социализмом и обществом идет борьба не на жизнь, а на смерть, беспрестанная, беспощадная война; в этой отчаянной войне один из них должен погибнуть. Если общество не уничтожит социализма, социализм уничтожит общество», — кричит третий петух порядка. Воздвигайте баррикады порядка, баррикады религии, баррикады семьи! Надо покончить со 127 000 парижских избирателей! Варфоломеевская ночь для социалистов! И партия порядка одно мгновение действительно верит, что победа ей обеспечена.

Неистовее всего ее органы обрушиваются на *«парижских лавочников»*. Лавочники Парижа избрали июньского инсургента своим представителем! Это значит: второй июнь 1848 г. невозможен; это значит: второе 13 июня 1849 г. невозможно; это значит: моральное влияние капитала сломлено, буржуазный парламент представляет только буржуазию; это значит: крупная собственность погибла, так как вассал ее — мелкая собственность — ищет себе спасения в лагере лишенных собственности.

Партия порядка прибегает, разумеется, к своему неизбежному общему месту: «*Большие репрессии!*» — кричит она. — «*Удесятерить репрессии!*» Но ее репрессивная сила уменьшилась в десять раз, тогда как сопротивление увеличилось в сто раз. Разве самое главное орудие репрессии, армия, не нуждается в репрессии? И партия порядка говорит свое последнее слово: «Надо сломать железное кольцо душащей нас легальности. *Конституционная республика невозможна*, мы должны бороться своим настоящим оружием. С февраля 1848 г. мы боролись с революцией *ее же* оружием и на *ее же* почве, мы приняли *ее* учреждения; конституция — крепость, которая защищает осаждающих, а не осажденных! Во чреве троянского коня мы прокрались в священный Илион, но, не в пример нашим предкам, грекам¹, мы не завоевали вражеского города, а сами попали в плен».

В основе конституции лежит *всеобщее избирательное право*. Уничтожение *всеобщего избирательного права* — вот последнее слово партии порядка, последнее слово буржуазной диктатуры.

Всеобщее избирательное право признало их право на эту диктатуру 24 мая 1848 г., 20 декабря 1848 г., 13 мая 1849 г., 8 июля 1849 г. Всеобщее избирательное право осудило само себя 10 марта 1850 г. Господство буржуазии как вывод и результат всеобщего избирательного права, как категорический акт суверенной воли народа, — вот смысл буржуазной конституции. Но что за смысл имеет конституция с того момента, как содержание этого избирательного права, этой суверенной воли народа, не сводится более к господству буржуазии? Разве не прямая обязанность буржуазии — регулировать в таком случае избирательное право так, чтобы оно хотело разумного, т. е. ее господства? Всеобщее избирательное право каждый раз уничтожает существующую государственную власть и каждый раз снова воссоздает ее из себя; таким образом, оно уничтожает всякую устойчивость, ежеминутно ставит на карту все существующие власти, подрывает авторитет, грозит возвести в авторитет самое анархию, — кто еще станет сомневаться в этом после 10 марта 1850 г.?

Отвергая всеобщее избирательное право, в которое она драпировалась до сих пор, из которого она черпала свое всемогущество, буржуазия открыто признается: «*Наша диктатура до сих пор существовала по воле народа, отныне она будет упрочена против воли народа*». И вполне последовательно она ищет себе теперь опоры не во Франции, а вне ее, за границей, в *нашествии*.

Вместе с призывом к нашествию этот второй Кобленц, основавший свою резиденцию в самой Франции, возбуждает против себя все национальные страсти. Нападая на всеобщее избирательное

¹ Игра слов: грекс — значит греки, а также шулера. (Примечание Энгельса.)

право, он дает *всеобщий предлог* для новой революции, а революции нужен именно такой предлог. Всякий *частный предлог* разъединил бы фракции революционной лиги и заставил бы выступить наружу их частные различия. Но *всеобщий предлог* оглушает полуреволюционные классы, он позволяет им обманывать себя насчет *особенного характера* грядущей революции, насчет последствий их собственных поступков. Всякая революция нуждается в банкетном вопросе. Всеобщее избирательное право — вот банкетный вопрос новой революции.

Но, отказываясь от единственно возможной формы своей *объединенной власти*, от самой могучей и самой полной формы своего *классового господства*, от конституционной республики, и бросаясь назад, к низшей, неполной, более слабой *монархической* форме, соединенные буржуазные фракции сами произнесли себе приговор. Они напоминают того старика, который, желая вернуть себе юношескую свежесть, достал свое детское платье и попытался натянуть его на свои дряхлые члены. За их республикой была лишь та заслуга, что *она была теплицей для революции*.

10 марта 1850 г. носит надпись:

Après moi le déluge! После меня хоть потоп!

[Лондон, март 1850 г.]

IV. ОТМЕНА ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В 1850 г.

(Продолжение предыдущих трех глав помещено в «Обзрении» последнего, двойного, 5-го и 6-го, номера «Neue Rheinische Zeitung». Там сначала описывается большой торговый кризис, разразившийся в 1847 г. в Англии; его воздействием на континент объясняется обострение тамошних политических осложнений и превращение их в революции февраля и марта 1848 г., а затем показывается, как наступившее с 1848 г. и еще более усилившееся в 1849 г. процветание торговли и промышленности парализовало революционный подъем, сделав вместе с тем возможными победы реакции. Специально о Франции говорится затем следующее:)¹

Такие же симптомы стали обнаруживаться во *Франции* с 1849 г., а в особенности с начала 1850 г. Парижская промышленность пошла полным ходом, хлопчатобумажные фабрики в Руане и Мюльгаузене также работали довольно хорошо, хотя, как и в Англии, и тут сильной помехой явились высокие цены на сырье. При этом развитию процветания во Франции особенно содействовали широкая таможенная реформа в Испании и понижение пошлин на различные предметы роскоши в Мексике. Вывоз французских товаров на оба эти рынка сильно увеличился. Рост капиталов

¹ Этот вступительный абзац написан Энгельсом. *Ред.*

повел во Франции к целому ряду спекулятивных предприятий, предлог к которым дала эксплуатация в крупном масштабе калифорнийских золотых приисков. Возникла масса обществ, которые своими дешевыми акциями и социалистически окрашенными проспектами обращаются непосредственно к кошельку мелких буржуа и рабочих, но в общем сводятся к чистейшему мошенничеству, свойственному только французам и китайцам. Одно из этих обществ пользовалось даже прямым покровительством правительства. Ввозные пошлины составили во Франции за первые девять месяцев 1848 г. 63 миллиона франков, за 1849 г. — 95 миллионов франков, а за 1850 г. — 93 миллиона франков. Они, впрочем, в сентябре 1850 г. опять поднялись больше чем на один миллион по сравнению с тем же месяцем 1849 г. Вывоз также повысился в 1849 г. и еще больше в 1850 г.

Самым убедительным доказательством вновь наступившего процветания служит возобновление Французским банком, по закону 6 сентября 1850 г., платежей наличными. 15 марта 1848 г. банк получил право приостановить платежи наличными. Количество находившихся в обороте банкнот, включая и провинциальные банки, составляло тогда 373 миллиона франков (14 920 000 ф. ст.). 2 ноября 1849 г. в обращении находилось 482 миллиона франков, или 19 280 000 ф. ст., что означало увеличение на 4 360 000 ф. ст., а 2 сентября 1850 г. — 496 миллионов франков, или 19 840 000 ф. ст., т. е. увеличение приблизительно на 5 миллионов ф. ст. При этом обесценения банкнот не наблюдалось: наоборот, увеличение обращения бумажных денег сопровождалось все растущим накоплением золота и серебра в подвалах банка, так что летом 1850 г. металлический запас достиг приблизительно 14 миллионов ф. ст., неслыханной во Франции суммы. То обстоятельство, что банк таким образом оказался в состоянии повысить обращение своих билетов и вместе с тем свой активный капитал на 123 миллиона франков, или 5 миллионов ф. ст., блестяще доказывает, как правильно было наше утверждение в одном из предыдущих номеров, что финансовая аристократия не только не была сломлена революцией, но что она, наоборот, еще окрепла. Еще очевиднее становится этот результат из следующего обзора французского законодательства о банках за последние годы. 10 июня 1847 г. банк получил право выпускать билеты в 200 франков. До тех пор банкноты самого низшего достоинства были в 500 франков. Декретом от 15 марта 1848 г. билеты Французского банка были объявлены законным средством платежа, и банк был освобожден от обязательства обменивать их на звонкую монету. Его право на выпуск билетов было ограничено 350 миллионами франков. Одновременно с этим он получил право выпустить билеты в 100 франков. Декретом от 27 апреля предписывалось слияние департаментских банков с Французским банком; другим декретом, от 2 мая 1848 г., его право

на выпуск билетов повышалось до 442 миллионов франков. Декретом от 22 декабря 1849 г. максимум выпуска банкнот был доведен до 525 миллионов франков. Наконец, закон 6 сентября 1850 г. опять установил право обмена билетов на золото. Эти факты — непрерывное увеличение обращения билетов, концентрация всего французского кредита в руках банка и накопление всего французского золота и серебра в его подвалах — привели г. Прудона к заключению, что банк теперь должен сбросить свою старую змеиную шкуру и превратиться в прудоновский Народный банк. На самом же деле Прудону не нужно было даже быть знакомым с историей ограничения права банков в Англии от 1797 до 1819 г., ему надо было только бросить взгляд по ту сторону канала, чтобы увидеть, что этот неслыханный для него в истории буржуазного общества факт был не чем иным, как в высшей степени нормальным буржуазным явлением, которое только во Франции наступило теперь в первый раз. Мы видим, что мнимо-революционные теоретики, которые после временного правительства задавали тон в Париже, были так же невежественны в вопросе о характере и результатах принятых мероприятий, как и сами господа из временного правительства.

Несмотря на процветание промышленности и торговли, наступившее теперь во Франции, масса населения, 25 миллионов крестьян, страдает от сильной депрессии. Хорошие урожаи последних лет понизили хлебные цены во Франции еще более, чем в Англии, и положение задолжавших крестьян, истощенных ростовщическими процентами и обремененных налогами, далеко не может считаться блестящим. Но, как достаточно ясно показала история последних трех лет, этот класс населения решительно неспособен к революционной инициативе.

Как период кризиса, так и период процветания наступает на континенте позже, чем в Англии. Первоначальный процесс всегда происходит в Англии; она является демиургом буржуазного космоса. На континенте различные фазы цикла, постоянно вновь проходящего буржуазным обществом, выступают во вторичной и третичной форме. Во-первых, континент вывозит в Англию несравненно больше, чем в какую бы то ни было другую страну. Но вывоз в Англию, в свою очередь, зависит от положения Англии, в особенности от ее отношений к заокеанским рынкам. Затем Англия вывозит в заокеанские страны несравненно больше, чем весь континент, так что размеры континентального экспорта в эти страны всегда зависят от заокеанского вывоза Англии. Если поэтому кризисы прежде всего порождают революцию на континенте, то причина их все же находится в Англии. В конечностях буржуазного организма насильственные катастрофы естественно должны происходить скорее, чем в его сердце, где возможностей компенсирования больше. С другой стороны, степень

воздействия континентальных революций на Англию вместе с тем является барометром, показывающим, в какой мере эти революции действительно ставят под вопрос самые основы буржуазного строя или в какой мере они касаются только его политических образований.

При таком всеобщем процветании, при котором производительные силы буржуазного общества развиваются настолько широко, насколько это вообще возможно в рамках буржуазных отношений, *не может быть и речи о настоящей революции*. Такого рода революция возможна только в те периоды, когда эти *оба фактора, современные производительные силы и буржуазные формы производства*, вступают между собой в противоречие. Бесконечные распри, которыми изводят и взаимно компрометируют теперь друг друга представители отдельных фракций континентальной партии порядка, отнюдь не ведут к новой революции; наоборот, эти распри только потому и возможны, что основа общественных отношений в данный момент так прочна и — чего реакция не знает — так *буржуазна*. Все реакционные попытки затормозить буржуазное развитие столь же несомненно разобьются об эту основу, как и все нравственное негодование и все пламенные прокламации демократов. *Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего.*

Обратимся теперь к *Франции*.

Заставив произвести новые выборы 28 апреля, народ сам свел к нулю свою победу, которую он в союзе с мелкой буржуазией одержал на выборах 10 марта. Видадь был избран не только в Париже, но и на Нижнем Рейне. Парижский комитет, в котором были сильно представлены Гора и мелкая буржуазия, побудил его принять нижнерейнский мандат. Победа 10 марта потеряла свое решающее значение; окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных; наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта, реабилитацию июньского восстания; пролетариат в лучшем случае мог принять ее как шутку в угоду гризеткам. Против этой благонамеренной кандидатуры партия порядка, ставшая смелее ввиду нерешительного поведения противников, выставила кандидата, который должен был олицетворять собой июньскую *победу*. Этим комическим кандидатом был спартанский отец семейства Леклерк, героические подвиги которого пресса, однако, сорвала по кусочкам и который потерпел на выборах блестящее поражение. Новая победа на выборах 28 апреля окрылила Гору и мелкую буржуазию. Гора в душе уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путем, не вызывая новой

революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену; она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит с помощью всеобщего избирательного права г. Ледрю-Роллена на президентское кресло и обеспечит монтаньярское большинство в Собрании. Партия порядка, которую новые выборы, кандидатура Сю и настроение Горы и мелкой буржуазии убедили в том, что последние решили при всяких обстоятельствах оставаться спокойными, ответила на обе избирательные победы избирательным законом, который отменял всеобщее избирательное право.

Правительство было настолько осторожно, что не взяло этот законопроект на свою собственную ответственность. Оно сделало мнимую уступку большинству, предоставив разработку этого проекта главам большинства, семнадцати бургграфам. Таким образом, не правительство предложило Национальному собранию, а большинство предложило самому себе отмену всеобщего избирательного права.

8 мая проект был внесен в палату. Вся социалистическо-демократическая печать, как один человек, стала убеждать народ держать себя с достоинством, соблюдать *calme majestueux* [величественное спокойствие], оставаться пассивным и доверять своим представителям. Каждая статья этих газет была признанием, что революция прежде всего уничтожит так называемую революционную печать и что, стало быть, дело идет теперь о ее самосохранении. Мнимо-революционная печать выдала свою тайну. Она подписала свой собственный смертный приговор.

21 мая Гора поставила вопрос на предварительное обсуждение и потребовала отклонения всего законопроекта, так как он нарушает конституцию. Партия порядка ответила на это, что конституция будет нарушена, когда это потребует, теперь же это излишне, потому что конституция может быть истолкована любым образом и лишь большинство компетентно решать, какое толкование правильно. Разнузданно-дикие нападки Тьера и Монталамбера Гора встретила с благовоспитанной и культурной гуманностью. Она ссылалась на почву права; партия порядка указала ей на почву, на которой вырастает право, на буржуазную ответственность. Гора взмолилась: неужели действительно хотят во что бы то ни стало вызвать революцию? Партия порядка ответила: ее будут выжидать.

22 мая было покончено с предварительным обсуждением вопроса большинством 462 голосов против 227. Те самые люди, которые так торжественно и так основательно доказывали, что Национальное собрание и каждый депутат в отдельности отрекаются от своих полномочий, лишь только они отрекаются от давшего им полномочия народа, продолжали спокойно сидеть на своих местах, и, вместо того, чтобы действовать самим, стали вдруг предлагать действовать стране, а именно путем петиций, и оста-

лись неподвижными и тогда, когда 31 мая самый закон прошел блестящим образом. Они пытались отомстить за себя протестом, в котором они запротоколировали свою непричастность к изнасилованию конституции, но и этот протест они не заявили открыто, а тайком сунули в карман председателю.

Стопятидесятитысячная армия в Париже, бесконечное откладывание окончательного решения, призывы печати к спокойствию, малодушие Горы и новоизбранных депутатов, величественное спокойствие мелкой буржуазии, а главным образом торговый и промышленный подъем препятствовали всякой революционной попытке со стороны пролетариата.

Всеобщее избирательное право исполнило свою миссию. Большинство народа прошло его образовательную школу, роль которой оно только и может играть в революционные эпохи. Его должна была устранить либо революция, либо реакция.

Еще большие энергии затратила Гора при следовавшем вскоре инциденте. Военный министр д'Опуль назвал с трибуны Собрания февральскую революцию злполучной катастрофой. Ораторам Горы, проявившей, как всегда, сильным шумом свое нравственное негодование, президент Дюпен не предоставил слова. Жирарден предложил Горе тотчас же в полном составе выйти из залы. Результат: Гора осталась на месте, а Жирарден, как недостойный, был выброшен из ее лона.

Избирательный закон нуждался еще в одном дополнении, в новом законе о печати. Последний не заставил себя долго ждать. Законопроект правительства, который поправки партии порядка во многих пунктах сделали еще более суровым, увеличивал залогов, устанавливал особый штемпельный сбор с романов, печатающихся в виде фельетонов (ответ на избрание Эжена Сю), облагал налогом все произведения, выходящие в еженедельных и ежемесячных выпусках, до известного количества листов, и, наконец, постановлял, что каждая газетная статья должна быть снабжена подписью автора. Постановления о залогах убили так называемую революционную печать; народ смотрел на ее гибель как на возмездие за отмену всеобщего избирательного права. Но ни тенденции, ни действие нового закона не ограничивались только этой частью печати. Пока ежедневная печать была анонимной, она являлась органом широкого и безыменного общественного мнения; она была третьей властью в государстве. Подписывание каждой статьи превращало газету в простой сборник литературных произведений более или менее известных лиц. Каждая статья опустилась до уровня газетного объявления. До сих пор газеты обращались в качестве бумажных денег общественного мнения, теперь они превратились в более или менее сомнительные соло-векселя, доброкачественность и ходкость которых зависели не только от кредита векселедателя, но также от кредита индоссанта.

Печать партии порядка агитировала не только в пользу отмены всеобщего избирательного права, но и за самые крайние меры против «плохой» печати. Однако даже «хорошая» печать со своей зловещей анонимностью была не по вкусу партии порядка, в особенности ее отдельным провинциальным представителям. Она желала иметь дело только с оплачиваемым писателем, хотела знать его имя, местожительство и приметы. Напрасно хорошая печать плакалась на черную неблагодарность, которой ей платят за ее услуги. Закон прошел, и требование подписей поразило ее прежде всего. Имена республиканских публицистов были достаточно известны, но почтенные фирмы «Journal des Débats», «Assemblée Nationale», «Constitutionnel» и т. д. и т. д. с их широко рекламируемой государственной мудростью оказались в глупейшем положении, когда вся эта таинственная компания вдруг предстала в виде продажных и опытных penny-a-liners [строчкогонов] вроде Гранье-де-Кассаньяка, защищавших за чистоган все что угодно, или в виде старых тряпок вроде Капефига, называвших самих себя государственными людьми, или в виде кокетничающих щелкунчиков вроде г. Лемуана из «Débats».

При обсуждении закона о печати Гора успела уже дойти до такой степени морального падения, что должна была ограничиться только тем, что аплодировала блестящим тирадам старой луи-филипповской знаменитости, г. Виктора Гюго.

С принятием избирательного закона и закона о печати революционная и демократическая партия сошла с официальной сцены. Немного спустя после конца сессии, перед своим отъездом домой, обе фракции Горы — социалистические демократы и демократические социалисты — выпустили два манифеста, два *testimonia paupertatis* [свидетельства о бедности], в которых они доказывали, что если сила и успех никогда не были на их стороне, зато они-то всегда стояли на стороне вечного права и всех прочих вечных истин.

Обратимся теперь к партии порядка. «Новая Рейнская Газета» писала в № 3, стр. 16: «Против реставрационных вождедений объединенных орлеанистов и легитимистов Бонапарт защищает основу своей фактической силы — республику; против реставрационных вождедений Бонапарта партия порядка защищает основу своего совместного господства — республику; легитимисты против орлеанистов, орлеанисты против легитимистов защищают *status quo* — республику. Все эти фракции партии порядка, из которых каждая имеет *in petto* [в мечтах] своего собственного короля и свою собственную реставрацию, противопоставляют каждая узурпаторским и мятежническим вождедениям своих соперников общее господство буржуазии, государственную форму, в которой все их отдельные притязания взаимно нейтрализуются и сохраняются, — *республику*... Тьер и не подозревал, какая

правда скрывалась в его словах: «Мы, роялисты, являемся истинным оплотом конституционной республики»).

Эта комедия *républicains malgré eux* [республиканцев поневоле], ненависть к *status quo* [к существующему положению, как оно есть] и неизменное укрепление его; постоянные стычки Бонапарта с Национальным собранием; каждый раз возобновлявшаяся для партии порядка опасность распасться на свои составные части и каждый раз новое сплочение ее фракций; попытки каждой из них превратить всякую победу над общим врагом в поражение своих временных союзников; взаимная зависть, подвохи и травля, безуданно обнажаемые шпаги, а в результате всегда — *baiser-Lamourette*¹, — вся эта неказистая комедия ошибок никогда еще не развивалась столь классически, как в течение последних шести месяцев.

Партия порядка рассматривала избирательный закон вместе с тем как победу над Бонапартом. Передав комиссии семнадцати редакцию своего законопроекта и ответственность за него, правительство Бонапарта разве не отреклось тем самым от власти? Разве главная опора Бонапарта против Собрания заключалась не в том, что он был избранником шести миллионов? — Бонапарт со своей стороны смотрел на избирательный закон как на уступку Собранию, с помощью которой он купил гармонию между исполнительной и законодательной властью. В награду за это низкий авантюрист потребовал увеличения своего гражданского листа на три миллиона. Могло ли Национальное собрание вступить в конфликт с исполнительной властью в момент, когда оно объявляло в опале громадное большинство французского народа? Оно вознегодовало; казалось, оно решилось на самые крайние меры; его комиссия отклонила предложение; бонапартистская печать в свою очередь приняла грозную позу, указывая на ограбленный, лишенный своего избирательного права народ. Состоялось множество шумных попыток соглашения; в конце концов Собрание уступило на деле, но отомстило в принципе. Вместо постоянного принципиального увеличения гражданского листа на три миллиона в год оно вотировало Бонапарту лишь единовременное вспомоществование в размере 2 160 000 франков. Не удовлетворившись этим, оно и эту уступку сделало лишь тогда, когда за нее высказался Шангарнье, генерал партии порядка и непрощенный покровитель

¹ *Ламурет* (1742—1794) — французский прелат и государственный деятель, депутат в Законодательном собрании в период французской революции XVIII века. Прославился так называемым *baiser-Lamourette* — братским поцелуем, которым он предлагал закончить все партийные распри. Под влиянием этого предложения, сделанного им с необычайной горячностью 7 июля 1792 г., представители враждебных партий бросились друг другу в объятия, но... как и следовало ожидать, на другой же день этот лицемерный «братский поцелуй» был забыт. *Ред.*

Бонапарта. Таким образом, эти 2 миллиона были вотированы собственно не Бонапарту, а Шангарнье.

Эта *de mauvaise grâce* [неохотно] брошенная подачка была принята Бонапартом совершенно в духе дарителя. Бонапартистская печать возобновила свои нападки на Национальное собрание, а когда при обсуждении закона о печати была внесена поправка насчет подписей, направленная прежде всего против второстепенных газет, представительниц частных интересов Бонапарта, главный бонапартистский орган «*Pouvoir*» с несдерживаемой яростью напал на Национальное собрание. Министрам пришлось отречься от этой газеты; ответственный редактор «*Pouvoir*» был вызван к ответу перед Национальным собранием и приговорен к высшему денежному штрафу в 5 000 франков. На следующий день «*Pouvoir*» напечатал еще более дерзкую статью против Собрания, а правительство в отместку возбудило преследование против нескольких легитимистских газет за нарушение конституции.

Наконец, был поставлен вопрос об отсрочке заседаний палаты. Бонапарту нужна была эта отсрочка, чтобы орудовать без всякой помехи со стороны Собрания. Партии порядка она была нужна отчасти для ее фракционных интриг, отчасти из-за личных интересов отдельных депутатов. Обоим она нужна была для укрепления и расширения реакционных побед в провинции. Собрание отложило поэтому свои заседания с 11 августа до 11 ноября. Но так как Бонапарт вовсе не скрывал, что стремится избавиться от тягостного надзора Национального собрания, то Собрание самому своему вотуму доверия придало характер недоверия к президенту. Ни один бонапартист не вошел в постоянную комиссию из двадцати восьми человек, которая должна была стоять на страже добродетели республики во время каникул. Вместо бонапартистов было выбрано даже несколько республиканцев из «*Siècle*’я» и «*National*’я», чтобы продемонстрировать президенту приверженность большинства к конституционной республике.

Незадолго перед отсрочкой заседаний палаты, а особенно сейчас же после нее казалось, что обе большие фракции партии порядка, орлеанисты и легитимисты, готовы помириться на почве слияния обеих королевских фамилий, под знаменами которых они боролись. Газеты были переполнены проектами примирения, которые обсуждались у постели больного Луи-Филиппа в Сент-Леонардсе; но смерть Луи-Филиппа внезапно упростила положение. Луи-Филипп был узурпатором, Генрих V был им ограблен, а граф Парижский, за бездетностью Генриха V, оказался его законным наследником. Теперь исчез всякий предлог для возражений против слияния интересов обеих династий. Но как раз теперь обе фракции буржуазии поняли, наконец, что их разделяет не сентиментальная привязанность к той или другой королевской фамилии,

а, напротив, что их различные классовые интересы разъединяли обе династии. Легитимисты, отправившиеся на поклон к Генриху V в Висбаден, так же как их орлеанистские конкуренты — в Сент-Леонарде, получили там известие о смерти Луи-Филиппа. Они тотчас же образовали министерство *in partibus infidelium* [в чужих краях], в которое вошли большей частью члены вышеупомянутой комиссии стражей добродетели республики и которое по случаю одного конфликта в партии не замедлило выступить с самым откровенным прокламированием права божьей милостью. Орлеанисты ликовали по поводу компрометирующего скандала, вызванного в печати этим манифестом, и нисколько не скрывали своей открытой вражды по отношению к легитимистам.

Во время каникул Национального собрания открыли свои заседания представительные собрания департаментов. Большинство их высказалось за ограниченный большими или меньшими оговорками пересмотр конституции, т. е. высказалось за монархическую реставрацию, не давая ей более точного определения, за *«решение вопроса»*, сознаваясь вместе с тем, что оно слишком некомпетентно и слишком трусливо, чтобы найти это решение. Бонапартистская фракция поспешила истолковать это желание пересмотра в смысле продления президентских полномочий Бонапарта.

Господствующий класс ни за что не мог допустить законной конституционной развязки — отставки Бонапарта в мае 1852 г., одновременного избрания нового президента всеми избирателями страны и пересмотра конституции особой, избранной для этого палатой в течение первых месяцев нового президентства. День новых президентских выборов был бы днем встречи всех враждебных партий: легитимистов, орлеанистов, буржуазных республиканцев, революционеров. В результате они неминуемо должны были бы прибегнуть к насилию. Если бы даже партии порядка удалось объединиться на каком-либо нейтральном кандидате, стоящем вне династических фамилий, то против него выступил бы Бонапарт. В своей борьбе против парода партия порядка принуждена постоянно увеличивать силу исполнительной власти. Всякое усиление исполнительной власти усиливает ее носителя — Бонапарта. Поэтому всякий шаг, который предпринимает партия порядка для усиления своего общего могущества, усиливает боевые средства Бонапарта с его династическими претензиями, увеличивает его шансы в решительный момент силой помешать конституционной развязке. Тогда Бонапарт в своей борьбе с партией порядка не остановится перед нарушением одной из основ конституции, точно так же как партия порядка в своей борьбе с народом не остановилась перед нарушением другой основы конституции, отменив всеобщее избирательное право. По всей вероятности, он апеллировал бы даже против Собрания к всеобщему

избирательному праву¹. Одним словом, конституционная развязка ставит на карту весь политический status quo, а за колебанием status quo буржуа мерещится хаос, анархия, гражданская война. Ему мерещится, что с первым воскресеньем мая месяца 1852 г. будут поставлены на карту все его покупки и продажи, его векселя, бракосочетания, нотариальные акты, ипотеки, поземельная рента, квартирная плата, прибыль, все его контракты и источники доходов, — а такому риску он не может себя подвергнуть. За колебанием политического status quo таится опасность краха для всего буржуазного общества. Единственная возможная для буржуазии развязка — это отсрочка развязки. Она может спасти конституционную республику только путем нарушения конституции, путем продления власти президента. Это и есть последнее слово печати партии порядка после всех глубокомысленных и продолжительных прений о «решениях вопроса», которым она отдалась по окончании сессии генеральных советов. Таким образом, могущественная партия порядка, к стыду своему, видит себя вынужденной серьезно считаться со смешной, пошлой и ненавистной ей личностью псевдо-Бонапарта.

Эта грязная личность в свою очередь ошибалась насчет истинных причин того, почему ей все более и более выпадала роль необходимого человека. В то время как его партия была достаточно проникательна, чтобы приписывать растущее значение Бонапарта создавшейся обстановке, сам он верил, что обязан этим только магическому влиянию своего имени и своему неустанному пародированию Наполеона. Его предприимчивость росла с каждым днем. На паломничества легитимистов и орлеанистов в Висбаден и Сент-Леонарде он ответил своими круговыми поездками по Франции. Бонапартисты так мало возлагали надежд на магическое действие его персоны, что посылали за ним повсюду клакеров, членов Общества 10 декабря, этой организации парижского люмпен-пролетариата, набивая ими железнодорожные поезда и почтовые дилижансы. Они вкладывали в уста своей марионетки разные речи, в которых, смотря по приему, оказанному президенту в том или другом городе, провозглашались в качестве девиза политики президента то республиканское смирение, то выдержка и настойчивость. Несмотря на все маневры, эти поездки были очень далеки от триумфальных шествий.

В уверенности, что ему удалось таким путем воодушевить в свою пользу народ, Бонапарт принялся за агитацию среди армии. Он устроил на равнине Сатори, у Версаля, большие смотры войскам, на которых старался подкупить солдат чесночной колбасой, шампанским и сигарами. Если настоящий Наполеон умел

¹ Это предположение Маркса блестящим образом подтвердилось (см. «18-е брюмера Луи Бонапарта» в настоящем томе). *Ред.*

ободрять истомленных солдат среди тягостей своих завоевательных походов внезапными проявлениями патриархальной фамильярности, то псевдо-Наполеон воображал, что войска благодарили его криками: «Vive Napoléon, vive le saucisson!» т. е. «Да здравствует колбаса [Wurst], да здравствует скоморох [Hanswurst]!»

Эти смотры привели к тому, что разразился долго скрывавшийся разлад между Бонапартом и военным министром д'Опульем, с одной стороны, и Шангарье — с другой. В лице Шангарье партия порядка нашла действительно своего нейтрального человека, у которого не могло быть и речи о собственных династических притязаниях. Она предназначала его в преемники Бонапарта. К тому же, благодаря своему выступлению 29 января и 13 июня 1849 г., Шангарье стал великим полководцем партии порядка, новым Александром, разрубившим, по мнению робкого буржуа, своим грубым вмешательством гордиев узел революции¹. На самом деле такое же ничтожество, как Бонапарт, он слишком дешевым способом сделался силой и был выдвинут Национальным собранием для надзора за президентом. Он сам кокетничал — например, в дебатах об окладе президента — ролью покровителя Бонапарта и все высокомернее держал себя с ним и с министрами. Когда по случаю нового избирательного закона ожидали восстания, он запретил своим офицерам принимать какие бы то ни было приказания от военного министра или от президента. Печать, со своей стороны, способствовала возвеличению личности Шангарье. За отсутствием сколько-нибудь выдающихся личностей партии порядка пришлось наделить одного человека силой, которой не было у всего ее класса, и таким путем раздуть его в какого-то великана. Так возник миф о Шангарье — *«оплоте общества»*. Наглое шарлатанство, таинственное важничанье, с которыми Шангарье удостоивал носить на своих плечах весь мир, образуют в высшей степени смешной контраст с событиями на саторийском смотре и после него. Эти события неопровержимо доказали, что достаточно одного росчерка пера Бонапарта, этой бесконечно малой величины, чтобы низвести фантастическое порождение буржуазного страха, великана Шангарье, на положение заурядной посредственности и превратить его, героя, спасающего общество, в отставного генерала на пенсии.

Бонапарт уже однажды отомстил Шангарье, спровоцировав своего военного министра на дисциплинарные столкновения с неудобным покровителем. Последний смотр на Саторийском поле заставил, наконец, вспыхнуть старую вражду. Конституционное

¹ Узел, завязанный, по преданию, фригийским царем Гордием у своей колесницы. Было предсказано, что развязавший этот узел будет владыкой Азии. Александр Македонский разрубил его ударом меча; отсюда «разрубить гордиев узел» — быстро и до конца разрешить сложное дело. *Ред.*

негодование Шангарнье не знало более никаких границ, когда кавалерийские полки продефилировали перед Бонапартом с антиконституционными криками: *Vive l'empereur!* [Да здравствует император!]. Во избежание неприятных прений по поводу этих возгласов на предстоящей сессии палаты Бонапарт удалил военного министра д'Опуля, назначив его губернатором Алжира. На его место он поставил вполне надежного старого генерала времен империи, который своей грубостью нисколько не уступал Шангарнье. Но, чтобы отставка д'Опуля не показалась уступкой Шангарнье, Бонапарт одновременно перевел генерала Неймейера, правую руку великого спасителя общества, из Парижа в Нант. Неймейер был виновником того, что на последнем смотре пехота продефилировала мимо преемника Наполеона с ледяным молчанием. Шангарнье, лично затронутый переводом Неймейера, стал протестовать и грозить. Тщетно! После двухнедельных переговоров декрет о переводе Неймейера в Нант появился в «*Moniteur*», и герою порядка не оставалось ничего другого, как подчиниться дисциплине или подать в отставку.

Борьба Бонапарта с Шангарнье является продолжением его борьбы с партией порядка. Новая сессия Национального собрания поэтому открывается 11 ноября при зловещих предзнаменованиях. Но это будет буря в стакане воды. В общем повторится старая игра. Большинство партии порядка, несмотря на вопли блюстителей принципов различных ее фракций, вынуждено будет продлить полномочия президента. В свою очередь Бонапарт, смирившись уже из-за одного недостатка денег, примет, несмотря на все свои прежние протесты, это продление власти как простое полномочие из рук Национального собрания. Таким образом, разрешение вопроса отсрочивается, *status quo* сохраняется в целости; каждая из фракций партии порядка компрометирует и ослабляет, делает невозможной другую; растут и в конце концов исчерпываются репрессии против общего врага, против массы нации, пока, наконец, сами экономические отношения снова не достигнут такой ступени развития, когда от нового взрыва взлетят на воздух все эти ссорящиеся партии с их конституционной республикой.

К утешению буржуа нужно, впрочем, прибавить, что в результате борьбы между Бонапартом и партией порядка на бирже разорилось множество мелких капиталистов, капиталы которых перешли в карманы крупных биржевых волков.

Лондон, 1 ноября 1850 г.

Написано К. Марксом на немецком языке. Впервые напечатано в журнале «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue*, Hefte 1, 2, 3, 5—6, Гамбург, 1850 г.—Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Мой так рано скончавшийся друг *Иосиф Вейдмейер*¹ имел намерение издавать в Нью-Йорке с 1 января 1852 г. политический еженедельник. Он предложил мне написать для этого журнала историю *coup d'état* [государственного переворота]. Я писал для него еженедельно до середины февраля статьи под общим заглавием: «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Тем временем первоначальный план Вейдмейера рухнул. Вместо этого он весной 1852 г. стал издавать ежемесячный журнал «Die Revolution», первый выпуск которого и состоит из моего «Восемнадцатого брюмера». Несколько сот экземпляров этого сочинения проникли тогда в Германию, не поступая на настоящий книжный рынок. Один немецкий книгопродавец, корчивший из себя крайнего радикала, которому я предложил взять на себя сбыт моего сочинения, с истинно нравственным ужасом отклонил такую «несвоевременную затею».

Из сказанного видно, что предлагаемое сочинение написано под непосредственным впечатлением событий и что обработанный в нем исторический материал не идет далее февраля (1852 г.). Настоящее его переиздание предпринято мною отчасти вследствие спроса на книжном рынке, отчасти по настоянию моих друзей в Германии.

Из сочинений на ту же тему, появившихся приблизительно в одно время с моим, заслуживают внимания только два: «Napoléon le Petit» [«Наполеон Малый»] *Виктора Гюго* и «Coup d'état» [«Государственный переворот»] *Прудона*.

Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными личными нападками на ответственного издателя государственного переворота. Самое событие изображается у него, как гром из ясного неба. Он видит в нем лишь насильственное деяние одного индивидуума. Он не замечает, что возвеличивает этого индивидуума,

¹ Во время американской гражданской войны занимал пост военного начальника округа С.-Луи. (*Примечание Маркса.*)

вместо того чтобы умалить его, приписывая ему беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы. Прудон, со своей стороны, стремится представить государственный переворот результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых *объективных* историков. Я, напротив, показываю, каким образом *классовая борьба* во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя.

В переработке предлагаемое сочинение утратило бы свою своеобразную окраску. Я ограничился поэтому исправлением опечаток и устранением ставших уже непонятными намеков.

Заключительные слова моего сочинения: «Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны» — уже сбылись.

Полковник Шаррас открыл атаку на культ Наполеона в своем сочинении о походе 1815 г. С тех пор, особенно в последние годы, французская литература при помощи оружия исторического исследования, критики, сатиры и остроумия навсегда покончила с наполеоновской легендой. За пределами Франции этот резкий разрыв с традиционной народной верой, эта огромная духовная революция обратила на себя мало внимания и еще меньше была понята.

В заключение выражаю надежду, что мое сочинение будет способствовать устранению ходячей — особенно теперь в Германии — школьной фразы о так называемом *цезаризме*. При этой поверхностной исторической аналогии забывают суть дела — забывают, что в древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, между тем как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для борцов. Забывают меткое замечание *Симонди*: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, не могут иметь между собою больше общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил.

Лондон, 23 июля 1869 г.

Написано Е. Марксом на немецком языке.
Впервые напечатано во 2-м издании «18 брю-
мера Луи Бонапарта», Гамбург, 1869 г. —
Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I.

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭНГЕЛЬСА К ТРЕТЬЕМУ НЕМЕЦКОМУ
ИЗДАНИЮ

Необходимость в новом издании «Восемнадцатого брюмера»; спустя тридцать три года после его первого появления, доказывает, что это сочинение до сих пор нисколько не утратило своего значения.

И действительно, это была гениальная работа. Непосредственно после события, поразившего весь политический мир, точно гром из ясного неба, проклинавшегося одними с громким криком нравственного негодования, принятого другими как спасительный выход из революции и как кара за ее заблуждения, события, которое, однако, во всех вызвало только изумление и никем не было понято, — непосредственно после этого события Маркс выступил с кратким, написанным в стиле эпиграммы произведением, в котором он изложил весь ход французской истории в его внутренней связи со времени февральских дней и раскрыл в чуде 2 декабря естественный, необходимый результат этой связи, причем для этого ему не понадобилось относиться к герою государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением. Картина была нарисована Марксом с таким мастерством, что все сделанные тем временем новые разоблачения доставляли только новые доказательства того, как верно отражалась действительность в этой картине. Такое превосходное понимание живой истории дня, такое ясное проникновение в смысл событий в самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно.

Но для этого требовалось такое глубокое знание французской истории, какое было у Маркса. Франция есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна. Этим объясняется, почему Маркс с особенным предпочтением не только изучал прошлую историю Франции, но и следил за ее текущей историей во всех деталях, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставляли его врасплох.

К этому присоединилось еще другое обстоятельство. Не кто иной, как Маркс, впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба, — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области, — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого этим обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории второй французской республики. На этой истории он сделал здесь опыт проверки открытого им закона, и даже спустя тридцать три года все еще приходится признать, что опыт удался блестяще.

Фридрих Энгельс

*Написано Ф. Энгельсом на немецком языке.
Впервые напечатано в 3-м издании «18 брю-
мера Луи Бонапарта», Гамбург, 1885 г. —
Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I.*

Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта

I

Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848—1851 гг. вместо Горы 1793—1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождавших второе издание восемнадцатого брюмера!

Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, чтобы переделывать себя и окружающее и создавать нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 г., то революционные традиции 1793—1795 гг. Так новичок, научившийся иностранному языку, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родного.

При рассмотрении этих всемирно-исторических заклинаний мертвых тотчас же бросается в глаза резкое различие между ними. Камилл Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон, — как герои, так и партии и народные массы старой французской революции, — осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени — освобождение от

оков и установление современного *буржуазного* общества. Одни вдребезги разбили основы феодализма и скосили выросшие на этой почве феодальные головы; другой создал внутри Франции условия, при которых только и стало возможным развитие свободной конкуренции, эксплуатация парцеллированной земельной собственности, применение освобожденных от оков промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушал феодальные формы, поскольку буржуазное общество Франции нуждалось в создании соответственной, отвечающей потребностям времени обстановки на европейском континенте. Но как только новая общественная формация успела сложиться, исчезли допотопные гиганты и с ними вся воскресшая из мертвых римская старина — все эти Бруты, Гракхи, Публиколы, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сях, Кузенах, Ройэ-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Всецело поглощенное созданием богатства и мирной борьбой конкуренции, оно забыло, что его колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, гражданская война и битвы народов. В классически строгих преданиях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда английское общество было переделано на буржуазный лад, пророка Аввакума вытеснил Локк.

Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы поднять значение данной задачи в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак.

В 1848—1851 гг. бродил только призрак старой революции, начиная с Марраста, этого *républicain en gants jaunes* [республиканца в желтых перчатках], перерядившегося в костюм старого Байи, и кончая авантюристом, скрывающим свое пошло-отвра-

тительное лицо под железной маской мертвого Наполеона. Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил поступательную силу своего исторического движения, вдруг оказывается перенесенным назад, в умершую эпоху; а чтобы устроить всякие сомнения на этот счет, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты [указы], сделавшиеся, казалось, давно достоянием антикварной учености, и старые, казалось, давно истлевшие жандармы. Нация чувствует себя в положении того рехнувшегося англичанина в Бедламе¹, который мнит себя современником древних фараонов и ежедневно горько жалуется на взваливаемый на него жестокий труд в золотых рудниках Эфиопии, в этой подземной тюрьме, где ему приходится работать при слабо горящей лампе, укрепленной на его собственной голове, под надзором надсмотрщика рабов с длинным бичом в руках и толпящихся у выходов варваров-солдат, не понимающих ни каторжников, ни друг друга, потому что все говорят на разных языках. «И все это приходится выносить мне, свободнорожденному бритту, — вздыхает рехнувшийся англичанин, — чтобы добывать золото для древних фараонов». «Чтобы платить долги семейства Бонапарта», — вздыхает французская нация. Англичанин, пока он еще находился в здравом уме, не мог отделаться от навязчивой идеи добывания золота. Французы, пока они занимались революцией, не могли избавиться от воспоминаний о Наполеоне, как это доказали выборы 10 декабря 1848 г. От опасностей революции их тянуло назад к египетским горшкам с мясом, и ответом явилось 2 декабря 1851 г. У них есть не только карикатура старого Наполеона, — они сделали карикатуру из самого старого Наполеона, каким он должен выглядеть в середине XIX столетия.

Социальная революция XIX столетия может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может стать самой собой, не отказавшись от всякого суеверного почитания старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о прошлом мировой истории, чтобы обмануть себя насчет своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы.

Февральская революция была *неожиданностью* для старого общества, она застигла его врасплох, и народ провозгласил этот смелый *удар* всемирно-историческим подвигом, которым будто бы открывается новая эра. 2 декабря февральская революция была украдена ловким шулерским приемом, так что в результате не монархия оказалась ниспровергнутой, а были разгромлены

¹ Дом для умалишенных в Англии. *Ред.*

либеральные уступки, отвоеванные у монархии вековой борьбой. Оказывается, не *общество* отвоевало себе новое содержание, а *государство* только вернулось к своей древнейшей форме, к бесстыдно-примитивному господству меча и рысы. На февральский coup de main [внезапный удар] 1848 г. отвечает декабрьский coup de tête [поступок, совершенный чертя головой] 1851 г. Как нажито, так и прожито. Однако протекшее между этими событиями время не прошло даром. В течение 1848—1851 гг. французское общество наверстало по сокращенному, т. е. революционному, способу уроки и опыт, которые при правильном, так сказать методическом, ходе развития должны были бы предшествовать февральской революции, чтобы сделать ее чем-то более серьезным, чем простое сотрясение поверхности. Кажется, что общество очутилось теперь позади своей исходной точки; на самом же деле ему приходится еще только создавать свои революционные предпосылки, создавать положение, отношения, условия, при которых современная революция только и может принять серьезный характер.

Буржуазные революции, как, например, революции XVIII столетия, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво усвоить результаты своего периода бури и натиска. Напротив, пролетарские революции, каковы революции XIX столетия, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, затем, чтобы еще раз начать это сызнова, с жестокой основательностью высмеивают половичатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли всосал свежие силы и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенною громадною своих собственных целей, пока не создается положение, отрывающее всякий путь к отступлению, пока сама жизнь не заявит властно:

Nic Rhodus, hic salta! [Здесь Родос, здесь прыгай!]¹.

Впрочем, всякий мало-мальски наблюдательный человек, даже и не следивший шаг за шагом за ходом развития февральской революции, должен был предчувствовать, что этой революции предстоит неслыханный позор. Достаточно было послушать само-

¹ Эта фраза взята из басни Эзона, рассказывающей о хвастуне, который ссылался на свидетелей, что однажды в Родосе он совершил замечательный прыжок; а ему на это ответили: «зачем свидетели, если это верно; здесь Родос, здесь и прыгай!» Другими словами: покажи *делом*, на что ты способен. *Ред.*

довольный победный лай, которым господа демократы поздравляли друг друга с теми благодатными последствиями, которых они ожидали от 2 мая 1852 г.¹ 2 мая 1852 г. стало в их головах навязчивой идеей, догматом, подобно дню второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства у хилиастов. Слабость, как всегда, спасалась верой в чудеса, считала врага побежденным, если ей удавалось одолеть его каким-то волшебством в своем воображении, и утрачивала всякое чувство реальности из-за бездейственного превознесения до небес ожидающего ее будущего и подвигов, которые она намерена совершить, но о которых пока считает преждевременным сообщать. Эти герои, старающиеся опровергнуть мнение о их доказанной фактами бездарности тем, что они взаимно выражают друг другу свое сочувствие и сплываются в особую группу, связали свои пожитки и, захватив авансом свои лавровые венки, как раз собирались учествовать на бирже свои призрачные республики, правительственный персонал для которых втихомолку, со свойственной им невзыскательностью, был уже ими предусмотрительно организован. 2 декабря поразило их, как удар грома из ясного неба. И народы, которые в эпохи малодушного настроения охотно прислушиваются к самым громким крикунам, чтобы заглушить свой внутренний испуг, на этот раз, быть может, убедились в том, что прошли те времена, когда гоготание гусей могло спасти Капитолий.

Конституция, Национальное собрание, династические партии, синие и красные республиканцы, африканские герои, гром трибуны, зарницы прессы, вся литература, политические имена и ученые репутации, гражданский закон и уголовное право, свобода, равенство, братство и 2 мая 1852 г. — все исчезло, как мираж, перед магической формулой человека, которого даже враги не представляют чарадем. Всеобщее избирательное право, казалось, просуществовало один момент только для того, чтобы перед глазами всего мира составить собственноручно свое завещание и заявить от имени самого народа: «Все, что существует, достойно гибели».

Недостаточно сказать, по примеру французов, что их нация была застигнута врасплох. Нации и женщине не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ними насилие и овладеть ими. Подобные фразы не разрешают загадки, а только иначе ее формулируют. Остается еще объяснить, каким образом три проходимца могут застигнуть врасплох и без сопротивления захватить в плен 36-миллионную нацию.

¹ В этот день должны были произойти выборы нового президента республики, причем, согласно конституции, Бонапарт не мог вторично быть избран на этот пост. *Ред.*

Резюмируем в общих чертах фазисы, через которые прошла французская революция от 24 февраля 1848 г. до декабря 1851 г.

Вот три несомненных главных периода: 1) *февральский период*; 2) от 4 мая 1848 г. до 29 мая 1849 г.: *период учреждения республики*, или *Учредительного национального собрания*; 3) от 29 мая 1849 г. до 2 декабря 1851 г.: *период конституционной республики*, или *Законодательного национального собрания*.

Первый период, от 24 февраля до 4 мая 1848 г., или от падения Луи-Филиппа до открытия заседания Учредительного собрания, — *февральский период* в собственном смысле слова, — можно назвать *прологом* революции. Характер этого периода выразился официально в том, что созданное им экспромтом правительство объявило само себя *временным*. Подобно правительству, все начатое, испробованное и высказанное в этот период выдавало себя лишь за нечто *временное*. Никто и ничто не дерзали признать за собой право на существование и на действительное дело. Все элементы, подготовившие или определившие собою революцию: династическая оппозиция, республиканская буржуазия, демократическо-республиканская мелкая буржуазия, социалистическо-демократические рабочие — все эти элементы временно заняли место в *февральском правительстве*.

Иначе и быть не могло. Февральские дни первоначально имели целью добиться избирательной реформы, которая расширила бы круг политически привилегированных внутри самих имущих классов и свергла бы исключительное господство финансовой аристократии. Но когда дело дошло до действительного столкновения, когда народ бросился на баррикады, когда Национальная гвардия отказалась действовать, армия не оказала никакого серьезного сопротивления и король бежал, то учреждение республики стало подразумеваться как бы само собою. Каждая партия истолковывала ее по-своему. Пролетариат, завоевавший республику с оружием в руках, наложил на нее свою печать и провозгласил ее *социальной республикой*. Так намечено было общее содержание современной революции — содержание, находившееся в самом странном противоречии со всем тем, что возможно было осуществить сейчас же, непосредственно, с данным материалом, при достигнутой массой ступени развития, при данных обстоятельствах и отношениях. С другой стороны, притязания всех остальных элементов, содействовавших успеху февральской революции, были удовлетворены предоставлением им львиной доли в правительстве. Вот почему ни в каком другом периоде нельзя найти более пестрой смеси напыщенных фраз и действительной неуверенности и беспомощности, проникнутых высоким энтузиазмом новаторских стремлений и более основательного господства старой рутины, кажущейся гармонии общества в целом и более глубокого взаимного отчуждения его элементов. В то время

как парижский пролетариат еще был в упоении от открывшейся ему великой перспективы и всерьез предавался прениям по социальным проблемам, старые общественные силы сгруппировались, сомкнулись, опомнились и нашли неожиданную опору в народной массе — в крестьянах и мелких буржуа, устремившихся разом на политическую сцену, после того как упали перегородки июльской монархии.

Второй период — от 4 мая 1848 г. до конца мая 1849 г. — это период *учреждения, основания буржуазной республики*. Непосредственно после февральских дней не только династическая оппозиция была захвачена врасплах республиканцами, а республиканцы — социалистами, но и вся Франция была застигнута врасплах Парижем. Открывшее свои заседания 4 мая 1848 г. Национальное собрание, которое было избрано нацией, представляло нацию. Это Собрание было живым протестом против притязаний февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазного уровня. Тщетно пытался парижский пролетариат, сразу разгадавший характер этого Национального собрания, через несколько дней после открытия его заседаний, 15 мая, силой прекратить его существование, разогнать его, снова разложить на составные части органическую форму, в которой ему угрожал реакционно действующий дух нации. День 15 мая, как известно, привел лишь к удалению с общественной арены на все время рассматриваемого цикла Бланки и его единомышленников, т. е. действительных вождей пролетарской партии.

За *буржуазной монархией* Луи-Филиппа может следовать только *буржуазная республика*, т. е. если под фирмой короля господствовала незначительная часть буржуазии, то отныне будет господствовать от имени народа вся буржуазия в целом. Требования парижского пролетариата, это — вздорные утопии, которым надо положить конец. На это заявление Учредительного национального собрания парижский пролетариат ответил *июльским восстанием*, этим грандиознейшим событием в истории европейских гражданских войн. Победительницей осталась буржуазная республика. На ее стороне стояли финансовая аристократия, промышленная буржуазия, средние слои, мелкие буржуа, армия, организованный в мобильную гвардию люмпен-пролетариат, интеллигенция, попы и сельское население. Парижский пролетариат имел на своей стороне только самого себя. После победы свыше трех тысяч повстанцев было убито, пятнадцать тысяч сослано без суда. Со времени этого поражения пролетариат отходит на *задний план* революционной сцены. Он снова пытается пробиться вперед каждый раз, когда кажется, что движение начинает усиливаться, но эти попытки становятся все слабее и все безуспешнее. Он вступает в союз с каждым из выше него стоящих общественных слоев, приходящих в революционное брожение, и таким

образом разделяет все поражения, последовательно претерпеваемые различными партиями. Но эти последующие удары становятся все слабее по мере того, как они распространяются на все большую поверхность общества. Более выдающиеся вожди пролетариата в палате и в прессе поочередно делаются жертвою суда, и их место занимают все более и более двусмысленные личности. Часть пролетариата бросается на *доктринерские эксперименты, на меновые банки и рабочие ассоциации, — другими словами, на такие формы движения, в которых он отказывается от мысли произвести переворот в старом мире, пользуясь всеми собственными великими средствами последнего, а пытается осуществить свое освобождение за спиною общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования, т. е. путем, который неизбежно ведет к краху.* Пролетариат, повидимому, не в состоянии ни обрести свое прежнее революционное величие в самом себе, ни почерпнуть новую энергию из вновь заключенных союзов, пока, наконец, *все классы, с которыми пролетариат боролся в июне, не будут так же придавлены к земле, как и он сам.* Но пролетариат по крайней мере падает с честью, соответствующей великой всемирно-исторической борьбе; не только Франция — вся Европа дрожит от июньского землетрясения; между тем как последующие поражения вышестоящих классов покупаются такой дешевой ценой, что побеждающей партии приходится прибегать к наглым преувеличениям, чтобы придать им характер событий, причем эти поражения становятся тем позорнее, чем больше расстояние между побежденной партией и пролетарской.

Поражение июньских повстанцев, правда, подготовило, расчистило почву для здания буржуазной республики, но в то же время оно показало, что в Европе дело идет не о «споре между республикой и монархией», а о чем-то другом. Это поражение обнаружило, что *буржуазная республика* означает здесь неограниченное деспотическое господство одного класса над другими. Оно показало, что в странах старой цивилизации с развитым классовым строем, с современными условиями производства и с духовным сознанием, в котором благодаря вековой работе растворились все унаследованные идеи, что в таких странах *республика является вообще только формой политического переворота буржуазного общества, а не консервативной жизненной формой его,* как, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, где классы хотя уже существуют, но еще не отстоялись, а в непрерывном движении меняют свои составные части и уступают их друг другу, где современные средства производства не только не совпадают с хроническим перенаселением, а, наоборот, заменяют относительный недостаток в головах и руках и где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального про-

изводства, которое должно освоить новый мир, не дало ни времени, ни случая покончить со старым миром призраков.

Все классы и партии во время июньских дней сплотились в *партию порядка* против рабочего класса — *партии анархии*, социализма, коммунизма. Они «спасли» общество от «врагов общества». Они избрали паролем для своих войск девиз старого общества: «*Собственность, семья, религия, порядок*», и ободряли контрреволюционных крестоносцев словами: «Сим победиши!» С этой минуты каждая из многочисленных партий, сплотившихся под этим знаменем против июньских повстанцев, побеждается лозунгом: «*Собственность, семья, религия, порядок*!», как только она пытается в интересах своего класса удержаться на революционной арене. Общество спасают каждый раз, когда круг господствующих суживается, когда более узкие интересы одерживают верх над более общими интересами. Всякое требование простейшей буржуазной финансовой реформы, самого шаблонного либерализма, формальнейшего республиканизма, самого плоского демократизма в одно и то же время наказывается как «покушение» на общество и клеймится именем «социализма». А в конце концов самих жрецов «религии и порядка» пинками сгоняют с их пифийского треножника, среди ночи стаскивают с постелей, запирают в арестантские кареты, бросают в тюрьмы или отправляют в изгнание, их храм сравнивают с землей, им затыкают рот, ломают их перья, рвут их закон — во имя религии, собственности, семьи и порядка. Пьяные толпы солдат расстреливают стоящих на своих балконах буржуа — фанатиков порядка, оскверняют их семейную святыню, бомбардируют для забавы их дома — во имя собственности, семьи, религии и порядка. В конце концов подонки буржуазного общества образуют *священную фалангу порядка*, и герой Крапюлинский¹ вступает в Тюильрийский дворец как «*спаситель общества*».

II

Вернемся к прерванной нити изложения.

История *Учредительного национального собрания* со времени июньских дней — это история господства и разложения *республиканской фракции буржуазии*, фракции, известной под именем трехцветных республиканцев, чистых республиканцев, политических республиканцев, формальных республиканцев и т. д.

Эта фракция составляла при буржуазной монархии Луи-

¹ Герой стихотворения Гейне «Два рыцаря». В его лице Гейне осмеивает проматывшегося дворянина, шляхтича (Крапюлинский от французского слова *scarule* — чревоугодие, обжорство). Здесь под Крапюлинским Маркс имеет в виду Луи Бонапарта. *Ред.*

Филиппа *официальную* республиканскую *оппозицию* и, как таковая, была общепризнанной составной частью тогдашнего политического мира. Она имела своих представителей в палатах и пользовалась значительным влиянием в печати. Ее парижский орган «National» считался в своем роде столь же почтенным, как «Journal des Débats». Этому ее положению при конституционной монархии соответствовал и ее характер. Она не была сплоченной какими-нибудь крупными общими интересами и обособленной своеобразными условиями производства фракцией буржуазии. Это была клика, состоявшая из буржуа, писателей, адвокатов, офицеров и чиновников республиканского образа мыслей, влияние которой опиралось на антипатию страны к личности Луи-Филиппа, на воспоминания о первой республике, на республиканскую веру кучки мечтателей, а главное — на *французский национализм*, ненависти которого к венским договорам и к союзу с Англией она никогда не давала остыть. Значительной частью сторонников, имевшихся у «National'я» при Луи-Филиппе, газета была обязана именно этому скрытому империализму, который впоследствии, при республике, в лице Луи Бонапарта выступил против самого «National'я» как победоносный конкурент. Против финансовой аристократии «National» боролся, как и вся остальная буржуазная оппозиция. Полемика против бюджета, во Франции целиком совпадавшая с борьбой против финансовой аристократии, доставляла слишком дешевую популярность и слишком обильный материал для пуританских передовиц, чтобы ее не эксплуатировать. Промышленная буржуазия была благодарна «National'ю» за его холопскую защиту французской покровительственной системы, одобряемой им, впрочем, больше из национальных, чем из политико-экономических побуждений; вся же буржуазия в целом была ему благодарна за его злостные нападки на коммунизм и социализм. В общем партия «National'я» была *чисто республиканской*, т. е. она требовала вместо монархической — республиканской формы буржуазного господства, и прежде всего — для себя львиной доли в буржуазном правительстве. Об условиях этой политической перемены она имела самые смутные представления. Зато ей было ясно, как божий день, — и на банкетах в пользу реформы к концу царствования Луи-Филиппа это явно обнаружилось, — что она не популярна в среде демократических мелких буржуа, и особенно в среде революционного пролетариата. Эти чистые республиканцы, как и подобает чистым республиканцам, были уже совсем готовы пока что удовольствоваться регентством герцогини Орлеанской, когда вспыхнула февральская революция, доставившая их наиболее видным представителям места во временном правительстве. Они, разумеется, с самого начала располагали доверием буржуазии и большинством Учредительного национального собрания. *Социалистические* элементы времен-

ного правительства были тотчас же исключены из Исполнительной комиссии, образованной Национальным собранием при его открытии; а взрывом июньского восстания партия «National'я» воспользовалась для того, чтобы дать отставку и *Исполнительной комиссии* и таким образом избавиться от своих ближайших соперников, от *мелкобуржуазных* или *демократических республиканцев* (Ледрю-Роллена и пр.). Кавеньяк, генерал буржуазно-республиканской партии, командовавший июньской бойней, был облечен диктаторской властью и занял место Исполнительной комиссии. Марраст, бывший главный редактор «National'я», стал бессменным председателем Учредительного национального собрания; министерские портфели, как и все остальные важнейшие посты, достались чистым республиканцам.

Таким образом, действительность превзошла самые смелые ожидания фракции буржуазных республиканцев, издавна считавших себя законными наследниками июльской монархии. Но она достигла господства не так, как она мечтала при Луи-Филиппе, — не путем либерального бунта буржуазии против трона, а путем подавленного военной силой восстания пролетариата против капитала. То, что представлялось ей *самым революционным* событием, в действительности оказалось *самым контрреволюционным* событием. Плод упал к ее ногам, но он упал с древа познания, а не с древа жизни.

Исключительное *господство буржуазных республиканцев* продолжалось лишь от 24 июня до 10 декабря 1848 г. Итогом его было *составление республиканской конституции и объявление Парижа на осадном положении*.

Новая *конституция* была в сущности не более как республиканизированным изданием конституционной хартии 1830 г. Высокий избирательный ценз июльской монархии, отстранявший от политической власти даже значительную часть самой буржуазии, был несовместим с существованием буржуазной республики. Февральская революция немедленно провозгласила вместо этого ценза прямое всеобщее избирательное право. Буржуазные республиканцы не могли вычеркнуть это событие. Им пришлось удовольствоваться ограничительным дополнительным пунктом, в силу которого от избирателя требовалось 6-месячное пребывание на месте выборов. Старая организация администрации, муниципалитетов, суда, армии и т. д. осталась нетронутой; кое-какие изменения, внесенные конституцией, касались не содержания, а оглавления, не вещей, а названий.

Неизбежный генеральный штаб свобод 1848 г. — свобода личности, печати, слова, союзов, собраний, преподавания, совести и т. д. — был одет в конституционный мундир, делавший эти свободы неуязвимыми. Каждая из этих свобод провозглашается *безусловным* правом французского гражданина, но с неизмен-

ным примечанием, что она беспредельна постольку, поскольку она не ограничена *«одинаковыми правами других и общественной безопасностью»* или *«законами»*, которые должны опосредствовать эту гармонию индивидуальных свобод друг с другом и с общественной безопасностью. Например: «Граждане имеют право соединяться в союзы, собираться мирно и без оружия, подавать петиции и выражать свое мнение посредством печати или каким-нибудь иным путем. *Пользование этими правами не имеет другого ограничения, кроме одинаковых прав других и общественной безопасности»*. (Вторая глава французской конституции, § 8.) — «Преподавание свободно. Свободой преподавания следует *пользоваться* на установленных законом условиях и под верховным надзором государства». (Там же, § 9.) — «Жилище каждого гражданина неприкосновенно. Неприкосновенность эта может быть *нарушена* лишь при соблюдении форм, предписанных законом». (Первая глава, § 3.) И т. д. и т. д. — Поэтому конституция всюду указывает на будущие *органические* законы, цель которых — подробно развить эти оговорки и так урегулировать пользование всеми этими неограниченными свободами, чтобы они не сталкивались ни друг с другом, ни с общественной безопасностью. Впоследствии эти органические законы были созданы друзьями порядка, и все эти свободы были так урегулированы, что буржуазия может ими пользоваться, не встречая никакого препятствия в равных правах других классов. Там, где она «другим» совершенно отказала в этих свободах или позволила ими пользоваться под условиями, каждое из которых было полицейской ловушкой, это происходило всегда только в интересах *«общественной безопасности»*, т. е. безопасности буржуазии, как это и предписывает конституция. Поэтому впоследствии на конституцию стали ссылаться с полным правом обе стороны: как друзья порядка, упразднившие все эти свободы, так и демократы, требовавшие возврата всех этих свобод. Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке. Следовательно, пока *имя* свободы окружалось почетом и лишь ставились препятствия ее действительному осуществлению, — разумеется, на законном основании, — до тех пор конституционное существование свободы оставалось невредимым, неприкосновенным, как бы основательно ни было уничтожено ее существование в реальной действительности.

Эта конституция, сделанная неприкосновенной таким хитрым способом, имела, однако, подобно Ахиллесу, одно уязвимое место, только это место находилось не на пяте, а на голове или, лучше сказать, на двух ее головах, которыми увенчивалось все здание: *Законодательное собрание*, с одной стороны, и *пре-*

зидент — с другой. Стоит только пробежать глазами конституцию, чтобы увидеть, что лишь те параграфы безусловны; положительны; лишены противоречий, исключают всякие ложные толкования, в которых определяется отношение президента к Законодательному собранию. Тут для буржуазных республиканцев дело ведь шло о том, чтобы обеспечить самих себя. Параграфы 45—70 конституции так составлены, что Национальное собрание может устранить президента конституционным путем, тогда как президент может устранить Национальное собрание лишь неконституционным путем, лишь устраняя самое конституцию. Здесь она [конституция], следовательно, требует насильственного уничтожения самой себя. Конституция не только, по примеру хартии 1830 г., канонизирует разделение властей, но и доводит это разделение до невыносимого противоречия. *Игра конституционных сил*, как Гизо называл парламентскую грызню между законодательной и исполнительной властью, по конституции 1848 г. ведется все время *va banque* [ставя все на карту]. С одной стороны — 750 народных представителей, избранных всеобщим голосованием и пользующихся правом переизбрания, образуют бесконтрольное, не подлежащее роспуску, неделимое Национальное собрание, которое облечено неограниченной законодательной властью, окончательно решает вопросы о войне и мире, о торговых договорах, исключительно обладает правом амнистии и благодаря непрерывности своих заседаний постоянно остается на первом плане политической сцены. С другой стороны — президент, обладающий всеми атрибутами королевской власти, назначающий и смещающий своих министров независимо от Национального собрания, имеющий в своих руках все средства исполнительной власти, раздающий все должности и, таким образом, распоряжающийся во Франции судьбой по меньшей мере полутора миллионов людей, потому что именно такое количество людей материально связано с полумиллионом чиновников и с офицерами всех степеней. Он распоряжается всей вооруженной силой нации. Он пользуется привилегией помилования отдельных преступников, роспуска частей Национальной гвардии и — с согласия государственного совета — смещения избранных самими гражданами генеральных, кантональных и коммунальных советов. Ему же предоставлены почин и руководящая роль при заключении договоров с иностранными державами. В то время как Собрание, оставаясь вечно на подмостках, публично подвергается повседневной критике, президент ведет скрытую от взоров жизнь на Елисейских полях, имея, однако, перед глазами и в сердце 45-ю статью конституции, ежедневно напоминающую ему: «Frère, il faut mourir!» [«Брат, готовься к смерти!»] Твоя власть кончается на четвертом году твоего президентства, во второе воскресенье прекрасного месяца мая! Тогда

конец твоему величию: второго представления этой пьесы не будет, и если у тебя есть долги, постарайся выплатить их вовремя из назначенных тебе конституцией 600 тысяч франков жалования, ибо в противном случае тебе придется отправиться в Килиши¹ во второй понедельник прекрасного месяца мая! — Если конституция, таким образом, предоставляет президенту фактическую власть, она зато старается обеспечить за Национальным собранием моральную силу. Но, не говоря о том, что моральную силу невозможно создать параграфами закона, конституция и в данном случае сама себя опровергает, предписывая, что президент должен быть избираем всеми французами прямым голосованием. Голоса нации, раздробляющиеся между 750 членами Национального собрания, в этом случае сосредоточиваются на одной личности. В то время как каждый отдельный депутат является представителем той или другой партии, того или другого города, того или другого пункта или даже просто представляет необходимость избрать кого-нибудь из 750 депутатов, без особенного внимания к его личности и к самим выборам, — президент является избранником нации, и его выборы — козырь, пускаемый в ход самодержавным народом раз в четыре года. Избранное Национальное собрание связано с нацией метафизически, президент же связан с нею лично. Национальное собрание, правда, представляет в своей совокупности многообразные стороны национального духа, зато в президенте национальный дух воплощается. По сравнению с Национальным собранием президент является как бы носителем божественного права: он — правитель народной милостью.

Фетида, морская богиня, предсказала Ахиллему раннюю смерть во цвете лет. Конституция, имеющая, подобно Ахиллему, свое уязвимое место, подобно Ахиллему же предчувствовала, что ей суждено преждевременно умереть. Фетиде незачем было оставлять свое море, чтобы выдать эту тайну учредителям республики, чистым республиканцам; им стоило только бросить взгляд с заоблачных высот своей идеальной республики на грешную землю, чтобы увидеть, что дерзость роялистов, бонапартистов, демократов, коммунистов и их собственная непопулярность росли с каждым днем, по мере того как они приближались к завершению своего великого законодательного произведения искусства. Они старались перехитрить судьбу конституционно-лукавым путем, посредством 111-го параграфа конституции, в силу которого всякий проект *пересмотра конституции* подлежит троекратным дебатам, отделенным друг от друга промежутком в целый месяц, и должен быть принят каждый раз по меньшей мере тремя четвертями голосов, причём необходимо голо-

¹ Долговая тюрьма в Париже. *Ред.*

сование не менее 500 депутатов. Но все это было лишь бессильной попыткой обеспечить за собой силу на тот пророчески уже предвидимый ими случай, когда они станут парламентским меньшинством, — обеспечить силу, которая с каждым днем все более ускользала из их слабых рук уже теперь, когда они были парламентским большинством и имели в своем распоряжении всю правительственную власть.

Наконец, в особом мелодраматическом параграфе конституция вверяет себя «бдительности и патриотизму всего французского народа и каждого отдельного француза», после того как она в одном из предыдущих параграфов вверила «бдительных» и «патриотических» нежному уголовному попечению нарочно для того изобретенного ею верховного суда («haute cour»).

Такова была конституция 1848 г., которая 2 декабря 1851 г. была низвергнута не головой человека, а прикосновением одной лишь шляпы; правда, эта шляпа была наполеоновской треуголкой.

В то время как буржуазные республиканцы в парламенте измышляли, обсуждали и голосовали эту конституцию, Кавеньяк вне парламента держал *Париж на осадном положении*. Осадное положение Парижа было акушером Учредительного собрания при его республиканских родовых муках творчества. Если конституция позже была отправлена на тот свет штыками, то не надо забывать, что штыки же, обращенные, правда, против народа, охраняли ее еще в материнской утробе и что она родилась при помощи штыков. Предки «добропорядочных республиканцев» прошли со своим символом, трехцветным знаменем, по всей Европе. «Добропорядочные республиканцы», в свою очередь, сделали изобретение, само проложившее себе дорогу во все континентальные страны, но с неостывающей любовью все снова возвращавшееся во Францию, пока оно не водворилось в половине французских департаментов. Это изобретение — *осадное положение*. Превосходное изобретение, периодически применяемое в течение французской революции в каждом последующем кризисе! Но казарма и бивуак, периодически взваливаемые на голову французскому обществу, чтобы сжать ему мозг и утихомирить его; сабля и мушкет, которым периодически предоставлялось творить суд и управлять, опекать и цензуровать, исправлять обязанности полицейского и ночного сторожа; военный ус и солдатский мундир, периодически провозглашаемые высшей мудростью и правителями общества, — как могли казарма и бивуак, сабля и мушкет, военный ус и солдатский мундир не напасть, наконец, на мысль: лучше спасти общество раз навсегда, провозгласив свой собственный режим высшей формой политического режима и совершенно избавив гражданское общество от забот самоуправления! Казарма и бивуак, сабля и мушкет, военный ус и сол-

датский мундир тем более должны были притти к такой мысли, что они в праве были рассчитывать в этом случае на лучшую плату чистоганом за свои более серьезные заслуги, тогда как при периодическом осадном положении и временном спасении общества, по приказу той или другой буржуазной фракции, на их долю, помимо нескольких убитых и раненых и нескольких улыбок со стороны буржуа, выпадало мало существенного. Почему бы войску не попробовать, наконец, разыграть осадное положение в собственных интересах и в свою собственную пользу, осаждая вместе с тем карманы граждан? Не надо притом забывать, — заметим мимоходом, — что *полковник Бернар*, тот самый председатель военных комиссий, который при Кавеньяке сослал без суда 15 000 повстанцев, в эту минуту опять находится во главе действующих в Париже военных комиссий.

Если «добропорядочные», чистые республиканцы, объявив Париж на осадном положении, этим самым насадили питомник, в котором впоследствии выросли преторианцы 2 декабря 1851 г., то нельзя не признать, что, вместо того чтобы разжигать национальное чувство, как они это делали при Луи-Филиппе, теперь, когда в их распоряжении оказалась вся сила нации, они пресмыкаются перед иностранными державами и, вместо того чтобы освободить Италию, помогают австрийцам и неаполитанцам снова поработить ее. Избрание Луи Бонапарта в президенты 10 декабря 1848 г. положило конец диктатуре Кавеньяка и Учредительному собранию.

Параграф 44 конституции гласит: «Президентом французской республики не может быть тот, кто когда-либо потерял свое звание французского гражданина». Первый президент французской республики, Луи-Наполеон Бонапарт, не только потерял свое звание французского гражданина, не только был специальным полицейским чиновником в Англии, — он был даже натурализованным швейцарцем.

О значении выборов 10 декабря я подробно говорил в другом месте. Здесь я не хочу к этому возвращаться. Достаточно будет заметить, что они представляли *реакцию крестьян*, которые должны были оплатить издержки февральской революции, против других классов нации, — *реакцию деревни против города*. Они встретили большое сочувствие в армии, которой республиканцы «National'я» не доставили ни славы, ни прибавки к жалованью, в крупной буржуазии, приветствовавшей Бонапарта как переходную ступень к монархии, среди пролетариев и мелких буржуа, приветствовавших его как кару за Кавеньяка. Ниже я подробнее остановлюсь на отношении крестьян к французской революции.

Период от 20 декабря 1848 г. до роспуска Учредительного собрания в мае 1849 г. охватывает историю гибели буржуазных республиканцев. Основав республику для буржуазии, прогнав с поля битвы революционный пролетариат и на время зажав рот

демократической мелкой буржуазии, они сами были отстранены массой буржуазии, которая с полным правом завладела этой республикой как *своей собственностью*. Но эта буржуазная масса была *роялистской*. Одна часть ее — крупные землевладельцы господствовали во время *рестаурации* и были поэтому *легитимистами*. Другая часть — финансовые тузы и крупные промышленники господствовали при июльской монархии и были поэтому *орлеанистами*. Высшие сановники армии, университетов, церкви, адвокатуры, академии и прессы распределялись, хотя и в различной пропорции, между теми и другими. Обе эти части буржуазии нашли здесь в буржуазной республике, не носившей ни имени *Бурбонов*, ни имени *Орлеанов*, а имя *Капитала*, государственную форму, при которой они могли господствовать *сообща*. Уже июньское восстание объединило их в «партию порядка». Теперь наступила пора устранить клику буржуазных республиканцев, еще господствовавших в Национальном собрании. Насколько зверски эти чистые республиканцы злоупотребили физической силой по отношению к народу, настолько трусливо, робко, малодушно, бессильно они отказались от борьбы теперь, когда надо было отстоять свой республиканизм и свои права законодателей против исполнительной власти и роялистов. Мне незачем здесь рассказывать позорную историю их разложения. Они не погибли, а исчезли. Они навсегда сыграли свою роль. В следующем периоде они как в парламенте, так и вне его фигурируют лишь как тени прошлого — тени, готовые, повидимому, ожить, как только дело идет опять об одном лишь названии республики и каждый раз, как революционный конфликт грозит опуститься до самого низкого уровня. Замечу мимоходом, что газета «*National*», давшая этой партии имя, в следующем периоде переходит на сторону социализма.

Прежде чем расстаться с этим периодом, нужно бросить ретроспективный взгляд на обе силы, которые жили в брачном союзе от 20 декабря 1848 г. до конца Учредительного собрания и из которых одна уничтожила другую 2 декабря 1851 г. Я говорю о Луи Бонапарте и о партии объединенных роялистов, партии порядка, партии крупной буржуазии. В самом начале своего президентства Бонапарт составил министерство из партии порядка с Одилоном Барро во главе, — *nota bene* [заметьте хорошенько], со старым вождем самой либеральной фракции парламентской буржуазии. Г-н Барро поймал-таки, наконец, министерский портфель, призрак которого преследовал его с 1830 г., — более того, портфель премьер-министра. Но он достиг этого не так, как он мечтал при Луи-Филиппе, — не в качестве самого передового главы парламентской оппозиции, а в качестве союзника всех своих заклятых врагов, иезуитов и легитимистов, — и при том же с задачей уложить в могилу парламент. Он повел, наконец,

невесту к венцу, но после того как она была обещана. Сам Бонапарт как будто совершенно ступался. За него действовала упомянутая партия.

На первом же заседании совета министров было решено отправить экспедицию в Рим, обделать это за спиной Собрания, а средства для этой экспедиции вырвать у него под ложным предлогом. Таким образом, министерство начало свою деятельность надувательством Национального собрания и тайным заговором с иностранными самодержавными монархиями против революционной римской республики. Таким же способом и при помощи тех же приемов Бонапарт подготовил свой переворот 2 декабря против роялистского Законодательного собрания и его конституционной республики. Не забудем, что та самая партия, которая 20 декабря 1848 г. составила бонапартовское министерство, составляла большинство Законодательного собрания 2 декабря 1851 г.

В августе Учредительное собрание постановило разойтись не раньше, чем будет выработан и обнародован целый ряд органических законов, дополняющих конституцию. 6 января 1849 г. партия порядка устами депутата Рато предложила Собранию оставить в покое органические законы и *распустить себя*. Не только министерство с г. Одилоном Барро во главе — все роялистские депутаты теперь повелительно говорили Собранию, что его роспуск необходим для восстановления кредита, для упрочения порядка, для того, чтобы положить конец неопределенному временному состоянию и основать нечто прочное, окончательное; что Собрание мешает продуктивной работе нового правительства и хочет продолжать свое существование только из упрямства и что оно надоело стране. Эти выходки против законодательной власти Бонапарт намотал себе на ус, выучил их наизусть и 2 декабря 1851 г. доказал парламентским роялистам, что он кое-чему научился у них. Он обратил против них их собственные лозунги.

Министерство Барро и партия порядка пошли дальше. Они вызвали по всей Франции *петиции к Национальному собранию*, в которых любезно просили его распустить себя и исчезнуть. Таким образом, они повели в битву против Национального собрания, конституционно организованного выражения народной воли, неорганизованные народные массы. Они научили Бонапарта апеллировать против парламентских собраний к народу. 29 января 1849 г. настал, наконец, день, когда Учредительное собрание должно было решить вопрос о своем собственном роспуске. В этот день здание его заседаний было занято войсковыми частями; генерал партии порядка Шангарнье, главнокомандующий Национальной гвардии и линейных войск, делал большой смотр войскам в Париже, словно накануне сражения, а объединенные роялисты угрожали Собранию применением силы, если оно не

обнаружит сговорчивости. Оно оказалось сговорчивым, выторговав себе только очень кратковременную отсрочку. Что такое 29 января, если не государственный переворот 2 декабря 1851 г., только сделанный роялистами в союзе с Бонапартом против республиканского Национального собрания? Роялисты не заметили или не захотели заметить, что Бонапарт воспользовался событиями 29 января 1849 г., чтобы заставить часть войска продефилировать перед собою у Тюильрийского дворца, что он жадно ухватился именно за эту первую открытую апелляцию к военной силе против парламента, чтобы напомнить о Калигуле. Они, разумеется, видели только своего Шангарнье.

Мотив, особенно побуждавший партию порядка насильственно сократить жизнь Учредительного собрания, заключался в дополняющих конституцию *органических* законах — законах о школах, о вероисповедании и пр. Соединенным роялистам было крайне важно не допустить сделавшихся недоверчивыми республиканцев до издания этих законов: им было крайне важно выработать эти законы самим. Однако среди этих органических законов находился также закон об ответственности президента республики. В 1851 г. Законодательное собрание как раз было занято разработкой такого закона, когда Бонапарт предупредил этот удар своим ударом 2 декабря. Что бы дали объединенные роялисты во время своей парламентской зимней кампании 1851 г. за то, чтобы иметь готовый закон об ответственности президента, и притом закон, выработанный недоверчивым, враждебным, республиканским Собранием!

После того как Учредительное собрание 29 января 1849 г. само сломало свое последнее оружие, министерство Барро и друзья порядка принялись беспощадно травить его. Они делали все возможное, чтобы унижить его, и вынудили у бессильного и отчаявшегося в самом себе Собрания законы, лишившие его последней капли уважения со стороны общества. У Бонапарта, занятого своей наполеоновской *idée fixe* [навязчивой идеей], хватило дерзости публично использовать это унижение парламентской власти. Действительно, когда Национальное собрание 8 мая 1849 г. выразило порицание министерству за занятие Чивита-Веккии генералом Удино и приказало вернуть римскую экспедицию к ее якобы первоначальной цели, — Бонапарт в тот же вечер опубликовал в «*Moniteur*» письмо к Удино, где он поздравлял генерала с его геройскими подвигами и, в противоположность занимающимся бумагомаранием парламентариям, уже принимал вид великодушного протектора армии. Роялисты посмеивались над этим: они были уверены, что они его одурачат. Наконец, когда Марраст, президент Учредительного собрания, усомнившись на минуту в безопасности Собрания, на основании конституции вызвал одного подковника с его цолком, тот отка-

заявлялся на вызов, ссылаясь на дисциплину, и предложил Маррасту обратиться к Шангарнье, который отказал Маррасту, язвительно заметив, что он не любит *baïonnettes intelligentes* [интеллигентных штыков]. В ноябре 1851 г. соединенные роялисты, готовясь начать решительную борьбу с Бонапартом, хотели в своем пресловутом *квесторском законе* провести принцип непосредственного вызова войск председателем Национального собрания. Один из их генералов, Леффло, подписал законопроект. Но тщетно голосовал за него Шангарнье, тщетно Тьер превозносил осмотрительную мудрость покойного Учредительного собрания. Военный министр Сент-Арно ответил ему так, как Шангарнье ответил Маррасту, и его ответ был покрыт аплодисментами Горы!

Так-то *партия порядка*, еще будучи лишь министерством, а не Национальным собранием, сама заклеивала *парламентарный режим*. И она поднимает крик, когда переворот 2 декабря 1851 г. изгоняет его из Франции!

Пожелаем ему счастливого пути!

III

29 мая 1849 г. Законодательное собрание открыло свои заседания, 2 декабря 1851 г. оно было разогнано. Этот период обнимает время существования *конституционной, или парламентарной, республики*.

В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов*, а господство *жирондистов* сменяется господством *якобинцев*. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия довела революцию настолько далеко, что уже не в состоянии более следовать за ней и тем менее возглавлять революцию, — ее отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии.

Обратное происходит в революции 1848 г. Пролетарская партия является придатком мелкобуржуазной демократической партии. Последняя ей изменяет и способствует ее поражению 16 апреля, 15 мая и в июньские дни. Демократическая партия, в свою очередь, опирается на плечи буржуазно-республиканской партии. Не успели буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногах, как они сбрасывают с себя докучливых товарищей и сами спешат опереться на плечи партии порядка. Партия порядка поводит плечами, опрокидывает буржуазных республиканцев и сама становится на плечи вооруженной силы. Она еще продолжает думать, что сидит на плечах последней, когда она в одно прекрасное утро открывает, что эти плечи превратились в штыки. Каждая партия лягает сзади стремящуюся

вперед партию и опирается спереди на партию, стремящуюся назад. Неудивительно, что она в этой смешной позе теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделявая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии. Она находится в этом попятном движении, прежде чем убрana последняя февральская баррикада и установлена первая революционная власть.

Период, с которым мы имеем дело, включает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий: перед нами конституционалисты, открыто организующие заговоры против конституции, революционеры, искренно стоящие за конституцию, Национальное собрание, желающее быть всесильным и вечно ведущее себя по-парламентски; Гора, видящая свое призвание в терпении и защищающаяся от своих поражений в настоящем предсказаниями побед в будущем; роялисты в роли *patres conscripti* [сенаторов] республики, вынужденные самым своим положением поддерживать за границей враждующие между собой королевские династии, приверженцами которых они являются, а во Франции — республику, которую они ненавидят; исполнительная власть, видящая силу в своей слабости и респектабельность — во внушаемом ею презрении; республика, представляющая не что иное, как сочетание подлейших сторон двух монархий, реставрации и июльской монархии, под империалистическим ярлыком; союзы, в основе которых лежит разъединение; борьба, основной закон которой — не доводить борьбы до конца; разнузданная бессодержательная агитация — во имя спокойствия; торжественнейшая проповедь спокойствия — во имя революции; страсти, лишённые истины; истины, лишённые страсти; герои без геройства; история без событий; развитие, единственной двигательной силой которого является, повидимому, календарь, утомляющий вечным повторением одних и тех же подъёмов и упадков; противоположности, периодически доходящие до высшей точки, как будто только для того, чтобы притупиться и стушеваться, не будучи в состоянии разрешиться; претенциозно выставляемые напоказ усилия и мещанский страх перед надвигающимся светопрествлением в то самое время, когда спасители мира предаются самым мелочным интригам и придворному комедиантству, своим *laissez aller* [беспечностью] менее напоминающим страшный суд, чем времена фронды; официальный совокупный гений всей Франции, пасующий перед лукавой тупостью одного индивидуума; всеобщая воля нации, ищущая себе всякий раз, как она выражается путем всеобщего голосования, достойного выражения в закоренелых врагах интересов масс, пока она, наконец, не находит его в своеволии одного жулика. Если какая-либо страница истории написана сплошь серыми красками, то именно эта. Люди и события кажутся Шлемилями навыворот — тенями,

потерявшими тело. Революция сама парализует своих собственных носителей и наделяет страстной энергией насилия лишь своих врагов. Если «красный призрак», постоянно вызываемый и заклинаемый контрреволюционерами, появляется наконец, то появляется он не с анархическим фригийским колпаком на голове, а в мундире порядка, в *красных шароварах*.

Мы видели, что министерство, составленное Бонапартом в день своего вознесения, 20 декабря 1848 г., было министерством партии порядка, министерством легитимистской и орлеанистской коалиции. Это министерство Барро — Фаллу, более или менее насильственно укоротившее жизнь республиканского Учредительного собрания, пережило его и находилось еще у власти. Шапгарнье, генерал роялистской коалиции, все еще соединял в своих руках пост главнокомандующего первой армейской дивизии и парижской Национальной гвардии. Наконец, общие выборы обеспечили за партией порядка огромное большинство в Законодательном собрании. Здесь сошлись депутаты и пары Луи-Филиппа со священной фалангой легитимистов, для которых многочисленные избирательные бюллетени нации превратились во входные билеты на политическую сцену. Бонапартистских депутатов было слишком мало для образования самостоятельной парламентской партии. Они представляли лишь *mauvaise queue* [охвостье] партии порядка. Таким образом, партия порядка имела в своих руках правительственную власть, армию и законодательный корпус, — словом, всю государственную власть, морально подкрепленную общими выборами, выставлявшими ее господство как выражение народной воли, и одновременной победой контрреволюции на всем европейском континенте.

Еще никогда ни одна партия не начинала борьбы более могучими средствами и при более благоприятных предзнаменованиях.

От потерпевших крушение *чистых республиканцев* в Законодательном собрании уцелела клика человек в 50 с африканскими генералами Кавеньяком, Ламорисьером и Бедо во главе. Большую оппозиционную партию составляла *Гора* — этим именем окрестила себя *социально-демократическая партия*. Из 750 мест Национального собрания она обладала более чем двумястами и была, таким образом, по меньшей мере столь же сильна, как любая из трех фракций партии порядка, взятая в отдельности. Ее относительное меньшинство, по сравнению со всей роялистской коалицией, уравновешивалось, казалось, особыми обстоятельствами. Не только департаментские выборы показали, что она приобрела значительное влияние в среде сельского населения: почти все депутаты Парижа находились в ее рядах; армия избранием трех унтер-офицеров обнаружила свои демократические убеждения, а вождь Горы, Ледрю-Роллен — не в пример всем представителям партии порядка — был возведен в парламентское

достоинство избранием в пяти департаментах, подавших голос за него. Таким образом, 29 мая 1849 г. Гора — при неизбежных столкновениях между самими роялистами и между всей партией порядка и Бонапартом — имела, казалось, на своей стороне все шансы на успех. Через две недели она потеряла все, в том числе и честь.

Прежде чем продолжать изложение парламентской истории, необходимо сделать некоторые замечания, чтобы избегнуть обычных ошибок при оценке общего характера рассматриваемой нами эпохи. На взгляд демократов, и в Учредительном и в Законодательном собрании дело шло об одном и том же: о простой борьбе между республиканцами и роялистами. Само же движение для них резюмируется в слове «реакция», ночь, когда все кошки серы и когда демократам можно беспрепятственно изрекать достойные ночного сторожа банальности. Конечно, на первый взгляд партия порядка кажется клубком различных роялистских фракций, которые не только интригуют друг против друга, чтобы посадить на трон собственного претендента и отстранить претендента противоположной стороны, но и соединяются все в общей ненависти к «республике» и в общей борьбе против нее. В противоположность этим роялистским заговорщикам Гора со своей стороны является как бы защитницей «республики». Партия порядка, повидимому, вечно занята «реакцией», которая — точь в точь как в Пруссии — направлена против прессы, свободы союзов и т. п. и — опять-таки как в Пруссии — осуществляется в грубом полицейском вмешательстве бюрократии, жандармерии и суда. Гора со своей стороны столь же непрерывно занята отражением этих атак, защитой «вечных прав человека», как это более или менее делала в течение последних полутора столетий всякая так называемая народная партия. Однако при более внимательном анализе ситуации и партий исчезает этот обманчивый флер, скрывающий *классовую борьбу* и своеобразную физиономию этого периода.

Легитимисты и орлеанисты составляли, как сказано, две большие фракции партии порядка. Что же привязывало эти фракции к их претендентам и взаимно разъединяло их? Неужели только лилии и трехцветное знамя, дом Бурбонов и дом Орлеанов, различные оттенки роялизма или вообще их роялистское вероисповедание? При Бурбонах властвовало *крупное землевладение* со своими попами и лакеями, при Орлеанах — финансовая аристократия, крупная промышленность, крупная торговля, т. е. *капитал* со своей свитой адвокатов, профессоров и краснобаев. Легитимная монархия была лишь политическим выражением наследственной власти собственников земли, а июльская монархия — лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек. Таким образом, эти фракции были разъ-

единены отнюдь не так называемыми принципами, а материальными условиями своего существования, двумя различными видами собственности, — старой противоположностью между городом и деревней, соперничеством между капиталом и земельной собственностью. Что их вместе с тем связывали с той или другой династией старые воспоминания, личная вражда, опасения и надежды, предрассудки и иллюзии, симпатии и антипатии, убеждения, символы веры и принципы, — кто это будет отрицать? Над различными формами собственности, над социальными условиями существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мыслей и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивидуум, получая свои чувства и взгляды путем традиции и воспитания, может вообразить себе, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности. Если орлеанисты, легитимисты, каждая фракция старалась уверить себя и других, что их разделяет привязанность к двум различным королевским династиям, то факты впоследствии доказали, что, наоборот, противоположность их интересов делала невозможным слияние двух династий. И подобно тому как в обыденной жизни проводят различие между тем, что человек думает и говорит о себе, и тем, что он есть и делает на самом деле, так в исторических битвах еще более следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной организацией, их действительными интересами, между их представлением о себе и их реальной природой. Орлеанисты и легитимисты очутились в республике рядышком, предъявляя одинаковые претензии. Если каждая сторона, наперекор другой, добивалась *реставрации собственной* династии, то это лишь значило, что каждый из *двух крупных интересов*, разделяющих *буржуазию*, — земельная собственность и капитал — добивался реставрации собственного главенства и подчиненного положения другого. Мы говорим о двух интересах буржуазии, потому что крупная земельная собственность, вопреки своему кокетству феодализмом и своей родовой спеси, насквозь обуржуазилась под влиянием современного общественного развития. Так, английские тори долго воображали, что они влюблены в королевскую власть, в церковь и в прелести староанглийской конституции, пока не наступила критическая минута, вырвавшая у них признание, что они влюблены в одну только *поземельную ренту*.

Объединенные роялисты интриговали друг против друга в прессе, в Эмсе, в Клермонте, вне парламента. За кулисами они снова надевали свои старинные орлеанистские и легитимистские ливреи и возобновляли свои старинные турниры. Но

на публичной сцене, в своих лицедействах для почтеннейшей публики, в роли большой парламентской партии, они отделились от своих династий одними поклонами и откладывали реставрацию монархии *in infinitum* [в бесконечность]. Они занимались своим настоящим делом в качестве *партии порядка*, т. е. под *социальным*, а не под *политическим* знаменем, как представители буржуазного строя, а не как рыцари странствующих принцесс, как буржуазный класс в противоположность другим классам, а не как роялисты в противоположность республиканцам. И, как партия порядка, они пользовались более неограниченной и твердой властью над другими общественными классами, чем когда-либо раньше, при реставрации или в июльской монархии; такая власть возможна была вообще только в парламентарной республике, потому что только при этой государственной форме могли соединиться обе крупные фракции французской буржуазии и тем самым поставить на очередь господство своего класса вместо господства одной привилегированной фракции этого класса. Если они тем не менее в качестве партии порядка также поносят республику и не скрывают своего отвращения к ней, то это объясняется не только одними роялистскими воспоминаниями. Инстинкт подсказывал им, что республика, увенчавшая их политическое господство, вместе с тем подкапывает его социальную основу, так как теперь им приходится непосредственно, лицом к лицу бороться с поработенными классами, не имея возможности прятаться за трон или отвлекать внимание нации второстепенной борьбой друг с другом и с королевской властью. Чувство слабости заставляло их отступать перед чистыми условиями их классового господства и стремиться назад, к неполным, неразвитым, но именно поэтому менее опасным формам классового господства. Наоборот, каждый раз, когда объединенные роялисты приходят в столкновение с враждебным им всем претендентом, с Бонапартом, каждый раз, когда они опасаются покушений на свое парламентское всемогущество со стороны исполнительной власти, когда им, следовательно, приходится выдвинуть на первый план политическую правомерность своего господства, — они выступают как *республиканцы*, а не как *роялисты*, начиная от орлеаниста Тьера, напоминающего Национальному собранию, что по вопросу о республике мнения меньше всего расходятся, и кончая легитимистом Беррье, который 2 декабря 1851 г., опоясавшись трехцветным шарфом, в роли трибуна обращается к собравшемуся перед мэрией десятого округа народу с речью от имени республики. Правда, ему отвечает насмешливое эхо: *Henri VI! Henri VI!* [Генрих VI!]

В противовес буржуазной коалиции образовалась коалиция мелких буржуа и рабочих, так называемая *социально-демократическая партия*. После июньских дней 1848 г. мелкая буржуазия

увидела, что ее обошли: ее материальным интересам был нанесен ущерб, а демократическим гарантиям, обеспечивавшим ей возможность отстаивать эти интересы, угрожала опасность со стороны контрреволюции. Поэтому она сблизилась с рабочими. С другой стороны, ее парламентское представительство, *Гора*, отодвинутая на задний план во время диктатуры буржуазных республиканцев, во вторую половину существования Учредительного собрания приобрела потерянную популярность благодаря борьбе с Бонапартом и с роялистским министерством. *Гора* заключила союз с социалистическими вождями. Примирение отпраздновали банкетами в феврале 1849 г. Союзники составили общую программу, устроили общие избирательные комитеты и выставили общих кандидатов. Социальные требования пролетариата были лишены своего революционного жала и получили демократическую окраску, а демократические требования мелкой буржуазии лишились прежней чисто политической формы и получили социалистическую окраску. Так возникла *социальная демократия*. Новая *Гора*, результат этого компромисса, включала в свой состав, если не считать нескольких статистов из рабочего класса и нескольких социалистических сектантов, те же элементы, что и старая *Гора*, только в большем количестве. Но с течением времени она изменилась вместе с представляемым ею классом. Своеобразный характер социальной демократии выражается в том, что она требует демократическо-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижения этой цели, как бы более или менее революционно ни окрашивалась сама цель, — суть остается та же: перестройка общества демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках мелкобуржуазности. Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом не следует думать, что все представители демократии — *shopkeepers* [лавочники] или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводят практически его материальные интересы и его общественное положение. Таково и вообще отно-

шение между *политическими и литературными представителями* какого-нибудь класса и тем классом, который они представляют.

После сказанного становится ясным само собою, что ни республика, ни так называемые права человека не были последней целью той борьбы, которую Гора непрерывно вела с партией порядка за республику и права человека, подобно тому как и армия, которую хотят разоружить, сопротивляется и выступает на арену не только ради сохранения за собою своего оружия.

Партия порядка провоцировала Гору при самом открытии Национального собрания. Буржуазия почувствовала теперь необходимость покончить с демократической мелкой буржуазией, как она год тому назад почувствовала необходимость покончить с революционным пролетариатом. Только на этот раз положение противника было другое. Сила пролетарской партии была на улице, сила мелкой буржуазии — в самом Национальном собрании. Надо было, значит, выманить ее из Национального собрания на улицу и заставить ее самое сломать свою парламентскую силу, пока время и обстоятельства еще не упрочили этой силы. Гора сломя голову бросилась в западню.

Приманкой, брошенной ей, послужила бомбардировка Рима французскими войсками. Эта бомбардировка нарушала пятую статью конституции, запрещающую французской республике употреблять свои военные силы против свободы другого народа. Кроме того, четвертая статья запрещает исполнительной власти объявлять войну без согласия Национального собрания, а Учредительное собрание решением от 8 мая высказалось против римской экспедиции. На этом основании Ледрю-Роллен представил 11 июня 1849 г. обвинительный акт против Бонапарта и его министров. Раздраженный булавочными уколами Тьера, он дошел до угрозы защищать конституцию всеми средствами, даже с оружием в руках. Гора поднялась, как один человек, и повторила этот призыв к оружию. 12 июня Национальное собрание отвергло обвинительный акт, и Гора покинула парламент. События 13 июня известны: прокламация части Горы, объявлявшая Бонапарта и его министров «вне конституции»; уличная процессия демократических национальных гвардейцев, явившихся без оружия и разбежавшихся при встрече с войсками Шангарнье, и т. д. и т. д. Часть Горы бежала за границу, другая часть была предана верховному суду в Бурже, а остатки Горы, подобно школьникам, были подвергнуты парламентским регламентом мелочному надзору председателя Национального собрания. Париж снова был объявлен на осадном положении, а демократическая часть парижской Национальной гвардии была распущена. Так были уничтожены влияние Горы в парламенте и сила мелкой буржуазии в Париже.

Лион, где события 13 июня явились сигналом к кровавому

восстанию рабочих, был вместе с пятью соседними департаментами также объявлен на осадном положении. Это положение остается в силе до настоящего момента.

Огромное большинство Горы изменило своему авангарду, отказавшись подписаться под прокламацией. Дезертировала и пресса; только две газеты осмелились опубликовать это пронунциаменто. Мелкие буржуа изменили своим представителям: национальные гвардейцы отсутствовали, а если где и появлялись, то мешали строить баррикады. Представители обманули мелких буржуа: мнимые союзники из армии нигде не показывались. Наконец, демократическая партия, вместо того чтобы черпать силы из пролетариата, заразила его своей собственной слабостью, и, как это водится при всех демократических подвигах, вожди могли для своего удовлетворения обвинять свой «народ» в измене, а народ мог для своего удовлетворения обвинять своих вождей в надувательстве.

Редко какое-либо дело возвещалось с большим шумом, чем предстоящий поход Горы; редко трубили с большей уверенностью и более преждевременно, чем в данном случае, о неизбежной победе демократии. Нет сомнения, демократы верят в силу трубных звуков, от которых пали иерихонские стены. И каждый раз, когда они стоят перед стеной деспотизма, они стараются повторить это чудо. Если Гора хотела победить в парламенте, ей не следовало звать к оружию. Если она в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламентски. Если она серьезно думала о мирной демонстрации, было глупо не предвидеть, что демонстрация будет встречена по-военному. Если она думала о действительной борьбе, было странно складывать оружие, необходимое для борьбы. Но дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей — это не более, как попытки запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз, — они это делают двусмысленно, избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению. Оглушительная увертюра, возвещавшая борьбу, превращается в робкое ворчание, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают принимать себя всерьез, и действис замирает, съезживается, как надутый воздухом пузырь, который проткнули иголкой.

Ни одна партия не преувеличивает своих средств больше, не обманывается легкомысленнее насчет наличной ситуации, чем демократическая партия. Если часть армии голосовала за Гору, то Гора пришла к убеждению, что армия и бунтовать будет в ее пользу. Но по какому поводу? А по такому поводу, который с точки зрения армии имел только один смысл, — именно, что революционеры стали на сторону римских солдат против фран-

цузских. С другой стороны, воспоминания об июньских днях 1848 г. были еще слишком свежи, чтобы пролетариат не питал глубокого отвращения к Национальной гвардии и чтобы вожди тайных обществ не проникнуты были сильным недоверием к демократическим вождям. Для того чтобы сгладить эти противоречия, требовалась общность серьезных интересов, находящихся под угрозой. Нарушение какого-то отвлеченного параграфа конституции не могло пробудить такого рода интерес. Разве конституция, по уверению самих демократов, не была уже нарушена много раз? Разве самые популярные газеты не клеймили всю конституцию как дело рук контрреволюционеров? Но демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всем остальным населением нации они составляют *народ*. Они стоят за *народное право*; они представляют *народные интересы*. Поэтому им нет надобности перед предстоящей борьбой исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства. Им стоит ведь только дать сигнал — и *народ* со всеми своими неисчерпаемыми средствами бросится на *угнетателей*. Но если на деле оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть бессилие, то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие *единый народ* на различные враждебные лагеря, либо армия слишком озверела, слишком была ослеплена, чтобы видеть в чистых целях демократии свое собственное благо, либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность повела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должны оставить старую точку зрения, а, напротив, обстоятельства должны дорасти до него.

Не следует поэтому представлять себе поредевшую, сломленную и униженную новым парламентским регламентом Гору слишком уж несчастной. Если 13 июня устранило ее вождей, то этот же день, с другой стороны, очистил место второстепенным талантам, которым это новое положение льстило. Если нельзя было более сомневаться в их парламентском бессилии, то они были теперь в праве ограничивать свою деятельность взрывами нравственного негодования и трескучей декламацией. Если партия порядка выставляла их, как последних официальных представителей революции, воплощением всех ужасов анархии, то они могли быть тем пошлее и умереннее на деле. А насчет поражения 13 июня они утешали себя глубокомысленным восклицанием:

«Но пусть только осмелятся коснуться всеобщего избирательного права, пусть только! Мы покажем тогда, кто мы такие!» Nous verrons [Мы это увидим].

Что касается бежавших за границу монтаньяров, то достаточно будет здесь заметить, что Ледрю-Роллен, ухитрившийся за какие-нибудь две недели окончательно погубить могучую партию, во главе которой он стоял, счел себя после этого призванным образовывать французское правительство *in partibus* [на чужбине]; что его фигура в отдалении, в стороне от театра борьбы, как будто вырастала по мере того, как уровень революции понижался и официальные величины официальной Франции становились мельче; что на предстоявших в 1852 г. выборах он мог выступить как республиканский претендент; что он время от времени рассылал циркуляры к валахам и другим народам, где он угрожал континентальным деспотам своими подвигами и подвигами своих союзников. Разве Прудон был целиком неправ, обращаясь к этим господам со словами: «Vous n'êtes que des blagueurs!» [«Вы болтуны — и больше ничего!»].

13 июня партия порядка не только сломила силу Горы, но провела в то же время принцип *подчинения конституции решениям большинства Национального собрания*. Она понимала республику так: в республике буржуазия господствует в парламентских формах, не будучи ограничена, как это имеет место в монархии, ни правом veto исполнительной власти, ни правом последней распускать парламент. Такова, по определению Тьера, *парламентарная республика*. Но если буржуазия обеспечила за собою неограниченную власть внутри парламентских стен, не нанесла ли она удалением из парламента наиболее популярных депутатов самому же парламенту сокрушительный удар, ослабив его по отношению к исполнительной власти и к народу? Без всяких церемоний выдавая суду многочисленных депутатов, она отменила свою собственную парламентскую неприкосновенность. Унизительный регламент, которому она подчинила депутатов Горы, настолько же возвыщал президента республики, насколько он приносил каждого отдельного представителя народа. Заклеймив восстание в защиту установленной конституции как анархистское предприятие, стремящееся к ниспровержению общества, она сама отрезала себе возможность апеллировать к восстанию в том случае, если исполнительная власть вздумает нарушить конституцию против нее. И какова ирония истории! 2 декабря 1851 г. партия порядка слезно, но тщетно предлагает народу, в качестве генерала-защитника конституции против Бонапарта, *Удино* — того генерала, который, по поручению Бонапарта, бомбардировал Рим и тем послужил непосредственным поводом конституционного мятежа 13 июня. Другой герой 13 июня, *Виейра*, пожинавший лавры на трибуне Национального собрания за жестокости, кото-

рые он совершил в помещениях демократических газет во главе шайки национальных гвардейцев из финансовой аристократии, — этот самый Виейра был посвящен в заговор Бонапарта и в значительной степени способствовал тому, чтобы отрезать Национальному собранию в последние дни его существования всякую помощь со стороны Национальной гвардии.

13 июня имело еще другой смысл. Гора добивалась предания Бонапарта суду. Ее поражение было, следовательно, прямой победой Бонапарта, его личным торжеством над его демократическими врагами. Партия порядка одержала эту победу — Бонапарту оставалось только записать ее на свой счет. Он это и сделал. 14 июня появилась на стенах Парижа прокламация, в которой президент, как бы нехотя, единственно под давлением событий, выходит из своего монастырского уединения, в тоне непризнанной добродетели жалуется на клевету своих противников и, якобы отождествляя свою персону с делом порядка, на самом деле отождествляет дело порядка со своей персоной. К тому же инициатором римской экспедиции был Бонапарт, хотя и Национальное собрание задним числом санкционировало совершившийся факт. Восстановив власть первосвященника Самуила в Ватикане, Бонапарт мог надеяться войти королем Давидом в Тюильри. Он привлек на свою сторону попов.

Мятеж 13 июня ограничился, как мы видели, мирной уличной процессией. Значит, о военных лаврах в борьбе против него не могло быть и речи. Тем не менее в это бедное героями и событиями время партия порядка превратила это бескровное сражение во второй Аустерлиц. С трибуны и в прессе превозносили армию, эту силу порядка, в противоположность народным массам, представляющим бесилие анархии, а Шангарье превозносился как «оплот общества» — мистификация, в которую он в конце концов сам уверовал. Между тем войсковые части, казавшиеся подозрительными, были выведены тайком из Парижа; полки, обнаружившие на выборах самые сильные демократические симпатии, были высланы из Франции в Алжир; беспокойные элементы среди солдат отданы в дисциплинарные батальоны; наконец, печать систематически отгорожена от казармы, а казарма — от гражданского общества.

Мы теперь дошли до решительного поворотного пункта в истории французской Национальной гвардии. В 1830 г. Национальная гвардия решила судьбу реставрации. При Луи-Филиппе каждый бунт кончался неудачей, если Национальная гвардия действовала заодно с войсками. Когда она в февральские дни 1848 г. заняла пассивное положение по отношению к восстанию и двусмысленное положение по отношению к Луи-Филиппу, последний считал себя погибшим и на самом деле погиб. Так-то укоренилось убеждение, что революция не может победить без Национальной

гвардии, а армия не может победить, имея Национальную гвардию *против* себя. Таково было суеверное убеждение армии во всемогуществе гражданского населения (*bürgerliche Allmacht*). Июньские дни 1848 г., когда вся Национальная гвардия с линейными войсками подавила восстание, упрочили это суеверие. С президентством Бонапарта значение Национальной гвардии несколько упало вследствие противоконституционного соединения должности начальника Национальной гвардии и начальника первой военной дивизии в руках Шангарнье.

Подобно тому как командование Национальной гвардией стало в этом случае как бы атрибутом военного главнокомандующего, и сама она приняла характер лишь придатка линейных войск. Наконец, 13 июня она была окончательно сломлена — не только потому, что с этих пор ее стали периодически распускать по частям во всех концах Франции, пока от нее не остались одни обломки: демонстрация 13 июня была прежде всего демонстрацией демократической части Национальной гвардии. Правда, она направила против армии не свое оружие, а лишь свой мундир; но именно в этом мундире заключался талисман. Армия убедилась, что этот мундир такая же шерстяная тряпка, как и всякий другой мундир. Чары исчезли. В июньские дни 1848 г. буржуазия и мелкая буржуазия объединились в лице Национальной гвардии с армией против пролетариата. 13 июня 1849 г. буржуазия разогнала мелкобуржуазную Национальную гвардию при помощи армии. 2 декабря 1851 г. буржуазной Национальной гвардии уже не существовало, и своим позднейшим декретом, распускавшим ее, Бонапарт лишь констатировал совершившийся факт. Так буржуазия сама сломала свое последнее оружие против армии, но она должна была его сломать с того момента, как мелкая буржуазия из покорного вассала превратилась в бунтовщика. Да и вообще буржуазия должна была собственными руками разрушить все свои оборонительные орудия против самодержавия, как только она сама стала самодержавной.

Тем временем партия порядка праздновала завоевание вновь власти, потерянной ею в 1848 г. как бы только для того, чтобы в 1849 г. найти ее свободной от всяких пут, — оскорбляя республику и конституцию, проклиная все будущие, настоящие и прошедшие революции, в том числе и ту, которая была совершена ее собственными вождями, и, наконец, издав законы, сковывавшие прессу, уничтожавшие свободу союзов и санкционировавшие осадное положение как нормальное учреждение. Затем Национальное собрание распустило себя на период времени от половины августа до половины октября, назначив на время своего отсутствия постоянную комиссию. Во время этих каникул легитимисты интриговали с Эмсом, орлеанисты — с Клермонтом, Бонапарт — посредством обставленных по-царски шезлонгов, а де-

парламентские советы — на совещаниях по поводу пересмотра конституции, — происшествия, неизменно повторявшиеся во время периодических каникул Национального собрания. Я буду говорить о них, лишь только они примут характер событий. Тут я только еще замечу, что Национальное собрание поступало непolitично, исчезая на довольно долгое время со сцены и оставляя во главе республики, у всех на виду, только одну, хотя бы и жалкую, фигуру Луи Бонапарта, тогда как партия порядка скандализировала публику распадением на свои роялистские составные части, отдаваясь враждебным друг другу реставрационным вожделениям. Каждый раз, когда во время этих каникул смолкал оглушающий шум *парламента* и его тело растворялось в нации, становилось очевидным, что этой республике недоставало лишь одного, чтобы предстать в своем настоящем виде, — сделать парламентские каникулы непрерывными и заменить *свой* девиз: *Liberté, Égalité, Fraternité* [Свобода, Равенство, Братство] недвусмысленными словами: *Infanterie, Cavalerie, Artillerie* [Пехота, Кавалерия, Артиллерия].

IV

В середине октября 1849 г. Национальное собрание снова открыло свои заседания. 1 ноября Бонапарт поразил Собрание посланием об отставке министерства Барро — Фаллу и об образовании нового министерства. Лакея не прогоняют со службы более бесцеремонно, чем Бонапарт прогнал своих министров. Пинки, предназначенные Национальному собранию, достались предварительно Барро и К^о.

Министерство Барро было составлено, как мы видели, из легитимистов и орлеанистов. Это было министерство партии порядка. Бонапарту нужно было такое министерство, чтобы распустить республиканское Учредительное собрание, снарядить экспедицию против Рима и сломить силу демократической партии. Тогда он ступался, казалось, за спиной этого министерства, уступив правительственную власть партии порядка и надев скромную маску, какую в Париже носили ответственные редакторы газет времен Луи-Филиппа, типичную маску *homme de paille* [подставного лица]. Теперь он снял маску, которая из легкой вуали, дававшей ему возможность скрывать свою физиономию, превратилась в железную маску, мешавшую ему показать свою собственную физиономию. Он призвал к власти министерство Барро, чтобы от имени партии порядка разогнать республиканское Национальное собрание; он дал отставку этому министерству, чтобы объявить свое собственное имя независимым от Национального собрания этой партии порядка.

В благовидных предложениях к этой отставке недостатка не было.

Министерство Барро пренебрегало даже правилами приличия, обязательными по отношению к президенту республики, как к власти, существующей наряду с Национальным собранием. Во время парламентских каникул Бонапарт опубликовал письмо к Эдгару Нею, в котором он, казалось, отрицательно отзывался о нелиберальном выступлении папы, подобно тому как, наперекор Учредительному собранию, он опубликовал письмо, восхвалявшее Удино за нападение на римскую республику. Об этом-то письме заговорил из мнимого либерализма Виктор Гюго, когда Национальное собрание вотирует бюджет по римской экспедиции. Партия порядка похоронила сумасбродную мысль Гюго, будто сумасбродства Бонапарта могут иметь какое-либо политическое значение, под презрительно-недоверчивыми восклицаниями. И никто из министров не поднял перчатки, брошенной Бонапарту. В другой раз Барро со свойственным ему пустым пафосом позволил себе с трибуны говорить с негодованием об «отвратительных кознях», имевших место, по его словам, в самых приближенных к президенту кругах. Наконец, министерство, выхлопотавшее у Национального собрания вдвойню пенсию для герцогини Орлеанской, наотрез отказалось предложить Собранию увеличить содержание президента. А в лице Бонапарта претендент на императорскую корону так тесно сросся с разорившимся авантюристом, что великая идея о его призвании восстановить империю у него всегда дополнялась другой великой идеей — о призвании французского народа заплатить его долги.

Министерство Барро — Фаллу было первым и последним *парламентским министерством*, которое существовало при Бонапарте. Его отставка является поэтому решающим поворотным пунктом. Вместе с ним партия порядка потеряла руководство исполнительной властью, этот необходимый оплот для защиты парламентарного режима, чтобы никогда уже больше не завоевать его снова. А в такой стране, как Франция, где исполнительная власть имеет в своем распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. держит в постоянной и самой безусловной зависимости от себя огромную массу интересов и отдельных лиц, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни, начиная с его самых общих форм существования и кончая частными существованиями отдельных индивидуумов, где этот паразитический организм вследствие необычайной централизации стал вездесущим, всеведущим, приобрел повышенную эластичность и подвижность, тогда как действительный общественный организм поражает своей беспомощной несамостоятельностью, своей рыхлостью и бесформенностью, — в такой стране само собою ясно, что Национальное собрание вместе с правом раздачи ми-

нистерских портфелей теряет всякое действительное влияние, если оно в то же время не упрощает государственного управления, не уменьшает армии чиновников, не дает, наконец, гражданскому обществу и общественному мнению создать свои собственные, независимые от правительственной власти, органы. Но *материальный интерес* французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этой обширной и широко разветвленной государственной машины. Сюда сбывает она свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров. С другой стороны, *политические интересы* буржуазии заставляли ее все более усиливать с каждым днем репрессии, т. е. ежедневно увеличивать средства и личный состав государственной власти, и в то же время вести непрерывную войну против общественного мнения и из недоверия преследовать, калечить, парализовать самостоятельные органы общественного движения, если ей не удавалось их просто ампутировать. Таким образом, классовое положение французской буржуазии заставляло ее, с одной стороны, подрезать корни всякой, а следовательно, и своей собственной, парламентской власти, а с другой стороны, делать враждебную ей исполнительную власть непреодолимой.

Новое министерство называлось министерством д'Опуля. Это вовсе не значит, что генерал д'Опуль получил сан премьера. С отставкой Барро Бонапарт отменил этот сан, фактически обрекавший президента республики на узаконенно ничтожную роль конституционного короля, но конституционного короля без трона и короны, без скипетра и меча, без привилегии неприкосновенности, без наследственного обладания высшим государственным саном и — что всего хуже — без гражданского листа. Министерство д'Опуля имело в своей среде только одного человека с парламентским именем, ростовщика *Фульда*, одного из самых опороченных членов финансовой аристократии. Ему достался портфель министра финансов. Достаточно заглянуть в курсовые бюллетени парижской биржи, чтобы убедиться, что с 1 ноября 1849 г. французские фонды поднимаются и падают вместе с бонапартовскими акциями. Найдя союзника на бирже, Бонапарт одновременно забрал в свои руки и полицию, назначив Карлье префектом парижской полиции.

Однако последствия перемены министерства могли обнаружиться лишь с течением времени. Пока что Бонапарт сделал только один шаг вперед, чтобы тем очевиднее отступить назад. За его грубым посланием последовало крайне холопское изъяснение покорности Национальному собранию. Каждый раз, когда министры осмеливались сделать робкую попытку придать его личным причудам форму законопроектов, они, казалось, нехотя, единственно в силу своего положения, исполняли комические

поручения, в безуспешности которых они заранее были уверены. Каждый раз, когда Бонапарт за спиной министров выбалтывал свои намерения и играл своими «*idées napoléoniennes*» [«наполеоновскими идеями»], его собственные министры отрекались от него с трибуны Национального собрания. Казалось, что его узурпаторские вождения высказывались только для того, чтобы не смолкал злорадный смех его противников. Он разыгрывал непризнанного гения, которого весь мир выставляет простофилей. Никогда не подвергался он более глубокому презрению со стороны всех классов, чем в этот период. Никогда буржуазия не господствовала более безусловно; никогда не выставляла она напоказ знаки своего господства с большим чванством.

Мне незачем писать здесь историю ее законодательной деятельности, исчерпывающей в этот период двумя законами: законом, восстанавливающим *налог на вино*, и *законом о школах*, отменяющим неверие. Затрудняя французам потребление вина, буржуазия осчастливила их тем более обильным притоком воды праведной жизни. Объявляя налогом на вино неприкосновенной старую, ненавистную налоговую систему, буржуазия старалась законом о школах сохранить старое состояние умов у масс, на которое опиралась эта налоговая система. Удивляются, что орлеанисты, либеральные буржуа — эти старые апостолы вольтерьянства и эклектической философии — вверяют духовное руководство французами своим закоренелым врагам, иезуитам. Удивляться тут нечему: орлеанисты и легитимисты могли расходиться в вопросе о претенденте на корону, но они понимали, что их совместное господство требовало соединения орудий гнета двух эпох, что надо было дополнить и усилить средства порабощения июльской монархии средствами порабощения реставрации.

Крестьяне, обманутые во всех своих надеждах, более чем когда-либо придавленные низкими хлебными ценами, с одной стороны, и растущей тяжестью налогов и ипотечного долга — с другой, зашевелились в департаментах. Им ответили травлей школьных учителей, подчинив их духовенству, травлей мэров, подчинив их префектам, наконец, системой шпионажа, которой были подчинены все. В Париже и в больших городах сама реакция одевается в костюм своей эпохи и скорее держит себя вызывающе, нежели подавляет. В деревне она пошла, низка, мелочна, утомительна, назойлива, одним словом — жандарм. Понятно, насколько трехлетний режим жандарма, освященный режимом попа, должен был деморализовать незрелые массы.

Несмотря на всю страстность и декламацию, пускавшие в ход с трибуны Национального собрания против меньшинства партии порядка, ее речь оставалась односложной, как речь христианина, чье слово должно быть: да-да, нет-нет! Односложной и на трибуне и в прессе; плоской, как загадка, решение которой

известно наперед. Шло ли дело о праве подавать петиции или о налоге на вино, о свободе печати или о свободе торговли, о клубах или муниципальном уставе, об обеспечении свободы личности или об урегулировании государственного бюджета, — один и тот же пароль раздавался неизменно, тема всегда оставалась та же самая, приговор был всегда готов и неизменно гласил: «*Социализм!*» *Социализмом* объявлялся даже буржуазный либерализм, социализмом — буржуазное просвещение, социализмом — буржуазная финансовая реформа. Социализм — строить железную дорогу там, где есть уже канал, социализм же — обороняться палкой от нападающего шпагой.

Это не было только голой фразой, модой, партийным приемом. Буржуазия верно поняла, что всякое оружие, выкованное ею против феодализма, обращалось против нее самой, что все созданные ею средства образования поднимали бунт против ее собственной цивилизации, что все сотворенные ею боги отреклись от нее. Она поняла, что все так называемые гражданские свободы и органы прогресса затрагивали *ее классовое господство* и угрожали ему как со стороны его социальной основы, так и со стороны его политической верхушки, следовательно, стали «*социалистическими*». В этой угрозе и в этом нападении она справедливо видела тайну социализма, оценивая, таким образом, его смысл и тенденцию вернее, чем оценивает самого себя так называемый социализм, который поэтому не может понять, почему это буржуазия упорно отворачивается от него, — все равно, хнычет ли он сентиментально о страданиях человечества, провозглашает ли христианское тысячелетнее царство и всеобщую братскую любовь, болтает ли гуманистически о духе, образовании, свободе или же измышляет доктринерскую систему примирения и благополучия всех классов. Не поняла буржуазия одного, — что, последовательно рассуждая, *ее собственный парламентарный режим, ее политическое господство* вообще должно также быть осуждено как нечто *социалистическое*. Пока господство буржуазии не организовалось вполне, не нашло своего чистого политического выражения, антагонизм других классов против буржуазии также не мог выступить в чистом виде, а там, где он выступал, не мог принять той опасной формы, при которой всякая борьба против государственной власти превращается в борьбу против капитала. Если буржуазия видела в каждом проявлении общественной жизни опасность для «спокойствия», — как же она могла удержать во главе общества *режим беспокойства*, свой собственный режим, *парламентарный режим*, живущий — по выражению одного из ее ораторов — в борьбе и посредством борьбы? Как может парламентарный режим, живущий прениями, запретить прения? Всякий интерес, всякое общественное мероприятие превращаются здесь в общие идеи и тракуются как идеи, — как же может при

таких условиях какой-либо интерес, какое-либо мероприятие стать выше мышления и навязываться как религиозный догмат? Ораторская борьба на трибуне вызывает борьбу газетных писак, дискуссионный клуб парламента необходимо дополняется дискуссионными клубами салонов и трактиров; депутаты, всегда апеллирующие к народному мнению, дают тем самым право народному мнению высказывать свое действительное мнение в петициях. Парламентарный режим предоставляет все решению большинства, — как же не захотеть огромнейшему большинству вне парламента также выносить решения? Если вы на вершине государства играете на скрипке, то можете ли вы удивляться, что стоящие внизу пляшут?

Итак, осуждая как *«социализм»* то, что она раньше превозносила как *«либерализм»*, буржуазия признается, что в своих собственных интересах она должна быть избавлена от опасностей *самоуправления*; что для восстановления спокойствия в стране надо прежде всего успокоить ее буржуазный парламент; что для сохранения в целости ее социальной власти должна быть сломлена ее политическая власть; что отдельные буржуа могут продолжать эксплуатировать другие классы и невозмутимо пользоваться благами собственности, семьи, религии и порядка лишь под условием, чтобы буржуазия как класс, наряду с другими классами, была осуждена на одинаковое с ними политическое ничтожество; что для спасения ее кошелька с нес должна быть сорвана корона, а защищающий ее меч должен вместе с тем, как дамоклов меч, быть повешен над ее собственной головой.

В области общегражданских интересов Национальное собрание оказалось настолько неспособным, что, например, прения о постройке железной дороги между Парижем и Авиньоном, начатые зимою 1850 г., не могли быть закончены к 2 декабря 1851 г. Там, где оно не угнетало, не действовало реакционно, оно страдало неизлечимым бесплодием.

В то время как министерство Бонапарта отчасти являлось инициатором законов в духе партии порядка, отчасти усиливало гнет этих законов на практике, — Бонапарт со своей стороны гонялся за приобретением популярности посредством детски-нелепых проектов, подчеркивал свою враждебность к Национальному собранию и намекал на какой-то таинственный клад, которому лишь обстоятельства покамест мешают открыть французскому народу свои сокровища. Сюда относится предложение повысить жалованье унтер-офицерам на четыре су в день и проект ссудного «банка чести» для рабочих. Денежные подарки и денежные ссуды — такова была перспектива, которой он рассчитывал соблазнить массы. Дарить и брать взаймы — в этом все финансовое искусство люмпен-пролетариата, знатного и незнатного. Только эти пружины Бонапарт и умел пускать в ход. Никогда еще

ни один претендент не спекулировал так пошло на пошлости толпы.

Национальное собрание не раз приходило в бешенство от этих несомненных попыток Бонапарта приобрести популярность за его счет, при все усиливающейся опасности, что этот авантюрист, подхлестываемый кредиторами и отнюдь не стяжавший себе репутации, которую стоило бы беречь, отважится на какую-нибудь отчаянную проделку. Натянутые отношения между партией порядка и президентом уже приняли было грозный характер, когда неожиданное событие заставило его снова покаянно броситься в ее объятия. Мы говорим о *дополнительных выборах 10 марта 1850 г.* Эти выборы состоялись для замены депутатов, которые после 13 июня попали в тюрьму или в изгнание. Париж выбрал только социалистическо-демократических депутатов. Более того: он дал наибольшее число голосов участнику июньского восстания Дефлотту. Это была месть соединившейся с пролетариатом парижской мелкой буржуазии за поражение 13 июня 1849 г. Мелкая буржуазия, казалось, исчезла в минуту опасности с поля борьбы лишь для того, чтобы при благоприятных обстоятельствах снова появиться на нем с большими боевыми силами и с более смелым боевым лозунгом. Опасность этой избирательной победы казалась тем грознее, что армия в Париже голосовала за июньского повстанца против министра Бонапарта, Лаитта, а в департаментах — большей частью за монтаньеров, которые и здесь, хотя и не так решительно, как в Париже, одержали верх над противниками.

Бонапарт внезапно увидел себя опять лицом к лицу с революцией. Как 29 января 1849 г., 13 июня 1849 г., так и 10 марта 1850 г. он спрятался за спину партии порядка. Он смирился, мало-душно просил прощения, выражал готовность составить любое министерство по приказанию парламентского большинства, — более того: умолял орлеанистских и легитимистских главарей, Тьеров, Беррье, Брольи, Моле, — словом, так называемых бургграфов¹, стать самолично у государственного кормила. Партия порядка не сумела воспользоваться этой неповторимой минутой. Вместо того чтобы смело завладеть предложенной властью, она даже не заставила Бонапарта вернуть удаленное им 1 ноября министерство; она удовольствовалась тем, что унизила его своим прощением и ввела в министерство д'Опуля г. *Бароша*. Этот Барош в качестве прокурора при верховном суде в Бурже неистовствовал против революционеров 15 мая и против демократов 13 июня, в обоих случаях по делу о покушении на Национальное собрание. Ни один из министров Бонапарта впоследствии не

¹ *Бургграф* — насмешливая кличка, которой обозначали бессильное властолюбие и феодальные стремления монархистов; позаимствована из одной драмы В. Гюго. *Ред.*

сделал больше Бароша для того, чтобы унижить Национальное собрание, а после 2 декабря 1851 г. мы встречаем его в очень доходной должности вице-президента сената. Он наплевал революционерам в суп, чтобы Бонапарт мог съесть его.

Социально-демократическая партия с своей стороны, казалось, искала лишь случая, чтобы снова поставить на карту свою победу и ослабить ее значение. Видаль, один из новоизбранных парижских депутатов, был одновременно выбран и в Страсбурге. По настоянию партии он отказался от парижского мандата в пользу страсбургского. Итак, вместо того чтобы придать своей парижской победе окончательный характер и тем вызвать партию порядка на немедленную борьбу в парламенте, вместо того чтобы вынудить противника к борьбе в минуту народного энтузиазма и благоприятного настроения армии, — демократическая партия утомляла Париж в течение марта и апреля новой избирательной агитацией, давая возбужденным народным страстям остыть в этой новой временной избирательной игре, насыщая революционную энергию конституционными успехами, растрачивая ее на мелкие интриги, пустую декламацию и видимость движения, давая буржуазии время притти в себя и принять свои меры, ослабляя, наконец, значение мартовских выборов сентиментальным комментарием дополнительных апрельских — избранием Эжена Сю. Одним словом, она проделала над 10 марта первоапрельскую шутку.

Парламентское большинство поняло слабость противника. Семнадцать бурбурграфов партии порядка — Бонапарт предоставил ей руководство и ответственность за атаку — выработали новый избирательный закон, докладчиком которого был выбран г. Фоше, выпросивший себе эту честь. 8 мая Фоше внес закон, отменявший всеобщее избирательное право, требовавший от избирателей трехлетнего пребывания на месте выборов, причем установление срока пребывания рабочих на месте выборов было поставлено в зависимость от свидетельства работодателей.

Демократы, которые так революционно волновались и кипели во время конституционной избирательной борьбы, теперь, когда следовало с оружием в руках доказать серьезное значение своей избирательной победы, столь же конституционно проповедывали порядок, величественное спокойствие (*calme majestueux*), законный образ действий, т. е. слепое подчинение воле контрреволюции, величавшей себя законом. Во время прений Гора старалась пристыдить партию порядка, противопоставляя ее революционной страстности бесстрашие честного обывателя, остающегося на законной почве, и поражая ее насмерть страшным упреком в революционном образе действий. Даже новоизбранные депутаты старались показать приличным и рассудительным поведением, как несправедливо было ругать их анархистами и толковать их избрание как победу революции. 31 мая прошел новый избира-

тельный закон. Гора удовлетворялась тем, что сунула протест президенту в карман. За избирательным законом последовал закон о печати, окончательно уничтоживший революционную газетную прессу. Последняя заслужила свою участь. После этого разгрома самыми крайними формами революции остались два буржуазных органа: «National» и «La Presse».

Мы видели, что демократические вожди в марте и в апреле сделали все, чтобы вовлечь парижский народ в фиктивную борьбу, подобно тому как они после 8 мая делали все, чтобы удержать его от действительной борьбы. К тому же не надо забывать, что 1850 год был временем редкого промышленного и торгового расцвета, так что парижский пролетариат имел работы вдоволь. Но избирательный закон 31 мая 1850 г. отстранил пролетариат от всякого участия в политической власти, отрезал ему даже доступ к полю битвы. Этот закон вернул рабочих к положению париев, которое они занимали до февральской революции. Вверяя свою судьбу, в связи с этим событием, демократическим вождям, забывая о революционных интересах своего класса из-за минутного благополучия, они отказались от чести быть завоевательной силой, покорились своей судьбе, показали, что июньское поражение 1848 г. надолго обессилило их, что исторический процесс в ближайшее время опять должен совершаться *помимо* них. Что же касается мелкобуржуазной демократии, кричавшей 13 июня: «Пусть только осмелятся коснуться всеобщего избирательного права, пусть только!», то теперь она утешилась тем, что удар, нанесенный ей контрреволюционерами, — вовсе не удар, а закон 31 мая — вовсе не закон. 2 мая 1852 г. каждый француз явится перед избирательной урной с избирательным бюллетенем в одной руке и с мечом в другой. Этим пророчеством она сама себя утешала. Наконец, армия была наказана начальством за мартовские и апрельские выборы 1850 г. так же, как за выборы 29 мая 1849 г. Но на этот раз она решительно сказала себе: «В третий раз революция нас не проведет!»

Закон 31 мая 1850 г. был *coup d'état* [государственным переворотом] буржуазии. Все ее прежние победы над революцией посилили лишь временный характер. Они делались сомнительными с того момента, когда существующее в настоящее время Национальное собрание уходило со сцены. Они зависели от случайностей новых общих выборов, а история выборов со времени 1848 г. неопровержимо доказала, что моральная власть буржуазии над народными массами ослабевала по мере того, как кренила ее фактическая власть. Всеобщее избирательное право резко высказалось 10 марта против господства буржуазии, — буржуазия ответила на это отменой всеобщего избирательного права. Закон 31 мая был, следовательно, одним из необходимых проявлений классовой борьбы. С другой стороны, конституция требовала, для

того чтобы выборы президента были признаны действительными, минимум два миллиона голосов. Если бы никто из кандидатов не получил этого минимума голосов, то Национальному собранию предоставлялось право выбрать президентом одного из трех кандидатов, получивших наибольшее число голосов. В то время когда Учредительное собрание составляло этот закон, в избирательных списках числилось 10 миллионов избирателей. Следовательно, по смыслу этого закона, для признания президентских выборов действительными достаточно было пятой части всех пользующихся избирательным правом. Закон 31 мая вычеркнул из избирательных списков по меньшей мере 3 миллиона голосов, уменьшил число избирателей до 7 миллионов, но тем не менее оставил в силе законный минимум 2 миллиона для президентских выборов, так что законный минимум с одной пятой повысился почти до одной трети всех избирательных голосов. Другими словами, этот закон сделал все, чтобы передать контрабандой президентские выборы из рук народа в руки Национального собрания. Таким образом, партия порядка, казалось, вдвойне укрепила свою власть избирательным законом 31 мая, передав выборы депутатов Национального собрания и выборы президента республики в руки консервативной части общества.

V

Борьба между Национальным собранием и Бонапартом вспыхнула снова, как только миновал революционный кризис и было отменено всеобщее избирательное право.

Конституция назначила Бонапарту жалованье в 600 000 франков. Едва прошло полгода его президентства, как ему удалось увеличить эту сумму вдвое. Одилон Барро добился от Учредительного собрания ежегодной прибавки в 600 000 франков на так называемые расходы по представительству. После 13 июня Бонапарт выступил с подобными же претензиями, на которые, однако, Барро на этот раз не откликнулся. Теперь, после 31 мая, Бонапарт немедленно воспользовался благоприятным моментом и через своих министров потребовал у Национального собрания ежегодного оклада в 3 миллиона франков. Долгая бродяжническая жизнь авантюриста наделила его крайне тонким чутьем к критическим моментам, когда можно было вымогать деньги у буржуа. Он занимался форменным шантажом. Национальное собрание, с его помощью и с его ведома, осквернило самодержавие народа. Он угрожал донести об этом преступлении народу, если Собрание не раскошелится и не купит его молчание за 3 миллиона франков в год. Оно отняло у 3 миллионов французов право голоса, — он требовал за каждого политически обесцененного француза миллионный франк, ровно 3 миллиона франков. Он, избранный 6 миллионов, требует вознаграждения за голоса, отнятые у него зад-

ним числом. Комиссия Национального собрания отказала нахалу. Бонапартистская пресса стала угрожать. Да и могло ли Национальное собрание порвать с президентом в такую минуту, когда оно принципиально и окончательно порвало с массой нации? Оно, правда, отвергло ежегодный оклад, но зато вотировало единовременную сумму в 2 160 000 франков. Согласившись дать деньги, но вместе с тем своим раздражением показывая, что оно уступает против воли, Собрание обнаружило двойную слабость. Зачем Бонапарту нужны были эти деньги, мы увидим дальше. После этого следовавшего непосредственно за отменой всеобщего избирательного права досадного эпилога, в котором Бонапарт переменил по отношению к узурпаторскому парламенту свой смиренный тон времени мартовского и апрельского кризиса на вызывающе-нахальный тон, — Национальное собрание отложило свои заседания на три месяца, с 11 августа до 11 ноября. Оно оставило вместо себя постоянную комиссию из 18 членов, среди которых было несколько умеренных республиканцев, но не было ни одного бонапартиста. Постоянная комиссия 1849 г. состояла исключительно из друзей порядка и бонапартистов. Но тогда партия порядка объявила себя постоянной противницей революции, — теперь парламентарная республика объявила себя постоянной противницей президента. После закона 31 мая партия порядка должна была считаться лишь с этим соперником.

Когда Национальное собрание в ноябре 1850 г. снова было созвано, положение было такое, что, казалось, вместо прежних мелких стычек между парламентом и президентом неизбежно должна начаться великая, беспощадная борьба, борьба двух властей не на жизнь, а на смерть.

Как в 1849 г., так и во время парламентских каникул 1850 г. партия порядка распалась на отдельные фракции, каждая из которых занималась собственными реставрационными интригами, получившими новую пищу благодаря смерти Луи-Филиппа. Король легитимистов, Генрих V, назначил даже форменное министерство, пребывавшее в Париже, в состав которого входили некоторые члены постоянной комиссии. Бонапарт был, следовательно, в праве, с своей стороны, обезжечь французские департаменты и, смотря по настроению ошастливленного его посещением города, более или менее откровенно выбалтывать свои реставрационные планы и вербовать голоса в свою пользу. Во время этих поездок, прославляемых, разумеется, как триумфальные шествия большим официальным «Moniteur'ом» и маленькими частными «Moniteur'ами» Бонапарта, его всюду сопровождали члены *Общества 10 декабря*. Это общество возникло еще в 1849 г. Под личиной благотворительного общества оно представляло тайную организацию парижского люмпен-пролетариата, распадавшуюся на руководимые бонапартистскими агентами секции, а во главе

всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с прогоревшими кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с оголтелыми авантюристами из буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, — словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют богемой. Из этих родственных себе элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, «благотворительного общества», поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность убогатить себя за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся *во главе люмпен-пролетариата*, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, — таков подлинный Бонапарт, Бонапарт *sans phrases* [без прикрас]. Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости. Так, в его походе на Страсбург ¹ дрессированный швейцарский коршун играл роль наполеоновского орла. При своей высадке в Булони он на нескольких лондонских лакеев напялил французские мундиры; они представляли армию. В его Обществе 10 декабря 10 000 бездельников должны были представлять народ, как в комедии Шекспира ткач Основа ² представляет льва. В такой момент, когда буржуазия сама играла чистейшую комедию с самым серьезным видом, не нарушая ни одного из педантических правил французского драматического этикета, когда она, наполовину одураченная, наполовину убежденная, сама уверовала в торжественность своего лицедейства, — в такой момент авантюрист, смотревший на комедию просто как на комедию, должен был победить. Лишь после того, как он справился со своим облаченным в парадный костюм противником и, в свою очередь, посмотрел всерьез на свою императорскую роль, воображая себя под наполеоновской маской действительным Наполеоном, — лишь тогда он становится жертвой

¹ Первая неудачная попытка Луи Бонапарта совершить государственный переворот, предпринятая в 1836 г. в г. Страсбурге. Вторжение в Булонь — вторая неудачная попытка Луи Бонапарта провозгласить себя императором в 1840 г. *Ред.*

² Одно из действующих лиц в комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», желавшее играть в пьесе роль льва. *Ред.*

собственного мировоззрения, превращается в серьезного шута; теперь уже не всемирную историю считающего комедией, а свою собственную комедию — всемирной историей. Чем для социалистических рабочих были Национальные мастерские, а для буржуазных республиканцев Мобильная гвардия, тем было для Бонапарта Общество 10 декабря, эта характерная для него партийная боевая сила. Во время его поездок члены этого Общества, размещенные кучками по железнодорожным станциям, должны были служить ему импровизированной публикой, являться выразителями народного энтузиазма, реветь *vive L'Empereur!* [да здравствует император!], оскорблять и колотить республиканцев — и все это, разумеется, под покровительством полиции. При его возвращениях в Париж они должны были служить авангардом, предупреждать или разгонять враждебные демонстрации. Общество 10 декабря принадлежало ему, было *его* произведением, его собственной идеей. Все остальное, что он приписывает себе, доставалось ему в силу обстоятельств; во всех его действиях за него действовали обстоятельства или он довольствовался тем, что копировал действия других; но публично сыпать официальными фразами о порядке, религии, семье, собственности, а втайне опираться на общество Шуфтерле и Шпигельбергов¹, на общество беспорядка, проституции и воровства, — тут Бонапарт оригинален, и история Общества 10 декабря — его собственная история.

Однажды случилось, что под палки «декабристов» попало несколько депутатов из партии порядка. Более того. Полицейский комиссар Ион, заведывавший охраной Национального собрания, доложил постоянной комиссии, на основании показаний некоего Алэ, что одна из секций «декабристов» постановила убить генерала Шангарнье и председателя Национального собрания Дюпена и уже назначила убийц. Можно себе представить, как перепугался г. Дюпен. Парламентское обследование Общества 10 декабря, т. е. разоблачение бонапартовских тайн, казалось неминуемым. И вот перед самым открытием Национального собрания Бонапарт предусмотрительно распустил свое Общество, но, разумеется, только на бумаге, так как еще в конце 1851 г. префект полиции Карлье тщетно старался в обстоятельной докладной записке побудить его действительно разогнать «декабристов».

Обществу 10 декабря предстояло до тех пор оставаться частной армией Бонапарта, пока ему не удалось превратить государственную армию в Общество 10 декабря. Первую попытку в этом направлении Бонапарт сделал вскоре после закрытия заседаний Национального собрания, и притом на вырванные у него же деньги. Как фаталист, он убежден, что существуют некие высшие силы,

¹ *Шуфтерле* и *Шпигельберг* — имена самых отталкивающих типов в драме Шиллера «Разбойники». *Ред.*

которым человек, а особенно солдат, противостоять не может. К этим силам он прежде всего относит сигары и шампанское, холодную дичь и колбасу с чесноком. Поэтому он в залах Елисейского дворца стал прежде всего угощать офицеров и унтер-офицеров сигарами и шампанским, холодной дичью и колбасой с чесноком. 3 октября он повторил этот маневр с войсками на смотре в Сен-Море, а 10 октября — тот же маневр в еще большем масштабе на генеральном смотре в Сатори. Дядя вспоминал о военных походах Александра в Азии, племянник — о завоевательных походах Вакха в той же стране. Александр был, правда, полубог, но ведь Вакх был настоящий бог, и притом бог-покровитель Общества 10 декабря.

После смотра 3 октября постоянная комиссия призвала к ответу военного министра д'Опуля. Он дал обещание, что подобное нарушение дисциплины не повторится больше. Известно, как Бонапарт 10 октября сдержал слово, данное д'Опулем. На обоих смотрах командовал Шангарнье в качестве главнокомандующего парижских войск. Этот Шангарнье, в одно и то же время член постоянной комиссии, начальник Национальной гвардии, «спаситель» 29 января и 13 июня, «оплот общества», кандидат партии порядка в президенты, предполагаемый Монк двух монархий, до этого времени никогда не признавал себя подчиненным военному министру, всегда открыто издевался над республикой, преследовал Бонапарта двусмысленно-высокомерным покровительством. Теперь же он стал пылко защищать дисциплину против военного министерства и конституцию против Бонапарта. В то время как 10 октября часть кавалерии кричала: «Vive Napoléon! Vivent les saucissons!» [«Да здравствует Наполеон! Да здравствует колбаса!»], Шангарнье распорядился, чтобы по крайней мере дефилировавшая под командой его друга Неймейера пехота хранила гробовое молчание. В наказание военный министр, по наущению Бонапарта, лишил генерала Неймейера его парижского поста, под предлогом назначения его командующим 14-й и 15-й дивизиями. Неймейер отказался от перемены поста и должен был выйти в отставку. Шангарнье с своей стороны 2 ноября издал приказ, воспрещающий войскам всякие политические восклицания и демонстрации в строю. Елисейские газеты ¹ напали на Шангарнье, газеты партии порядка — на Бонапарта, постоянная комиссия назначала одно за другим тайные заседания, на которых каждый раз вносилось предложение объявить отечество в опасности; армия, казалось, разделилась на два враждебных лагеря с двумя враждебными генеральными штабами, из которых один заседал в Елисейском дворце — квартире Бонапарта, а другой в Тюильри — квартире Шангарнье. Открытие Национального собрания должно

¹ Газеты бонапартистского направления. *Ред.*

было, повидимому, неминуемо подать сигнал к открытой борьбе. Французская публика судила об этих столкновениях между Бонапартом и Шангарнье так же, как тот английский журналист, который охарактеризовал положение следующим образом: «Политические горничные Франции выметают раскаленную лаву революции старыми вениками и ведут между собой при этом перебранку».

Тем временем Бонапарт поспешил дать отставку военному министру д'Опулю, отправить его немедленно в Алжир и назначить на его место военным министром генерала Шрамма. 12 ноября он обратился к Национальному собранию с американски пространном посланием, загроможденным мелочами, пропитанным запахом порядка, жаждущим примирения, дышащим покорностью конституции, трактующим решительно обо всем, только не о жгучей злобе дня. Как бы мимоходом бросил он замечание, что, согласно точному смыслу конституции, распоряжение армией принадлежит исключительно президенту. Послание кончалось следующими высокаторжественными словами:

«Франция требует прежде всего спокойствия... Связанный единственно лишь присягой, я буду держаться в тесных границах, подписанных мне ею... Что касается меня, я, избранный народом и обязанный моей властью ему одному, всегда буду подчиняться его законно выраженной воле. Если вы в этом заседании решите, что должно пересмотреть конституцию, — Учредительное собрание урегулирует положение исполнительной власти. Если же нет, — народ в 1852 г. торжественно провозгласит свое решение. Но каковы бы ни были решения, таящиеся в будущем, придемте к соглашению, дабы страсть, неожиданность или насилие никогда не являлись вершителями судеб великой нации... Мое внимание прежде всего обращено не на то, кто будет управлять Францией в 1852 г., а на то, чтобы употребить имеющееся в моем распоряжении время так, чтобы переходный период прошел без волнений и смятений. Я искренно открыл перед вами свое сердце. Вы ответите на мою откровенность вашим доверием, на мои благие стремления — вашим содействием, а бог позаботится об остальном».

Добропорядочный, лицемерно-умеренный, добродетельно-бальный язык буржуазии обнаруживает свой глубочайший смысл в устах самодержца Общества 10 декабря и героя пикников в Сен-Море и Сатори.

Бургграфы партии порядка ни минуты не ошибались насчет того, какого доверия заслуживают эти сердечные излияния. Присяги им давно уже приелись, — они имели в своей среде ветеранов, виртуозов клятвопреступления, а выражение, касавшееся армии, не ускользнуло от их внимания. Они с негодованием заметили, что послание, пространно перечислявшее недавно изданные

законы, обходило нарочитым молчанием самый важный из них — избирательный закон; более того: в случае сохранения старой конституции оно предоставляло выборы президента в 1852 г. народу. Избирательный закон был свинцовым грузом на ногах партии порядка, мешавшим ей двигаться, а тем более штурмовать! К тому же Бонапарт официальным роспуском Общества 10 декабря и увольнением военного министра д'Опуля собственными руками принес в жертву на алтарь отечества козлов отпущения. Он устранил самый острый пункт ожидаемого столкновения. Наконец, сама партия порядка всячески старалась обойти, смягчить, замять решительный конфликт с исполнительной властью. Из боязни потерять завоеванное в борьбе с революцией она дала сопернику присвоить себе плоды ее завоеваний. «Франция требует прежде всего спокойствия», — так кричала революции партия порядка с февраля [1848 г.]; так же кричал теперь Бонапарт в своем послании, обращаясь к партии порядка: «Франция требует прежде всего спокойствия». Бонапарт совершал поступки, клонившиеся к узурпации, но партия порядка была виновницей «беспокойства», поднимая шум из-за этих поступков и истолковывая их ипохондрически. Саторийские колбасы были немы, как рыбы, если только о них никто не говорил. «Франция требует прежде всего спокойствия»; поэтому Бонапарт требовал, чтобы ему давали спокойно делать свое дело, а парламентская партия была парализована двойным страхом — страхом снова вызвать революционное беспокойство и страхом оказаться виновницей беспокойства в глазах собственного класса, в глазах буржуазии. Так как Франция требовала прежде всего спокойствия, то партия порядка не посмела ответить на «мир» бонапартовского послания «войной». Публика, рассчитывавшая на крупные скандалы при открытии Национального собрания, была обманута в своих ожиданиях. Требование оппозиционных депутатов, чтобы постоянная комиссия представила свои протоколы относительно октябрьских событий, было отвергнуто большинством. Собрание принципиально избегало всяких дебатов, которые могли бы вызвать возбуждение. Работы Национального собрания в ноябре и декабре 1850 г. лишены были интереса.

Только к концу декабря начался ряд мелких стычек из-за отдельных прерогатив парламента. Движение измельчало, сведясь к ничтожным дрызгам из-за прерогатив обеих властей, с тех пор как буржуазия отменой всеобщего избирательного права пока что отделалась от классовой борьбы.

Одному депутату, Могэну, за долги был вынесен судебный приговор. На запрос председателя суда министр юстиции Руэр заявил, что следует без всяких церемоний издать приказ об аресте должника. Могэн был поэтому заключен в тюрьму, в долговое отделение. Национальное собрание вознегодовало, узнав об этом нару-

шении неприкосновенности депутатов. Оно не только постановило немедленно освободить арестованного, но в тот же вечер через своего пристава силой вывело его из Клиши. Но, с другой стороны, чтобы доказать свою веру в святость частной собственности, руководимое притом задней мыслью, в случае надобности, иметь готовое пристанище для докучливых моньярьов, Собрание объявило арест представителей народа за долги дозволенным после предварительно испрошенного у него согласия. Оно забыло декретировать, что и президент может быть заключен в тюрьму за долги. Оно окончательно уничтожило ореол неприкосновенности своих собственных членов.

Мы знаем, что полицейский комиссар Ион, на основании показаний некоего Алэ, донес о замышляемом секцией «декабристов» убийстве Дюпена и Шангарнье. Ввиду этого квесторы на первом же заседании внесли предложение образовать особую парламентскую полицию, содержащую на средства особого бюджета Национального собрания и совершенно независимую от префекта полиции. Министр внутренних дел Барош заявил протест против этого вторжения в его ведомство. Тогда был заключен жалкий компромисс, согласно которому полицейский комиссар парламента содержался на средства парламентского бюджета, назначался и смещался парламентскими квесторами, но после предварительного соглашения с министром внутренних дел. Тем временем Алэ был предан правительством суду, а тут было легко объявить его показания мистификацией и устами прокурора выставить в смешном виде Дюпена, Шангарнье, Иона и все Национальное собрание. После этого, 29 декабря, министр Барош письменно потребовал от Дюпена смещения Иона. Бюро Национального собрания решило оставить Иона в должности, но Собрание, испугавшись своего насильственного образа действий в деле Могэна, привыкшее после каждого удара, нанесенного им исполнительной власти, получать от нее два удара сдачи, не санкционировало этого решения. Собрание дало Иону отставку в награду за служебное усердие и лишило себя парламентской прерогативы, совершенно необходимой, когда приходится иметь дело с человеком, который не ночью обдумывает, что совершить на следующий день, а, напротив, днем обдумывает, а по ночам приводит свои планы в исполнение.

Мы видели, как Национальное собрание в продолжение ноября и декабря избегало и отклоняло борьбу с исполнительной властью по самым крупным решающим вопросам. Теперь мы видим, что оно вынуждено начать борьбу по самым ничтожным поводам. В деле Могэна оно в принципе разрешило арест депутатов за долги, оставив за собой возможность применять этот принцип только к ненавистным депутатам, и из-за этой позорной привилегии вступило в препирательства с министром юстиции. Вместо

того чтобы, воспользовавшись сообщением о готовящемся якобы покушении на убийство Дюпена и Шангарнье, начать следствие над Обществом 10 декабря и окончательно разоблачить Бонапарта перед лицом Франции и Европы, выставив его в настоящем свете как главу парижского люмпен-пролетариата, Собрание низвело конфликт на степень спора с министром внутренних дел по вопросу о том, кому принадлежит право назначения и смещения полицейского комиссара. Таким образом, мы видим, что партия порядка в продолжение всего этого периода вынуждена была в силу своего двусмысленного положения свести свою борьбу с исполнительной властью к мелочным дрязгам и спорам с министрами из-за пределов компетенции, к каверзам, крючкотворству, спорам о размежевании и свести всю свою деятельность к вопросам самой пустой формалистики. Она не осмеливалась начать борьбу в такой момент, когда борьба имела принципиальное значение, когда исполнительная власть действительно скомпрометировала себя, когда дело Национального собрания было бы национальным делом: она этим ведь подала бы нации сигнал к выступлению, а она ничего так не боялась, как привести в движение нацию. Поэтому в таких случаях она отвергала предложения Горы и переходила к очередным делам. После того как партия порядка отказалась от борьбы в крупном масштабе, исполнительная власть спокойно выжидает момента, когда она снова сможет начать ее по мелкому, незначительному поводу, когда вопрос представляет, так сказать, лишь парламентский, местный интерес. Тогда прорывается затаенная ярость партии порядка, тогда она поднимает занавес, срывает маску с президента, объявляет республику в опасности, но тогда ее пафос кажется нелепым, повод к борьбе — лицемерным предлогом или вообще не стоящим борьбы. Парламентская буря делается бурей в стакане воды, борьба — интригой, конфликт — скандалом. В то время как революционные классы с злорадством следят за унижением Национального собрания, так как они принимают к сердцу его парламентские прерогативы столь же близко, как Собрание — общественные свободы, буржуазия вне парламента не понимает, как это буржуазия внутри парламента может тратить время на столь мелкие дрязги, компрометировать спокойствие таким жалким соперничеством с президентом. Она теряет и бесится по поводу подобной стратегии, заключающей мир, когда все жаждут войны, и начинающей атаку, когда все думают, что заключен мир.

20 декабря Паскаль Дюпра сделал запрос министру внутренних дел по поводу лотереи золотых слитков. Эта лотерея была «дочерью Елисейских полей». Бонапарт со своими присными подарил ее миру, а префект полиции Карлье взял ее под свое официальное покровительство, несмотря на то, что французские законы запрещают всякие лотереи, за исключением лотерей с благо-

творительной целью. Было выпущено семь миллионов билетов, по франку штука, а чистый доход назначался якобы на отправку парижских бродяг в Калифорнию. Этой лотереей Бонапарт отчасти имел в виду вытеснить социалистические мечты парижского пролетариата золотыми мечтами, доктринерское право на труд — соблазнительной перспективой первого выигрыша. Разумеется, парижские рабочие в блестящих калифорнийских золотых слитках не узнали неказистых франков, выуженных из их кармана. Вообще эта лотерея была простым мошенничеством. Бродягами, желавшими открыть золотоносные рудники в Калифорнии, не покидая Парижа, были сам Бонапарт и его задолжавшая свита. Вотированные Национальным собранием 3 миллиона были уже растрачены, — так или иначе нужно было наполнить опустевшую кассу. Тщетно Бонапарт открыл было для устройства так называемых *cités ouvrières* [рабочих городов] национальную подписку и выступил сам с крупной суммой во главе жертвователей. Жестоко-сердые буржуа недоверчиво выжидали уплаты подписанной им суммы, и так как такой уплаты, разумеется, не последовало, то спекуляция на социалистические воздушные замки лопнула, как мыльный пузырь. Золотые слитки имели больше успеха. Бонапарт и его товарищи не довольствовались тем, что положили часть чистого дохода в собственный карман: они фабриковали фальшивые лотерейные билеты, выпуская на один и тот же номер десять, пятнадцать и до двадцати билетов — финансовая операция в духе Общества 10 декабря! Тут Национальное собрание имело перед собою не фиктивного президента республики, а настоящего, живого Бонапарта. Тут оно могло поймать его на месте преступления, преступления не против конституции, а против уголовного уложения. Если Собрание покончило с интерpellацией Дюира переходом к очередным делам, то оно это сделало не только потому, что предложение Жирандена объявить себя «удовлетворенным» напоминало партии порядка о ее собственном систематическом взяточничестве. Буржуа, а особенно возведенный в государственные мужи буржуа, дополняет свою практическую низость теоретической высокопарностью. В качестве государственного мужа он, как и противостоящая ему государственная власть, становится высшим существом, с которым можно бороться лишь возвышенным, торжественным образом.

Бонапарт, который как сын богемы, как царственный люмпен-пролетарий имел перед буржуазными плутами то преимущество, что мог вести борьбу низкими средствами, увидел теперь, — после того как Собрание собственными руками помогло ему благополучно миновать скользкую почву военных банкетов, смотров, Общества 10 декабря и, наконец, уголовного уложения, — что настала минута, когда он может перейти от мнимой обороны к наступлению. Его мало беспокоили происходившие тем временем

маленькие поражения министра юстиции, военного министра, морского министра, министра финансов — поражения, в которых Национальное собрание выражало свое ворчливое неудовольствие. Он не только помешал министрам выйти в отставку и тем самым признать подчиненность исполнительной власти парламенту. Он теперь мог закончить начатое им во время каникул Национального собрания отделение военной власти от парламента: он *сместил Шангарнье*.

Одна елисейская газета опубликовала изданный в мае будто бы по первой дивизии приказ, — приказ, исходивший, следовательно, от Шангарнье, — в котором офицерам рекомендовалось в случае мятежа не шадить предателей в собственных рядах, немедленно их расстреливать и не посылать войск по требованию Национального собрания. 3 января 1851 г. кабинету министров был сделан запрос по поводу этого приказа. Кабинету министров требует для разбора дела сначала три месяца, затем одну неделю, наконец — только двадцать четыре часа. Собрание настаивает на немедленных объяснениях. Шангарнье поднимается и заявляет, что такого приказа никогда не было, прибавляя, что он всегда готов исполнять требования Национального собрания, что оно и в случае конфликта может рассчитывать на него. Собрание покрывает это заявление продолжительными аплодисментами и декретирует вотум доверия Шангарнье. Отдавая себя под частное покровительство генерала, парламент отрекается от власти, декретирует свое собственное бессилие и всемогущество армии; но генерал ошибается, предоставляя в распоряжение парламента против Бонапарта силу, которую он получил от того же Бонапарта лишь в ленное пользование, и ожидая в свою очередь защиты со стороны этого парламента — со стороны своего же нуждающегося в защите клиента. Однако Шангарнье верит в таинственную силу, которую буржуазия ему предоставила с 29 января 1849 г. Он считает себя третьей властью рядом с двумя другими государственными властями. Он разделяет участь остальных героев или, лучше сказать, святых этой эпохи, величие которых состоит в пристрастно высоком мнении, распространяемом о них их партией, и которые оказываются заурядными фигурами, лишь только обстоятельства требуют от них чудес. Вообще неверие — смертельный враг этих мнимых героев и подлинных святых. Отсюда их благородноморальное негодование против лишенных энтузиазма остряков и насмешников.

В тот же вечер министры были приглашены в Елисейский дворец. Бонапарт настаивал на смещении Шангарнье, пять министров отказались дать свою подпись. «Moniteur» объявил о министерском кризисе, а пресса партии порядка угрожала образованием парламентской армии под начальством Шангарнье. Партия порядка имела на это право на основании конституции. Ей стоило

только выбрать Шангарнье председателем Национального собрания и вызвать для своей безопасности какое угодно количество войск. Она могла это сделать тем спокойнее, что Шангарнье действительно еще находился во главе армии и парижской Национальной гвардии и только того и ждал, чтобы быть вызванным вместе с армией на помощь Национальному собранию. Бонапартистская пресса не посмела даже оспаривать права Национального собрания на непосредственный вызов войск — юридическая щепетильность, при данных обстоятельствах не сулившая никакого успеха. Что армия повиновалась бы приказаниям Национального собрания, это было весьма вероятно, если принять во внимание, что Бонапарту только через неделю удалось разыскать в Париже двух генералов — Барагэ д'Иллэ и Сен-Жана д'Анжели, — согласившихся подписать приказ об увольнении Шангарнье. Но что партия порядка нашла бы в собственных рядах и в парламенте необходимое для такого решения число голосов, это более чем сомнительно, если принять во внимание, что неделю спустя от нее отделились 286 депутатов и что Гора отвергла подобное же предложение даже в декабре 1851 г., в последнюю решительную минуту. Однако теперь удалось бы еще, может быть, бургграфам поднять массу своей партии на героический подвиг, состоявший в том, чтобы спрятаться за лесом штыков и воспользоваться услугами армии, дезертировавшей в ее лагерь. Но вместо этого господа бургграфы вечером 6 января отправились в Елисейский дворец, надеясь дипломатическими приемами и доводами отговорить Бонапарта от решения сместить Шангарнье. Кого уговаривают, того признают господином положения. Бонапарт, ободренный этой попыткой бургграфов, назначает 12 января новое министерство, в котором остаются вожди старого министерства — Фульд и Барош. Сен-Жан д'Анжели делается военным министром. «Moniteur» публикует декрет о смещении Шангарнье, должности которого разделяются между Барагэ д'Иллэ, получающим первую дивизию, и Перро, получающим Национальную гвардию. Оплот общества уходит в отставку, и если от этого ни один камень не падает с крыши, то зато поднимаются курсы на бирже.

Отталкивая от себя армию, отдававшуюся в ее распоряжение в лице Шангарнье, и уступая ее, таким образом, безвозвратно президенту, партия порядка тем самым заявила, что буржуазия потеряла способность к господству. Парламентского министерства уже не существовало. Теперь же, когда партия порядка потеряла власть над армией и Национальной гвардией, — какая еще сила осталась у нее, чтобы одновременно отстоять узурпаторскую власть парламента над народом и конституционную власть парламента от посягательств президента? Никакой. Она могла еще раз взывать к бессильным принципам, которые она сама всегда

рассматривала как общие правила, предписываемые третьим лицам, чтобы тем непринужденнее действовать самой. Отставкой Шангарнье, переходом военной власти в руки Бонапарта заканчивается первая часть рассматриваемого нами периода, периода борьбы между партией порядка и исполнительной властью. Теперь, когда партия порядка потеряла оружие и солдат, начинается открытая война между обеими властями. Без министерства, без армии, без народа, без общественного мнения, перестав быть со времени избирательного закона 31 мая представителем самодержавной нации, без глаз, без ушей, без зубов, без всего, Национальное собрание мало-помалу превратилось в *старофранцузский парламент*, предоставляющий правительству действовать, а сам довольствующийся ворчливыми ремонстрациями *post festum* [после того, как событие произошло].

Партия порядка встречает новое министерство бурей негодования. Генерал Бедо напоминает о кротости постоянной комиссии в течение каникул и о ее чересчур деликатном отказе обнародовать свои протоколы. Тут министр внутренних дел сам настаивает на публикации этих протоколов, которые теперь, разумеется, потеряли всякий вкус, как застоявшаяся вода, не разоблачают ни одного нового факта и не производят никакого впечатления на пресыщенную публику. По предложению Ремюза, Национальное собрание удаляется в свои канцелярии и назначает «комитет чрезвычайных мер». Париж тем более не выходит из колеи своего обычного порядка, что в это время торговля процветает, промышленные заведения работают, хлебные цены низки, съестные припасы имеются в изобилии, в сберегательные кассы ежедневно поступают новые вклады. «Чрезвычайные меры», о которых парламент возвестил с таким шумом, исчерпываются вотумом недоверия министрам, вынесенным 18 января, причем о генерале Шангарнье не было даже упомянуто. Партия порядка была вынуждена к такой редакции своего вотума, чтобы обеспечить за собою голоса республиканцев, которые из всех мероприятий министерства единственно одобряли как раз смещение Шангарнье, между тем как партия порядка в сущности не могла порицать все остальные меры министерства, продиктованные последнему ею самой.

Вотум недоверия 18 января был принят 415 против 286 голосов, — стало быть, лишь благодаря *коалиции* крайних легитимистов и орлеанистов с чистыми республиканцами и Горой. Этим было доказано, что партия порядка потеряла не только министерство, не только армию, но потеряла — в своих конфликтах с Бонапартом — и свое самостоятельное парламентское большинство; что часть депутатов дезертировала из ее лагеря — из фанатической склонности к компромиссу, из страха перед борьбой, из утомления, из семейной привязанности к родным государственным окладам, из расчета на освобождающиеся министерские

портфели (Одилон Барро), из пошлого эгоизма, всегда побуждающего заурядного буржуа жертвовать общим интересом своего класса тому или иному личному мотиву. Бонапартистские депутаты с самого начала шли заодно с партией порядка лишь в борьбе против революции. Глава католической партии, Монталамбер, уже тогда бросил свое личное влияние на чашку весов Бонапарта, так как он изверился в жизнеспособности парламентской партии. Наконец, предводители этой партии, орлеанист Тьер и легитимист Беррье, были принуждены открыто объявить себя республиканцами, признаться, что у них сердце монархическое, а голова республиканская, что парламентарная республика — единственно возможная форма господства буржуазии в целом. Словом, они были принуждены заклеить в глазах самой буржуазии реставрационные планы, над которыми они продолжали неумолимо работать за спиной парламента, как интригу столь же опасную, как и бессмысленную.

Вотум недоверия 18 января был ударом для министерства, а не для президента, несмотря на то, что не министерство, а президент сместил Шамгарнье. Не следовало ли бы партии порядка предать суду самого Бонапарта за его реставрационные вождедения? Последние лишь дополняли ее собственные реставрационные вождедения. За его заговорщические действия на военных смотрах и в Обществе 10 декабря? Она давно похоронила эти вопросы под ворохом повседневных очередных дел. За увольнение героя 29 января и 13 июня, человека, который в мае 1850 г. угрожал в случае бунта поджечь Париж с четырех концов? Ее союзники из Горы и Кавеньяк не позволили ей даже поддержать бывший «оплот общества» официальным выражением сочувствия. Она сама не могла оспаривать данное президенту конституцией право смещать генерала. Она выходила из себя лишь потому, что президент делал из своего конституционного права противопарламентское употребление. Но не делала ли она непрерывно из своей парламентской прерогативы противоконституционного употребления, особенно при отмене всеобщего избирательного права? Ей, следовательно, ничего другого не оставалось, как держаться строго в парламентских рамках. И только своеобразной болезнью, с 1848 г. свирепствовавшей на всем континенте, — *парламентским кретинизмом*, который пораженных им держит в плену воображаемого мира и лишает их всякого разума, всякой памяти, всякого понимания грубого внешнего мира, — только этим парламентским кретинизмом объясняется, что партия порядка, которая собственными руками уничтожила и в своей борьбе с другими классами должна была уничтожить все условия парламентской силы, все еще считала свои парламентские победы победами и думала, что попадает в президента, нанося удары его министрам. Этим она доставила президенту только случай снова унижить

Национальное собрание в глазах нации. 20 января «Moniteur» сообщил, что отставка всего министерства принята. Под предлогом, что ни одна парламентская партия уже не имеет большинства, — как это доказало голосование 18 января, этот плод коалиции Горы с роялистами, — а также, чтобы выжидать образование нового большинства, Бонапарт назначил так называемое переходное министерство, ни один член которого не принадлежал к парламенту, которое состояло сплошь из неизвестных и ничтожных личностей, — министерство из одних приказчиков и писцов. Партия порядка могла теперь до изнеможения возиться с этими марионетками, — исполнительная же власть не придавала больше никакого значения тому, чтобы иметь серьезное представительство в Национальном собрании. Бонапарт тем более явно сосредоточивал в своем лице всю исполнительную власть, и тем легче ему было использовать ее в своих целях, чем более его министры становились простыми статистами.

Партия порядка в союзе с Горой в отместку отвергла предложение преподнести президенту дотацию в 1 800 000 франков, предложение, внесенное по приказанию главы Общества 10 декабря его министрами-приказчиками. На этот раз вопрос был решен большинством всего 102 голосов, — стало быть, с 18 января партия порядка потеряла еще 27 голосов: ее разложение подвигалось вперед. В то же время, чтобы не дать возникнуть никаким сомнениям насчет смысла ее коалиции с Горой, она не пожелала даже открыть прения по поводу подписанного 189 членами Горы предложения всеобщей политической амнистии для политических преступников. Достаточно было заявления министра внутренних дел, некоего Вессэ, что спокойствие — лишь мнимое, что развертывается сильная подпольная агитация, что всюду организуются тайные общества, что демократические газеты готовятся снова появиться на свет, что из департаментов получаются неблагоприятные вести, что женеvские эмигранты стоят во главе заговора, нити которого распространяются через Лион по всей южной Франции, что Франция находится накануне промышленного и торгового кризиса, что фабриканты города Рубэ сократили рабочее время, что арестанты в Белль-Иле взбунтовались, — достаточно было, чтобы даже какой-то Вессэ вызвал красный призрак, и партия порядка отвергла без дебатов предложение, которое, в случае его принятия, непременно доставило бы Национальному собранию огромную популярность и заставило бы Бонапарта снова броситься в его объятия. Вместо того чтобы дать себя запугать перспективами новых волнений, нарисованными исполнительной властью, партии порядка следовало бы дать некоторый простор классовой борьбе и, таким образом, удержать исполнительную власть в подчинении себе. Но она не чувствовала себя в силах справиться с этой задачей играть с огнем.

Между тем так называемое переходное министерство продолжало прозябать до середины апреля. Бонапарт утомлял, дурачил Национальное собрание все новыми министерскими комбинациями. То он показывал склонность образовать республиканское министерство с Ламартином и Билльо, то парламентское министерство с неизбежным Одилоном Барро, имя которого не может быть пропущено там, где необходимо иметь человека, которого легко одурачить, то легитимистское с Ватименилем и Бенуа д'Ази, то орлеанистское с Мальвиллем. Настривая этими приемами различные фракции партии порядка друг против друга и пугая всю партию порядка перспективой республиканского министерства и неизбежно связанного с этим восстановления всеобщего избирательного права, Бонапарт в то же время внушал буржуазии убеждение в том, что его искренние старания образовать парламентское министерство разбиваются о непримиримость роялистских фракций. Буржуазия же тем громче требовала «сильного правительства», находила тем более непростительным оставлять Францию «без администрации», чем более надвигавшийся, казалось, всеобщий торговый кризис вербовал социализму сторонников в городах, а разорительно низкие хлебные цены — сторошиков в деревне. Застой в торговле с каждым днем усиливался, число незанятых рук заметно росло, в Париже сидело без хлеба по меньшей мере 10 000 рабочих, бесчисленное множество фабрик прекратило работу в Руане, Мюльгаузене, Лионе, Рубэ, Туркуэне, Сент-Этьенне, Эльбефе и т. д. При таких обстоятельствах Бонапарт мог осмелиться 11 апреля восстановить министерство 18 января, присоединив к гг. Руэру, Фульду, Барошу и пр. г. Леона Фоше, которого Учредительное собрание на одном из последних заседаний единогласно, за исключением пяти министерских голосов, заклеямило вотумом недоверия за распространение ложных депеш. Итак, Национальное собрание одержало 18 января победу над министерством и вело борьбу в течение трех месяцев с Бонапартом только для того, чтобы 11 апреля Фульд и Барош могли принять в свой министерский союз, в качестве третьего, пуританина Фоше.

В ноябре 1849 г. Бонапарт удовольствовался *непарламентским* министерством, в январе 1851 г. — *внепарламентским*, а 11 апреля он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы образовать *антипарламентское* министерство, гармонически соединившее в себе вотумы недоверия обоих Собраний — Учредительного и Законодательного, республиканского и роялистского. Эта градация министерств была термометром, отмечавшим постепенное понижение жизненной температуры парламента. Эта температура в конце апреля упала так низко, что Персины мог при личном свидании предложить Шангарнье перейти на сторону президента. Бонапарт, уверял он последнего, считает влияние Национального собрания

окончательно уничтоженным, и уже имеется наготове прокламация, которая будет обнародована после твердо задуманного, но случайно опять отложенного государственного переворота. Шангарнье извещил вождей партии порядка об этом смертном приговоре. Но кто же поверит тому, что укус клопа смертелен? Парламент, при всей своей немощи, при всем своем разложении, находясь почти при последнем издыхании, все еще не мог заставить себя видеть в своем поединке с шутовским шефом Общества 10 декабря что-либо иное, чем поединок с клопом. Но Бонапарт ответил партии порядка, как Агесилай царю Агису:

«Я тебе кажусь муравьем, но придет время, когда я буду львом».

VI

Коалиция с Горой и с чистыми республиканцами, к которой пришлось прибегнуть партии порядка в ее тщетных усилиях удержать за собою военную власть и завоевать утраченное руководство исполнительной властью, — эта коалиция неопровержимо доказала, что партия порядка лишилась самостоятельного *парламентского большинства*. Простая сила календаря, часовая стрелка подала 29 мая сигнал к ее окончательному разложению. 29 мая начался последний год жизни Национального собрания. Ему приходилось теперь решать вопрос, оставить ли конституцию неизменной или подвергнуть ее пересмотру. Но идти па пересмотр конституции — это значило не только выбирать между господством буржуазии и господством мелкобуржуазной демократии, между демократией и пролетарской анархией, между парламентарной республикой и Бонапартом: это значило также выбирать между Орлеаном и Бурбоном! Так в среду самого парламента упало яблоко раздора, вокруг которого должна была открыто разгореться борьба интересов, разделявших партию порядка на враждебные фракции. Партия порядка была соединением разнородных общественных элементов. Вопрос о пересмотре конституции создал политическую температуру, при которой это соединение разложилось на свои первоначальные составные части.

Заинтересованность бонапартистов в пересмотре конституции объясняется просто. Они хотели прежде всего отменить статью 45, воспрещавшую вторичное избрание Бонапарта и продление его власти. Не менее просто казалось положение республиканцев. Они безусловно отвергали всякий пересмотр, видя в нем всесторонний заговор против республики. Так как они располагали *больше чем четвертью голосов* Национального собрания, а, согласно конституции, необходимы были три четверти всех голосов для правомерного решения вопроса о пересмотре и о созыве Собрания для пересмотра конституции, то им стоило только подсчитать

свои голоса, чтобы быть уверенными в победе. И они были уверены в победе.

В противоположность этим ясным позициям положение партии порядка было полно неразрешимых противоречий. Если бы она отвергла пересмотр конституции, то она подвергла бы опасности существующий порядок вещей, оставляя Бонапарту лишь один исход — исход насильственный, и отдавая Францию в решительный момент 2 мая 1852 г. на произвол революционной анархии, с президентом, который потерял свою власть, с парламентом, который давно уже ее не имел, с народом, который намеревался вновь ее отвоевать. Если бы она голосовала за пересмотр согласно конституции, то она знала, что голосовала бы напрасно, что ее голосование, на основании конституции, должно разбиться о veto республиканцев. Если же она, нарушая конституцию, объявила бы достаточным простое большинство голосов, то она могла надеяться одолеть революцию лишь при условии своего полного подчинения исполнительной власти; она отдала бы во власть Бонапарта конституцию, пересмотр конституции и себя самое. Частичный лишь пересмотр, направленный на продление власти президента, подготовил бы почву для империалистической узурпации. Общий пересмотр, направленный на сокращение жизни республики, неизбежно привел бы к столкновению династических притязаний между собою, так как условия бурбонской и орлеанистской реставрации не только были различны, но и взаимно исключали друг друга.

Парламентарная республика представляла собою нечто большее, чем нейтральную почву, на которой обе фракции французской буржуазии, легитимисты и орлеанисты, крупная земельная собственность и промышленность, могли хозяйничать рядом, на равных правах. Она была необходимым условием их *совместного* господства, единственной государственной формой, при которой их общие классовые интересы господствовали как над притязаниями отдельных фракций буржуазии, так и над всеми другими классами. Как роялисты они опять впадали в старый антагонизм, в борьбу за главенство между земельной собственностью и деньгами, а высшим выражением этого антагонизма, его олицетворением, были их короли, их династии. Этим объясняется, почему партия порядка противилась *возвращению Бурбонов*.

Орлеанист и народный представитель Кретон в 1849, 1850 и 1851 гг. периодически вносил предложение отменить декрет об изгнании королевских семей. Парламент столь же периодически представлял зрелище роялистского собрания, упорно отрезающего своим изгнанным королям путь к возвращению на родину. Ричард III убил Генриха VI, сказав ему, что он слишком хорош для этого мира и его место — на небе. Роялисты признавали Францию слишком дурной, чтобы возвратить ей изгнанных

королей. Сила обстоятельств заставила их стать республиканцами и многократно санкционировать народное решение, изгнавшее их королей из Франции.

Пересмотр конституции, — а обсуждение этого вопроса стало неизбежным при данных обстоятельствах, — вместе с республикой подвергал опасности и совместное господство обеих фракций буржуазии и вместе с возможностью монархии воскрешал антагонизм тех интересов, преимущественной представительницей которых она попеременно являлась, воскрешал борьбу за главенство между обеими фракциями буржуазии. Дипломаты партии порядка надеялись уладить борьбу путем соединения (*Verschmelzung*) обеих династий, путем так называемого слияния (*fusion*) роялистских партий и их королевских домов. Действительным слиянием реставрации и июльской монархии была парламентарная республика, в которой стирались орлеанистские и легитимистские краски и различные виды буржуа исчезали в буржуа вообще, в буржуа как роде. Теперь же захотели орлеаниста превратить в легитимиста, а легитимиста — в орлеаниста. Монархия, олицетворявшая их антагонизм, должна была стать воплощением их единства; выражение их исключających друг друга фракционных интересов должно было стать выражением их общих классовых интересов; монархия должна была выполнить то, что могла выполнить и выполняла лишь заменившая две монархии республика. Алхимики партии порядка ломали себе голову над открытием такого философского камня. Как будто легитимная монархия может когда-либо стать монархией промышленных буржуа или буржуазная монархия — монархией наследственной земельной аристократии. Как будто земельная собственность и промышленность могут мирно уживаться под *одной* короной, в то время как корона может увенчать только одну голову, голову старшего брата или младшего. Как будто промышленность вообще может помириться с земельной собственностью, пока земельная собственность не решится сама сделаться промышленной. Умри завтра Генрих V, граф Парижский все-таки не стал бы королем легитимистов, — разве только, если бы он перестал быть королем орлеанистов. Однако философы слияния, которые возвышали свой голос по мере того, как вопрос о пересмотре конституции выдвигался на первый план, которые создали себе в газете «Assemblée Nationale» официальный ежедневный орган и которых мы даже в настоящую минуту (в феврале 1852 г.) снова видим за работой, — объясняли все затруднения сопротивлением и соперничеством обеих династий. И вот попытки примирить дом Орлеанов с Генрихом V, начатые еще со смерти Луи-Филиппа, но, как все другие династические интриги, разыгрываемые лишь во время каникул Национального собрания, в антрактах, за кулисами, представлявшие скорее сентиментальное кокетничанье со старым суеверием, чем серьезное дело, теперь

превращались в торжественное лицедейство, разыгрываемое партией порядка не на любительской сцене, как это было до сих пор, а на публичной сцене. Курьеры то и дело носились из Парижа в Венецию, из Венеции в Клермонт, из Клермонта в Париж. Граф Шамбор издает манифест, где он «с помощью всех членов своей семьи» объявляет не о своей, а о «национальной» реставрации. Орлеанист Сальванди бросается к ногам Генриха V. Вожаки легитимистов Беррье, Бенуа д'Ази, Сен-Прист отправляются в Клермонт, чтобы уговорить Орлеанов, но не имеют в этом успеха. Сторонники слияния приходят к запоздалому убеждению, что интересы обеих фракций буржуазии, обостряясь в форме семейных интересов, интересов двух королевских домов, не делаются от того ни менее исключительными, ни более уступчивыми. Положим, что Генрих V признал бы графа Парижского своим преемником, — а это единственный успех, на который сторонники слияния могли рассчитывать в лучшем случае, — дом Орлеанов не выигрывал бы от этого ровно ничего сверх того, что за ним во всяком случае обеспечивала бездетность Генриха V, но зато он терял все права, доставленные ему июльской революцией. Он отрекся бы от своих старинных притязаний, от всех прав, отвоеванных им у старшей линии Бурбонов в почти столетней борьбе, обменял бы свою историческую прерогативу на прерогативу родословного дерева. Слияние представляло бы, стало быть, не что иное, как добровольное отречение дома Орлеанов, его подчинение легитимизму, покаянное обращение из политического протестантизма в политический католицизм, — обращение, которое дало бы Орлеанам даже не утраченный трон, а лишь ступеньку трона, на которой они родились. Старые орлеанистские министры, Гизо, Дюшатель и пр., которые также поспешили в Клермонт, чтобы защищать дело слияния, на самом деле являлись лишь представителями похмелья после июльской революции, разочарования в буржуазной монархии и монархии буржуа, суеверного преклонения перед легитимностью как последним талисманом, спасающим от анархии. Воображая себя посредниками между Орлеанами и Бурбонами, они в действительности были не более, как отступниками-орлеанистами, и в качестве таковых их принял принц Жуанвилль. Напротив, жизнеспособная, воинственная часть орлеанистов, Тьер, Баз и т. д., тем легче убедили семью Луи-Филиппа в том, что, — раз всякая непосредственная монархическая реставрация предполагает слияние обеих династий, а всякое такое слияние предполагает отречение дома Орлеанов от своих прав, — ей следует, в полном согласии с семейными традициями, покамест признать республику и выжидать время, когда события позволят превратить президентское кресло в трон. Сначала распространили слух о кандидатуре в президенты республики Жуанвилля, любопытство публики было возбуждено,

а несколько месяцев спустя, в сентябре, когда пересмотр конституции был отвергнут, эта кандидатура была провозглашена открыто.

Таким образом, роялистская попытка слияния орлеанистов и легитимистов не только рухнула — она также разрушила их *парламентское слияние*, объединявшую их республиканскую форму, и разложила партию порядка на ее первоначальные составные элементы. Однако, чем более росло отчуждение между Клермонтом и Венецией, чем более их отношения близились к разрыву и усиливалась агитация в пользу Жуанвилля, тем усерднее, серьезнее становились переговоры между Фоше, министром Бонапарта, и легитимистами.

Разложение партии порядка не остановилось на ее основных элементах. Каждая из обеих больших фракций в свою очередь разлагалась дальше. Казалось, будто все старые оттенки, которые некогда боролись между собою внутри каждого из обоих лагерей, как в легитимистском, так и в орлеанистском, снова ожили, подобно засохшим инфузориям, приходящим в соприкосновение с водой, — будто они снова получили приток жизненной энергии, чтобы образовать отдельные группы с самостоятельными, противоположными интересами. Легитимисты переносились воображением назад, ко времени споров между Тюильрийским дворцом и Марсанским павильоном, между Виллелем и Полиньяком. Орлеанисты снова переживали золотое время турниров между Гизо, Моле, Брольи, Тьером и Одилонем Барро.

Часть партии порядка, стоявшая за пересмотр конституции, но расходившаяся во взглядах на пределы пересмотра, состоявшая из легитимистов под предводительством Беррье и Фаллу, с одной стороны, Ларошжаклепа — с другой, и из утомленных борьбой орлеанистов под предводительством Моле, Брольи, Монталамбера и Одилона Барро, согласилась с бонапартистскими представителями на следующем неопределенном и многообъемлющем предложении: «Нижеподписавшиеся депутаты, с целью возвратить нации возможность полного осуществления ее верховной власти, вносят предложение подвергнуть конституцию пересмотру». Но в то же время они через своего докладчика Токвиля единогласно заявили, что Национальное собрание не имеет права внести предложение об *отмене республики*, что это право принадлежит только палате, имеющей специальной задачей пересмотр конституции. Сверх того, конституция — заявляли они — может быть пересмотрена лишь на *«законном» основании*, т. е. при наличии предписанного конституцией большинства трех четвертей всех голосов в пользу пересмотра. После шестидневных бурных прений 19 июля пересмотр, как и следовало ожидать, был отвергнут. За пересмотр голосовали 446, против — 278 депутатов. Крайние орлеанисты, Тьер, Шангарнье и пр., голосовали заодно с республиканцами и Горой.

Таким образом, большинство парламента высказалось против конституции, но эта конституция сама высказалась за меньшинство, за обязательность его решения. Но разве партия порядка и 31 мая 1850 г. и 13 июня 1849 г. не поставила парламентское большинство выше конституции? Разве вся ее прежняя политика не покоилась на подчинении параграфов конституции решениям парламентского большинства? Разве она не предоставила ветхозаветное суеверие по отношению к букве закона демократам, разве она не наказала демократов за это суеверие? Но в данный момент пересмотр конституции означал не что иное, как продление срока президентской власти, а сохранение конституции означало не что иное, как смещение Бонапарта. Парламент высказался за Бонапарта, но конституция высказалась против парламента. Стало быть, Бонапарт действовал в духе парламента, разрывая конституцию, и действовал в духе конституции, разгоняя парламент.

Парламент объявил конституцию, а вместе с нею свое собственное господство «вне большинства»; своим решением он отменил конституцию, продлил срок власти президента и вместе с тем объявил, что ни конституция не может умереть, ни президентская власть не может жить, пока он сам продолжает существовать. Его будущие могильщики стояли у дверей. В то время как парламент был занят прениями по вопросу о пересмотре конституции, Бонапарт уволил обнаружившего нерешительность генерала Барага д'Иллэ от должности начальника первой дивизии и назначил на его место одного из своих ставленников, генерала Маньяна, победителя Лиона, героя декабрьских дней, более или менее скомпрометировавшего себя бонапартизмом еще при Луи-Филиппе в связи с булонской экспедицией.

Своим решением относительно пересмотра конституции партия порядка показала, что она не в состоянии ни господствовать, ни подчиняться, ни жить, ни умереть, ни сохранить республику, ни ниспровергнуть ее, ни удержать конституцию, ни устранить ее, ни сотрудничать с президентом, ни разорвать с ним. От кого же ожидала она разрешения всех противоречий? От календаря, от хода событий. Она отказалась от чести властвовать над событиями. Этим самым она отдавала себя во власть событий, т. е. во власть той силы, которой она в своей борьбе с народом уступала один атрибут власти за другим, пока она не оказалась сама перед нею безвластной. А чтобы дать возможность главе исполнительной власти тем спокойнее обдумать план борьбы против нее, усилить свои средства к атаке, выбрать свои орудия, укрепить свою позицию, партия порядка в этот критический момент решила сойти со сцены и отложить заседания палаты на три месяца, с 10 августа до 4 ноября.

Мало того, что парламентская партия распалась на свои две

большие фракции, мало того, что процесс разложения охватил каждую из этих фракций, — партия порядка в парламенте разошлась с партией порядка *вне* парламента. Ораторы и писатели буржуазии, ее трибуна и пресса, — словом, идеологи буржуазии и сама буржуазия, представители и представляемые, стали друг другу чуждыми, перестали понимать друг друга.

Легитимисты в провинции, с их ограниченным кругозором и безграничным энтузиазмом, обвиняли своих парламентских вождей, Беррье и Фаллу, в том, что они дезертировали в бонапартистский лагерь и изменили Генриху V. Их рассудок, привыкший поклоняться бурбонским лилиям, верил в грехопадение, но не в дипломатию.

Гораздо более роковым и решительным был разрыв торговой буржуазии с ее политиками. В то время как легитимисты упрекали своих политиков в измене принципу, торговая буржуазия, наоборот, упрекала своих политиков в верности принципам, ставшим бесполезными.

Я уже раньше отметил, что со времени вступления Фульда в министерство та часть торговой буржуазии, которая при Луи-Филиппе пользовалась львиной долей власти, *финансовая аристократия*, стала бонапартистской. Фульд не только защищал на бирже интересы Бонапарта, но и защищал перед Бонапартом интересы биржи. Позицию финансовой аристократии лучше всего характеризует выдержка из ее европейского органа, лондонского «Economist». В номере от 1 февраля 1851 г. этот журнал помещает следующую корреспонденцию из Парижа: «Теперь имеются заявления со всех сторон, что Франция прежде всего требует спокойствия. Президент заявляет об этом в своем послании к Законодательному собранию, то же самое отзывается эхом с национальной ораторской трибуны, о том же твердят газеты, то же провозглашается с церковной кафедры, *то же самое доказывается чувствительностью государственных бумаг к малейшей опасности для спокойствия, их устойчивостью при каждой победе исполнительной власти*».

В номере от 29 ноября 1851 г. «Economist» заявляет от своего собственного имени: «*На всех европейских биржах президент теперь признан стражем порядка*». Финансовая аристократия, стало быть, осуждала парламентскую борьбу партии порядка с исполнительной властью как *нарушение порядка* и приветствовала каждую победу президента над ее, казалось бы, собственными представителями как *победу порядка*. При этом под финансовой аристократией следует понимать не только крупных дельцов по государственным займам и спекулянтов государственными бумагами, интересы которых по вполне понятным причинам совпадают с интересами государственной власти. Все современное денежное дело, все современное банковое хозяйство теснейшим

образом связано с государственным кредитом. Часть банкового капитала по необходимости вкладывается в легко реализуемые государственные процентные бумаги. Банковые вклады, капиталы, распределяемые банками между купцами и промышленниками, частью составляют из дивидендов государственных кредиторов. Если во все времена устойчивость государственной власти представляла святыню для всего денежного рынка и жрецов этого рынка, как же иначе могло быть теперь, когда всякий новый потоп угрожает снести с лица земли вместе со старыми государствами также и старые государственные долги?

Промышленная буржуазия, фанатично жаждущая порядка, тоже была раздражена ссорой парламентской партии порядка с исполнительной властью. Тьер, Англа, Сент-Бев и т. д. получили после голосования 18 января в связи с отставкой Шангарнье от своих избирателей, притом как раз из промышленных округов, публичный выговор, в котором особенно их союз с Горой бичевался как государственная измена делу порядка. Если, как мы видели, хвастливое поддразнивание, мелочные интриги, к которым сводилась борьба партии порядка с президентом, и не заслуживали лучшего приема, то, с другой стороны, эта часть буржуазии, требовавшая от своих представителей безропотной передачи военной силы из рук своего собственного парламента в руки претендента-авантюриста, не стоила даже тех интриг, которые пускались в ход в ее интересах. Она показала, что борьба за ее *общественные* интересы, за ее собственные *классовые интересы*, за ее *политическую власть*, являясь помехой для ее частных делишек, лишь тяготит и раздражает ее.

Буржуазные тузы департаментских городов, муниципальные советники, члены коммерческих судов и т. д. везде почти без исключения встречали Бонапарта во время его поездок самым холопским образом, — даже в Дижоне, где он беспощадно напал на Национальное собрание и в особенности на партию порядка.

Если торговля шла хорошо, — как это еще было в начале 1851 г., — торговая буржуазия неистовствовала против всякой парламентской борьбы, опасаясь, как бы торговля от этого не пострадала. Если торговля шла плохо, — а это стало постоянным явлением с конца февраля 1851 г., — торговая буржуазия жаловалась на парламентскую борьбу как на причину торгового застоя и требовала прекращения этой борьбы в интересах оживления торговли. Прения по поводу пересмотра конституции происходили как раз в это плохое время. Так как тут дело шло о жизни и смерти существующего государственного порядка, то буржуазия считала себя тем более в праве требовать от своих представителей прекращения этого мучительного переходного состояния и вместе с тем сохранения существующего порядка вещей. В этом не было никакого противоречия. Под прекращением переходного состояния

она понимала именно его продолжение, откладывание окончательного решения в долгий ящик. Существующий порядок вещей можно было сохранить лишь двояким путем: путем продления срока власти Бонапарта или путем его ухода на основе конституции и избрания Кавеньяка. Часть буржуазии склонялась к последнему решению, но не умела посоветовать своим представителям ничего лучшего, как замалчивание жгучего вопроса. Она воображала, что если ее представители не будут говорить, то Бонапарт не будет действовать. Она хотела иметь парламент страусов, прячущих голову, чтобы оставаться незамеченными. Другая часть буржуазии хотела оставить Бонапарта на президентском кресле, на котором он фактически сидел, для того чтобы все осталось по-старому. Она возмущалась тем, что ее парламент не желает открыто нарушить конституцию и без церемоний отречься от власти.

Департаментские генеральные советы — это провинциальное представительство крупной буржуазии, — заседавшие во время каникул Национального собрания, с 25 августа, почти единогласно высказались за пересмотр конституции, т. е. против парламента и за Бонапарта.

Еще недвусмысленнее, чем разрыв ее с *парламентскими представителями*, было негодование буржуазии против своих литературных представителей, против своей собственной прессы. Не только Франция — вся Европа была поражена непомерными денежными штрафами и бесстыдно долгими сроками тюремного заключения, к каким буржуазные суды присуждали буржуазных журналистов за всякое нападение на узурпаторские вожделения Бонапарта, за всякую попытку защитить в печати политические права буржуазии от исполнительной власти.

Если, как я показал, *парламентская партия порядка* своими криками о необходимости спокойствия самое себя обрекла на бездействие; если она, уничтожая собственной рукой в борьбе с другими общественными классами все условия своего собственного режима, парламентарного режима, объявляла политическое господство буржуазии несовместимым с безопасностью и существованием буржуазии, то *внепарламентская масса буржуазии* своим холопским отношением к президенту, поношением парламента, зверским обращением с собственной прессой вызывала Бонапарта на подавление, уничтожение ее говорящей и пишущей части, ее политиков и литераторов, ее ораторской трибуны и прессы — и все это для того, чтобы она могла спокойно заниматься своими частными делами под покровительством сильного и неограниченного правительства. Она недвусмысленно заявляла, что страстно желает избавиться от собственного политического господства, чтобы избавиться от сопряженных с господством трудов и опасностей.

И эта внепарламентская буржуазия, которая возмущалась даже одной парламентской и литературной борьбой за господство ее собственного класса и которая изменила вождам этой борьбы, — эта буржуазия смеет теперь задним числом обвинять пролетариат за то, что он не вступил в кровавую борьбу, борьбу на жизнь и на смерть, за нее, за буржуазию! Она, которая каждую минуту жертвовала своими общими классовыми, т. е. своими политическими, интересами для самых узких, самых грязных частных интересов и требовала такой же жертвы от своих представителей, — она теперь вопит о том, что пролетариат пожертвовал ее идеальными политическими интересами в пользу своих материальных интересов. Она корчит из себя прекраснородное создание, не понятое и в решительную минуту покинутое пролетариатом, введенным в заблуждение социалистами. И ее вопли находят отголосок во всем буржуазном мире. Я тут, разумеется, не говорю о немецких мелкотравчатых политиках и недорослях по умственному развитию. Я имею в виду, например, тот же журнал «Economist», который еще 29 ноября 1851 г., т. е. за четыре дня до государственного переворота, объявлял Бонапарта «стражем порядка», а Тьеров и Беррье — «анархистами» и который уже 27 декабря 1851 г., после того как Бонапарт справился с этими «анархистами», кричит об измене «невежественных, тупых, невоспитанных пролетарских масс дарованиям, знаниям, дисциплине, духовному влиянию, умственным ресурсам и нравственному весу средних и высших общественных слоев». Тупая, невежественная и подлая масса — это как раз была сама буржуазная масса.

Правда, в 1851 г. Франция пережила что-то вроде маленького торгового кризиса. В конце февраля обнаружилось уменьшение вывоза по сравнению с 1850 г., в марте упала торговля и стали закрываться фабрики, в апреле промышленные департаменты, повидимому, находились в таком же отчаянном положении, как после февральских дней, в мае дела все еще не поправились, еще 28 июня портфель Французского банка огромным ростом вкладов и столь же огромным упадком учетной операции свидетельствовал о застое в производстве, и только в середине октября дела стали постепенно поправляться. Французская буржуазия объясняла себе этот торговый застой чисто политическими причинами, борьбой между парламентом и исполнительной властью, непрочностью переходного политического положения, страшной перспективой 2 мая 1852 г. Я не стану отрицать, что все эти обстоятельства повлияли на упадок некоторых промышленных отраслей в Париже и департаментах. Но во всяком случае влияние политической обстановки было лишь местное и незначительное. Это лучше всего доказывается тем, что торговля стала поправляться как раз в половине октября, в такой именно момент, когда политическое положение ухудшилось, политический горизонт покрылся тучами и

каждую минуту можно было ожидать удара грома из Елисейского дворца. Французский буржуа, «дарования, знания, проникаемость и умственные ресурсы» которого не идут дальше его носа, мог, впрочем, во все продолжение лондонской промышленной выставки носом наткнуться на причину своих торговых бед. В то время как во Франции закрывались фабрики, в Англии разразились торговые банкротства. Между тем как во Франции в апреле и мае дошла до апогея промышленная паника, в Англии в апреле и мае достигла апогея торговая паника. Шерстяное производство, шелковая мануфактура страдали как во Франции, так и в Англии. Если английские хлопчатобумажные фабрики продолжали работать, то они получали уже не те барыши, как в 1849 и 1850 гг. Вся разница была лишь в том, что во Франции был промышленный кризис, а в Англии — торговый, что во Франции фабрики закрывались, а в Англии расширяли свое производство, но при менее выгодных условиях, нежели в предыдущие годы, что во Франции наиболее пострадал вывоз, а в Англии — ввоз. Общая причина, которую, разумеется, не следует искать в пределах французского политического горизонта, бросалась в глаза. 1849 и 1850 годы были временем самого высокого материального процветания и перепроизводства, результаты которого обнаружились лишь в 1851 г. Перепроизводство в начале этого года особенно усилилось ввиду предстоявшей промышленной выставки. К этому еще присоединились следующие особенные обстоятельства: сначала недород хлопка в 1850 и 1851 гг., а потом уверенность в лучшем урожае хлопка, чем того ожидали, сначала подъем, а потом внезапное падение, — словом, колебания цен на хлопок. Сбор шелка-сырца получился, по крайней мере во Франции, ниже среднего. Наконец, шерстяная промышленность с 1848 г. так выросла, что производство шерсти не могло поспевать за ней, и цены на сырую шерсть поднялись несоразмерно высоко по отношению к ценам на шерстяные фабрикатy. Итак, в сыром материале трех мировых отраслей промышленности мы имеем уже тройной материал для торгового застоя. А помимо этих особенных обстоятельств мнимый кризис 1851 г. представлял не что иное, как остановку, которую перепроизводство и чрезмерная спекуляция делают каждый раз в течение промышленного круговорота, прежде чем с напряжением всех сил лихорадочно пробежать последнюю часть цикла и снова вернуться к своей исходной точке, *всеобщему торговому кризису*. В такие промежутки коммерческой истории в Англии происходят торговые банкротства, между тем как во Франции приостанавливается сама промышленность — отчасти потому, что она вытесняется со всех рынков конкуренцией англичан, становящейся особенно несносной как раз в такое время, отчасти потому, что она в качестве промышленности, производящей предметы роскоши, особенно чувствительна ко всякому застою в делах. Таким образом,

Франция кроме всеобщих кризисов переживает еще свои собственные, национальные торговые кризисы, которые, однако, гораздо больше определяются и обуславливаются всеобщим состоянием мирового рынка, нежели местными французскими обстоятельствами. Небезынтересно будет противопоставить предрассудку французского буржуа суждение английского. Одна из крупнейших ливерпульских фирм пишет в своем годовом торговом отчете за 1851 г.: «Редкий год более обманывал возлагавшиеся на него вначале надежды, чем истекший. Вместо единодушно ожидаемого сильного процветания этот год оказался одним из наиболее обескураживающих за все последнее двадцатипятилетие. Это, разумеется, относится лишь к торговым, а не к промышленным классам. И, однако, в начале этого года было, без сомнения, достаточно данных, чтобы ожидать противоположного: товарных запасов было мало, капиталов изобилие, съестные припасы были дешевы, имелись верные виды на богатый урожай; ничем не нарушаемый мир на континенте и никаких политических или финансовых затруднений дома, — в самом деле, казалось, торговля могла распуścić крылья шире, чем когда-либо... Чему же приписать неблагоприятный результат? Мы думаем — *гипертрофии торговли* как предметами ввоза, так и предметами вывоза. Если наши купцы сами не введут свою деятельность в более тесные границы, то ничто не может удержать нас в равновесии, кроме периодической паники каждые три года».

Представим себе теперь французского буржуа среди этой торговой паники с его помешанным на коммерции мозгом, который все время терзают, теребят, оглушают слухи о государственных переворотах и восстановлении всеобщего избирательного права, борьба между парламентом и исполнительной властью, интриги орлеанистов и легитимистов, коммунистические заговоры в южной Франции, мнимые крестьянские восстания в Ньеврском и Шерском департаментах, рекламы различных кандидатов в президенты, широковещательные лозунги газет, угрозы республиканцев защищать конституцию и всеобщее избирательное право с оружием в руках, послания эмигрировавших в чужие края героев, предвещавшие светопреставление к 2 мая 1852 г., — и тогда мы поймем, почему буржуазия, задыхаясь среди этого неопишемого оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления, конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и революции, бешено кричит своей парламентарной республике: «*Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!*»

Бонапарт понял этот крик. Его понятливость усиливалась благодаря растущему нетерпению кредиторов, которые в каждом заходе солнца, приближавшем последний день президентства Бонапарта, 2 мая 1852 г., видели протест движений небесных светил против своих земных векселей. Они стали настоящими астроло-

гами. Национальное собрание лишило Бонапарта надежды на конституционное продление его власти; кандидатура принца Жуанвилля не позволяла дальше колебаться.

Если когда-либо событие еще задолго до своего наступления отбрасывало свою тень, так это именно переворот Бонапарта. Уже 29 января 1849 г., едва лишь через месяц после своего избрания, Бонапарт сделал Шангарнье предложение в этом смысле. Его собственный премьер-министр Одилон Барро летом 1849 г. в скрытой форме, а Тьер зимою 1850 г. совершенно открыто говорили о политике государственных переворотов. В мае 1851 г. Персиньи еще раз попытался заручиться поддержкой Шангарнье в пользу переворота, а «*Messenger de l'Assemblée*» опубликовал их переговоры. Бонапартистские газеты при каждой парламентской буре угрожали государственным переворотом; и чем ближе надвигался кризис, тем смелее становился их тон. На оргиях, которые Бонапарт справлял еженощно с фешенебельными мошенниками обоих полов, с наступлением полуночного часа, когда обильные возлияния развязывали языки и воспламеняли фантазию, государственный переворот неизменно назначался на следующее утро. Сабли вынимались из пожен, стаканы звенели, представители народа выбрасывались через окна, императорская мантия падала на плечи Бонапарта, пока наступающее утро не разгоняло призраков и изумленный Париж не узнавал от откровенных весталок и нескромных паладинов, что он еще раз благополучно избежал опасности. В сентябре и октябре слухи о государственном перевороте не умолкали ни на минуту. Тень покрывалась уже красками, как цветной дагерротип. Стоит только перелистать европейские газеты за сентябрь и октябрь, и в них вы найдете сообщения буквально такого содержания: «Слухи о государственном перевороте наполняют Париж. Говорят, что столица ночью будет занята войсками, а на следующее утро появятся декреты, распускающие Национальное собрание, объявляющие Сенский департамент на осадном положении, восстанавливающие всеобщее избирательное право, апеллирующие к народу. Говорят, что Бонапарт ищет министров для проведения этих незаконных декретов». Эти сообщения всегда кончаются роковыми: «*Отложено*». Государственный переворот всегда был навязчивой идеей Бонапарта. С этой идеей он вернулся во Францию. Он был настолько одержим ею, что постоянно выдавал, выбалтывал свою тайну. Он был настолько слаб, что столь же постоянно отказывался от своего плана. Парижане так освоились с тенью грядущего государственного переворота, что не хотели верить в него, когда он, наконец, появился во плоти и крови. Таким образом, государственный переворот удался вовсе не потому, что глава Общества 10 декабря придерживался строгой конспирации и Национальное собрание было застигнуто врасплох. Он прошел для *Бонапарта* удачно вопреки

болтливости последнего и при полной осведомленности *Собрания*, как необходимый, неизбежный результат предшествовавшего хода событий.

10 октября Бонапарт заявил министрам о своем решении восстановить всеобщее избирательное право, 16-го министры подали в отставку, 26-го Париж узнал о составлении министерства Торины. В то же время префект полиции Карлье был замещен Мопя, а начальник первой дивизии Маньян стянул в столицу самые надежные полки. 4 ноября Национальное собрание возобновило свои заседания. Ему ничего больше не оставалось делать, как повторить пройденный курс по краткому, сжатому конспекту и доказать, что его похоронили только после того, как оно умерло.

Первой позицией, потерянной Собранием в борьбе с исполнительной властью, было министерство. Ему пришлось торжественно расписаться в этой потере полным признанием чисто фиктивного министерства Торины. Постоянная комиссия встретила смехом г. Жиро, который представился ей от имени нового кабинета. Такое слабое министерство для такой сильной меры, как восстановление всеобщего избирательного права! Но все сводилось именно к тому, чтобы ничего не делать *посредством* парламента и делать все *наперекор* парламенту.

В первый же день своего открытия Национальное собрание получило послание Бонапарта, в котором он требовал восстановления всеобщего избирательного права и отмены закона 31 мая 1850 г. В тот же день его министры внесли декрет в этом смысле. Собрание немедленно отвергло предложение министров о неотложности декрета, а самый закон оно 13 ноября отвергло 355 голосами против 348. Таким образом, оно еще раз разорвало свой мандат, лишний раз подтвердив, что оно из свободно выбранного представительства народа превратилось в узурпаторский парламент одного класса, еще раз признало, что оно само разрезало мышцы, соединявшие парламентскую голову с туловищем нации.

Если исполнительная власть своим предложением восстановить всеобщее избирательное право апеллировала от Национального собрания к народу, то законодательная власть квесторским законом апеллировала от народа к армии. Этим законом Национальное собрание имело в виду твердо установить свое право на непосредственный вызов войск, на создание парламентской армии. Назначая, таким образом, армию третьей стороной между собой и народом, между собой и Бонапартом, признавая армию решающей политической силой, Национальное собрание, с другой стороны, должно было подтвердить, что оно давно уже отказалось от своего права господства над этой силой. Делая предметом прений свое право вызывать войска, вместо того чтобы их немедленно вызвать, оно обнаружило сомнение в собственной силе. Отвергая квесторский закон, оно открыто признавалось в своем бессилии.

Этот закон провалился, собрав меньшинство в 108 голосов: Гора решила его судьбу. Гора находилась в положении буриданова осла, с той разницей, впрочем, что ей приходилось выбирать не между двумя более или менее привлекательными охапками сена, а между двумя порциями более или менее жестоких колотушек. С одной стороны, страх перед Шангарнье, с другой — страх перед Бонапартом: признаться, положение было отнюдь не героическое.

18 ноября была внесена поправка к предложенному самой партией порядка закону о коммунальных выборах, согласно которой от коммунальных избирателей требовалось вместо трехлетнего всего однолетнее пребывание на месте выборов. Эта поправка была провалена большинством только одного голоса, но этот один голос, как немедленно обнаружилось, ошибочно был зачтен. Распавшись на враждебные фракции, партия порядка давно уже потеряла свое самостоятельное парламентское большинство. Теперь оказалось, что в парламенте вообще не было уже никакого большинства. Национальное собрание *утратило способность принимать решения*. Его составные атомы не были более связаны никакой силой сцепления, оно испустило последний дух, оно превратилось в труп.

Наконец, внепарламентской массе буржуазии за несколько дней до катастрофы еще раз пришлось торжественно засвидетельствовать свой разрыв с парламентской буржуазией. Тьер, который в качестве парламентского героя особенно сильно страдал неизлечимой болезнью парламентского кретинизма, после смерти парламента придумал вместе с Государственным советом новую парламентскую интригу — закон об ответственности, имевший целью удержать президента в рамках конституции. Бонапарт, который 15 сентября, по случаю закладки нового крытого рынка в Париже, очаровал *dames des halles*, рыбных торговок, не хуже Мазаниелло¹, — правда, одна рыбная торговка по реальной силе равнялась 17 бургграфам, — подобно тому как после внесения квесторского закона он привел в восторг угощаемых им в Елисейском дворце поручиков, — Бонапарт теперь, 25 ноября, увлек за собой промышленную буржуазию, собравшуюся в цирке, чтобы из его рук получить медали за Лондонскую промышленную выставку. Заимствую характерную часть его речи из «*Journal des Débats*»: «Столь неожиданные успехи дают мне право повторить, как велика была бы Французская республика, если бы ей дано было заботиться о своих реальных интересах и реформировать свои учреждения, вместо того чтобы непрерывно терпеть ущерб от беспокойств, причиняемых, с одной стороны, демагогами, а с другой — монархическими

¹ Мазаниелло (1623—1647) — рыбак, вождь восстания 1647 г. в Неаполе против испанского владычества. *Ред.*

галлюцинациями. (Громкие, бурные и продолжительные аплодисменты со всех сторон амфитеатра.) Монархические галлюцинации мешают всякому прогрессу и всем серьезным отраслям промышленности. Вместо прогресса — только борьба. Мы видим, как люди, бывшие прежде ревностнейшими защитниками королевской власти и королевских prerogatives, действуют в духе Конвента, лишь бы ослабить власть, возникшую из всеобщего избирательного права. (Громкие и продолжительные аплодисменты.) Мы видим, как люди, больше всего потерпевшие от революции и больше всего плакавшиеся на нее, вызывают новую революцию, и все это для того, чтобы сковать волю нации... Я вам обещаю спокойствие на будущее время... и пр. и пр. (Браво, браво, бурное браво.)» — Так промышленная буржуазия холопски рукоплещет государственному перевороту 2 декабря, уничтожению парламента, гибели своего собственного господства, диктатуре Бонапарта. Грому рукоплесканий 25 ноября послужил ответом пушечный гром 4 декабря, и дом г. Салландруза, хлопавшего наиболее усердно, был расхлопан наибольшим количеством бомб.

Кромвель, при роспуске Долгого парламента, отправился сам в зал заседаний, вынул из кармана часы, дабы не дать парламенту просуществовать ни одной минуты долее назначенного им срока, и прогнал депутатов с весело-юмористическими насмешками над каждым в отдельности. Наполеон, более мелкий, чем этот его прототип, все же отправился 18 брюмера в Законодательное собрание и прочел ему — правда, прерывающимся голосом — его смертный приговор. Второй Бонапарт, который к тому же имел в своем распоряжении исполнительную власть совершенно другого рода, чем Кромвель или Наполеон, искал себе образец не в летописях всемирной истории, а в летописях Общества 10 декабря, в летописях уголовного суда. Он украл у Французского банка 25 миллионов франков, купил генерала Маньяна за один миллион, солдат — по 15 франков за штуку, с водкой в придачу, тайно, как ночной вор, встретился со своими сообщниками, приказал ворваться в жилища наиболее опасных парламентских вождей, вытащить из постели и увезти в тюрьму Кавеньяка, Ламорисьера, Леффло, Шапгарнье, Шарраса, Тьера, База и пр., занять войсками главные пункты Парижа и здание парламента и рано утром расклеить по всей столице рекламные плакаты, извещавшие о роспуске Национального собрания и Государственного совета, о восстановлении всеобщего избирательного права и об объявлении Сенского департамента на осадном положении. А немного спустя он поместил в «Moniteur'e» подложный документ о том, будто около него сгруппировался ряд влиятельных парламентских деятелей, составивших чрезвычайный Государственный совет.

Остатки парламента, главным образом легитимисты и орлеа-

нисты, собравшись в здании мэрии десятого округа, вотируют при многократных криках «да здравствует республика!» смещение Бонапарта, тщетно вызывают к глазеющей перед зданием толпе, пока их, наконец, не уводят под конвоем африканских стрелков в казарму Д'Орсэ, а оттуда, в арестантских каретах, — в Мазасскую, Гамскую и Венсенскую тюрьмы. Таков был конец партии порядка, Законодательного собрания и февральской революции.

Прежде чем перейти к заключению, набросаем краткую схему истории февральской революции.

I. *Первый период.* От 24 февраля до 4 мая 1848 г. Февральский период. Пролог. Комедия всеобщего братания.

II. *Второй период.* Период учреждения республики и Учредительного национального собрания.

1) От 4 мая до 25 июня 1848 г. Борьба всех классов против пролетариата. Поражение пролетариата в июньские дни.

2) От 25 июня до 10 декабря 1848 г. Диктатура чистых буржуазных республиканцев. Выработка конституции. Объявление Парижа на осадном положении. Ликвидация 10 декабря буржуазной диктатуры избранием Бонапарта в президенты.

3) От 20 декабря 1848 г. до 29 мая 1849 г. Борьба Учредительного собрания с Бонапартом и с соединившейся с ним партией порядка. Гибель Учредительного собрания. Поражение республиканской буржуазии.

III. *Третий период.* Период конституционной республики и Законодательного национального собрания.

1) От 29 мая 1849 г. до 13 июня 1849 г. Борьба мелкой буржуазии с буржуазией и Бонапартом. Поражение мелкобуржуазной демократии.

2) От 13 июня 1849 г. до 31 мая 1850 г. Парламентская диктатура партии порядка. Последняя завершает свое господство отменной всеобщего избирательного права, но теряет парламентское министерство.

3) От 31 мая 1850 г. до 2 декабря 1851 г. Борьба между парламентской буржуазией и Бонапартом.

а) От 31 мая 1850 г. до 12 января 1851 г. Парламент теряет главное начальство над армией.

б) От 12 января до 11 апреля 1851 г. Попытка парламента снова подчинить себе административную власть кончается неудачей. Партия порядка теряет самостоятельное парламентское большинство. Ее коалиция с республиканцами и Горой.

с) От 11 апреля до 9 октября 1851 г. Попытка пересмотра конституции, слияния легитимистов и орлеанистов, продления власти Бонапарта. Партия порядка разлагается на свои отдельные составные части. Окончательный разрыв буржуазного парламента и буржуазной прессы с массой буржуазии.

д) От 9 октября до 2 декабря 1851 г. Открытый разрыв

между парламентом и исполнительной властью. Парламент умирает, он пал, покинутый своим собственным классом, армией, всеми другими классами. Гибель парламентарного режима и власти буржуазии. Победа Бонапарта. Пародия реставрации империи.

VII

Социальная республика явилась как фраза, как пророчество на пороге февральской революции. В июньские дни 1848 г. она была задушена в крови *парижского пролетариата*, но в виде призрака она выступает в следующих актах драмы. На сцене появилась *демократическая республика*. Она исчезает 13 июня 1849 г. вместе со своими разбежавшимися *мелкими буржуа*, но, убегая, она разбрасывает за собой сугубо крикливые рекламы. *Парламентарная республика* вместе с буржуазией завладевает всей сценой, разворачивается во всю ширь, но 2 декабря 1851 г. хоронит ее при крике ужаса соединенных роялистов: «Да здравствует республика!»

Французская буржуазия противилась господству трудящегося пролетариата — она доставила власть люмпен-пролетариату с шепом Общества 10 декабря во главе. Буржуазия не давала Франции притти в себя от страха перед грядущими ужасами красной анархии — Бонапарт дисконтировал это грядущее, когда воодушевленная водкой армия порядка, по его приказанию, 4 декабря расстреливала стоявших у своих окон именитых буржуа Монмартрского и Итальянского бульваров. Она обоготворила саблю — сабля господствует над ней. Она уничтожила революционную печать — ее собственная печать уничтожена. Она отдала народные собрания под надзор полиции — ее салоны находятся под полицейским надзором. Она распустила демократическую Национальную гвардию — ее собственная Национальная гвардия распущена. Она ввела осадное положение — осадное положение введено по отношению к ней. Она заменила суд присяжных военными комиссиями — ее суд присяжных заменен военными комиссиями. Она отдала народную школу во власть попом — попы властвуют над ее собственной школой. Она ссылала без суда — ее ссылают без суда. Она подавляла всякое движение общества государственной силой — государственная сила подавляет всякое движение ее общества. Она бунтовала против своих собственных политиков и писателей из страсти к своему денежному мешку — ее политики и писатели убраны, а ее денежный мешок подвергается ограблению, после того как ей заткнули рот и сломали ее перо. Буржуазия неутомимо кричала революции, как святой Арсений христианам: «Fuge, tace, quiesce! — беги, молчи, успокойся!», — Бонапарт кричит буржуазии: «Fuge, tace, quiesce! — беги, молчи, успокойся!»

Французская буржуазия давно разрешила дилемму Наполеона: «Dans cinquante ans l'Europe sera républicaine ou cosaque» [«через

50 лет Европа будет республиканской или казацкой». Она ее разрешила в виде «république cosaque» [«казацкой республики»]. Не нужно было злых чар Цирцеи, чтобы превратить шедевр буржуазной республики в безобразное чудовище. Эта республика не потеряла ничего, кроме внешних приличий. Сегодняшняя Франция заключалась в готовом виде в парламентарной республике. Достаточно было одного укола штыком, чтобы пузырь лопнул и чудовище предстало взорам.

Почему парижский пролетариат не восстал после 2 декабря?

Низвержение буржуазии было пока только декретировано, декрет еще не был приведен в исполнение. Всякое серьезное восстание пролетариата немедленно снова оживило бы буржуазию, примирило бы ее с армией и уготовало бы рабочим второе июньское поражение.

4 декабря буржуа и лавочники подстрекали пролетариат к борьбе. Вечером того же дня несколько легионов Национальной гвардии обещали явиться на поле битвы с оружием и в мундирах. Дело в том, что буржуа и лавочники узнали, что Бонапарт в одном из своих декретов от 2 декабря отменил тайное голосование и приказывал им писать свое «да» или «нет» в официальных списках избирателей рядом с их именами. Сопротивление 4 декабря напугало Бонапарта. Ночью были расклеены, по его приказанию, по всему Парижу плакаты, объявившие о восстановлении тайного голосования. Буржуа и лавочники подумали, что добились своей цели. На следующее утро остались дома именно лавочники и буржуа.

В ночь с 1 на 2 декабря Бонапарт внезапным нападением лишил парижский пролетариат его вождей, его командиров баррикад. Представляя армию без офицеров, не имея ни малейшей охоты после июньских дней 1848 и 1849 гг. и майских дней 1850 г. бороться под знаменем Горы, пролетариат предоставил своему авангарду, тайным обществам, спасти повстанческую честь Парижа, честь, которую буржуазия оставила на произвол солдатчины до того безропотно, что Бонапарт мог впоследствии обезоружить Национальную гвардию с язвительной мотивировкой: он опасается, как бы анархисты не злоупотребили ее оружием против нее самой.

«C'est le triomphe complet et définitif du socialisme!» [«Это — полное и окончательное торжество социализма!»] — так характеризовал Гизо переворот 2 декабря. Но если низвержение парламентарной республики в зародыше включает в себе торжество революции пролетариата, то его ближайшим осязательным результатом была *победа Бонапарта над парламентом, победа исполнительной власти над законодательной, победа не прикрытой фразами силы над силою фразы*. В парламенте нация возводила в закон свою всеобщую волю, т. е. возводила закон господствующего класса в свою всеобщую волю. Перед лицом исполнительной власти она отрекается от всякой собственной воли и подчиняется велению чужой воли, авторитету. Исполнительная власть в про-

тивоположность законодательной выражает гетерономию нации в противоположность ее автономии. Таким образом, Франция избавилась от деспотизма одного класса как будто лишь для того, чтобы подчиниться деспотизму одного индивидуума, и притом авторитету индивидуума, не имеющего никакого авторитета. Борьба, казалось, кончилась тем, что все классы одинаково бессильно и одинаково безгласно преклонились перед ружейным прикладом.

Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2 декабря 1851 г. она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть*, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот!

Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять. Сеньориальные привилегии земельных собственников и городов превратились в столь же многочисленные атрибуты государственной власти, феодальные сановники — в получающих жалование чиновников, а пестрая, как собрание товарных образчиков, карта перекрещивающихся средневековых суверенных прав превратилась в точно установленный план государственной власти, где господствует такое же разделение труда и такая же централизация, как на фабрике. Первая французская революция, поставившая себе задачу уничтожить все местные, территориальные, городские и провинциальные особые власти, чтобы создать гражданское единство нации, должна была развить далее то, что было начато самодержавной монархией, — централизацию, но вместе с тем она расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государственную машину. Легитимная и июльская монархии не прибавили ничего нового, кроме большего разделения труда, увеличивавшегося по мере того, как разделение труда внутри буржуазного общества создавало новые группы интересов, следовательно — новые объекты государственного

управления. Всякий *общий* (*gemeinsame*) интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, *всеобщий* (*allgemeines*) интерес, вырывался из сферы самостоятельности членов общества и делался предметом правительственной деятельности, — начиная от моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами Франции. Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания как главную добычу при своей победе.

Но при самодержавной монархии, во время первой революции, при Наполеоне, бюрократия была лишь средством подготовки классового господства буржуазии. Во время реставрации, при Луи-Филиппе, при парламентарной республике, бюрократия при всем своем стремлении к самовластию была орудием господствующего класса.

Только при втором Бонапарте государство как будто стало вполне самостоятельным. Государственная машина настолько укрепила свое положение по отношению к гражданскому обществу, что она может теперь иметь во главе шефа Общества 10 декабря, какого-то явившегося с чужбины проходимца, поднятого на щит пьяной солдатчиной, которую он купил водкой и колбасой и которую ему все снова и снова приходится ублажать колбасой. Отсюда трусливое отчаяние, чувство несказанного унижения — унижения, которое сдавливает грудь Франции и не дает ей свободно вздохнуть. Она чувствует себя как бы обесчещенной.

И тем не менее государственная власть не висит в воздухе. Бонапарт — представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель *мелкого крестьянства*.

Подобно тому как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны — династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т. е. французской народной массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинялся буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент. Городам удавалось в течение трех лет извращать смысл выборов 10 декабря и обманывать крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли свое истинное выражение только в перевороте 2 декабря 1851 г.

Мелкие [парцелльные] крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая однако в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производ-

ства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее культуре, никакого применения науки, а следовательно, и никакого разнообразия развития, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая таким образом свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла, крестьянин и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень — департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофеля образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, они образуют класс. Поскольку между мелкими крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или Конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, стоящим над ними авторитетом, в виде неограниченной правительственной власти, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние мелкого крестьянства в последнем счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Историческая традиция породила веру французских крестьян в человека по имени Наполеон, который возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся индивидуум, выдающий себя, потому что он носит имя Наполеон, за этого человека на основании наполеоновского кодекса, который предписывает: «*La recherche de la paternité est interdite*» [«запрещается разыскивать настоящего отца незаконного ребенка»]. После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается сказка, и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества.

Но тут мне могут возразить: а крестьянские бунты в цоло-

вине Франции, а облавы, устраивавшиеся армией на крестьян, а массовые аресты, массовая ссылка крестьян?

Со времени Людовика XIV Франция не знала подобных преследований крестьян «за демагогические козни».

Но прошу меня понять. Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина; не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу; не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севеннов, а его современной Вандеи¹.

Трехлетнее суровое господство парламентарной республики освободило от наполеоновской иллюзии и революционизировало — правда, пока лишь поверхностно — часть французских крестьян; но каждый раз, как только они приходили в движение, буржуазия силой отбрасывала их назад. При парламентарной республике в сознании французского крестьянина происходила борьба между новыми идеями и традицией; это выражалось в форме непрерывной борьбы сельских учителей с попами, — буржуазия умирала учителей. Крестьяне в первый раз делали усилия, чтобы занять самостоятельное положение по отношению к правительственной деятельности; это обнаруживалось в беспрестанных столкновениях между мэрами и префектами, — буржуазия смещала мэров. Наконец, в различных местах Франции крестьяне, в период парламентарной республики, восставали против своего собственного порождения, против армии, — буржуазия наказывала их осадным положением и экзекуциями. И эта самая буржуазия вопит теперь о тупости масс, этой *vile multitude* [презренной толпы], которая якобы предала ее Бонапарту. Она сама насильственно укрепила империализм класса крестьян, усердно охраняя положение вещей, образующее ту почву, на которой вырастает эта крестьянская религия. Правда, буржуазия должна одинаково бояться глупости масс, пока они остаются консервативными, и сознания масс, как только они становятся революционными.

В восстаниях, последовавших за государственным перево-

¹ В Севеннах в начале XVIII века было восстание протестантских крестьян под лозунгом: «Долой налоги, свобода вероисповедания!» В Вандее крестьянство в конце XVIII века было политически наиболее отсталым и поддерживало монархическую контрреволюцию. *Ред.*

ротом, часть французских крестьян с оружием в руках протестовала против своего же собственного вотума от 10 декабря 1848 г. Школа, пройденная ими с 1848 г., научила их уму-разуму. Но они продали свою душу подземным богам истории, история их поймала на слове, и большинство до того еще было несознательно, что как раз в самых красных департаментах крестьянское население открыто голосовало за Бонапарта. По их мнению, Национальное собрание мешало Бонапарту двигаться. Бонапарт теперь только разбил оковы, наложенные городами на волю деревни. Местами крестьяне носились даже с нелепой мыслью поставить рядом с Наполеоном Конвент.

После того как первая революция превратила полукрепостных крестьян в свободных земельных собственников, Наполеон упрочил и урегулировал условия, при которых крестьяне беспрепятственно могли пользоваться только что доставшейся им французской землей и удовлетворять свою юношескую страсть к собственности. Но причина теперешнего оскудения французского крестьянина — это именно его парцелла, раздробление землевладения, форма собственности, упроченная во Франции Наполеоном. Именно материальные условия сделали французского феодального крестьянина свободным крестьянином, собственником парцеллы, а Наполеона — императором. Двух поколений было достаточно, чтобы привести к неизбежному результату — к прогрессивному ухудшению земледелия и к прогрессивному увеличению задолженности земледельца. «Наполеоновская» форма собственности, бывшая в начале XIX столетия условием освобождения и обогащения сельского населения Франции, в течение этого столетия превратилась в закон его рабства и нищеты. И этот-то закон и есть первая из «*idées napoléoniennes*» [«наполеоновских идей»], которую приходится отстаивать второму Бонапарту. Если он, подобно крестьянам, еще разделяет иллюзию, что причину крестьянского разорения следует искать не в самой парцеллярной собственности, а вне ее, во влиянии второстепенных обстоятельств, то его эксперименты, как мыльные пузыри, разобьются о производственные отношения.

Экономическое развитие парцеллярной собственности коренным образом изменило отношение крестьян к остальным общественным классам. При Наполеоне раздробление земельной собственности в деревне дополняло собою свободную конкуренцию и возникающую крупную индустрию городов. Крестьянский класс был вездесущим протестом против только что низвергнутой земельной аристократии. Корни, пущенные во французскую землю мелкой земельной собственностью, лишили феодализм всяких питательных соков. Межевые знаки ее представляли собой естественный оплот буржуазии против всякого нападения со стороны ее прежних властелинов. Но в течение XIX столетия место феодала занял городской ростовщик, место тяготевших на земле феодаль-

ных повинностей заняли ипотеки, место аристократической земельной собственности занял буржуазный капитал. Парцелла крестьянина представляет только предлог, позволяющий капиталисту извлекать из земли прибыль, процент и ренту, представляя самому земледельцу вырывать, как ему угодно, свою заработную плату. Тяготеющий на французской земле ипотечный долг налагает на французское крестьянство такие проценты, которые равняются сумме ежегодных процентов по всему государственному долгу Англии. Мелкая земельная собственность, порабощенная в такой мере капиталом, — а ее развитие неизбежно ведет к этому порабощению, — превратила большинство французской нации в троглодитов. 16 миллионов крестьян (в том числе женщины и дети) живут в берлогах, большая часть которых имеет всего одно окошко, другая часть — всего два, а в самом лучшем случае — всего три окошка. А окна в доме — то же, что пять чувств для головы. Буржуазный строй, который в начале столетия поставил государство стражем при только что возникшей парцелле и удобрял ее лаврами, стал вампиром, высасывающим кровь ее сердца и мозг ее головы и бросающим ее в алхимическую реторту капитала. Свод законов Наполеона представляет теперь не более, как кодекс исполнения судебных решений, наложения ареста на имущество и продажи с молотка. Сверх официально насчитываемых четырех миллионов (в том числе дети и т. д.) нищих, бродяг, преступников и проституток во Франции существует пять миллионов душ, находящихся на краю гибели и либо живущих в самой деревне, либо непрерывно перекочевывающих со своими лохмотьями и детьми из деревни в город и из города в деревню. Словом, интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят себе естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок. Но *сильное и неограниченное правительство*, — и это вторая «наполеоновская идея», которую взялся осуществить второй Наполеон, — призвано силой защищать этот «материальный» порядок. И действительно, главным лейтмотивом во всех прокламациях Бонапарта против бунтующих крестьян является этот «*ordre matériel*» [«материальный порядок»].

Кроме ипотечного долга капиталисту на парцелле тяготеет еще *налог*. Налоги — это источник жизни бюрократии, армии, попов и двора — словом, всего аппарата исполнительной власти. Сильное правительство и высокий налог — тождественные понятия. Парцеллярная земельная собственность по своей природе представляет собой подходящую почву для всемогущей и бесчисленной бюрократии. Она создает равномерный уровень отношений и лиц на всем пространстве страны. Она делает поэтому

возможным равномерное воздействие на однообразную массу по всем направлениям из одного высшего центра. Она уничтожает аристократические промежуточные ступени между народной массой и государственной властью. Она вызывает поэтому всеостороннее непосредственное вмешательство государственной власти и ее непосредственных органов. Она создает, наконец, незанятое избыточное население, не находящее себе места ни в деревне, ни в городе и поэтому хватающееся за государственные должности как за своего рода почетную милостыню, и заставляет увеличивать число государственных должностей. И Наполеон с процентами возвращал налагаемый им принудительный налог посредством цовых рынков, которые он открывал штыками, посредством ограбления континента. Наполеоновский налог был средством для стимулирования крестьянских промыслов, тогда как теперь налоги лишают крестьян последних ресурсов, довершают их беззащитность перед обнищанием. А многочисленная расшитая галунами и упитанная бюрократия — это «наполеоновская идея», наиболее близкая сердцу второго Бонапарта. Да и как могло быть иначе, когда Бонапарт вынужден был создать рядом с подлинными классами общества искусственную касту, для которой сохранение его режима — вопрос о насущном хлебе? Вот почему одна из его первых финансовых операций заключалась в повышении пониженных было чиновничьих окладов до прежней нормы и в создании новых синекур.

Одна из «наполеоновских идей», это — господство *попов* как орудия правительства. Но если только что возникшая парцелла, будучи в гармонии с обществом, находясь в зависимости от сил природы и относясь покорно к защищавшей ее верховной власти, естественно, была религиозна, то кругом задолжавшая, разорвавшая с обществом и властью, принужденная выходить за пределы собственной ограниченности парцелла, естественно, становится антирелигиозной. Небо было недурной придачей к только что приобретенному клочку земли, тем более что оно делает погоду; но небо становится надругательством, лишь только его навязывают как замену за парцеллу. Тогда поп уж превращается в миропомазанную ищейку земной полиции — тоже «наполеоновская идея». Экспедиция против Рима в следующий раз будет предпринята в самой Франции, только в противоположном смысле, чем это думает господин Монталамбер.

Наконец, кульминационный пункт «наполеоновских идей», это — преобладающее значение армии. Армия была *point d'honneur* [вопросом чести] мелких крестьян: она их самих делала героями, защищающими от внешних врагов их новую собственность, возвеличивающими только что приобретенное ими национальное единство, грабящими и революционизирующими мир. Блестящий мундир был их собственным парадным костюмом,

война — их поэзией, продолженная и округленная в воображении парцелла — отечеством, а патриотизм — идеальной формой чувства собственности. Но враги, от которых французскому крестьянину приходится теперь защищать свою собственность, — это не казаки, а судебные пристава и сборщики податей. Парцелла лежит уже не в так называемом отечестве, а заложена в ипотечной книге. Сама армия уже не цвет крестьянской молодежи, а болотный цветок крестьянского люмпен-пролетариата. Она большей частью состоит из подставных рекрутов, из заместителей, подобно тому как второй Бонапарт сам — лишь подставное лицо, заместитель Наполеона. Геройские подвиги она совершает теперь во время облав на крестьян, при исполнении жандармских обязанностей; и если внутренние противоречия системы шефа Общества 10 декабря погонят его за пределы Франции, армия после нескольких бандитских проделок пожнет не лавры, а колотушки.

Итак, мы видим: *все* «наполеоновские идеи» — это *идеи неразвитой, юношески бодрой парцеллы*; для отжившей парцеллы они — бессмыслица, не более как галлюцинации ее предсмертной агонии, слова, ставшие фразами, духи, ставшие призраками. Но пародия на империю была необходима для того, чтобы освободить массу французской нации от ига традиции и выявить в чистом виде противоположность между государственной властью и обществом. Вместе с растущим расстройством мелкой земельной собственности рушится покоящееся на ней государственное здание. Государственная централизация, в которой нуждается современное общество, может возникнуть лишь на развалинах военnobюрократического правительственного механизма, выкованного в борьбе с феодализмом.

Положение французских крестьян разрешает загадку *общих выборов 20 и 21 декабря*, возведших Бонапарта на гору Синай не для того, чтобы получать, а для того, чтобы издавать законы.

У буржуазии теперь, очевидно, не было другого выбора, как голосовать за Бонапарта. Когда пуритане на Констанцском соборе жаловались на порочную жизнь пап и вопили о необходимости реформы нравов, кардинал Пьер д'Аллы прогремел им в ответ: «Один только чорт может еще снасти католическую церковь, а вы требуете ангелов!» Так и французская буржуазия кричала после государственного переворота: один только шеф Общества 10 декабря может еще спасти буржуазное общество! Одно только воровство может еще спасти собственность, клятвопреступление — религию, незаконнорожденность — семью, беспорядок — порядок.

Бонапарт в качестве исполнительной власти, ставшей самостоятельной силой, считает себя призванным обеспечить «буржуазный порядок». Сила же этого буржуазного порядка — в среднем классе. Он считает себя поэтому представителем среднего

класса и издает соответственные декреты. Но, с другой стороны, он стал кое-чем лишь потому, что сокрушил и ежедневно снова сокрушает политическое могущество этого среднего класса. Он считает себя поэтом противником политической и литературной силы среднего класса. Но, охраняя его материальную силу, он тем самым снова вызывает к жизни его общественное, политическое могущество. Поэтому нужно лелеять причину и стирать с лица земли следствие всюду, где оно обнаруживается. Но без маленьких смещений причины со следствием дело обойтись не может, так как причина и следствие во взаимодействии утрачивают свои отличительные признаки. Следуют новые декреты, стирающие пограничную черту. В то же время Бонапарт считает себя представителем крестьян и народа вообще против буржуазии, желающим осчастливить низшие классы народа в пределах буржуазного общества. Следуют новые декреты, авансом выкрадывающие у «истинных социалистов» их правительственную мудрость. Но Бонапарт чувствует себя прежде всего шефом Общества 10 декабря, представителем люмпен-пролетариата, к которому принадлежат он сам, его приближенные, его правительство и его армия и для которого дело заключается прежде всего в том, чтобы жить в свое удовольствие и вытягивать калифорнийские выигрыши из казенного сундука. И он оправдывает свое звание шефа Общества 10 декабря посредством декретов, без декретов и вопреки декретам.

Такая полная противоречий миссия этого человека объясняет противоречивые действия его правительства, которое, двигаясь неуверенно, ощупью, старается то привлечь, то унижить то тот, то другой класс и одинаково возбуждает против себя все классы, — правительства, практическая неуверенность которого представляет высококомический контраст с повелительным, категорическим стилем правительственных актов, рабски скопированным с указов дяди.

Промышленность и торговля, т. е. дела среднего класса, должны при сильном правительстве процветать, как оранжерейные растения. Раздается бесчисленное множество железнодорожных концессий. Но бонапартистский люмпен-пролетариат должен обогащаться. Посвящают в тайну железнодорожных концессий, чтобы дать возможность выгодно спекулировать ею на бирже. Однако капиталов для железных дорог не оказывается. Банку предписывается ссужать деньги под залог железнодорожных акций. Но банк в то же время должен быть эксплуатируем Бонапартом лично — банк, стало быть, надо обласкать. С банка снимается обязанность публиковать еженедельный отчет, заключается львиный договор между банком и правительством. Народ должен иметь работу. Предпринимаются государственные постройки. Но государственные постройки увеличивают налоговую тяжесть для народа. Стало быть, надо понизить налоги, наложив руку на доходы рантье путем конверсии 5-процентной ренты в $4\frac{1}{2}$ -процентную.

Но средний класс после этого должен получить новую милость: поэтому налог на вино удваивается для народа, покупающего вино в розницу, и уменьшается вдвое для пьющего оптом среднего класса. Существующие рабочие ассоциации распускаются, но зато правительство обещает чудеса ассоциации в будущем. Нужно помочь крестьянам. Учреждаются ипотечные банки, усиливающие задолженность крестьян и концентрацию собственности. Но этими банками нужно воспользоваться для того, чтобы выжать для себя лично деньги из конфискованных имений Орлеанов. Ни один капиталист не соглашается, однако, на последнее условие, которого нет в декрете, — и ипотечный банк остается лишь декретом, и т. д. и т. д.

Бонапарту хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов. Но он не может дать ни одному классу, не отнимая у другого. Подобно герцогу Гизу, слывшему во время фронды самым обязательным человеком во Франции, потому что он превратил все свои имения в долговые обязательства своих сторонников на себя, и Бонапарт хотел бы быть самым обязательным человеком во Франции и превратить всю собственность, весь труд Франции в долговое обязательство на себя лично. Ему хотелось бы украсть всю Францию, чтобы подарить ее Франции или, вернее, чтобы купить потом Францию на французские деньги, так как в качестве шефа Общества 10 декабря ему приходится покупать все, что ему должно принадлежать. И орудием подкупа становятся все государственные учреждения: сенат, Государственный совет, Законодательное собрание, орден почетного легиона, солдатская медаль, прачечные, государственные постройки, железные дороги, генеральный штаб Национальной гвардии без рядовых, конфискованные имения Орлеанов. Средством подкупа делается всякое место в армии и государственной машине. Но самое важное в этом процессе, заключающемся в том, что Францию забирают, чтобы подарить ее ей же самой, — это проценты, перепадаящие во время оборота в карман шефа и членов Общества 10 декабря. Острое словцо графини Л., любовницы г. де-Морни, по поводу конфискации орлеанских имений: «C'est le premier vol de l'aigle»¹ [«Это первый полет орла»], применимо к каждому полету этого орла, похожего больше на ворону. Он и его приверженцы ежедневно напоминают себе слова, обращенные одним итальянским картезианским монахом к скряге, хвастливо перечислявшему свои богатства, которых ему должно хватить еще на долгие годы: «Tu fai conto sopra i beni, bisogna prima far il conto sopra gli anni» [«Ты считаешь свои богатства; тебе следовало бы раньше сосчитать свои годы»]. Чтобы не просчитаться в годах, они подсчитывают минуты. Ко двору, в министер-

¹ Слово «vol» означает полет и воровство. (Примечание Маркса.)

ства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодцов, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, подозрительная, хищническая богема, напаяливающая на себя обшитые галунами мундиры со смешной важностью сановников Сулука. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое Общества 10 декабря, если принять во внимание, что Верон-Кревель¹ — его блюститель нравов, а *Гранье де-Кассаньяк* — его мыслитель. Гизо во время своего министерства, пользуясь в одной темной газете этим Гранье, как орудием против династической оппозиции, обыкновенно давал о нем следующий лестный отзыв: «C'est le roi des drôles» [«Это король шутов»]. Было бы несправедливо сопоставлять двор и клику Луи Бонапарта с временами регентства или Людовика XV. Ибо «Франция уже не раз переживала правление метресс, но никогда еще не переживала правления *hommes entretenus*» [альфонсов]².

Гонимый противоречивыми требованиями своего положения, находясь притом в положении фокусника, принужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к заместителю Наполеона, другими словами — совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос, посягает на все, что революции 1848 г. казалось неприкосновенным, одних приучает равнодушно относиться к революции, а других возбуждает к революции, создает настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее одновременно отвратительной и смешной. Он устраивает в Париже пародию на культ трирского священного хитона³ в виде культа наполеоновской императорской мантии. Но если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колошны.

Написано К. Марксом на немецком языке.
Впервые напечатано в журнале «Die Revolution», Heft 1, Нью-Йорк, 1852 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. VIII. Перевод дается с текста 2-го издания (Гамбург, 1869).

¹ В своем романе «La cousine Bette» («Кузина Бетта») Бальзак изображает Кревеля, срисованного им с д-ра Верона, владельца газеты «Constitutionnel», как самого распутного парижского филистера. (Примечание Маркса.)

² Слова госпожи Жирардэн. (Примечание Маркса.)

³ Одна из «священных» реликвий («риза господня»), выставленная в 1844 г. в Трирском соборе для публичного поклонения. *Ред.*

РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ «НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ»¹

Так называемые революции 1848 г. были лишь мелкими эпизодами, ничтожными щелями и трещинами в твердой коре европейского общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, обнаружился необъятный океан, которому достаточно притти в движение, чтобы разбить на части целые материки из твердых скал. Шумно и беспорядочно провозгласили они освобождение пролетариата — эту тайну XIX столетия и его революции.

Правда, эта социальная революция не была новинкой, изобретенной 1848 годом. Пар, электричество и автоматические станки были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки. Но хотя атмосфера, в которой мы живем, давит на каждого из нас с тяжестью в 20 000 фунтов, чувствуете ли вы ее? Так же мало, как мало европейское общество до 1848 г. чувствовало революционную атмосферу, которой оно было окружено и которая давила на него со всех сторон.

Налицо великий, характерный для XIX столетия факт, которого не посмеет отрицать ни одна партия. С одной стороны, пробуждены к жизни такие промышленные и научные силы, о каких даже подозревать не могла ни одна из предшествовавших эпох истории. С другой же стороны, обнаруживаются признаки упадка, далеко превосходящего все занесенные в летописи ужасы последних времен Римской империи.

В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новоизобретенные источники богатства благодаря каким-то роковым чарам становятся источниками лишений. Победы искусства куплены, повидимому, ценой потери морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной

¹ Печатаемая здесь речь Маркса была произнесена им на юбилее чартистской газеты «People's Paper» («Народная Газета») в апреле 1856 г.

Газета чартистов «People's Paper» выходила в Лондоне с 1852 по 1858 г. Маркс всячески поддерживал ее, иногда оказывал и редакторскую помощь редактору газеты Джонсу. *Рсд.*

подлости. Даже чистый свет науки не может, новидимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Результат всех наших открытий и всего нашего прогресса, очевидно, тот, что материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческая жизнь отупляется до степени материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и нищетой и распадом — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, подавляющий и неоспоримый факт. Пусть одни партии оплакивают это, а другие желают отделаться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе с тем от современных конфликтов; или пусть они воображают, что столь осязательный прогресс в промышленности непременно должен дополняться столь же несомненным регрессом в политике. Мы, со своей стороны, безошибочно узнаем в этом печать того лукавого духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что для того, чтобы заставить новые силы общества работать надлежащим образом, необходимо лишь одно: ими должны овладеть новые люди, и люди эти — рабочие.

Они такое же открытие современности, как и сами машины. В тех явлениях, которые приводят в смятение буржуазию, дворянство и злополучных пророков регресса, мы узнаем дело нашего доброго друга, нашего Робина Гудфеллоу¹, старого крота, который так быстро умеет рыться под землей, славного сапера — революцию. Английские рабочие — первенцы современной промышленности. И они, конечно, будут не последними из тех, кто будет помогать социальной революции, произведенной этой промышленностью, — революции, которая означает освобождение их собственного класса во всем мире и которая столь же международна, как господство капитала и наемное рабство. Я знаю героическую борьбу, которую вели английские рабочие с середины прошлого столетия, борьбу, которая не столь известна только потому, что буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали. Для того чтобы мстить за злодеяния правящих классов, в средние века в Германии существовало тайное судилище, так называемый «суд Фемы». Если на каком-нибудь доме видели красный крест, то всякий понимал, что хозяин его осужден «Фемой». Теперь на всех домах Европы начертан таинственный красный крест. Сама история теперь судья, а исполнитель приговора — пролетариат.

Написано К. Марксом на английском языке. Впервые напечатано в газете «The People's Paper» № 207, 19 апреля 1856 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. I.

¹ Из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» — веселое, шаловливое фантастическое существо, игравшее, по тогдашнему поверью, роль доброго друга в домашних делах человека. *Ред.*

ПИСЬМО ЭНГЕЛЬСУ ¹

Лондон, 16 апреля 1856 г.

Третьего дня был небольшой банкет по случаю годовщины «People's Paper» [«Народной Газеты»]. На этот раз я принял приглашение, так как мне это показалось своевременным; я согласился быть, тем более что из всей эмиграции приглашен был я *один* (это было объявлено в газете), и первый тост пришлось произносить мне, именно я должен был провозгласить суверенитет пролетариата во всех странах. Я произнес небольшую речь на английском языке, которую я, однако, не напечатаю. Поставленная мною цель достигнута. Г-н Таландье, которому пришлось заплатить за входной билет 2½ шиллинга, и остальная французская и прочая эмигрантская банда убедились, что мы являемся единственными «близкими союзниками» чартистов и что если мы воздерживаемся от публичных демонстраций и пре-

¹ Это письмо имеет чрезвычайную важность для уяснения стратегии и тактики Маркса после подавления революции 1848 г. в Германии. В этом письме Маркс особенно ярко формулирует необходимость союза пролетариата и крестьянства, идею гегемонии пролетариата в революционной борьбе. О стратегической и тактической линии Маркса в период глухой реакции 50-х годов Ленин писал: «Когда кончилась эпоха революций 1848—49 гг., Маркс восстал против всякой игры в революцию (Шаннер — Виллих и борьба с ними), требуя уметь работать в эпоху новой полосы, готовящей якобы «мирно» новые революции. В каком духе требовал Маркс ведения этой работы, видно из следующей его оценки положения в Германии в наиболее глухое реакционное время в 1856 году: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» («Переписка с Энгельсом», II, 108). Пока демократическая (буржуазная) революция в Германии была не закончена, все внимание в тактике социалистического пролетариата Маркс устремлял на развитие демократической энергии крестьянства. Лассалья он считал совершающим «объективно измену рабочему движению на пользу Пруссии» (III, 240) между прочим именно потому, что Лассаль мирволил помещикам и прусскому национализму. «Подлю», — писал Энгельс в 1865 г., обмениваясь мыслями с Марксом по поводу предстоящего общего выступления их в печати, — «в земледельческой стране нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая о патриархальной «наложной эксплуатации» сельских рабочих феодальным дворянством» (III, 247)» (Ленин, т. XVIII, стр. 30). *Ред.*

доставляем французам публично заигрывать с чартистами, то все же в нашей власти снова занять исторически подобающее нам место. Это было тем более необходимо сделать, что на известном митинге 25 февраля, под председательством Пиа, выступил в истинно отчаянно штраубингеровском ¹ стиле остолоп-немец *Шерцер* (old boy, старик) с доносом на немецких «ученых», «умственных работников», которые покинули их, остолопов (Knoten), и тем заставили их, по сравнению с другими нациями, осрамиться. Ты, конечно, знаешь Шерцера еще по Парижу. Я снова имел несколько свиданий с другом *Шаппером* и нашел в нем кающегося грешника. Замкнутая жизнь, которую он ведет последние два года, повидимому, довольно обострила его духовные силы. Ты понимаешь, что на всякий случай всегда хорошо иметь человека под рукой, а еще лучше извлечь его из рук Виллиха. Шаппер в большой ярости на остолопов с W. [Виндмилля] ².

Я совершенно согласен с твоим взглядом на Рейнскую область. Роковым для нас обстоятельством является то, что я, заглядывая в будущее, вижу там нечто такое, от чего будет пахнуть «изменой отечеству». От хода дел в Берлине будет сильно зависеть, не пришлось бы и нам попасть в такое положение, в какое попали в старой революции майнцские клубисты ³. Это будет жестоко. А нам-то хорошо известны наши храбрые братья по ту сторону Рейна! Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und Karl Marx 1844—1883», Bd. 2. Штутгарт, 1913 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII.

¹ *Штраубингсрами* Маркс и Энгельс называли ремесленников и рабочих с отсталым, неразвитым классовым сознанием, зараженных мелкобуржуазными предрассудками, не освободившихся еще от старых цеховых воззрений. *Ред.*

² На Виндмилль-стрите (улица в Лондоне) помещался дом, где происходили собрания Немецкого рабочего союза. Под «остолопами с Виндмилля» разумеется та фракция Союза коммунистов, которая во главе с Шаппером и Виллихом откололась от Союза коммунистов в 1850 г. *Ред.*

³ Маркс имеет в виду членов якобинского клуба в городе Майнце, которые примкнули к французским революционным войскам, занявшим Майнц в 1792 г. *Ред.*

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ,

ОСНОВАННОГО 28 СЕНТЯБРЯ 1864 г. НА ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ, СОСТОЯВШЕМСЯ
В СЕНТ-МАРТИНС ХОЛЛЕ, ЛОНГ ЭЙКР, В ЛОНДОНЕ ¹

Рабочие!

Не подлежит сомнению, что нищета рабочих масс с 1848 до 1864 г. не уменьшилась, несмотря на то, что по развитию промышленности и по росту торговли этот период не имеет себе

¹ После того как Союз коммунистов прекратил свое существование под ударами реакции, Маркс и Энгельс продолжали пропаганду идеи международной пролетарской солидарности и собирали революционные силы для создания боевой международной организации пролетариата. Такая организация возникла в 1864 г., под руководством Маркса, на гребне растущего рабочего движения основных стран Европы. В лице Маркса I Интернационал получил гениального вождя, теоретического и практического руководителя.

Трудности руководства этой организацией обнаружились в первые же дни ее существования. Задача заключалась в том, чтобы объединить рабочее движение разных стран, находящееся на весьма различном уровне развития, организовать совместную деятельность разнородных элементов, преодолевая их сектантские тенденции, подымая рабочее движение на более высокую ступень. Эти трудности сказались уже при выработке Учредительного манифеста и устава Интернационала (см. об этом письмо Маркса к Энгельсу от 4 ноября 1864 г. на стр. 478 настоящего тома). Международное Товарищество Рабочих должно было «объединить в одну великую армию все боеспособные силы рабочего класса Европы и Америки... Оно должно было иметь такую программу, которая не закрывала бы дверей английским тред-юнионам, французским, бельгийским, итальянским и испанским прудонистам и немцам лассальянцам» (*Энгельс*). Надо было учесть, что движение в целом еще не стояло на достаточно высоком уровне, и в то же время не пожертвовать принципами, ни на шаг не отступить от своего мировоззрения.

«Учредительный манифест» после «Манифеста коммунистической партии» является вторым программным документом международного пролетариата. Одновременно с «Учредительным манифестом» в 1864 г. был принят и опубликован составленный тоже Марксом «Временный устав» Международного Товарищества Рабочих. В 1871 г. «Временный устав» подвергся некоторым уточнениям и дополнениям, после чего он был опубликован под названием «Общий устав Международного Товарищества Рабочих». В настоящем томе дается только последний (см. стр. 353—356). *Ред.*

равных. В 1850 г. один умеренный, сравнительно хорошо осведомленный орган британской буржуазии предсказывал, что если ввоз и вывоз Англии возрастут на 50%, то пауперизм в этой стране сведется к нулю. Увы! 7 апреля 1864 г. канцлер казначейства привел в восторг парламентскую аудиторию заявлением, что общая сумма импорта и экспорта Англии увеличилась в 1863 г. «до 443 955 000 ф. ст., — эта изумительная сумма почти втрое больше суммы торговых оборотов еще сравнительно недавно миновавшего времени 1843 г.». Тем не менее он красноречиво говорил о «бедности». «Подумайте, — восклицал он, — о тех, которые находятся на грани бедности», о «заработной плате, которая... не повысилась», о «человеческой жизни... которая в девяти случаях из десяти есть просто борьба за существование». Он не говорил об ирландском народе, который на севере постепенно вытесняется машинами, а на юге — стадами овец; впрочем, даже число овец идет на убыль в этой несчастной стране, хотя и не с такой быстротой, как число людей. Он не повторил того, о чем проговорились тогда высшие представители аристократии в припадке внезапно овладевшего ими страха. Когда паника, вызванная гарротерами¹, достигла больших размеров, палата лордов постановила произвести обследование каторги и ссылки и опубликовать результаты в виде отчета. Истина была обнаружена в объемистой Синей книге 1863 г., где убедительными официальными фактами и цифрами было доказано, что худшие из уголовных преступников — каторжники в Англии и Шотландии — работают гораздо меньше и питаются гораздо лучше, чем сельскохозяйственные рабочие в Англии и Шотландии. Но это еще не все. Когда вследствие гражданской войны в Америке рабочие Ланкашира и Чешира были выброшены на улицу, та же палата лордов послала в промышленные округа врача с поручением установить то минимальное количество углерода и азота, которое, будучи предоставлено по самой дешевой цене и в наиболее простой форме, было бы в среднем достаточно для «предупреждения заболеваний, вызываемых голодом». Доктор Смит, медицинский уполномоченный, установил, что 28 000 гран углерода и 1 330 гран азота в неделю составляют тот минимум, который может поддерживать жизнь среднего взрослого человека... как раз на том уровне, ниже которого начинаются заболевания, вызываемые голодом; и, далее, он нашел, что это количество почти в точности соответствует той скудной пище, которой под гнетом крайней нужды фактически вынуждены довольствоваться рабочие хлопчатобумажных

¹ *Гарротерами* (garroters), т. е. душителами, называли воров, схватывавших свои жертвы за горло. Нападения их в Лондоне в начале 60-х годов стали настолько частыми, что вызвали панику и заставили парламент даже издать специальный закон против гарротеров. *Ред.*

фабрик¹. Но и это еще не все. Тот же ученый доктор спустя некоторое время был снова послан медицинским отделом Тайного совета для обследования питания беднейшей части трудящихся классов. Результаты его изысканий изложены в «Шестом санитарном отчете», изданном по распоряжению парламента в нынешнем году. Что же обнаружил этот врач? Что ткачи шелковых материй, швеи, перчаточники, вязальщики чулок и т. п. в среднем не получают даже скудной пищи рабочих хлопчатобумажной промышленности, не получают даже того количества углерода и азота, которого «как раз достаточно для предупреждения заболеваний, вызываемых голодом».

«Кроме того, — читаем мы в отчете, — что касается подвергшихся обследованию семей из земледельческого населения, то оказалось, что более одной пятой из них получает меньше установленного как необходимый минимум количества углеродистой пищи; более трети этих семей получает меньше установленного как необходимый минимум количества азотистой пищи, а в трех графствах (Беркшир, Оксфордшир, Сомерсетшир) средний местный рацион не содержит достаточного количества азотистых веществ». «Следует напомнить, — добавляет официальный отчет, — что лишения в питании особенно трудно переносимы и что, как правило, крайне скудному питанию предшествуют всякого рода другие лишения. Даже соблюдение чистоты оказывается дорогостоящим или затруднительным, и если чувство собственного достоинства все же побуждает соблюдать чистоту, то каждая такая попытка означает добавочные муки голода». «Это наводит на грустные размышления, особенно если вспомнить, что бедность, о которой идет речь, вовсе не является заслуженным возмездием за лень; во всех указанных случаях, это — бедность рабочего населения. На самом деле, труд, за который рабочие получают скудную пищу, в большинстве случаев оказывается чрезвычайно продолжительным». Отчет приводит странный и весьма неожиданный факт, «что из всех частей Соединенного королевства» — Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии — «именно в Англии», в самой богатой части королевства, «земледельческое население питается гораздо хуже», чем в остальных частях; но что даже сельскохозяйственные рабочие Беркшира, Оксфордшира и Сомерсетшира питаются лучше, чем огромное число квалифицированных рабочих домашней промышленности в восточной части Лондона.

¹ Вряд ли нужно напоминать читателю, что углерод и азот, наряду с водой и некоторыми неорганическими веществами, составляют сырье для человеческой пищи. Однако для питания человеческого организма эти простые химические составные части должны быть доставляемы в виде растительных или животных веществ: например, картофель содержит главным образом углерод, между тем как пшеничный хлеб содержит углеродистые и азотистые вещества в надлежащей пропорции. (*Примечание Маркса.*)

Таковы официальные данные, опубликованные по распоряжению парламента в 1864 г., в золотой век свободной торговли, в то самое время, когда канцлер казначейства говорил в палате общин, что «насколько нам известно, в положении британского рабочего в среднем наступило совершенно исключительное и беспримерное улучшение, какого не знали ни одна страна и ни одна эпоха». Этому официальному славословию резко противоречит сухое замечание официального санитарного отчета: «Под общественным здоровьем страны подразумевается здоровье масс ее населения, а эти массы вряд ли будут здоровы, если они до самых своих низов не будут поставлены в сколько-нибудь благоприятные условия».

Ослепленный пляской статистических цифр, свидетельствующих о «прогессе нации», канцлер казначейства восклицает в диком восторге: «С 1842 по 1852 г. подлежащий обложению доход страны повысился на 6%... За восемь лет, с 1853 по 1861 г., он повысился, если принять за основание доход 1853 г., на 20%! Факт настолько поразителен, что он представляется почти невероятным!.. Это опьяняющее увеличение богатства и могущества, — прибавляет г. Гладстон, — всецело ограничивается имущими классами!»

Если вы хотите знать, при каких условиях, влекущих за собою потерю здоровья, деморализацию и умственное вырождение, создавалось и создается рабочим классом это «опьяняющее увеличение богатства и могущества, всецело ограничивающееся имущими классами», то взгляните на описание мастерских мужского и дамского платья и типографий в последнем официальном санитарном отчете. Сопоставьте с вышеприведенным утверждением изданный в 1863 г. «Отчет комиссии о детском труде», в котором, например, имеется такое заявление, что «гончары, как мужчины, так и женщины, в физическом и умственном отношении являются наиболее вырождающейся группой населения», что «нездоровый ребенок, в свою очередь, становится нездоровым родителем», что «прогрессирующее ухудшение расы неизбежно» и что «вырождение населения Страффордшира ¹ было бы даже более значительным, если бы не было постоянного притока из соседних местностей и не заключались бы браки с более здоровыми группами населения». Просмотрите Синюю книгу Трименхира «Жалобы подмастерьев-булочников»! А кого не заставило содрогнуться парадоксальное заявление фабричных инспекторов, подтвержденное официальной статистикой рождений и смертности, что ланкаширские рабочие, когда они, вследствие хлопкового голода, временно прекратили работу на хлопчатобумажных фабриках и были посажены на голодный паек, — на самом деле стали здоровее, что смертность детей в этот период уменьшилась, так как

¹ Район с развитым гончарным производством. *Ред.*

матери получили, наконец, возможность кормить их грудью, а не препаратом Годфрея¹.

А вот опять оборотная сторона медали! Отчет о подходящем и поимущественном налоге, представленный палате общин 20 июля 1864 г., показывает нам, что число лиц с ежегодным доходом, по оценке сборщика, в 50 000 ф. ст. и выше увеличилось с 5 апреля 1862 г. по 5 апреля 1863 г. на 13, т. е. число этих лиц за один этот год возросло с 67 до 80. Из этого же отчета обнаруживается, что приблизительно 3 000 человек ежегодно делят между собой доход в 25 000 000 ф. ст., т. е. сумму, несколько даже превышающую годовой доход всей массы сельскохозяйственных рабочих Англии и Уэльса. Посмотрите перепись 1861 г., и вы увидите, что число землевладельцев в Англии и Уэльсе уменьшилось с 16 934 в 1851 г. до 15 066 в 1861 г.; это означает усиление концентрации земельной собственности за 10 лет на 11%. Если в Англии концентрация земельной собственности в руках немногих будет и далее происходить с такой же быстротой, то земельный вопрос чрезвычайно упростится, как это было в Римской империи, когда Нерон усмехнулся, услышав, что половина африканской провинции принадлежит шести владельцам.

Мы так долго останавливались на этих «фактах, настолько поразительных, что они представляются почти невероятными», потому что Англия стоит во главе европейской торговли и промышленности. Вспомните, что несколько месяцев назад один из эмигрировавших сыновей Луи-Филиппа публично поздравлял английских сельскохозяйственных рабочих с их положением, которое якобы лучше участи их менее счастливых товарищей, живущих по ту сторону Ламанша. На деле же факты, подобные английским, повторяются во всех промышленных и передовых странах континента, только с соответственным изменением — в связи с местными условиями — и в несколько меньшем размере. Во всех этих странах с 1848 г. происходило неслыханное развитие промышленности и никому не снившееся расширение ввоза и вывоза. Во всех этих странах «увеличение богатства и могущества, всецело ограничивающееся имущими классами», действительно было «опьяняющим». Во всех этих странах, так же как и в Англии, только меньшинству рабочего класса удалось несколько повысить свою реальную заработную плату; но в большинстве случаев номинальное повышение заработной платы несколько не означало реального увеличения благосостояния, так же как, например, обитатель лондонских домов для бедных или приютов для сирот очень мало был благодетельствован тем, что самые необходимые для него продукты в 1861 г. стоили 9 ф. ст. 15 шилл. 8 пенсов вместо 7 ф. ст. 7 шилл. 4 пенсов в 1852 г. Повсюду широкие массы рабочего

¹ В немецком тексте «Учредительного манифеста»: «кормить их грудью, а не ошумиой микстурой». *Ред.*

класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой выше их стоящие классы поднимались вверх по общественной лестнице. Ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни изобретения в области сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни новые рынки, ни свободная торговля, ни все это, вместе взятое, не устранит нищеты трудящихся масс; на современной порочной основе всякое новое развитие производительных сил труда должно углублять общественные противоположности и обострять общественные антагонизмы. Во всех странах Европы для всякого непредубежденного человека это стало очевидной истиной, которую отрицают только те, кто заинтересован в том, чтобы убаюкивать людей ложными надеждами. В эту «опьяняющую» эпоху экономического прогресса смерть от голода стала почти обычным явлением в столице Британской империи. Эта эпоха отмечена в летописях мира все более частыми повторениями, все более обширными размерами и все более губительными результатами социальной чумы, именуемой торговым и промышленным кризисом.

После неудачи революций 1848 г. все партийные организации и органы партийной печати рабочего класса на континенте были уничтожены грубым насилием, наиболее передовые сыны рабочего класса в отчаянии бежали в заатлантическую республику, и недолговечные мечты об освобождении исчезли с наступлением промышленной лихорадки, нравственного разложения и политической реакции. Поражение рабочего класса на континенте, которому отчасти способствовала дипломатия английского правительства, действовавшего тогда, как и теперь, в братском союзе с санктпетербургским кабинетом, распространило вскоре свое заразительное действие и на Англию. Поражение братьев по классу на континенте привело английский рабочий класс в уныние и подорвало в нем веру в свое собственное дело, а земельным и денежным магнатам оно вернуло их несколько поколебленную самоуверенность. Они нагло взяли обратно уступки, о которых уже было объявлено. Открытие новых золотоносных земель вызвало огромную эмиграцию, опустошившую ряды британского пролетариата. Некоторых ранее активных его членов прельстило временное увеличение количества работы и заработной платы, и они превратились в «политических штрейкбрехеров». Все попытки поддержать или преобразовать чартистское движение потерпели решительную неудачу; органы печати рабочего класса один за другим прекратили свое существование вследствие равнодушия масс; в самом деле, никогда ранее рабочий класс Англии, казалось, не примирялся до такой степени с положением политического ничтожества. Если тогда между рабочим классом Англии и рабочим классом континента не было солидарности в действиях, то во всяком случае была солидарность в поражении.

И все же истекший со времени революций 1848 г. период имел и положительные черты. Отметим здесь лишь два крупных факта.

После тридцатилетней борьбы, которую английский рабочий класс вел с изумительным упорством, он использовал временный раскол между землевладельческой и денежной аристократией (landlords and money lords), чтобы добиться закона о десятичасовом рабочем дне. Чрезвычайно благотворные последствия этого закона для фабричных рабочих в физическом, нравственном и умственном отношениях, отмечаемые каждые полгода в отчетах фабричных инспекторов, стали теперь общепризнанными. Большинство правительств на континенте должно было принять, с более или менее значительными изменениями, английский фабричный закон, и сам английский парламент вынужден ежегодно расширять сферу действия этого закона. Но в этом мероприятии для рабочих, помимо его практического значения, было еще нечто другое, что содействовало его удивительному успеху. Устами своих известнейших ученых, вроде д-ра Юра, профессора Сеннора и других мудрецов того же сорта, буржуазия предсказывала и без конца твердила, что всякое законодательное ограничение рабочего времени должно прозвучать похоронным звоном для британской промышленности, которая, подобно вампиру, может существовать лишь питаясь кровью, да притом еще детской кровью. В старину убийство детей было таинственным обрядом религии Молоха, но оно практиковалось лишь в некоторых высокопраздничных случаях, не чаще, вероятно, одного раза в год; притом Молох не обнаруживал исключительной склонности к детям бедняков. Борьба вокруг законодательного ограничения рабочего времени бушевала еще неистовее, потому что, помимо испуга жадной буржуазии, здесь дело шло о великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем состоит политическая экономия рабочего класса. Поэтому закон о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса.

По предстояла еще более значительная победа политической экономии труда над политической экономией собственности. Мы говорим о кооперативном движении, в особенности о кооперативных фабриках, основанных без всякой поддержки усилиями немногих смелых «рук» («hands») ¹. Значение этих великих социальных опытов не может быть переоценено. Не на словах, а на деле рабочие доказали, что производство в крупных размерах, и притом

¹ Hands — руки, употребляется также для обозначения рабочих. *Ред.*

ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих; они доказали, что для производства продуктов орудия труда не должны быть монополизированы в качестве орудий господства над рабочим и для его ограбления и что наемный труд, подобно рабскому и крепостному труду, — лишь преходящая и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с воодушевлением и радостью. В Англии семена кооперативной системы были посеяны Робертом Оуэном; опыты, произведенные рабочими на континенте, представляют собой практический вывод из теорий, не изобретенных, но провозглашенных во всеуслышание в 1848 г.

В то же время опыт 1848—1864 гг. несомненно доказал, что, как бы ни был кооперативный труд превосходит в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, поскольку он ограничивается узким кругом случайных усилий отдельных рабочих. Именно поэтому, вероятно, благонамеренные аристократы, буржуазные болтуны-филантропы и даже педантичные экономисты — все как один вдруг стали расточать вызывающие отвращение похвалы той самой системе кооперативного труда, которую они тщетно старались погубить в зародыше, которую они осмеивали как утопию мечтателей или клеймили как кощунство социалистов. Чтобы освободить трудящиеся массы, кооперативный труд должен развиваться в национальном масштабе и, следовательно, на национальные средства. Но магнаты земли и магнаты капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут выдвигать всевозможные препятствия на его пути. Вспомните об издевательствах, с которыми лорд Пальмерстон во время последней парламентской сессии обрушился на защитников законопроекта о правах ирландских фермеров. Палата общин, — воскликнул он, — есть палата землевладельцев. Завоевание политической власти стало поэтому великою обязанностью рабочего класса. Рабочие, повидимому, поняли это, так как в Англии, Германии, Италии и Франции одновременно началось оживление и одновременно были предприняты шаги в целях политической реорганизации рабочей партии.

Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда она охвачена организацией и ею руководит знание. Опыт прошлого показал, что пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и

побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий. Эта мысль побудила рабочих разных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. на публичном заседании в Сент-Мартинс Холле, основать Международное Товарищество.

Еще одно убеждение воодушевляло участников этого собрания.

Если освобождение рабочего класса требует братского единения и сотрудничества рабочих, то каким образом они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народов? Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана. Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиотское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на то, как Россия завладевает горными крепостями Кавказа и умерщвляет героическую Польшу¹; огромные и не встречавшие никакого сопротивления захваты этой варварской державы, голова которой в Санкт-Петербурге, а руки — во всех кабинетах Европы, указали рабочему классу на его обязанность самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми находящимися в его распоряжении средствами; в случае же невозможности предотвратить ее — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами.

Борьба за такую иностранную политику составляет часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Написано К. Марксом на английском языке.

Впервые напечатано 5 ноября 1864 г. в газете «The Beehive», а затем отдельной брошюрой под названием «Address of the Workingmen's International Association» (Лондон 1864). Первый немецкий перевод (под названием «Manifest an die arbeitende Klasse Englands») в газете «Der Social-Demokrat», Берлин, в декабре 1864 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I.

¹ Маркс имеет в виду захват царской Россией Кавказа, сопровождавшийся порабощением и разорением населивших его народностей, а также подавление царским правительством революционного восстания в Польше в 1863—1864 гг. *Ред.*

К. Маркс

ОБЩИЙ УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ¹

Принимая во внимание:

Что освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом; что борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства;

Что экономическое подчинение трудящегося монополисту средств труда, т. е. источников жизни, лежит в основе рабства во всех его формах, в основе всякой социальной обездоленности, умственной приниженности и политической зависимости;

Что экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

Что все усилия, направленные к этой великой цели, оказывались до сих пор безуспешными вследствие недостатка солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране и вследствие отсутствия братского союза между рабочими разных стран;

Что освобождение труда — не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество, и что ее разрешение зависит от практического и теоретического сотрудничества наиболее передовых стран;

Что нынешнее пробуждение рабочего класса в передовых промышленных странах Европы, вызывая новые надежды, служит вместе с тем торжественным предупреждением против повторения прежних ошибок и требует немедленного объединения до сих пор разрозненных движений; —

Принимая во внимание указанные соображения, было основано Международное Товарищество Рабочих.

Оно заявляет,

что все примыкающие к нему общества и отдельные лица будут признавать истину, справедливость и нравственность основой своего поведения в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от цвета их кожи, их верований или национальности;

¹ Устав этот был принят в сентябре 1871 г. на Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих. В основу его был положен «Временный устав», составленный Марксом в 1864 г. при основании I Интернационала. Устав был дополнен несколькими пунктами. Из введения к уставу была выпущена одна из тех двух фраз о «долге» и «праве», о которых писал Маркс Энгельсу в письме от 4 ноября 1864 г. (см. стр. 478 настоящего тома). *Ред.*

что оно признает: *нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав.*

В духе этих принципов и был составлен следующий устав:

1. Это Товарищество основано для того, чтобы служить центром для сношений и сотрудничества между рабочими обществами различных стран, стремящимися к одной и той же цели, а именно — к защите, развитию и полному освобождению рабочего класса.

2. Общество принимает название «Международное Товарищество Рабочих».

3. Ежегодно созывается общий конгресс рабочих, состоящий из делегатов от секций Товарищества. Конгресс провозглашает общие стремления рабочего класса, принимает меры, необходимые для успешной деятельности Международного Товарищества, и назначает Генеральный Совет Товарищества.

4. Каждый конгресс назначает время и место созыва следующего конгресса. Делегаты собираются в назначенный срок и в назначенное место без специального приглашения. Генеральный Совет имеет право в случае необходимости изменить место созыва конгресса, но он не в праве отсрочить время его созыва. Конгресс ежегодно определяет местопребывание Генерального Совета и избирает его членов. Избранный таким образом Генеральный Совет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

На своих ежегодных заседаниях общий конгресс заслушивает гласный отчет о деятельности Генерального Совета за год. В случае крайней необходимости Генеральный Совет может созвать общий конгресс ранее установленного годовичного срока.

5. Генеральный Совет состоит из рабочих различных стран, представленных в Международном Товариществе. Он избирает из своей среды должностных лиц, необходимых для ведения дел, а именно: казначея, генерального секретаря, секретарей-корреспондентов для различных стран и т. д.

6. Генеральный Совет является международным представительством различных национальных и местных групп Товарищества, чтобы рабочие одной страны были постоянно осведомлены о движении их класса во всех других странах; чтобы можно было одновременно и под общим руководством предпринять исследование социальных условий в различных странах Европы; чтобы вопросы, поднятые в одном обществе, но представляющие общий интерес, могли обсуждаться всеми и чтобы тогда, когда требуются немедленные практические шаги, например, в случае международных конфликтов, общества, входящие в Товарищество, действовали одновременно и единообразно. Во всех надлежащих случаях Генеральный Совет будет брать на себя инициативу внесения предложений в различные национальные или местные

общества. Для облегчения своих сношений с ними Генеральный Совет издаст периодические отчеты.

7. Так как успех рабочего движения в каждой стране может быть обеспечен только силой единения и организацией, а с другой стороны, полезность Международного Генерального Совета в значительной степени зависит от того, будет ли он иметь дело с немногими национальными центрами рабочих товариществ или со множеством мелких и разрозненных местных обществ, то члены Международного Товарищества должны, каждый в своей стране, употребить все свои силы для объединения разрозненных рабочих обществ в национальные организации, представленные национальными центральными органами. Само собой разумеется, однако, что применение данной статьи устава зависит от особых законов каждой страны и что, независимо от наличия препятствий, чинимых законами, каждое самостоятельное местное общество может входить в непосредственные сношения с Генеральным Советом.

7а. В своей борьбе против объединенной власти имущих классов пролетариат может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами.

Эта организация пролетариата в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и ее конечную цель — уничтожение классов.

Объединение сил рабочего класса, уже достигнутое им благодаря экономической борьбе, должно также служить ему рычагом в его борьбе против политической власти его эксплуататоров.

Так как магнаты земли и капитала всегда пользуются своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своих экономических монополий и для порабощения труда, завоевание политической власти стало великою обязанностью пролетариата¹.

8. Каждая секция имеет право назначить своего секретаря-корреспондента при Генеральном Совете.

9. Членом Международного Товарищества Рабочих может быть каждый, кто признает и защищает его принципы. Каждая секция ответственна за безупречность принимаемых ею членов.

10. Каждому члену Международного Товарищества, переезжающему на жительство из одной страны в другую, должна быть оказана братская поддержка со стороны организованных в Товарищество рабочих.

11. Объединяясь в неразрывный союз братского сотрудничества, рабочие общества, вступающие в Международное То-

¹ Статья 7а была включена в устав решением Гаагского конгресса I Интернационала (сентябрь 1872 г.). *Ред.*

рищество, сохраняют, однако, в неприкосновенности свои уже существующие организации.

12. Настоящий устав может быть пересмотрен на каждом конгрессе — при условии, если за пересмотр выскажутся $\frac{2}{3}$ присутствующих делегатов.

13. Все не предусмотренное настоящим уставом будет дополнено в особом регламенте, подлежащем пересмотру на каждом конгрессе.

Написано К. Марксом на английском языке. Перевод дается с текста, напечатанного в отдельной брошюре «General Rules and Administrative Regulations of the International Working-Men's Association», Лондон, 1871 г. Статья 7а дается в переводе с французского по брошюре: «Association Internationale des Travailleurs. Résolutions du Congrès Général tenu à la Haye du 2 au 7 septembre 1872. Londres 1872». — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Предложение переиздать воззвание Международного Генерального Совета о «Гражданской войне во Франции» и снабдить его введением было для меня неожиданным. Поэтому я могу здесь лишь вкратце затронуть важнейшие пункты.

Вышеупомянутой, большей по размерам, работе я предпосылаю оба более кратких воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны. Во-первых, потому, что в «Гражданской войне» есть ссылки на второе воззвание, которое само по себе, без первого, не везде понятно. А также и потому, что оба эти воззвания, тоже написанные Марксом, являются не менее, чем «Гражданская война», выдающимися образцами удивительного, впервые проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились. И, наконец, потому, что нам в Германии еще и поныне приходится страдать от предсказанных Марксом последствий этих событий.

Разве не оправдалось предсказание первого воззвания, что если оборонительная война Германии против Луи Бонапарта выродится в завоевательную войну против французского народа, то Германии придется вновь и еще в большей мере пережить все несчастья, которые постигли ее после так называемых освободительных войн? Не имели ли мы еще целых двадцать лет господства Бисмарка, а вместо преследований демагогов — исключительный закон и травлю социалистов, с тем же полицейским произволом, буквально с тем же возмутительнейшим толкованием закона?

И разве не буквально оправдалось предсказание, что аннексия Эльзас-Лотарингии «бросит Францию в объятия России»¹

¹ Цитата из второго воззвания Генерального Совета по поводу франко-прусской войны. Маркс предвидел, что после потери Эльзас-Лотарингии Франция будет искать себе союзника против Германии в первую очередь

и что после этой аннексии Германия должна будет либо открыто стать лакеем России, либо после короткой передышки начать готовиться к новой войне, а именно «расовой войне, войне против объединенных славянской и романской рас»? Разве аннексия французских провинций не бросила Францию в объятия России? Разве Бисмарк не домогался напрасно целых двадцать лет благоволения царя, прислуживая ему и припадая к стопам «святой Руси» еще более раболепно, чем привыкла это делать маленькая Пруссия, до того как она стала «первой великой европейской державой»? И разве не висит постоянно над нашими головами дамоклов меч войны, которая в первый же день развеет в прах все бумажные союзы государей, войны, относительно которой не известно ничего, кроме абсолютной неизвестности ее исхода, войны расовой, которая отдаст всю Европу на поток и разграбление пятнадцати или двадцати миллионам вооруженных солдат и которая еще не разразилась только потому, что абсолютная невозможность предвидеть ее конечные результаты внушает страх даже самому сильному из крупных военных государств?

Тем более является нашим долгом сделать вновь доступными для немецких рабочих эти полузабытые документы, блестяще свидетельствующие о дальновидности интернациональной рабочей политики 1870 г.

То, что я сказал об этих двух воззваниях, относится также к «Гражданской войне во Франции». 28 мая последние бойцы Коммуны пали на склонах Бельвиля в борьбе с превосходящими неприятельскими силами, а уже через два дня, 30 мая, Маркс прочел Генеральному Совету свое произведение, в котором историческое значение Парижской коммуны было изображено краткими, сильными чертами, но с такой меткостью и — главное — верностью, каких никогда не достигала вся последующая обширная литература по этому вопросу.

В результате экономического и политического развития Франции с 1789 г. в Париже в последние 50 лет сложилось такое положение, что каждая разражавшаяся в нем революция не могла не принимать характера пролетарской; таким образом, оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями. Эти требования были более или менее неясны и даже сбивчивы, в зависимости каждый раз от степени развития парижских рабочих; но все они в конце кон-

в лице царской России. 1 сентября 1870 г. Маркс писал Зорге: «Теперешняя война ведет — чего прусские ослы не понимают — с такой же необходимостью к войне между Германией и Россией, с какой война 1866 г. привела к войне между Пруссией и Францией. Это — *наилучший результат*, какого я жду от войны для Германии... Кроме того, такая война № 2 будет повивальной бабкой неизбежной в России социальной революции» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 71). *Ред.*

цов сводились к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими. Как должно оно произойти, — этого, правда, не знали. Но уже самое требование, при всей его неопределенности, заключало в себе опасность для существующего общественного строя; рабочие, предъявлявшие это требование, бывали еще вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой, завоеванной рабочими, революции — новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих.

В первый раз это произошло в 1848 г. Либеральные буржуа, принадлежавшие к парламентской оппозиции, устраивали банкеты с целью провести избирательную реформу, которая обеспечила бы господство их партии. Борьба с правительством все больше и больше заставляла их апеллировать к народу, и им приходилось постепенно уступать первое место радикальным и республиканским слоям буржуазии и мелкой буржуазии. Но за последними находились революционные рабочие, которые с 1830 г. приобрели гораздо больше политической самостоятельности, чем предполагали буржуа и даже республиканцы. Как раз тогда, когда в отношениях между правительством и оппозицией наступил кризис, рабочие начали уличную борьбу; Луи-Филипп исчез, а с ним исчезла и избирательная реформа; взамен нее возникла республика, и притом такая, которую победившие рабочие объявили даже «социальной» республикой. Что надо было разуместь под этой социальной республикой — никому не было ясно, даже и самим рабочим. Но они были теперь вооружены и стали силой в государстве. Поэтому первым делом стоявших у кормила правления буржуазных республиканцев, как только они почувствовали несколько более твердую почву под ногами, было разоружение рабочих. Это и было сделано при июньском восстании 1848 г., к которому рабочих вынудили прямым нарушением данного им слова, явным издевательством и попыткой выслать безработных в отдаленную провинцию. Правительство заранее обеспечило себе подавляющее превосходство сил. После пятидневной героической борьбы рабочие были побеждены. И тут началась над безоружными пленниками кровавая расправа, невиданная со времен гражданских войн, которые привели к падению римской республики. Буржуазия впервые показала, с какой безумной жестокостью мстит она пролетариату, когда он осмеливается выступить против нее как особый класс с собственными интересами и требованиями. Но все же 1848 г. был еще детской игрой в сравнении с пенсовствами буржуазии в 1871 г.

Возмездие следовало по пятам. Если пролетариат *еще* не мог, то буржуазия *уже* не могла править Францией. В то время, по крайней мере, не могла: в большинстве своем она была тогда еще монархической и была расколота на три династические

партии¹ и четвертую — республиканскую. Ее внутренние раздоры позволили авантюристу Луи Бонапарту захватить весь аппарат власти — армию, полицию, административную машину — и 2 декабря 1851 г.² взорвать последнюю твердыню буржуазии, Национальное собрание. Началась Вторая империя³ — эксплуатация Франции шайкой политических и финансовых авантюристов, но вместе с тем и такое промышленное развитие, какое было совершенно невозможно при мелочной и трусливой системе Луи-Филиппа, при исключительном господстве лишь небольшой части крупной буржуазии. Луи Бонапарт взял у капиталистов их политическую власть под предлогом защиты буржуазии против рабочих и, с другой стороны, рабочих против буржуазии; но в то же время его господство благоприятствовало спекуляции и промышленной деятельности, короче говоря — невиданному до тех пор экономическому подъему и обогащению буржуазии в целом. Еще больше способствовало его господство продажности и массовому хищничеству, центром которых стал императорский двор, получивший таким образом крупный процент с этого обогащения.

Но Вторая империя являлась призывом к французскому шовинизму; это было требование возврата потерянных в 1814 г. границ первой империи, по меньшей мере — границ первой республики. Французская империя в границах старой монархии и даже в еще более урезанных границах 1815 г. не могла быть долговечной. Отсюда необходимость время от времени вести войну и расширять границы. Но никакое расширение границ не увлекало так сильно фантазию французских шовинистов, как расширение за счет немецкого левого берега Рейна. Одна квадратная миля на Рейне имела в их глазах больше цены, чем десять миль в Альпах или где-нибудь в другом месте. Пока существовала Вторая империя, требование возврата левого берега Рейна, — сразу или по частям, — было лишь вопросом времени. Это время наступило вместе с австро-прусской войной 1866 г. Обманутый в своих ожиданиях «территориального вознаграждения» Бисмарком, а также своей собственной сверх-хитроумной перешителюй политикой, Наполеон не имел другого выхода, кроме войны, которая вспыхнула в 1870 г. и привела его к Седану, а затем и к плену в Вильгельмсгэе.

¹ Монархисты во Франции делились на три партии: *легитимистов* — сторонников «легитимной» («законной») монархии Бурбонов, *орлеанистов* — сторонников династии Орлеанов и *бонапартистов* — сторонников Луи Бонапарта. *Ред.*

² 2 декабря 1851 г. президент французской республики Луи Бонапарт совершил государственный переворот, разогнал Национальное собрание и через год провозгласил себя императором. *Ред.*

³ *Второй империей* называется империя Луи Бонапарта — Наполеона III (1852—1870 гг.), в отличие от первой империи Наполеона I (1804—1814 гг.). *Ред.*

Неизбежным следствием была революция 4 сентября 1870 г. в Париже. Империя рассыпалась, как карточный домик; снова была провозглашена республика. Но неприятель стоял у ворот; войска империи частью были осаждены в Меце, без надежды на освобождение, частью находились в плену в Германии. В этом критическом положении народ позволил парижским депутатам бывшего законодательного корпуса образовать из своей среды «правительство национальной обороны». Пошли на это тем скорее, что теперь все парижане, способные носить оружие, были, в целях обороны, зачислены в Национальную гвардию и вооружены, так что рабочие составляли в ней теперь огромное большинство. Но уже вскоре прорвался наружу антагонизм между правительством, состоявшим почти поголовно из буржуа, и вооруженным пролетариатом. 31 октября рабочие батальоны взяли штурмом ратушу и арестовали нескольких членов правительства. Измена, прямое нарушение правительством данного им слова и вмешательство нескольких мелкобуржуазных батальонов привели к освобождению арестованных; но, чтобы не дать разгореться гражданской войне в осажденном вражеской силой городе, прежнее правительство было оставлено у власти.

Наконец, измученный голодом Париж 28 января 1871 г. капитулировал, но капитулировал на небывалых в военной истории почетных условиях. Форты были сданы, с крепостного вала были сняты орудия, линейные полки и мобили сдали оружие, сами они были объявлены военнопленными. Но Национальная гвардия сохранила свое оружие и пушки и заключила с победителями только перемирие. Победители не решались с триумфом войти в Париж; они осмелились занять только небольшой уголок Парижа, часть которого вдобавок состояла из общественных парков, да и этот уголок они заняли всего лишь на несколько дней! И в течение этого времени победители, державшие Париж в осаде 131 день, были сами осаждены вооруженными парижскими рабочими, неусыпно следившими за тем, чтобы ни один «пруссака» не перешагнул узких границ предоставленного чужеземному завоевателю уголка. Такое уважение к себе внушили парижские рабочие войску, перед которым сложили оружие все армии империи. Прусские юнкера, пришедшие сюда, чтобы отомстить очагу революции, были вынуждены почтительно остановиться как раз перед этой вооруженной революцией и салютовать ей!

Во время войны парижские рабочие ограничивались требованием энергичного продолжения борьбы. Но теперь, когда после капитуляции Парижа был заключен мир, глава нового правительства, Тьер, должен был убедиться, что господство имущих классов — крупных землевладельцев и капиталистов — будет в постоянной опасности, пока парижские рабочие будут воору-

жены. Первым его делом была попытка их разоружить. 18 марта он послал линейные войска с приказом захватить артиллерию Национальной гвардии, изготовленную на общественный счет, по подписке, во время осады Парижа. Эта попытка не удалась; весь Париж поголовно взялся за оружие для самообороны, и война между Парижем и находившимся в Версале французским правительством была объявлена. 26 марта была избрана и 28-го провозглашена Парижская коммуна. Центральный комитет Национальной гвардии, державший до тех пор власть в своих руках и успевший уже издать декрет об упразднении скандальной парижской «полиции нравов», передал свои полномочия Коммуне. 30 марта Коммуна упразднила рекрутский набор и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой Национальную гвардию, составленную из всех граждан, способных носить оружие. Коммуна аннулировала все счета по квартирной плате за время с октября 1870 г. по апрель 1871 г., с зачислением уже выплаченных сумм в счет квартирной платы за будущее время, и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены выбранные в Коммуну иностранцы, так как «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики». — 1 апреля было установлено, что жалованье служащих Коммуны, а стало быть и ее членов, не должно превышать 6000 франков (4800 марок). На следующий день был издан декрет об отделении церкви от государства и об отмене всех государственных расходов на религиозные цели, а также о национализации всех церковных имуществ; 8 апреля было в соответствии с этим отдано распоряжение, которое и стало постепенно проводиться в жизнь, — об изъятии из школ всех религиозных символов, образов, догматов, молитв, — словом, «всего того, что касается совести каждого отдельного лица». — 5 апреля, ввиду ежедневно повторявшихся расстрелов версальскими войсками пленных бойцов Коммуны, был издан декрет об аресте заложников, который никогда целиком не был приведен в исполнение. — 6 апреля 137-м батальоном Национальной гвардии была извлечена гильотина и при всенародном ликовании публично сожжена. — 12 апреля Коммуна постановила низвергнуть на Вандомской площади колонну Победы, которая была отлита Наполеоном после войны 1809 г. из отбитых у неприятеля пушек и являлась символом шовинизма и национальной вражды. — 16 мая это постановление было приведено в исполнение. — 16 апреля Коммуна распорядилась произвести учет остановленных фабрикантами фабрик и разработать план пуска в ход этих фабрик силами занятых на них рабочих, которые должны были объединиться в кооперативные товарищества, а также разработать план объединения этих товариществ в один большой союз. — 20 апреля она отменила ночную работу булочников и уничтожила конторы для приискания

работы, составлявшие со времени Второй империи монополию назначавшихся полицией личностей — перворазрядных эксплуататоров рабочих; эти конторы были переданы в ведение мэрий двадцати районов Парижа. — 30 апреля она распорядилась об упразднении ссудных касс, служивших средством частной эксплуатации рабочих и противоречивших праву последних на их орудия труда и на кредит. — 5 мая она постановила снести часовню, построенную во искупление казни Людовика XVI.

Так, начиная с 18 марта, стал резко и решительно проявляться чисто классовый характер парижского движения, затемненный до тех пор борьбой против вражеского вторжения. Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок. Но город был осажден, поэтому могли быть сделаны только первые шаги. Уже с начала мая все силы уходили на борьбу со все более возрастающими численно войсками версальского правительства.

7 апреля версальцы захватили переправу через Сену у Нейи, на западном фронте Парижа; но 11 апреля их нападение на южный фронт было отбито генералом Эдом с большими потерями с их стороны. Те же люди, которые клеймили бомбардировку Парижа пруссаками как святотатство, теперь сами непрерывно бомбардировали его. Эти же люди умоляли теперь прусское правительство поскорее прислать обратно взятых в плен при Седане и Меце французских солдат, которые должны были отвоевать для них Париж. Постепенное прибытие этих войск дало версальцам с начала мая решительный перевес. Это стало ясно уже 23 апреля, когда Тьер прервал начатые по предложению Коммуны переговоры об обмене архиепископа парижского и целого ряда других понов, задержанных в Париже в качестве заложников, на одного Гланки, дважды выбранного в Коммуну, но заключенного в Клерво. Еще яснее обнаружилось это в изменившемся тоне речей Тьера; до тех пор сдержанные и двусмысленные, они теперь стали вдруг наглыми, грубыми, угрожающими. На южном фронте версальцы заняли 3 мая редут Мулен-Сакс, 9-го — форт Исси, целиком разрушенный бомбардировкой, 14-го — форт Ванв. На западном фронте, занимая многочисленные

деревни и строения, простиравшиеся вплоть до городской стены, они постепенно продвинулись до главной линии укреплений; 21 мая, вследствие измены и в результате беспечности стоявшей здесь Национальной гвардии, им удалось проникнуть в город. Пруссаки, занимавшие северные и восточные форты, позволили версальцам пройти через находящийся в северной части города район, который по условиям перемирия был для них закрыт, и произвести, таким образом, атаку по длинному фронту, который парижане по условиям перемирия должны были считать обеспеченным от нападения и поэтому сравнительно слабо защищали. Вот почему и сопротивление, которое было оказано в западной половине Парижа, в самых богатых кварталах города, было сравнительно слабым; оно становилось тем яростнее и упорнее, чем ближе подходили вторгающиеся войска к восточной половине столицы, к собственно рабочему району города. Лишь после восьмидневной борьбы пали последние защитники Коммуны на высотах Бельвиля и Менильмонтана, и тогда убийства безоружных мужчин, женщин и детей, происходившие все с большей свирепостью в течение целой недели, достигли своего апогея. Усовершенствованное ружье убивало недостаточно быстро, и побежденных расстреливали сотнями из митральез. «Стена коммунаров» на кладбище Père Lachaise, где произошло последнее массовое избиение, стоит еще и теперь, как немой, но выразительный свидетель того бешенства, на какое способен господствующий класс, когда пролетариат осмеливается выступить на защиту своих прав. Затем, когда оказалось, что перебить всех невозможно, начались массовые аресты и расстрелы жертв, произвольно взятых из рядов пленных; остальных уводили в большой лагерь, где они должны были ожидать военного суда. Прусским войскам, окружавшим Париж с северо-востока, было приказано не пропускать ни одного беглеца, но офицеры нередко смотрели сквозь пальцы, когда солдаты повиновались больше чувству гуманности, чем приказу начальства. Особенно прославился своим гуманным поведением саксонский армейский корпус, пропустивший многих заведомых борцов Коммуны.

* *
*

Если мы теперь, спустя двадцать лет, взглянем на деятельность и историческое значение Парижской коммуны 1871 г., то увидим, что к изложенному в «Гражданской войне во Франции» следует сделать еще некоторые дополнения.

Члены Коммуны разделялись на большинство, состоявшее из бланкистов, которые господствовали и в Центральном комитете Национальной гвардии, и меньшинство, состоявшее из членов Международного Товарищества Рабочих, преимущественно после-

дователей социалистической школы Прудона. Бланкисты были тогда социалистами большей частью лишь по революционному пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более ясного понимания принципиальных положений благодаря Вайяну, который был знаком с немецким научным социализмом. Отсюда становится понятным, почему Коммуна в экономической области упустила многое такое, что, по нашим нынешним представлениям, сделать ей было необходимо. Труднее всего, конечно, понять то благоговение, с каким Коммуна почтиительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказывать давление на версальское правительство, чтобы заключить мир с Коммуной. Но гораздо более поразительно то обстоятельство, что Коммуна часто поступала совершенно правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов. За экономические декреты Коммуны, — и за их достоинства, и за их недостатки, — само собою разумеется, прежде всего несут ответственность прудонисты, а за ее политические действия и промахи — бланкисты. Как это бывает обычно, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, чему учила их школьная доктрина.

Прудон, этот социалист мелких крестьян и ремесленников, прямо-таки ненавидел ассоциацию. Он говорил, что в ней больше дурного, чем хорошего, что она по природе своей бесплодна, даже вредна, что она — цепь, сковывающая свободу рабочего, пустая догма, бесполезная и обременительная, противоречащая не только свободе рабочего, но и экономии труда; что ее недостатки возрастают быстрее, чем ее преимущества, и что в противоположность ей конкуренция, разделение труда, частная собственность являются полезными экономическими силами. Только в исключительных случаях, как называет их Прудон, — в крупной промышленности и на крупных предприятиях, например на железных дорогах, — рабочая ассоциация уместна (см. «Idée générale de la Révolution», 3-e étude¹).

А в 1871 г. крупная промышленность уже настолько перестала быть исключением даже в Париже, этом центре художественного ремесла, что самый важный декрет Коммуны предписывал организацию крупной промышленности и даже мануфактуры на основе рабочих ассоциаций, и притом таких, которые должны были не только создаваться на каждой отдельной фабрике,

¹ Энгельс имеет в виду книгу Прудона «Общая идея революции XIX века», 3-й очерк, Париж, 1851 г. *Ред.*

но и объединиться в один большой союз. Такая организация, как совершенно правильно замечает Маркс в «Гражданской войне», в последнем счете должна была вести к коммунизму, т. е. к прямой противоположности учению Прудона. Вот почему Коммуна была могилой прудоновской социалистической школы. Эта школа теперь исчезла в среде французских рабочих; здесь полновластно царит теперь теория Маркса среди «поссибилистов» не в меньшей мере, чем среди «марксистов». Только в среде «радикальной» буржуазии еще встречаются прудонисты.

Не лучшая участь постигла и бланкистов. Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные соответствующей этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но, действуя с огромной, неукротимой энергией, удержать ее в своих руках, пока не удастся вовлечь народ в революцию и сгруппировать его вокруг небольшой кучки вожakov. Для этого прежде всего необходима была строжайшая диктаторская централизация всей власти в руках нового революционного правительства. Что же сделала Коммуна, большинство которой состояло именно из этих бланкистов? Во всех своих прокламациях к населению французской провинции она призывала его объединить все коммуны Франции с Парижем в одну свободную федерацию, в одну национальную организацию, которую впервые должна была создать действительно сама нация. Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 г. и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, — именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время. В чем до сих пор состояла характерная особенность государства? Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Это можно видеть, к примеру, не только в наследственной монархии, но

и в демократической республике. Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у кормила правления, управляется в свою очередь людьми, которые из политики делают себе выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях Союза и отдельных штатов или же черпают средства к существованию из агитации за свою партию и получают после победы в качестве вознаграждения должности. Известно, сколько усилий затратили в течение последних тридцати лет американцы, чтобы стряхнуть это ставшее невыносимым иго, и как они, несмотря на это, все более погружаются в болото продажности. Именно в Америке лучше всего видно, как развивается это обособление государственной власти от общества, для которого она первоначально должна была служить только орудием. Там нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, исключая горстки солдат, следящих за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсию. И все же мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее самым грязным образом и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших союзов политиков, которые будто бы служат ей, а в действительности господствуют над ней и грабят ее.

Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков. Таким образом, была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того.

Этот взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической, подробно описаны в третьем разделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философии, государство есть «осуществление идеи»

или, переведенное на философский язык, царство божие на земле; государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т. е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности.

В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую коммуну. Это была диктатура пролетариата.

Лондон,
в день двадцатой годовщины
Парижской коммуны,
18 марта 1891 г.

*Написано Ф. Энгельсом на немецком языке.
Напечатано в журнале «Die Neue Zeit»,
IX Jhrg., Bd. II, 1891 г. и в отдельном изда-
нии «Гражданской войны во Франции». —
Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2.*

ПЕРВОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ

*Членам Международного Товарищества Рабочих в Европе
и Соединенных Штатах*

В Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих от ноября 1864 г. мы говорили: «Если освобождение рабочего класса требует братского единения и сотрудничества рабочих, то каким образом они могут выполнить эту великую задачу при наличии внешней политики, которая, преследуя преступные цели, играет на национальных предрассудках и в грабительских войнах проливает кровь и расточает богатство народа?». И мы характеризовали внешнюю политику, которой добивается Интернационал, в следующих словах: «Чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами».

Не удивительно, что Луи Бонапарт, который свою власть узурпировал, используя классовую борьбу во Франции, и продолжил свое господство посредством ряда внешних войн, с самого начала относился к Интернационалу, как к опасному врагу. Накануне плебисцита¹ он устраивает поход против членов распорядительных комиссий Международного Товарищества Рабочих в Париже, Лионе, Руане, Марселе, Бресте, — словом, во всей Франции, под тем предлогом, что Интернационал является тайным обществом и готовит заговор с целью убить его; нелепость этой выдумки была вскоре раскрыта его собственными судьями. В чем же состояло действительное преступление французских секций Интернационала? В том, что они открыто и настойчиво говорили французскому народу: голосовать за плебисцит — значит голосовать за внутренний деспотизм и за внешнюю войну. И действительно, делом их рук было то, что во всех больших городах, во всех промышленных центрах Франции

¹ *Плебисцит* (всенародное голосование) был проведен Наполеоном III в мае 1870 г. в целях укрепления империи и подрыва республиканской агитации в стране. Правительственный аппарат наполеоновской империи использовал все меры давления на избирателей и демагогии, в результате чего плебисцит создал видимость одобрения мероприятий Наполеона III большинством народа. *Ред.*

рабочий класс, как один человек, восстал против плебисцита. К несчастью, голоса рабочих были подавлены ввиду глубокого невежества сельских округов. Биржи, кабинеты держав, господствующие классы и печать всей Европы торжествовали победу плебисцита как блестящую победу французского императора над французским рабочим классом; в действительности же плебисцит был сигналом к умерщвлению не одной личности, а целых народов.

Военный заговор июля 1870 г.¹ является только улучшенным вариантом государственного переворота в декабре 1851 г. На первый взгляд дело казалось столь нелепым, что Франция не хотела верить в серьезность слухов о войне. Гораздо охотнее верила она депутату, который в воинственных речах министров видел простую биржевую уловку. Когда, наконец, 15 июля Законодательному корпусу было заявлено о войне официально, вся оппозиция отказалась утвердить предварительные расходы; даже Тьер заклеил войну как нечто «трусное»; все независимые парижские газеты осуждали ее, и, к удивлению, провинциальная печать почти целиком с ними соглашалась.

Между тем парижские члены Интернационала вновь взялись за работу. В «Reveil» 12 июля они опубликовали манифест «К рабочим всех наций», в котором сказано:

«Снова политическое честолюбие, под предлогом европейского равновесия и защиты национальной чести, грозит всеобщему миру. Французские, немецкие и испанские рабочие! Соединим свои голоса в один общий крик возмущения против войны!.. Война из-за вопроса о преобладании или война в интересах какой-нибудь династии не может в глазах рабочих быть чем-нибудь иным, кроме преступного безумия. Мы, — те, кто хочет мира, работы и свободы, — мы громко протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественное несчастье служит источником новой спекуляции!.. Братья в Германии! Вражда между нами, французскими и немецкими рабочими, имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обоим сторонам Рейна... Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного Товарищества Рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, мы шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции».

За этим манифестом наших парижских секций последовало множество подобных же французских воззваний, из которых мы здесь можем привести только одно, принадлежащее секции в Neuilly-sur-Seine [Нейи-на-Сене] и опубликованное в газете «Marseillaise» от 22 июля. «Справедлива ли эта война? Нет! На-

¹ 19 июля 1870 г. началась франко-прусская война. *Ред.*

циональна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя справедливости, во имя демократии, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протестам Интернационала против войны».

Эти протесты выражали истинные чувства французских рабочих, как вскоре и показало ясно одно интересное происшествие. Когда банду «10 декабря»¹, первоначально организованную во время президентства Луи Бонапарта, переодели в рабочие блузы и выпустили на улицы Парижа, чтобы посредством индейских военных плясок разжечь военную лихорадку, действительные рабочие предместий ответили такими внушительными демонстрациями в пользу мира, что полицейский префект Пьетри считал нужным сразу положить конец всяким дальнейшим уличным демонстрациям под тем предлогом, что преданный парижский народ достаточно проявил свой долго сдерживаемый патриотизм и дал исход своему неиссякаемому военному энтузиазму.

Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией, — похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи*.

Для Германии война эта является оборонительной. Но кто привел Германию в положение необходимости обороняться? Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии? *Пруссия!* Не кто иной, как Бисмарк, конспирировал с этим самым Луи Бонапартом в надежде подавить внутри Пруссии демократическую оппозицию и закрепить Германию за династией Гогенцоллернов. Если бы битва при Садовой² не была выиграна, а проиграна, французские батальоны наводнили бы Германию в качестве союзников Пруссии. Разве Пруссия после победы хоть на минуту подумала о том, чтобы поработенной Франции противопоставить свободную Германию? Как раз наоборот! Она ревниво оберегала исконные прелести своей старой системы и в добавление к ним позаимствовала у Второй империи все ее уловки: ее фактический деспотизм и фальшивую демократичность, ее политические фокусы и финансовые мошенничества, ее высокопарные фразы и самое низкое жульничество. Бона-

¹ Речь идет об «обществе 10 декабря», организованном Луи Бонапартом из подонков различных классов населения и названном так в память дня избрания Луи Бонапарта президентом французской республики (10 декабря 1848 г.). *Ред.*

² *Битва при Садовой* (Богемия) была решающим сражением в австро-прусской войне 1866 г., которая закончилась победой Пруссии над Австрией. *Ред.*

партистский режим, который до сих пор процветал только на одном берегу Рейна, нашел себе, таким образом, двойника на другом берегу его. А при таком положении дел чего иного можно было ждать, кроме войны?

Если немецкий рабочий класс допустит, чтобы данная война потеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа,—тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны. Все те несчастья, которые постигли Германию после обязательной войны, обрушатся на нее снова с еще большей жестокостью.

Принципы Интернационала, однако, слишком широко распространились и слишком глубокие корни пустили среди немецкого рабочего класса, чтобы мы должны были опасаться столь печального исхода. Голос французских рабочих нашел себе отклик в Германии. Громадное рабочее собрание в Брауншвейге 16 июля объявило себя вполне солидарным с парижским манифестом, решительно отвергло всякую мысль о национальной вражде к Франции и приняло резолюцию, в которой сказано: «Мы — враги всяких войн, но прежде всего — войн династических... С глубокой печалью и болью мы видим себя вынужденными принять участие в оборонительной войне, как в неизбежном зле; но в то же время мы призываем весь рабочий класс Германии сделать невозможным повторение столь ужасного социального несчастья, добиваясь при этом для народов власти самим решать вопрос о войне и мире и делая таким образом народы господами своей собственной судьбы».

В Хемнице собрание уполномоченных, представлявших 50 000 саксонских рабочих, единогласно приняло следующую резолюцию: «От имени немецкой демократии вообще, и в частности от имени рабочих социал-демократической партии мы объявляем нынешнюю войну исключительно династической... С радостьюжимаем мы братскую руку, протянутую нам французскими рабочими. Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*, мы никогда не забудем, что рабочие всех стран — наши друзья, а деспоты всех стран — наши враги».

Берлинская секция Интернационала также ответила на парижский манифест: «Мы всей душой присоединяемся к вашему протесту... Мы даем великий обет в том, что ни звуки труб, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвратят нас от нашего общего дела объединения рабочих всех стран».

На заднем плане этой самоубийственной борьбы виднеется зловещая фигура России. Плохим признаком является то, что сигнал к нынешней войне был дан как раз в тот момент, когда русское правительство закончило постройку важных для него в стратегическом отношении железных дорог и уже сконцентри-

ровало войска в направлении к Пруту. Хотя немцы и могут с полным правом рассчитывать на симпатии в своей оборонительной войне против бонапартистского нападения, — они потеряют эти симпатии сейчас же, как только допустят, чтобы прусское правительство призвало на помощь или хотя бы только приняло помощь казаков. Пусть они припомнят, что Германия после своей освободительной войны против Наполеона I целые десятилетия лежала распростертой у ног царя.

Английский рабочий класс братски протягивает руку французским рабочим, так же как и немецким. Он глубоко убежден, что, как бы ни кончилась предстоящая отвратительная война, союз рабочих всех стран, в конце концов, искоренит всякие войны. В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу друг с другом, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир*, ибо у каждого из народов будет один и тот же властелин — *труд*!

Предвозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих.

Лондон, 23 июля 1870 г.

Написано Н. Марксом на английском языке и утверждено на заседании Генерального Совета I Интернационала 23 июля 1870 г. Впервые напечатано в виде листовок — на английском, немецком и французском языках; опубликовано также в «Pall Mall Gazette» 28 июля 1870 г.—Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2. Перевод дается с английского текста.

ВТОРОЕ ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЕ

*Членам Международного Товарищества Рабочих в Европе
и Соединенных Штатах*

В нашем первом воззвании от 23 июля мы сказали: «Похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже. Вторая империя кончится тем же, чем началась: жалкой пародией. Но не надо забывать, что именно правительства и господствующие классы Европы дали возможность Луи Бонапарту в течение восемнадцати лет разыгрывать жестокий фарс *реставрированной империи*».

Таким образом, еще раньше чем начались военные операции, мы уже смотрели на бонапартистский мыльный пузырь, как на дело прошлого.

Мы не заблуждались насчет жизнеспособности Второй империи. Мы не были также неправы в своем опасении, что для Германии «война потеряет свой чисто оборонительный характер и выродится в войну против французского народа». Оборонительная война действительно кончилась сдачей Луи Бонапарта, капитуляцией при Седане и провозглашением республики в Париже ¹. Но еще гораздо раньше этих событий, уже в тот самый момент, когда полная гнилость бонапартистского милитаризма выплыла наружу, прусская военная камарилья решилась превратить войну в завоевательную. Правда, *собственная прокламация короля Вильгельма в начале войны* была весьма неприятным препятствием для этих господ. В своей тронной речи к северо-германскому рейхстагу Вильгельм торжественно заявил, что он ведет войну только против французского императора, а не против французского народа. 11 августа он выпустил манифест к французской нации, в котором говорил: «Император Наполеон произвел на море и на суше нападение на немецкую нацию, которая хотела и теперь еще хочет жить в мире с французским народом; я взял на себя командование немецкой армией, *чтобы отразить его нападе-*

¹ 2 сентября французская армия была разбита при Седане и вместе с императором попала в плен. 4 сентября во Франции была провозглашена республика и сформировано новое правительство, так называемое «правительство национальной обороны». *Ред.*

ние, и ход военных событий привел меня к тому, чтобы *перейти границы Франции*». Не довольствуясь заявлением, что он взял на себя командование германской армией, «чтобы *отразить нападение*», Вильгельм, чтобы еще больше подтвердить чисто оборонительный характер войны, присовокупил, что только ход военных событий привел его к тому, чтобы перейти границы Франции. Оборонительная война, конечно, вовсе не исключает наступательных операций, продиктованных «ходом военных событий».

Таким образом, этот благочестивый король торжественно обещал перед Францией и перед всем миром вести чисто оборонительную войну. Как же освободить его от этого торжественного обещания? Режиссеры всей этой комедии должны были представить дело так, как будто бы он против своей воли подчиняется неотступным требованиям немецкого народа; для этого они сейчас же дали пароль немецкому либеральному среднему классу с его профессорами и капиталистами, с его депутатами и журналистами. Этот средний класс, который с 1846 по 1870 г. во время борьбы за гражданскую свободу выказал невиданную нерешительность, неспособность и трусость, был, конечно, чрезвычайно восхищен той ролью рыкающего льва немецкого патриотизма, в которой он должен был выступить на европейской сцене. Он надел на себя маску гражданской независимости, чтобы прикинуться, будто он принуждает прусское правительство выполнить тайные планы этого самого правительства. Он раскаивался в своей долголетней и почти религиозной вере в непогрешимость Луи Бонапарта и поэтому громко требовал раздробления французской республики. Остановимся хоть на минутку на благовидных доводах, пущенных в ход этими рыцарями патриотизма.

Они не осмеливаются утверждать, что население Эльзас-Лотарингии тоскует по немецким объятиям. Как раз наоборот. Чтобы наказать Страсбург за чувства патриотизма к Франции, его бесцельно и варварски, — ибо в военном отношении важен не город, а его самостоятельно расположенная, командующая над ним цитадель, — бомбардируют в течение шести дней «немецкими» взрывчатыми снарядами, зажигают город и убивают массу беззащитных жителей! Еще бы! Земля под этими провинциями некогда принадлежала давным-давно почившей Германской империи. Не пришлось ли бы на этом основании конфисковать, как не потерявшую давности немецкую собственность, весь земной шар с его населением? Ведь если восстанавливать старую карту Европы, согласно капризам любителей старины, то не следует ни в коем случае забывать, что в свое время курфюрст Бранденбургский состоял в качестве прусского владетельного князя вассалом польской республики.

Но изворотливые патриоты требуют Эльзаса и немецкой ча-

сти Лотарингии как «материальной гарантии» против французских нападений. Так как эта гнусная уловка посеяла смуту в головах многих слабоумных людей, мы считаем своей обязанностью подробнее остановиться на ней.

Нет сомнения, что общее расположение Эльзаса и противоположного рейнского берега вместе с наличием, как раз почти на половине дороги между Базелем и Гермерсгеймом, такой большой крепости, как Страсбург, очень облегчает Франции вторжение в южную Германию, между тем как со стороны южной Германии, напротив, известным образом благодаря этому затрудняется вторжение во Францию. Нет, далее, сомнения в том, что присоединение Эльзаса и немецкой части Лотарингии сильно укрепило бы границы южной Германии: она могла бы тогда распоряжаться хребтом Вогезских гор на всем его протяжении и завладеть крепостями, прикрывающими их северные проходы. Если бы был присоединен также и Мец, то Франция сейчас несомненно была бы лишена двух важнейших операционных баз против Германии, но это не помешало бы ей создать новые при Нанси или Вердене. Германия имеет Кобленц, Майнц, Гермерсгейм, Раштадт и Ульм — все операционные базы, направленные специально против Франции. Германия прекрасно воспользовалась ими в последней войне. С какой же тенью права она может завидовать Франции, имеющей в этой области только две значительные крепости — Мец и Страсбург? Кроме того, Страсбург угрожает южной Германии только до тех пор, пока она разъединена с северной Германией. С 1792 до 1795 г. южная Германия ни разу не подвергалась нападению с этой стороны, потому что Пруссия принимала участие в войне против французской революции; но как только Пруссия в 1795 г. заключила свой сепаратный мир и предоставила юг самому себе, начались нападения на южную Германию и продолжались до 1809 г., причем Страсбург служил операционной базой. В сущности *объединенная* Германия может всегда обезвредить Страсбург и всякую французскую армию в Эльзасе, если она сконцентрирует все свои войска между Саарлуи и Ландау, как это было в настоящей войне, и двинет их вперед или примет бой по пути из Майнца в Мец. До тех пор, пока главная масса немецких войск находится там, всякой французской армии, вступающей из Страсбурга в южную Германию, грозит опасность быть обойденной и отрезанной от базы. Если последняя кампания что-нибудь доказала, то именно легкость вторжения во Францию из Германии.

Но, рассуждая честно, разве не является вообще нелепостью и анахронизмом возводить военные соображения в принцип, согласно которому должны определяться национальные границы? Если следовать этому правилу, то Австрия все еще могла бы предъявлять претензию на Венецию, на линию реки Минчио, а Фран-

ция — на линию Рейна для защиты Парижа, который безусловно больше подвержен опасности нападения с северо-востока, чем Берлин с юго-запада. Если бы национальные границы определялись военными интересами, то претензиям не было бы конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новых примыкающих к ней областей; а сверх того эти границы никогда не могли бы быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктовал бы условия побежденному, и тут, следовательно, был бы уже зародыш новых войн.

С целыми нациями бывает то же самое, что и с отдельными людьми, — этому нас учит вся история. Чтобы отнять у них возможность нападения, нужно лишить их всех средств обороны. Нужно не только схватить их за горло, но и умертвить их. Если когда-нибудь победитель добивался «материальных гарантий», чтобы сломить силу нации, то это сделал Наполеон I своим Тильзитским договором¹ и тем, как он применял его по отношению к Пруссии и к остальной Германии. И все-таки несколько лет спустя все его гигантское могущество рассеялось перед немецким народом, как дым. Но могут ли сравниться «материальные гарантии», которых Пруссия в самых диких мечтах своих надеется добиться от Франции, с теми, которые заполучил Наполеон I от самой Германии? Результаты и на этот раз будут не менее губительны. История воздаст не по числу оторванных от Франции квадратных миль земли, а по величине преступления, состоящего в том, что во второй половине XIX столетия вновь вызвали к жизни *политику завоеваний*.

Защитники тевтонского патриотизма говорят: но вы не должны смешивать немцев с французами. Мы хотим не славы, а только безопасности. Немцы — по существу миролюбивый народ. В своей рассудительной защите они даже превращают завоевания из причины будущей войны в залог вечного мира. Конечно, не Германия в 1792 г. вторглась во Францию с возвышенной целью раздавить революцию XVIII столетия при помощи штыков! Как будто не Германия замарала свои руки при порабощении Италии, при подавлении Венгрии и при разделе Польши! Ее нынешняя милитаристская система, благодаря которой все здоровое мужское население делится на две части — постоянную армию на службе и вторую постоянную армию в запасе, причем обе обречены на беспрекословное подчинение своему, божьей милостью, начальству, — эта система является, конечно, «материальной гарантией» мира и, кроме того, высшей целью цивилизации!

¹ *Тильзитский мир* был заключен в 1807 г. между Францией и Россией после военного разгрома Пруссии. По договору Пруссия потеряла почти половину своей территории, обязалась выплатить контрибуцию, сократить армию и закрыть все порты для английских судов. *Ред.*

В Германии, как и везде, прихвостни власть имущих отравляют общественное мнение фимиамом лживого самохвальства.

Их, этих немецких патриотов, очень раздражают французские крепости Мец и Страсбург, но они не видят ничего несправедливого в колоссальной системе русских укреплений Варшавы, Модлина и Ивангорода. Содрогаясь перед ужасами бонапартистских нападений, они закрывают глаза на весь позор царской опеки.

Точно так же как в 1865 г. Луи Бонапарт обменялся обещаниями с Бисмарком, — так в 1870 г. Горчаков обменялся обещаниями с Бисмарком¹. Точно так же как Луи-Наполеон льстил себя надеждой, что война 1866 г., истощив все силы обеих сторон — Австрии и Пруссии, сделает его вершителем судеб Германии, — так Александр льстил себя надеждой, что война 1870 г., истощив все силы Германии и Франции, даст ему возможность стать вершителем судеб всей Западной Европы. Точно так же, как Вторая империя считала невозможным свое существование рядом с существованием северо-германского союза, — так самодержавная Россия должна чувствовать для себя опасность со стороны Германской империи с Пруссией во главе. Таков закон старой политической системы. В пределах этой системы выигрыш одного государства является проигрышем для другого. Преобладающее влияние царя на Европу коренится в его традиционном верховенстве над Германией. В тот момент, когда вулканические социальные силы грозят в самой России потрясти самые глубокие основы самодержавия, может ли царь допустить такую потерю своего внешнего престижа? Московские газеты заговорили уже тем языком, которым гваривали бонапартистские газеты после войны 1866 г. Неужели тевтонские патриоты действительно думают, что свобода и мир для Германии будут обеспечены, если они принудят Францию броситься в объятия России? Если военное счастье, опьянение своими успехами и династические интриги толкнут Германию на путь грабительского присвоения французских областей, для нее останутся только два пути: либо она должна во что бы то ни стало сделаться *явным* орудием русской завоевательной политики, либо она должна после короткой передышки начать готовиться к другой «оборонительной» войне, но не к одной из тех вновь изобретенных «локализованных» войн, а к *войне расовой*, к войне против объединенных славянской и романской рас.

Немецкий рабочий класс, не имея возможности помешать этой войне, энергично поддерживал ее как войну за независи-

¹ Луи Бонапарт обещал Бисмарку в 1865 г. нейтралитет Франции в случае австро-прусской войны. В 1870 г. русский министр иностранных дел Горчаков обещал Бисмарку нейтралитет России в франко-прусской войне. *Ред.*

мость Германии, за освобождение Франции и всей Европы от гнетущего ига Второй империи. Немецкие промышленные рабочие вместе с сельскими рабочими составляли ядро героических войск, тогда как дома оставались их полуголодные семьи. Кроме бедствий на поле брани за границей их ожидают не менее великие бедствия дома от нищеты. И они теперь, в свою очередь, требуют «гарантий» в том, что их неисчислимые жертвы были не напрасны, что они действительно добились свободы, что их победы над армиями Бонапарта не будут превращены, как в 1815 г., в поражение немецкого народа. И в качестве первой такой гарантии они требуют *почетного для Франции мира и признания французской республики.*

Центральный комитет Германской социал-демократической рабочей партии опубликовал 5 сентября манифест, в котором он энергично настаивал на этих гарантиях. «Мы, — говорил он, — протестуем против присоединения Эльзас-Лотарингии. И мы сознаем, что говорим от имени немецкого рабочего класса. В общих интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в интересах борьбы западноевропейской цивилизации против восточного варварства немецкие рабочие никак не потерпят присоединения Эльзас-Лотарингии... Вместе с нашими товарищами, рабочими других стран, мы будем твердо и верно стоять за общее международное дело пролетариата!»

К несчастью, мы не можем рассчитывать на их непосредственный успех. Если французские рабочие не могли остановить агрессора в мирное время, то больше ли шансов у немецких рабочих удержать победителя во время военной горячки? Манифест немецких рабочих требует выдачи Луи Бонапарта как обыкновенного преступника в руки французской республики. А их эксплуататоры всеми силами стараются опять усадить его на тюильрийский престол как самого подходящего человека для того, чтобы привести Францию к гибели. Как бы там ни было, история покажет, что немецкие рабочие созданы не из такого дряблого материала, как немецкий средний класс. Они исполняют свой долг.

Вместе с ними мы приветствуем учреждение республики во Франции, но в то же время нас тревожат опасения, которые, будем надеяться, окажутся неосновательными. Эта республика не ниспровергла трон, она только заняла оставленное им пустое место. Она провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего частью из заведомых орлеанистов, частью из буржуазных республиканцев, а на некоторых из этих последних июньское восстание 1848 г. оставило несмываемое пятно. Разделение труда между членами этого правительства обещает очень мало хорошего. Орлеанисты заняли сильнейшие позиции — армию и полицию, между тем как мнимым

республиканцам предоставили функцию болтовни. Некоторые из первых шагов этого правительства довольно ясно показывают, что оно унаследовало от империи не только груды развалин, но также и ее страх перед рабочим классом. Если теперь от имени республики они широковещательно обещают невозможные вещи, то не делается ли это для того, чтобы поднять шум в пользу «возможного» правительства? Не должна ли республика, по замыслу некоторых ее буржуазных заправил, послужить лишь переходной ступенью и мостом к орлеанистской реставрации? ¹

Таким образом, французский рабочий класс находится в самом затруднительном положении. Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием ². Французские рабочие должны исполнить свой гражданский долг, но они не должны позволить увлечь себя национальными *традициями* 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными *традициями* Первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республи-

¹ В третьем немецком издании «Гражданской войны во Франции», вышедшем в 1891 г. с введением Энгельса, данные строки переданы следующим образом: Не является ли республика в глазах буржуа, которые охотно стали бы ее могильщиками, лишь переходной ступенью к орлеанистской реставрации? *Ред.*

² В 1907 г. Ленин писал в своем предисловии к русскому переводу писем Маркса к Кугельману: «Маркс в *сентябре 1870* года, за *полгода* до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала...

И как он повел себя, когда это *безнадежное*, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие?»

Нет...

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это — *попытка*, говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским «геройским» рабочим. «Какая гибкость, — пишет он, — какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!»... «История не знает еще примера подобного героизма»...

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед *исторической инициативой* масс, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие!». Разве это не небо и земля?» (См. Ленин, т. X, стр. 364—365.) *Ред.*

канская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего собственного класса. Это даст им новые геркулесовы силы для борьбы за возрождение Франции и за наше общее дело — освобождение пролетариата. От их силы и мудрости зависит судьба республики.

Английские рабочие уже сделали некоторые шаги в том направлении, чтобы посредством оздоравливающего давления извне сломить неохоту их правительства признать французскую республику¹. Теперешней медлительностью английское правительство хочет, должно быть, загладить антиякобинскую войну 1792 г. и ту непристойную поспешность, с которой оно признало государственный переворот Наполеона. Английские рабочие, кроме того, требуют от своего правительства, чтобы оно всеми силами противилось раздроблению Франции, которого бесстыдно требует часть английской печати. Это та самая печать, которая в течение целых двадцати лет боготворила Луи Бонапарта как провидение Европы и которая восторженно аплодировала мятежу американских рабовладельцев². Теперь, как и тогда, она ратует за интересы рабовладельцев.

Пусть же секции *Международного Товарищества Рабочих* призовут рабочий класс во всех странах к деятельному выступлению. Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, землевладения и капитала.

Vive la République! [Да здравствует республика!]

Лондон, 9 сентября 1870 г.

Написано И. Марксом на английском языке. Утверждено на заседании Генерального Совета I Интернационала 9 сентября 1870 г. Впервые напечатано в виде листовок на английском и французском языках; на немецком языке — в журнале «Der Vorwärt», Женева, в октябре — ноябре 1870 г. В 1891 г. было опубликовано в третьем немецком издании с предисловием Энгельса. На языке подлинника напечатано отдельной брошюрой вместе с первым воззванием, Лондон, 1870 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2. Перевод дается с английского текста.

¹ Маркс имеет в виду большую митинговую кампанию за признание французской республики, развернутую в Англии среди рабочих по инициативе Маркса и Генерального Совета I Интернационала. *Ред.*

² Во время гражданской войны в Америке (1861—1865 гг.) между промышленным Севером и плантаторским рабовладельческим Югом английская буржуазная пресса встала на защиту Юга, т. е. рабовладельческого строя. *Ред.*

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ ВО ФРАНЦИИ 1871 г.

Ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах

I

4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику, которую тотчас же почти единодушно приветствовала вся Франция кликом восторга, шайка честолюбивых адвокатов, — государственным деятелем ее был Тьер, а генералом — Трошю, — завладела городской ратушей. Эти люди были настолько полны тогда фанатической веры в призвание Парижа быть представителем всей Франции во все времена исторических кризисов, что для оправдания насильно захваченного ими титула правителей Франции они считали совершенно достаточным предъявить свои истекшие уже полномочия на звание парижских депутатов. Во втором нашем воззвании по поводу последней войны, спустя пять дней после того, как движение подняло наверх этих людей, мы объяснили вам, кто они такие. Но Париж, захваченный врасплох, когда действительные вожди рабочих еще сидели в тюрьмах Бонапарта, а пруссаки быстро шли на него, позволил этим людям присвоить себе власть, но с непременным условием, чтобы они пользовались этой властью исключительно для целей национальной обороны. Защищать Париж можно было, только вооружив его рабочих, образовав из них действительную военную силу, научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены.

Прежде всего оно отправило Тьера в странствование по европейским дворам выпрашивать у них, как милостыню, посредничество, обязываясь за то променять республику на короля. Четыре месяца спустя после начала осады Парижа оно сочло своевременным завести речь о капитуляции; Трошю в присутствии Жюля Фавра и других своих коллег обратился к собравшимся парижским мэрам со следующими словами:

«Первый вопрос, который задали мне мои коллеги вечером же 4 сентября, был вопрос о том, имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии. Я, не колеблясь, ответил на этот вопрос отрицательно. Ссылаюсь на некоторых из присутствующих здесь моих коллег; они могут вам подтвердить, что я говорю правду; я постоянно оставался при мнении, высказанном тогда мною. Я сказал им точно то же, что говорю теперь вам: при настоящем положении дел попытка отстоять Париж от прусской армии—чистое безумие,—конечно, геройское безумие,—прибавил я,—но все-таки не больше, как безумие... События (он сам ими управлял) оправдали мои предсказания».

Эту прелестную маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, Корбон, впоследствии напечатал.

Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что «план» его состоит в капитуляции Парижа. Если бы национальная оборона не была только предлогом для личного господства Тьера, Фавра и К°, то выскочки 4 сентября сложили бы уже 5-го свою власть, сообщили бы парижскому населению «план» Трошю и предложили бы ему или немедленно сдаться, или взять свою судьбу в собственные руки. Но эти бесчестные обманщики решили излечить Париж от геройского безумия голодом и убийством, а пока что водили его за нос своими напыщенными манифестами. Трошю, «губернатор Парижа, никогда не капитулирует», — писалось в одном из этих манифестов. «Министр иностранных дел Жюль Фавр никогда не уступит ни одной пяди земли, ни одного камня наших крепостей». А Гамбетте этот же самый Жюль Фавр признавался в письме, что они «обороняются» не от прусских солдат, а от парижских рабочих. Бонапартистские разбойники, которым предусмотрительный Трошю поручил командование парижской армией, нагло глумились в своей частной переписке во все продолжение осады над этой якобы обороной, тайну которой они знали. (За доказательствами недалеко ходить: достаточно просмотреть опубликованную Коммуной в «Journal Officiel» переписку главного командира артиллерии парижской армии, кавалера ордена большого креста почетного легиона, Альфонса Симона Гио, с Сюзанном, артиллерийским дивизионным генералом.) Наконец, 28 января 1871 г. мошенники сбросили маску. Правительство национальной обороны в деле капитуляции Парижа выступило с настоящим героизмом глубочайшего самоунижения, оно выступило как правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка, — роль до того подлая, что ее не решился взять на себя даже сам Луи Бонапарт в Седане. Спасаясь паническим бегством в Версаль после событий 18 марта, *капитулянты* оставили в руках Парижа документы, свидетельствовавшие об их измене, для уничтожения которых, как писала Коммуна в манифесте к провинциям, «эти люди

не остановились бы перед превращением Парижа в груды развалин, затопленную морем крови».

К такой развязке толкали многих влиятельнейших членов правительства национальной обороны и совершенно особые, личные соображения.

Вскоре после заключения перемирия парижский депутат Национального собрания Мильер, теперь по специальному приказу Жюль Фавра уже расстрелянный, опубликовал целый ряд длинных юридических документов, доказывавших, что Жюль Фавр, живя с женою одного спившегося алжирского проходимца, захватил при помощи самых наглых подлогов, совершенных им в продолжение нескольких лет кряду, от имени своих незаконно-рожденных детей, огромное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что в процессе, который вели с ним законные наследники, он только потому не был уличен в подлогах, что пользовался особым покровительством бонапартистских судов. Так как против этих сухих юридических актов было бессильно какое угодно красноречие, то Жюль Фавр нашел нужным в первый раз в своей жизни не раскрывать рта, а ожидать, пока возгорится гражданская война, чтобы бешено выругать парижских жителей беглыми каторжниками, дерзко восставшими против семьи, религии, порядка и собственности. В то же время этот поддельватель документов тотчас после 4 сентября, едва захватив власть, освободил, из чувства братства, Пика и Тайефера, которые были осуждены за подлог даже при империи в связи со скандальной историей с газетой «*Etendard*». Один из этих досточтимых господ, Тайефер, был настолько дерзок, что вернулся во время Коммуны в Париж, но Коммуна тотчас же заключила его в тюрьму. И после этого Жюль Фавр кричал всему миру с трибуны Национального собрания, что парижане освободили всех каторжников!

Эрнест Пикар, этот Джо Миллер¹ правительства национальной обороны, который после неудачных попыток пожать в министры внутренних дел империи произвел сам себя в министры финансов республики, это брат некоего Артура Пикара, субъекта, выгнанного с парижской биржи за мошенничество (см. донесение парижской префектуры от 13 июля 1867 г.) и осужденного, на основании собственного признания, за кражу 300 000 фр., совершенную им в бытность его директором филиального отделения торгового «Генерального общества», улица Палестро, № 5 (см. донесение парижской префектуры от 11 декабря 1868 г.). И вот

¹ В немецком издании — Карл Фогт, во французском — Фальстаф.

Джо Миллер — известный английский актер XVIII века. *Карл Фогт* — немецкий буржуазный демократ, ставший агентом Наполеона III. *Фальстаф* — в драматических произведениях Шекспира тип хвастуна и проходимца. *Ред.*

этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил редактором своей газеты «L'Electeur Libre». Официальная ложь этой министерской газеты вводила в заблуждение обыкновенных биржевых спекулянтов, а Артур Пикар беспрестанно бегал с биржи в министерство, из министерства на биржу и наживал себе барыши при всяком поражении французских армий. Вся деловая переписка этой парочки почтенных братьев досталась Коммуне.

Жюль Ферри, бывший до 4 сентября нищим адвокатом, ухитрился сколотить себе во время осады, как мэр Парижа, состояние за счет голода столицы. Тот день, когда он должен будет дать отчет о своем хозяйничании, будет днем его осуждения.

Такие люди могли получить tickets-of-leave¹ только на развалинах Парижа; они как раз годились для целей Бисмарка. Карты были немного перетасованы, и Тьер, до сих пор втайне руководивший правительством, вдруг стал во главе его, а ticket-of-leave men сделались министрами.

Тьер, этот карлик-чудовище, в течение более чем полувека очаровывал французскую буржуазию, потому что он представлял собою самое совершенное идейное выражение ее классово-испорченности. Прежде чем он стал государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Связанный до 1830 г. с республиканцами, он проскочил при Луи-Филиппе в министры в награду за то, что предал своего покровителя Лафита. К королю он подольстился подстрекательством черни против духовенства, — подстрекательством, которое привело к разграблению церкви Сен-Жермен-Локсерруа и дворца архиепископа, — и тем, что по отношению к герцогине Беррийской он выполнял роль министра-шпиона и тюремщика-акушера. Резня республиканцев на улице Транснэн, последовавшие затем гнусные сентябрьские законы против печати и права собраний и союзов были его делом. В марте 1840 г. он выступил на сцену уже министром-президентом и удивил всю Францию своим проектом укрепления Парижа. На обвинения республиканцев, которые считали этот проект злостным заговором против свободы Парижа, он в палате депутатов отвечал:

«Как? Вы воображаете, что укрепления когда-нибудь могут стать опасными для свободы! Прежде всего вы клевете, допуская, что какое-нибудь правительство решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках...

¹ В Англии преступникам, после того как они уже отбыли большую часть наказания, дают иногда отпускные билеты, с которыми они могут жить на свободе, но под надзором полиции. Такие билеты называются tickets-of-leave (отпускной билет), а владельцы их — ticket-of-leave men. (*Примечание к немецкому изданию 1872 г.*)

Такое правительство стало бы после победы во сто раз невозможнее, чем до нее». Да, никакое правительство не решилось бы бомбардировать Париж с фортов, кроме правительства, сдавшего раньше эти форты пруссакам.

Когда в январе 1848 г. Король-бомба¹ испробовал силу своего кулака на Палермо, Тьер, с давних пор не являвшийся тогда министром, снова произнес в палате депутатов такую речь:

«Милостивые государи! Вы знаете, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь от ужаса (в парламентском смысле) при вести, что большой город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке. И кем? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, милостивые государи, своим же правительством. И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. За требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке... Я апеллирую к общественному мнению Европы. Я думаю, что заклеить с величайшей из трибун Европы словами (да, действительно словами) негодования такие действия — это будет заслугой перед человечеством. Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей родине (чего Тьер никогда не делал), вознамерился бомбардировать Барселону для подавления вспыхнувшего там восстания, со всех концов мира поднялся общий крик негодования».

Через полтора года Тьер был уже в числе самых рьяных защитников бомбардировки Рима французской армией². На самом деле ошибка Короля-бомбы, повидимому, состояла только в том, что он ограничился лишь 48 часами бомбардировки.

За несколько дней до февральской революции Тьер, раздраженный тем, что Гизо надолго отстранил его от власти и наживы, и почуяв в воздухе приближение народной бури, заявил в палате депутатов своим напыщенным слогом, за который его прозвали «Mirabeau-mouche» [«Мирабо-муха»]: «Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы революционное правительство оставалось в руках умеренных людей... но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я бы из-за этого не отказался от своего дела. Я всегда буду принадлежать к партии революции». Разразилась февральская революция. Вместо того чтобы

¹ Прозвище неаполитанского короля Фердинанда II, по приказанию которого восставший город Палермо был подвергнут бомбардировке в течение двух суток. *Ред.*

² Французские войска были посланы в апреле 1849 г. в Италию для подавления итальянской революции. Они бомбардировали революционный Рим, что было вопиющим нарушением французской конституции, гласившей, что республика «никогда не употребляет своей силы для подавления свободы какого бы то ни было народа». *Ред.*

поставить на место министерства Гизо министерство Тьера, о чем мечтал этот ничтожный человек, революция заменила Луи-Филиппа республикой. В первый день народной победы он весьма старательно прятался, забывая, что от ненависти рабочих спасло бы его их презрение к нему. Как легендарный храбрец он избегал общественной арены, пока июньская резня¹ не очистила места для людей такого сорта, как он. Он стал тогда идейным вождем «партии порядка»² и ее парламентарной республики — этого анонимного междуцарствия, во время которого все враждующие между собой фракции господствующего класса входили друг с другом в тайные сношения с целью подавления народа и интриговали друг против друга, чтобы каждой восстановить свою собственную монархию. Тьер тогда, как и теперь, обвинял республиканцев в том, что они — единственная помеха к установлению республики на прочных основаниях; тогда, как и теперь, он говорил республике, как палач Дон-Карлосу: «Я убью тебя для твоего же блага». И теперь, как и тогда, ему на другой день после своей победы придется воскликнуть: *L'Empire est fait* — Империя готова. Тьер забыл свои лицемерные речи о необходимых свободах, свою личную неприязнь к Луи Бонапарту, который оставил его в дураках и выкинул за борт парламентаризм (вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человек превращается в ничто, и он это хорошо знает); забыв все это, Тьер принимал участие во всех позорных делах Второй империи — от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он подстрекал к этой войне, разжигая страсти своими неистовыми нападками на единство Германии, в котором он видел не маску для прусского деспотизма, а нарушение наследственного права Франции на разъединенность Германии. Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I. В своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона. На деле же его внешняя политика всегда, начиная от Лондонской конвенции 1841 г. до капитуляции Парижа 1871 г., приводила к крайнему унижению Франции и, наконец, довела до гражданской войны, во время которой он, с высочайшего соизволения Бисмарка, натравил на Париж пленных Седана и Меца. Несмотря на свои гибкие способности и изменчивость своих стремлений, он всю свою жизнь был самым закор-

¹ Имеется в виду подавление июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г. *Ред.*

² «Партия порядка» объединяла монархическую крупную буржуазию и помещиков. «Партия порядка» образовалась сейчас же после июньских дней, но только после 10 декабря (1848 г.), когда она развязалась с буржуазными республиканцами, с кликой «Националя», открылась тайна ее существования: объединение орлеанистов и легитимистов в одну партию» (*Маркс*). *Ред.*

нелым рутинером. Нечего и говорить, что более глубокие движения, происходящие в современном обществе, всегда оставались для него непостижимой тайной; его мозг, все силы которого ушли в язык, не мог освоиться даже с самыми простыми изменениями, совершающимися на поверхности общества. Он, например, считал святотатством всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи-Филиппа, он издевался над железными дорогами, как над фантазией больного ума; будучи в оппозиции при Луи Бонапарте, он клеймил, как кощунство, всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему. Ни разу в продолжение всей своей долговременной политической деятельности он не провел ни одной сколько-нибудь практически полезной, пусть даже самой мелкой, меры. Тьер был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство. Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в управление министерством при Луи-Филиппе, а оставил он это министерство миллионером. Во время последнего его управления министерством при упомянутом короле (с 1 марта 1840 г.) он был публично обвинен в палате депутатов в растрате казенных сумм. В ответ на это обвинение он ограничился тем, что заплакал, — ответ дешевый, которым легко отделялись и Жюль Фавр и всякий иной крокодил. В Бордо, в 1871 г., его первой мерой к спасению Франции от грозившего ей банкротства было назначение себе трехмиллионного годового оклада; это было первым и последним словом той «бережливой республики», идеал которой он выставил в манифесте к своим парижским избирателям в 1869 г. Один из его бывших коллег по палате 1830 г., сам капиталист и тем не менее преданный член Парижской коммуны, — Белэ, недавно в одной из своих публичных прокламаций обратился к Тьеру со следующими словами: «Порабощение труда капиталом было всегда краеугольным камнем вашей политики. С тех пор как в Парижской городской ратуше утвердилась республика труда, вы без устали кричите Франции: вот они, преступники!» Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку в банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; не останавливающийся перед тем, чтобы раздуть революцию, как только слетит с занимаемого места, и затопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как гнусный в жизни общественной, даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, Тьер не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своим смешным чванством.

Капитуляция Парижа, отдавшая во власть Пруссии не только Париж, но и всю Францию, закончила собою длинный ряд изменнических интриг с врагом, начатых узурпаторами 4 сентября, по словам самого Трошю, в самый день захвата ими власти. С другой стороны, эта капитуляция была началом гражданской войны, которую они повели при содействии Пруссии против республики и Парижа. Ловушка была уже в самих условиях капитуляции. В тот момент более трети страны было в руках врага; столица была отрезана от провинции, пути сообщения испорчены. При таких обстоятельствах избрание лиц, могущих явиться действительными представителями Франции, возможно было лишь после длительной подготовки. Именно поэтому в тексте капитуляции и был установлен недельный срок для выборов в Национальное собрание, так что в некоторых частях Франции известие о предстоящих выборах было получено лишь накануне самих выборов. Далее, как гласит одна из статей этой капитуляции, Собрание должно было быть избрано единственно с целью решения вопроса о мире и войне, а в случае необходимости — и для заключения мирного договора. Население не могло не почувствовать, что условия перемирия делали далее немыслимым продолжение войны и что для заключения мира, предписанного Бисмарком, наихудшие люди Франции окажутся самыми пригодными. Но, не довольствуясь этими мерами предосторожности и прежде чем тайна перемирия была сообщена Парижу, Тьер предпринял избирательную поездку по всей стране, чтобы оживить труп партии легитимистов; эта партия вместе с орлеанистами должна была заменить бонапартистов, которые в этот момент были совершенно неприемлемы для страны. Легитимистов он не боялся. Как правительство современной Франции они были немыслимы, а потому и не были опасны как соперники; вся деятельность этой партии, по словам самого Тьера (в палате депутатов 5 января 1833 г.), «постоянно держалась на трех столпах: иноземном вторжении, гражданской войне и анархии»; эта партия поэтому являлась как нельзя более удобным орудием контрреволюции. Но легитимисты всерьез уверовали в наступление вновь их тысячелетнего царства. И в самом деле, Франция снова была брошена под ноги иноземным врагам, империя была опять ниспровергнута; Бонапарт опять попал в плен, и они опять воскресли. Очевидно, колесо истории повернуло назад, чтобы докатиться до *chambre introuvable* [бесподобной палаты] 1816 г. В 1848—1851 гг. в Национальном собрании во время республики их вождями выступали образованные и опытные в парламентской борьбе люди; теперь выступили на первый план заурядные личности партии — всякая сволочь Франции.

Как только открылась в Бордо палата¹ «помещичьих депутатов», это собрание «деревенщины», Тьер не допустил их даже к парламентским прениям, а просто заявил им, что они немедленно должны принять предварительные условия мира, так как это неременное условие, на котором Пруссия только и позволит начать войну против республики и ее оплота — Парижа. И в самом деле, контрреволюции некогда было раздумывать. Вторая империя увеличила государственный долг вдвое, все большие города были обременены тяжелыми местными долгами. Война увеличила задолженность до крайних пределов и страшно истощила источники доходов нации. Мало того: прусский Шейлок² стоял на французской почве со своими квитанциями на провиант для 500-тысячного войска, с требованием уплаты контрибуции в 5 миллиардов и 5 процентов неустойки за просроченные взносы. Кто должен был платить за все это? Только посредством насильственного низвержения республики собственники богатства могли свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей этого богатства. Таким образом, невиданное дотоле разорение Франции побудило этих патриотов — представителей земельной собственности и капитала — открыто завершить внешнюю войну, под высоким покровительством чужеземного завоевателя и на глазах у него, гражданской войной, бунтом рабочих-владельцев.

На пути этого заговора стояло одно громадное препятствие — Париж. Обезоружение Парижа было первым условием успеха. Вследствие этого Тьер и обратился к Парижу с требованием сложить оружие. Все было сделано, чтобы вывести Париж из терпения: помещичья палата раздражалась самыми неистовыми антиреспубликанскими воплями; Тьер сам двусмысленно острил над правом республики на существование; Парижу угрожали обезглавить его и лишить звания столицы (*décapiter et décapitaliser*); орлеанистов назначили посланниками; Дюфор издавал свои законы о неоплаченных в срок векселях и квартирных неустойках, законы, грозившие подорвать в корне торговлю и промышленность Парижа; по настоянию Пуйэ-Кертье на каждый экземпляр какого бы то ни было издания вводился двухсантимный налог; Бланки и Флуранс были приговорены к смерти; республиканские газеты закрывались; Национальное собрание переехало в Версаль; осадное положение, объявленное Паликао и

¹ Открывшееся 13 февраля в Бордо Национальное собрание состояло в своем огромном большинстве из явных монархистов (из 750 депутатов — 450 монархистов) — представителей помещиков и реакционных слоев города и деревни. Отсюда название «собрание деревенщины» или «помещичья палата». *Ред.*

² *Шейлок* — тип ростовщика в драме Шекспира «Венецианский купец». *Ред.*

снятое 4 сентября, было возобновлено; Винуа, герой 2 декабря, был назначен губернатором Парижа, бонапартистский жандарм Валантен — префектом полиции и генерал-иезуит Орель-де-Паладин — главнокомандующим парижской Национальной гвардии.

Теперь мы спросим у г. Тьера и членов правительства национальной обороны, его приказчиков, о следующем. Известно, что г. Тьер заключил при посредстве своего министра финансов Пуйэ-Кертье заем в два миллиарда, который подлежал немедленной оплате. Так вот, правда это или нет:

1) что дельце было устроено таким образом, что несколько сот миллионов «комиссионных» очутились в карманах Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Пуйэ-Кертье и Жюля Симона?

2) что уплату обязывались произвести только после «умиротворения» Парижа?

Во всяком случае, что-то заставляло их очень торопиться с этим делом, так как Тьер и Жюль Фавр самым бесстыдным образом настаивали от имени большинства Бордоского собрания на немедленном занятии Парижа прусскими войсками. Но такой шаг не входил в политику Бисмарка, как это он, по возвращении своем в Германию, насмешливо и во всеуслышание рассказывал изумленным франкфуртским филистерам.

II

Вооруженный Париж являлся единственным серьезным препятствием для контрреволюционного заговора. Стало быть, Париж надо было обезоружить. По этому вопросу Бордоская палата высказалась с полнейшей откровенностью. Даже если бы яростный рев депутатов «помещичьей палаты» и не был так ясен, то отдача Парижа Тьером под начало триумvirата из декабрьского убийцы Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и генерала-иезуита Ореля-де-Паладина не оставляла места ни малейшему сомнению. Не скрывая истинного смысла обезоружения Парижа, заговорщики нагло требовали этого от самого Парижа под таким предлогом, который являлся самой вопиющей и наглой ложью. Артиллерия парижской Национальной гвардии, заявлял Тьер, есть собственность государства, посему подлежит возврату ему. На самом же деле факты были таковы: Париж был под ружьем с самого дня сдачи, когда пленники Бисмарка предали ему Францию, выговорив для себя значительную военную силу с очевидной целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и передала верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением кое-каких остатков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков

в Париж Центральный комитет сделал распоряжение о перевозке на Монмартр, в Ля Вилет и в Бельвиль пушек и митральез, измененчески оставленных капитулянтами именно в тех кварталах, в которые должны были вступить пруссаки, или в кварталах, лежащих от них поблизости. Эта артиллерия была создана на суммы, собранные самой Национальной гвардией. В тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью Национальной гвардии и как таковая не была включена в общую массу государственного оружия, подлежавшего выдаче победителю. Тьер не имел ни малейшего повода начать войну с Парижем, и потому он должен был прибегнуть к наглой лжи, будто артиллерия Национальной гвардии являлась государственной собственностью!

Захват артиллерии должен был бы служить, очевидно, только сигналом ко всеобщему разоружению Парижа, а следовательно, к обезоружению революции 4 сентября. Но эта революция была законной государственной формой Франции. Республика, результат этой революции, была признана победителем в тексте капитуляции. После этой капитуляции ее признали все иностранные державы; от имени республики было созвано Национальное собрание. Единственным законным основанием Бордоского национального собрания и его исполнительной власти являлась революция парижских рабочих 4 сентября. Если бы не революция 4 сентября, это Национальное собрание немедленно должно было бы уступить свое место Законодательному корпусу, который был избран в 1869 г. всеобщей подачей голосов при французском, а не при прусском правлении, и позднее был насильно разогнан революцией. Тьер и его *ticket-of-leave men* должны были бы капитулировать, чтобы этим добиться охранных грамот за подписью Луи Бонапарта, избавлявших их от необходимости путешествовать в Кайенну¹. Национальное собрание с его полномочием заключить мир с Пруссией было тогда одним из эпизодов этой революции, действительным воплощением ее был все-таки вооруженный Париж, тот Париж, который произвел революцию, Париж, выдержавший пятимесячную осаду со всеми ужасами голода, Париж, который, невзирая на план Трошю, своим продолжительным сопротивлением дал провинциям возможность вести упорную оборонительную войну. И ныне этот же Париж по оскорбительному приказу мятежных бордоских рабовладельцев должен был или разоружиться и признать, что революция 4 сентября была не более чем простой передачей власти из рук Луи Бонапарта в руки его соперников-роялистов, или же Парижу предстояло самоотверженно бороться за дело Франции, которую

¹ *Кайенна* — главный город французской Гвианы, в Южной Америке, место ссылки. *Ред.*

спасти от полного падения и возродить к новой жизни можно было только революцией, разрушением того политического и социального строя, который привел ко Второй империи и сам под ее покровительством дошел до полного разложения. Париж, измученный пятимесячным голодом, не задумывался ни на минуту. Он был полон геройской отваги, он приготовился перенести все тяжести борьбы с французскими заговорщиками контрреволюции, несмотря на то, что прусские пушки угрожали ему с высоты его же фортов. Но из отвращения к гражданской войне, которую старались навязать Парижу, Центральный комитет продолжал придерживаться чисто оборонительного положения, не обращая внимания ни на провокационные выходы Национального собрания, ни на непрошенное вмешательство исполнительной власти в его дела, ни на угрожающую концентрацию войск в Париже и вокруг него.

И вот Тьер сам начал гражданскую войну: он отправил Винуа во главе отряда полицейских и нескольких линейных полков в разбойничий поход ночью на Монмартр, чтобы, напав врасплох, захватить артиллерию Национальной гвардии. Всем известно, что эта попытка не удалась из-за энергичного отпора Национальной гвардии и братания между войсками и народом. Орель-де-Паладин напечатал уже было заранее извещение о победе, а у Тьера были наготове объявления, возвещавшие о принятых им мерах к совершению государственного переворота. Эти объявления пришлось заменить манифестом, сообщавшим о благородной решимости Тьера даровать Национальной гвардии ее же оружие в надежде, что оно будет употреблено на защиту правительства от бунтовщиков. Из 300 тысяч национальных гвардейцев только 300 человек отозвались на призыв маленького Тьера присоединиться к нему для защиты его от самих себя. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Ее временным правительством был Центральный комитет. Европа, казалось, на минуту усомнилась в действительности совершившихся перед ее глазами поразительных государственных и военных событий: не сон ли это из области давно минувшего.

С 18 марта до вторжения версальских войск в Париж революция пролетариата не была запятнана теми насилиями, которыми отличаются революции и особенно контрреволюции «высших классов». Враги ее не смогли найти никакого предлога для своего возмущения, кроме казни генералов Леконта и Клемана Тома и стычки на Вандомской площади.

Один из бонапартовских офицеров, участвовавших в ночной экспедиции против Монмартра, генерал Леконт четыре раза отдавал 81-му линейному полку приказание стрелять по безоружной толпе на площади Пигаль; когда же солдаты отказались исполнить его приказание, он обругал их площадной бранью.

Вместо того чтобы направить оружие против незащищенных женщин и детей, они расстреляли его же самого. Укоренившиеся привычки, приобретенные солдатами в школе врагов рабочего класса, не могли, разумеется, бесследно исчезнуть в них в ту же минуту, как только они перешли на сторону рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный своей карьерой, бывший вахмистр, завербованный в последние годы царствования Луи-Филиппа в редакцию республиканской газеты «Le National», исполнял двойные обязанности: в качестве ответственного болвана (*gérant responsable*)¹ и в качестве бреттера-дуэлиста при этом зазорном органе. После февральской революции, когда люди из «National» пришли к власти, старый вахмистр был превращен ими в генерала. Это было накануне июньской бойни, злостным подготовителем которой он был, подобно Жюлю Фавру, и в которой играл самую гнусную роль палача. После этого он со своим генеральством надолго исчез из виду и не появлялся на поверхности уже до 1 ноября 1870 г. Накануне этого дня правительство обороны, захваченное в ратуше, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать захваченную им власть в руки свободно избранной Парижской коммуны. Вместо исполнения обещания оно натравило на Париж бретонцев генерала Трошю, занявших теперь место корсиканцев Бонапарта. Только генерал Тамизье не захотел запятнать себя этим вероломством и отказался от звания главнокомандующего Национальной гвардии. Заменивший его Клеман Тома снова оказался генералом. В продолжение всего своего командования он воевал не против пруссаков, а против парижской Национальной гвардии. Он всеми силами противился ее всеобщему вооружению, наускивал буржуазные батальоны на рабочих, устранял офицеров, не сочувствовавших «плану» Трошю, упразднял пролетарские батальоны, позоря их обвинением в трусости, и это те самые пролетарские батальоны, доблести которых удивляются теперь самые ярые их враги. Клеман Тома страшно кичился тем, что ему снова удалось доказать на деле свою личную ненависть к парижскому пролетариату, которая так ярко проявилась в июньской бойне 1848 г. За несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефлю свой проект раз навсегда «покончить с цветом парижской сволочи». После поражения Винуа он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве шпиона из любви к искусству. Центральный комитет и парижские рабочие были так же виноваты в смерти Клемана Тома и Леконта, как принцесса Уэльская в гибели людей, раздавленных в толпе при въезде ее в Лондон.

¹ Лицо в редакции газеты, обязанностью которого является отсиживание в тюрьме. *Ред.*

Избиение безоружных граждан на Вандомской площади есть сказка. Недаром упорно молчали о ней Тьер и депутаты помещичьего собрания; распространять эту сказку они поручили лакеям европейской журналистики. «Люди порядка», парижские реакционеры, содрогнулись при известии о победе 18 марта. Для них она означала близость народной расправы. Призраки жертв, замученных ими начиная с июньских дней 1848 г. до 22 января 1871 г., восстали перед ними. Но они отделались одним испугом. Полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа для бегства их в Версаль. «Людей порядка» не только оставили в покое, но им дана была возможность объединиться и захватить многие сильные позиции в самом сердце Парижа. Эта снисходительность Центрального комитета, это великодушие вооруженных рабочих, столь не свойственное нравам «партии порядка», были приняты ею за сознание рабочими своего бессилия. Вот почему у «партии порядка» явился бессмысленный план — попробовать под видом якобы невооруженной демонстрации добиться того, чего не достиг Вигуа с его пушками и митральезами. 22 марта из богатейших кварталов появилась шумная толпа «фешенебельных господ»: она состояла из всяких пшютов, а во главе ее были известнейшие выкормыши империи, как Геккерен, Козтлогон, Анри де-Пен и им подобные. Трусливо прикрывшись лозунгами мирной демонстрации, но втайне вооружившись оружием наемных убийц, эта сволочь маршировала, обезоруживая и оскорбляя попутно встречавшиеся им посты и патрули Национальной гвардии. Выйдя с улицы Rue de la Paix с криками: «Долой Центральный комитет! Долой убийц! Да здравствует Национальное собрание!», они попытались прорвать линию караульных постов и захватить врасплох Генеральный штаб Национальной гвардии на Вандомской площади. На выстрелы из револьверов им ответили обычным требованием разойтись, и, когда это требование осталось без последствий, генерал Национальной гвардии скомандовал стрелять. Один залп обратил в беспорядочное бегство эту толпу пустых голов, воображавших, будто одно появление «приличного общества» подействует на парижскую революцию, как трубы Иисуса Навина на стены Иерихона. Демонстрантами были убиты два национальных гвардейца и тяжело ранены девять (в числе последних — один из членов Центрального комитета); вся местность, где произошел этот подвиг партии порядка, была усеяна револьверами, кинжалами, палками со стилетами и тому подобными вещественными доказательствами «безоружного» характера их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. Национальная гвардия, протестуя против разбойничьего захвата Рима французскими войсками, устроила действительно мирную демон-

страцию, генерал партии порядка того времени Шангарнье был провозглашен Национальным собранием и особенно Тьером спасителем отечества за то, что он бросил отовсюду свои войска на беззащитную массу, которую те расстреливали, рубили саблями и топтали лошадьми. Париж объявили тогда на осадном положении. Дюфор поспешно провел в Национальном собрании целый ряд новых драконовских законов; произвели массу арестов и ссылок; снова воцарился террор. Низшие классы поступают в таких случаях иначе. Центральный комитет 1871 г. просто не обратил внимания на пустившихся в бегство героев «мирной демонстрации», так что через два дня они могли устроить уже *вооруженную демонстрацию* под предводительством адмирала Сэсса, закончившуюся знаменитым паническим бегством в Версаль. Центральный комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером ночной экспедицией против Монматра, сделал роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещичьей палаты. Вместо этого «партии порядка» дали снова возможность испытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта. В этот день «люди порядка» усердствовали в мѣриях Парижа с речами примирения, давая себе, разумеется, втайне торжественную клятву в свое время кроваво отомстить своим чрезмерно великодушным победителям.

Посмотрим теперь на обратную сторону медали. Тьер предпринял второй поход против Парижа в начале апреля. С первой партией пленных парижан, приведенных в Версаль, поступили с возмутительной жестокостью. Эрнест Пикар, запустив руки в карманы штанов, шнырял между их рядами и всячески насмехался над ними; а жены Тьера и Фавра, окруженные своей женской свитой, рукоплескали с балкона подлым выходкам версальской черни. Пленных солдат линейных полков просто расстреливали. Наш храбрый друг генерал Дюваль, литейщик, был расстрелян без всякого суда и следствия. Галифе, «альфонс» своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи, кичился в своей прокламации тем, что это он приказал убить нескольких застигнутых врасплох и обезоруженных его егерями национальных гвардейцев вместе с их капитаном и лейтенантом. Винуа, бежавший из Парижа, получил от Тьера большой крест ордена почетного легиона за издание приказа, предписывавшего расстреливать каждого линейного солдата, захваченного среди коммунаров. Жандарма Демарэ наградили орденом за то, что он изменнически, как мясник, изрубил в куски рыцарски великодушного Флуранса — того самого Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства национальной обороны. Об «ободряющих подробностях» этого убийства Тьер с явным удовольствием разглагольствовал на

одном из заседаний Национального собрания. С надутым тщеславием парламентского мальчика с-пальчик, которому позволили позировать в роли Тамерлана, он отказался признать за людьми, восставшими против его карлицкого величия, право воюющей стороны и не хотел соблюдать даже нейтралитета относительно их перевязочных пунктов. Не было ничего гнуснее этой обезьяны, которой дали власть удовлетворять ее инстинкты тигра, — обезьяны-тигра, портрет которой нарисовал Вольтер.

После декрета Коммуны от 7 апреля, в котором она приказывала производить репрессии, объявляя, что считает своей обязанностью «защитить Париж от каннибальства версальских разбойников и требовать око за око и зуб за зуб», Тьер ничем не поступил в своем варварском обращении с пленными; он все так же глумился над ними, печата в своих бюллетенях, что «никогда печальный взор честных людей еще не видел более бесчестных лиц, более бесчестной демократии», — взор честных людей, вроде Тьера и его *ticket-of-leave men* в роли министров. Тем не менее расстрел пленных временно прекратился. Но как только Тьер и его генералы — герои декабрьского [1851 г.] переворота — узнали, что декрет Коммуны о репрессиях был простой угрозой, что были пощажены даже шпионы-жандармы, арестованные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, — как только они узнали об этом, они начали снова массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся непрерывно до конца. Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином (здесь он был в первый раз употреблен в этой войне) и поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии полевым лазаретом работников печати в квартале Терн. Четыре национальных гвардейца, сдавшихся при Бель-Эпин 25 апреля отряду конных стрелков, были расстреляны поодиночке капитаном этих стрелков, достойным холопом Галифе. Один из этих гвардейцев, Шеффер, которого приняли за мертвого, кое-как дополз до парижских фортов и засвидетельствовал этот факт перед одной из комиссий Коммуны. Когда Толэн запросил по поводу отчета этой комиссии военного министра Леффло, «помещичьи депутаты» заглушили его слова криком и не дали Леффло отвечать: было бы оскорблением для их «славной» армии говорить о ее подвигах. Небрежный тон бюллетеней Тьера, сообщавших о заколотых штыками сонных коммунарах в Мулэн-Саке, о массовом расстреле в Кламаре, повлиял на нервы даже лондонского «Times», не отличающегося обыкновенно особенной чувствительностью. Но было бы тщетной попыткой пересчитать все жестокости людей, бомбардировавших Париж, зачинщиков рабовладельческого бунта под покровительством чужеземного завоевателя. Среди всех этих ужасов Тьер забывает свои парламентские

фразы о страшной ответственности, возложенной на его плечи карлика; он кичится в своих бюллетенях тем, что l'Assemblée siège paisiblement (собрание заседает благополучно), и доказывает парадными обедами, то со своими генералами, героями декабрьского переворота, то с немецкими принцами, что его пищеварение не испортили даже призраки Леконта и Клемана Тома.

III

Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужен громовыми криками: «Да здравствует Коммуна!» Что же такое эта Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую задачу буржуазным мозгам?

«Парижские пролетарии, — писал в манифесте от 18 марта Центральный комитет, — видя поражения и измену господствующих классов, поняли, что настал час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы и взять в свои руки правительственную власть». Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами, основанными на принципе систематического и иерархического разделения труда: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но поместные и дворянские прерогативы, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII столетия смела все эти остатки давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих режимах правительство было подчинено парламентскому контролю, т. е. непосредственному контролю имущих классов. С одной стороны, оно превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов, оно стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых непреодолимо влекла к нему его административная сила, его доходы и должности, которыми оно располагало; с другой стороны, под влиянием экономических изменений в обществе изменился и его политический

характер. По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто. Революция 1830 г. отняла власть у земельных собственников и отдала ее капиталистам, т. е. из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непосредственным его врагам. Буржуазные республиканцы именем февральской революции захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить июньскую бойню; они этой бойней доказали рабочему классу, что «социальная» республика есть не что иное, как социальное порабощение его республикой, а монархически настроенной массе буржуазии и классу землевладельцев, — что они могут беспрепятственно предоставить буржуазным республиканцам заботы и денежные выгоды управления. Но после июньского подвига буржуазные «республиканцы» должны были перейти из передовых рядов в последние ряды «партии порядка», этой коалиции, образовавшейся из всех враждующих фракций и партий имущих классов, ставших теперь в открытую противоположность к классам производительным. Самой подходящей формой для их совместного управления оказалась *парламентарная республика* с Луи Бонапартом в качестве президента во главе ее; это было правительство неприкрытого классового террора и умышленного оскорбления «подлой черни». По словам Тьера, парламентарная республика была такой формой правления, которая «меньше всех других разделяла различные фракции господствующего класса», но зато она открыла пропасть между этим немногочисленным классом и всем общественным организмом, существующим вне его. Если при прежних правительствах раздоры внутри этого класса возлагали известные ограничения на государственную власть, то теперь благодаря объединению имущего класса эти ограничения отпали. Ввиду угрожавшего восстания пролетариата объединившийся имущий класс стал бессовестно и нагло пользоваться государственной властью как национальным орудием войны капитала против труда. Но его непрекращающийся крестовый поход против массы производителей заставил, с одной стороны, давать исполнительной власти все больше и больше прав для подавления сопротивления, с другой — постепенно отнимать у своей собственной парламентской твердыни — Национального собрания — все его средства обороны против исполнительной власти; и Луи Бонапарт, представлявший собой эту исполнитель-

ную власть, разогнал представителей имущего класса. Вторая империя явилась естественным следствием республики «партии порядка».

Империя, которой государственный переворот служил удостоверением о рождении, всеобщая подача голосов — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла претензии на то, что она опирается на крестьянство, на эту обширную массу производителей, которая не участвовала непосредственно в борьбе между капиталом и трудом. Империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним и неприкрытое подчинение правительства имущим классам, и за спасительницу имущих классов на том основании, что она поддерживала их экономическое господство над рабочим классом. И, наконец, она заявляла претензии на объединение всех классов вокруг вновь ожившего призрака национальной славы. В действительности империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском беспутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением. Государственная власть, которая, казалось, высоко парит над обществом, была в действительности самым вопиющим скандалом этого общества, рассадником всяческой мерзости. Штыки Пруссии, жаждавшей перенести центр тяжести этой системы управления из Парижа в Берлин, обнажили всю гнилость этой государственной власти и одновременно гнилость спасенного ею общества. Империализм есть самая prostituiрованная и самая последняя форма той государственной власти, которая была создана зарождавшимся буржуазным обществом как орудие его освобождения от феодализма и которую буржуазия, когда она вполне развилась, превратила в орудие порабощения труда капиталом.

Прямой противоположностью империи была Коммуна. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и явилась именно определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и общественным центром французского

рабочего класса, восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его помещичьей палаты восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от империи. Париж мог сопротивляться только потому, что осада освободила его от армии, место которой заняла Национальная гвардия, комплектовавшаяся большей частью из рабочих. Этот факт надо было превратить в прочное учреждение, и потому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. Та же судьба постигла чиновников всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всекие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей, чтобы подобно их предшественникам-апостолам кормиться милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для всех и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость, которая служила только маской для сокрытия их низкого подхалимства перед поочередно сменявшимися правительствами; они каждому правительству приносили присягу на верность и каждому изменяли. Как и прочие должностные лица общества,

они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Парижская коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй водворился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинциях. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено по всей стране народной милицией с самым кратким сроком службы. Собрание уполномоченных, заседающих в главном городе округа, должно было заведывать общими делами всех сельских общин каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать уполномоченных в Национальное собрание, заседающее в Париже; уполномоченные должны были строго придерживаться инструкции своих избирателей (императивный мандат) и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой государственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать эти функции ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь предприятия, точно так же как и отдельные лица, всегда умеют находить для своих целей подходящих людей на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправлять свою ошибку. С другой стороны, Коммуна по самому существу своему была безусловно

враждебна замене всеобщей подачи голосов иерархической инвеститурой¹.

Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его ошибочно принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была ошибочно рассматриваема как воскрешение средневековых коммун, предшествовавших возникновению этой государственной власти и составивших основу ее. Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств (о котором мечтали Монтескье и жирондисты) то единство великих наций, которое хотя и создано было насилием, но стало теперь могущественным фактором общественного производства. Антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации. В некоторых странах полному развитию той буржуазной формы правления, образцом которой является Франция, мешали некоторые особые исторические условия; эти условия создали, например, то, что в Англии главные центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраниями (*vestries*), корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в деревнях. Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции. Буржуазия провинциальных городов видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревней, которым она пользовалась при Луи-Филиппе и которое при Луи Бонапарте было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, употребляющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему старинному, больше всего подходящему к его умственным способностям сотрудничеству в «*Kladderadatsch*’e» (в берлинском «*Punch*’e»), только такому человеку могло притти в голову, что

¹ *Инвеститура* — система назначения должностных лиц. *Ред.*

Парижская коммуна в сущности стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское городское устройство 1791 г., — низводящему городские самоуправления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма.

Уничтожив две крупнейшие статьи расходов: армию и чиновничество, Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций — дешевое правительство. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является, в Европе по крайней мере, обычным балластом и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. По ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; и то и другое явилось само собою, между прочим.

Разнообразие толкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно и классовое господство. С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса.

Странная вещь: стоит только рабочим где-нибудь взять дело в свои руки, и тотчас, несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении рабочих, против них начинает раздаваться апологетическая фразеология защитников современного общества с его двумя противоположными полюсами: капиталом и рабством наемного труда (земельные собственники являются теперь лишь безгласными компаньонами капиталистов). Как будто бы капиталистическое общество пребывало еще в девственной чистоте и непорочности! Как будто бы не развиты были еще его противоположности, не вскрыты его самообманы, не разоблачена вся его протитуированная действительность! Коммуна, говорят они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна хотела

уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность взаправду, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного и ассоциированного труда. Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако нашлись же среди господствующих классов люди, — и их не мало, — которые поняли, что настоящее положение вещей не может долго существовать; они стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не звук пустой и не обман, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведывание и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизм, «возможный» коммунизм?

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять посредством народного решения готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать упорную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества. Вполне сознавая свое историческое призвание, полный героической решимости стоять на высоте этого призвания, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают свои лживые общие места и преподносят свои высиженные рецепты.

Когда Парижская коммуна взяла на себя руководство революцией; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» — имущих классов, — именно на привилегию управления, они взялись за работу при неслыханно тяжелых условиях и исполняли ее скромно, добросовестно и успешно; высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, получаемого, по словам известного авторитета в науке [проф. Гексли], секретарем лондонского школьного совета. Старый мир скорчило от бешенства, когда он увидел красное знамя над городской ратушей — символ республики труда.

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным еще к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богатых капиталистов. Мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о должниках и кредиторах, — Коммуна спасла этот класс¹. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же за тем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, какой бы ярлык она ни носила. Империя разорила эту часть среднего класса в материальном отношении своим расхищением общественного богатства, покровительством биржевой спекуляции, искусственным ускорением централизации капитала и вызываемой ею экспроприацией значительной части этого среднего класса. Империя политически угнетала ее и нравственно возмущала своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, поручая воспитание ее детей «невежественным патерам»; она возмутила ее национальное чувство французов, затеяв эту войну, которая вознаградила за все ее бедствия только одним — ниспровержением империи. После бегства из Парижа шайки высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная «партия порядка» среднего класса, выступившая под именем «Республиканского союза», стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам: «Наша победа — ваша единственная надежда!» Самой наглой клеветой, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету достославными башибузуками европейской печати, было утверждение, что «помещичьи депутаты» являлись представителями французских крестьян. Не правда ли, как правдоподобна эта внезапно вспыхнувшая во французских крестьянах любовь к людям, которым они после 1815 г. должны были заплатить миллиард вознаграждения! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного земельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 г. В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции; теперь они затеяли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян

¹ 18 апреля Коммуна опубликовала декрет об отсрочке платежей по долговым обязательствам на три года. *Ред.*

главную тягость пятимиллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам. Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от налога кровью, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы таких кровопийц, как нотариус, адвокат, судебный пристав, и других судебных вампиров наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. Французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным платить попам не из сумм, взимаемых сборщиками податей, а из добровольных пожертвований, размер которых зависел бы от степени набожности общины. Вот какие существенные блага обещало непосредственно господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян — таковы вопросы об ипотечном долге, который как кошмар тяготел на клочке крестьянской земли, о сельском пролетариате, возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

Луи Бонапарт был избран французским крестьянством в президенты республики. Вторую же империю создала «партия порядка». В 1849 и 1850 гг. французский крестьянин, противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя — правительственному священнику, себя самого — правительственному жандарму, начал этим показывать, что ему нужно на самом деле. Все законы, изданные «партией порядка» в январе и феврале 1850 г., были направлены, по ее собственному признанию, против крестьян. Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самобман при Второй империи быстро исчезал. Этот предрассудок прошлого (по существу своему он был враждебен «помещичьим депутатам») — как мог бы он устоять против призыва Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян?

«Помещичьи депутаты» отлично понимали (и этого они больше всего боялись), что если коммунальный Париж будет свободно сообщаться с провинциями, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет поголовное крестьянское восстание. Потому-то они так

трусливо спешили окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, то она была поэтому действительно национальным правительством. Но, будучи правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась в то же время интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединяла к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв из всех стран бросились грабители, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеско, валахский плут, а левой — Марковский, русский шпион. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешней войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, показать свой патриотизм полицейской травлей против немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего министром труда. И Тьер, и буржуазия, и Вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, на деле предавая их России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа. Чтобы резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе — с другой, низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну.

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: запрещение ночной работы пекарей; запрещение под страхом наказания понижать заработную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами — обычный прием работодателей, которые, соединяя в своем лице законодательную, судебную и исполнительную власть, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны отличались расчетливостью и умеренностью; она должна была ограничиться только мерами, совместимыми с осадным положением города. Под управлением

Османа¹ Париж так обкрадывали банкирские компании и строительные подрядчики, что Коммуна имела значительно большие права конфисковать их имущества, чем Луи Бонапарт — имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, большая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были, конечно, сильно возмущены Коммуной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8 000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно подавило во всей Франции всякое свободное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов; оно завело шпионов в Версале и во всей Франции, и притом в более широких размерах, чем при Второй империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное собрание на самую робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслыханным даже в неподобной палате 1816 г. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались действовать подкупам и заговорами внутри Парижа. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как при глубококом мире, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны было таково же по духу, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты партии порядка в Париже и газеты Коммуны в Версале.

Естественно, что депутаты «помещичьей палаты» бесились, когда они объявляли единственным средством для спасения Франции возвращение в лоно церкви, а неверующая Коммуна раскрывала тайны женского монастыря Пикпуса и церкви св. Лаврентия². Разве это не было едкой сатирой на Тьера, сылавшего кресты почетного легиона на генералов Бонапарта за их отличное умение проигрывать сражения, подписывать капитуляции и делать папирсы в Вильгельмстэе, что Коммуна смещала и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном исполнении своих обязанностей? Разве это не было пощечиной фабриканту фальшивых документов Жюлю Фавру, министру иностранных дел Франции, продававшему ее Бисмарку, диктовавшему приказы несравненному бельгийскому правительству, если Коммуна изгнала

¹ Барон Осман (*Hausmann*) был во время Второй империи префектом Сенского департамента, т. е. города Парижа. Провел ряд работ по продолжению новых улиц и пр. в целях облегчения борьбы с рабочими восстаниями. *Ред.*

² В церкви св. Лаврентия были обнаружены кости женщин, изнасилованных монахами и заживо погребенных в склепах. При церкви Пикпус под видом сумасшедших содержались женщины, обреченные на ту же участь. *Ред.*

из своей среды и арестовала одного из своих членов, который пролез в нее под вымышленным именем после шести дней ареста в Лионе за банкротство? Но Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала все отчеты своих заседаний, оглашала все свои действия; она посвящала публику во все свои несовершенства.

Во всякую революцию, в ряды ее истинных представителей, проникают люди другого покроя. Таковы, с одной стороны, участники и суеверные поклонники прежних революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще имеющие влияние на народ вследствие своей всем известной честности и своего мужества или просто в силу традиций; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие свои стереотипные декламации против существующих правительств и получающие поэтому имя революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта, и им случилось играть первоклассную роль, и, насколько они были в силах, они задерживали истинное движение рабочего класса, как раньше они мешали полному развитию всех прежних революций. Они — неизбежное зло; от них можно освободиться только со временем, но этого-то времени Коммуна не имела.

Коммуна каким-то чудом преобразила Париж! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских крупных земельных собственников, ирландских абсентеистов¹, американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В море — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского. «Мы уже не слышим, — говорил один из членов Коммуны, — ни об убийствах, ни о грабежах, ни о нападениях на отдельных лиц; можно подумать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих». Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и особенно собственности. Их место заняли снова истинные парижанки, такие же героические, великодушные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы, Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!

И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля — это сборище отребья всех отживших режимов —

¹ *Ирландские абсентеисты* — крупные землевладельцы, прокучивавшие свои «доходы» вне страны, жившие почти непрерывно вне своих поместий («абсентеист» значит «отсутствующий»). *Ред.*

легитимистов и орлеанистов, жаждущих растерзать труп народа — с хвостом из допотопных республиканцев, поддерживавших своим присутствием в Национальном собрании рабовладельческий бунт; они надеялись, что благодаря тщеславию старого шута, находившегося во главе правления, они отстоят свою парламентарную республику; они занимались тем, что пародировали 1789 г. своими таинственными собраниями в Jeu de Paume (зал для игры в мяч, где Национальное собрание 1789 г. приняло свои знаменитые решения). Это сборище, — этот труп, представляющий собою всю отжившую Францию, — продолжало жить прозрачной жизнью исключительно благодаря саблям генералов Луи Бонапарта, которые были для него подпорой. Париж — весь истина; Версаль — весь ложь; и глашатаем этой лжи был Тьер.

Тьер обратился к депутации мэров департамента Сены и Уазы со следующими словами: «Вы можете довериться моему слову; я *никогда* не нарушал его». Он говорил собранию, что «оно самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех собраний, которые Франция когда-либо имела»; своему разношерстному воинству он говорил, что оно «чудо мира и наилучшая из армий, которую когда-либо имела Франция»; провинциям, — что бомбардировка Парижа по его приказу — только сказка: «Если и упало несколько бомб, то они были пущены не версальской армией, а инсургентами, которые хотели показать, что они сражаются, хотя на самом деле они боялись нос показать». Позже он объявлял провинциям: «Версальская артиллерия не бомбардирует Париж, а только стреляет в него из пушек». Парижскому архиепископу он говорил, что все расстрелы и репрессивные меры (!), в которых обвиняют версальцев, — одна ложь. Он объявил Парижу, что хочет «только освободить его от угнетающих его отвратительных тиранов» и что Париж Коммуны есть «не больше, не меньше, как кучка преступников».

Париж Тьера не был действительным Парижем «подлой черни», он был фантастическим Парижем, Парижем шулеров, Парижем бульварных завсегдатаев обоего пола, богатым, капиталистическим, позолоченным, тунеядствующим Парижем; тем Парижем, который со своими лакеями, жуликами, литературной богемой, кокотками наполнял теперь Версаль, Сен-Дени, Рюэй и Сен-Жермен, который считал гражданскую войну только интересной интермедией, который в подзорную трубу любовался битвой, вел счет пушечным выстрелам и клялся честью своей и своих публичных женщин, что спектакль здесь гораздо лучше, чем в театре Porte St. Martin. Ведь убитые действительно были мертвы, крики раненых не были поддельны, и кроме того драма, происходившая перед ними, была всемирно-исторической драмой.

Таков был Париж Тьера, точно так же, как кобленцская эмиграция ¹ была Францией де Калонна.

IV

Только из-за отказа Бисмарка не удалась первая попытка рабовладельческого заговора покорить Париж, заняв его прусскими войсками. Вторая попытка, сделанная 18 марта, окончилась поражением армии и бегством правительства в Версаль, куда за ним последовала и вся администрация. Прикрываясь мирными переговорами с Парижем, Тьер выигрывал время для приготовления к войне с ним. Но где ему было взять армию? Остатки линейных полков были малочисленны, а настроение их сомнительно; на настойчивые воззвания Тьера к провинциям помочь Версалью Национальной гвардией и волонтерами ему ответили открытым отказом. Только Бретань послала кучку шуанов, которые сражались под белым знаменем, с сердцем Христа в белой ладанке на груди; их боевой клич был: «Да здравствует король!» Таким образом, Тьер мог только наскоро собрать разношерстную толпу матросов, морских солдат, папских зуавов, жандармов Валантена, полицейских и шпионов Пьетри. Если бы не постепенно прибывавшие военнопленные бонапартовской армии, которых Бисмарк отпускал в количестве, достаточном, чтобы, с одной стороны, могла вестись гражданская война и чтобы можно было держать Версаль в рабской зависимости от Пруссии, с другой стороны, — если бы не эти пленные, армия Тьера была бы ничтожна до смешного. Версальская полиция должна была во время этой войны наблюдать за версальской армией, а жандармы должны были всегда увлекать за собой эту армию, становясь на самые опасные пункты. Павшие форты были не завоеваны, а куплены. Геройство коммунаров показало Тьеру, что для преодоления сопротивления Парижа недостаточно ни его стратегического гения, ни находящегося в его распоряжении количества штыков.

Между тем его отношения с провинциями становились все более натянутыми. В Версале не получили ни одного сочувственного адреса, который мог бы хоть сколько-нибудь ободрить Тьера и его «помещичьих депутатов». Наоборот, со всех сторон прибывали депутации и письменные обращения, настаивавшие далеко не в почтительном тоне на примирении с Парижем на основе недвусмысленного признания республики, утверждения коммунальных свобод и роспуска Национального собрания, срок полномочий которого уже истек. Депутаций и письменных обращений

¹ Кобленц — город в Германии, центр французской контрреволюционной дворянской эмиграции во время французской буржуазной революции конца XVIII века. *Ред.*

появлялось столько, что Дюфор, министр юстиции Тьера, приказал государственным прокурорам в циркуляре от 23 апреля считать «воззвания к примирению» преступлением. Видя безнадежность похода против Парижа, Тьер решил переменить тактику и назначил на 30 апреля муниципальные выборы для всей страны по новому закону, навязанному им Национальному собранию. Действуя то интригами своих префектов, то угрозами своей полиции, он был уверен, что выборы в провинциях дадут Национальному собранию такую нравственную силу, которой оно никогда не имело; он надеялся также, что провинции дадут ему материальную силу для покорения Парижа.

Свою разбойничью войну против Парижа, восхваляемую в его собственных бюллетенях, и попытки его министров установить террор во всей Франции Тьер решил дополнить маленькой комедией примирения, которая должна была служить нескольким целям: она должна была обмануть провинцию, привлечь к нему элементы среднего класса Парижа и, главное, дать возможность мнимым республиканцам Национального собрания прикрыть доверием к Тьеру свою измену по отношению к Парижу. 21 марта, когда у Тьера еще не было армии, он сказал перед Национальным собранием: «Будь что будет, а я не пошлю войска в Париж». 27 марта он снова объявил: «Я вступил в должность, когда республика была уже совершившимся фактом, и я твердо решил охранять ее». В действительности же он именем республики подавил революцию в Лионе и в Марселе ¹, а его «помещичьи депутаты», слышав слово «республика», заглушали его воем. После этого он «совершившийся факт» стал считать лишь предполагаемым фактом. Орлеанские принцы, которых он из предосторожности выжил из Бордо, теперь интриговали в Дре, открыто нарушая закон. Условия, о которых Тьер говорил в своих бесконечных совещаниях с парижскими и провинциальными депутатами, — как ни противоречивы были его заявления по тону и оттенку, меняясь в зависимости от времени и обстоятельств, — всегда сводились к тому, что необходимо отомстить «той кучке преступников, которые виновны в убийстве Клемана Тома и Леконта». Конечно, при этом само собою подразумевалось, что Париж и Франция считают самого Тьера лучшей республикой, подобно тому как Тьер в 30-х годах признавал наилучшей республикой Луи-Филиппа. Однако даже и эти уступки он старался сделать сомнительными теми официальными комментариями, которые давались его министрами в Национальном собрании. Но, не удовлетворяясь этим, он действовал еще и через Дюфора. Старый орлеанистский адвокат Дюфор постоянно при осадном положении играл роль верховного судьи

¹ 23 марта была провозглашена Коммуна в Марселе, а 24 марта — в Лионе. В обоих городах революция была подавлена правительством Тьера. *Ред.*

как теперь, в 1871 г., при Тьере, так и в 1839 г. при Луи-Филиппе и в 1849 г. во время президентства Луи Бонапарта. Когда он не занимал должности министра, он обогащался, защищая парижских капиталистов, а нападая на законы, изданные им же, он наживал политический капитал. Не довольствуясь поспешным проведением через Национальное собрание ряда репрессивных законов, которые должны были в случае падения Парижа уничтожить последние остатки республиканской свободы во Франции, он как бы указывал на будущую участь Парижа следующей мерой: делопроизводство военных судов казалось ему чересчур длинной процедурой — он сократил ее и издал новый драконовский закон о ссылке. Революция 1848 г., уничтожив смертную казнь за политическое преступление, заменила ее ссылкой. Луи Бонапарт не решился, по крайней мере открыто, восстановить гильотину. Версальскому помещичьему собранию, которое еще не осмеливалось даже намекнуть, что парижане в его глазах не бунтовщики, а разбойники, пришлось пока ограничить подготовку мести против Парижа новым дюфоровским законом о ссылке. При таких обстоятельствах Тьер не мог бы долго тянуть свою комедию примирения, да к тому же эта комедия вызвала — чего он в сущности и желал — бешеную ярость «помещичьих депутатов», которые из-за своего тупоумия не могли понять ни его игры, ни необходимости его лицемерия, притворства и медлительности.

Ввиду предстоявших 30 апреля муниципальных выборов Тьер разыграл 27 апреля одну из своих сцен примирения. Среди потока сентиментальных фраз он, между прочим, воскликнул с трибуны Национального собрания: «Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь. Но я повторяю еще и еще раз: пусть сложат свое нечестивое оружие те, которые его подняли, и мы, остановив меч правосудия, заключим мирный договор, из которого будет исключена только кучка преступников». В ответ на яростные крики «помещичьих депутатов», перебивавших его речь, он сказал: «Скажите мне, господа, убедительно прошу вас, разве я не прав? Разве вы действительно жалеете, что я мог сказать по справедливости, что преступников только кучка? Разве среди наших бедствий вы не почтете счастьем, что люди, которые были способны пролить кровь генералов Леконта и Клемана Тома, являются редким исключением?»

Однако Франция оставалась глуха к речам Тьера, льстившего себя надеждой пленить всех пением парламентской сирены. Из 700 000 муниципальных советников, выбранных в оставшихся французскими 35 000 общин, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не могли вместе провести даже 8 000 своих приверженцев. Дополнительные выборы и перебаллотировки привели к результатам, еще более враждебным правительству Тьера. На-

циональное собрание не только не получило необходимой ему материальной поддержки от провинции, но потеряло последнее право на роль нравственной силы: право служить выражением всеобщей подачи голосов Франции. В довершение поражения вновь избранные муниципальные советники всех французских городов угрожали узурпировавшему власть Версальскому собранию контрсобранием в Бордо.

Для Бисмарка настала тогда долгожданная минута энергичного вмешательства. Тонем повелителя он приказал Тьеру немедленно прислать во Франкфурт уполномоченных для окончательного заключения мира. Униженно и покорно поспешил Тьер исполнить приказание своего хозяина и господина и послал во Франкфурт верного ему Жюля Фавра в сопровождении Пуйэ-Кертье. Пуйэ-Кертье — «известный» руанский хлопчатобумажный фабрикант, горячий, даже холопский, сторонник Второй империи, не видевший в ней ничего скверного, кроме торгового договора с Англией, который вредил интересам его как фабриканта. Как только Тьер еще в Бордо назначил его министром финансов, он начал нападать на этот «злосчастный» договор, намекать на то, что он будет скоро отменен, и был настолько бесстыден, что попробовал, хотя и безуспешно (так как не спросил разрешения Бисмарка), снова ввести старые протекционные пошлины против Эльзаса, чему, по его словам, не мешали тогда никакие прежние международные договоры. Этот человек смотрел на контрреволюцию как на средство понижения заработной платы в Руане, а на уступку французских провинций как на средство повысить цены на свои товары во Франции. Разве этот человек не был предназначен для того, чтобы Тьер выбрал его в помощники Жюля Фавра для последнего, увенчавшего все его дело предательства?

Когда эта милая пара уполномоченных приехала во Франкфурт, Бисмарк по-солдатски, как обыкновенно, командовал: «Или восстановление империи, или беспрекословное принятие моих условий мира!» Условия его состояли в сокращении сроков уплаты военной контрибуции и занятии парижских фортов прусскими войсками до тех пор, пока Бисмарк не будет иметь оснований быть довольным положением дел во Франции. Таким образом, Пруссия была признана верховным судьей внутренних дел Франции. Зато он выразил полную готовность отпустить из плена бонапартовскую армию для истребления Парижа и в случае нужды подкрепить ее войсками императора Вильгельма. В залог того, что он сдержит свое слово, он отсрочил уплату первой части контрибуции до «умиротворения» Парижа. Тьер и его уполномоченные набросились, конечно, на такую приманку с жадностью. 10 мая они подписали договор, и уже 21 мая он был благодаря их стараниям утвержден Национальным собранием.

В промежуток времени от заключения мира до возвращения

из плена бонапартовских войск Тьер, более чем когда-либо, находил нужным продолжать свою комедию примирения. Это было тем более необходимо, что его республиканские приспешники крайне нуждались в подходящем предлоге, чтобы смотреть сквозь пальцы на подготовку кровавой бойни в Париже. Еще 8 мая он ответил депутации среднего класса, пришедшей уговаривать его примириться: «Как только инсургенты согласятся на капитуляцию, ворота Парижа будут на неделю открыты для всех, кроме убийц генералов Леконта и Клемана Тома».

Несколько дней спустя, когда «помещичьи депутаты» потребовали от него объяснения по поводу этого обещания, он уклонился от ответа, но многозначительно заметил: «Говорю вам, что между вами есть нетерпеливые люди, которые слишком уже спешат. Пусть потерпят еще неделю; в конце недели уже не будет никакой опасности, и задача будет как раз по силам их решимости и способностям». Как только Мак-Магон смог дать ему обещание, что он скоро вступит в Париж, Тьер заявил Национальному собранию, что он «войдет в Париж с *законом* в руках и заставит мерзавцев, проливших кровь солдат и разрушивших публичные памятники, поплатиться за свои преступления». Когда наступила решительная минута, он заявил Национальному собранию, что он «не даст пощады» Парижу, что приговор ему уже произнесен, а своим бонапартовским разбойникам — что правительство позволяет им мстить Парижу сколько им угодно. Наконец, когда измена открыла 21 мая генералу Дуэ ворота Парижа, Тьер открыл 22 мая своим «помещичьим депутатам» «цель» своей комедии примирения, которой они так упорно не хотели понять: «Я говорил вам несколько дней назад, что мы приближаемся к *нашей цели*; сегодня я пришел сказать вам, что мы достигли *ее*. Порядок, справедливость и цивилизация, наконец, одержали победу!»

Да, это была победа. Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда рабы и угнетенные восстают против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и незаконной мстостью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство против присваивающих его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывалыми гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 г. Самоотверженный героизм, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того, как версальцы ворвались в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские подвиги солдатчины отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были. Поистине великолепно эта цивилизация, которая очутилась перед трудной задачей, куда девать груды трупов людей, убитых ею уже после окончания боя!

Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его кровавых собак, надо вернуться ко временам Суллы и обоих римских триумвиратов. То же хладнокровное массовое избиение людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же пытка пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; то же равнодушное избиение людей, совершенно непричастных к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы расстреливать пленных толпами, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация».

Наряду с этими зверствами посмотрите теперь на другую, еще более омерзительную сторону этой буржуазной цивилизации, описанную ее собственной печатю!

Парижский корреспондент одной лондонской консервативной газеты пишет: «Вдали раздаются еще выстрелы; раненные, брошенные на произвол судьбы, умирают между памятниками кладбища Père la Chaise; 6 000 инсургентов в предсмертной борьбе отчаяния бродят, заблудившись в лабиринтах катакомб; по улицам гонят толпы несчастных, чтобы расстрелять их митральезами. Возмутительно видеть в такую минуту, как различные господа себя увеселяют в кафе, попивая абсент, играя на билиярде и в домино, а кокетки нагло разгуливают по бульварам; возмутительно слышать, как громкие крики оргий, раздающиеся из отдельных кабинетов богатых ресторанов, нарушают ночную тишину!» Г-н Эдуард Эрве пишет в «Journal de Paris», версальской газете, запрещенной Коммуной: «Форма, в которой парижское население (!) вчера выражало свою радость, действительно более чем легкомысленна, и мы боимся, что дальше будет еще хуже. Париж имеет праздничный вид, что совершенно неуместно; если мы не хотим заслужить имени парижан «времен упадка», то надо это прекратить». Затем он приводит выдержку из Тацита: «И вот на следующее утро после этой ужасной борьбы и даже раньше, чем она была совершенно закончена, Рим, подлый и развратный, снова опустился в то болото распутства, которое разрушало его тело и оскверняло его душу — *alibi proelia et vulnera, alibi balnea poripaeque*» [здесь битвы и раны, там бани и рестораны]. Г-н Эрве забывает лишь, что то «парижское население», о котором он говорит, есть только население тьеровского Парижа, Парижа шулеров, набежавших толпами из Версаля, Сен-Дени, Рюэй и Сен-Жермена; это действительно Париж «времен упадка».

Эта преступная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое, лучшее общество, во всем травли и клеветы, которая отдается эхом во всех концах

света. Спокойный Париж рабочих, Париж Коммуны, превращается внезапно, под руками этих алчущих крови сторожевых псов «порядка», в какой-то ад. Что говорит это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Парижский народ с воодушевлением жертвует собою за Коммуну: ни в одной из происходивших до сих пор битв не было столько убитых. Что это значит? Только то, что Коммуна эта была не правительством народа, а насильственным захватом власти кучкой преступников! Парижские женщины с радостью умирают и на баррикадах и на месте казни. Что это значит? Только то, что злой дух Коммуны сделал из них Мегер и Гекат! Умеренность Коммуны во все время ее двухмесячного полного господства может сравниться только с героическим мужеством ее защиты. Что это значит? Только то, что Коммуна в течение двух месяцев скрывала под личиной умеренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, с тем чтобы дать ей свободно вылиться во время предсмертной агонии!

Рабочий Париж в своем героическом самопожертвовании предал огню также здания и памятники. Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются с торжеством вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!» и нашептывает своим прихвостням вплоть до самых далеких деревень такой лозунг: «Травите всех моих врагов, как простых поджигателей». Буржуазия всего мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда «оскверняют» кирпич и штукатурку!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, жечь и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда английские войска бессмысленно сожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора, — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести, облив керосином, как это было в Шатоден, сжигали города и многочисленные деревни — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, уверяя, что желает разрушить только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? — На войне огонь — вполне законное оружие, как и всякое другое. Здания, которые занял неприятель, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами их поджигают, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, мешающих какой бы то ни было регулярной армии, — быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной справедливой войне, какую только знает история, такой поступок считают, видите ли, преступлением! Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова;

она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман предусмотрительно приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, посылали впереди себя гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопрос, какие здания зажжены были наступающими, какие — оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые расстрелы пленных. К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше правительство национальной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену. Для этого Трошю и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что враги ее очень мало интересовались парижским народом, но очень дорожили своими домами в Париже. А Тьер, со своей стороны, объявил, что он будет мстить беспощадно. Когда, с одной стороны, армия его уже была готова к бою, а с другой — пруссаки запирали все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление должно быть полное, суд строгий!» Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм историк оправдал, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в титанической борьбе нового, нарождавшегося общества против разлагавшегося старого. И уже всего менее походил поступок Коммуны на вандализм Османа, уничтожившего исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев!

А совершенная Коммуной казнь шестидесяти четырех заложников, во главе с парижским архиепископом! В июне 1848 г. буржуазия и ее армия восстановили давно уже исчезнувший военный обычай расстрела беззащитных пленных. После этого этот зверский обычай более или менее часто практиковался при всех расправах с народными восстаниями в Европе и Индии, что ясно доказывает, что он является действительным «прогрессом цивилизации»! С другой стороны, пруссаки во Франции снова ввели обычай брать заложников — ни в чем не повинных людей, которые своей жизнью должны были отвечать за действия других. Когда Тьер, как мы видели, еще в начале войны ввел гуманный обычай расстрела пленных коммунаров, Коммуне не оставалось больше никаких средств для спасения жизни этих пленных, как прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Продолжая,

тем не менее, расстреливать пленных, версальцы сами отдавали на казнь своих заложников. Как же можно было еще дольше щадить их жизнь после той кровавой бани, которой преторианцы¹ Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя защита от не останавливающегося ни перед чем зверства буржуазного правительства — взятие заложников — должна была остаться только шуткою? Истинный убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и многих других попов на одного только Бланки, которого так крепко держал Тьер. Но последний упорно отказывался от этой мены. Он знал, что в лице Бланки он даст Коммуне голову, архиепископ же гораздо более будет полезен ему, когда будет трупом. В этом случае Тьер подражал Кавеньяку. Как были в июне 1848 г. возмущены Кавеньяк и его «люди порядка», когда они обвиняли инсургентов в убийстве архиепископа Аффра! На деле они прекрасно знали, что архиепископ был застрелен солдатами «партии порядка». Жакмэ, генеральный викарий архиепископа, бывший очевидцем, сейчас же после происшествия публично засвидетельствовал им это.

То, что «партия порядка» после всех своих кровавых оргий распространяла столько клеветы о своих жертвах, доказывает лишь, что наши буржуа считают себя законными наследниками прежних феодалов, которые признавали за собой право употреблять против плебеев всякое оружие, но считали преступлением, если плебеи брались сами за какое бы то ни было оружие.

Заговор господствующего класса для подавления революции при помощи гражданской войны под покровительством чужеземного завоевателя, заговор, который мы проследили с 4 сентября до вступления преторианцев Мак-Магона в ворота Сен-Клу, этот заговор закончился кровавой бойней в Париже. Бисмарк самодовольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно, видит в них первый шаг ко всеобщему разрушению больших городов; ведь он любил мечтать об этом, когда он был еще только простым помещиком — депутатом прусской *chambre introuvable* [бесподобной палаты] 1849 г. Он самодовольно любит трупы парижских пролетариев. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, которая теперь в самом деле обезглавлена, и притом самим же французским правительством. Поверхностный, как все преуспевающие государственные мужи, он видит лишь внешнюю сторону этого громадного исторического события. Разве видели до сих пор в истории победителя, который решился бы увенчать свою победу ролью жандарма

¹ Преторианцами в древнем Риме называли личную гвардию полководца или императора, находившуюся на его содержании и пользовавшуюся различными привилегиями. Здесь под преторианцами подразумевается армия версальцев. *Ред.*

и наемного убийцы в руках побежденного правительства? Между Пруссией и Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала, как подлый наемный убийца, потому что взялась за такое дело, которое не представляло для нее никакой опасности, как наемный убийца — потому, что она обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов — этой кровавой цены убийства. Вот тут-то и проявился истинный характер войны, которая была послана провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукой глубоконравственной и набожной Германии! Это небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира вместо того, чтобы заставить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне закона преступное прусское правительство, бывшее простым орудием в руках Петербургского кабинета, дало им только повод обсуждать вопрос, — не выдать ли версальскому палачу и те немногие жертвы войны, которым удалось проскользнуть через двойную цепь, окружающую Париж!

После самой ужасной войны новейшего времени победившая армия и побежденная армия соединяются, чтобы вместе избивать пролетариат. Такое неслыханное событие доказывает не то, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательно поражение, как думал Бисмарк, — нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едино суть.

После троицына дня 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Хотя железная рука наемной солдатчины и может придавить на время оба эти класса, но борьба их снова загорится и неизбежно будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. Французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства подавлением Парижа показывают на деле международный характер классового господства, а сами воют в то же время на весь мир, что главной причиной этого

несчастья является Международное Товарищество Рабочих, т. е. международная организация труда против всемирного заговора капитала. Тьер обвиняет эту организацию в том, что она — деспот труда, а выдает себя за освободителя труда. Пикар запретил все сношения французских членов Интернационала с заграничными членами его; граф Жобер, ставший уже мумией, бывший соучастник Тьера по 1835 г., заявил, что каждое правительство должно ставить своей главной задачей искоренение Интернационала. «Помещичьи депутаты» поднимают против него рев, а европейская печать хором поддерживает их. Один почтенный французский писатель, ничего общего не имеющий с нашим Товариществом, сказал о нем: «Члены Центрального комитета Национальной гвардии и большая часть членов Коммуны — самые деятельные, ясные и энергичные головы Международного Товарищества Рабочих. Это — люди вполне честные, искренние, умные, полные самоотвержения, чистые и фанатичные в *лучшем* смысле этого слова». Буржуазный рассудок, пропитанный полициейной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, при каких бы условиях она ни происходила, каково бы ни было ее содержание, — везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Товарищества. Та почва, из которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить прежде всего деспотическое господство капитала над трудом, т. е. искоренить основу своего собственного паразитического существования.

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов.

Лондон. 30 мая 1871 г.

Написано К. Марксом на английском языке. Впервые напечатано в 1871 г., Лондон. В том же году — на французском языке, в переводе и под редакцией автора в Париже. В 1891 г. — на немецком языке под редакцией Ф. Энгельса в журнале «Die Neue Zeit», Jrg. IX, Bd. II, № 28. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2. Перевод дается с английского текста.

Приложения

1. «Колонна арестованных остановилась на Авеню Урик и выстроилась по четыре или пять человек в ряд на тротуаре вдоль улицы. Генерал маркиз де-Галифе и его штаб спешили и начали осмотр с левого фланга. Медленно двигаясь и осматривая ряды, генерал останавливался то тут, то там, хлопая какого-нибудь человека по плечу или вызывая кивком головы кого-либо из задних рядов. В большинстве случаев, без дальнейших разговоров, человек, выбранный таким образом, выходил на середину улицы, где вскоре образовалась отдельная колонна. Ясно, что тут был значительный простор для ошибок. Офицер верхом на лошади указал генералу Галифе на мужчину и женщину, будто бы виновных в особом преступлении. Женщина, выбежав из рядов, бросилась на колени с вытянутыми вперед руками и в страстных выражениях уверяла в своей невинности. Генерал выждал некоторое время и с бесстрастным лицом и безучастным видом сказал: «Мадам, я бывал во всех театрах Парижа, — не утруждайте себя и не играйте комедии»... Было плохо в этот день оказаться значительно выше, грязнее, чище, старше или некрасивее своих соседей. Один человек особенно поразил меня. Очевидно, он скорее других избавился от бремени жизни благодаря сломанному носу. Когда больше сотни было выбрано таким образом и был назначен отряд расстреливающих, колонна двинулась вперед, оставив их позади. Несколько минут спустя позади нас раздался залп, и огонь продолжался в течение приблизительно четверти часа. Это была казнь тех наспех осужденных бедняг» (парижский корреспондент «Daily News», 8 июня).

Этот Галифе, «альфонс» своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи», во время войны был известен под названием французского прапорщика Пистоля.

«Temps» — газета осторожная и не падкая на сенсации, рассказывает ужасную историю о людях, не застреленных до смерти и похороненных прежде, чем их жизнь угасла. Большое количество из них было зарыто в сквере вокруг St. Jacques la Bouchière, многие из них очень неглубоко. Днем уличный шум мешал это слышать, но в тишине ночи обитатели домов, находящихся по соседству, просыпались от отдаленных стонов, а утром они видели, как сжатая в кулак рука высовывается из-под земли. Вследствие этого было предписано откопать зарытых. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что многих раненых похоронили еще при жизни. Один факт я могу засвидетельствовать. Когда Брюнель был застрелен вместе со своей возлюбленной 24-го во дворе одного дома на Вандомской площади, тела лежали там до вечера 27-го. Когда погребальный отряд явился, чтобы убрать тела, он увидел,

что женщина еще жива, и отвез ее в больницу. Хотя в нее попали четыре пули, она теперь вне опасности» (парижский корреспондент «Evening Standard», 8 июня).

2. *Редактору газеты «Times».* Милостивый государь! 6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он призывал их к борьбе с Международным Товариществом Рабочих — к борьбе не на живот, а на смерть. Для характеристики этого документа достаточно всего лишь нескольких замечаний.

Уже во введении к нашему уставу указывалось, что Интернационал был основан 28 сентября 1864 г. на публичном собрании в St. Martin's Hall, Long Acre, London. По причинам, лучше всего известным ему самому, Жюль Фавр переносит дату его возникновения на время до 1862 г.

Для иллюстрации наших принципов он берется цитировать «его (Интернационала) листовку от 25 марта 1869 г.». Но что же он в действительности цитирует? Листовку одного общества, которое вовсе не является Интернационалом. Такого же рода маневры он уже проделывал, будучи еще довольно молодым адвокатом, во время защиты парижской газеты «National» от обвинения в клевете, возбужденного против нее Кабэ. Тогда он, пообещав привести выдержки из брошюр Кабэ, прочитал в действительности им же самим вставленные предложения. Этот подлог был обнаружен еще во время судебного заседания, и если бы не снисходительность Кабэ, Жюль Фавр был бы наказан исключением из парижской адвокатской корпорации. Из всех документов, которые Жюль Фавр цитирует в качестве документов Интернационала, ни один не принадлежит Интернационалу. Так, например, он заявляет: «Альянс объявляет себя атеистическим, как это говорит Генеральный Совет, учрежденный в Лондоне в июле 1869 г.». Генеральный же Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив он опубликовал документ, объявлявший недействительным настоящий устав «Альянса» — Альянса социалистической демократии в Женеве, — который как раз Жюль Фавр и цитирует.

Во всем этом циркуляре, направленном как будто бы в известной части также и против империи, Жюль Фавр лишь повторяет те полицейские вымыслы наполеоновских прокуроров, которые были опровергнуты даже перед судом самой империи.

Известно, что в своих двух воззваниях (от июля и сентября прошлого года) о последней войне Генеральный Совет Интернационала разоблачил завоевательные планы Пруссии против Франции. Впоследствии г. Рейтлингер, личный секретарь Жюля Фавра, обращался, и разумеется напрасно, к некоторым членам Генерального Совета с просьбой демонстративно выступить против Бисмарка для поддержки правительства национальной обороны;

при этом их особенно просили не упоминать о республике. Приготовления к демонстрации, ввиду ожидавшегося прибытия Жюль Фавра в Лондон, были сделаны, — несомненно с самыми лучшими намерениями, — но вопреки желанию Генерального Совета, который в своем воззвании от 9 сентября определенно и заранее предостерегал парижских рабочих в отношении Жюль Фавра и его коллег.

Что сказал бы тот же Жюль Фавр, если бы Генеральный Совет Интернационала обратился в свою очередь с циркуляром о Жюль Фавре ко всем европейским кабинетам, предлагая их особому вниманию документы, опубликованные в Париже покойным Мильером?

Остаюсь, милостивый государь, ваш покорный слуга

256. High Holborn, W. C. London
12 июня 1871 г.

Печатается по телегу, опублико-
ванному в «Volksstaat»
от 21 июня 1871 г.

Написано К. Марксом и Ф. Эн-
гельсом. Напечатано в «Times»
13 июня. Текст был утвержден
Генеральным Советом.

Джон Хейлз.

Секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества
Рабочих.

В статье о «Международном Товариществе и его целях» лондонский «Spectator», в качестве благочестивого доносчика, цитирует вместе с другими подобными же художествами, — делая это еще более основательно, чем это сделал Жюль Фавр, — упомянутый выше документ «Альянса», как произведение Интернационала. Он напечатал это одиннадцать дней спустя после того как вышеприведенное опровержение было опубликовано в газете «Times». Это нас не удивляет. Уже Фридрих Великий говорил, что из всех иезуитов протестантские хуже всех.

МАРКС — КУГЕЛЬМАНУ

I

12 апреля 1871 г.

Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте ². Как раз в этом и состоит попытка

¹ В помещаемых ниже письмах к Кугельману Маркс дает оценку Парижской коммуны, обобщает проделанный ею «громadной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 393—394).

О письме Маркса от 12 апреля Ленин писал в 1907 г., что письмо это он охотно бы повесил «на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего» (Ленин, Соч., т. X, стр. 365).

В этом письме к Кугельману Маркс, по словам Ленина, «точнее, яснее, лучше» формулирует те чрезвычайно важные выводы для марксистской теории государства, которые он сделал на основании всемирно-исторического опыта Коммуны.

«Ясно, что апрельское (12 апреля 1871 г.) письмо Маркса дает *ту же* самую мысль, которая вошла в написанный в конце мая «Адрес» Генерального Совета Интернационала (датированный 30 мая 1871 г.).

То, что в «Гражданской войне» названо «готовой государственной машиной», — в письме 12 апреля 1871 г. названо «бюрократически-военной машиной»; то, что в «Гражданской войне» выражено словами «просто взять во владение», в письме 12 апреля 1871 г. сформулировано опять-таки точнее, яснее, лучше: «перенести из одних рук в другие». И добавление, коего нет в «Гражданской войне», особенно наглядно: не перенести готовое в другие руки, а *разбить*. Это Коммуна и *начала* делать, но не доделала, к сожалению» (Ленин, Марксизм о государстве, ИМЭЛ, 1933 г., стр. 18). *Ред.*

² В своей работе «Государство и революция» Ленин объясняет, почему Маркс ограничивает здесь свой вывод континентом:

«Это было понятно в 1871-ом году, когда Англия была еще образцом страны чисто-капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917-ом году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в обще-

наших геройских парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской Национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности! Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, штурмующими небо, колопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства.

Кстати. В *официальном издании* документов о субсидиях, выданных непосредственно из кассы Луи Бонапарта, имеется указание, что *Фогт* получил в августе 1859 г. 40 000 франков! Я сообщил это Либкнехту для дальнейшего использования.

*Написано К. Марксом на немецком языке.
Впервые напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Jhrg. XX, 1901—1902, Bd. I.—Маркс
и Энгельс, Соч., т. XXVI.*

МАРКС — КУГЕЛЬМАНУ

II

17 апреля 1871 г.

Для меня совершенно непонятно, как ты можешь сравнивать мелкобуржуазные демонстрации à la [на манер] 13 июня 1849 г.¹ и пр. с теперешней борьбой в Париже.

европейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общемпериалистского, совершенства) «государственной машины» (Ленин, Соч., т. XXI, стр. 395). *Ред.*

¹ См. Маркс, «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», глава III, в настоящем томе. *Ред.*

Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа. Это знали и буржуазные версальские каналы. Потому-то они поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожачков». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Jhrg. XX, 1901—1902, Bd. I. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ»¹

Настоящая работа была написана в Лондоне, летом 1850 г., еще под непосредственным впечатлением только что завершившейся контрреволюции и была напечатана в 5-м и 6-м выпусках журнала «Новая Рейнская Газета, Политико-экономическое Обозрение, издающееся под редакцией Карла Маркса. Гамбург 1850 г.» — Мои политические друзья в Германии просят переиздать ее, и я иду навстречу их желанию, так как, к моему пригорбию, она еще и теперь не утратила интереса современности.

Она не претендует на то, чтобы дать новый, самостоятельно исследованный материал. Напротив, все относящиеся к крестьянским восстаниям и Томасу Мюнцеру фактические данные заимствованы у Циммермана. Его книга, хотя и страдает некоторыми пробелами, все еще является лучшей сводкой фактического материала. При этом старик Циммерман отнесся с большой любовью к своему предмету. Тот самый революционный инстинкт, который заставил его повсюду в этой книге выступать сторонником угнетенных классов, сделал из него позже одного из лучших представителей крайней левой во Франкфурте. Правда, с тех пор он несколько устарел.

Если же в изложении, которое дает нам Циммерман, не хватает внутренней связи; если ему не удастся представить религиозно-политические спорные вопросы этой эпохи как отражение классовой борьбы того времени; если в этой классовой борьбе он видит лишь угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых; если его понимание общественных отношений, обусловивших как начало, так и исход борьбы, страдает весьма значительными недочетами, то все это является недостатком того времени, в которое возникла книга². Напротив, для своего времени она представляет собой похвальное исключение из немецких

¹ Это предисловие Энгельса к его работе «Крестьянская война в Германии» состоит из двух частей. Первая была написана к новому изданию 1870 г., вторая — в июне 1874 г. — к изданию, вышедшему в 1875 г. *Ред.*

² Трехтомный труд Циммермана «История великой крестьянской войны» вышел первым изданием в 1840—1844 гг. *Ред.*

идеалистических исторических произведений и написана весьма реалистически.

В своем изложении я пытался, рисуя лишь в общих чертах исторический ход борьбы, объяснить происхождение крестьянской войны, позиции, занятые различными выступавшими в ней партиями, политические и религиозные теории, при помощи которых эти партии старались уяснить себе свое собственное положение, наконец, самый исход войны — как необходимое следствие существовавших тогда исторических условий общественной жизни этих классов; другими словами, я пытался показать, что политический строй Германии, восстания против него, политические и религиозные теории эпохи были не причиной, а результатом той ступени развития, на которой находились тогда в Германии земледелие, промышленность, сухопутные и водные пути, торговля и денежное обращение. Это — единственно материалистическое — понимание истории было открыто не мной, а Марксом и проведено также в его работах о французской революции 1848—1849 гг., напечатанных в том же Обзрении, и в «18 брюмера Луи Бонапарта».

Параллель между германской революцией 1525 г. и революцией 1848—1849 гг. слишком бросалась в глаза, чтобы я мог тогда совершенно отказаться от нее. Однако наряду со сходством в общем ходе событий, выразившемся в том, что и тут и там одни и те же княжеские войска подавили одно за другим различные местные восстания, наряду с доходящим часто до смешного сходством в поведении городского бюргерства в обоих случаях, ясно и отчетливо выступали также и различия:

«Кто извлек выгоду из революции 1525 г.? — *Князя*. Кто извлек выгоду из революции 1848 г.? — *Крупные государи*, Австрия и Пруссия. За спиной мелких князей 1525 г. стояло мелкое бюргерство, привязывавшее их к себе налогами, а за крупными государами 1850 г., за Австрией и Пруссией, стоит современная крупная буржуазия, быстро подчиняющая их себе посредством государственного долга. А за спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»¹.

К сожалению, я должен сказать, что этим положением я оказал слишком много чести немецкой буржуазии. Она действительно, как в Австрии, так и в Пруссии, имела удобный случай «быстро подчинить себе посредством государственного долга» монархию, но нигде и никогда не использовала этот случай.

В результате войны 1866 г. буржуазия получила в подарок Австрию. Но она не умеет господствовать, она бессильна и ни на что не способна. Она умеет лишь одно: яростно набрасываться

¹ Эта цитата взята из последней главы работы Энгельса «Крестьянская война в Германии». *Ред.*

на рабочих, как только последние начинают шевелиться. Она остается еще у кормила только потому, что это нужно *венграм*.

А в Пруссии? Правда, государственный долг возрос с головокружительной быстротой, дефицит превратился в постоянное явление, год от года растут государственные расходы, буржуазии принадлежит в палате большинство, без ее согласия не могут быть ни повышены налоги, ни заключены новые займы, — но где же ее господство над государством? Еще несколько месяцев назад, когда государство опять стояло перед дефицитом, ее позиция была самой выгодной. При *некоторой* хотя бы выдержке она могла бы добиться значительных уступок. Что же она делает? Она видит достаточную уступку в том, что правительство *разрешает ей* положить к его ногам около 9 миллионов не на *один* лишь год, а в виде *ежегодного* взноса также и на все будущее время.

Бедных «национал-либералов», заседающих в палате, я вовсе не хочу порицать в большей степени, чем они того заслуживают. Я хорошо знаю, что они были покинуты теми, кто стоит за ними, — массой буржуазии. Эта масса не *хочет* властвовать. Она все еще помнит уроки 1848 г.

О том, почему германская буржуазия проявляет такую поразительную трусость, мы скажем ниже.

В других отношениях приведенное выше положение вполне подтвердилось. Мы видим, что начиная с 1850 г. мелкие государства все более отступают на задний план, служа лишь рычагами для прусских и австрийских интриг; между Австрией и Пруссией разгорается все более ожесточенная борьба за гегемонию, и, наконец, в 1866 г. этот спор получает насильственное разрешение, в результате которого Австрия сохраняет за собой свои собственные провинции, Пруссия подчиняет себе прямо или косвенно весь север, а три юго-западных государства оказываются пока выставленными за двери.

Для германского рабочего класса во всем этом лицедействе, разыгранном для почтеннейшей публики, имеет значение лишь следующее:

Во-первых, что рабочие получили благодаря всеобщему избирательному праву возможность непосредственно посылать своих представителей в законодательное собрание.

Во-вторых, что Пруссия первая подала хороший пример, проглотив три короны божьей милостью. Что она *после* этой оцерации еще сохраняет все ту же незапятнанную корону божьей милостью, которой она будто бы владела раньше, — этому не верят теперь даже национал-либералы.

В-третьих, что в Германии существует только *один* серьезный противник революции — прусское правительство.

И, в-четвертых, что австрийские немцы должны, наконец, поставить перед собой и решить раз навсегда вопрос о том, кем хо-

тят они быть — немцами или австрийцами? Что им дороже — Германия или их внешнемецкие транслейтанские привески? Давно уже было ясно, что они должны отказаться либо от того, либо от другого, но это всегда затушевывалось мелкобуржуазной демократией.

Что касается остальных спорных вопросов, связанных с 1866 г., служивших с того времени предметом до тошноты надоевшего обсуждения для «национал-либералов», с одной стороны, и «народной партии» — с другой, то история ближайших лет достаточно доказала, что обе эти точки зрения только потому так яростно враждуют между собой, что они представляют два противоположных полюса одной и той же ограниченности.

В общественных отношениях Германии 1866 год почти ничего не изменил. Несколько буржуазных реформ — единая система мер и весов, свобода передвижения, свобода промыслов и т. д., все притом в границах, отведенных бюрократией, — все еще уступают тому, чего давно уже добилась буржуазия других западноевропейских стран, и оставляют неприкосновенным главное зло — систему бюрократической опеки. Что же касается пролетариата, то обычная полицейская практика и без того свела совершенно на-нет все законы о свободе передвижения, о праве гражданства, об отмене паспортов и т. д.

Гораздо важнее лицедейства 1866 г. начавшееся с 1848 г. в Германии развитие промышленности и торговли, железных дорог, телеграфа и океанского пароходства. Как ни уступают эти успехи успехам, достигнутым в то же время Англией и даже Францией, они для Германии неслыханны и дали за двадцать лет гораздо больше, чем раньше давало целое столетие. Только теперь Германия втянута решительно и бесповоротно в *мировую торговлю*. Капиталы промышленников быстро увеличились, и соответственно этому поднялось и общественное значение буржуазии. *Спекуляция*, вернейший признак промышленного подъема, распустилась пышным цветом, приковав к своей триумфальной колеснице герцогов и графов. В то время как еще пятнадцать лет тому назад немецкие железные дороги выпрашивали поддержку у английских предпринимателей, теперь немецкий капитал — да будет ему земля пухом! — строит дороги в России и Румынии. Чем же объяснить, что буржуазия не завоевала также и политического господства, что она по отношению к правительству ведет себя так трусливо?

Несчастье немецкой буржуазии состоит в том, что она, по любимой немецкой манере, запоздала. Ее расцвет пришелся на тот период, когда буржуазия других западноевропейских стран в политическом отношении уже находилась в состоянии упадка. В Англии буржуазия смогла ввести в правительство своего настоящего представителя — Брайта — лишь путем расширения из-

бирательного права — меры, последствия которой должны положить конец всему буржуазному господству. Во Франции, где буржуазия, как таковая, как класс в целом, господствовала лишь в течение двух лет, 1849 и 1850, при республике, она смогла продлить свое социальное существование, лишь уступив свое политическое господство Луи Бонапарту и армии. А при бесконечно возросшем взаимодействии трех наиболее передовых стран Европы теперь уже совершенно невозможно, чтобы буржуазия могла идилически установить свое политическое господство в Германии, если оно уже изжило себя в Англии и Франции.

Своеобразная особенность буржуазии по сравнению со всеми остальными господствовавшими ранее классами состоит как раз в том, что в ее развитии имеется поворотный пункт, после которого всякое дальнейшее увеличение средств ее могущества и, следовательно, в первую очередь ее капиталов приводит лишь к тому, что она становится все более и более неспособной к политическому господству. *«За спиной крупной буржуазии стоит пролетариат»*. В той самой мере, в какой буржуазия развивает свою промышленность, торговлю и средства сообщения, в той же самой мере она порождает пролетариат. И в определенный момент, — который наступает не всюду одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, — она начинает замечать, что ее неразлучный спутник — пролетариат — стал перерастать ее. С этого момента она теряет способность к исключительному политическому господству; она ищет вокруг себя союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, она или делит свое господство или уступает его им совершенно.

В Германии этот поворотный пункт наступил для буржуазии уже в 1848 г. Правда, тогда немецкая буржуазия испугалась не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижские июньские бои 1848 г. показали ей, что ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что в Германии также имеются уже семена, которые могут дать такую же жатву; и с этого момента острие политического действия немецкой буржуазии было сломлено. Она стала искать союзников и продавать себя им за какую угодно цену, — и вплоть до сегодняшнего дня она не продвинулась вперед ни на шаг.

Все эти союзники по природе реакционны. Это — королевская власть с ее армией и бюрократией, это — крупная феодальная знать, это — мелкотравчатые захолустные юнкера, это, наконец, — попы. Со всеми ими буржуазия вступала в договоры и соглашения, лишь бы сохранить свою драгоценную шкуру, пока, наконец, ей уже нечем стало торговать. И чем более развивался пролетариат, чем более он начинал ощущать себя как класс и действовать как класс, тем малодушнее становилась буржуазия. Когда

поразительно плохая стратегия пруссаков победила при Садовой еще более плохую, к удивлению, стратегию австрийцев, трудно было сказать, кто вздохнул с большим облегчением — прусский буржуа, который заодно тоже был разбит при Садовой, или австрийский.

Наши крупные буржуа поступают в 1870 г. точь-в-точь так же, как поступали в 1525 г. средние бюргеры. Что касается мелких буржуа, ремесленных мастеров и лавочников, то они всегда остаются неизменными. Они надеются правдой и неправдой выбиться в ряды крупной буржуазии и боятся быть низвергнутыми в ряды пролетариата. Колеблясь между надеждой и страхом, они во время борьбы будут спасать свою драгоценную шкуру, а после победы примкнут к победителю. Такова уж их природа.

Нога в ногу с подъемом промышленности после 1848 г. шло развитие социальной и политической деятельности пролетариата. Роль, которую играют в настоящее время немецкие рабочие в своих профессиональных союзах, кооперативах, политических организациях и собраниях, при выборах и в так называемом рейхстаге, одна эта роль хорошо показывает, какой переворот произошел совершенно незаметно в Германии в течение последних двадцати лет. Немецким рабочим принадлежит величайшая честь, что *только они* добились того, чтобы посылать в парламент рабочих и представителей рабочих, между тем как ни французы, ни англичане не смогли до сих пор достигнуть этого.

Но и пролетариат не вышел еще из того состояния, которое допускает сравнение с 1525 г. Класс, исключительно и постоянно живущий на заработную плату, далеко еще не составляет большинства немецкого народа. Он поэтому также вынужден искать себе союзников. И последние могут быть найдены лишь среди мелких буржуа, городского люмпен-пролетариата, мелких крестьян и сельскохозяйственных батраков.

О *мелких буржуа* мы уже говорили. Они крайне ненадежны и непостоянны, за исключением тех случаев, когда одержана победа; тогда они поднимают совершенно невероятный крик в пивных. Тем не менее среди них имеются и очень хорошие элементы, которые сами присоединяются к рабочим.

Люмпен-пролетариат, представляющий собой отбросы из опустившихся элементов всех классов и сосредоточивающийся в больших городах, является самым плохим из всех возможных союзников. Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно назойлив. Если французские рабочие при всякой революции писали на домах: *Mort aux voleurs!* — смерть вора! — и не малое количество их расстреливали, то это происходило не в силу их яркой приверженности к собственности, а вследствие правильного понимания того, что прежде всего необходимо отделаться от этой банды. Всякий рабочий вождь, пользующийся люмпен-пролетариями как

своей гвардией и опирающийся на них, уже этим одним доказывает, что он предатель движения.

Мелкие крестьяне, — крупные принадлежат к буржуазии, — разнородны:

Или они — *феодалыные крестьяне*, обязанные отбывать барщинные повинности в пользу своих господ. Если буржуазия вовремя не освободила их от крепостной зависимости, — а это было ее долгом, — будет не трудно убедить их в том, что они могут ждать освобождения только от рабочего класса.

Или это — *арендаторы*. В этом случае мы большею частью имеем то же положение вещей, что и в Ирландии. Арендная плата доведена до такой высоты, что при среднем урожае крестьянин едва в состоянии прокормить себя и свою семью, при плохом же урожае он почти умирает с голоду, не может вносить арендной платы и в силу этого попадает в полную зависимость от милости землевладельца. Для таких людей буржуазия делает что-нибудь только тогда, когда ее вынуждают к этому. От кого же им ждать спасения, если не от рабочих?

Остаются крестьяне, которые ведут хозяйство на *небольших участках собственной земли*. Они в большинстве случаев так обременены ипотеками, что находятся в такой же зависимости от ростовщиков, как арендаторы от землевладельцев. И у них остается лишь очень скудный и к тому же благодаря колебаниям урожайности крайне неустойчивый заработок. Они менее всего могут возлагать какие-нибудь надежды на буржуазию, так как их эксплуатируют как раз буржуа, капиталисты-ростовщики. Однако они большею частью очень привязаны к своей собственности, хотя в действительности она принадлежит не им, а ростовщику. Все же их можно убедить в том, что они только тогда смогут быть освобождены от ростовщика, когда подчиненное народу правительство превратит все ипотечные долги в единый долг государству и этим путем понизит процент. А это может выполнить только рабочий класс.

Всюду, где господствует средняя и крупная земельная собственность, наиболее многочисленный класс в деревне составляют *сельскохозяйственные батраки*. Так обстоит дело во всей северной и восточной Германии, и *здесь* находят городские промышленные рабочие своих *наиболее многочисленных и естественных союзников*. Между землевладельцем или крупным арендатором и сельскохозяйственным батраком существуют те же отношения, как и между капиталистом и промышленным рабочим. Те самые мероприятия, которые помогают одному, должны помочь и другому. Промышленные рабочие могут себя освободить только в том случае, если превратят капиталы буржуазии, т. е. сырье, машины, орудия и средства к жизни, необходимые для производства, в общественную собственность, т. е. в свою коллективно используемую

ими собственность. Точно так же и сельскохозяйственные рабочие могут освободиться от своей ужасной нищеты только в том случае, если прежде всего земля, являющаяся главным объектом их труда, будет изъята из частного владения крупных крестьян и еще более крупных феодалов и обращена в общественную собственность, коллективно обрабатываемую товариществами сельскохозяйственных рабочих. Здесь мы встречаемся с знаменитым решением Базельского международного рабочего конгресса: в интересах общества необходимо обратить земельную собственность в общую, национальную собственность. Это решение имело главным образом в виду те страны, где существует крупная земельная собственность и связанное с ней крупное хозяйство на больших участках земли, причем в этих больших имениях существуют один господин и множество наемных рабочих. Но такое положение вещей в общем все еще преобладает в Германии, и поэтому решение Базельского конгресса было *в высшей степени своевременным* наряду с Англией как раз для Германии. Земледельческий пролетариат, сельские батраки, это — тот класс, который дает наибольшее число рекрутов в армии государей. Это — тот класс, который в настоящее время посылает в парламент благодаря всеобщему избирательному праву большую часть феодалов и юнкеров. Но в то же время это — тот класс, который ближе всего стоит к городским промышленным рабочим, разделяет вместе с ними одинаковые условия существования и находится даже в более бедственном положении, чем они. Этот класс бессилен, так как он раздроблен и рассеян; правительство и дворянство, однако, хорошо знают его скрытую силу и намеренно стараются привести в упадок школы, чтобы оставить его невежественным. Поэтому ближайшая и наиболее настоятельная задача немецкого рабочего движения состоит в том, чтобы оживить его и втянуть в движение. С того момента, когда масса сельских рабочих научится понимать свои собственные интересы, в Германии станет невозможным никакое реакционное — будь то феодальное, бюрократическое или буржуазное — правительство.

* *
*

Предшествующие строки были написаны более четырех лет назад. Они и теперь сохраняют свое значение. То, что было верно после Садовой и разделения Германии, подтверждается и после Седана и основания Священной германской империи прусской нации. Так мало изменений могут внести в направление исторического движения «потрясающие мир» «лицедейства» так называемой большой политики.

Они могут лишь ускорить ход этого движения. В этом отношении виновники указанных «потрясающих мир событий» не-

волью достигли таких успехов, которые для них самих наверное крайне нежелательны, но с которыми волей-неволей им приходится считаться.

Уже война 1866 г. потрясла старую Пруссию до самых ее основ. После 1848 г. стоило уже не мало труда вновь подчинить старой дисциплине мятежный индустриальный — как буржуазный, так и пролетарский — элемент западных провинций; все же это удалось, и интересы юнкеров восточных провинций наряду с интересами армии снова стали господствующими в государстве. В 1866 г. почти вся северо-западная Германия стала прусской. Не говоря уж о непоправимом моральном ущербе, который потерпела прусская божьей милостью корона, проглотив три других короны божьей милостью, — теперь центр тяжести монархии заметно переместился на запад. Пятимиллионное население Рейнской области и Вестфалии было подкреплено сначала 4 миллионами немцев путем прямой аннексии, а затем — 6 миллионами немцев путем косвенной аннексии через Северо-германский союз. А в 1870 г. к этому прибавилось еще 8 миллионов юго-западных немцев, так что в «новой империи» 14,5 миллионам старых пруссаков (из 6 ост-эльбских провинций, где в том числе было еще 2 миллиона поляков) противостояло около 25 миллионов, давно уже переросших старопрусский юнкерский феодализм. Таким образом, именно победы прусской армии произвели решительный сдвиг во всем фундаменте прусского государственного здания; господство юнкерства становилось все более и более невыносимым даже для правительства. Но в то же время стремительно-быстрое промышленное развитие оттеснило борьбу между юнкерами и буржуазией на задний план перед борьбой между буржуазией и рабочими, так что в общественных основах старого государства произошел и изнутри решительный переворот. Основной предпосылкой медленно разлагавшейся с 1840 г. монархии была борьба между дворянством и буржуазией, борьба, в которой монархия поддерживала равновесие. Но с того момента, когда вместо защиты дворянства от напора буржуазии пришлось охранять все имущие классы от напора рабочего класса, старая абсолютная монархия должна была полностью перейти в другую, специально для этой цели выработанную государственную форму: *в бонапартистскую монархию*. Этот переход Пруссии к бонапартизму я рассмотрел уже в другом месте («К жилищному вопросу», 2-й отдел, стр. 26 и сл.)¹. Но там я не отметил одного факта, который здесь имеет

¹ Энгельс имеет в виду следующее место из «Жилищного вопроса», написанного им в 1872 г.: «...В действительности же и в Германии государство в том виде, в каком оно там существует, есть необходимый продукт того общественного основания, из которого оно выросло. В Пруссии, — а Пруссия имеет теперь решающее значение, — наряду со все еще сильным крупнопоместным дворянством существует сравнительно молодая и крайне

весьма существенное значение, а именно, что этот переход был *величайшим шагом вперед*, сделанным Пруссией после 1848 г., — настолько отстала Пруссия от современного развития. Она все еще оставалась полуфеодальным государством, а бонапартизм — уж во всяком случае современная государственная форма, которая предполагает устранение феодализма. Поэтому Пруссия должна решиться на то, чтобы покончить с многочисленными в ней остатками феодализма и пожертвовать юнкерством как таковым. Все это, конечно, совершается в самой мягкой форме и под звуки любимой мелодии: «Тише едешь — дальше будешь». Так, например, обстоит дело с пресловутым положением об округах. Оно отменяет феодальные привилегии отдельного юнкера на территории его имения, но лишь для того, чтобы восстановить их в виде привилегий всей совокупности крупных землевладельцев на территории целого округа. Сущность дела остается той же, только переведенной с феодального на буржуазный язык. Старопрусского юнкера принудительно превращают в некое подобие английского сквайра, но ему вовсе незачем было особенно противиться этому, так как и тот и другой одинаково глупы.

Таким образом, Пруссии выпала своеобразная судьба — завершить свою буржуазную революцию, начавшуюся в 1808—1813 гг. и сделавшую шаг вперед в 1848 г., — завершить ее в конце этого столетия в приятной форме бонапартизма. И если все будет идти гладко и мир будет спокойно ждать, а мы сами достаточно долго жить, то, может быть, к 1900 г. мы доживем до того, что прусское правительство действительно уничтожит все феодальные учреждения и Пруссия, наконец, достигнет того положения, в котором Франция находилась в 1792 г.

Уничтожение феодализма, выраженное в положительной форме, означает установление буржуазного строя. По мере того как отпадают привилегии дворянства, законодательство становится бур-

трусливая буржуазия, которая до сих пор не завоевала ни прямой политической власти, как во Франции, ни более или менее косвенной, как в Англии. Но рядом с этими двумя классами существует быстро увеличивающийся, интеллектуально очень развитый и с каждым днем все более и более организующийся пролетариат. Таким образом, наряду с основным условием старой абсолютной монархии — равновесием между земельным дворянством и буржуазией — мы находим здесь основное условие современного бонапартизма: равновесие между буржуазией и пролетариатом. Но как в старой абсолютной монархии, так и в современной бонапартистской действительная правительственная власть находится в руках особой офицерской и чиновничьей касты, которая в Пруссии пополняется частью из собственной среды, частью из мелкого майоратного дворянства, реже — из высшего дворянства и в самой незначительной части — из буржуазии. Самостоятельность этой касты, которая кажется стоящею вне и, так сказать, над обществом, придает государству видимость самостоятельности по отношению к обществу» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 52—53). *Ред.*

жуазным. И здесь мы натываемся на основу отношения немецкой буржуазии к правительству. Мы видели, что правительство *вынуждено* вводить эти медлительные и мелочные реформы. Но перед буржуазией каждую из этих маленьких уступок оно изображает как принесенную ей *жертву*, как вырванную у короны с большим трудом поблажку, за которую они, буржуа, должны, со своей стороны, также кое в чем уступить правительству. И буржуа, хотя суть дела для них довольно ясна, идут на этот обман. Отсюда и вытекает тот безмолвный договор, который в Берлине негласно лежит в основе всех дебатов в рейхстаге и в прусской палате: с одной стороны, правительство черепашным шагом реформирует законы в интересах буржуазии, устраняет созданные феодализмом и партикуляризмом мелких государств препятствия развитию индустрии, устанавливает единство монеты, мер и весов, вводит свободу промыслов и т. д., устанавливает свободу передвижения, предоставляя этим в неограниченное распоряжение капитала рабочую силу Германии, покровительствует торговле и спекуляции; с другой стороны, буржуазия предоставляет правительству всю действительную политическую власть, вотирует налоги, займы и солдатские наборы и помогает ему формулировать все новые законы о реформах так, чтобы старая полицейская власть над неугодными лицами оставалась в полной силе. Буржуазия покупает свое постепенное социальное освобождение ценою немедленного отказа от собственной политической власти. Разумеется, главным побудительным мотивом, делающим для буржуазии приемлемым такой договор, является не страх перед правительством, а страх перед пролетариатом.

Как ни жалки выступления нашей буржуазии в политической области, нельзя, однако, отрицать, что в отношении промышленности и торговли она, наконец, стала выполнять свой долг. Подъем промышленности и торговли, который был отмечен во введении ко второму изданию, развивался с тех пор с еще большей энергией. То, что происходило в этом отношении в Рейнско-вестфальской промышленной области с 1869 г., представляет собой прямо-таки неслыханное для Германии явление и напоминает расцвет английских фабричных округов в начале этого столетия. То же самое будет также в Саксонии и Верхней Силезии, в Берлине, Ганновере и приморских городах. Мы имеем, наконец, мировую торговлю, настоящую крупную промышленность, настоящую современную буржуазию; но зато у нас произошел и настоящий кризис, а также сложился настоящий, мощный пролетариат.

Для будущего историка грохот пушек в боях под Шпихерном, Марс-ла-Туром и Седаном и все с этим связанное будет иметь в истории Германии 1869—1874 гг. гораздо меньше значения, чем неприятное, спокойное, но непрерывно прогрессирующее

развитие немецкого пролетариата. Уже в 1870 г. немецким рабочим пришлось выдержать тяжелое испытание: бонапартистскую провокацию войны и ее естественный результат — всеобщий национальный энтузиазм в Германии. Немецкие социалистические рабочие ни на минуту не дали сбить себя с толку. Они не проявили ни капли националистического шовинизма. Среди самого неистового опьянения победой они сохранили хладнокровие, требовали «справедливого мира без аннексий» с французской республикой, и даже осадное положение не могло заставить их замолчать. Среди них не нашли отзвука ни увлечение военной славой, ни разговоры о «величии Германской империи»; единственной их целью осталось освобождение всего европейского пролетариата. С полным правом можно сказать: столь тяжелому испытанию, которое было так блестяще выдержано, не подвергались до сих пор рабочие никакой другой страны.

За осадным положением военного времени последовали процессы о государственной измене, оскорблении величества и чиновников, все возраставшие полицейские придирки мирного времени. У газеты «*Volksstaat*» сидело в тюрьме обычно три-четыре редактора одновременно, у других газет — также соответствующее количество. Всякий сколько-нибудь известный партийный оратор должен был по меньшей мере раз в год представлять перед судом, где ему почти всегда выносили обвинительный приговор. Градом сыпались высылки, конфискации, роспуски собраний. Но все — напрасно. Каждого арестованного или высланного тотчас заменял другой; взамен каждого распущенного собрания созывались два новых; выдержкой и точным соблюдением законов добивались того, что полиции становилось слишком утомительно осуществлять свой произвол. Все преследования приводили к противоположным результатам: они не только не могли сломить или хотя бы согнуть рабочую партию, но лишь привлекали к ней новых приверженцев и укрепляли ее организацию. В своей борьбе как с властями, так и с отдельными буржуа рабочие везде проявляли свое умственное и нравственное превосходство, доказав в своих столкновениях с так называемыми «работодателями», что теперь они, рабочие, являются просвещенными людьми, а капиталисты — неучами. При этом борьбу они большею частью ведут с юмором, который является лучшим доказательством их уверенности в своем деле и сознания собственного превосходства. Борьба, которую так проводят на подготовленной историей почве, должна дать большие результаты. Успех январских выборов представляет собою исключительное явление в истории современного рабочего движения, и вполне понятно было то изумление, которое было ими вызвано во всей Европе.

Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества

пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывают та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского,

немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов. Хотя голоса, собранные социалистами в январе, и представляют собою уже довольно значительную армию, но они все же далеко еще не составляют большинства немецкого рабочего класса; и, как ни много бодрости придают успехи пропаганды среди сельского населения, все же именно здесь остается еще сделать бесконечно много. Поэтому нельзя уставать в борьбе, а надо отвоевывать у врага город за городом, избирательный округ за округом. Но прежде всего необходимо сохранять истинно интернациональный дух, исключаяющий возникновение какого бы то ни было патриотического шовинизма и радостно приветствующий всякий новый шаг в пролетарском движении, от какой бы нации он ни исходил. Если немецкие рабочие будут так же идти вперед, то они будут не то что маршировать во главе движения, — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии.

Лондон, 1 июля 1874 г.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Первая часть (до звездочек) впервые напечатана во 2-м немецком издании «Крестьянской войны в Германии», Лейпциг, 1870 г., вторая часть — в 3-м издании, Лейпциг, 1875 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1.

КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА ¹

Печатаемая здесь рукопись — критика проекта программы вместе с сопроводительным письмом к Бракке — была в 1875 г., незадолго до Готского объединительного съезда, отправлена Бракке с просьбой показать ее Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту и вернуть затем обратно Марксу. Так как партийный съезд в Галле поставил в порядок дня дискуссию о Готской программе, то я полагаю, что с моей стороны было бы преступлением, если бы я еще дольше задерживал опубликование этого важного документа, пожалуй, самого важного из всех документов, относящихся к данной дискуссии.

Но рукопись эта имеет еще и другое, более широкое значение. В ней впервые ясно и четко изложено отношение Маркса к линии, взятой Лассалем с самого начала его агитационной деятельности, и притом как к экономическим принципам Лассалья, так и к его тактике.

Беспощадная резкость, с какой Маркс разбирает здесь проект программы, неумолимость, с какой он высказывает свои выводы, вскрывая слабости проекта, — все это теперь, через пятнадцать

¹ Опубликование Энгельсом «Критики Готской программы» Маркса в начале 1891 г. находилось в связи с тем, что на ближайшем партийном съезде германской социал-демократической партии (состоявшемся в Эрфурте) предстояло принять новую программу. Рукопись Маркса была опубликована Энгельсом вопреки сопротивлению оппортунистических вождей германской социал-демократии, замалчивавших в течение 15 лет «Критику» Маркса.

Обстоятельства, при которых была опубликована «Критика» Маркса, стали известны из писем Энгельса, относящихся к тому времени. Одно из этих писем (Энгельс Каутскому от 23 февраля 1891 г.) помещено ниже.

Из настоящего предисловия, которое Энгельс предпослал «Критике Готской программы» при опубликовании ее в «Neue Zeit», видно, что Энгельсу пришлось пойти на некоторые смягчения стиля резкой критики Марксом оппортунистической тактики вождей «эйзенахцев» при объединении их с лассальянцами.

В публикуемом нами тексте «Критики» все опущенные и смягченные места восстановлены согласно найденной среди бумаг Энгельса рукописной копии «Замечаний» Маркса. *Ред.*

лет, никого уже не может обидеть. Специфические лассальянцы существуют еще только за границей в виде одиноких обломков, а от Готской программы, как совершенно неудовлетворительной, отказались в Галле даже ее творцы¹.

Тем не менее там, где это было возможно без ущерба для дела, я опустил некоторые резкие выражения и оценки, относящиеся к отдельным лицам, заменив их точками. Маркс сам поступил бы так же, если бы публиковал теперь эту рукопись. Ее местами резкий тон был вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, Маркс и я срослись с германским движением теснее, чем с каким-либо другим, так что решительный шаг назад, провозглашенный в этом проекте программы, должен был возмутить нас особенно сильно. Во-вторых, мы находились тогда (после Гаагского конгресса Интернационала едва прошло два года)² в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами, которые возлагали на нас ответственность за все, что происходило в германском рабочем движении, так что мы должны были ожидать, что нам припишут тайное отцовство в отношении этой программы. Эти соображения теперь отпадают, а вместе с ними отпадает и необходимость соответствующих мест.

Некоторые фразы заменены точками также и по цензурным соображениям. Там, где мне приходилось выбирать более мягкое выражение, я заключал его в прямые скобки. В остальном рукопись перепечатана дословно.

Лондон, 6 января 1891 г.

*Написано Ф. Энгельсом на немецком языке.
Впервые напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Jhrg. IX, Bd. I, № 18, 1891 —
Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2.*

¹ Съезд социал-демократической партии Германии в Галле — первый съезд после отмены исключительного закона против социалистов — решил 16 октября 1890 г., по предложению В. Либкнехта, главного автора Готской программы, подготовить к следующему партийному съезду проект новой программы. Новая программа германской социал-демократии была принята в октябре 1891 г. на Эрфуртском съезде («Эрфуртская программа»). *Ред.*

² Пятый, Гаагский, конгресс I Интернационала в сентябре 1872 г. прошел под знаком борьбы с бакунистами. Большинство конгресса стало на сторону Генерального Совета, руководимого Марксом. Бакунин был исключен из Интернационала. *Ред.*

ПИСЬМО К В. БРАККЕ

Лондон, 5 мая 1875 г.

Дорогой Бракке!

Нижеследующие критические замечания к объединительной программе будьте добры по прочтении передать для ознакомления Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Я завален работой и вынужден переступать уже далеко за рамки рабочего времени, разрешенного мне врачами. Поэтому мне отнюдь не доставляло особого «удовольствия» исписать так много бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначаются эти заметки, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять. — Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда; мы заявим, что мы совершенно непричастны к принципам указанной программы и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространен заботливо поддерживаемый врагами партии взгляд, — взгляд совершенно ложный, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии. Еще в своей недавно появившейся на русском языке книге ¹ Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. упомянутой партии, но даже и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с народной партией.

Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы лишь путем дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию.

Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было, — а обстоятельства этого не допускали, — выйти за пределы эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда

¹ Речь идет о книге Бакунина «Государственность и анархия» (Цюрих, 1873). *Ред.*

оно будет подготовлено более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вежи, по которым люди судят об уровне партийного движения. Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и, со своей стороны, признают эти мандаты обязательными, т. е. сдаются на милость или немилость тех, кто сам нуждается в помощи. К довершению всего они ¹ созывают съезд еще *до согласительного съезда*, между тем как собственная партия созывает свой съезд только *post festum* ². Здесь явно стремились сорвать всякую критику и не дать опомниться собственной партии. Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой.

Впрочем, программа никуда не годится и независимо от того, что она канонизирует лассалевский символ веры.

В ближайшее время я пришлю Вам последние выпуски французского издания «Капитала». Печатание было на долгое время задержано запрещением французского правительства. На этой неделе или в начале следующей книга будет готова ³. Получили ли Вы 6 первых выпусков? Сообщите мне, пожалуйста, также адрес Бернгарда Беккера, которому я тоже должен послать последние выпуски.

У книгоиздательства «Volksstaat» своеобразные нравы. Так, до сих пор, например, мне даже не прислали ни одного экземпляра нового издания «Кельнского процесса коммунистов».

С сердечным приветом

Ваш Карл Маркс.

Написано К. Марксом на немецком языке. Впервые напечатано (с пропусками) в журнале «Die Neue Zeit», Jhrg. IX, Bd. I, № 18, 1891. Полностью напечатано в книге: Marx. Kritik des Gothaer Programms. М.—Л. 1933. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.

¹ Т. е. вожди лассальянцев. *Ред.*

² После празднества, т. е. по окончании дела. *Ред.*

³ Французский перевод первого тома «Капитала»; проредактированный самим Марксом, выходил выпусками в 1872—1875 гг. в Париже. *Ред.*

ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОГРАММЕ ГЕРМАНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ¹

I

1. «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры, а так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Первая часть параграфа: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры».

Труд не есть источник всякого богатства. *Природа* в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы. Приведенную выше фразу вы встретите во всяком детском букваре, и она правильна постольку, поскольку в ней *подразумевается*, что труд совершается при наличии соответствующих предметов и орудий. Но социалистическая программа не должна допускать подобных буржуазных оборотов речи, обходящих молчанием те *условия*, которые одни только и придают им смысл. Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с нею как с принадлежащей ему вещи, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а следовательно, и богатства. У буржуа есть очень серьезные основания приписывать труду *сверхъестественную творческую силу*, так как именно

¹ «Критика Готской программы» наряду с «Манифестом коммунистической партии» является важнейшей программной работой Маркса. На многих страницах, в самых сжатых формулировках она дает теоретические основы программы партии пролетариата.

Со своей «Критикой» Маркс выступил в мае 1875 г. против грубых оппортунистических ошибок, допущенных в принципиальных программных вопросах вождами германской социал-демократии при объединении двух существовавших в то время немецких рабочих партий — руководимой Либкнехтом и Бебелем Социал-демократической рабочей партии Германии (так называемые эйзенахцы) и возглавлявшейся Газенклевером, Гассельманом и Тельке лассальянской партии — Всеобщего германского рабочего союза.

Ред.

из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда. Только с их разрешения может он работать, стало быть, только с их разрешения — жить.

Но оставим уж эту фразу, как она есть, каковы бы ни были ее недостатки. Какого же заключения надо бы ожидать? Очевидно, следующего:

«Так как труд есть источник всякого богатства, то ни один член общества не может и присваивать себе богатство иначе, как присваивая продукт труда. Если же он сам не работает, то он живет чужим трудом, и свою культуру он также приобретает за счет чужого труда».

Вместо этого при помощи словечек *«а так как»* к первому предложению пристегивается второе, чтобы вывод сделать из этого второго предложения, а не из первого.

Вторая часть параграфа: «Приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества».

Согласно первому положению, труд являлся источником всякого богатства и всякой культуры, а следовательно, никакое общество не возможно без труда. Теперь же мы узнаем, наоборот, что никакой «приносящий пользу» труд не возможен без общества.

С таким же успехом можно было бы сказать, что только в обществе бесполезный или даже вредный для общества труд может стать отраслью промышленности, что только в обществе можно жить праздно, и т. д. и т. д., — короче, переписать всего Руссо.

А что такое «приносящий пользу» труд? Ведь это всего лишь такой труд, который достигает намеченного полезного результата. Дикарь (а человек — дикарь, после того как он перестал быть обезьяной), который убивает камнем зверя, собирает плоды и т. д., совершает «приносящий пользу» труд.

В-третьих. Заключение: «А так как приносящий пользу труд возможен лишь в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

Вот так заключение! Если приносящий пользу труд возможен только в обществе и при посредстве общества, то доход от труда принадлежит обществу, а на долю отдельного рабочего придется из этого дохода лишь то, что не требуется на содержание «условия» труда — общества.

И в самом деле, во все времена защитники *каждого данного общественного строя* выдвигали это положение. Прежде всего выступают притязания правительства и всего того, что к нему

липнет, — ведь правительство является, мол, общественным органом для сохранения общественного порядка; затем следуют притязания различных видов частной собственности, так как различные виды частной собственности составляют, мол, основы общества, и т. д. Эти пустые фразы можно, как видите, вертеть и поворачивать как угодно.

Сколько-нибудь разумную связь первая и вторая части параграфа могут иметь лишь в следующей редакции:

«Источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд», или, что то же самое, «в обществе и при посредстве общества».

Это положение бесспорно правильно, так как если обособленный труд (предполагается, что его вещественные условия имеются налицо) и может создавать потребительные стоимости, то ни богатства, ни культуры он создать не может.

Но столь же бесспорно и другое положение:

«По мере того как происходит общественное развитие труда и, таким образом, труд становится источником богатства и культуры, — развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне нерабочего».

Это — закон всей истории до настоящего времени. Следовательно, вместо общих фраз о «труде» и «обществе» нужно было ясно показать, как в современном капиталистическом обществе были, наконец, созданы те материальные и прочие условия, которые делают рабочих способными сокрушить это общественное проклятие и заставляют их это сделать.

На самом же деле весь этот параграф, неудачный по форме, ошибочный по содержанию, вставлен здесь лишь для того, чтобы лассалевскую формулу о «неурезанном трудовом доходе» написать в качестве первого лозунга на партийном знамени. Позднее я вернусь к «трудовому доходу», к «равному праву» и пр., так как то же самое повторяется в несколько иной форме и дальше.

2. «В современном обществе средства труда являются монополией класса капиталистов. Обусловленная этим зависимость рабочего класса есть причина нищеты и порабощения во всех формах».

Это заимствованное из устава Интернационала положение в данной «исправленной» редакции ложно.

В современном обществе средства труда составляют монополию землевладельцев (монополия землевладения является даже основой монополии капитала) и капиталистов. В соответствующем пункте устав Интернационала не называет ни того, ни другого класса монополистов. Он говорит о «*монополии на средства труда, т. е. на источники жизни*». Добавление «*источники жизни*» достаточно показывает, что в средства труда включена также и земля.

Исправление было сделано потому, что Лассаль по мотивам, в настоящее время всем известным, нападал *только* на класс капиталистов, но не на землевладельцев. В Англии капиталист по большей части даже не является собственником той земли, на которой стоит его фабрика.

3. «Освобождение труда требует возведения средств труда в достояние всего общества и коллективного регулирования совокупного труда при справедливом распределении трудового дохода».

«Возведение средств труда в достояние всего общества» обозначает, повидимому, их «превращение в достояние всего общества». Но это лишь мимоходом.

Что такое «трудовой доход»? Продукт труда или же его стоимость? А в последнем случае, валовая ли стоимость продукта или только та часть стоимости, которую труд присоединил к стоимости потребленных средств производства?

«Трудовой доход» — расплывчатое представление, выдвинутое Лассалем вместо определенных экономических понятий.

Что такое «справедливое распределение»?

Разве буржуа не утверждают, что современное распределение «справедливо»? И разве оно не является в самом деле единственно «справедливым» распределением на базе современного способа производства? Разве экономические отношения регулируются правовыми понятиями, а не наоборот, не возникают ли правовые отношения из экономических? И разве разные социалистические сектанты не придерживаются самых различных представлений о «справедливом» распределении?

Чтобы знать, что в данном случае подразумевают под словами «справедливое распределение», мы должны сопоставить первый параграф с этим параграфом. Последний предполагает такое общество, в котором «средства труда составляют общественное достояние и совокупный труд регулируется коллективно», а в первом параграфе мы видим, что «доход от труда принадлежит в неурезанном виде и на равных правах всем членам общества».

«Всем членам общества»? Даже и неработающим? Где же тогда «неурезанный трудовой доход»? Только работающим членам общества? Где же тогда «равное право» всех членов общества?

Но «все члены общества» и «равное право» — очевидно только фразы. Суть же дела в том, что в этом коммунистическом обществе каждый работник должен получить лассалевский «неурезанный трудовой доход».

Если выражение «трудовой доход» мы возьмем сначала в смысле продукта труда, то коллективный трудовой доход окажется *совокупным общественным продуктом*.

Из него надо теперь вычесть:

Во-первых, то, что требуется для возмещения потребленных средств производства.

Во-вторых, добавочную часть для расширения производства.

В-третьих, резервный или страховой фонд для страхования от несчастных случаев, стихийных бедствий и т. д.

Эти вычеты из «неурезанного трудового дохода» — экономическая необходимость, и их размеры должны быть определены на основе наличных средств и сил, отчасти на основе теории вероятности, но они никоим образом не поддаются вычислению на основе справедливости.

Остается другая часть совокупного продукта, предназначенная служить предметами потребления.

Прежде чем дело дойдет до индивидуального дележа этой оставшейся части, из нее вновь вычитаются:

Во-первых, общие, не относящиеся к производству издержки управления.

Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества.

Во-вторых, то, что предназначается для совместного удовлетворения потребностей, как то: школы, учреждения здравоохранения и т. д.

Эта доля сразу же значительно возрастет по сравнению с тем, какова она в современном обществе, и будет все более возрастать по мере развития нового общества.

В-третьих, фонды для нетрудоспособных и пр., короче — то, что теперь относится к так называемому официальному призрачному бедных.

Лишь теперь мы подходим к тому «распределению», которое программа, под лассалевским влиянием, так ограничено только и имеет в виду, а именно к той части предметов потребления, которая делится между индивидуальными производителями коллектива.

«Неурезанный трудовой доход» незаметно превратился уже в «урезанный», хотя все удерживаемое с производителя как частного лица прямо или косвенно идет на пользу ему же как члену общества.

Подобно тому как исчезла фраза о «неурезанном трудовом доходе», так исчезает теперь и фраза о «трудовом доходе» вообще.

В обществе, организованном на началах товарищества, основанном на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистиче-

скому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда. Выражение «трудовой доход», неприемлемое и в настоящее время из-за своей двусмысленности, теряет, таким образом, всякий смысл.

Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло. Соответственно этому каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами ровно столько, сколько сам дает ему. То, что он дал обществу, составляет его индивидуальный трудовой пай. Например, общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя — это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме.

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей. Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому *равное право* здесь по принципу все еще является *правом буржуазным*, хотя принцип и практика здесь уже не противостоят друг другу, тогда как при товарообмене обмен эквивалентами существует лишь *в среднем*, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, это *равное право* в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей *пропорционально* доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится *равным мерилom* — трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количе-

ство труда или же способен работать дольше; а труд, для того чтобы он мог служить мерилom, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерилom. Это *равное* право есть *неравное* право для *неравного* труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый является только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает *неравную индивидуальную одаренность*, а следовательно, и *неравную работоспособность* естественными привилегиями. *Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как всякое право.* По своей природе право может состоять лишь в применении *равного* мерилa; но *неравные индивидуумы* (а они не были бы различными индивидуумами, если бы не были *неравными*) могут быть измеряемы одним и тем же мерилom лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом зрения, берут только с одной *определенной* стороны, как в данном, например, случае, где их рассматривают *только как рабочих* и ничего более в них не видят, отвлекаются от всего остального. Далее: один рабочий женат, а другой нет, у одного больше детей, чем у другого, и т. д. и т. д. При *равном* труде и, следовательно, при *равном* участии в общественном потребительном фонде один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того чтобы быть *равным*, должно бы быть *неравным*.

Но эти недостатки неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества.

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям».

Я остановился более обстоятельно на «неурезанном трудовом доходе», с одной стороны, и на «равном праве» и «справедливом распределении» — с другой, для того чтобы показать, какое большое преступление совершают, когда, с одной стороны, стремятся вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились в устарелый словесный хлам, а с другой

стороны, желают извратить реалистическое понимание, с таким трудом привитое партии, но теперь уже пустившее в ней корни, идеологическим правовым и прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов.

Помимо всего вышеизложенного, было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и ставить на нем главное ударение.

Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства. Например, капиталистический способ производства покоится на том, что вещественные условия производства в форме собственности на капитал и собственности на землю находятся в руках нерабочих, в то время как масса обладает только личным условием производства — рабочей силой. Раз элементы производства распределены таким образом, то отсюда само собой вытекает и современное распределение предметов потребления. Если же вещественные условия производства будут составлять коллективную собственность самих рабочих, то в результате получится также и распределение предметов потребления, отличное от современного. Вульгарный социализм (а от него и некоторая часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства, а отсюда изображать дело так, будто социализм вращается преимущественно вокруг вопросов распределения. Но когда истинное отношение давным-давно уже выяснено, к чему же снова возвращаться вспять?

4. «Освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу».

Первая строфа взята из вступительных слов устава Интернационала, но подверглась «исправлению». Там сказано: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих», здесь же, напротив, «рабочий класс» должен освободить — что? — «труд». Пойми, кто может.

Зато, как бы в виде возмещения, следует антистрофа — лассалёвская цитата чистейшей воды: «по отношению к которому (рабочему классу) все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу».

В «Коммунистическом манифесте» сказано:

«Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собою действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничто-

жаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт»¹.

Буржуазия, как носительница крупной промышленности, рассматривается здесь как революционный класс по отношению к феодалам и средним сословиям, стремящимся удержать за собой все те социальные позиции, которые созданы устарелыми способами производства. Следовательно, они не образуют *вместе с буржуазией* лишь одну реакционную массу.

С другой стороны, пролетариат революционен по отношению к буржуазии, потому что он, выросши сам на почве крупной промышленности, стремится лишить производство того капиталистического характера, который старается увековечить буржуазия. Но «Манифест» при этом добавляет, что «средние сословия... становятся революционными постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата».

С этой точки зрения, следовательно, опять-таки бессмыслица, будто по отношению к рабочему классу они вместе с буржуазией и вдобавок еще с феодалами «составляют лишь одну реакционную массу».

Разве на последних выборах² заявляли ремесленникам, мелким промышленникам и т. п., а также *крестьянам*: «По отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете лишь одну реакционную массу»?

Лассаль знал «Коммунистический манифест» наизусть так же, как его правоверные последователи знают составленные им священные писания. И если он так грубо исказил «Манифест», то сделал это лишь для того, чтобы оправдать свой союз с абсолютистскими и феодальными противниками против буржуазии.

Кроме того, к вышеуказанному параграфу премудрое лассалевское изречение вообще притянута за волосы без всякой связи с этой нелепо «исправленной» цитатой из устава Интернационала. Здесь перед нами просто наглая выходка, и уж, конечно, отнюдь не неприятная г. Бисмарку, одна из тех дешевых дерзостей, которыми промышленяет берлинский Марат³.

5. «Рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего *в рамках современного национального государства*, сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов».

¹ См. т. I настоящего издания, стр. 147. *Ред.*

² Выборы в рейхстаг, о которых идет речь, происходили в январе 1874 г. *Ред.*

³ Берлинским Маратом Маркс здесь иронически называет, повидимому, Гассельмана, главного редактора «Neuer Sozialdemokrat» («Новый Социал-демократ»), центрального органа лассальянцев. *Ред.*

В противоположность «Коммунистическому манифесту» и всему предшествующему социализму, Лассаль подходил к рабочему движению с самой узкой национальной точки зрения. Ему в этом подражают, и это после деятельности Интернационала!

Само собой разумеется, что рабочий класс, для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома сорганизоваться *как класс* и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в «Коммунистическом манифесте», «по своей форме» национальна. Однако «рамки современного национального государства» — к примеру, Германской империи — сами в свою очередь находятся экономически «в рамках» всемирного рынка, политически — «в рамках» системы государств. Любому купцу известно, что германская торговля есть в то же время и внешняя торговля, и величие г. Бисмарка состоит как раз в проведении известного рода *международной* политики.

К чему же сводит германская рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее стремлений будет «*международное братство народов*». Эта фраза, заимствованная у буржуазной Лиги мира и свободы¹, должна сойти за эквивалент международного братства рабочих классов в их совместной борьбе против господствующих классов и их правительств. Итак, о *международных функциях* германского рабочего класса — ни слова! И это все, что ему предлагают противопоставить своей собственной буржуазии, братски объединившейся уже против него с буржуазией всех других стран, и международной заговорщической политике г. Бисмарка!²

Поистине, интернационализм программы стоит *еще бесконечно ниже*, чем интернационализм партии свободной торговли. И та тоже утверждает, что результатом ее стремлений будет «*международное братство народов*». Но она и *делает* кое-что для того, чтобы сделать торговлю международной, и отнюдь не удовлетворяется сознанием того, что все народы у себя дома занимаются торговлей.

¹ *Международная лига мира и свободы* — существовавшая в 60-х и 70-х годах международная организация буржуазных демократов и пацифистов, сторонников свободы торговли. Против этой лиги, основанной в 1867 г. в Женеве, I Интернационал по настоянию и под руководством Маркса вел решительную борьбу. Лозунгами лиги были: «Всеобщее братство народов», «Соединенные Штаты Европы». *Ред.*

² После падения Парижской коммуны Бисмарк пытался в 1871—1872 гг. заключить формальный договор Германии с Австрией и Россией для совместного преследования революционного движения вообще и I Интернационала в частности. В октябре 1873 г. по инициативе Бисмарка был заключен так называемый «союз трех императоров» — соглашение между правительствами Германии, России и Австро-Венгрии о совместной линии поведения в случае возникновения «европейских потрясений». *Ред.*

Международная деятельность рабочего класса разных стран не находится никоим образом в зависимости от существования «*Международного Товарищества Рабочих*». Последнее было лишь первой попыткой создать для этой деятельности центральный орган, попыткой, которая благодаря данному ею толчку оставила неизгладимые результаты, но которую в ее *первой исторической форме* после падения Парижской коммуны нельзя было дальше проводить.

Бисмарковская «Norddeutsche» имела полное право возвестить, к удовольствию своего хозяина, что германская рабочая партия в новой своей программе отреклась от интернационализма ¹.

II

«Исходя из этих принципов, германская рабочая партия добивается всеми законными средствами *свободного государства* — и — социалистического общества; устранения системы заработной платы *вместе с ее железным законом* — и — эксплуатации во всех ее формах; устранения всякого социального и политического неравенства».

К «свободному» государству я вернусь позднее.

Итак, германская рабочая партия должна впредь веровать в «железный закон» Лассалья. Чтобы его не потерять, допускают бессмыслицу, говоря об «устранении системы заработной платы (следовало бы сказать: системы наемного труда) *вместе с ее железным законом*». Если я устраняю наемный труд, то, естественно, я устраняю и его законы, будь они «железные» или мягкие, как губка. Но борьба Лассалья против наемного труда вращается почти исключительно вокруг этого так называемого закона. Поэтому, чтобы доказать, что лассальянская секта победила, «система заработной платы» должна быть уничтожена *«вместе с ее железным законом»*, а не без него.

Как известно, в «железном законе заработной платы» Лассалю не принадлежит ничего, кроме слова «железный», заимствованного им из гетевских «ewigen, ehernen grossen Gesetzen» [«вечные, железные великие законы»]. Слово «*железный*» — это ярлычок, по которому узнают друг друга правоверные. Но, если я принимаю закон с его лассалевским штемпелем, а следовательно, и в лассалевском смысле, то я вынужден также принять и ласса-

¹ В «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северогерманская Всеобщая Газета»), органе Бисмарка, 20 марта 1875 г. (№ 67) была напечатана передовая о проекте социал-демократической программы. В ней особое внимание было обращено на пункт 5 программы, о котором говорит здесь Маркс, и писалось, что «социал-демократическая агитация во многих отношениях стала осторожнее» и что «она отрекается от Интернационала». *Ред.*

левское обоснование его. Что же оно представляет собою? Как показал Ланге уже вскоре после смерти Лассалья, это — (проповедуемая самим Ланге) Мальтусовская теория народонаселения. Но если эта теория правильна, то устранить «железный закон» я уж *никак не* могу, даже сто раз устранив наемный труд, потому что закон этот властвует тогда уже не только над системой наемного труда, но и над *всякой* общественной системой. Опираясь как раз на эту теорию, экономисты уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может устранить нищеты, обусловленной *самой природой*, а может лишь сделать ее *всеобщей*, равномерно распределив ее по всей поверхности общества!

Но все это не самое главное. Совершенно *независимо* от *ложного* понимания Лассалем этого закона, поистине возмутительный шаг назад заключается в следующем.

После смерти Лассалья в *нашей* партии пробило себе дорогу научное понимание того, что заработная плата есть не то, чем она *кажется с виду*, именно — не *стоимость*, соответственно — не *цена труда*, а лишь замаскированная форма *стоимости*, соответственно — *цены рабочей силы*. Этим самым раз навсегда опрокидывались как буржуазное понимание заработной платы, так и вся критика, направленная до тех пор против этого понимания, и ясно устанавливалось, что наемному рабочему разрешают работать для поддержания своего собственного существования, т. е. разрешают *жить* лишь постольку, поскольку он известное количество времени работает даром в пользу капиталиста (а следовательно, и его соучастников по пожиранию прибавочной стоимости); что той осью, вокруг которой вращается вся система капиталистического производства, является стремление увеличить этот даровой труд путем удлинения рабочего дня или путем поднятия производительности труда, соответственно — путем большего напряжения рабочей силы и т. д.; что, следовательно, система наемного труда является системой рабства, и притом рабства тем более сурового, чем больше развиваются общественные производительные силы труда, безразлично, лучше ли или хуже оплачивается труд рабочего. И вот теперь, после того как это понимание все более и более прокладывает путь в нашей партии, возвращаются назад к догмам Лассалья, хотя теперь-то люди должны были бы знать, что Лассаль *не понимал*, что такое заработная плата, и вслед за буржуазными экономистами принимал видимость за сущность дела.

Это равносильно тому, как если бы рабы, открыв, наконец, тайну своего рабства, подняли восстание, а один из них, весь еще во власти устаревших представлений, вписал бы в программу восстания: рабство должно быть уничтожено, потому что при системе рабства продовольствование рабов не может подняться выше определенного, весьма низкого максимума!

Один уже тот факт, что представители нашей партии способны были совершить такое чудовищное покушение на распространенное в партийных массах понимание, — не показывает ли одно это, с каким преступным легкомыслием, с какой бессовестностью приступили они к делу составления компромиссной программы!

Вместо неопределенной заключительной фразы в конце параграфа: «устранение всякого социального и политического неравенства», следовало сказать, что с уничтожением классовых различий само собой исчезнет и всякое, вытекающее из них социальное и политическое неравенство.

III

«Чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса, германская рабочая партия требует учреждения производительных товариществ с государственной помощью и под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества как в промышленности, так и в земледелии должны быть вызваны к жизни в таком объеме, чтобы из них возникла социалистическая организация совокупного труда».

Следом за лассалевским «железным законом заработной платы» — целительное средство того же пророка. «Путь пролагается» ему достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном вопросе», к «разрешению» которого «пролагается путь». Вместо процесса революционного преобразования общества «социалистическая организация совокупного труда» «возникает» из «государственной помощи», оказываемой производительным товариществам, которые *«вызываются к жизни» государством*, а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассалья, будто с помощью государственной субсидии можно так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!

Из-за остатка стыдливости «государственную помощь» ставят... под демократический контроль «трудящегося народа».

Во-первых, в Германии «трудящийся народ» состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев.

Во-вторых, слово «демократический» по-немецки значит «volksherrschaftlich» [«народовластный»]. Что же это за «народовластный контроль трудящегося народа»? К тому же у такого трудящегося народа, который, обращаясь с подобными требованиями к государству, вполне признает тем самым, что он и не стоит у власти и не созрел для нее!

Излишне вдаваться здесь в критику рецепта, который при Луи-Филиппе прописал Бюше ¹ в противовес французским социа-

¹ Бюше (1796—1865) — французский историк и публицист, в 40-х годах прошлого столетия вождь французского католического «социализма», выставившего в целях борьбы против усилившегося в то время револю-

листам и который был принят реакционными рабочими из «Atelier»¹. И главная беда состоит не в том, что это специфическое чудодейственное средство внесли в программу, а в том, что вообще идут вслепую от точки зрения классового движения к точке зрения сектантского движения.

Когда рабочие стремятся создать условия для коллективного производства в масштабе социальном, и прежде всего у себя в национальном масштабе, это означает лишь то, что они борются за переворот в теперешних условиях производства, и это не имеет ничего общего с учреждением кооперативных товариществ с государственной помощью. Что же касается теперешних кооперативных товариществ, то они ценны *лишь* постольку, поскольку они созданы независимо самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительств, ни буржуазии.

IV

Перехожу теперь к демократическому отделу:

А. «Свободная основа государства».

Прежде всего, согласно II отделу, германская рабочая партия добивается «свободного государства».

Свободное государство, — что это такое?

Сделать государство свободным — это отнюдь не является целью рабочих, избавившихся от ограниченного верноподданнического образа мыслей. В Германской империи «государство» почти столь же «свободно», как в России. Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный; да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства».

Германская рабочая партия — по крайней мере, если она принимает эту программу, — обнаруживает, как неглубоко прониклась она социалистическими идеями; вместо того чтобы рассматривать существующее общество (а это сохраняет силу и для всякого будущего общества) как *основу* существующего государства (или будущего общества как основу будущего государства), она, напротив, рассматривает государство как некую самостоятельную сущность, обладающую своими собственными «*духовными, нравственными, свободными основами*».

Да к тому же еще грубое злоупотребление в программе сло-

ционного рабочего движения требование о создании при поддержке государства производственных кооперативов. *Ред.*

¹ «Atelier» («Мастерская») — первый рабочий журнал (ежемесячник) во Франции (Париж, 1840—1848 гг.). Группа «Atelier» находилась под влиянием реакционного католического социализма Бюше. Политически она поддерживала буржуазных либералов. *Ред.*

вами: «современное государство» и «современное общество», а также и еще более грубое непонимание того государства, которому она предъявляет свои требования!

«Современное общество» есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собою то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения.

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*.

Но программа не занимается ни этой последней, ни будущей государственностью коммунистического общества.

Ее политические требования не содержат ничего, кроме старой, всем известной демократической дребедени: всеобщее избирательное право, прямое законодательство, народное право, народное ополчение и т. д. Это простой отголосок буржуазной Народной партии ¹, Лиги мира и свободы. Все это сплошь тре-

¹ *Германская народная партия*, или Демократическая партия, была основана в сентябре 1865 г. в Дармштадте и реорганизована на своем Штутгартском съезде в сентябре 1868 г. Это была в основном партия оппозиционно, а отчасти революционно настроенной мелкой буржуазии немецких мелких и средних государств, главным образом южной Германии. Бисмарковской политике объединения Германии под гегемонией юнкерской монархической Пруссии она противопоставляла создание демократической германской республики. *Ред.*

бования, которые, поскольку они не переходят в фантастические представления, уже *осуществлены*. Только государство, их осуществившее, находится не в пределах Германской империи, а в Швейцарии, Соединенных Штатах и т. д. Подобного рода «государство будущего» есть современное государство, хотя и существующее вне «рамки» Германской империи.

Забыли, однако, об одном. Так как германская рабочая партия определенно заявляет, что она действует в пределах «современного национального государства», стало быть, *своего* государства, прусско-германской империи, — да иначе и требования ее были бы в большей части бессмысленны, так как требуют ведь только того, чего не имеют, — то она не должна была бы забывать самого главного, а именно, что все эти прекрасные вещицы покоятся на признании так называемого народного суверенитета и поэтому уместны только в *демократической республике*.

Раз уж у людей нехватило мужества требовать демократической республики, как это делали французские рабочие программы при Луи-Филиппе и Луи-Наполеоне, — и разумно, ибо обстоятельства предписывают осторожность, — то незачем было прибегать и к этой увертке, которая не является ни «честной»¹, ни «достойной», — требовать вещей, которые имеют смысл лишь в демократической республике, от такого государства, которое представляет собою не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм, и сверх того еще торжественно заверять такое государство, что воображают добиться от него чего-либо подобного «законными средствами»!

Даже вульгарная демократия, которая в демократической республике видит осуществление тысячелетнего царства божия на земле и совсем не подозревает, что именно в этой последней государственной форме буржуазного общества классовая борьба и должна быть окончательно решена оружием, — даже она стоит все же неизмеримо выше такого сорта демократизма, который держится в пределах полицейски-дозволенного и логически недопустимого.

Что под «государством» на деле понимают правительственную машину или государство, поскольку оно в силу разделения труда образует свой собственный, обособленный от общества организм, на это достаточно указывают уже слова: «Германская рабочая партия требует *в качестве экономической основы государства*: единого прогрессивного подоходного налога и т. д.» Налоги — это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого. В существующем в Швейцарии «государстве будущего»

¹ «Честными» называли эйзенхцев. У Маркса здесь игра слов. *Ред.*

это требование почти выполнено. Подоходный налог предполагает различные источники доходов различных общественных классов, — следовательно, капиталистическое общество. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ливерпульские поборники финансовой реформы — буржуа во главе с братом Гладстона — выставляют те же требования, что и рассматриваемая программа.

Б. «В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и *равного для всех народного воспитания* чрез посредство государства. Обязательного посещения школы, бесплатного обучения».

Равное для всех народное воспитание? Что представляют себе под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе (а только о нем и идет речь) воспитание для всех классов может быть *равным*? Или требуют, чтобы и высшие классы были принудительным образом низведены до скромного уровня воспитания — народной школы, — единственно совместимого с экономическим положением не только наемных рабочих, но также и крестьян?

«Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе — в Швейцарии и Соединенных Штатах в отношении народной школы. Если в некоторых штатах Северной Америки «бесплатное» воспитание дается также и в «высших» учебных заведениях, то фактически это означает только то, что высшие классы покрывают расходы по своему воспитанию из общих налоговых средств. Заметим мимоходом, что то же самое относится к «бесплатному судопроизводству», которого требует пункт А, 5. Уголовная юстиция повсюду бесплатна; гражданская же юстиция занята почти исключительно конфликтами из-за собственности, следовательно, касается почти исключительно имущих классов. Что же, предложить им вести свои процессы за счет народных средств?

Параграф, относящийся к школам, должен был бы по меньшей мере требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой.

Никуда не годится «*народное воспитание чрез посредство государства*». Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, учебные дисциплины и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона, — нечто совсем иное, чем назначить государство воспитателем народа. Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной мере и церковь от всякого влияния на школу. В прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, что речь идет о «государстве будущего», — мы видели, как в этом отношении обстоит дело), наоборот, государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа.

Но вся программа, несмотря на всю демократическую трескотню, насквозь заражена верноподданнической верой лассалевской секты в государство или, что ничуть не лучше, верой в демократические чудеса, или, вернее, она является компромиссом между этими двумя видами веры в чудеса, одинаково чуждыми социализму.

«Свобода науки» — так гласит один из параграфов прусской конституции. Зачем он здесь?

«Свобода совести»! Если теперь, во время «культуркампфа»¹, хотели напомнить либералам их старые лозунги, то это можно было сделать только в такой форме: «Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные, нужды без того, чтобы полиция совала в это свой нос». Но рабочая партия должна была бы воспользоваться этим случаем и выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам *религиозной свободы совести*, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана. Однако у нас не желают переступить «буржуазный» уровень.

Я подошел теперь к концу, так как следующее далее в программе добавление не является существенной ее частью. Ограничусь здесь поэтому лишь краткими замечаниями.

2. «Нормальный рабочий день».

Ни в одной другой стране рабочая партия не ограничивалась таким неопределенным требованием, но всегда указывала точно, какую продолжительность рабочего дня она при данных условиях считает нормальной.

3. «Ограничение женского и запрещение детского труда».

Нормирование рабочего дня должно уже включать ограничение женского труда, поскольку оно касается продолжительности рабочего дня, длительности перерывов и пр.; помимо того, оно может означать лишь отмену женского труда в тех отраслях производства, которые особенно вредны для женского организма или же для женщин несовместимы с нравственностью. Если подраэумевали именно это, то так и следовало сказать.

¹ «Культуркампф» («борьба за культуру»), — писал Ленин, — «т. е. борьба Бисмарка в 1870-х годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма. Та-кой борьбой Бисмарк только укрепил воинствующий клерикализм като-ликов, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на иервый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхност-ного и буржуазно-лживого антиклерикализма» (Ленин, Соч., т. XIV, стр. 69). *Ред.*

«Запрещение детского труда». Здесь абсолютно необходимо было указать предельный возраст.

Полное запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому является пустым благочестивым пожеланием. Проведение этой меры, — если бы оно было возможно, — было бы реакционно, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей, раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества.

4. «Государственный надзор за фабричной, ремесленной и домашней промышленностью».

Имея в виду прусско-германское государство, следовало определенно требовать, чтобы фабричные инспектора были сменяемы не иначе, как по суду; чтобы всякий рабочий мог привлекать их к суду за нарушение служебных обязанностей; чтобы должность инспекторов занимали лишь лица с медицинским образованием.

5. «Регулирование труда заключенных».

Мелочное требование в общей рабочей программе. Во всяком случае, следовало ясно сказать, что рабочие вовсе не хотят, из опасения конкуренции, чтобы с уголовными преступниками обращались, как со скотом, и в особенности, чтобы их лишали единственного средства исправления — производительного труда. Уж это — минимум того, чего можно ожидать от социалистов.

6. «Действенный закон об ответственности».

Следовало сказать, что подразумевается под «действенным» законом об ответственности.

Замечу, между прочим, что в параграфе относительно нормального рабочего дня забыта та часть фабричного законодательства, которая касается гигиенических мероприятий и предохранительных мер против несчастных случаев и пр. Закон об ответственности вступает в действие лишь тогда, когда нарушаются эти предписания.

Словом, и это добавление отличается такой же неряшливой редакцией.

Dixi et salvavi animam meam¹.

Написано К. Марксом на немецком языке. Впервые напечатано (с пропусками) в журнале «Die Neue Zeit», Jhrg. IX. Bd. I, № 18, 1891 г. Полностью напечатано в книге: Marx. Kritik des Gothaer Programms. М.—Л. 1933. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.

¹ «Я сказал и спас свою душу». Ред.

Ф. Энгельс

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ

Лондон, 18—28 марта 1875 г.

Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и радуюсь, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории с объединением? К сожалению, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщал; поэтому и мы знаем не больше того, что есть в газетах, а в них ничего не писали, пока дней восемь тому назад не прибыл проект программы. Проект этот, конечно, поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или, по крайней мере, хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклевров, Гассельманов и Тельке, что даже ребенок должен был бы отсюда сделать такой вывод: раз эти господа теперь сами приходят с предложением примирения, значит они находятся в дьявольски затруднительном положении. Но, имея в виду хорошо известный характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили высь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей «государственной помощи» и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г. или же ее исправленное издание, приновленное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассальянцев в теоретическом отношении, т. е. в том, что для программы имеет решающее значение; лассальянцы же могли бы, конечно, поучиться у нашей партии. Первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, — следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признали ее подчиненной переходной мерой наряду со многими другими. Проект программы доказы-

вает, что наши люди, будучи в теоретическом отношении в сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; «честных» и на этот раз жестоко околпачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например во время такой пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы социал-демократическая рабочая партия годами идти рука об руку с нею, с народной партией? Как мог бы «*Volksstaat*»¹ черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической «*Frankfurter Zeitung*»?² И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований: 1—5 и 1—2, среди которых нет ни одного, не являющегося *буржуазно-демократическим*³.

Во-вторых, принцип интернациональности рабочего движения практически для настоящего времени совершенно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского

¹ «*Volksstaat*» («Народное государство») — так назывался центральный орган эйзенахской партии в 1870—1876 гг. Выходил два раза в неделю в Лейпциге под редакцией Либкнехта. *Ред.*

² «*Frankfurter Zeitung*» («Франкфуртская Газета») — в то время оппозиционная газета, орган южногерманских мелкобуржуазных демократов, занимавший в «рабочем вопросе» социал-реформистскую позицию. *Ред.*

³ Эти политические требования Готской программы гласили:

«А. В качестве свободной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех мужчин, начиная с 21 года, на всех выборах в государстве и общине. 2. Прямого народного законодательства с правом вносить и отвергать предложения. 3. Всеобщего народного ополчения. 4. Отмены всех исключительных законов, в особенности законов о печати, союзах и собраниях. 5. Народного суда. Бесплатного судопроизводства.

Б. В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и равного для всех народного воспитания чрез посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения. 2. Свободы науки. Свободы совести». *Ред.*

движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так хорошо. И вот теперь им предлагается отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — даже не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет, — а на будущее «интернациональное братство народов», на «Соединенные Штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира!

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как таковом. Но нужно было по меньшей мере не сделать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: *хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и, в особенности, говорить что-либо ложное), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства существуют и без того, чтобы провозглашать себя или считать себя частью Интернационала; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейкбрехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или разражающихся династических войн, во время таких войн — тактика, подобная той, какая была образцово проведена в 1870 и 1871 гг., и т. п.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», основанный на совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимум* заработной платы, и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассалья). Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от обстановки получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железны, а, напротив, очень эластичны и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Мальтузианское обоснование списанного Лассалем у Мальтуса и Рикардо (с извращением последнего) закона, как оно, например, цитируется на стр. 5 «Книги для чтения рабочих» из другой брошюры Лассалья, подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала». Приняв лассалевский

«железный закон», признали, следовательно, ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль ее украл у Бюше. И это после того, как Бракке очень хорошо вскрыл всю никчемность этого требования ¹, после того, как почти все, если не все, ораторы нашей партии вынуждены были в борьбе с лассальянцами выступить против этой «государственной помощи»! Большого унижения для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гегга ², социализм, опустившийся до буржуазного республиканизма Бюше, который выдвинул это требование *в противовес социалистам*, в целях борьбы с ними!

В лучшем же случае «государственная помощь» в лассалевском смысле есть только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что здесь, в проекте программы, выражено беспомощными словами: «для того, чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса», — как будто для нас еще существует какой-то теоретически *не разрешенный* социальный вопрос! Если, стало быть, сказать: «германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели»; — то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить.

В-пятых, об организации рабочего класса, как класса, посредством профессиональных союзов не сказано ни слова. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не может задуть даже самая жестокая реакция (как теперь в Париже). При той важности, которую эта организация приобретает также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо упомянуть о ней в программе и по возможности отвести ей определенное место в партийной организации.

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А, чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путаных,

¹ Вильгельм Бракке (1842—1880) — один из вождей эйзенахской партии; стоял близко к Марксу и Энгельсу, поддерживая их, хотя и не очень энергично, в их борьбе против оппортунистических ошибок Готской программы. В 1873 г. написал брошюру «Предложение Лассалья», где подвергал критике лассалевское требование государственной помощи рабочим производительным товариществам. *Ред.*

² Один из лидеров буржуазной «Лиги мира и свободы». *Ред.*

чисто демократических требований, из коих некоторые являются просто предметами моды, как, например, «прямое народное законодательство», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит. «Упразднение чрез посредство народа» еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие всякой свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят несколько странно, я распространяться не стану.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона ¹, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова «государство» слово «община» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна» ².

¹ Книга Маркса против Прудона вышла в 1847 г. на французском языке под заглавием «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона».

То место в «Нищете философии», которое Энгельс имеет в виду, гласит: «Рабочий класс доставит в ходе своего развития на место старого гражданского общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их антагонизм; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо политическая власть есть как раз официальное выражение антагонизма классов внутри гражданского общества». *Ред.*

² Марксистское учение о государстве вообще и в особенности о государстве при социализме и коммунизме получило свое дальнейшее развитие в работах Ленина и Сталина. В своем историческом докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин показал, при каких условиях правильны положения Энгельса об отмирании государства сразу же после социалистической революции и как ставится этот вопрос в конкретных условиях нашей эпохи.

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «уничтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе, как о царстве равенства, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое как определенный *этап развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса.

Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, написанной к тому же вялым и бесцветным языком, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае, если она будет принята, Маркс и я *никогда* не согласились бы примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны были бы очень серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия германской социал-демократической рабочей партии делают ответственными нас. Так поступает Бакунин в своем сочинении «Государственность и анархия», где на нас возлагается ответственность за каждое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «*Demokratisches Wochenblatt*»¹. Люди воображают, что мы отсюда командуем всем движением, тогда как Вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические*. Но Вы сами поймете, что эта программа образует поворотный пункт, который очень легко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же *новая* программа всегда представляет собою открыто водруженное

См. *Сталин*, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 1939, стр. 50—58. *Ред.*

¹ «*Demokratisches Wochenblatt*» («Демократический Еженедельник») — орган радикальной «*Sächsische Volkspartei*» («Саксонской народной партии») и «Объединения немецких рабочих союзов». Выходил под редакцией В. Либкнехта в Лейпциге в 1868—1869 гг. *Ред.*

знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким рассматриваемый проект является по сравнению с эйзенахской программой. Ведь надо же было подумать и о том, что скажут об этой программе рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согласятся переживать в своих выступлениях заученные наизусть фразы Лассалья о железном законе заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! А если бы они и пошли на это, их освистали бы их слушатели. Между тем я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как ростовщик Шейлок на своем фунте мяса. Произойдет раскол; но предварительно мы восстановим «честное» имя Гассельмана, Газенклевера, Тельке и компании; после раскола мы окажемся ослабленными, а лассальянцы — окрепшими; наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять тогда, что они — самая подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, то в доказательство они смогут указать на эту программу. Все социалистические мероприятия в этой последней принадлежат *им*, в то время как *наша* партия внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии, которую, однако, *она сама* в той же самой программе охарактеризовала как часть «реакционной массы».

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Но вот только что пришло письмо от Бракке, у которого тоже возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хочет узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать всю эту канитель с начала. Впрочем, я изложил дело напрямик также и Рамму¹, а Либкнехту написал лишь вкратце. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам *ни слова* обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не стало уже, так сказать, слишком поздно. Правда, так поступал он издавна, — и отсюда та обширная неприятная пе-

¹ Рамм — один из редакторов газеты «Volksstaat», центрального органа эйзенахцев. *Ред.*

реписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и *мы решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути.*

Постарайтесь устроить так, чтобы летом приехать сюда. Будете жить, конечно, у меня, и, если погода будет хорошая, мы могли бы на несколько дней поехать на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

*Написано на немецком языке. Впервые
напечатано в книге А. Бебеля «Aus meinem
Leben». Bd. 2. Stuttgart, 1911 г. — Маркс
и Энгельс, Соч., т. XV.*

Ф. Энгельс

ПИСЬМО К. КАУТСКОМУ¹

Лондон, 23 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский!

Мое спешное поздравление, посланное тебе третьего дня, ты, вероятно, уже получил. А теперь вернемся опять все к тому же, к письму Маркса².

Опасение, что оно даст оружие в руки врагов, оказалось необоснованным. Злостные инсинуации можно, конечно, распространять по всякому поводу, но в общем и целом эта беспощадная самокритика произвела на врагов совершенно ошеломляющее впечатление и вызвала у них такое чувство: какой же внутренней силой должна обладать та партия, которая может сама себе преподносить подобные вещи! Это ясно видно из газет противников, присланных тобою (большое спасибо!) и полученных мною из других мест. Откровенно говоря, и я тоже думал об этом, когда опубликовывал этот документ. Я знал, что он должен был в первый момент кое-кого затронуть весьма неприятно. Но избежать этого было невозможно, и само содержание документа, по моему мнению, перевешивало это с избытком. Я знал, что партия была достаточно крепка, чтобы выдержать это, и был уверен, что и в настоящее время она так же выдержит тот откровенный язык, каким это было высказано 15 лет тому назад; что можно будет с заслуженной гордостью сослаться на эту пробу сил и сказать: где найдется другая такая партия, которая бы осмелилась сделать что-либо подобное? Между тем сказать это предоставили саксонской и венской «Arbeiter Zeitung» и «Züricher Post»³.

Если ты в № 21 «Neue Zeit» берешь на себя ответственность за публикацию, то это очень похвально с твоей стороны, но не забудь, что первый толчок дал все-таки я и что к тому же я до известной

¹ Каутский был тогда редактором еженедельника «Neue Zeit» («Новое Время»), теоретического органа германской социал-демократии, в котором Энгельс опубликовал марксову «Критику Готской программы». *Ред.*

² Речь идет о «Критике Готской программы». *Ред.*

³ Из этих газет две первые были социал-демократические, последняя — буржуазная. *Ред.*

степени принудил тебя действовать ¹. Поэтому я сохраняю главную ответственность за собой. Что касается подробностей, то на этот счет можно всегда придерживаться различного мнения. Я вычеркнул и изменил все, против чего ты и Дитц возражали, и если бы Дитц вычеркнул еще больше мест, я и тут был бы по возможности сговорчив, как это я вам всегда доказывал на деле. Но что касается главного, то *моим долгом* было опубликовать этот документ, как только программа была поставлена на обсуждение. К тому же после доклада Либкнехта в Галле, в котором он частью беззастенчиво использует, как свою собственность, свои выписки из марксовой «Критики», а частью полемизирует против нее, не называя самого документа, Маркс непременно противопоставил бы этой переработке свой оригинал, и я был обязан сделать это вместо него. К сожалению, у меня тогда еще не было под рукой самого документа; я его нашел только гораздо позже, после долгих поисков.

Ты говоришь, что Бебель писал тебе о том, что оценка Лассалья Марксом вызвала раздражение у старых лассальянцев. Очень может быть. Эти люди не знают ведь действительной истории, и неплохо их в этом отношении просветить. Если этим людям неизвестно, что все величие Лассалья основывалось на том, что Маркс позволял ему в течение долгих лет украшать себя результатами марксовых научных исследований, как своими собственными, и вдобавок извращать их из-за своей недостаточной экономической подготовки, то это не моя вина. Но я являюсь литературным душеприказчиком Маркса, и это возлагает на меня определенные обязанности.

Вот уже 26 лет, как Лассаль принадлежит истории. Если в период исключительных законов его не подвергали исторической критике, то теперь наступает, наконец, время, когда она должна вступить в свои права и выяснить истинное положение Лассалья по отношению к Марксу. Ведь не может же стать символом веры партии легенда, прикрывающая истинный образ Лассалья и превозносящая его до небес. Как бы высоко ни оценивать заслуги Лассалья перед движением, его историческая роль в нем остается двойственной. За Лассалем-социалистом по пятам следует Лассаль-демагог. Сквозь Лассалья-агитатора и организатора всюду проглядывает адвокат, ведущий Гатцфельдовский процесс ²: тот же цинизм в выборе средств, та же склонность окружать себя подозри-

¹ Энгельс имеет в виду то обстоятельство, что, посылая Каутскому марксову «Критику Готской программы» для опубликования ее в «Neue Zeit», он предупредил Каутского, что если эта работа не будет напечатана в «Neue Zeit», то он (Энгельс) опубликует ее в венской «Arbeiter Zeitung» («Рабочей Газете»). *Ред.*

² Речь идет о бракоразводном процессе графини Гатцфельд, который Лассаль вел в качестве адвоката в 1845—1854 гг. *Ред.*

тельными и продажными людьми, которых можно использовать как простое орудие, а затем выбросить вон. Будучи до 1862 г. на практике специфически-прусским вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями (я только что просмотрел его письма к Марксу), он, по причинам чисто личного характера, внезапно переменял фронт и начал свою агитацию. И не прошло двух лет, как он уже начал добиваться, чтобы рабочие стали на сторону королевской власти против буржуазии, и завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он на свое счастье не был во-время застрелен. В его агитационных сочинениях то правильное, что он заимствовал у Маркса, настолько переплетено с его собственными, лассалевскими, и, как правило, неверными рассуждениями, что почти нет возможности отделить одно от другого. Та часть рабочих, которая чувствует себя оскорбленной критикой Маркса, знает Лассала только по двум годам его агитации, да и на это смотрит сквозь розовые очки. Но перед такими предрассудками историческая критика не может навеки застыть в почтительной позе. Моим долгом было раз навсегда вскрыть, наконец, подлинное отношение между Марксом и Лассалем. Это теперь сделано. Этим я могу пока что удовлетвориться. К тому же сам я занят сейчас другими делами. А опубликованное беспощадное суждение Маркса о Лассале уже само по себе произведет нужное действие и придаст мужество другим. Но если бы обстоятельства заставили меня выступить, то у меня не осталось бы выбора: я должен был бы раз навсегда покончить с легендой о Лассале.

Поистине великолепно, что во фракции раздался голос с требованием установить цензуру над «*Neue Zeit*». Что это — призыв диктатуры фракции¹ времен исключительного закона (диктатуры, которая была тогда необходима и превосходно проводилась), или это воспоминания о былой строго вышколенной организации фон-Швейцера? Это в самом деле блестящая мысль — после освобождения немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов подчинить ее новому закону против социалистов, который само социал-демократическое партийное начальство должно сфабриковать и провести в жизнь. Впрочем, сама природа позаботилась о том, чтобы деревья не росли до небес².

¹ Речь идет о социал-демократической фракции германского рейхстага. *Ред.*

² «*Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen*» — немецкая пословица, означающая, что всем вещам положена определенная мера. До известной степени к общему смыслу этой пословицы приближаются такие русские поговорки, как «руки коротки» и «выше своей головы не прыгнешь». *Ред.*

Статья в «Vorwärts'e» меня мало трогает¹. Я подожду, пока Либкнехт расскажет всю историю по-своему, и тогда уж, пожалуй, отвечу сразу и на то и на другое по возможности в дружественном тоне. В статье «Vorwärts'a» придется только исправить некоторые неправильные утверждения (например, что мы, якобы, не желали объединения, что события, якобы, доказали неправоту Маркса и т. д.) и подтвердить то, что само собою разумеется. Этим ответом я думаю со своей стороны закончить настоящую дискуссию, если только новые выпады или неправильные утверждения не вынудят меня к дальнейшим шагам.

Скажи Дитцу, что я занят работой над «Происхождением»². Но вот сегодня пришло письмо от Фишера, который тоже хочет получить от меня три новых предисловия!

Твой Ф. Э.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в журнале «Internationale Presse-Korrespondenz», Berlin, Jhrg. XII, № 11 от 9. II. 1932.—Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVIII.

¹ Редакционная статья в газете «Vorwärts», центральном органе германской социал-демократии (в номере от 13 февраля 1891 г.), выражала официальную позицию Правления партии по отношению к марксовой «Критике». Статья резко осуждала марксову оценку Лассаля и ставила партии в заслугу, что она приняла проект программы вопреки критике Маркса. Было в этой статье и такое заявление: «Немецкие социал-демократы не являются ни марксиянцами, ни лассальянцами, они — социал-демократы». *Ред.*

² Речь идет о подготовке Энгельсом четвертого издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства», вышедшего в издательстве Дитца в 1891 г. *Ред.*

ИЗ ПИСЕМ О БОРЬБЕ ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПАРТИЮ

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ¹

4 ноября 1864 г.

Международное Товарищество Рабочих

Несколько времени назад лондонские рабочие послали парижским рабочим обращение по поводу Польши и приглашали их к совместному выступлению по этому вопросу.

Парижане, со своей стороны, прислали депутацию, во главе которой был рабочий по имени *Толэн* — *рабочий кандидат при последних выборах в Париже*, — очень славный парень. (Его спутники были также очень милые ребята.) На 28 сентября 1864 г. был назначен митинг в Сент-Мартинс Холле Оджером (башмачник, председатель здешнего совета всех лондонских трэд-юнионов,

¹ Маркс был не только великим теоретиком рабочего класса, он был вождем и основоположником *мировой коммунистической партии*. В течение долгих десятилетий Маркс и Энгельс вели упорную борьбу за создание и укрепление пролетарской партии. В 1889 г. в письме к датскому социалисту Триру Энгельс писал об этой борьбе: «Чтобы в решительный день пролетариат оказался достаточно силен для победы, для этого необходимо, — и это Маркс и я отстаиваем с 1847 г., — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и им противоположную, классово-сознательную «классовую партию». Уже в 1846 г. Энгельс на собрании одного из парижских кружков немецких рабочих ведет борьбу против мелкобуржуазных взглядов «истинного социализма» (см. о нем «Манифест коммунистической партии», стр. 160—163, т. I настоящего издания) и так формулирует задачи коммунистической партии: «1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать никакого другого средства для осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции» (из письма Энгельса Марксу от 23 октября 1846 г.).

Борьба Маркса и Энгельса за подлинно пролетарскую коммунистическую партию нашла чрезвычайно яркое отражение в их письмах. Об этой переписке Ленин писал, что она обнаруживает «глубочайшее понимание *коренных* преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе»

а также трэд-юнионистского агитационного общества за избирательное право, общества, находящегося в соглашении с Брайтом)¹ и Кримером — каменщиком, секретарем союза каменщиков (оба они устроили в зале Сент-Джемс под руководством Брайта большой митинг для выражения симпатий Северной Америке и манифестацию в честь Гарибальди). Ко мне прислали некоего *Ле Любе*, чтобы спросить, не приму ли участие и я в качестве представителя от немецких рабочих; он просил также непременно выставить на митинге в качестве оратора немецкого рабочего. Я выставил Эккариуса; он выполнил свою задачу прекрасно, а я присутствовал на трибуне в качестве действующего лица без речей. Я знал, что теперь как от Лондона, так и от Парижа были представлены действительные «силы», и поэтому решил отступить на этот раз от своего правила — отказываться от всех подобных приглашений.

... На митинге, который был *битком* набит публикой (потому что теперь, очевидно, начинается опять возрождение рабочего класса), лондонское *итальянское* общество рабочих было представлено майором Вольфом (Турн-Таксис, адъютант Гарибальди). Было решено учредить Международное Товарищество Рабочих, Генеральный Совет которого должен находиться в Лондоне и «связывать между собой» рабочие общества в Германии, Италии, Франции и Англии. В 1865 г. должен быть созван общий съезд рабочих в Бельгии². На митинге был избран временный комитет, куда вошли Оджер, Кример и многие другие, частью старые чартисты, старые оуэнисты и т. д. — от Англии; майор Вольф, Фонтана и другие итальянцы — от Италии; Ле Любе и т. д. — от Франции; Эккариус и я — от Германии. Комитету предоставлено право привлекать сколько угодно новых членов.

Прекрасно. Я присутствовал на первом заседании комитета. Была выбрана *комиссия* (куда попал и я) для выработки декларации принципов и составления временного устава. Болезнь помешала мне присутствовать на заседании комиссии и на бывшем вслед за этим заседании пленума комитета.

(Соч., т. XVII, стр. 30). Переписка Маркса и Энгельса дает картину полувековой неутомимой борьбы Маркса и Энгельса в рядах международного рабочего движения. Собранные ниже отрывки показывают только отдельные образцы той последовательной, настойчивой и страстной борьбы, которую Маркс и Энгельс вели против всех разновидностей правого и «левого» оппортунизма, за подлинно революционную партию рабочего класса. Письма, которые Маркс и Энгельс писали третьим лицам, они во всех существенных вопросах обычно согласовывали между собой. Таким образом, письма, которые Энгельс писал при жизни Маркса — Беккеру, Зорге, Бебелю, Бернштейну и др., — выражали взгляды обоих вождей международного пролетариата. *Ред.*

¹ *Брайт* — английский либерал. *Ред.*

² Первый конгресс Интернационала был созван не в 1865, а в 1866 г., и не в Бельгии, а в Швейцарии (Женева). *Ред.*

На этих двух заседаниях — комиссии и последовавшем за ним заседании пленума комитета, — на которых я не присутствовал, произошло следующее:

Майор *Вольф* предложил использовать для нового общества свой устав *итальянских рабочих союзов*; у них имеется центральная организация, но, как это выяснилось позднее, они в сущности являются обществами взаимопомощи. Я потом видел эту чепуху. Повидимому, это было стряпней *Мадзини*, и потому ты заранее можешь догадаться, в каком духе и в каких выражениях изображен был там действительный вопрос — рабочий вопрос; равным образом — как был включен национальный вопрос.

Кроме того представил программу, наполненную отчаянной путаницей и безграничным многословием, старый оуэнист Уэстон — теперь сам фабрикант, очень милый и славный человек.

Следующее пленарное заседание комитета поручило комиссии переработать программу Уэстона, равным образом и устав Вольфа. Сам Вольф уехал, чтобы присутствовать на съезде итальянского союза рабочих в Неаполе и содействовать присоединению его к Лондонскому центральному товариществу.

На вторичном заседании комиссии я тоже не присутствовал, так как меня уведомили о нем слишком поздно. Там оглашена была «декларация принципов» и переработанный Ле Любе устав Вольфа, — комиссия приняла и то и другое для того, чтобы внести на обсуждение пленума. Пленум заседал 18 октября. Так как Эккариус написал мне, что промедление грозит опасностью, я явился. Я прямо испугался, услышав прочитанное добряком Ле Любе чрезвычайно фразистое, плохо написанное, совершенно незрелое введение, имеющее претензию быть декларацией принципов (где на каждом шагу проглядывал Мадзини), покрытое корой самых расплывчатых обрывков французского социализма. Кроме того, в общем и целом был принят итальянский устав, который, не говоря уже о других ошибках, имел целью нечто действительно уже невозможное, именно нечто вроде центрального правительства рабочих классов Европы (позади которого находился, конечно, Мадзини). Я слегка этому воспротивился, и после долгих толков и разговоров Эккариус предложил, чтобы эти документы снова были «проредактированы» комиссией. «Чувства» же, высказанные в декларации Ле Любе, были приняты.

Два дня спустя, 20 октября, у меня на квартире собрались Криммер от англичан, Фонтана (Италия) и Ле Любе (Уэстон не мог быть). У меня до сих пор не было в руках документов (Вольфа и Ле Любе), поэтому я ничего не смог приготовить заранее. Но я твердо решил по возможности не оставить без изменения ни одной строчки. Чтобы выиграть время, я предложил: прежде чем нам «редактировать» введение, необходимо «обсудить» устав.

К этому и приступили. Был уже час пополудни, когда первый из 40 пунктов устава был принят. Кример сказал (*я этого как раз и добивался*): «У нас ничего нет, что мы могли бы предложить комитету, который будет заседать 25 октября. Надо его отложить до 1 ноября. А комиссия может собраться 27 октября и сделать попытку достичь окончательного результата». Это предложение было принято, и «документы» были «оставлены» мне для рассмотрения.

Я увидел, что нет никакой возможности сделать что-нибудь из этой чепухи. Чтобы несколько оправдать тот в высшей степени своеобразный способ, каким я собирался проредактировать уже «вотированные чувства», я написал *обращение к рабочему классу* (чего в первоначальном плане не было. Нечто вроде обзора судеб рабочего класса с 1848 г.). Под предлогом того, что в это обращение вошел уже весь фактический материал и что об одном и том же не следует повторять по три раза, я изменил все «введение», выкинув «декларацию принципов», и, наконец, вместо 40 пунктов устава оставил 10. Когда в обращении речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, а не менее важные государства. Комиссия приняла все мои предложения. Меня только обязали во введении к уставу вставить две фразы, говорящие «о долге» и «праве» и точно так же об «истине, нравственности и справедливости». Но они помещены таким образом, что никакого вреда принести не могут.

В заседании Генерального комитета (плenums) мое обращение и т. д. было единогласно принято с большим энтузиазмом.

...Было очень трудно так поставить дело, чтобы наши взгляды приняли такую форму, которая сделала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения. Те же самые люди будут недели через две устраивать митинги с Кобденом и Брайтом по поводу избирательного права. Требуется время, пока вновь возродившееся движение сделает возможной старую смелость речи. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее в форме. Как только вещь будет напечатана, ты ее получишь.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und Karl Marx 1844—1883»; herausgegeben von A. Bebel und E. Bernstein. Bd. 4, Stuttgart, 1913 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII.

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

Лондон, 23 февраля 1865 г.

Вчера я получил Ваше очень интересное для меня письмо и ответу на него по пунктам.

Пржде всего я хочу вкратце выяснить Вам мое отношение к Лассалю. Во время его агитации наши отношения были прерваны: 1) вследствие его назойливого самохвальства, которое в то же время сочеталось у него с бесстыднейшим плагиатом моих и иных сочинений, 2) потому, что я *решиительно осудил* его *политическую* тактику, 3) потому, что здесь в Лондоне еще до начала его агитации я подробно разъяснил и «доказал» ему, что непосредственно *социалистическое* вмешательство *государства Пруссии* — это бессмыслица. В своих письмах ко мне (с 1848 по 1863 г.), как и при личных свиданиях со мной, он всегда объявлял себя сторонником представляемой мной партии. Но как только он убедился в Лондоне (в конце 1862 г.), что *со мною* ему не удастся вести свою игру, он решил выступить в качестве «рабочего диктатора» *против* меня и старой партии. Несмотря на все это, я признавал его агитационные заслуги, хотя к концу его короткой карьеры даже и агитация эта стала казаться мне все более и более двусмысленной. Его внезапная смерть, старая дружба, жалобные письма графини Гатцфельд, отвращение к *трусливой наглости* буржуазных газет по отношению к тому, кого они так боялись, когда он был жив, — все это побудило меня выступить с кратким заявлением против подлого Блинда (Гатцфельд послала это заявление в «Nordstern»). Заявление это не касалось, однако, *содержания* деятельности Лассалья. По тем же соображениям и в надежде устранить элементы, которые казались мне опасными, я вместе с Энгельсом обещал сотрудничество в «Social-Demokrat'e» (газета поместила перевод «Учредительного манифеста» и по ее желанию я написал по случаю смерти Прудона статью о нем) и, получив от Швейцера *удовлетворительную программу его редактирования*, разрешил ему назвать нас в качестве сотрудников. Гарантией нам служило еще то обстоятельство, что *В. Либкнехт* был неофициальным членом редакции. Между тем скоро обнаружилось, — доказательством этого попали в наши руки, — что в самом деле *Лассаль изменил* партии. Он заключил форменный договор с Бисмарком (не обеспечив себя при этом, конечно, *никакими* гарантиями). В конце сентября 1864 г. он должен был отправиться в Гамбург и там (совместно с сумасбродным Шраммом и прусским полицейским шпионом Марром) «*принудить*» Бисмарка к присоединению Шлезвиг-Голштинии, т. е. провозгласить это присоединение от имени «рабочих», за что Бисмарк обещал всеобщее избирательное право и кое-какие социалистические шарлатанства.

Жаль, что Лассалю не пришлось разыграть этой комедии! Она представила бы его в таком смешном и глупом свете, что раз навсегда положила бы конец всяким попыткам подобного рода!

Лассаль попал на этот ложный путь, потому что он был *«реальным политиком»* на манер г. Микеля, только большего масштаба и с более крупными целями. (Кстати, я уже давно настолько раскусил Микеля, что объяснял себе его выступление тем, что для маленького *ганноверского* адвоката Национальный союз является прекрасным средством добиться того, чтобы быть услышанным в Германии, за пределами своего маленького околотка, и, повысив таким образом *«реальность»* своей собственной персоны, добиться путем обратного действия признания в своем ганноверском отечестве, разыгрывая под *«прусской»* охраной *«ганноверского»* Мирабо). Подобно тому как Микель и его теперешние друзья ухватились за провозглашенную прусским принцем-регентом *«новую эру»*, чтобы, включившись в Национальный союз, прицепиться к *«прусской верхушке»*; подобно тому как они вообще развивали свою *«гражданскую гордость»* под *прусской охраной*, точно так же и Лассаль хотел разыгрывать маркиза Позу пролетариата с бранденбургским Филиппом II, предоставив Бисмарку роль сводника между ним и прусской короной. Он подражал лишь господам из Национального союза¹. Но в то время как те взывали к прусской реакции в интересах буржуазии, он пожимал руку Бисмарку во имя интересов пролетариата. Господа из Национального союза имели для этого больше оснований, чем Лассаль, поскольку буржуа как *«реалист»* привык видеть лишь непосредственно под его носом лежащие выгоды и поскольку этот класс фактически везде заключал компромисс даже с феодализмом, в то время как рабочий класс по самой природе вещей необходимо должен быть честно *«революционным»*.

Для такой тщеславно-театральной натуры, какой был Лассаль (которого, однако, нельзя было подкупить такими подачками, как должности, пост бургомистра и т. д.), была очень соблазнительной мысль о непосредственном подвиге в интересах пролетариата, совершенном Фердинандом Лассалем! Но фактически он был слишком невежествен относительно действительных экономических условий такого подвига, чтобы критически отнестись к себе самому! С другой стороны, вследствие подлой *«реальной политики»*, в силу которой германская буржуазия терпела реакцию 1849—1859 гг. и была простым зрителем одурачения народа,

¹ *Национальный союз*, основанный в сентябре 1859 г., был организацией части прусской буржуазии, ведшей пропаганду объединения всех немецких государств, за исключением Австрии, под гегемонией Пруссии. Впоследствии из Национального союза выросла крупнобуржуазная национал-либеральная партия, служившая одной из главных опор политики Бисмарка. *Ред.*

германские рабочие были слишком «деморализованы», чтобы не приветствовать столь широковещательного избавителя, который одним прыжком сулил перенести их в обетованную землю!

Итак, возвратимся к тому, о чем я начал говорить. Лишь только «Social-Demokrat» [«Социал-демократ»] был основан, как оказалось, что старуха Гатцфельд хочет, наконец, выполнить «завещание» Лассалья. Через Вагенера (из «Kreuzzeitung») она поддерживала связь с Бисмарком. Она предоставила в распоряжение последнего «Рабочий союз» (Всеобщий германский), «Social-Demokrat» и т. п. В «Social-Demokrat'e» предстояло провозгласить аннексию Шлезвиг-Гольштейнии, вообще признать Бисмарка покровителем и т. д. Весь этот прекрасный план был *расстроен* благодаря тому, что в Берлине и в редакции «Social-Demokrat'a» мы имели Либкнехта. Хотя Энгельсу и мне не нравилась редакция газеты — льстивый культ Лассалья, заигрывание время от времени с Бисмарком и т. д., — было, конечно, важнее поддерживать пока официально связь с газетой, чтобы воспрепятствовать интригам старухи Гатцфельд и полному компрометированию рабочей партии. Мы делали поэтому *bonne mine au mauvais jeu* [хорошую мину при плохой игре], хотя частным образом постоянно писали редакции, что она должна вести борьбу с Бисмарком в такой же мере, как и с прогрессистами. Мы терпели даже тогда, когда надутый фат Бернгард Беккер, принявший всерьез значение, унаследованное им по завещанию от Лассалья, интриговал *против Международного Товарищества Рабочих*.

Между тем статьи г. Швейцера в «Social-Demokrat'e» становились все более бисмарковскими. Я еще раньше писал ему, что прогрессистов можно *запугать* в «вопросе о коалициях», но что *прусское правительство никогда и ни за что* не пойдет на полную отмену законов о коалициях, потому что это пробило бы брешь в бюрократизме, привело бы к предоставлению гражданских прав рабочим, к уничтожению устава о челяди, к отмене практикуемого дворянами наказания розгами в деревне и т. д. и т. д., чего Бисмарк никогда не допустит и что вообще несовместимо с прусским *бюрократическим государством*. Я добавлял, что если палата отвергнет законы о коалициях, правительство отделается *фразами* (вроде того, например, что социальный вопрос требует «более глубоких» мер и т. д.), чтобы сохранить эти законы в силе. Все это подтвердилось. А что сделал г. фон-Швейцер? Он написал статью *за* Бисмарка и приберег все свое мужество против таких бесконечно малых, как Шульце, Фаухер и т. д.

Я думаю, что у Швейцера и пр. — *честные* намерения, но они — «*реальные политики*». Они хотят считаться с *существующими* условиями и не желают уступать *привилегии* «реальной политики» г. Микелю и К°. (Последние хотят, повидимому, сохранить за собой привилегию сотрудничества с прусским правитель-

ством). Они знают, что рабочая пресса и рабочее движение в Пруссии (а стало быть и в остальной Германии) существуют лишь с соизволения полиции. Они хотят поэтому брать обстоятельства такими, каковы они есть, не хотят раздражать правительство и т. д., совершенно так же как наши «*республиканские*» реальные политики «*приемлют*» *императора* из Гогенцоллернов. Но так как я не «реальный политик», то я счел необходимым публично заявить (вы скоро прочтете это заявление в той или иной газете) о моем вместе с Энгельсом отказе от сотрудничества в «*Social-Demokrat'e*».

Вы видите также из этого, почему я в настоящий момент не могу *ничего* сделать в Пруссии. Тамашнее правительство прямо отказало в восстановлении меня в правах прусского гражданства. *Агитацию* там мне разрешили бы только в том случае, если бы она приняла желательную для г. фон-Бисмарка форму.

Я во сто раз предпочитаю мою агитацию здесь через «*Международное Товарищество*». Влияние на *английский* пролетариат получается непосредственное и в высшей степени важное. Теперь мы налегаем здесь на вопрос о всеобщем избирательном праве, который имеет здесь, конечно, *совершенно иное значение*, чем в Пруссии.

В общем, успех этого «Товарищества» здесь, в Париже, в Бельгии, Швейцарии и Италии *превозмог всякие ожидания*. Только в Германии мне, конечно, противодействуют последователи Лассаля, которые: 1) глупейшим образом боятся потерять свое влияние; 2) знают, что я открытый противник того, что немцы называют «реальной политикой». (Это такого рода «*реальность*», которая ставит Германию далеко позади всех цивилизованных стран.)

Так как каждый человек, который приобретает за 1 шиллинг членский билет, может стать членом Товарищества; так как французы (а также бельгийцы) избрали эту форму индивидуального членства, потому что закон запрещает им примкнуть к нам в виде «ассоциации»; так как в Германии дело обстоит точно так же, — я решил теперь предложить моим здешним и германским друзьям повсюду создавать маленькие общества, безразлично с каким количеством членов; каждый член такого общества приобретал бы английский членский билет. Ввиду того, что английское общество *легальное*, этот метод не встречает препятствий даже во Франции. Я очень хотел бы, чтобы и Вы вместе с наиболее близко стоящими к Вам людьми связались таким путем с Лондоном.

МАРКС — Л. КУТЕЛЬМАНУ

Лондон, 9 октября 1866 г.

Я очень опасался за первый конгресс в Женеве. Но вопреки моему ожиданию он прошел в целом хорошо. Влияние его во Франции, Англии и Америке превзошло все ожидания. Я не мог и не хотел поехать на конгресс, но написал программу лондонских делегатов. Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которые рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок. У господ парижан головы набиты пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно относятся ко всякому *революционному*, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, действию, ко всякому концентрированному общественному движению, т. е. такому, которое может быть проведено также и *политическими* средствами (как, например, *законодательное* сокращение рабочего дня).

Под предлогом свободы и антигубернаментализма [отрицания всякого правительства] или индивидуализма, враждебного всяким авторитетам, эти господа, — которые 16 лет преспокойно выносили и выносят самый позорный деспотизм! — проповедуют на деле лишь прудонистски идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство! Прудон принес громадный вред. Сначала его мнимая критика и его мнимая противоположность утопистам (сам он представляет собой мелкобуржуазного утописта, тогда как в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и др., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира) захватила и подкупила «блестящую молодежь», студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старому хламу. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, надутые ложным пафосом, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им воздам должное.

Большую радость доставил мне происходивший одновременно американский рабочий конгресс в Балтиморе. Лозунгом служила там организация для борьбы против капитала, и, удивительное дело, большинство выработанных мною для Женевы требований было точно так же выдвинуто там благодаря верному инстинкту рабочих.

Здесьнее движение за реформу ¹, которое вызвал к жизни наш

¹ При содействии Генерального Совета Интернационала английские тред-юнионы (профсоюзы) развернули в 1866—1867 гг. широкую кампанию

Центральный Совет (в чем не малая доля и моего участия), приняло теперь огромные размеры и становится непреодолимым. Я все время держался за кулисами и не беспокоюсь больше об этом, раз дело пошло на лад.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в журнале «Die Neue Zeit», Jhrg. XX, 1901—1902, Bd. II. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXV.

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

11 сентября 1867 г.

...На ближайшем конгрессе [Интернационала] в Брюсселе¹ я лично покончу с этими ослиами-прудонистами. Я вел все это дело дипломатически и не хотел выступать *лично*, прежде чем моя книга [«Капитал»] не вышла в свет и не пустила корней в нашем обществе. Кроме того, я отделаю их в официальном отчете Генерального Совета. Несмотря на все свои усилия, парижские болтуны не смогли помешать тому, чтобы нас выбрали снова.

Между тем наше Общество сделало крупные успехи. Паршивая «Star» [«Звезда»], пытавшаяся совершенно нас игнорировать, вчера в передовой статье объявляет, что мы имеем больше значения, чем конгресс мира. Шульце-Делич не мог помешать своему «Рабочему союзу» в Берлине примкнуть к нам. Английские мерзавцы из числа трэд-юнионистов, для которых мы идем чересчур далеко, прибежали к нам... События движутся. И когда наступит революция, которая, возможно, ближе, чем это кажется, то *в наших руках*, т. е. у тебя и у меня, будет эта могучая машина. Сравни с этим результаты махинаций Мадзини и других за тридцать лет! И притом без денежных средств! С интригами прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, с завистливыми Оджером, Криме-ром, Поттером в Лондоне, с Шульце-Деличем и лассальянцами в Германии! Мы можем быть очень довольны!..

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und Karl Marx 1844—1883»; herausgegeben von A. Bebel und E. Bernstein. Bd. 4, Stuttgart, 1913 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIII.

за избирательную реформу (распространение избирательных прав на широкие круги рабочих и бедноту). *Ред.*

¹ Брюссельский конгресс I Интернационала состоялся в 1868 г. Маркс на этом конгрессе не присутствовал, но руководил его подготовкой. *Ред.*

МАРКС — ЭНГЕЛЬС

5 марта 1869 г.

...Бакунин думает: если мы одобрим его радикальную программу, то он сможет ее разблаговестить и таким образом до известной степени компрометировать нас. Если мы выскажемся против, то нас ославят как контрреволюционеров. Кроме того, если мы ее допустим, то он позаботится о том, чтобы на Базельском конгрессе его поддерживали какие-нибудь сволочные элементы.

Я думаю, нужно ответить следующим образом.

Согласно § 1 устава допускается всякое общество рабочих, «которое стремится к той же самой цели, т. е. к защите, движению вперед и *полному освобождению рабочего класса*».

Так как степень развития различных слоев рабочих одной и той же страны, а также рабочего класса разных стран, конечно, очень различна, то действительное движение получает свое выражение в теоретических формах, чрезвычайно различных.

Общность действий, которую Международное Товарищество Рабочих вызывает к жизни, обмен мыслей при помощи различных органов секций во всех странах, наконец, прямое обсуждение на общих конгрессах постепенно создадут для всеобщего рабочего движения также и общую теоретическую программу.

Что касается программы «Альянса», то Генеральному Совету не к чему подвергать ее критическому разбору. Он не исследует, является ли она полным и правильным научным выражением рабочего движения. Он спрашивает лишь об одном: не противоречит ли ее *общая тенденция* общей тенденции Международного Товарищества Рабочих — полному освобождению рабочего класса!

Этот упрек может относиться лишь к одной фразе программы § 2: «Она хочет прежде всего политического, экономического и общественного уравнивания *классов*». Если буквально толковать выражение «уравнение классов», то это есть не что иное, как другими словами выраженная мысль о «гармонии между капиталом и трудом», которую проповедывали буржуазные социалисты. Не «уравнение классов», что логически невозможно, но исторически необходимое «уничтожение классов» составляет конечную цель Международного Товарищества Рабочих. Но из контекста, в котором находится эта фраза в программе, вытекает, однако, что она представляет собой простую описку. Генеральный Совет не сомневается поэтому ни минуты, что эта фраза, которая может повести к очень серьезным недоразумениям, будет из программы удалена.

При этом предположении, согласно принципам Международного Товарищества Рабочих, каждой секции предоставляется самой нести ответственность за свою собственную программу. Таким

образом, препятствий к превращению секций «Альянса» в секции Международного Товарищества Рабочих не имеется.

Как только это последует, необходимо будет согласно уставу переслать Генеральному Совету список вновь вступивших секций с указанием страны, местности и числа членов.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und Karl Marx 1844—1883»; herausgegeben von A. Bebel und E. Bernstein. Bd. 4, Stuttgart, 1913 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV.

МАРКС — Ф. БОЛЬТЕ

23 ноября 1871 г.

...*Интернационал* был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы. Первоначальный устав и Учредительный манифест сразу же указывают на это. С другой стороны, Интернационал не смог бы упрочиться, если бы сектантство не было уже разбито ходом истории. Развитие социалистического сектантства и развитие действительного рабочего движения всегда находятся в обратном отношении друг к другу. Секты имеют свое (историческое) оправдание до тех пор, пока рабочий класс еще не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты становятся в сущности реакционными. Впрочем, в истории Интернационала повторилось то же самое, что обнаруживается повсюду в истории. Устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм.

История Интернационала тоже была *непрерывной борьбой Генерального Совета* против сект и дилетантских опытов, которые стремились упрочиться внутри самого Интернационала против подлинного движения рабочего класса. Борьба эта велась на конгрессах и, в еще большей степени, в специальных совещаниях Генерального Совета с отдельными секциями.

Так как в Париже прудонисты (мютюзлисты)¹ были в числе учредителей Товарищества, то естественно, что в первые годы они стояли в Париже во главе движения. Впоследствии там в противовес им образовались, конечно, коллективистские, позитивистские и прочие группы.

В Германии — клика лассальянцев.

¹ *Мютюзлисты* — так звали прудонистов; прудонисты выдвигали лозунг «взаимопомощи» (*mutuel* — взаимный). *Ред.*

Я сам в продолжение двух лет состоял в переписке с пресловутым Швейцером и неопровержимо доказал ему, что лассальянская организация есть просто сектантская организация и как таковая враждебна организации *действительного* рабочего движения, к которой стремится Интернационал. Но у него было свое «основание» не понять этого.

В конце 1868 г. в *Интернационал* вступил русский Бакунин с целью создать внутри него и *под своим собственным руководством второй Интернационал* под названием «Альянса социалистической демократии». Он, человек без всяких теоретических знаний, претендовал на то, чтобы в этой особой организации представлять *научную* пропаганду Интернационала, и хотел сделать ее специальностью этого *второго Интернационала внутри Интернационала*.

Его программой была поверхностно надерганная отовсюду мешанина — *равенство классов* (!), *отмена права наследования* как *исходная точка* социального движения (сен-симонистская чепуха), *атеизм*, предписываемый членам Интернационала как догма и т. д., а в качестве главной догмы (*по-прудонистски*) — *воздержание от участия в политическом движении*.

Эта детская азбука встретила сочувственный прием (и до известной степени находит поддержку еще и теперь) в Италии и Испании, где реальные предпосылки рабочего движения еще мало развиты, а также среди некоторых тщеславных, честолюбивых, пустых доктринеров в романской Швейцарии и в Бельгии.

Для г. Бакунина его доктрина (белиберда, составленная из кусочков, взятых у Прудона, Сен-Симона и пр.) была и есть дело второстепенное, лишь средство для его личного возвеличения. Но если он в теоретическом отношении нуль, то как интриган — он в своей стихии.

Генеральному Совету приходилось годами бороться против этого заговора (который до известной степени встречал поддержку у французских прудонистов, особенно в *южной Франции*). В конце концов резолюциями (Лондонской) конференции¹ — I, 2 и 3, IX, XVI и XVII — он нанес давно подготавливавшийся удар.

Само собой понятно, что Генеральный Совет не станет поддерживать в Америке того, против чего он борется в Европе.

¹ Маркс имеет в виду Лондонскую конференцию I Интернационала (сентябрь 1871 г.). Упомянутые Марксом резолюции посвящены следующим вопросам: I, 2 и 3 — укреплению Интернационала, усилению централизма и руководящей роли Генерального Совета; IX — необходимости самостоятельной политической партии пролетариата и неразрывной связи политической борьбы с экономической; XVI и XVII — ликвидации фракционной бакунинской группировки («Альянс»). *Ред.*

Резолюции I, 2 и 3 и IX дают теперь Нью-Йоркскому комитету законное оружие, чтобы покончить со всяким сектантством и дилетантскими группами и в случае надобности исключить их.

...«Политическое движение» рабочего класса имеет, само собой разумеется, своей конечной целью завоевание им для себя «политической власти», а для этого, конечно, необходима «предварительная организация» рабочего класса, достигшая известной ступени развития и вырастающая из самой его экономической борьбы.

Но, с другой стороны, всякое движение, в котором рабочий класс выступает *как класс* против господствующих классов и пытается победить их путем «давления извне», есть «политическое движение». Так, например, попытка принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в отдельной отрасли промышленности с помощью стачек и т. п. ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. п., есть *политическое* движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает *политическое* движение, т. е. движение *класса*, стремящегося провести свои интересы в общей форме, т. е. в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную организацию, то, с другой стороны, они в такой же степени являются и средством развития этой организации.

Там, где рабочий класс еще недостаточно развил свою организацию, чтобы начать решительный поход против коллективной власти, т. е. политической власти господствующих классов, его нужно во всяком случае готовить к этому при помощи постоянной агитации против этой власти и против враждебной нам позиции по отношению к политике господствующих классов. В противном случае рабочий класс останется игрушкой в их руках, как это доказала сентябрьская революция во Франции и как это до известной степени доказывает игра, которая до сих пор удается г. Гладстону и К^о в Англии.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Briefe und Auszüge aus Briefen von J. P. Becker, J. Dietzgen, Fr. Engels, Karl Marx und A. an F. Sorge und Andere», Штутгарт, 1906 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

ЭНГЕЛЬС — Т. КУНО

24 января 1872 г.

Бакунин, который до 1868 г. вел интриги против Интернационала, вступил затем в него, потерпев фиаско на Бернском конгрессе мира¹, и тотчас же начал *внутри Интернационала* устраивать заговоры против Генерального Совета. У Бакунина своеобразная теория, смесь прудонизма с коммунизмом, причем самым существенным является прежде всего то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал, а следовательно, и не классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшую в результате общественного развития, а *государство*. В то время как массы социал-демократических рабочих так же, как и мы, держатся того взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для того, чтобы защищать свои общественные привилегии, Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего уничтожить государство, и тогда капитал сам собой полетит к чорту. Мы же говорим обратное: уничтожьте капитал — сосредоточение всех средств производства в руках немногих, и тогда само собой падет и государство. Разница существенная: отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица; уничтожение же капитала — именно *и есть* социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то не следует делать ничего, что могло бы поддержать жизнь государства, т. е. какого бы то ни было государства — республики, монархии и т. п. Отсюда — *полное воздержание от всякой политики*. Совершить политический акт, в особенности же принять участие в выборах — это измена принципу. Надо вести пропаганду, поносить государство, организоваться, и когда, наконец, будешь иметь на своей стороне *всех* рабочих, следовательно большинство, тогда уничтожаются, наконец, все государственные учреждения, отменяется государство и на его место становится организация Интернационала. Этот великий акт, которым начинается тысячелетнее царство, называется *социальной ликвидацией*.

Все это звучит необычайно радикально и так просто, что это можно выучить наизусть в пять минут, — вот почему эта бакунистская теория быстро встретила сочувствие в Италии и Испа-

¹ Конгресс буржуазно-пацифистской «Лиги мира» состоялся в сентябре 1868 г. в Берне. Бакунин принимал участие в конгрессе. *Ред.*

нии среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров. Но масса рабочих никогда не допустит убедить себя в том, что общественные дела их собственной страны не являются в то же время их собственными делами, они по природе своей *политичны*, и всякого, кто предлагает им отказаться от политики, они в конце концов покидают. Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — это значит загонять их в объятия попов или буржуазных республиканцев.

Так как, по Бакунину, Интернационал создан не для политической борьбы, а для того, чтобы при социальной ликвидации немедленно занять место старой государственной организации, то он должен возможно более приблизиться к бакунистскому идеалу будущего общества. В этом обществе, прежде всего, не существует никакого *авторитета*, так как авторитет — государство — абсолютное зло. (Каким образом эти господа собираются пустить в ход фабрики и железные дороги, управлять кораблем без воли, решающей в последней инстанции, без единого руководства, — этого они нам, конечно, не говорят.) Прекращается также и власть большинства над меньшинством. Каждая личность, каждая община — автономны, но каким образом общество, состоящее хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый из них поступился чем-нибудь из своей автономии, — об этом Бакунин снова умалчивает.

Так вот и Интернационал тоже должен быть построен по такому образцу. Каждая секция автономна, и внутри каждой секции автономна каждая личность. К чорту *базельские постановления*, которые дают Генеральному Совету пагубную и его самого деморализующую власть! Даже если эта власть предоставлена *добровольно*, она должна быть уничтожена, — именно *потому*, что она — власть! Таковы основные пункты всего надувательства...

Написано на немецком языке. Напечатано в книге К. Марк — Ф. Энгельс. *Ausgewählte Briefe*. М. 1934. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

20 июня 1873 г.

...Нельзя позволить сбивать себя с толку криками об «объединении». Как раз те, кто больше всего носится с этим лозунгом, и являются главными зачинщиками раздоров; таковы нынешние бакунисты Швейцарской Юры, инициаторы всех расколов, которые ни о чем так громко не кричат, как об объединении. Эти фанатики объединения — либо ограниченные люди, желающие смешать все и вся в неопределенную кашу, которой стоит только немного устояться, чтобы различные элементы, сваленные в об-

щий котел, пришли в еще более острое противоречие между собой (в Германии у вас есть превосходный пример в лице господ, проповедующих примирение рабочих и мелких буржуа); либо это люди, желающие бессознательно (как, например, Мюльбергер) или сознательно фальсифицировать движение. Вот почему заядлые сектанты и величайшие склочники и прохвосты в известные моменты громче всех кричат о единстве. Ни от кого мы в течение нашей жизни не видали больших неприятностей и подвохов, чем от крикливых проповедников объединения.

Конечно, всякое партийное руководство стремится к успехам, и это очень хорошо. Но бывают обстоятельства, когда надо иметь мужество пожертвовать успехом *немедленным* ради более важных вещей. Особенно такая партия, как наша, конечный успех которой абсолютно обеспечен и которая за наше время и на наших глазах так гигантски выросла, вовсе не нуждается всегда и безусловно в немедленном успехе. Возьмите, к примеру, Интернационал. После Коммуны он имел огромный успех. Перепуганные на смерть буржуа считали его всемогущим. Массы в самом Интернационале думали, что так будет продолжаться вечно. Мы знали отлично, что пузырь *должен* лопнуть. К Интернационалу присасывалась всякая шваль. Находившиеся в нем сектанты обнаглели, злоупотребляли своей принадлежностью к Интернационалу и надеялись, что им будут дозволены величайшие глупости и низости. Мы этого не потерпели. Прекрасно зная, что пузырь когда-нибудь должен лопнуть, мы старались не оттягивать катастрофы, а вывести из нее Интернационал чистым и нефальсифицированным. В Гааге пузырь лопнул, и Вы знаете, что большинством участников конгресса раздехалось по домам с тяжелым чувством разочарования. А ведь почти все эти разочарованные, воображавшие, что в Интернационале они найдут идеал всеобщего братства и примирения, занимались у себя дома еще более жестокой дракой, чем та, которая разразилась в Гааге! Теперь сектантствующие склочники проповедуют примирение и кричат о нас, что мы — люди неуживчивые, диктаторы! А если бы мы в Гааге выступали примиренчески, если бы мы замяли назревший раскол, — каковы бы были последствия? Сектанты, т. е. бакунисты, получили бы в свое распоряжение лишний год времени, чтобы совершать во имя Интернационала еще большие глупости и мерзости, рабочие самых развитых стран отвернулись бы с отвращением; пузырь не лопнул бы, он медленно бы стежился, поврежденный булавочными уколами, и ближайший конгресс, тот, на котором кризис все же должен был бы разразиться, превратился бы в самую пошлую и скандальную личную склоку, так как *принцип* уже был бы принесен в жертву в Гааге. Вот тогда бы Интернационал действительно погиб, погиб от «единства»! Вместо этого мы отделались с честью для нас от гнилых

элементов (присутствовавшие на последнем решающем заседании члены Коммуны говорят, что ни одно заседание Коммуны не производило на них такого потрясающего впечатления, как этот суд над предателями европейского пролетариата); мы предоставляем им в течение десяти месяцев изо всех сил лгать, клеветать, интриговать, а что из этого вышло? Эти мнимые представители огромного большинства Интернационала сами теперь заявляют, что они не отваживаются явиться на ближайший конгресс (подробности в статье, которая посылается одновременно с этим для «Volksstaat'a»). И если бы нам пришлось действовать еще раз, мы в общем и целом поступили бы не иначе; тактические ошибки, разумеется, всегда возможны.

Во всяком случае, я уверен, что лучшие элементы из числа лассальянцев со временем сами придут к нам, и было бы поэтому неразумно срывать плод, пока он еще не созрел, как этого хотят горе-объединители.

Впрочем, еще старик Гегель сказал: партия доказывает свою жизнеспособность тем, что идет на *раскол* и способна выдержать этот раскол. Движение пролетариата неизбежно проходит через различные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Karl Marx — Friedrich Engels. Briefe an A. Bebel, W. Liebknecht, K. Kautsky und Andere, Teil I, 1870—1886», Москва, 1933 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

ЭНГЕЛЬС — Ф. ЗОРГЕ

12 [и 17] сентября 1874 г.

...С твоим уходом *старый* Интернационал полностью завершил свое существование. И это хорошо. Он принадлежал к периоду Второй империи, когда царивший во всей Европе гнет предписывал только что пробуждающемуся вновь рабочему движению единство и воздержание от всякой внутренней полемики. Это был момент, когда всеобщие космополитические интересы пролетариата были выдвинуты на первый план, когда Германия, Испания, Италия, Дания только что вступили в движение или еще только вступали. В 1864 г. теоретический характер движения во всей Европе, т. е. в массах, был еще очень неясен, немецкий коммунизм еще не существовал как рабочая партия, прудонизм был слишком слаб, чтобы выезжать на своем излюбленном коньке, а новая белиберда Бакунина не существовала еще даже и в его собственной голове; даже вожди английских трэд-юнионов считали возможным вступить в движение на основе программы,

изложенной в введении к уставу. Первый крупный успех должен был разрушить это наивное сотрудничество всех фракций. Таким успехом была Коммуна, которая была несомненно духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни; таким образом, на Интернационал до известной степени вполне справедливо возлагалась ответственность за Коммуну. Когда же Интернационал благодаря Коммуне стал в Европе моральной силой, — тотчас началась склока. Каждое течение хотело использовать этот успех для себя. Начался распад, который был неизбежен. Зависть к растущей силе единственных людей, которые действительно готовы были продолжать работу на основе старой широкой программы, — программы немецких коммунистов, — толкнула бельгийских прудонистов в объятия бакунистских авантюристов. Гаагский конгресс был действительно концом, и притом для обеих партий. Америка была единственной страной, где именем Интернационала еще можно было что-то сделать, почему здоровый инстинкт и подсказал перенести туда высшее руководство. Но теперь и там престиж его исчерпан, и всякое дальнейшее усилие вдохнуть новую жизнь было бы глупостью и бесплодной растратой сил. В течение десяти лет Интернационал господствовал над одной стороной европейской истории — именно той стороной, в которой заложено будущее, и он может с гордостью оглянуться на свою работу. Но в старой форме он себя пережил. Для того чтобы был создан новый Интернационал наподобие старого, союз всех пролетарских партий всех стран, для этого было бы необходимо всеобщее подавление рабочего движения, подобно 1849—1864 гг. Но для этого пролетарский мир стал теперь слишком велик, слишком обширен. Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы...

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Briefe und Auszüge aus Briefen von J. P. Becker, J. Dietzgen, Fr. Engels, Karl Marx und A. an F. Sorge und Andere», Stuttgart, 1906 г.—
Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

МАРКС — Ф. ЗОРГЕ

19 октября 1877 г.

...В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (например,

Мост) с Дюрингом и его «поклонниками» и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и преумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, то-есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) — новой мифологией со всеми ее богинями справедливости, свободы, равенства и *fraternité* (братства). Одним из представителей этого направления является «вкупившийся» в партию издатель журнала «Zukunft», д-р Хёхберг — допускаю с «самыми благими» намерениями, но я на всякие «намерения» плюю. Редко появлялось на свет божий что-либо более жалкое и с более «скромной претензией», как программа его «Zukunft'a».

Что касается самих рабочих, то они, когда бросают работу и становятся *профессиональными литераторами*, подобно г. Мосту и компании, всегда творят не мало бед в «теории» и постоянно готовы примкнуть к сумбурным головам из так называемой «ученой» касты. В течение десятилетий мы с большим трудом старались освободить головы немецких рабочих от *утопического* социализма и фантастического представления о будущем общественном строе, что и давало им теоретический (а потому и практический) перевес над французами и англичанами. Но вот утопический социализм снова завладевает их умами, и притом в форме, гораздо более жалкой по сравнению не только с великими французскими и английскими утопистами, но и с социализмом Вейтлинга. Само собой разумеется, что утопизм, который *до* появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний в зародыше, теперь, выступая на сцену *post festum* [с опозданием], может быть только нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «*Briefe und Auszüge aus Briefen von J. P. Becker, J. Dietzgen, Fr. Engels, Karl Marx und A. an F. Sorge und Andere*», Штутгарт, 1906 г.— Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

ЭНГЕЛЬС — И.-Ф. БЕККЕРУ

Лондон, 1 июля 1879 г.

Вполне понятно, что кротость, так некстати проявленная Либкнехтом в рейхстаге, произвела очень неблагоприятное впечатление как на романскую Европу, так и среди немцев. Мы тогда же сообщили об этом в письме. Со старым удобным, благодушным способом агитации с прохладцей, с отсидкой время от времени в тюрьме от шести недель до шести месяцев в Германии

покончено раз и навсегда. Как бы ни кончилось нынешнее состояние, новое движение начинается на более или менее революционной основе и должно поэтому носить гораздо более решительный характер, чем завершившийся теперь первый период движения. Фразы о достижении цели мирным путем или не нужны будут или же их перестанут принимать всерьез. Сделав эти фразы невозможными и направив движение по революционному руслу, Бисмарк сослужил нам большую службу, которая с избытком возмещает небольшой ущерб, нанесенный нам препятствиями, чинимыми в агитации.

С другой стороны, это покорное выступление в рейхстаге привело к тому, что герои революционной фразы теперь снова воспрянули духом и стремятся склокой и интригами дезорганизовать партию. Центр этих происков — здешний Рабочий союз ¹.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в «Vorwärts», 15-го июля 1914 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС — БЕБЕЛЮ, ЛИБКНЕХТУ, БРАККЕ И ДР.²

Циркулярное письмо
[Середина сентября 1879 г.]

Упрек, который здесь делается Швейцеру, состоит в том, что он, Швейцер, *низвел* лассальянство, рассматриваемое здесь как буржуазно-демократически-филантропическое движение, на степень односторонней борьбы промышленных рабочих за свои интересы; между тем, на деле он *углубил* движение как классовую борьбу промышленных рабочих против буржуазии. Далее, его (Швейцера) упрекают в том, что он «оттолкнул буржуазную демократию». Но разве буржуазной демократии место в социал-демократической партии? Если буржуазная демократия состоит из «честных людей», то у нее не может и возникнуть желания присоединиться к нам, а если она этого все-таки добивается, то исключительно для того, чтобы гадить.

Лассалевская партия «предпочитала *самым односторонним*

¹ Лондонский коммунистический рабочий просветительный союз в 1879 г. попал в руки сторонников «лево»-оппортунистической тактики Иоганна Моста. Мост и его сторонники скатились впоследствии на открыто анархистские позиции и в 1880 г. были исключены из рядов немецкой социал-демократии. *Ред.*

² Маркс и Энгельс подвергают в этом письме критическому анализу статью, написанную Хёхбергом (Höchberg), Бернштейном и Шраммом, напечатанную в цюрихских «Jahrbücher für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» под названием: «Перспективный взгляд на социалистическое движение в Германии. Критические афоризмы». Маркс и Энгельс называют этих авторов «цюрихским созвездием». *Ред.*

образом вести себя как *рабочая партия*... Господа, которые это пишут, состоят членами партии, которая самым односторонним образом ведет себя как рабочая партия, и занимают теперь в ней официальные посты. Это вещи абсолютно несовместимые. Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии или по крайней мере отказаться от занимаемых ими постов. Если они этого не делают, то тем самым признаются в том, что намереваются использовать свое официальное положение для борьбы против пролетарского характера партии. Таким образом, партия сама себя предает, оставляя их на официальных постах.

Итак, по мнению этих господ, социал-демократическая партия должна быть *не* односторонней рабочей партией, а всесторонней партией «всех тех, кто одушевлен истинным человеколюбием». Чтобы доказать это, она прежде всего должна отречься от грубых пролетарских страстей и под руководством образованных и филантропически настроенных буржуа «приобрести хороший вкус» и «усвоить хороший тон» (стр. 85). Тогда «неприличные манеры» некоторых вождей уступят место благовоспитанным «буржуазным манерам» (как будто внешне неприличные манеры тех, кто здесь имеется в виду, не самое маловажное из того, в чем их можно упрекнуть!). Тогда не замедлят появиться и «многочисленные сторонники из среды образованных и имущих классов. Именно их необходимо привлечь к себе... чтобы агитация принесла *осязательные успехи*».

Германский социализм «придавал слишком большое значение завоеванию *масс* и при этом пренебрегал энергичной (!) пропагандой среди так называемых высших слоев общества». Ибо у партии все еще «нехватает лиц, которые были бы в состоянии представлять ее в рейхстаге». Но «желательно и даже необходимо вверять мандаты таким людям, которые имели время и возможность основательно изучать надлежащие проблемы. Простой рабочий и мелкий ремесленник... располагают для этого достаточным досугом лишь в виде редкого исключения». Следовательно, выбирайте буржуа!

Одним словом: рабочий класс не в состоянии добиться собственными руками своего освобождения. Для этого он должен подчиниться руководству со стороны «образованных и имущих» буржуа, так как только они «имеют время и возможность» изучить то, что может принести пользу рабочим. А, во-вторых, ни под каким видом не следует бороться с буржуазией, — ее следует *привлечь на свою сторону* энергичной пропагандой.

Но если мы намерены завоевать высшие слои общества или хотя бы их благожелательно настроенные по отношению к нам элементы, то мы никоим образом не должны пугать их. И вот цюрихская троика воображает, что она сделала весьма успокоительное открытие:

«Как раз теперь, под давлением закона против социалистов, партия показывает, что она *не намерена* пойти по пути насильственной, кровавой революции, что, напротив, она решила... стать на путь законности, т. е. *реформы*». Итак, если 500—600 тысяч социал-демократических избирателей ($\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ всего числа избирателей), к тому же рассеянных по всей стране, настолько благо-разумны, что не прошибают лбом стену и не пытаются один против десяти произвести «кровавую революцию», то это значит, что они раз навсегда *зарекаются* использовать какое-либо крупное событие из области внешней политики, вызванный им внезапный революционный подъем и даже самую *победу* народа, завоеванную в возникшем на этой почве столкновении! Если Берлин когда-нибудь снова проявит такую необразованность, что учинит 18 марта¹, то социал-демократы, вместо того чтобы подобно «всякой дряни, рвущейся на баррикады» (стр. 88) принять участие в борьбе, должны будут «вступить на путь законности», утихомирить восстание, убрать баррикады и, когда это понадобится, выступить нога в ногу со славным воинством против односторонней, грубой и необразованной массы. Если господа авторы станут утверждать, что они не это хотели сказать, то что же они тогда хотели сказать?

Но это еще только цветочки.

«Чем спокойнее, объективнее, солиднее будет выступать партия, критикуя существующие порядки и внося предложения об их изменении, тем менее будет возможно повторить удавшийся сейчас (при введении закона против социалистов) шахматный ход, с помощью которого сознательная реакция скрутила в бараний рог напуганную красным призраком буржуазию» (стр. 88).

Чтобы избавить буржуазию даже от тени страха, ей нужно ясно и наглядно доказать, что красный призрак в самом деле не более как призрак, что он не существует в действительности. В чем же, однако, тайна красного призрака, как не в страхе буржуазии перед неизбежной борьбой не на жизнь, а на смерть между нею и пролетариатом, страхе перед неминуемой развязкой современной классовой борьбы? Уничтожим классовую борьбу — и буржуазия и «все независимые люди» «не побоятся пойти рука об руку с пролетариями». Но в дураках-то останутся именно пролетарии.

Пусть, следовательно, партия своим смирением и кротким поведением докажет, что она раз навсегда отеклась от «несуразностей и эксцессов», дававших повод к введению закона против социалистов. Если она добровольно пообещает не выходить из ра-

¹ Имеются в виду революционные баррикадные бои в Берлине 18—19 марта 1848 г. *Ред.*

мок этого закона, то Бисмарк и буржуазия, конечно, будут так любезны, что отменят этот закон, который станет тогда излишним.

«Пусть нас поймут как следует», мы не хотим «отказываться от нашей партии и от нашей программы, но мы думаем, что нам на долгие годы хватит работы, если мы всю свою силу, всю свою энергию обратим на достижение определенных, вполне доступных целей, которые во что бы то ни стало должны быть достигнуты, прежде чем можно начать помышлять об осуществлении более далеких задач». Тогда к нам начнут присоединяться массами буржуа, мелкие буржуа и рабочие, которых «теперь отпугивают... слишком далеко идущие требования».

От программы не следует *отказываться*; только осуществление ее должно быть *отложено*... на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию. Разве не лучше во много раз поведение «коммуниста» Микеля, который, будучи непоколебимо убежден, что через несколько сот лет крах капиталистического общества неминуем, на этом основании усердно спекулирует, способствует в меру своих сил краху 1873 г.¹ и тем самым действительно кое-что делает для подготовки крушения существующего строя...

Другим нарушением хорошего тона были «преувеличенные нападки на грюндеров», которые-де были лишь «детьми своего времени»; поэтому «было бы лучше... обойтись без брани по адресу Штраусберга и тому подобных лиц». К сожалению, все люди — только «дети своего времени», и если это — достаточное оправдание, то должны быть прекращены нападки на кого бы то ни было, и нам надо отказаться от всякой полемики, от всякой борьбы; нам надлежит спокойно принимать пинки от своих противников, ибо мы, мудрецы, знаем, что противники эти лишь «дети своего времени» и не могут поступать иначе, чем поступают. Вместо того чтобы оплачивать им сторицей за получаемые от них пинки, мы, наоборот, должны бедняжек пожалеть.

Точно так же наше выступление за Коммуну имело то дурное последствие, что «оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило *ненависть* к нам *буржуазии*». И далее, партия «не совсем неповинна во введении октябрьского закона, ибо она совершенно ненужным образом разжигала *ненависть буржуазии*».

¹ Крахом 1873 г. закончился период так называемого «грюндерства» («Gründertaumel»), период бешеной спекуляции и биржевой игры, наступивший вслед за объединением Германии (1871 г.). *Ред.*

Вот какова программа трех цюрихских цензоров. Она не оставляет никакого места для недоразумений, особенно для нас, отлично знакомых с 1848 г. с подобными речами. Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковываются как недоразумения, и всякой дискуссии кладется конец декларацией о том, что по существу никаких расхождений между нами нет. Люди, выступавшие в 1848 г. в качестве буржуазных демократов, теперь с таким же успехом могут именовать себя социал-демократами: как для первых демократическая республика, так для последних падение капиталистического строя — дело далекого будущего, не имеющее абсолютно никакого значения для политической практики современности; поэтому можно посредничать, заниматься соглашательством и филантропией сколько душе угодно. Точно так же обстоит дело с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. На бумаге эту борьбу признают, потому что отрицать ее уже попросту невозможно, но на деле ее затушевывают, смазывают, ослабляют. Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, не должна навлекать на себя ненависть буржуазии или вообще чью бы то ни было ненависть, она должна прежде всего вести энергичную пропаганду в среде буржуазии; вместо того чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпугивающие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный и по возможности мирный процесс перерождения. Это те самые люди, которые под прикрытием суетливой деловитости не только сами ничего не делают, но и пытаются помешать тому, чтобы вообще что-либо происходило, кроме... болтовни; люди, которые в 1848 и 1849 гг. своим страхом перед любым действием тормозили движение на каждом шагу и в конце концов привели его к поражению, которые видят реакцию и весьма изумляются, что оказались в тупике, где невозможно ни сопротивление, ни бегство. Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история никогда не считается и идет своей дорогой.

Что касается их социалистических убеждений, то они уже подвергнуты достаточной критике в «Манифесте» [коммунистической

партии], в главе о «немецком или истинном социализме». Там, где классовая борьба отстраняется как нечто непривлекательное и «грубое», там в качестве основы социализма остаются лишь «истинное человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости».

Самым ходом развития обусловлено то неизбежное явление, что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения. Об этом мы ясно высказались уже в «Манифесте» [коммунистической партии]. Но тут надо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, чтобы принести действительную пользу пролетарскому движению, эти лица должны принести с собой действительные элементы просвещения, а этого нельзя сказать о большинстве немецких буржуа, примкнувших к движению; ни «Zukunft» [«Будущность»], ни «Neue Gesellschaft» [«Новое общество»] не дали ничего такого, что хотя бы на шаг подвинуло движение вперед. Никакого действительного фактического или теоретического материала, содействующего просвещению, там нет. Вместо этого попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, которые вынесены этими господами из университета или еще откуда-нибудь; все эти взгляды — один путаннее другого, что объясняется тем процессом разложения, которому ныне подвергаются остатки немецкой философии. Вместо того чтобы прежде всего самому углубиться в изучение новой науки, каждый старался так или иначе пригнать ее к своим извне принесенным воззрениям, наскоро сколачивал себе свою собственную приватную науку и тотчас же выступал с претензией обучать этой науке других. Поэтому у этих господ почти столько же точек зрения, сколько голов. Вместо того чтобы хоть в какой-нибудь вопрос внести ясность, они создали невероятную путаницу, к счастью, почти исключительно у себя самих. Без таких просветителей, основной принцип которых обучать других тому, чего они сами не изучили, партия может отлично обойтись.

Во-вторых. Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. Но те господа, как доказано, как раз битком набиты буржуазными и мелкобуржуазными идеями. В такой мелкобуржуазной стране, как Германия, эти идеи несомненно имеют свое оправдание, но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии. Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они чуждый

элемент. Если есть основания пока что терпеть их, то мы обязаны *только* терпеть их, не давая им влиять на руководство партией и отдавая себе отчет в том, что разрыв с ними — лишь вопрос времени. Это время к тому же, повидимому, уже наступило. Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, значит партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии.

Что касается нас, то в соответствии со всем нашим прошлым перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. При основании Интернационала мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, следовательно, идти вместе с людьми, которые открыто заявляют, что рабочие слишком необразованы для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа. Если новый партийный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию за границей. Но *до этого*, надо надеяться, дело не дойдет.

Написано на немецком языке. Напечатано в книге «Karl Marx—Friedrich Engels. Briefe an A. Bebel, W. Liebknecht, K. Kautsky und Andere». Teil I, 1870—1886, Москва, 1933 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ¹

Лондон, 14 ноября 1879 г.

...В третьей части содержатся неприятные уступки немецкому филистеру. К чему ненужные места о «гражданской войне», к чему это расшаркивание перед «общественным мнением», которое в Германии всегда совпадает с мнением филистера из пивной? К чему полнейшее замазывание классового характера движения? С какой стати доставлять такое удовольствие анархистам? Притом же все эти уступки совершенно бесполезны. Немецкий филистер — олице-

¹ В этом письме Энгельс критикует опубликованное в ноябре 1879 г. сообщение социал-демократической фракции рейхстага. Сообщение содержало ряд явно оппортунистических мест. *Ред.*

творенная трусость, он уважает лишь того, кто внушает ему страх. Того же, кто хочет казаться в его глазах паинькой, он считает себе подобным и уважает как себе подобного, т. е. совсем не уважает. И теперь, когда «буря» филистерского возмущения, именующая общественным мнением, снова, по всеобщему признанию, улеглась и когда бремя налогов и без того уже гнетет этих людей, к чему эти медоточивые речи? Если бы знали, как это воспринимается за границей! Хорошо, конечно, чтобы партийный орган редактировали люди, стоящие в центре партии, на боевых позициях. Но стоило бы вам с полгода пробыть за границей, и вы совсем по-иному расценили бы это совершенно излишнее самоунижение партийных депутатов перед филистером. Буря, разразившаяся над французскими социалистами после Коммуны, была все же совсем не то, что трескотня по поводу Нобилинга¹ в Германии. А насколько независимее и достойнее держались французы! Можно ли их упрекнуть в подобной слабости, в подобных комплиментах по адресу врага? Там, где они не могли свободно высказаться, они молчали и давали обывателю накричаться вволю, зная, что их время еще придет, и теперь это время пришло...

Впрочем, относительно подтасовок Ауэра хочу еще заметить, что мы здесь не недооцениваем как трудностей, при которых партии приходится бороться в Германии, так и значения достигнутых, несмотря на это, успехов и образцового до сих пор поведения партийных масс. Само собою разумеется, что каждая одержанная в Германии победа радует нас так же, как и победа в любой другой стране, и даже больше, так как германская партия ведь росла, примыкая с самого же начала к нашим теоретическим положениям. Но именно поэтому мы придаем особенное значение тому, чтобы практика германской партии, в особенности же публичные выступления партийного руководства, не расходилась с общей теорией. Несомненно, что критика наша многим неприятна, но больше, чем от всяких некритических комплиментов, партия и партийное руководство выигрывают от того, что за границей у них есть люди, свободные от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов борьбы, которые время от времени измеряют партийные события и выступления масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах, и отражают перед партией и ее руководством то впечатление, которое эти выступления производят за пределами Германии.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге А. Бебеля «Aus meinem Leben», Bd. III, Штутгарт, 1914 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII.

¹ В июне 1878 г. Нобилинг произвел в невменяемом состоянии покушение на Вильгельма I. Эта попытка послужила предлогом для введения закона против социалистов. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

25 октября 1884 г.

Правда, Гэд приезжал сюда, когда надо было составить *проект* программы французской Рабочей партии. И Маркс тут же в моей комнате, в присутствии моем и Лафарга, продиктовал ему мотивировочную часть этой программы: рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств производства; это возможно в индивидуальной или в коллективной форме; индивидуальную форму владения экономическое развитие преодолевает и с каждым днем будет преодолевать все более; остается, стало быть, лишь форма коллективного владения и т. д. Это был мастерский образец убедительной аргументации, сжатой и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой чеканной формулировке поразила меня самого. Затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили, но как мало Гэд был рупором Маркса, видно из того, что он настаивал на внесении своего нелепого требования о минимуме заработной платы, и так как отвечаем за это не мы, а французы, то мы в конце концов предоставили ему делать, как он хочет, хотя он и признал теоретическую нелепость этого пункта.

...Эту программу французы поставили потом на обсуждение и приняли ее с некоторыми поправками, среди которых внесенные Малоном отнюдь нельзя считать улучшениями.

...Но мелких завистников, которые сами ничего собою не представляют, а хотели бы быть всем, особенно бесит то, что Маркс благодаря своим теоретическим и практическим заслугам завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении всех стран относятся к нему с полным доверием. В *решительную минуту* они обращаются к нему за *советом* и обычно убеждаются в том, что его советы самые лучшие. Таково его положение в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о мелких странах. Стало быть, не Маркс навязывает людям свое мнение, и уж тем более свою волю, а эти люди сами приходят к нему. И именно на этом основано своеобразное и имеющее величайшее значение для всего движения влияние Маркса.

Малон тоже собирался приехать, но хотел сперва добиться через Лафарга специального приглашения от Маркса, которого он, конечно, не получил. Мы охотно поговорили бы с ним, как со всяким другим, но приглашать его! К чему? Кому мы посылали такие приглашения? Такое же отношение, как к французам, существует у Маркса, а также и у меня, к движению в остальных странах. Мы все время поддерживаем с ним контакт, поскольку дело стоит того и представляется к тому возможность, но всякая попытка

влиять на людей против их воли принесла бы нам только вред, уничтожила бы прежнее доверие времен Интернационала. А для этого мы слишком искушены в революционных делах.

*Написано на немецком языке. — Маркс
и Энгельс, Соч., т. XXVII.*

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

Лондон, 30 ноября 1881 г.

Если какое-либо внешнее событие способствовало тому, чтобы Маркс снова несколько оправился, так это были именно выборы ¹. И нигде еще пролетариат не вел себя так великолепно. В Англии, после величайшего поражения 1848 г., рабочие впали в апатию и под конец покорились буржуазной эксплуатации, сохранив одну лишь борьбу тред-юнионов за повышение заработной платы. Во Франции пролетариат после 2 декабря исчез со сцены. В Германии же после трех лет неслыханных преследований, неослабного гнета, полной невозможности открытой организации или хотя бы свободного обмена мнений наши ребята не только сохранили всю свою прежнюю силу, но еще больше окрепли. И окрепли как раз в одном важном отношении: центр тяжести движения переместился из полудеревенских саксонских округов в *большие промышленные города*.

Масса наших сторонников в Саксонии состоит из ткачей на ручных станках, которые обречены на гибель паровым ткацким станком и держатся еще кое-как только голодной заработной платой и подсобными занятиями (огородничество, вырезывание игрушек из дерева и т. д.). Положение этих людей экономически реакционно, они представляют гибнущую ступень производства. Поэтому они, во всяком случае, не такие прирожденные представители революционного социализма, как рабочие крупной промышленности. Это не значит, что они по своей природе реакционны, какими сделались в конце концов, например, здесь остатки ткачей на ручных станках — это ядро английских «консервативных рабочих», но они все же не очень надежны, в особенности потому, что из-за их ужасного нищенского положения они обладают гораздо меньшей сопротивляемостью, чем городские рабочие, а их разбросанность позволяет политически поработить их с большей легкостью, чем жителей больших городов. После тех фактов, о которых сообщал «Social-Demokrat», можно действительно только удивляться тому героизму, с каким эти несчастные еще удержались в таком большом количестве.

¹ Осенью 1881 г. на выборах в германский рейхстаг социал-демократы получили 312 000 голосов и 12 депутатских мест. *Ред.*

Но они не могут составить подлинного ядра для крупного национального движения. Нужда делает их при известных обстоятельствах, например в 1865—1870 гг., более восприимчивыми к социалистическим взглядам, чем население больших городов, но та же самая нужда делает их и менее надежными...

Теперь все это изменилось. Берлин, Гамбург, Бреславль, Лейпциг, Дрезден, Майнц, Оффенбах, Бармен, Эльберфельд, Золинген, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Ганау, *наряду* с Хемницем и округами Рудных гор, — все это создает совершенно иную опору. Ядром движения стал революционный по своему экономическому положению класс. К тому же оно распространилось равномерно по всей промышленной части Германии. Из движения, ограниченного немногими местными центрами, оно только *теперь превратилось в национальное*. И это больше всего пугает буржуа...

Написано на немецком языке. — Маркс
и Энгельс, Соч., т. XXVII.

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

в ЛЕЙПЦИГ

Лондон, 28 октября 1882 г.

...Во Франции произошел долгожданный раскол¹. Сотрудничество Гэда и Лафарга с Малоном и Бруссом было, впрочем, при организации партии неизбежно, но Маркс и я никогда не питали иллюзий насчет долговечности этого союза. Расхождение чисто принципиальное: должна ли борьба вестись *как классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допустимо оппортунистически (в переводе на социалистический язык: *поссибилистски*) отказываться от классового характера движения и от программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше голосов, больше сторонников? Малон и Брусс высказывались за последнее, тем самым они пожертвовали пролетарским классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным. Тем лучше. Развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой, и Франция, где теперь впервые создается рабочая партия, не является исключением. Мы в Германии уже прошли первый этап этой внутренней борьбы, другие нам еще предстоят. Единство — прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства. Кто, подобно Марксу и мне, в те-

¹ На Сен-Этьенском конгрессе 25 сентября 1882 г. произошел раскол французской Рабочей партии. Меньшинство конгресса в составе 32 делегатов во главе с Гэдом и Лафаргом покинуло конгресс, большинство которого стало на сторону оппортунистов. Гэдисты открыли собственный конгресс в Руане 27 сентября 1882 г. *Ред.*

чение всей своей жизни боролся больше, чем против кого бы то ни было, против мнимых социалистов (буржуазию мы воспринимали как *класс* и почти никогда не затевали единичных схваток с буржуа), тот не станет сокрушаться из-за того, что неизбежная борьба разразилась...

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «K. Marx — F. Engels. Briefe an A. Bebel, W. Liebknecht, K. Kautsky und Andere». Teil I, 1870—1886. Москва, 1933 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII.

ЭНГЕЛЬС — И.-Ф. БЕККЕРУ

15 июня 1885 г.

... В такой мещанской стране, как Германия, у партии не может не быть также и мещанского «образованного» правого крыла, которое она отбросит в решительный момент. Мещанский социализм в Германии ведет свое начало с 1844 г. и был подвергнут критике уже в «Коммунистическом манифесте». Он так же бессмертен, как и сам немецкий мещанин. До тех пор пока существует закон против социалистов, я против того, чтобы *мы* вызвали раскол, потому что оружие у нас неравное. Но если бы эти господа сами вызвали раскол, подавляя пролетарский характер партии и пытаясь заменить его худосочной, дурацкой, эстетической, сентиментальной филантропией, то нам придется пойти на это.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в «Vorwärts'е», Берлин 20-го июля 1914 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII.

ИЗ ПИСЕМ ОБ ИРЛАНДИИ ¹

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

Манчестер, 23 мая 1856 г.

Путешествие наше по Ирландии шло таким образом: мы поехали из Дублина в Гальвэй, на западном берегу, потом двадцать миль к северу в глубь страны, потом в Лимерик, потом вниз по Шаннону в Тарберт, Трали, Килларней и назад в Дублин. Всего около 450—500 английских миль. Мы видели, следовательно, около двух третей всей страны. За исключением Дублина, который относится к Лондону, как Дюссельдорф к Берлину, целиком носит характер бывшей маленькой столицы и построен на английский лад, вся страна, а особенно города, оставляет такое впечатление, будто находишься во Франции или в Северной Италии. Жандармы, попы, бюрократы, адвокаты, дворяне-помещики — в приятном изобилии и полное отсутствие какой бы то ни было промышленности, так что прямо могло бы показаться непонятным,

¹ В помещаемых здесь трех письмах Маркса и Энгельса об Ирландии ярко отражена их позиция в национальном вопросе. О позиции Маркса и Энгельса в ирландском вопросе Ленин писал:

«Маркс и Энгельс и в ирландском вопросе вели последовательно-пролетарскую политику, действительно воспитывавшую массы в духе демократизма и социализма. Только эта политика способна была избавить и Ирландию, и Англию от полувековой затяжки необходимых преобразований и от изуродования их либералами в угоду реакции.

Политика Маркса и Энгельса в ирландском вопросе дала величайший, донныне сохранивший громадное *практическое* значение, образец того, как должен относиться пролетариат угнетающих наций к национальным движениям; — дала предостережение против той «холопской торопливости», с которой мешане всех стран, цветов и языков спешат признать «утопичным» изменение границ государств, созданных насилиями и привилегиями помещиков и буржуазии одной нации.

Если бы ирландский и английский пролетариат не приняли политики Маркса, не поставили своим лозунгом отделения Ирландии, это было бы злейшим оппортунизмом с их стороны, забвением задач демократа и социалиста, уступкой *английской* реакции и буржуазии.» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 464.) *Ред.*

чем же живут все эти паразиты, если бы нищета крестьян не объясняла всего.

«Строгие мероприятия» заметны во всех углах. Правительство вмешивается повсюду, о так называемом самоуправлении нет и речи.

Ирландию можно считать первой английской колонией, именно такой, которая в силу своей близости к метрополии управляется все еще по-старому. И здесь прекрасно видно, что так называемая свобода английских граждан основана на угнетении колоний. Нигде я не видал столько жандармов, и прусское жандармско-спиртуозное выражение лица этих констеблей, вооруженных карабинами, штыками и ручными кандалами, доведено здесь до высокой степени совершенства.

Характерны для страны развалины. Древнейшие относятся к V и VI столетиям, новейшие — к XIX столетию со всеми переходными ступенями между ними. Древнейшие — все только церкви. С 1100 г. — церкви и замки. С 1800 г. — крестьянские дома. По всему западу, особенно в окрестностях Гальвэй, повсюду разбросаны такие развалины крестьянских домов, покинутых жителями по большей части с 1846 г. Я никогда не думал, чтобы голод имел такую, так сказать, осязательную реальность. Опустели целые деревни, и посреди них расположены великолепные парки более мелких землевладельцев, которые почти одни там и живут. Это по большей части адвокаты.

К этому привело совместное действие голода, эмиграции и «чистки земель». При этом даже скота на полях нет. Эта часть страны представляет собой буквально пустыню, которая никому не нужна. В графстве Клэр, к югу от Гальвэй, немного лучше — там есть скот, а ближе к Лимерику — холмы, прекрасно обработанные фермерами, по большей части шотландцами. Развалины там убраны, и страна имеет зажиточный вид. На юго-западе местность гористая, много болот и удивительно пышные леса, потом опять тянутся прекрасные пастбища, особенно в Типперери; ближе к Дублину идут места, где заметно, что земля постепенно переходит в руки крупных фермеров.

Завоевательные войны англичан, продолжавшиеся с 1100 до 1850 г. (в действительности войны и осадное положение продолжались именно так долго), вконец разорили страну. Множество развалин ведет свое происхождение именно от войны. В результате всего этого и народ приобрел своеобразный характер. Несмотря на весь свой национально-ирландский фанатизм, присущий этим людям, они чувствуют себя в своей собственной стране не дома. Ирландия — для саксов. Это теперь осуществилось. Ирландец знает, что у него нет возможности соперничать с англичанином, который пришел, снабженный средствами, превосходящими все собственные средства ирландца. Эмиграция будет про-

должаться до тех пор, пока преимущественно, даже почти исключительно, кельтический характер населения, наконец, совсем не исчезнет. Сколько раз ирландцы пытались достичь чего-нибудь, и всякий раз и в политическом и в промышленном отношении бывали раздавлены. Подавляя их искусственно, систематически довели их до положения нации оборванцев, специальностью которой стало снабжать Англию, Америку, Австралию и т. д. проститутками, поденщиками, сутенерами, преступниками, жуликами, нищими и другими бездельниками. Обнищание проникло здесь и в аристократию. Землевладельцы повсюду в других странах обуржуазились, здесь же совершенно обнищали. Их поместья окружены громадными превосходными парками, но кругом — пустыня, и совершенно неизвестно, откуда достать денег. Это удивительно комичные типы. Смешанной крови, по большей части высокого роста, полные, красивые парни, носят огромные усы под громадными римскими носами, прикидываются полковниками в отставке, разъезжают по стране в погоне за всевозможными развлечениями, а когда справишься о них, — оказывается, что у них ни гроша за душой, по горло в долгах и живут в страхе попасть за долги под суд.

Относительно методов управления Англии этой страной — репрессии и коррупция — задолго до опытов этого рода со стороны Бонапарта — в следующий раз...

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Der Briefwechsel zwischen Fr. Engels und Karl Marx, 1844—1883»; herausgegeben von A. Bebel und E. Bernstein, Bd. II, Stuttgart, 1913 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII.

К. МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

в ГАННОВЕР

Лондон, 29 ноября 1869 г.

...Ты видел, вероятно, в «Volksstaat'e» предложенные мною резолюции против Гладстона по вопросу об ирландской амнистии¹. Я напал теперь на Гладстона, — точно так же как раньше на Пальмерстона, — и это здесь наделало шуму. Здешние эмигранты-

¹ Здесь говорится о резолюции по ирландскому вопросу, предложенной в ноябре 1869 г. Марксом. Генеральный Совет Интернационала после продолжительных и бурных прений принял эту резолюцию единогласно. Резолюция приветствовала борьбу ирландцев за амнистию арестованных руководителей борьбы за национальное освобождение Ирландии и протестовала против поведения английского премьер-министра Гладстона, который «связывает политическую амнистию с условиями, одинаково оскорбительными как для жертв произвола, так и для народа, к которому они принадлежат». *Ред.*

демагоги любят нападать на континентальных деспотов из безопасного далека. Для меня же это имеет лишь тогда свою прелесть, когда совершается *vultu instantis tyranni* [перед лицом самого тирана].

Однако мое выступление по вопросу об ирландской амнистии так же, как и мое последующее предложение в *Генеральном Совете* относительно того, чтобы обсудить позицию английского рабочего класса по отношению к Ирландии и вынести по этому поводу известное решение, преследовало, конечно, еще и другие цели, кроме той, чтобы громко и решительно высказаться за угнетенных ирландцев против их угнетателей.

Я все более и более прихожу к убеждению, — и теперь дело в том, чтобы вкоренить это убеждение в умы английского рабочего класса, — что он никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага вперед, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе, пока он не только не станет действовать заодно с ирландцами, но и не возьмет на себя инициативу в деле упразднения основанной в 1801 г. унии¹ и замены ее свободным союзом на федеративных началах. И такой политики английский пролетариат должен держаться не из сочувствия к ирландцам, а потому, что она является необходимой с точки зрения его собственных интересов. Если это не будет сделано, то английский народ попрежнему будет идти на помочах у господствующих классов, потому что он должен будет действовать заодно с ними против Ирландии. Каждое народное движение в самой Англии парализуется разладом с ирландцами, которые и в самой Англии составляют очень значительную часть рабочего класса. *Первое условие* освобождения здесь — низвержение английской земельной олигархии — остается неосуществимым, так как нельзя сокрушить ее позиций в самой Англии, пока она сохраняет за собой свои сильно укрепленные форпосты в Ирландии. Но как только ирландский народ возьмет дело в свои руки, как только он сам станет законодателем и правителем своей страны и добьется автономии, — уничтожение земельной аристократии (по большей части — это *те же лица*, что и английские лендлорды) произойдет несравненно легче, чем здесь, потому что для Ирландии это не только экономический вопрос, но в то же время и *национальный*, ибо лендлорды в Ирландии не являются, как в Англии, традиционными сановниками и представителями страны, а смертельно ненавистными угнетателями национальности. И не только внутреннее социальное развитие Англии парализовано теперешними отношениями

¹ В 1801 г. в Англии был проведен билль под названием «Акт об унии» (союзе), которым уничтожался особый ирландский парламент и устанавливалась полная зависимость Ирландии от Англии. *Ред.*

к Ирландии, но и ее внешняя политика, особенно ее политика по отношению к России и Соединенным Штатам Америки.

А так как английский рабочий класс имеет безусловно решающее значение на чаше весов социального освобождения вообще, то важно найти точку опоры именно в Англии. В самом деле, английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию ¹. *Non bis in idem!* [Пусть же не случится этого и во второй раз!] Ирландцы сыграли с английским правительством отличную шутку выбором в депутаты парламента «convict felon!» [каторжника] О'Донован Россса ². Правительственные газеты грозят уже новой отменой Habeas Corpus Act'a ³, возобновлением системы террора! В самом деле, Англия никогда иначе не управляла Ирландией, да и *не может* управлять ею иначе, — пока держится теперешнее положение, как посредством гнуснейшего террора да подлейшего подкупа.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в «Die Neue Zeit», Jhrg. XX, 1901—1902, Bd. II. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

МАРКС — МЕЙЕРУ И ФОГТУ

Лондон, 9 апреля 1870 г.

После многолетней работы над ирландским вопросом я пришел к заключению, что решительный удар господствующим классам Англии (а он является решающим для рабочего движения во всем мире) может быть нанесен *не в Англии, а только в Ирландии*. 1 декабря 1869 года Генеральный Совет выпустил конфиденциаль-

¹ Во время английской революции XVII века в Ирландии вспыхнуло в 1641 г. восстание, приведшее к почти полному отпадению от Англии большей части острова. Восстание это было подавлено лишь в 1649 г. Кромвелем. Это «усмирение» Ирландии было проведено с необычайной жестокостью и закончилось массовой экспроприацией земли у ирландского населения. Отнятые у ирландцев земли пошли на вознаграждение солдатам и офицерам кромвелевской армии, на расплату с поставщиками армии и т. д. Все это восстановило ирландцев против республики, превратило их в активную силу, боровшуюся против английской революции. *Ред.*

² О'Донован Россса — ирландский политический деятель, журналист. В 1865 г. основал в Дублине газету «Ирландский Народ» — орган ирландского национально-революционного общества «Фенианское братство». За революционное направление этого органа был приговорен судом к пожизненному заключению. В 1869 г. был выбран в Типперери в парламент. Выборы были кассированы, но О'Донован Россса был все же выпущен на свободу и уехал в Америку. *Ред.*

³ *Habeas Corpus Act* — акт, по которому каждый приказ об аресте должен быть мотивированным и арестованный или должен быть в очень короткий срок представлен в суд или освобожден. Был принят английским парламентом в 1679 г. *Ред.*

ный, составленный мною на французском языке циркуляр ¹ (для воздействия на Англию пригодны только французские, а не немецкие газеты) о связи национальной борьбы с освобождением рабочего класса и, следовательно, о той позиции, которую надлежит занять Международному Товариществу по отношению к ирландскому вопросу.

Сообщу вам здесь вкратце главные пункты.

Ирландия является цитаделью *английской земельной аристократии*. Эксплуатация этой страны служит не только главным источником ее материальных богатств. Она составляет ее величайшую *моральную* силу. Английская аристократия фактически воплощает *господство Англии над Ирландией*. Ирландия является поэтому важнейшим средством, с помощью которого английская аристократия сохраняет *свое господство в самой Англии*.

С другой стороны, если английская армия и полиция покинут завтра Ирландию, в Ирландии тотчас же начнется аграрная революция. Но падение английской аристократии в Ирландии обуславливает и имеет своим необходимым следствием ее падение в Англии. Тем самым были бы созданы предварительные условия пролетарской революции в Англии. Так как в Ирландии *земельный вопрос* является до сих пор *исключительной формой* социального вопроса, так как он представляет собою вопрос существования, *вопрос жизни или смерти* для огромного большинства ирландского народа и в то же время неотделим от *национального* вопроса, то уничтожение английской земельной аристократии в Ирландии — бесконечно более легкая операция, чем в самой Англии, не говоря уже о более страстном и более революционном характере ирландцев в сравнении с англичанами.

Что же касается английской *буржуазии*, то прежде всего она заинтересована вместе с английской аристократией в том, чтобы превратить всю Ирландию в одно сплошное пастбище, которое поставляло бы на английский рынок мясо и шерсть по возможно более дешевым ценам. В ее интересах также довести ирландское население путем изгнания арендаторов из поместий (*eviction*) и принудительной эмиграции до такого незначительного числа, которое дало бы возможность *английскому капиталу* (арендному капиталу) «надежно» (*mit «security»*) функционировать в этой стране. Она так же заинтересована в «очистке» ирландских поместий, как была заинтересована в очистке сельских областей Англии и Шотландии. Следует, кроме того, принять в расчет те 6 000—10 000 фунтов стерлингов доходов землевладельцев, не

¹ Ирландский вопрос был поставлен Марксом на заседании Генерального Совета Интернационала 16 ноября 1869 г. Маркс поднял его в связи с агитацией за амнистию заключенных ирландских фениев. Циркуляр, на который он ссылается в настоящем письме, не сохранился. *Ред.*

живущих в своих имениях, и других ирландских доходов, которые теперь ежегодно текут в Лондон.

Но английская буржуазия имеет еще гораздо более существенные интересы в современном ирландском хозяйстве.

Ирландия постоянно предоставляет благодаря все увеличивающейся концентрации арендованных участков свой излишек [рабочих рук] на английский рабочий рынок и давит таким путем на заработную плату и на материальное и моральное положение английского рабочего класса.

И, наконец, самое важное! Все промышленные и торговые центры Англии обладают в настоящее время рабочим классом, который *разделен* на два *враждебных* лагеря: английский пролетариат и ирландский пролетариат. Обычно английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его средний уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему членом *господствующей* нации и именно потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии* и этим укрепляет их господство *над самим собой*. Он питает религиозные, социальные и национальные предубеждения по отношению к ирландскому рабочему. Он относится к нему приблизительно так, как белые бедняки ¹ (poor whites) относятся к неграм в бывших рабовладельческих штатах американского Союза. Ирландец отплачивает ему той же монетой с процентами. Он видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие *английского господства в Ирландии*.

Этот антагонизм искусственно поддерживается и усиливается прессой, церковными проповедями, юмористическими журналами, короче говоря, — всеми средствами, которыми располагают господствующие классы. В *этом антагонизме* заключается *тайна бессилия английского рабочего класса*, несмотря на его организованность. В нем же заключается тайна сохраняющейся власти капиталистического класса. Последний вполне это сознает.

Но зло этим не ограничивается. Оно перекидывается через океан. Антагонизм между англичанами и ирландцами является скрытой основой конфликта между Соединенными Штатами и Англией ². Он делает невозможным всякое серьезное и искреннее

¹ Имеется в виду пролетариат и бедные фермеры южных (ранее рабовладельческих) штатов американского Союза. Американская буржуазия старается отделять белых рабочих от негров, способствуя развитию самых худших форм национально-расовых предрассудков. *Ред.*

² Колониальная эксплуатация Англией Ирландии имела своим последствием полное разорение ирландской деревни; крестьянское население должно было умирать с голоду или эмигрировать. Население острова, составлявшее 8 миллионов человек в 1846 г., упало до 4¹/₂ миллионов к концу столетия. Между 1851 и 1905 гг. в Америку, в Соединенные Штаты, эмигрировало свыше 4 миллионов ирландцев. Здесь они составили значительную

сотрудничество между рабочими классами обеих стран. Он дает возможность правительствам обеих стран всегда, когда им заблагорассудится, лишать социальный конфликт его остроты путем натравливания обеих стран друг на друга и в случае нужды путем войны между ними.

Англия, как метрополия капитала, как держава, до сих пор господствующая на мировом рынке, является пока самой важной страной для рабочей революции, и к тому же *единственной* страной, в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости. Поэтому важнейшая цель Международного Товарищества Рабочих — способствовать социальной революции в Англии. А единственное средство к тому — сделать Ирландию независимой.

Поэтому Интернационал должен поставить себе задачей — всюду выдвигать на первый план конфликт между Англией и Ирландией и всюду открыто принимать сторону Ирландии. Специальная задача Центрального Совета в Лондоне — пробудить в английском рабочем классе сознание, что *национальное освобождение Ирландии является для него не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но первым условием его собственного социального освобождения.*

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в «Die Neue Zeit», Jhrg. XXV, 1907, Bd. II. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

часть американского населения, особенно в среде рабочего класса Америки, продолжая сохранять всю ненависть к своим притеснителям — англичанам. Американская буржуазия склонна была всегда использовать эту национальную ненависть как в классовой борьбе внутри Америки, так и в качестве орудия против Англии, разрешая на американской территории организацию ирландских революционных заговорщических обществ. *Ред.*

БРИТАНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ИНДИИ

Лондон, 10 июня 1853 г.

Индостан — это Италия азиатских размеров. Гималайские горы соответствуют Альпам, равнины Бенгалии — равнинам Ломбардии, Деканский хребет — Апеннинам, а остров Цейлон — острову Сицилии. То же богатое разнообразие почвы и та же раздробленность в политическом строе. И подобно тому как в Италии время от времени меч завоевателя насильственно объединял различные национальные массы, то же самое мы видим в Индостане, — в те периоды, когда он не находится под гнетом магометан, или монголов, или британцев, мы видим его разделенным на столько независимых и враждующих между собой государств, сколько он насчитывает городов или даже деревень. Однако в социальном отношении Индостан представляет собой не Италию, а Ирландию Востока. И это странное сочетание Италии и Ирландии, мира сладострастия и мира печали, было предвосхищено в древних традициях религии Индостана. Эта религия одновременно является религией чувственных излишеств и религией умерщвляющего плоть аскетизма, религией Лингама¹ и религией Джагернаута², религией монаха и религией баядерки.

Я не разделяю мнения тех, которые верят в существование золотого века Индостана, хотя не стану ссылаться, как это делает сэр Чарльз Вуд, для подтверждения своего мнения на авторитет Хулихана. Но возьмите для примера времена Ауренгзеба³; или эпоху, когда монголы появились на севере, а порту-

¹ *Религия Лингама* — культ божества Шивы, распространенный в особенности среди южно-индийской секты лингаитов, проповедывающей умерщвление плоти. *Ред.*

² *Джагернаут* — название одного из изображений бога Вишну в Индии. Во время праздника в честь Вишну Джагернаута провозили по улицам в высокой колеснице. Верующие кидались под ее колеса и гибли под ними. *Ред.*

³ *Ауренгзеб* (ум. 1707) — последний из монгольских властителей Индии. С его смертью монгольское государство в Индии (1526—1707) перестает существовать как централизованное целое. *Ред.*

гальцы — на юге; или эпоху вторжения мусульман и эпоху гептархии¹ в южной Индии, или, если вы хотите идти назад, к еще более глубокой древности, возьмите мифологическую хронологию самих браминов², которая относит начало бедствий Индии к эпохе более отдаленной, чем даже та, к коей христианство относит сотворение мира.

И все же не остается никакого сомнения в том, что бедствия, причиненные Индостану британцами, существенно иного рода и неизмеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше. Я не говорю здесь о европейском деспотизме, присоединенном к азиатскому деспотизму английской Ост-Индской компанией, что дает в результате сочетание более чудовищное, чем священные чудовища, которые нас пугают в храме Сальсетты³. Это является не специфической чертой английской системы управления колониями, а лишь подражанием голландской системе, и это в такой степени верно, что для характеристики деятельности британской Ост-Индской компании достаточно привести дословно то, что сэр Стамфорд Раффлс, английский губернатор Явы, сказал о старой голландской Ост-Индской компании:

«Голландская компания, движимая исключительно духом наживы и меньше щадя своих подданных, чем некогда вест-индский плантатор щадил толпу рабов, работавших на его плантации, ибо этот последний заплатил деньги за людей, которых он приобрел в собственность, между тем как первая ничего не уплатила, — эта компания пустила в ход весь существующий аппарат деспотизма для того, чтобы выжать из населения последнюю копейку поборами и заставить его работать до истощения. Таким образом, она усугубила зло, причиняемое стране капризным и полуварварским правительством, сочетая в своей деятельности все практическое искусство политики со всем монополистским эгоизмом купца».

Гражданские войны, вторжения, завоевания, голод — все эти сменяющие друг друга бедствия, какими бы сложными, бурными и разрушительными ни казались они для Индостана, затрагивали его лишь поверхностно. Англия же подорвала самое основание индусского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток к его преобразованию. Потеря старого мира без приобретения нового сообщает современным бедствиям Индии трагический оттенок

¹ *Гептархия* (греч. — семивластие) — условный термин для обозначения политической раздробленности Индии в период раннего феодализма (VI—VIII века нашей эры). *Ред.*

² *Брамин* — жрец, член наследственной жреческой касты. *Ред.*

³ *Сальсеттский пещерный храм*, расположенный на одноименном острове в Бомбейском президентстве Индии, изобилует массой (до 5 тысяч) изображений, высеченных так же, как и сам храм, из камня. *Ред.*

и отрезает Индостан, управляемый Британией, от всех его традиций и от всей его прошлой истории.

В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ. Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия. Как в Египте и в Индии, так и в Месопотамии, в Персии и в других странах наводнения используют для удобрения полей; высоким уровнем воды пользуются для того, чтобы наполнять водой оросительные каналы. Элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, эта элементарная необходимость повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ. Эта система искусственного удобрения почвы, зависевшая от центрального правительства и приходявшая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно обработанными, как, например, Пальмиру, Петру, развалины Йемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации.

И вот британцы переняли от своих предшественников ведомство финансов и ведомство войны, но они совершенно пренебрегли ведомством общественных работ. Отсюда упадок земледелия, не способного развиваться по британскому принципу свободной конкуренции, по принципу *laissez faire, laissez aller* [предоставьте вещи их собственному ходу]. Однако, как это обычно бывает, в азиатских государствах земледелие приходит в упадок под управлением одного правительства и снова воскресает под управлением какого-либо другого. Здесь урожай находится в зависимости от хорошего или дурного правительства, как он в Европе зависит от хорошей или дурной погоды. Таким образом,

как ни скверно само по себе пренебрежение к нуждам земледелия, его нельзя было бы рассматривать как окончательный удар, нанесенный индусскому обществу британским завоевателем, если бы это пренебрежение не сопровождалось обстоятельством более важного значения, представляющим собою нечто новое в летописях всего азиатского мира. Как ни значительны были политические перемены в прошлом Индии, ее социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX века. Ручной ткацкий станок и ручная прялка, создавая необходимость в десятках тысяч прядильщиков и ткачей, были основой строя индусского общества. С незапамятных времен Европа получала удивительные ткани — продукт индусского труда — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом индусского золотых дел мастера, этого необходимого члена индусского общества, любовь которого к украшениям так велика, что даже представители самого низшего класса, которые ходят почти нагими, имеют обыкновенно пару золотых серег и какое-нибудь золотое украшение вокруг шеи. Всеобщее распространение имели также кольца на пальцах рук и ног. Женщины, как и дети, часто носили массивные браслеты из золота или серебра на руках и ногах, и золотые или серебряные статуэтки богов встречались среди домашнего скарба. Британское завоевание разбило индусский ручной ткацкий станок и разрушило ручную прялку. Англия начала вытеснять индусские хлопчатобумажные изделия с европейских рынков, затем стала ввозить в Индию крученую пряжу (twist) и кончила тем, что стала наводнить хлопчатобумажными товарами родину хлопчатобумажных изделий. За период с 1818 по 1836 г. экспорт пряжи из Великобритании в Индию возрос в отношении 1 к 5 200. В 1824 г. ввоз английского муслина в Индию едва достигал 1 000 000 ярдов, между тем как в 1857 г. он уже превышал 64 000 000 ярдов. Но за этот же самый период население Дакки упало с 150 000 жителей до 20 000. Этот упадок индусских городов, славившихся раньше своими тканями, нельзя, однако, считать самым худшим результатом английского господства. Британский пар и британская наука окончательно уничтожили на всей территории Индостана связь между сельскохозяйственной и мануфактурной промышленностью.

Оба эти обстоятельства, — с одной стороны, то, что индусы, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных работах, являющихся основными условиями их земледелия и торговли, с другой — то, что население Индии, рассеянное по всей поверхности страны, образует маленькие центры, существующие на основе патриархальной связи между земледельческим и промышленным тру

дом, — эти два обстоятельства вызвали к жизни с незапамятных времен социальную систему, обладающую оригинальными чертами, — так называемую *сельскую систему* (Village system), общавшую каждому из этих маленьких союзов независимую организацию и своеобразную замкнутую жизнь. Со своеобразными чертами этой системы знакомит нас следующее описание, содержащееся в старом официальном отчете английской палаты общин об индийских делах:

«Село в географическом отношении представляет собой пространство, содержащее несколько сот или тысяч акров возделанной и пустующей земли; в политическом отношении оно похоже на городскую корпорацию. В селе имеется ряд высших должностных лиц и служащих. «Potail», или старшина, имеет общий надзор за делами села, улаживает споры обывателей, заведует полицией и исполняет обязанность сборщика налогов внутри села, — обязанность, для исполнения которой он является наиболее подходящим в силу личного влияния и обстоятельного знакомства с положением и делами жителей. «Kurnum» следит за состоянием земледелия и регистрирует все к нему относящееся. «Tallier» и «Totie»: обязанность первого состоит в собирании сведений о преступлениях и проступках и в сопровождении и защите лиц, проезжающих от одного села до другого; круг же обязанностей второго, повидимому, более ограничен пределами села и состоит, между прочим, в охране урожая и в содействии его подсчету. Наблюдающий за границами охраняет границы села или дает свидетельские показания относительно них в случае спора. Лицо, имеющее надзор над водохранилищами и водостоками, распределяет воду для нужд земледелия. Особый брамин ведает в селе делами культа. Далее идут школьный учитель, которого можно видеть в селе обучающим детей чтению и письму на песке, календарный брамин, или астролог, и т. д. Эти высшие и низшие должностные лица образуют администрацию села, но в некоторых частях страны штат их меньше, так как некоторые из описанных выше обязанностей и функций соединяются в одном и том же лице, в других же частях, напротив, штат их шире, чем указано было выше. Под этой примитивной формой общинного правления население жило с незапамятных времен. Границы сел редко изменялись, и хотя самые села иногда переживали тяжелые времена и подвергались опустошению вследствие войны, голода и болезней, то же название, те же границы, те же интересы и даже те же семьи продолжали существовать из века в век. Жители этих сел нисколько не беспокоились по поводу гибели и разделов королевств; поскольку их село оставалось целым и невредимым, они мало интересовались тем, под власть какой державы подпало их село и какому государю оно подчинено, ибо основы их внутреннего хозяйства оставались неизменными. Potail продолжал оста-

ваться старшиной общины и действовал как мировой судья и сборщик податей».

Эти маленькие стереотипные формы социального организма в большей своей части разрушены и исчезли с поверхности Индии не столько благодаря грубому вмешательству британских сборщиков податей и британских солдат, сколько благодаря действию английских паровых машин и английской свободы торговли. Эти семейные общины зиждились на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли, — комбинации, которая придавала этим общинам самодовлеющий характер. Английское вмешательство, помещая прядильщиков в Ланкашир, а ткачей — в Бенгалию или считая с лица земли как индусских прядильщиков, так и индусских ткачей, разрушило эти маленькие полуварварские, получивилизованные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией.

Однако, как ни естественно для нас сокрушаться при виде дезорганизации и разложения этих десятков тысяч трудолюбивых, патриархальных и безобидных социальных организаций, как ни прискорбно нам видеть их брошенными в пучину горя, а их отдельных членов потерявшими одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалось массами население больших городов, — спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоившего их своим вниманием. Мы не должны забывать, что эта недостойная, застойная и растительная жизнь, эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала самое убийство религиозным ритуалом в Индостане. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были заражены кастовыми различиями¹ и рабством, что они подчиняли человека

¹ *Каста* — наследственно-замкнутая профессиональная и сословная группа. Основных каст в Индии четыре — жрецы (брамины), воины-

внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающийся общественный строй в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом ¹ и перед коровой Сабалой ².

Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководилась самыми низменными интересами и проявила тугодумность в способе ее проведения. Но не в этом дело. Вопрос в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории в совершении этой революции.

И если так, то, как бы прискорбно для наших личных чувств ни было зрелище разрушения древнего мира, с точки зрения исторической перспективы мы имеем право воскликнуть вместе с Гете:

Если мука — ключ отрады,
Кто б терзаться ею стал?
Разве жизнью мириады
Тамерлан не растоптал?

Написано К. Марксом на английском языке. Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune» 25 июня 1853 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. IX.

дворяне (кшатрии), купцы и земледельцы (ваисии), слуги (судры). Члены различных каст не могут вступать в брак между собой. За кастовыми различиями кроются величайшее бесправие и придавленность трудящихся масс Индии. *Ред.*

¹ *Гануман* — мифическая обезьяна, обожествленная за услуги, оказанные одному из «аватаров», — земных воплощений бога Вишну. *Ред.*

² *Сабала* или *Шабала* — священная корова индийской религии, носительница счастья и богатства. Иногда почитается в качестве божества земли и плодородия. *Ред.*

БУДУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БРИТАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ИНДИИ

Лондон, 22 июля 1853 г.

...Каким образом установилось английское владычество в Индии? Неограниченная власть Великого Могола ¹ была свергнута его наместниками, могущество наместников было сломлено мараттами ², могущество мараттов было сломлено афганцами, и, пока все воевали против всех, налетел британец и сумел покорить их всех. Страна, где обособлены друг от друга не только мусульмане и индусы, но и племя от племени и каста от касты, общество, имеющее своей основой нечто вроде равновесия, проистекающего из всеобщего взаимного отталкивания и веками установившейся обособленности друг от друга всех его членов, — разве такая страна и такое общество не были обречены на то, чтобы стать добычей завоевателя? Если бы мы даже ничего не знали о прошлой истории Индостана, то разве нам недостаточно было бы того крупного и бесспорного факта, что даже в настоящее время Англия держит Индию в рабстве при помощи индийской армии, содержащейся за счет Индии? Индия таким образом не могла избежать участи быть завоеванной, и вся ее прошлая история, поскольку у нее вообще была история, является историей последовательных завоеваний, которым она подвергалась. Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере никакой известной истории. То, что мы называем его историей, есть лишь история сменявших друг друга завоевателей, основывавших свои империи на пассивном базисе этого несопротивляющегося и неподвижного общества. Вопрос заключается поэтому не в том, имела ли Англия право завоевать Индию, а в том, предпочли ли бы мы, чтобы

¹ *Великий Могол* — название феодальных индийских мусульманских императоров из тюркской династии Бабуров, правивших в 1525—1857 гг. *Ред.*

² *Маратты* — конфедерация (союз) нескольких индийских феодальных государств, образовавшихся в Центральной Индии в XVIII столетии; могущество мараттов после ряда жестоких войн было сломлено англичанами, захватившими в 1817 г. их территорию. *Ред.*

Индия завоевана была турками, персами, русскими, а не британцами.

Англии предстоит выполнить в Индии двойную миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны — заложить материальную основу западного общества в Азии.

Арабы, турки, татары, монголы, последовательно завоевывавшие Индию, быстро *ассимилировались* с туземным населением. Согласно непреложному закону истории, варвары-завоеватели сами были завоеваны высшей цивилизацией покоренных ими народов. Британцы были первыми завоевателями с более высокой культурой, и они поэтому оказались недоступными воздействию индусской цивилизации. Они разрушили эту цивилизацию, разбив туземные общины, разорив дотла туземную промышленность и нивелировав все, что возвышалось над общим уровнем в туземном обществе. Страницы истории господства англичан в Индии едва ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа едва ли видна сквозь кучу развалин. Тем не менее эта созидательная работа началась.

Политическое единство Индии, более консолидированное и распространяющееся шире, чем когда-либо при Великих Моголах, было первой предпосылкой ее возрождения. Это единство, установленное английским мечом, будет теперь упрочено и навсегда закреплено электрическим телеграфом. Туземная армия, организованная и вымуштрованная британским унтер-офицером, послужила необходимым условием, без которого Индия никогда не могла бы осуществить свое национальное освобождение и не перестала бы быть добычей первого иноземного завоевателя. Свободная печать, впервые введенная в азиатском обществе и руководимая по преимуществу общими потомками европейцев и индусов, является новым и могущественным фактором реконструкции. Даже земиндарство ¹ и райотвари ², как они ни гнусны, представляют собой две различные формы частной собственности на землю, т. е. того, чего так жаждет азиатское общество. Из коренных жителей Индии, которым неохотно и в скудных размерах дают образование под английским надзором в Калькутте, формируется новый класс, вооруженный сведениями, необходимыми для управ-

¹ *Земиндары* — помещики, созданные в Бенгалии (северо-восток Индии) англичанами из прежних сборщиков налогов, развившихся в дальнейшем в купцов и ростовщиков. Таким образом, вместо старого экспроприированного помещика-феодала индийские крестьяне подпали под гнет новых помещиков-ростовщиков. *Ред.*

² *Райотвари* — система крестьянской аренды, введенная англичанами на юге Индии. По этой системе английские правительственные власти сдавали земли в пользование отдельным крестьянам-арендаторам на крайне тяжелых условиях. *Ред.*

вления, и пропитанный европейской наукой. Пар установил регулярное и быстрое сообщение между Индией и Европой, связал все главные порты Индии со всеми портами южного и восточного океана и таким образом вывел Индию из того изолированного положения, которое было главной основой ее неподвижности. Недалек уже тот день, когда при помощи сочетания системы железных дорог и пароходных рейсов расстояние между Англией и Индией, измеряемое временем, сократится до восьми дней, и эта некогда легендарная страна будет действительно присоединена к западному миру.

Господствующие классы Великобритании до сих пор лишь случайно, временно и в виде исключения заинтересованы были в развитии Индии. Аристократия желала ее покорить, финансовая плутократия хотела ее грабить, а промышленная буржуазия стремилась победить ее большей дешевизной своих товаров. Но теперь положение изменилось. Промышленная буржуазия открыла, что ее жизненные интересы требуют превращения Индии в производящую страну и что для этой цели необходимо прежде всего снабдить ее ирригационными сооружениями и внутренними путями сообщения. Промышленники намерены покрыть Индию сетью железных дорог. И они это сделают. Это должно дать неоценимые результаты.

Известно, что производительные силы Индии парализованы благодаря крайнему недостатку в транспортных средствах и в средствах обмена ее разнообразных продуктов. Нигде не наблюдается в такой мере, как в Индии, столь сильная социальная нужда наряду с природным изобилием, нужда, вызываемая отсутствием средств обмена. В 1848 г. в комиссии английской палаты общин было установлено, что, «в то время как пшеница продавалась от 6 до 8 шилл. за кварталер в Кандеише, она продавалась от 64 до 70 шилл. за кварталер в Пуна, где народ умирал на улицах от голода, не имея возможности получить съестные припасы из Кандеиша, так как глинистые дороги были непроходимы».

Проведение железных дорог может быть легко использовано для целей земледелия, а именно для образования водохранилищ там, где требуется выемка земли для устройства железнодорожных дамб и для передачи воды вдоль железнодорожных линий. Таким образом, можно сильно расширить систему искусственного орошения, этого необходимого условия земледелия на Востоке, и предотвратить частое повторение местных голодовок, вызываемых недостатком воды. Огромная важность железных дорог станет с этой точки зрения очевидной, если вспомнить, что даже в районах, примыкающих к горному хребту, за орошенные земли платят в три раза больше налогов, что на них занято в десять и двенадцать раз больше людей и они приносят в двенадцать или в пятнадцать раз больше прибыли, чем неорошенные земли того же размера.

Железные дороги дадут возможность уменьшить количество и стоимость содержания военных учреждений. Полковник Уоррен, начальник форта Сен-Уильям, высказался следующим образом в избранной палатой общин комиссии:

«Возможность получения сведений из отдаленных частей страны через столько же часов, сколько теперь для этого требуется дней и даже недель, возможность тотчас же послать инструкции вместе с войсковыми частями и провиантом — это соображения, важность которых нельзя переоценить. Гарнизоны можно было бы расположить на более далеких расстояниях друг от друга и в более здоровых местностях, чем в настоящее время, и этим сберегалось бы много жизней, гибнущих теперь от болезней. Точно так же не нужно было бы запасать так много провианта в разных складах, и этим можно было бы избегать потерь от гниения и разрушительных климатических влияний. А количество войск можно было бы уменьшить в такой же мере, в какой их более быстро можно было бы использовать».

Мы знаем, что муниципальная организация и экономическая основа сельских общин были разрушены, но их наихудшая черта, а именно распадение общества на одинаковые, не связанные между собой атомы, пережила их.

Изолированность сельских общин породила отсутствие дорог в Индии, а отсутствие дорог упрочивало изолированность общин. При таком порядке вещей община существовала на данном низком культурном уровне, почти без общения с другими общинами, без стремлений и без усилий, необходимых для социального прогресса. Теперь, когда британцы сломили самодовлеющую инерцию сел, железные дороги дадут возможность удовлетворить новую потребность в связи и общении. Кроме того, «одним из последствий железнодорожной системы будет то, что она внесет в каждое село, пересекаемое ею, такое знание усовершенствований и практических приспособлений, введенных в других странах, и так облегчит их перенесение, что это даст возможность классу наследственных и наемных ремесленников, во-первых, полностью доказать свои способности, а, во-вторых, восполнить их пробелы» (Чепмен, «Хлопок и торговля Индии»).

Я знаю, что английская промышленная буржуазия в своем стремлении покрыть Индию железными дорогами руководствуется исключительной целью удешевить доставку хлопка и других сырых материалов, необходимых для ее фабрик. Но раз только вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, вы не можете помешать тому, чтобы эта страна сама стала производить эту машину. Вы не можете поддерживать сети железных дорог в огромной стране без

организации тех отраслей промышленности, которые необходимы для удовлетворения непосредственных и текущих потребностей железнодорожного движения, а это повлечет за собою применение машин и в тех отраслях промышленности, которые непосредственно не связаны с железнодорожным движением. Железные дороги станут поэтому в Индии действительным предвестником современной индустрии. Это тем более верно, что индусы, по признанию самих английских властей, обладают особой способностью приспособляться к совершенно новым условиям труда и усваивать знания, необходимые для пользования машиной. Убедительные подтверждения этого факта представляют способности и знание дела, обнаруженные машинистами-индусами, работающими много лет при паровых машинах на монетном дворе в Калькутте, работа коренных жителей, обслуживающих разные паровые машины в угольных районах Гардуора, и другие примеры. Сам г. Кемпбелл, как он ни заражен предвзвешенными рассуждениями Ост-Индской компании¹, вынужден признать, что «широкие массы индусского народа обладают большой *промышленной энергией*, весьма способны накапливать капитал и обладают замечательными способностями к математике и точному знанию». «Их интеллект, — говорит он, — великолепен». Современная промышленность, которая проникает в Индию с проведением железных дорог, разложит унаследованную систему разделения труда, на которой покоятся индусские касты, — это основное препятствие на пути индусского прогресса и роста мощи Индии.

Все, что английская буржуазия вынуждена будет осуществить в Индии, не освободит народные массы и не улучшит существенно их социального положения, так как то и другое зависит не только от развития производительных сил, но и от овладения ими народом. Но чего она не перестает делать — так это создавать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-нибудь достигала прогресса, не заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений?

Индусы не будут пожинать плодов новых элементов общества, рассеянных среди них британской буржуазией, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом или пока сами индусы не станут

¹ Британская Ост-Индская компания была организована в 1607 г. для монопольной торговли с Индией. Под прикрытием «торговых» операций компании британский капитализм завоевал Индию и в течение десятков лет правил ею. После индийского восстания 1857 г. компания была уничтожена, и английское правительство взяло непосредственно в свои руки управление Индией. *Ред.*

достаточно сильными, чтобы окончательно сбросить с себя английское ярмо. Во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать, в более или менее отдаленном будущем, возрождения этой великой и интересной страны, благородное население которой даже в своих самых низших классах, по выражению князя Салтыкова, «est plus fin et plus adroit que les italiens» [более утонченно и более искусно, чем итальянцы], — страны, жители которой даже свою покорность уравнивают каким-то спокойным благородством и, несмотря на свое природное долготерпение, изумили английских офицеров своей храбростью, — страны, которая является колыбелью наших языков, наших религий и которая в джате¹ дает нам тип древнего германца, а в брамине — тип древнего грека.

Я не могу расстаться с темой об Индии без некоторых заключительных замечаний.

Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство обнаженно предстают пред нашим взором, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она ходит неприкрытой. Буржуазия выдает себя за защитницу собственности, но разве какая-нибудь революционная партия совершала когда-нибудь такие аграрные революции, как те, которые были произведены в Бенгалии, в Мадрасе и в Бомбее? Разве в Индии она не прибегала, — говоря словами самого лорда Клайва, этого великого хищника, — к жестокому насилию там, где простой подкуп оказывался недостаточным для достижения ее грабительских целей? Разве в то время, когда она в Европе болтала о ненарушимой святости национального долга, она не конфисковала дивидендов раджей, поместивших свои частные сбережения в акции самой компании? Разве в то время, когда она сражалась против французской революции под предлогом защиты «нашей священной религии», она не запретила пропаганду христианства в Индии, и разве она в целях извлечения доходов от пилигримов, устремляющихся к храмам Ориссы и Бенгалии, не стала торговать убийством и не использовала проституцию, увековеченную в храме Джагернута? Вот каковы эти защитники «собственности, порядка, семьи и религии»!

Опустошительные действия английской промышленности в отношении Индии, — страны, которая по своим размерам не меньше Европы и включает 150 миллионов акров, — бросаются в глаза, и они ужасны. Но мы не должны забывать, что эти действия являются лишь органическим результатом всей существующей ныне системы производства. Это производство зиждется на всеильном господ-

¹ Джат — крестьянское племя на северо-западе Индии, как предполагают, индо-арийского происхождения. *Ред.*

стве капитала. Централизация капитала неразрывно связана с существованием капитала как независимой силы. Разрушительное влияние этой централизации на мировом рынке выявляет лишь в гигантских размерах внутренние органические законы политической экономии, проявляющие свое действие ныне в любом цивилизованном городе. Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, мировые сношения, основанные на взаимной зависимости отдельных частей, и средства этих сношений; с другой стороны — развитие производительных сил человека и превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира подобно тому, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее прогрессивных народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого.

Написано К. Марксом на английском языке. Впервые напечатано в «New-York Daily Tribune» 8 августа 1853 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. IX.

ИЗ ПИСЬМА КАУТСКОМУ О КОЛОНИЯХ ¹

Лондон, 12 сентября 1882 г.

...По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и, так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без

¹ В своей работе «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин следующим образом анализирует и развивает это письмо Энгельса, посвященное вопросу о том, какую политику по отношению к колониальным народностям должен проводить пролетариат, завоевавший власть и установивший свою диктатуру: «Энгельс вовсе не полагает, чтобы «экономическое» само собою и непосредственно уладило все трудности. Экономический переворот побудит *все народы потянуться к социализму*, но при этом возможны и революции — против социалистического государства — и войны. Приспособление политики к экономике произойдет неизбежно, но не сразу и не гладко, не просто, не непосредственно. Как «несомненное» Энгельс выставляет лишь один, безусловно интернационалистский, принцип, который он применяет ко *всем «чужим народам»*, т. е. не только к колониальным: навязывать им осчастливление значило бы подрывать победу пролетариата.

Пролетариат не делается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только оттого, что он совершит социальную революцию. Но возможные ошибки (и корыстные интересы — попытаться усестись на чужой спине) приведут его неизбежно к сознанию этой истины.

Мы все, циммервальдские левые, убеждены в том, в чем был убежден, напр., и Каутский до своего поворота в 1914 г. от марксизма к защите шовинизма, именно, что социалистическая революция вполне возможна *в самом близком будущем*, «с сегодня на завтра», как однажды выразился тот же Каутский. Национальные антипатии так быстро не исчезнут; ненависть — и вполне законная — у нации угнетаемой к угнетающей *останется* на время; она испарится лишь *после* победы социализма и *после* окончательного установления вполне демократического отношения между нациями. Если мы хотим быть верны социализму, мы должны уже теперь вести интернационалистское воспитание масс, невозможное в угнетающих нациях без проповеди свободы отделения для угнетенных наций» (Ленин, т. XIX, стр. 266—267). *Ред.*

всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, например в Алжире и в Египте, и *для нас* это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только будет реорганизована Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизованные страны сами собой потянутся за ними; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода...

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в книге К. Каутского «Sozialismus und Kolonialpolitik», Берлин, 1907 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII.

О РОССИИ

МАРКС — Ф. ЗОРГЕ

Лондон, 27 сентября 1877 г.

... Этот кризис ¹ — *новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже стоит на пороге больших переворотов; и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы благодаря ударам, нанесенным молодцами турками не только русской армии (и русским финансам), но и лично *командующей* армией *династии* (царю, наследнику и шести другим Романовым). Переворот начнется *secundum artem* («по всем правилам искусства») с конституционных заигрываний, и буча выйдет отменная (*il y aura un beau tapage*). И при благосклонности матери-природы, мы доживем до этого торжества! Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, не имея сами по себе никакого значения. Но все же это симптом. Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения.

Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции.

Г-н Бисмарк был рад ударам турок, но не хотел, чтобы дело зашло так далеко. Слишком ослабленная Россия не смогла бы, как это было во время франко-прусской войны, держать под угрозой Австрию! ² А если там дело дойдет до революции, то что же станет с последним оплотом династии Гогенцоллернов?

¹ Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. *Ред.*

² Во время франко-прусской войны Россия не только сохранила дружественный нейтралитет по отношению к Пруссии, но и принудила к тому же Австрию и Италию. *Ред.*

В данный момент все зависит от того, будут ли поляки (в Царстве Польском) вести себя смирно. Только бы там не было никаких мятежей в данный момент! А то Бисмарк тотчас же двинет туда свои полки, и русский шовинизм снова окажется на стороне царя. Если же поляки будут спокойно выжидать, пока пожар разгорится в Петербурге и Москве, и если Бисмарк выступит тогда в качестве спасителя, то Пруссия обретет... свою Мексику! ¹

Я неоднократно толковывал это тем полякам, которые пользуются влиянием на своих соотечественников и с которыми я поддерживаю связи.

По сравнению с восточным кризисом *французский кризис* ² является совершенно второстепенным событием. Однако можно надеяться, что победит буржуазная республика или же старая история начнется сызнова, но никакая нация не может слишком часто повторять одни и те же глупости.

Написано на немецком языке. Впервые напечатано в книге «Briefe und Auszüge aus Briefen von J. P. Becker, J. Dietzgen, Fr. Engels, Karl Marx und A. an F. Sorge und Andere», Штутгарт, 1906 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI.

¹ Намек на мексиканскую экспедицию, предпринятую (в 1861—1863 гг.) Наполеоном III и окончившуюся для него неудачно. Неудачная мексиканская авантюра испортила отношения Франции с Соединенными Штатами и Англией и дала новую пищу республиканской оппозиции в стране. *Ред.*

² Речь идет об обострении политической борьбы во Франции в 1877 г. в связи с тем, что французский президент монархист Мак-Магон сделал неудачную попытку произвести во Франции реставрацию монархии. *Ред.*

Ф. Энгельс

ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В РОССИИ ¹

Нижеследующие строки были написаны в связи с полемикой, в которую мне пришлось вступить с неким г. Петром Никитичем Ткачевым. В одной статье о вышедшем в Лондоне русском журнале «Вперед» («Volksstaat», 1874 г., №№ 117 и 118) мне случилось упомянуть мимоходом имя этого господина, но упомянуть так, что это навлекло на меня его почтенный гнев. Г-н Ткачев немедленно опубликовал «Открытое письмо г. Фридриху Энгельсу, Цюрих 1874 г.», в котором он наговорил обо мне множество всяческих удивительных вещей, а затем в противовес моему вопиющему невежеству преподнес свое собственное мнение о положении вещей и о перспективах социальной революции в России. Как форма, так и содержание этой мазни носили обычный бакунистский отпечаток. Так как письмо появилось на немецком языке, я счел нужным ответить на него в «Volksstaat'e» (см. «Эмигрантская литература», гл. IV и V, «Volksstaat», 1875 г., № 36 и сл.). Первая часть моего ответа содержала главным образом разбор бакунистского метода литературной борьбы, состоящего попросту в том, что противнику приписывают с три короба прямого вранья. В статье, помещенной в «Volksstaat'e», было отведено достаточно места этому чисто персональному моменту. Поэтому здесь я его опускаю и для выходящего по желанию издательства отдельного оттиска оставляю только вторую часть, которая посвящена главным образом общественным порядкам России, как они сложились с 1861 г., со времени так называемого освобождения крестьян.

Ход дел в России имеет величайшее значение для немецкого рабочего класса. Существующая ныне Российская империя образует последний великий оплот всей западноевропейской реакции.

¹ Данный очерк Ф. Энгельса впервые появился в виде статей под общим заголовком «Эмигрантская литература» в органе германской социал-демократической рабочей партии «Der Volksstaat» в марте—апреле 1875 г. (№№ 36, 37, 43, 44, 45).

Впоследствии для издания 1894 г. (Берлин, «Vorwärts Verlag») Энгельс заменил первую главу небольшим введением, придав очерку тот вид, в котором он воспроизводится здесь по изданию 1894 г., сличенному с газетным текстом 1875 г. *Ред.*

В 1848 и 1849 гг. это обнаружилось с полной ясностью. Вследствие того, что Германия не подняла восстания в Польше и не повела войны с царем (как этого требовала с самого начала «*Neue Rheinische Zeitung*»), этот самый царь мог в 1849 г. подавить венгерскую революцию, которая дошла до самых ворот Вены, а в 1850 г. мог учинить в Варшаве суд над Австрией, Пруссией и мелкими немецкими государствами и вновь восстановить старый Союзный сейм¹. И еще несколько дней назад, в начале мая 1875 г., русский царь, так же как и 25 лет назад, принимал от своих вассалов в Берлине присягу на верность и доказал, что он и теперь еще продолжает быть третейским судьей Европы. Никакая революция в Западной Европе не может окончательно победить, пока рядом с ней существует нынешнее российское государство. Германия же — ближайший его сосед; на Германию, значит, обрушится первый натиск русских реакционных армий. Падение русского царистского государства, уничтожение Российской империи — это одно из первых условий окончательной победы немецкого пролетариата.

Но этого падения никоим образом нельзя вызвать извне, хотя внешняя война могла бы его очень ускорить. Внутри самой русской империи имеются элементы, которые мощно работают над ее разрушением.

Первый из них — это *поляки*. В результате столетнего угнетения они очутились в таком положении, что должны либо быть революционными, поддерживать всякое действительно революционное восстание на Западе, как первый шаг к освобождению Польши, либо же погибнуть. И как раз теперь они в таком положении, что своих европейских союзников они могут искать себе только в лагере пролетариата. В течение вот уже ста лет все буржуазные партии Запада то и дело предают их. В Германии буржуазия вообще ведет счет только с 1848 г., а с тех пор она все время была враждебна полякам. Во Франции Наполеон предал поляков в 1812 г. и вследствие этой измены потерял кампанию, корону и империю; его примеру следовали в 1830 и в 1846 гг. — буржуазное королевство, в 1848 г. — буржуазная республика, в крымскую кампанию и в 1863 г. — Вторая империя. Каждый из них так же подло изменял полякам, как и другие. И теперь еще радикальные буржуазные республиканцы Франции пресмыкаются перед царем для того, чтобы в награду

¹ В октябре 1850 г. в Варшаве произошел съезд государей Австрии, Пруссии и России, на котором Николай I выступил в качестве судьи, устанавливающего границы и взаимоотношения между Австрией, Пруссией и другими немецкими государствами. Он заставил Пруссию отказаться от так называемой «прусской унии» в северной части Германии. На съезде государей в Ольмюце в ноябре 1850 г. это было окончательно зафиксировано. *Ред.*

за новую измену по отношению к Польше выторговать себе союз для реванша против Пруссии, точно так же как немецкие имперские буржуа боготворят того же царя как покровителя европейского мира, т. е. прочности немецко-пруссских аннексий. Нигде не находят поляки открытой и искренней поддержки, кроме как у революционных рабочих, потому, что обе стороны одинаково заинтересованы в падении общего врага, и потому, что освобождение Польши равнозначно этому падению.

Но деятельность поляков территориально ограничена. Она ограничивается Польшей, Литвой и Малороссией. Подлинное ядро Российской империи — Великороссия — остается почти совершенно исключенной из области этой деятельности. Сорок миллионов великороссов слишком великий народ, и у них было слишком своеобразное развитие, чтобы им можно было навязать извне какое-либо движение. Да этого вовсе и не требуется. Правда, масса русского народа, крестьяне, столетиями, из поколения в поколение, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания, и единственной сменой, прерывавшей однообразие этого унылого состояния, были отдельные бесплодные восстания и новый гнет со стороны дворянства и правительства. Этому внеисторическому существованию само русское правительство положило конец (1861 г.) отменой крепостного права, с которой нельзя было больше медлить, и выкупом барщины — мерой, которую провели таким хитроумным способом, что она ведет большинство как крестьян, так и дворян к верному разорению. Таким образом, самые условия, в которых очутился теперь русский крестьянин, гонят его к движению, которое, правда, в настоящее время лишь только возникает, но которое в силу ухудшающегося с каждым днём положения крестьянской массы неудержимо будет идти все дальше и дальше. Грозное недовольство крестьян уже теперь такой факт, с которым приходится считаться как правительству, так и всем недовольным и оппозиционным партиям.

Отсюда следует, что когда в дальнейшем речь идет о России, то под ней надо понимать не всю Российскую империю, а исключительно Великороссию, т. е. область, у которой на крайнем западе находятся губернии Псковская и Смоленская, а на крайнем юге — Курская и Воронежская.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в «Volksstaat» (Лейпциг), №№ 43, 44 и 45 за 1875 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.

Г-н Ткачев попутно рассказывает немецким рабочим, что у меня относительно России нет ни «малейших сведений»; что, наоборот, я проявляю одно лишь «невежество»; он чувствует

себя поэтому вынужденным разъяснить им истинное положение дел, а в особенности — те причины, вследствие которых именно теперь можно шутя произвести социальную революцию в России, гораздо легче, чем в Западной Европе.

«У нас нет городского пролетариата, это правда; но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим предстоит борьба лишь с *политической властью: властью капитала* у нас еще в зародыше. А вам, милостивый государь, безызвестно, что борьба с первой гораздо легче, чем борьба с последней».

Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий. С этим связано существование не только пролетариата, который совершает этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, при котором становится возможным окончательное уничтожение классовых различий. У дикарей и у полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел всякий народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти уже по одному тому, что из этого состояния, с развитием общественных производительных сил, необходимо возникают классовые различия. Только на известной, а в современных условиях на очень высокой ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такой высоты, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии. Следовательно, буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предварительным условием социалистической революции, как и сам пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но *зато* нет и буржуазии, обнаруживает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма.

Итак, русским рабочим, — а эти рабочие, как говорит сам Ткачев, «земледельцы и в качестве таковых не пролетарии, а *собственники*», — сделать это легче, потому что им предстоит бороться не с властью капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство «только издали кажется силою... Оно не имеет никаких корней в экономической жизни народа, оно не воплощает в себе интересов никакого сословия... У вас государство вовсе не мнимая сила. Оно обеими ногами опирается на капитал; оно воплощает в себе (!) известные экономические интересы... У нас в этом отношении дело обстоит как раз наоборот; наша общественная форма обязана своим

существованием государству, которое, так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим общественным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться на путаном представлении, будто экономические интересы нуждаются для своего *воплощения* в ими же создаваемом государстве. Оставим также в стороне смелое утверждение, будто русская «общественная форма (к которой принадлежит ведь и общинная собственность крестьян) обязана своим существованием государству», а также и противоположное утверждение, что то же самое государство «не имеет ничего общего» со своим же собственным созданием — существующим общественным строем. Присмотримся лучше сразу к этому «висящему в воздухе государству», которое не представляет интересов решительно ни одного сословия.

В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 тысячам дворян, имеющих таким образом в среднем по 33 тысячи десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только на самые пустяки больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиной страны! Далее. Крестьяне за свою половину платят в год 195 миллионов рублей поземельного налога, дворяне — 13 миллионов! Дворянские земли в среднем вдвое плодороднее крестьянских, так как при разверстке, последовавшей в связи с выкупом барщины, государство отняло у крестьян и передало дворянам не только больше земли, но и лучшую землю, причем крестьяне вынуждены были за наихудшую землю платить дворянству цену самой лучшей¹. И русское дворянство совсем не заинтересовано в существовании русского государства!

Крестьяне — в массе своей — благодаря выкупу оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли большую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянской земли оказалось слишком мало, чтобы — при русских земледельческих условиях — на ней можно было прокормиться. Они не только должны были уплатить за эту землю непомерно высокую цену, которую выплатило за них вперед государство и которую они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами. На них не только взвалена почти вся тяжесть

¹ Исключением явилась только Польша, где правительство хотело разорить враждебное ему дворянство и привлечь на свою сторону крестьян. [Это примечание Энгельса имеется в статье в «Volksstaat'e» № 43 от 16 апреля 1875 г. и отсутствует в издании 1894 г. *Ред.*]

поземельного налога, от которого дворяне почти вовсе освобождены, налога, который один поглощает и даже превосходит всю стоимость ренты с крестьянской земли, так что все дальнейшие платежи, которые должен вносить крестьянин и о которых мы скажем ниже, составляют уже прямой вычет из той части его дохода, которая представляет собой его заработную плату. Мало этого. К поземельному налогу, к выкупным платежам и процентам за предварительную их выплату государством со времени введения местного управления присоединены еще губернские и уездные сборы. Существеннейшим следствием этой «реформы» были новые податные тяготы для крестьян. Государство целиком сохранило свои доходы, но значительную часть расходов оно свалило на губернии и уезды, которые ввели для их покрытия новые налоги, а в России является правилом, что высшие сословия почти свободны от налогов, а крестьянин платит почти все.

Такое положение будто нарочно создано для ростовщиков, а в ростовщике там нигде нет недостатка при почти беспримерной способности русских к торговле в ее низших формах, к использованию благоприятных обстоятельств и к неразрывному с этим надувательству: недаром ведь еще Петр I говорил, что один русский справится с тремя евреями. Как только приближается время взыскания податей, является ростовщик, кулак — часто богатый крестьянин той же общины — и предлагает свои наличные деньги. Крестьянину деньги нужны во что бы то ни стало, и он вынужден принимать условия ростовщика беспрекословно. Тем самым он лишь еще глубже попадает в тиски, нуждается в наличных деньгах все больше и больше. Ко времени жатвы появляется хлеботорговец; нужда в деньгах заставляет крестьянина сбыть часть зерна, необходимого для пропитания собственной семьи. Торговец хлебом распространяет ложные, снижающие цены слухи, платит низкую цену, да и ту подчас уплачивает частично всяческими товарами по высокой расценке, ибо «trucksystem» [система оплаты товарами вместо денег] в России очень развита. Большой вывоз русского хлеба покоится, таким образом, прямо на голоде крестьянского населения. Другой способ эксплуатации крестьян заключается в том, что спекулянт арендует у правительства на продолжительный срок участок казенной земли, обрабатывает его сам, пока земля приносит хороший урожай без удобрения, а затем делит этот участок на мелкие клочки и сдает истощенную землю за высокую ренту соседним малоземельным крестьянам. Если выше мы видели английскую trucksystem, то здесь мы имеем точную копию ирландских middlemen [посредников]. Словом, нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса сдавлена и опутана

его сетями. И все эти кровопийцы, сосущие крестьян, все они нисколько не заинтересованы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их ловкие и прибыльные делишки?

Крупная буржуазия Петербурга, Москвы, Одессы, развивающаяся с неслыханной быстротой за последние десять лет, в особенности благодаря строительству железных дорог, и задетая последним кризисом самым живейшим образом, все эти экспортеры зерна, пеньки, льна и сала, все дела которых целиком строятся на нищете крестьян, вся русская крупная промышленность, существующая только благодаря пожалованным ей государством охранительным пошлинам, — разве все эти влиятельные и быстро растущие элементы населения нисколько не заинтересованы в существовании русского государства? Нечего уж и говорить о бесчисленной армии чиновников, наводняющей и обворовывающей Россию и образующей там настоящее сословие. И когда после этого г. Ткачев уверяет нас, что русское государство «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов никакого сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе.

Что положение русских крестьян со времени освобождения от крепостной зависимости стало невыносимым, что долго это удержаться не может, что уже по этой причине революция в России приближается, — это ясно. Вопрос лишь в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г-н Ткачев говорит, что она будет социальной революцией. Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г. Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде еще чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропейский социализм, — и это при таком состоянии общества, когда и пролетариат и буржуазия встречаются далеко не повсеместно и находятся на низшей ступени развития! И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю.

Об артели г. Ткачев упоминает лишь мимоходом, но мы здесь на ней остановимся, так как уже со времени Герцена многие русские приписывают ей таинственную роль. Артель — это широко распространенная в России форма товарищества, простейшая форма свободной кооперации, подобно той, которая существует у охотничьих племен во время охоты. И по названию и по существу она татарского, а не славянского происхождения. И то и дру-

гое встречается у киргизов, якутов и т. д., с одной стороны, и у лопарей, самоедов и других финских народов — с другой¹. Поэтому артель развивается первоначально не на юго-западе России, а на севере и востоке, в местах соприкосновения с финнами и татарами. Суровый климат требует разнородной промышленной деятельности, а недостаточное развитие городов и нехватка капитала возмещается по мере возможности этой формой кооперации. Один из важнейших отличительных признаков артели, круговая порука ее членов друг за друга перед третьими лицами, покоится первоначально на связях кровного родства и подобно Gewere [взаимной поручке] у древних германцев, кровной мести и т. д. Впрочем, слово артель применяется в России не только ко всякого рода совместной деятельности, но и к общим учреждениям. *Биржа* — тоже артель². В рабочих артелях всегда избирается начальник (староста, старшина)³, который исполняет обязанности казначея, счетовода и т. п., по мере надобности — управляющего и получает особое жалованье. Подобные артели возникают:

1) для временных предприятий, по окончании которых они распадаются;

2) между людьми, занимающимися одним и тем же ремеслом, например между носильщиками и т. п.;

3) для постоянных предприятий, промышленных в собственном смысле слова.

Они учреждаются на основе договора, подписываемого всеми членами. Если же эти члены не могут сами собрать необходимый капитал, как это очень часто случается, например в сыроварении и в рыболовстве (для покупки сетей, судов и пр.), то артель попадает в лапы ростовщика, который ссужает за высокие проценты недостающую сумму и с этого момента кладет себе в карман большую часть трудового дохода. Но еще более гнусно эксплуатируются те артели, которые целиком нанимаются к предпринимателю в качестве наемных рабочих. Они сами управляют своей собственной промышленной деятельностью и тем сберегают капиталисту издержки надзора. Он сдает им в наем хижины для жилья и дает им в кредит жизненные средства, причем опять развивается самая гнусная *trucksystem*. Так происходит дело у лесорубов и смолокуров Архангельской губ., во многих промыслах в Сибири и пр. (ср. Флеровский «Положение рабочего класса в России», С.-Петербург, 1869 г.). Таким образом, артель является здесь средством, *облегчающим* капиталисту эксплуатацию наемных рабочих. С другой стороны, однако, есть и такие артели, которые сами имеют наемных рабочих, не состоящих членами артели.

¹ Об артели следует сравнить, между прочим, «Сборник материалов об артелях в России», С.-Петербург, 1873 г., выпуск 1. (*Примечание Энгельса.*)

² Последняя фраза выпущена Энгельсом в издании 1894 г. *Ред.*

³ Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

Таким образом, артель есть стихийно возникшая и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или же славянского. Подобные товарищества образуются повсюду, где в них есть нужда: в Швейцарии в молочном деле, в Англии в рыболовстве, где они даже очень разнообразны. Силезские землекопы (немцы, отнюдь не поляки), построившие в 40-х годах столько немецких железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы в России доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй. Для такого перехода нужно было бы прежде всего, чтобы сама артель стала способной к развитию, чтобы она отбросила свою примитивную форму, в которой она, как мы видели, служит больше капиталу, чем рабочим, и доросла *по меньшей мере* до уровня западноевропейских кооперативных товариществ. Но, если на сей раз поверить г. Ткачеву (что после всего предыдущего все же более чем рискованно), — до этого еще очень далеко. Напротив, с чрезвычайно знаменательной для его точки зрения гордостью, он уверяет нас: «Что касается кооперативных и кредитных товариществ по немецкому (!) образцу, которые с недавних пор искусственно насаждаются в России, то большинство наших рабочих встречает их с полнейшим равнодушием, и они почти везде потерпели полный провал». Современное кооперативное товарищество доказало по крайней мере свою способность самостоятельно вести с выгодой крупные промышленные предприятия (прядаильные и ткацкие в Ланкашире). Артель же до сих пор не только оказалась неспособной к этому, но она неизбежно должна погибнуть при столкновении с крупной промышленностью, если не разовьется дальше.

Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузенем, и он раструбил о ней на весь мир как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника он даже обязан был знать о них в точности. Герцен, сам русский помещик, узнал впервые от Гакстгаузена, что его крестьяне владели землею сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян истинными носителями социализма, прирожденными коммунистами в противоположность рабочим стареющего, гнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина к г. Ткачеву. Послушаем же этого последнего.

«Наш народ... в своем огромном большинстве... проникнут

принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности так глубоко срослась со всем мирозерцанием русского народа (мы скоро увидим, сколь обширен мир русского крестьянина), что теперь, когда правительство начинает понимать, что эта идея несовместима с принципами «благоустроенного» общества и во имя этих принципов старается привить народному сознанию и народной жизни идею частной собственности, — оно может достигнуть этого лишь при помощи штыков и кнута. Отсюда ясно, что наш народ, несмотря на свое невежество, стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они более образованы».

В действительности общинная собственность на землю представляет собой строй, который мы находим на низшей ступени развития у всех индогерманских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например на Яве. Еще в 1608 г. существование общинной собственности на землю на только что завоеванном севере Ирландии послужило для англичан предлогом объявить землю бесхозной и как таковую конфисковать в пользу короны. В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками; часто, особенно в горах, встречаются еще ее отчетливые следы: периодические переделы общинных земель и т. п. Более точные указания и подробности относительно древнегерманского общинного землевладения можно найти в ряде сочинений *Маурера*, которые по этому вопросу являются классическими. В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превратилась, на известной ступени общественного развития, в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Великой-россии (т. е. собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле. Русский крестьянин живет и действует только в своей общине; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дела его общины. Это до такой степени верно, что на русском языке одно и то же слово *мир* означает, с одной стороны, «вселенную», а с другой — «крестьянскую общину». *Весь мир*¹ означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г. Ткачев говорит о «мирозерцании» русского крестьянина, то он явно неправильно

¹ Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

употребляет русское слово *мир*. Подобная полная изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для *восточного деспотизма*, и везде, где преобладала эта общественная форма, от Индии до России, она всегда создавала деспотизм, всегда находила в нем свое дополнение. Не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий, с которыми он, по словам г. Ткачева, «не имеет ничего общего»! Дальнейшее развитие России в *буржуазном* направлении мало-помалу уничтожило бы и здесь общинную собственность без всякого вмешательства «штыков и кнута» русского правительства. И это тем более, что общинную землю крестьяне в России не обрабатывают сообща, с дележом только продуктов, как это происходит еще в некоторых областях Индии. Напротив, в России земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует. Почти повсюду среди членов общины бывает несколько богатых крестьян, иногда миллионеров, которые занимаются ростовщичеством и высасывают соки из крестьянской массы. Никто не знает этого лучше г. Ткачева. Уверяя немецких рабочих в том, что только кнут и штык могут заставить русского крестьянина, этого коммуниста по инстинкту, по традиции, отказаться от «идеи коллективной собственности», он рассказывает в то же время в своей русской брошюре, на стр. 15: «Среди крестьян вырабатывается класс *ростовщиков* (кулаков), *скупщиков* и *арендаторов* крестьянских и помещичьих земель — крестьянская аристократия».

Это именно того типа кровопийцы, о которых мы писали выше.

Сильнейший удар общинной собственности нанес все тот же выкуп барщины. Помещику досталась большая и лучшая часть земли; для крестьян остался едва достаточный, а сплошь да рядом совсем недостаточный для существования остаток. При этом леса отошли к помещикам; дрова, поделочный и строевой лес, которые прежде крестьянин мог брать даром, он вынужден теперь покупать. Таким образом, у крестьянина нет теперь ничего, кроме избы и голого клочка земли, без средств для его обработки; нехватает обычно и земли, чтобы прокормиться с семьей от жатвы до жатвы. При таких условиях и под гнетом подачей и ростовщиков общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она становится оковами. Крестьяне часто бегут из общины, с семьями или без семей, они бро-

сают землю, стараясь прокормиться в качестве странствующих рабочих ¹.

Таким образом, общинная собственность в России давно уже пережила время своего расцвета и по всей видимости идет к своему разложению. Тем не менее неоспоримо, что существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно ²; тогда русские крестьяне перейдут к этой высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если в Западной Европе, еще до окончательного распада этой общинной собственности, произойдет победоносная пролетарская революция, которая предоставит русскому крестьянину необходимые условия для такого перехода, — в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы произвести необходимо связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия. Таким образом, г. Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», «стоят ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

С такою же легкостью, как с экономической революцией, справляется г. Ткачев и с политической. Русский народ, рассказывает он, «неустанно протестует» против рабства в форме «религиозных сект... отказа от уплаты податей... разбойничьих шаяк (немецкие рабочие могут себя поздравить с тем, что Ганс-живодер ³ оказывается отцом германской социал-демократии)... поджогов... бунтов... и поэтому русский народ можно назвать революционером по инстинкту». Все это убеждает г. Ткачева, что «нужно только одновременно во многих местностях разбудить накопленное чувство озлобления и недовольства... всегда кипящие в груди нашего народа». Тогда «объединение революционных

¹ О положении крестьян следует сравнить, между прочим, официальный отчет правительственной сельскохозяйственной комиссии (1873 г.), далее — *Скалдин*, «В захолустье и в столице», Петербург, 1870 г. Эта последняя работа принадлежит перу умеренного консерватора. (*Примечание Энгельса.*)

² В Польше, в особенности в Гродненской губернии, где помещики в результате восстания 1863 г. по большей части разорены, крестьяне теперь часто покупают или арендуют помещичьи усадьбы и обрабатывают их совместно и на общий счет. А эти крестьяне уже веками не имеют никакой общинной собственности и притом это не великороссы, а поляки, литовцы и белорусы. (*Примечание Энгельса.*)

³ Прозвище немецкого разбойника Иоганна Бюклера. *Ред.*

сил произойдет уже *само собою*, а борьба... должна будет окончиться благоприятно для дела народа. Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» создадут уже сами собой «тесный и неразрывный союз между протестующими общинами».

Более легкой и приятной революции нельзя себе и представить. Стоит только в трех-четырех местах одновременно начать восстание, а там уж «революционер по инстинкту», «практическая необходимость», «инстинкт самосохранения» сделают все остальное «уже сами собой». Просто понять нельзя, как же это при такой неимоверной легкости революция давно уж не произведена, народ не освобожден и Россия не превращена в образцовую социалистическую страну.

В действительности дело обстоит совсем не так. Русский народ, этот «революционер по инстинкту», устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *никогда не против царя*, кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее великое крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого своей женой, а только лишенного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал. Наоборот, царь представляется крестьянину земным богом: бог высок, царь далек¹, восклицает он в отчаянии. Что масса крестьянского населения, в особенности со времени выкупа барщины, поставлена в положение, которое все более и более принуждает ее к борьбе с правительством и с царем, — это не подлежит никакому сомнению; но сказки о «революционере по инстинкту» пусть уж г. Ткачев рассказывает кому-нибудь другому.

А кроме того, *если бы* даже масса русских крестьян была как нельзя более революционна по инстинкту; *если бы* даже мы представили себе, что революции можно делать по заказу, как кусок узорчатого ситца или самовар, — даже тогда позвольте спросить: подобает ли человеку, вышедшему уже из двенадцатилетнего возраста, иметь такое сверххребяческое представление о ходе революции, какое мы здесь видим? И подумать только, что это написано уже после блистательного провала в Испании в 1873 г. первой изготовленной по этому бакунистскому образцу революции. Там тоже восстание начали сразу в нескольких местах. Там тоже рассчитывали на то, что практическая необходимость, инстинкт самосохранения уж сами собою установят крепкий и неразрывный союз между протестующими общинами. И что же получилось? Каждая община, каждый город защищали только самих себя, о взаимной поддержке не было и речи, и Павия, имся только

¹ Написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

3 000 солдат, в две недели покорил один город за другим и положил конец всему этому анархистскому величию (см. мою статью «Бакунисты за работой», где это описано подробно).

Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговые тиски отказываются служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов, а каждый новый заем встречается все больше затруднений; только под предлогом постройки железных дорог удается еще доставать деньги! Администрация давно развращена до мозга костей; чиновники живут больше воровством, взятками и вымогательством, чем жалованьем. Все сельскохозяйственное производство — наиболее важное в России — приведено в полный беспорядок выкупом 1861 г.; крупному землевладению не хватает рабочей силы, крестьянам не хватает земли, они подавлены налогами, обобраны ростовщиками; сельскохозяйственная продукция из года в год уменьшается. Все это в целом сдерживается с большим трудом и лишь внешним образом посредством такого азиатского деспотизма, такого произвола, о котором мы на Западе даже не можем составить себе никакого представления. Это деспотизм, который не только с каждым днем вступает во все более вопиющее противоречие со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, но который в лице нынешнего своего носителя сам сбился с пути: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие. При этом в концентрирующихся в столице более просвещенных слоях нации укрепляется сознание, что такое положение невыносимо, что близок переворот, но в то же время возникает и иллюзия, будто этот переворот можно направить в спокойное конституционное русло. Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса; эта революция имеет величайшее значение для всей Европы уже по одному тому, что она одним ударом уничтожит последний, все еще нетронутый резерв всей европейской реакции. Революция эта несомненно приближается. Только два события могли бы надолго отсрочить ее: либо удачная война против Турции или против Австрии, для чего нужны деньги и надежные союзники, либо жэ... преждевременная попытка восстания, которая снова загонит имущие классы в объятия правительства.

Написано Ф. Энгельсом на немецком языке. Впервые напечатано в брошюре Ф. Энгельса «Internationales aus dem «Volksstaat», Берлин, 1894 г. — Маркс и Энгельс, Соч., т. XV.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН

А

Александр Македонский (356—323 до нашей эры) — царь македонский, величайший полководец древности, основатель огромной империи, быстро распавшейся, но послужившей началом для сближения культур Греции и Востока и возникновения так называемого эллинизма. — 247, 298.

Аллы Пьер (1350—1420) — французский кардинал, участник Констанцского собора. — 336.

Альбер — см. *Мартен* Александр.

Ауэр Игнатий (1846—1907) — немецкий социал-демократ, один из лидеров реформизма. — 443, 445, 505.

Ауэрсвальд Рудольф (1795—1866) — прусский государственный деятель, либерал; после выхода в отставку Кампгаузена сформировал в июне 1848 г. кабинет. — 93.

В

Баз Жан (1800—1881) — французский адвокат и политический деятель, орлеанист. — 313, 325.

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — идеолог анархизма, ярый враг марксизма; вел бешеную фракционную борьбу против Генерального Совета I Интернационала, возглавляемого Марксом; был исключен из рядов Интернационала за дезорганизаторскую деятельность. — 115, 441, 444, 445, 471, 488, 490, 492, 493, 495, 544.

Бальзак Оноре (1799—1850) — французский писатель, выдающийся представитель буржуазного реализма в художественной литературе. — 339.

Байи Жан-Силовен (1736—1793) — политический деятель француз-

ской буржуазной революции 1789 г., жирондист. — 28, 254.

Барагэ д'Илле Ахилл (1795—1878) — французский генерал, депутат Учредительного и Законодательного собраний, лидер партии порядка. — 244, 305, 315.

Барбес Арман (1809—1870) — французский революционер, мелкобуржуазный демократ; в 1837 г. основал совместно с Бланки тайное «Общество прав человека»; в 1839 г. руководил вместе с Бланки восстанием в Париже; участвовал в революции 1848 г. — 4, 196, 234, 340.

Барош Пьер-Жюль (1802—1870) — французский политический деятель; при июльской монархии принадлежал к умеренной либерально-монархической оппозиции, затем бонапартист; в 1849 г. генеральный прокурор, в 1850 г. министр внутренних дел. — 234, 291, 292, 301, 305, 309.

Барро Одилон (1791—1873) — вождь династической оппозиции при Луи-Филиппе, премьер-министр и министр юстиции первого кабинета в президентство Луи-Наполеона. — 154, 161, 181, 190—197, 200, 208, 209, 244, 247, 218, 269—271, 274, 285—287, 294, 307, 309, 314, 322.

Бастиа Фредерик (1801—1850) — французский вульгарный экономист. — 158.

Бауэр Генрих — немецкий рабочий, один из лидеров «Союза справедливых», член ЦК «Союза коммунистов». — 4, 5, 15, 17—19.

Бebelъ Август (1840—1913) — выдающийся вождь германской социал-демократии, рабочий. — 148, 443, 445, 466, 475, 493, 498, 504, 508.

Беккер Август (1814—1875) — немецкий публицист, один из руководи-

- телей вейтлингианцев в Швейцарии. — 6.
- Беккер** Бернгард (1826—1882) — немецкий публицист и историк, председатель Всеобщего германского рабочего союза после смерти Лас-салья; позднее примкнул к эйзенахцам. — 446, 484.
- Беккер** Герман (1820—1885) — немецкий публицист, член «Союза коммунистов», впоследствии национал-либерал. — 19, 20.
- Беккер** Иоганн - Филипп (1809—1886) — немецкий революционер, участник революции 1848 г., друг Маркса и Энгельса. — 497, 509.
- Бем** Иосиф (1795—1850) — один из вождей польского восстания 1830 г., участник революции 1848 г. в Вене, потом в Венгрии. — 86.
- Бернштейн** Генрих (1805—1892) — немецкий демократический публицист, один из лидеров немецкого легиона в Париже (1848). — 15.
- Бернштейн** Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ, представитель крайнего оппортунизма, выступивший после смерти Энгельса с ревизией марксизма по всем вопросам теории и тактики. — 506, 507.
- Беррье** Пьер-Антуан (1790—1868) — французский адвокат и политический деятель, легитимист. — 218, 277, 291, 307, 313, 314, 316, 319.
- Бисмарк** Отто-Эдуард (1815—1898) — первый канцлер германской империи (1871—1890), представитель прусского юнкерства; осуществлял объединение Германии реакционным путем; ввел исключительный закон против социалистов. — 20, 142, 145, 146, 148, 155, 357, 358, 360, 371, 378, 383, 385, 387, 389, 391, 403, 409, 412, 415, 420, 421, 425, 455, 456, 472, 476, 482—485, 498, 501, 534, 535.
- Блан** Луи (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, журналист и историк, сторонник кооперативной организации труда с помощью буржуазного государства; проповедывал «примирение» классов, труда и капитала; член временного правительства 1848 г. — 16, 19, 32, 162, 164, 167, 172—175, 181, 192, 204, 233, 253.
- Бланки** Луи-Огюст (1805—1881) — французский революционер и утопический коммунист, участник парижских восстаний и революций на протяжении 1830—1870 гг., организатор ряда тайных политических обществ и заговоров. — 4, 173, 174, 196, 232—234, 259, 340, 363, 390, 394, 420.
- Блюм** Роберт (1807—1848) — немецкий публицист и оратор, один из вождей левой во Франкфуртском парламенте. — 92.
- Богуславский** Альберт (1834—1905) — прусский генерал и военный писатель. — 153, 155.
- Бомарше** Пьер-Огюстен (1732—1799) — французский писатель-сатирик. — 196.
- Бональд** Луи (1754—1840) — французский политический деятель и писатель, монархист. — 43.
- Бонапарт** — см. Наполеон.
- Борн** Стефан (1824—1898) (настоящая фамилия Буттермильх) — немецкий рабочий, член «Союза коммунистов», участник революции 1848 г. — 16, 17.
- Борнштедт** Адальберт (1808—1851) — немецкий радикальный публицист, тайный агент прусского правительства во Франции. — 15.
- Брайт** Джон (1811—1889) — английский хлопчатобумажный фабрикант, сторонник свободы торговли; вместе с Кобденом возглавлял «Лигу борьбы против хлебных законов»; в 1868—1880 гг. занимал ряд министерских постов. — 221, 432, 479, 481.
- Бракке** Вильгельм (1842—1880) — немецкий социал-демократ, один из лидеров эйзенахской партии. — 443, 445, 469, 472, 498.
- Брентано** Лоренц (1813—1891) — немецкий мелкобуржуазный демократ, член Франкфуртского парламента в 1848 г., глава баденского временного правительства в 1849 г. — 115.
- Брусс** Поль (1854—1912) — французский социалист, глава оппортунистического крыла французской социалистической партии. — 508.
- Буагильбер** Пьер (1646—1714) — французский экономист, предшественник физиократов, родоначаль-

- ник классической политической экономии во Франции. — 224.
- Бужар* Альфред (1815—1882) — французский публицист и историк, радикал, автор двухтомной биографии Марата. — 27.
- Буттермилх* — см. *Борн*.
- Бюргерс* Генрих (1820—1878) — немецкий коммунист, участник кельнского процесса коммунистов; позднее прогрессист. — 19, 20, 25.
- Бюхнер* Георг (1813—1837) — немецкий драматург, один из организаторов «Общества прав человека», автор «Воззвания к гессенским крестьянам» с лозунгом: «Мир хижинам, война дворцам!». — 5.
- Бюше* Филипп-Жозеф (1796—1865) — французский историк и публицист, вождь католического «социализма» во Франции, выступавший за создание производственных кооперативов при поддержке государства. — 459, 469.
- В**
- Вайян* Эдуард (1840—1915) — французский инженер и врач, бланкист, член Генерального Совета I Интернационала и Парижской коммуны. — 365.
- Вейдемейер* Иосиф (1818—1866) — немецкий коммунист, публицист, друг Маркса; эмигрировал в 1851 г. в Америку. — 249.
- Вейтлинг* Вильгельм (1808—1871) — выдающийся немецкий утопический коммунист; находился под влиянием фурьеризма; сторонник идеи уравнильности; разошелся с Марксом и Энгельсом, упорно отстаивая свои утопические взгляды. — 6—9, 11, 17, 19, 497.
- Венедей* Якоб (1805—1871) — немецкий радикальный публицист и политический деятель; позднее умеренный либерал. — 4.
- Видаль* Франсуа (1814—1872) — французский экономист, социалист, сторонник Луи Блана. — 233, 234, 239, 292.
- Виллих* Август (1810—1878) — прусский офицер, командир корпуса волонтеров во время баденского восстания 1849 г., член ЦК «Союза коммунистов» и глава фракции «левых», выступавшей против Маркса после революции 1848 г. — 17, 19, 20, 30, 343.
- Виндигрец* Альфред (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, крайний реакционер, подавивший в 1848 г. восстание в Праге и Вене и руководивший борьбой против венгерской революционной армии в 1848—1849 гг. — 75, 82, 84—86, 91.
- Винца* Жозеф (1800—1880) — французский генерал, командовавший версальской армией во время Парижской коммуны. — 391, 393—396, 427.
- Вобан* Себастиан (1633—1707) — французский маршал, военный инженер и писатель. — 224.
- Вольтер* Франсуа-Мари (Аруэ) (1694—1778) — наиболее яркий представитель старшего поколения французских просветителей XVIII в., философ-деист, публицист, поэт, драматург, историк. — 216, 397.
- Вольф* Вильгельм (1809—1864) — немецкий публицист, коммунист, один из вернейших друзей Маркса и Энгельса, которому Маркс посвятил I том «Капитала». — 13, 15, 16, 29, 30, 112, 117, 118.
- Вольф* Луджи — секретарь Мадзини, участник походов Гарибальди, член Генерального Совета I Интернационала; впоследствии оказался бонапартистским шпионом. — 479, 480.
- Врангель* Фридрих-Генрих (1784—1877) — прусский фельдмаршал. — 94, 95.
- Г**
- Газенклевер* Вильгельм (1837—1889) — немецкий поэт, лассальянец. — 466, 472.
- Гайнау* Юлий-Якоб (1786—1853) — австрийский фельдмаршал, подавивший в 1848 г. революционное движение в Италии, в 1849 г. — в Венгрии. — 73, 215.
- Гакстгаузен* Август (1792—1866) — прусский чиновник и писатель, путешествовавший по России в 1843—1844 гг. и описавший остатки общинного строя в земельных отношениях России. — 544.

- Галифе* Гастон (1830—1909) — французский генерал, палач Парижской коммуны. — 396, 397, 423.
- Гамбетта* Леон (1838—1882) — французский политический деятель; примыкал к умеренному крылу республиканской партии; член «правительства национальной обороны» в 1870 г. — 383.
- Гапсман* Давид-Юстус (1790—1864) — один из вождей рейнской либеральной буржуазии, во время революции 1848 г. министр финансов в кабинете Кампгаузена. — 63, 66, 73, 93.
- Гарибальди* Джузеппе (1807—1882) — вождь итальянского национально-освободительного движения в период борьбы за воссоединение Италии. — 479.
- Гарри* Джордж-Джулиан (1817—1897) — вождь левого крыла в чартистском движении, член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса. — 10.
- Гассельман* Вильгельм (р. 1844) — один из вождей лассальянцев; в 1880 г. исключен из германской социал-демократической партии как анархист. — 466, 472.
- Гатифельд* София (1805—1881) — сторонница Лассалья. — 482, 484.
- Гегг* Аманд (1820—1897) — немецкий демократ, член баденского революционного правительства 1849 г., один из лидеров пацифистской «Лиги мира и свободы». — 19, 469.
- Гегель* Георг-Фридрих-Вильгельм (1770—1831) — великий немецкий философ, диалектик, основатель системы объективного, абсолютного идеализма. — 41, 253, 441, 495.
- Гейб* Август (1842—1879) — немецкий социал-демократ, лассальянец, перешедший к эйзенахцам; с 1874 г. член рейхстага. — 443, 445.
- Гейне* Генрих (1797—1856) — немецкий революционный поэт. — 76.
- Гельвеций* Клод-Адриен (1715—1771) — выдающийся французский философ-материалист, просветитель. — 206.
- Гервег* Георг-Фридрих (1817—1875) — немецкий революционный поэт. — 45.
- Гервинус* Георг-Готфрид (1805—1871) — немецкий либеральный историк, в 1848 г. член Франкфуртского парламента. — 50.
- Гергей* Артур (1818—1916) — крупнейший полководец венгерской революционной армии в 1848—1849 гг.; одержал ряд побед над австрийцами; из политических соображений сдался в августе 1849 г. на безусловную капитуляцию русским войскам. — 89.
- Герцен* Александр Иванович (1812—1870) — русский политический писатель, революционер-демократ, родоначальник народничества. — 542, 544.
- Гете* Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — великий немецкий поэт. — 524.
- Гехберге* Карл (Хёхберг) (1853—1885) — немецкий филантроп-«социалист», финансировавший ряд социал-демократических газет. — 497.
- Гизо* Франсуа-Пьер (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель периода реставрации и царствования Луи-Филиппа, вождь крупной финансовой буржуазии. — 158, 160, 161, 177, 184, 190, 197, 214, 218, 254, 265, 313, 314, 328, 339, 386, 387.
- Гладстон* Вильям (1809—1898) — вождь английской либеральной партии, неоднократно премьер-министр и член либеральных кабинетов. — 347, 463, 491, 512.
- Горчаков* Александр Михайлович (1798—1883) — русский дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел (1856—1882). — 378.
- Гракии*, братья — Тиберий (162—133 до н. э.) и Кай (153—121 до н. э.) — вожди аграрного революционного движения в интересах мелкого крестьянства в древнем Риме. — 155, 254.
- Гранден* Виктор (1797—1849) — русский фабрикант, член палаты депутатов и Учредительного и Законодательного собраний. — 158.
- Гэд* Жюль (1845—1922) — основатель французской Рабочей партии, социалист. — 506, 508.
- Гэмиден* Джон (1595—1643) — ан-

глийский политический деятель, член палаты общин. — 94.

Гюго Виктор (1802—1885) — знаменитый французский поэт и романист. — 217, 242, 249, 286.

Д

Даниэльс Роланд (1819—1855) — кельнский врач, член «Союза коммунистов», участник кельнского процесса коммунистов, друг Маркса. — 19, 20.

Дантон Жорж-Жак (1759—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции 1789 г., министр юстиции после 10 августа 1792 г., член Конвента; примыкал к Горе; в борьбе между Коммуной и жирондистами держался оппортунистической тактики. — 111, 253.

Демосфен (384—322 до н. э.) — блестящий греческий оратор и писатель, глава республиканской партии в Афинах. — 218.

Демулен Камилл (1760—1794) — знаменитый журналист и деятель французской буржуазной революции 1789 г.; член Конвента; в период якобинской диктатуры издавал журнал «Le vieux Cordelier» — главный орган дантонистов. — 253.

Дефлотт Поль-Луи (1817—1860) — французский политический деятель, фурьерист, участник движения 15 мая и июньского восстания в 1848 г., депутат Законодательного собрания в 1851 г. — 233, 234, 291.

Дитц Вильгельм (1843—1922) — немецкий социал-реформист, член рейхстага, владелец социал-демократического книгоиздательства в Штутгарте. — 475, 477.

Дюваль Эмиль (1841—1871) — французский рабочий, член I Интернационала и военной комиссии Парижской коммуны; расстрелян версальцами при вылазке 3—4 апреля. — 396.

Дюпен Андре-Мари (1783—1865) — французский адвокат, орлеанист; после февральской революции президент Законодательного собрания, бонапартист. — 241, 297, 301, 302.

Дюринг Евгений (1833—1921) — немецкий вульгарный, метафизический материалист и позитивист, представитель реакционного мелланского «уравнительного социализма». — 497.

Е

Екатерина II (1729—1796) — русская императрица (1762—1796). — 548.

Елачич Иосиф (1801—1859) — бан Хорватии, один из участников подавления революции 1848 г. в Австрии. — 82—84, 86—88.

З

Зигель Франц (1824—1902) — главнокомандующий революционных войск в Бадене в 1849 г. — 115.

Зорге Фридрих-Альберт (1828—1906) — немецкий социалист, участник баденского восстания 1849 г.; после перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк — генеральный секретарь I Интернационала; друг Маркса и Энгельса. — 495, 496, 534.

К

Кабэ Этьен (1788—1856) — французский утопический коммунист, автор «Путешествия в Икарию». — 173, 174, 424.

Кавеньяж Луи-Эжен (1802—1857) — французский генерал, член Национального собрания 1848 г., правый республиканец; будучи военным диктатором, жестоко подавил июньское восстание парижского пролетариата. — 78, 177, 180, 183—189, 193, 194, 198—200, 206, 210, 263, 267, 268, 274, 307, 318, 325, 420.

Калигула Кай (12—41 н. э.) — римский император (37—41). — 271.

Кампгаузен Лудольф (1803—1890) — крупный рейнский капиталист, министр-президент Пруссии в 1848 г., вожь либеральной буржуазии. — 63, 66, 73, 93.

Кант Иммануил (1724—1804) — родоначальник классической идеалистической немецкой буржуазной философии. Основной чертой его

- философии является попытка примирить материализм с идеализмом. Признавая существование «вещей в себе», считает их абсолютно непознаваемыми. — 219.
- Карл X* (1757—1836) — французский король (1824—1830). — 234.
- Карлье* Пьер (1799—1858) — французский политический деятель, префект парижской полиции в президентство Луи-Наполеона, бонапартист. — 228, 229, 287, 297, 302, 323.
- Карно* Лазарь - Ипполит (1801—1888) — один из лидеров буржуазно-республиканской оппозиции против Наполеона III, в 1848 г. министр народного просвещения во временном правительстве. — 233, 234.
- Каутский* Карл (1854—1938) — один из видных теоретиков II Интернационала, редактор теоретического органа «Neue Zeit»; со времени мировой войны ренегат марксизма. — 474, 532.
- Кемпбелл* Джордж (1824—1892) — английский чиновник в Индии, член парламента, либерал. — 529.
- Кобден* Ричард (1804—1865) — манчестерский фабрикант, защитник свободы торговли, основатель «Лиги борьбы против хлебных законов». — 221, 481.
- Косидьер* Марк (1809—1861) — французский социалист, участник лионского восстания 1834 г., префект парижской полиции в 1848 г. — 167, 181, 204, 253.
- Кошут* Людвиг (1802—1894) — вождь буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Венгрии, глава венгерской республики 1849 г.; в 50-х годах вступил в связь с Наполеоном III. — 19.
- Кретон* Никола (1798 — 1864) — французский адвокат, член Учредительного и Законодательного собраний, орлеанист. — 223, 311.
- Криге* Герман (1820—1850) — немецкий радикальный журналист, сторонник Вейтлинга, организатор нью-йоркской группы «Союза справедливых». — 11, 12.
- Кример* Вильям - Рандол (1838—1908) — один из лидеров английских тред-юнионов, в 1864—1866 гг. секретарь Генерального Совета I Интернационала, с 1885 г. член парламента, либерал, пацифист. — 479—481, 487.
- Кромвель* Оливер (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII века, с 1653 г. лорд-протектор Англии. — 254, 325, 514.
- Кугельман* Людвиг (1830—1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г.; находился в дружеской переписке с Марксом, выполнял поручения I Интернационала в Германии. — 426, 427, 482, 486, 512.
- Куно* Теодор-Фридрих (1847—1934) — немецкий социалист, член I Интернационала, председатель комиссии по расследованию вопроса о бакунистском «Альянсе». — 492.

II

- Ламартин* Альфонс (1790—1869) — французский поэт и умеренно-либеральный политический деятель, фактический глава временного правительства 1848 г. — 15, 162, 166, 173, 177, 309.
- Ланге* Фридрих - Альберт (1828—1875) — немецкий публицист и философ, один из основоположников так называемого неокантианства; автор социал-реформистской книги «Рабочий вопрос, его значение для настоящего и будущего». — 458.
- Лассаль* Фердинанд (1825—1864) — видный деятель немецкого рабочего движения в период 1862—1864 гг.; положил начало реформистскому течению (лассальянству); находился в связи с реакционным правительством Бисмарка. — 148, 443, 450, 455—459, 468, 469, 472, 475, 476, 482—485.
- Лафайет* Мари-Жозеф (1757—1834) — французский генерал, один из вождей либеральной буржуазии, начальник Национальной гвардии в период революции 1789 г.; в 1792 г. изменил революции и бежал за границу; в 1830 г. содействовал воцарению Луи-Филиппа. — 28.
- Лафарг* Поль (1842—1911) — французский социалист, один из осно-

- вателей французской социалистической партии, член Генерального Совета I Интернационала, друг Маркса и Энгельса. — 506, 508.
- Лафит Жак* (1767—1844) — французский банкир, вождь либеральной оппозиции в период реставрации, орлеанист, глава министерства в 1830—1831 гг. — 157, 385.
- Ледрю - Роллен* Александр - Огюст (1807—1874) — французский политический деятель, в 1848 г. член временного правительства, один из вождей мелкобуржуазной демократии. — 19, 32, 73, 162, 170, 173, 179, 181, 189, 196, 198—200, 205—208, 211, 222, 234, 240, 263, 274, 279, 282.
- Лекомт Клод-Мартен* (1817—1871) — французский генерал, участник ночной экспедиции против Монмартра в 1871 г.; убит войсками, перешедшими на сторону народа. — 393, 394, 398, 413, 414, 416.
- Ле-Любе* (р. ок. 1830) — французский эмигрант в Лондоне, учитель музыки, секретарь-корреспондент Генерального Совета I Интернационала для Франции; в 1866 г. исключен из Интернационала за интриги и клевету против Генерального Совета. — 479, 480.
- Лесснер Фридрих* (1825—1910) — немецкий рабочий, член «Союза коммунистов», участник революции 1848 г., друг Маркса и Энгельса. — 12, 20.
- Либкнехт Вильгельм* (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала. — 427, 443, 445, 466, 471, 472, 475, 477, 482, 484, 497, 498.
- Локк Джон* (1632—1704) — выдающийся английский философ-сенсуалист, оказавший большое влияние на французских материалистов XVIII в.; выступал также как экономист. — 254.
- Луи-Филипп* (1773—1850) — французский король (1830—1848). — 4, 59, 157—159, 161, 184, 186, 190, 214, 217, 219—223, 244, 245, 258, 259, 261—263, 268, 269, 274, 283, 285, 295, 312, 313, 315, 316, 330, 348, 359, 360, 385, 387, 388, 394, 403, 413, 414, 459, 462.
- Людовик-Филипп Орлеанский*, принц, граф Парижский (1838—1894) — внук французского короля Луи-Филиппа, отрекшегося в 1848 г. в его пользу от престола. — 244, 312, 313.
- Людовик XIV* (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 224, 332.
- Людовик XVI* (1754—1793) — французский король (1774—1793) — 43, 363.
- Лютер Мартин* (1483—1546) — вождь протестантизма в Германии, основатель лютеранской церкви. — 253.

М

- Мадзини Джузеппе* (1805—1872) — итальянский революционер, глава буржуазно-демократической организации «Молодая Италия», боравшейся за национальную независимость и объединение Италии. — 5, 8, 19, 480, 487.
- Мазаниелло Томазо-Аньелло* (1623—1647) — рыбак, вождь плебейского восстания 1647 г. в Неаполе против испанского владычества. — 324.
- Мак-Магон Мари-Эдмон* (1808—1893) — французский маршал, командовавший в 1871 г. войсками версальцев против Коммуны; в 1873—1879 гг. президент Третьей республики, пытавшийся реставрировать монархию. — 146, 416, 420.
- Малон Бенуа* (1841—1893) — французский социалист, член бакунистского «Альянса», участник Парижской коммуны, один из лидеров POSSИБИЛИСТОВ. — 506, 508.
- Мальтус Томас-Роберт* (1766—1834) — английский экономист, апологет капитализма, автор реакционной теории народонаселения, оправдывающей нищету трудящихся масс при капитализме вечными законами природы. — 468.
- Мантейфель Отто* (1805—1882) — прусский реакционный государственный деятель; в 1848 г. министр внутренних дел, в 1850 г. — министр-президент. — 93.
- Маньян Бернар-Пьер* (1791—1865) — французский генерал, бонапартист, активный участник перегово-

- рота 2 декабря 1851 г. — 315, 323, 325.
- Марат* Жан-Поль (1743—1793) — один из виднейших вождей революционной мелкой буржуазии в период французской буржуазной революции 1789 г., редактор газеты «Ami du peuple»; в Конвенте возглавлял борьбу с жирондистами; убит близкой к жирондистам Шарлоттой Корде 13 июля 1793 г. — 27, 28, 455.
- Марраст* Арман (1801—1852) — французский буржуазный политический деятель, либеральный публицист, участник революции 1830 г. и лионского восстания 1834 г., редактор газеты «National», член временного правительства в 1848 г. — 32, 173, 180, 184—186, 198, 206, 254, 263, 271, 272.
- Мартен* Александр (Альбер) (1815—1895) — участник тайных обществ при Луи-Филиппе, член временного правительства 1848 г. — 162, 164, 175.
- Маурер* Георг-Людвиг (1790—1872) — немецкий историк, выдающийся исследователь общественного строя древней и средневековой Германии. — 545.
- Мерославский* Людвиг (1814—1878) — польский революционер, участник польских восстаний 1830 и 1863 гг., командующий баденской революционной армии в 1849 г. — 115, 116.
- Мессенгаузер* Цезарь-Венцель (1813—1848) — австрийский офицер, командир Национальной гвардии и комендант Вены во время октябрьского восстания 1848 г.; расстрелян после взятия Вены Елачичем. — 86.
- Меттерних* Клеменс-Венцель (1773—1859) — реакционнейший австрийский государственный деятель, один из организаторов «Священного союза» — союза всех реакционных сил Европы против революционного движения. — 42, 53—59, 62.
- Микель* Иоганн (1828—1901) — прусский банкир, национал-либерал; в молодости был членом «Союза коммунистов»; в 1867—1877 и 1887—1890 гг. — член рейхстага, в 1890—1901 гг. — министр финансов. — 483, 484, 501.
- Мирабо* Оноре-Габриэль (1749—1791) — виднейший деятель французской буржуазной революции 1789 г., вождь оппозиционного дворянства и крупной буржуазии. — 386, 483.
- Молю* Иосиф (ум. 1849) — часовщик из Кельна, член «Союза коммунистов»; убит во время баденского восстания. — 5, 12, 15, 17, 127, 128.
- Монталамбер* Шарль-Форб (1810—1870) — французский писатель и политический деятель, вождь католической партии, член Учредительного и Законодательного собраний Второй республики. — 223, 240, 307, 314, 335.
- Монтескье* Шарль-Луи (1689—1755) — французский историк и писатель, идеолог либерализма и конституционной монархии, представитель старшего поколения просветителей XVIII в. — 403.
- Мост* Иоганн (1846—1906) — немецкий социал-демократ, сторонник вульгарно-материалистической философии Дюринга; позже анархист. — 497.
- Мюльбергер* Артур (1847—1907) — немецкий врач, прудонист. — 494.
- Мюнцер* Томас (1490—1525) — немецкий утопический коммунист времен реформации, выдающийся вождь крестьянского восстания 1525 г. в Германии. — 429.

Н

- Наполеон I* Бонапарт (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815); знаменитый полководец; во время французской буржуазной революции — офицер; в 1793 г. примыкал к якобинцам; опираясь на буржуазию и армию, совершил 18 брюмера (9 ноября) 1799 г. государственный переворот и стал военным диктатором французской республики. — 25, 34, 45, 51, 116, 136, 159, 188, 189, 191, 192, 223, 224, 227, 228, 246, 250, 253, 255, 296, 298, 325, 328, 329—336, 339, 362, 366, 373, 377, 381, 387, 407, 537.

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873) — французский император (1852—1870). — 121, 140, 145, 146, 183, 187—197, 199—201, 203, 205, 207—209, 215—219, 223, 225, 228, 229, 232—234, 242—250, 253, 255, 262, 268—272, 274, 275, 277—279, 282—288, 290—292, 294—300, 302—311, 314—319, 321—328, 330—339, 357, 360, 369, 371, 374, 375, 378, 379, 381—383, 387—389, 392, 399, 403, 407, 409, 411, 414, 427, 433, 462, 512.

Неймeyer Максимилиан - Жорж (1879—1866) — французский генерал, командир 1-й дивизии и начальник штаба Шангарнье. — 248, 298.

Нерон Клавдий (37—68 н. э.) — римский император (54—68). — 348.

Нобилинг Карл (1848—1878) — немецкий агроном, анархист; произвел неудачное покушение на Вильгельма I, которое послужило предлогом для введения исключительного закона против социалистов. — 505.

О

Оджер Джордж (1820—1877) — английский рабочий, один из лидеров английских тред-юнионов, член Генерального Совета I Интернационала; позднее ренегат. — 478, 479, 487.

Опуль Альфонс-Анри (1789—1865) — французский генерал, военный министр в президентство Луи-Наполеона. — 218, 228, 233, 241, 247, 248, 287, 291, 298—300.

Орель-де-Паладин Луи (1804—1877) — французский генерал, участник Крымской войны. — 391, 393.

Отто Карл-Вунибалд (р. ок. 1810) — доктор химии, член «Союза коммунистов», участник кельнского процесса коммунистов. — 19, 20.

Оуэн Роберт (1771—1858) — великий английский утопический коммунист, основатель кооперативного движения. — 351, 441, 486.

П

Палацкий Франц (1798—1876) — чешский историк, один из идеоло-

гов «австрийского панславизма»; председательствовал на Славянском конгрессе 1848 г. — 73.

Пальмерстон Генри-Джон (1784—1865) — английский государственный деятель, либерал, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1851), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865). — 351, 512.

Перцель Мориц (1811—1899) — генерал венгерской революционной армии в 1848—1849 гг. — 83, 86, 88.

Петр I (1672—1725) — первый русский император (1682—1725). — 541.

Пиа Феликс (1810—1889) — французский мелкобуржуазный радикал, участник революции 1848 г. и Парижской коммуны, член I Интернационала. — 343.

Платон (р. ок. 430—427, ум. 348 или 347 до н. э.) — крупнейший греческий философ-идеалист, идеолог рабовладельческого класса. — 186.

Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский писатель-публицист, идеолог мелкой буржуазии и представитель так называемого «буржуазного социализма». — 16, 238, 249, 250, 282, 365, 366, 482, 486, 490.

Пугачев Емельян (р. ок. 1744, ум. 1775) — донской казак, предводитель большого крестьянского восстания на средней Волге в 1773—1775 гг.; казнен в Москве. — 548.

Пфендер Карл (р. ок. 1818, ум. 1876) — немецкий живописец, член ЦК «Союза коммунистов» и Генерального Совета I Интернационала, сторонник Маркса. — 12.

Р

Радецкий Иосиф (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, наместник в Италии, зверски расправлявшийся с итальянским национально-освободительным движением. — 77, 82, 85.

Распайль Франсуа-Венсан (1794—1878) — французский естествоиспытатель, врач, публицист, левый республиканец, участник револю-

- ций 1830 и 1848 гг.; во время Третьей республики левый радикал. — 162, 173, 174, 183, 189, 196, 340.
- Раффлс* Томас-Стамфорд (1781—1826) — английский колониальный губернатор Явы и Суматры, автор двухтомной работы «История Явы». — 519.
- Резер* Петер-Гергард (1814—1865) — немецкий ремесленник, член «Союза коммунистов», участник кельнского процесса коммунистов. — 19, 20.
- Ренан* Эрнест (1823—1892) — французский писатель и историк, автор исследований по истории христианства. — 17.
- Рикардо* Давид (1772—1823) — выдающийся представитель классической английской буржуазной политической экономии. — 468.
- Робеспьер* Максимилиан (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции 1789 г., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794), последователь учения Руссо. — 184, 253.
- Ротшильд* Джеймс (1792—1868) — глава банкирского дома Ротшильдов во Франции. — 46, 159, 160.
- Рузэ* Арнольд (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, левый гегельянец, издатель «Deutsche Jahrbücher» и «Deutsch-Französische Jahrbücher»; в 1866 г. перешел на сторону Бисмарка. — 19.
- Руссо* Жан-Жак (1712—1778) — выдающийся французский просветитель, идеолог революционной мелкобуржуазной демократии; его идеи народного суверенитета и равенства, критика абсолютизма, теория «общественного договора» и т. д. сыграли большую роль в идеологической подготовке французской буржуазной революции XVIII в.; в философии — идеалист. — 448.
- С
- Сен-Жюст* Муи-Антуан (1767—1794) — известный деятель французской буржуазной революции 1789 г., член Конвента и Комитета общественного спасения, друг и соратник Робеспьера. — 253.
- Сен-Симон* Анри (1760—1825) — великий французский утопический социалист. — 441, 490.
- Сениор* Вильям-Нассау (1790—1864) — английский экономист, апологет капитализма. — 350.
- Сент-Бев* Анри (1819—1855) — французский фабрикант и землевладелец, член Учредительного и Законодательного собраний, противник Луи-Наполеона. — 317.
- Сисмонди* Жан-Шарль-Симон (1773—1842) — швейцарский экономист, мелкобуржуазный критик капитализма. — 250.
- Сулла* Люций-Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец, сторонник демократической партии, перешедший потом в лагерь землевладельческой олигархии. — 388, 417.
- Сулук* (1782—1867) — президент негритянской республики Гаити, провозгласивший себя в 1849 г. императором. — 191, 228, 232, 339.
- Сю* Эжен (1804—1857) — известный французский романист, социалист, автор романа «Парижские тайны», в котором обрисована жизнь парижских трущоб. — 229, 239—241, 292.
- Т
- Тамерлан* (Тимур) (1336—1405) — один из потомков Чингис-хана, основатель огромной азиатской империи. — 397, 524.
- Тамизье* — французский полковник и военный изобретатель. — 394.
- Тацит* Публий-Корнелий (ок. 55—120 н. э.) — римский историк. — 417.
- Тельке* Карл-Вильгельм (1817—1893) — немецкий социалист, ласальянец, председатель Всеобщего германского рабочего союза после Бернгарда Беккера, член германской социал-демократической рабочей партии. — 466, 472.
- Ткачев* Петр Никитич (1844—1885) — русский революционер-бланкист; издавал в Женеве журнал «Набат». — 536, 538, 539, 542, 544—548.
- Токвиль* Алексис - Шарль (1805—1859) — французский историк и

- государственный деятель, либерал. — 314.
- Голэн Анри-Луи* (1828—1897)—французский рабочий, один из основателей французской секции I Интернационала, прудонист; во время Коммуны перешел на сторону версальцев; позднее сенатор.—397, 478.
- Тома Клеман* (1809—1871) — французский офицер, в 1848 г. начальник Национальной гвардии; убит во время Парижской коммуны войсками, перешедшими на сторону народа.—393, 394, 398, 413, 414, 416.
- Трошию Луи-Жюль* (1815—1896) — французский генерал, в 1870 г. председатель «правительства национальной обороны», один из палачей Коммуны. — 382, 383, 389, 392, 394, 419.
- Гуссан-Лувертюр Франсуа-Доминик* (1743—1803)—вождь негров Гаити, восставших в 1791 г. против национального гнета. — 191.
- Тьер Луи-Адольф* (1797—1877) — французский буржуазный историк и политический деятель, палач Парижской коммуны. — 146, 214, 217, 219, 229, 240, 242, 272, 277, 279, 282, 291, 307, 313, 314, 317, 319, 322, 324, 325, 361, 363, 370, 382, 383, 385—393, 395—397, 399, 401, 406, 408, 409, 411—420, 422, 427.
- У**
- Удино Шарль-Никола́* (1791—1863)—французский генерал, орлеанист; в 1849 г. командовал войсками, посланными Наполеоном против римской республики. — 200, 201, 207, 208, 271, 282, 286.
- Уэстон Джон* — английский рабочий, оуэнист, член Генерального Совета I Интернационала. — 480.
- Ф**
- Фавр Жюль* (1809—1880) — французский государственный деятель, буржуазный республиканец, член «правительства национальной обороны» в 1870 г., участник кровавого подавления Парижской коммуны. — 382—384, 388, 391, 394, 396, 409, 415, 424, 425.
- Фаллу Фредерик-Пьер* (1811—1886)—французский писатель и политический деятель, легитимист и клерикал, инициатор разгона Национальных мастерских в 1848 г. и один из усмирителей июньского восстания рабочих. — 190, 199, 209, 218, 274, 285, 286, 314, 316.
- Фишер Рихард* (1855—1926) — немецкий социал-демократ, наборщик, потом журналист, секретарь социалистической партии Германии; примыкал к центристам.—477.
- Флери Карл-Фридрих* (р. 1824) — прусский полицейский агент и шпион в Лондоне, орудие Грейфа в процессе «Союза коммунистов». — 124, 126.
- Флокон Фердинанд* (1800—1866) — французский публицист и мелкобуржуазный политический деятель, член временного правительства 1848 г., редактор парижской газеты «Реформа». — 15, 162.
- Флуранс Гюстав* (1838—1871) — французский революционер, член военной комиссии Парижской коммуны; убит во время вылазки войск Коммуны 3 апреля 1871 г. — 390, 394, 396.
- Фогт Карл* (1817—1895) — немецкий вульгарный материалист, агент Луи Бонапарта. — 111, 427, 514.
- Фоше Леон* (1803—1854) — французский политический деятель, умеренный республиканец, министр внутренних дел в президентство Луи-Наполеона. — 158, 191, 196, 198, 292, 309, 314.
- Франц I* (1768—1835) — австрийский император (1792—1835). — 56, 58.
- Фрейлиграт Фердинанд* (1810—1876) — немецкий революционный поэт, член «Союза коммунистов», друг Маркса. — 20.
- Фридрих II Великий* (Фриц) (1712—1786) — прусский король (1740—1786). — 152, 425.
- Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840) — прусский король (1797—1840). — 43.
- Фридрих-Вильгельм IV* (1795—1861) — прусский король (1840—1861). — 43, 44, 104, 105.
- Фукье-Тенвилль Антуан* (1746—1795) — прокурор революционного трибунала во время французской буржуазной революции 1789 г. — 201.

Фульд Ашиль (1800—1867) — французский банкир, бонапартист, в 1848 г. член Учредительного собрания, участник переворота 2 декабря 1851 г., министр финансов (1848—1852, 1861—1867) и императорского двора (1852—1860). — 170, 183, 194, 219, 220, 222, 223, 287, 305, 309, 316.

Фурье Шарль (1772—1837) — великий французский утопический социалист. — 441, 486.

Фуше Жозеф (1763—1820) — французский политический деятель, министр полиции при Наполеоне I. — 228.

Ц

Цезарь Кай Юлий (100—44 до н. э.) — знаменитый римский государственный деятель, полководец и писатель. — 254.

Циммерман Вильгельм (1807—1878) — немецкий пастор, автор «Истории крестьянской войны в Германии», в 1848—1849 гг. член Франкфуртского парламента, где примыкал к мелкобуржуазному левому крылу. — 429.

Ш

Шангарнье Никола́-Анн (1793—1877) — французский генерал, орлеанист; участвовал в подавлении июньского восстания 1848 г. в Париже. — 73, 191, 197, 206, 211, 215, 243, 244, 247, 248, 270—272, 274, 279, 283, 284, 297—299, 301, 302, 304—307, 309, 310, 314, 317, 322, 324, 325, 396.

Шанпер Карл (1813—1870) — немецкий социалист, один из вождей «Союза справедливых» и «Союза коммунистов»; во время раскола «Союза коммунистов» в 1850 г. один из лидеров «левых», вместе с Виллихом выступавший против Маркса; в 1865 г. избран в Генеральный Совет I Интернационала, но активной роли уже не играл. — 4, 5, 11, 15, 17, 19, 20, 343.

Шварцер Эрнст (1808—1860) — австрийский политический деятель, в 1848 г. министр общественных работ. — 83.

Швейцер Жан-Батист (1833—1875) — франкфуртский адвокат и писа-

тель; после смерти Лассалья вождь лассальянцев; в 1864 г. основал газету «Sozial-Demokrat»; поддерживал политику Бисмарка. — 476, 482, 484, 490, 498.

Шекспир Вильям (1564—1616) — великий английский поэт и драматург. — 296.

Шрамм Рудольф (1813—1882) — немецкий публицист, буржуазный демократ, в 1848 г. член левой прусского Национального собрания, позднее приверженец Бисмарка. — 482.

Штейн Лоренц (1815—1890) — немецкий юрист, государствовед и экономист. — 26.

Шульце-Делич Франц-Герман (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист, один из вождей буржуазной «партии прогрессистов»; в 60-х годах выступал с пропагандой производственных товариществ, организуемых за счет «сбережений» рабочих. — 26, 484, 487.

Э

Эвербек Август-Герман (1816—1860) — немецкий врач, публицист, член «Союза справедливых» и «Союза коммунистов». — 11, 19.

Эйхгорн Иоганн-Альбрехт (1779—1856) — прусский государственный деятель, министр просвещения в 1840—1848 гг., крайний реакционер. — 51.

Эккартс Георг (1818—1889) — немецкий рабочий, член «Союза коммунистов», генеральный секретарь I Интернационала, позднее участник английского тред-юнионистского движения. — 12, 479, 480.

Эльснер Карл-Фридрих (1809—1894) — немецкий публицист, член прусского Национального собрания, демократ. — 26.

Ю

Юр Эндрью (1778—1857) — английский химик и экономист. — 350.

Я

Якоби Абрагам (р. 1832) — кельнский врач, член «Союза коммунистов», участник кельнского процесса коммунистов. — 19, 20.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(римская цифра обозначает том, арабская — страницу)

А

- Абсолютное и относительное* — I, 186, 187, 354, 387—390.
Абстракция — I, 17, 18, 81, 304, 343, 354.
Австрия — II, 66, 220;
до 1848 г. — II, 26, 49, 50, 53—58;
после 1848 г. — I, 38; II, 59—61, 99—102.
Агностицизм — I, 17, 18, 360, 363—366, 396.
Акционерные компании — I, 205 — 207, 214.
Америка — I, 6, 12, 43, 47, 83, 133 — 135, 139, 140, 148, 186, 241, 306, 368, 372, 374, 375; II, 260, 345, 367, 463, 516.
Анархизм — I, 53, 135, 210, 391, 410; II, 444, 470, 548, 549.
См. также *Бакунисты*, *Прудонизм*.
Анархия производства — I, 42, 47, 160, 175, 199—204, 208, 212; II, 405.
Англия — I, 56, 179, 182, 183, 304, 331, 342, 352, 353, 360, 363, 366, 368—379; II, 9, 78, 165, 220 — 222, 236, 238, 239, 320, 344—349, 403, 511, 513, 516, 517;
английская буржуазия — I, 368—378; II, 33, 34, 37, 221, 222, 276, 320, 350, 432, 433, 515, 516, 527, 528;
английский пролетариат — I, 36, 37, 373, 376, 378, 379; II, 35, 37, 341, 347, 349, 350, 381, 513, 515, 516;
английское крестьянство — II, 346, 348;
английское рабочее движение — см. *Рабочее движение в Англии*.
См. также *Революция буржуазная в Англии XVII в.*
Антагонизм — I, 17, 22, 34, 80, 139, 149, 155, 164, 165, 199, 304, 328, 333, 345; II, 122, 341, 349.

- «Анти-Дюринг»* Энгельса — I, 17, 18, 34, 40, 171—173, 350, 359.
Античное общество — I, 20, 21, 34, 139, 236.
Армия — I, 346; II, 78, 336, 401.
Атеизм — I, 13, 40, 155, 175, 306, 370, 381, 404.

Б

- Базис и надстройка* — I, 7, 11, 20, 41, 68—70, 84, 85, 134, 142, 193, 194, 327, 328, 333, 348, 350—355, 418, 419.
Бакунисты — I, 6, 15, 45, 135, 391, 392, 410; II, 441, 488, 489, 492—495, 536, 548.
Банки — I, 157, 181, 186, 264, 265.
Безработица при капитализме (резервная рабочая армия) — I, 27, 31, 41, 47, 80, 202, 204, 207, 214, 321.
Биржа — I, 34, 207, 408.
Бланкизм — II, 4, 146, 364—366.
Бонапартизм — I, 4; II, 187—189, 330, 331, 336—339, 399, 400, 407, 437, 438.
Бонапартисты — I, 5; II, 216—218, 243, 294—301, 310.
Брак — см. *Семья и брак*.
Буржуазия — I, 7—9, 22, 139—149, 159, 176—180, 368—379; II, 165, 289, 290, 433, 530;
ее генезис — I, 7, 22, 139—143, 159, 176, 177, 418, 419;
ее роль в разрушении феодализма и в развитии производительных сил общества — I, 139—149, 195—199, 210, 211, 368—371, 417, 418; II, 165, 253, 254, 289, 454;
и дворянство — I, 7, 158, 176, 177, 367—376; II, 438, 439;
и пролетариат (их борьба) — I, 7—10, 21—23, 35—38, 51, 52, 139—149, 156, 179, 180, 210—213, 225, 226; II, 37, 165, 166, 178, 433;

промышленная б. — I, 370, 372, 373, 376; II, 37, 122, 165, 317;
торговая б. — I, 369, 370; II, 316—318;
финансовая б. — I, 369; II, 122, 160, 165, 220, 316;
либеральная б. — I, 51—53; II, 47, 63, 66, 93, 94, 121, 129.
Буржуазное общество — I, 9, 21, 22, 50, 79, 80, 152, 157, 176, 178, 179, 183, 195, 196; II, 253, 254, 438, 530.
Бытие и сознание — I, 17, 19, 20, 65, 66, 68—71, 155, 156, 195, 327, 328, 333, 362, 393—395.

В

«*Вечные истины*» — I, 65, 155, 162, 176, 343, 345, 409.
Война с точки зрения исторического материализма — II, 179, 222, 358, 381, 421;
оборонительная — II, 357, 371, 374, 533;
завоевательная — II, 357, 374;
справедливая — II, 418;
империалистическая — I, 55;
национальная — II, 421;
антиякобинская — I, 293, 298; II, 381, 398;
австро-прусская 1866 г. — II, 360, 371, 430, 432, 437;
франко-прусская 1870—1871 гг. — II, 146, 147, 360, 361, 370, 371, 390, 421;
и отношение пролетариата к ней — II, 222, 361, 369—381;
гражданская — I, 36, 48, 55, 148; II, 177, 421.
«*Восемнадцатое брюмера Луи Бонапартя*» Маркса — I, 4, 99, 109, 112, 156, 350, 354, 359; II, 249—251.
Воспитание — II, 463;
буржуазное — I, 153, 375;
коммунистическое — I, 33, 153, 157.
Воспроизводство — I, 28, 29, 320, 321, 348.
Восстание вооруженное — I, 38, 226; II, 149—152;
восстание есть искусство — II, 94, 95, 110, 111.
Всемирный рынок — см. *Рынок*.
Всеобщее избирательное право — I, 22, 48, 320, 376; II, 148, 149, 163, 235, 241, 242, 293.

Всеобщий закон капиталистического накопления — I, 27, 28, 280, 312—314, 320, 321.
Вывоз капитала — I, 55.

Г

Гегельянство — I, 46, 59, 62, 63, 171, 183, 187, 191—193, 335—337, 347, 353—355, 383—397, 399, 401, 406, 410—413, 416, 417, 419, 421; II, 41, 42;
левое — I, 13, 14, 44, 391—393, 397, 410; II, 41.
Географическая среда — I, 72, 357.
Германия — I, 3, 37, 38, 56, 167, 305, 331—334, 349, 353, 367—369, 379, 385, 418, 423, 425; II, 23, 24, 66, 67, 373, 377, 378, 459, 463, 503, 509;
ее экономическая и политическая отсталость до 1848 г. — I, 316; II, 19, 31—34, 37, 65, 66;
объединение Г. — I, 425; II, 25, 26, 40, 51, 52, 68;
Г. после революции 1848 г. — I, 334, 336, 425; II, 147, 432, 433, 437—440;
буржуазия Г. — I, 37, 379; II, 24, 25, 34, 35, 37, 38, 40, 43, 44, 55, 430—434, 439;
пролетариат Г. — I, 379; II, 20, 21, 23, 24, 37, 38, 47, 48, 55, 147, 378, 432—434, 440—442, 507;
крестьянство Г. — II, 38, 39, 65, 435, 436;
рабочее движение в Г. — см. *Рабочее движение*;
см. также *Революция 1848 г. в Германии*.
Гносеология — I, 19.
Город и деревня — I, 33, 142, 165; II, 403.
«*Господин Фогт*» Маркса — I, 5, 15, 109.
Государство — I, 34, 35, 48, 140, 141, 207—209, 351, 352, 355, 357, 419—421, 425; II, 9, 157, 336, 402.
См. также *Монархия*, *Республика*;
его классовая сущность — I, 34, 35, 48, 141, 207, 421; II, 142, 329, 330, 334, 366—368, 398, 399, 402, 460—462, 470, 492;
его различные формы — I, 34, 208, 209; II, 327, 329, 330, 461;
буржуазное — I, 141, 207, 208; II, 158, 159, 398, 399;

буржуазное и пролетарская революция, необходимость слома буржуазной государственной машины — I, 132, 208, 209, 214; II, 366, 367, 398, 402, 426, 492;
отмирание государства — I, 34, 35, 208, 209; II, 368, 470;
пролетарское — см. *Диктатура пролетариата*.
Гражданская война — см. *Война гражданская*.
«*Гражданская война во Франции*» Маркса — I, 5, 15, 132; II, 356, 357, 364, 367.

Д

Дарвинизм — I, 61, 190, 201, 414; и марксизм — I, 11, 134.
Движение — см. *Материя и движение*.
Дворянство — I, 7, 34, 83, 140, 158, 159, 162, 177, 181, 368, 369, 372, 423.
Дейзм — I, 353, 362.
Демократия буржуазная — I, 42, 52; II, 368.
Демократия пролетарская — см. *Диктатура пролетариата*.
Деньги и денежное обращение — I, 24, 25, 41, 203, 204, 227, 236, 241, 264—267, 292, 326, 340.
Детский труд — I, 33, 145, 184, 249, 250, 305, 320; II, 465.
Диалектика — I, 14, 18—20, 35, 40, 46, 59—65, 170, 171, 187—192, 310, 311, 336, 337, 386—391, 411—414; в естествознании — I, 18, 19, 40, 61, 187—192, 388; в политической экономии — I, 310, 311; в истории — I, 35, 36, 48, 52, 187, 193, 194; и тактика классовой борьбы пролетариата — I, 19, 35, 36, 41, 311; Гегеля и материалистическая диалектика Маркса — I, 410—413; и метафизика — I, 18, 60, 61, 189, 190, 193, 336, 337, 413; законы диалектики — I, 19; единство противоположностей — I, 189, 190, 338—340; II, 340; переход количества в качество — I, 19, 62, 63; отрицание отрицания — I, 19, 314.
Диалектика у древнегреческих философов — I, 187, 188; у Гераклита — I, 65, 188;

в новой философии (у Декарта, Спинозы, Дидро) — I, 187; у Фурье — I, 182, 183.
Диалектический материализм (мировоззрение марксистско-ленинской партии, марксистский философский материализм) — I, 16—19, 38—41, 43, 59—85, 192, 380—382; историческое возникновение — I, 16, 39—41; его теория и метод — I, 16—20, 39—41, 59—65, 192; его теория познания — I, 19, 40, 65—68, 364—366, 380—382, 395, 396.
Диктатура пролетариата — I, 33, 55, 56, 84, 148, 149, 154, 155, 208—214, 345; II, 227, 232, 367, 368, 400, 404, 461, 470.

Е

Естествознание — см. *Наука, Диалектика*.

Ж

Женский труд — I, 33, 145, 184, 249, 250, 305, 320; II, 470.
Жизненные средства — см. *Средства к жизни*.

З

Закономерность в природе и истории — I, 17—21, 61—63, 68, 69, 71, 341, 342.
Заработная плата — I, 41, 145, 146, 151, 216—302; II, 458; и борьба рабочих за ее повышение — I, 146, 291—296; и производство — I, 256—264; реальная и номинальная — I, 243, 244; II, 348; относительная и абсолютная — I, 248, 249; ее минимум и максимум — I, 151, 234, 235, 264—267; и деньги — I, 227, 264—267; и прибыль — I, 243—245, 252—302; цена труда — I, 145, 151, 219, 227, 230, 231, 234, 235; II, 458.
Земельная рента — см. *Рента*.
Землевладельцы — I, 369—371, 418.

И

Идеализм — I, 16, 17, 40, 46, 65—68, 191, 380, 394, 397, 400, 401, 403; и материализм — I, 17, 40, 65—67, 192, 193, 380, 394—397;

- корни идеализма и религии — I, 40, 394, 395, 403—406;
 объективный и. Гегеля — I, 16, 17, 46, 191—193, 337, 385—393, 395, 399, 401;
 субъективный и. — I, 66, 67.
Идеи — I, 6, 17, 20, 64, 69, 70, 85, 153, 155, 161;
 их роль в общественном развитии — I, 69, 70, 155.
Идеология — I, 20, 328, 352, 353, 405, 420—422, 424. См. также *Религия, Философия, Наука*.
Издержки производства — I, 219, 232—234, 243, 244, 246, 247.
Империализм — I, 54—58.
Империя Вторая во Франции — I, 374; II, 145, 338, 339, 360, 371, 374, 390, 400, 406—408.
Индия — I, 368; II, 519—533.
Интернационал первый и его историческое значение — I, 5, 6, 15, 16; II, 13, 21, 146, 369—373, 422, 457, 485—487, 495, 496;
 история возникновения — I, 5, 6, 12, 15, 52, 135, 136; II, 3, 478—484;
 Маркс и Энгельс как основатели и вожди Интернационала — I, 5, 6, 12, 15, 16, 135; II, 26—30, 479—481, 485, 488, 489.
Интернационализм рабочего класса — I, 150; II, 7, 144, 145, 369—373, 456, 457, 467, 468.
Ирландия и ирландский вопрос — II, 345, 435, 510—517.
Искусство — I, 141.
Истина
 абсолютная и относительная — I, 186, 192, 387—390;
 объективная — I, 66—69.
Исторический материализм, его значение и основные положения — I, 20, 21, 40, 68—85, 192—195, 327, 328, 333, 334, 341—378; II, 9, 139, 430.
История — I, 6—8, 11, 20, 21, 68, 75, 192. См. также *Закономерность в природе и истории, Исторический материализм*;
 великие люди в истории — см. *Роль личности в истории*;
 историческое и логическое — см. *Логическое и историческое*.
Июльская монархия во Франции — I, 374; II, 157—161, 163, 164, 259, 263, 275, 330.
- К**
- Кантианство* — I, 67, 183, 190, 191, 365, 395, 396, 401.
Канто-лапласовская теория происхождения солнечной системы — I, 183, 190, 191, 399.
Капитал — I, 9, 25—29, 41, 151, 152, 216—251, 307, 320, 321, 325, 326; как общественное отношение — I, 151, 236—239;
 органическое строение капитала — I, 29, 300, 301, 325;
 постоянный и переменный — I, 26, 27, 29, 300, 301, 325;
 и наемный труд — I, 9, 144, 145, 151, 199, 216—251, 321.
«Капитал» Маркса — I, 5, 10, 15, 16, 23—31, 41, 55, 86, 91, 93—95, 100, 108, 109, 111, 116, 219, 308—325, 350, 354; II, 468, 487.
Капитализм — I, 138—145;
 как общественно-экономическая формация — I, 8—10, 23—32, 41, 42, 47, 48, 77, 79—81, 138—145, 195, 196, 207, 208; II, 530, 531;
 возникновение — I, 8, 27, 28, 41, 139—143, 312—314;
 противоречия — I, 8, 27, 29, 41, 48, 79, 80, 143—147, 195—207, 223, 313, 314;
 прогрессивность — I, 7, 8, 79, 139—143, 196, 197, 312;
 в земледелии — I, 28—32, 41, 45, 46;
 неизбежность его гибели и социализм — I, 8, 32—35, 42, 47, 48, 80, 148, 149, 168, 195, 207—213, 223, 313, 314; II, 531.
Капиталисты и рабочие — см. *Буржуазия и пролетариат*.
Кельнский процесс коммунистов — I, 4, 135; II, 19, 20, 121—126.
«К критике политической экономии» Маркса — I, 4, 15, 303, 309, 326—340, 383.
Классы и классовая борьба — I, 7, 8, 11, 15, 21—23, 42, 43, 78—80, 134, 138, 139, 144—149, 193, 195, 345, 418, 419;
 происхождение классов — I, 139, 357;
 происхождение современных к. — I, 176, 177, 312, 313, 418, 419;
 уничтожение к. при социализме — I, 33—35, 134, 157, 209—215, 345; II, 459, 488;

- классовая борьба как движущая сила истории — I, 6—8, 22, 42, 138, 182, 345, 350, 351; II, 9, 10, 122, 142, 143, 252, 500, 504;
- борьба пролетариата с буржуазией — I, 8, 22, 35—38, 82, 87, 144—149, 193, 194; II, 9, 10, 37, 122, 165, 166, 222, 353, 418, 504. См. также *Буржуазия, Пролетариат, Крестьянство*;
- классовая борьба — борьба политическая — I, 22, 23, 34, 147, 419; II, 122, 353, 491;
- экономическая борьба пролетариата — I, 21—23, 35, 36, 143, 144, 150—152; II, 353, 491.
- Колонии* — см. *Национально-колониальный вопрос*.
- Коммунизм* научный — I, 14, 138, 149—157, 166—168; II, 9, 10. См. также *Социализм* научный; утопический — I, 136, 164—166, 175—187; II, 4, 6, 7, 9, 11, 141, 497.
- Коммунистическая партия* — см. *Коммунисты, Партия рабочего класса*.
- «*Коммунистический манифест*» Маркса и Энгельса — см. «*Манифест коммунистической партии*».
- Коммунистическое общество* — I, 156, 157; II, 451—453;
- различные ступени его развития — II, 451—453.
- Коммунисты* — I, 136, 149—157, 166—168; II, 22, 23.
- Конкуренция* — I, 28, 29, 145, 149, 159, 161, 193, 230, 231, 233, 245, 270;
- три стороны конкуренции — I, 230, 231, 233;
- к. между рабочими — I, 36, 147, 149, 233, 247, 249—251;
- к. и монополия — I, 28, 55, 314.
- Конституция* буржуазная — I, 162; II, 44, 45, 63, 64, 95, 106, 184—187, 198, 199, 207, 208, 235, 263—266.
- Континентальная блокада* — I, 332.
- Концентрация и централизация капитала* — I, 27, 28, 133, 160, 247, 248, 313, 314; II, 531.
- Кооперация* — I, 26, 27, 56, 57, 196, 312; II, 461.
- Кредит* — I, 27, 157, 203, 204, 264, 265.
- Крепостничество* — I, 10, 22, 30, 40, 42, 78, 79, 139, 149, 408.
- Крестьянская война в Германии* — I, 37, 367, 368, 423; II, 430.
- Крестьянство* — I, 22, 30, 31, 34, 51, 64, 159, 160, 367, 368; II, 224, 225, 331, 333, 334;
- как класс — I, 30, 31, 34, 64; II, 238, 333, 436;
- при капитализме — I, 22, 30, 31, 34, 47; II, 38, 333, 335, 346, 435;
- и пролетариат — I, 33, 34, 47, 83; II, 38, 39, 135, 136, 166, 227, 334, 435;
- и буржуазная революция — I, 37, 38. См. также *Революция 1848 г. в Германии и во Франции*;
- и пролетарская революция — I, 34, 37, 38, 56, 57, 83; II, 343, 406, 407, 435.
- Кризисы капиталистические* — I, 8, 27, 42, 47, 76, 80, 144, 146, 160, 203, 204, 211, 212, 251, 295, 311; II, 140, 161, 168, 238, 319—321, 349.
- «*Критика Готской программы*» Маркса — II, 443—446, 474—477.

Л

- Лассальянство* — I, 15, 38, 135; II, 443—472, 475—477, 482—484, 489—503.
- Легитимисты* — I, 158; II, 180, 197, 202, 216, 217, 229, 242, 269, 275—277, 311—314, 316, 330, 410, 411.
- Ленинизм как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций* — I, 54—58.
- «*Логика Гегеля*» — I, 388.
- Логическое и историческое* — I, 338—340, 388, 414, 415.
- «*Людвиг Фейербах*» Энгельса — I, 17, 40, 350, 359, 383—426.
- Люмпен-пролетариат* — I, 148; II, 171, 290, 295, 296, 432.

М

- «*Манифест коммунистической партии*» Маркса и Энгельса — I, 2, 14, 22, 36, 37, 40, 51, 81, 108, 131—168; II, 3, 22, 23, 127, 138, 141, 455, 470, 502, 509.
- Мануфактура* — I, 7, 26, 82, 140, 174, 195, 196, 198, 213, 331, 418.
- Марксизм — революционное учение пролетариата* — I, 1—58; II, 144; историческое возникновение м. —

I, 1—10, 14—18, 44, 45, 338;
II, 9—11, 144;
источники и составные части — I, 16, 39—43; II, 441;
его исторические судьбы — I, 51—53;
подтверждение историей — I, 42, 51—53.
Материализм — I, 14, 16, 17, 39, 40, 59, 60, 68, 69, 360—366, 370, 372, 380—382, 394, 395, 397, 402;
и идеализм — I, 17, 18, 66, 67, 336, 337, 380, 394, 395, 402;
и агностицизм — I, 18, 360, 363—366;
и атеизм — I, 363, 372;
английский материализм и деизм XVIII в. — I, 353, 360, 362;
общая характеристика домарковского материализма — I, 18, 35, 380, 416;
вульгарный м. — I, 18, 71, 336, 398, 400, 402;
м. Бэкона — I, 361, 362;
Гоббса — I, 353, 361, 362, 370;
Локка — I, 353, 362;
Фейербаха — I, 16—18, 40, 59, 60;
французский XVIII в. — I, 16, 40, 192, 353, 370, 398, 399;
метафизический — I, 18;
созерцательный — I, 18, 380—382;
м. Маркса и Энгельса — см. *Диалектический материализм, Исторический материализм*.
Материя — I, 17, 18, 40, 66, 361, 362, 366, 398;
и движение — I, 17, 66, 361, 362, 366, 398, 399, 412, 413;
и сознание — I, 66.
Машины — I, 26, 27, 79, 144, 145, 160, 202, 203, 245—250; II, 340, 341;
их роль в увеличении производительности труда — I, 202, 203, 245—250;
и рабочий класс — I, 144, 145, 202, 203, 248—251.
«Международное Товарищество Рабочих» — см. *Интернационал первый*.
Мелкая буржуазия — I, 22, 23, 159, 160, 162; II, 36, 114, 129—135, 278, 434;
мелкобуржуазная демократия — II, 18, 19, 25—27, 64, 65, 121, 129—135, 280, 281, 462.
Метафизика — I, 61—63, 189, 335—337, 410—414;
и диалектика — I, 61—63, 413;

и естествознание — I, 61, 63, 189, 335, 381, 413, 414.
Монархия — I, 140, 370; II, 312, 404, 437;
абсолютная — I, 140, 161, 353, 370; II, 42, 53—56, 275, 312, 329, 330, 398, 437;
конституционная — II, 41, 236, 259, 312;
см. также *Империя Вторая* и *Июльская монархия*.
Монополия — см. *Конкуренция* и *монополия*.
Мораль
буржуазная — I, 153, 154, 407—409;
пролетарская — I, 153, 154.

Н

Наемный труд — см. *Труд*.
«Наемный труд и капитал» Маркса — I, 216—251, 329.
Накопление капитала — I, 26—28, 312—314.
Накопление первоначальное — I, 26—28, 312—314.
Наука — I, 11, 12, 40, 67, 75, 367, 398—400; II, 341;
естествознание и его развитие — I, 40, 367, 396, 398—400;
историческая н. — I, 11, 12, 67, 68, 75, 398, 399; II, 9;
математика — I, 11;
механика — I, 367, 398;
физика — I, 61, 62, 113, 360, 367;
химия — I, 18, 62, 67, 113, 143, 398, 399;
и техника — I, 398, 399.
Национализация
земли — I, 30, 156;
банков — I, 157;
производительности — I, 157;
транспорта — I, 157.
Национально-колониальный вопрос — I, 34, 57, 142, 154; II, 70—76, 97, 98, 179, 515, 532, 533. См. также *Индия, Ирландия, Польша*.
Нация — I, 34, 142, 154; II, 26.
«Немецкая идеология» Маркса и Энгельса — I, 17, 329, 383.
Необходимость — I, 18, 213, 349, 358, 359, 411, 412;
и случайность — I, 349, 358, 359, 411, 412;
и свобода — I, 18, 213.
Непрерывная революция — II, 27, 122, 130, 131, 137, 178, 232.

«*Ницета философии*» Маркса — I, 2, 14, 100, 329.
 «*Новая Рейнская Газета*» — I, 3, 4, 12, 15, 105, 216, 329; II, 16, 22—29, 90, 138, 177.

О

Обнищание пролетариата — I, 160, 203, 223, 418.
 Общество — I, 20—22, 40, 81, 134, 138, 151, 236, 327, 328, 341, 350; общественно-экономические формации — I, 20, 21, 40, 81, 328; гражданское о. — I, 327, 341, 382, 419; II, 9;
 см. также Античное о., Рабовладельческое о., Феодализм, Буржуазное о., Социалистическое о., Коммунистическое о.
 Община — I, 22, 134, 139, 174; II, 470;
 индийская — II, 522—524, 528, 545;
 крестьянская в России — I, 134; II, 542, 547;
 германская марка — I, 173, 174.
 Объект и субъект — I, 66, 380, 381.
 Опыт — I, 67, 364, 365.
 Оппортунизм в рабочем движении — II, 482—495;
 в германской социал-демократии и борьба Маркса и Энгельса с ним — II, 443—446, 466—473, 496—507.
 Орлеанисты — II, 180, 202, 216, 217, 230, 242, 269, 275—277, 311—314, 330, 410, 411.
 Орудия производства — I, 73, 75—77, 79, 81, 141, 142.
 Орудия труда — I, 11, 228, 235, 237.
 Оунизм — I, 136, 164, 166, 184—187, 384; II, 350, 351.

П

Парижская коммуна, общая оценка ее исторического значения — I, 5, 15, 38, 48, 52, 132; II, 146, 147, 400, 404, 406—408, 426—428, 441, 496;
 ход революции — II, 361—364, 391—425;
 и контрреволюция — II, 381—396, 409—421, 423;
 борьба течений в Коммуне — II, 146, 364—366;

экономические и политические мероприятия — II, 362, 363, 367, 396, 401, 402, 408—410;
 ошибки и причины поражения — I, 38; II, 364, 395, 428.
 Парламентаризм — I, 48, 52.
 Парламентский кретинизм — II, 27, 103, 307.
 Партия рабочего класса и ее значение — I, 52, 57, 58, 131—137, 149—157, 166—168, 333—335; II, 21, 121, 495, 509;
 борьба Маркса и Энгельса за партию — II, 9—12, 25—30, 478—509. См. также Интернационал первый и Союз коммунистов.
 Парцеллярное хозяйство — I, 31, 32; II, 331—335.
 Первоначальное накопление — см. Накопление первоначальное.
 Поземельная рента — см. Рента.
 Политика — см. Экономика и политика.
 Политическая экономия — I, 9, 10, 15, 23—32, 39, 41, 216—218, 315, 331—340;
 п. э. буржуазии — I, 9, 331—333; II, 350;
 классическая — I, 16, 24, 41, 217—220;
 вульгарная — I, 28;
 немецкая — I, 331—333;
 п. э. пролетариата — I, 39, 41, 333—335; II, 350. См. также «Капитал» Маркса, Капитал, Стоимость, Прибавочная стоимость.
 «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса — I, 105, 334.
 Польша — I, 37, 167; II, 25, 71, 72, 328, 534, 535, 537, 538.
 Потребительная стоимость — I, 23, 25, 339; II, 447.
 Право и его экономические корни — I, 10, 20, 53, 161, 327, 328, 352, 354, 357, 371, 372, 420, 421; II, 136;
 английское — I, 352, 371, 372, 420; кодекс Наполеона — I, 352, 371, 420; II, 25, 334;
 п. при социализме — II, 452, 453.
 Практика как критерий истины в теории познания диалектического материализма — I, 67, 380—382, 395.
 Прибавочная стоимость — I, 10, 25—32, 41, 194, 221—223, 282—284, 316—319, 323—325;

- абсолютная и относительная — I, 26, 294, 325;
 распадение ее на прибыль, процент и ренту — I, 10, 28, 286—289; норма п. с. — I, 26, 283.
- Прибавочный продукт* — I, 10, 25, 31, 282, 283.
- Прибыль* — I, 10, 28, 29, 256—264, 285—290, 318;
 норма прибыли — I, 28, 289, 290, 297, 298;
 норма п. и заработная плата — I, 257—259, 297, 298.
- Причина и следствие* — I, 189, 190, 357, 358; II, 337.
- Производительные силы и производственные отношения* — I, 8, 20, 40, 73—85, 144, 195, 196, 200, 204, 207, 236, 327, 328, 333, 341—345, 357, 418; II, 18, 239, 341, 349, 531.
- Производство* — II, 530, 531;
 крупное и мелкое — I, 31, 33, 47, 196, 213, 312—314;
 и распределение — I, 160, 195, 213; II, 450, 451.
- Пролетариат* — I, 8, 22, 26, 33, 43, 51—53, 57, 58, 65, 138—157, 177, 179, 180, 199, 201—212, 223, 238, 249, 312, 373, 376—379, 418; II, 127, 341, 434, 435, 454, 455, 488, 491, 493, 533;
 его историческая роль — I, 8, 149; II, 10, 165, 222, 341, 351, 405, 435;
 происхождение — I, 26, 177, 199, 312—314, 373, 418; II, 165, 433, 434;
 положение при капитализме — I, 42, 49, 138—149, 179, 180; II, 344—350;
 его борьба с буржуазией — I, 15, 33, 34—37, 57, 58, 138—157, 179, 180, 376—379; II, 10, 178. См. также *Пролетарская революция*;
 и мелкая буржуазия — I, 49, 145, 148; II, 130—137, 166, 434, 502—504, 509;
 и крестьянство — I, 31, 33—35, 38; II, 135, 136, 166, 227, 343, 406, 407, 434—436;
 обуржуазивание английского пролетариата — I, 36, 37.
- Пролетарская революция* — I, 32, 55, 58, 156, 167, 208—210, 214, 215, 226; II, 146, 165, 179, 222, 256, 341, 531;
 ее мероприятия — I, 156, 157. См. также *Парижская коммуна*, экономические и политические мероприятия;
 и буржуазное государство — I, 132; II, 366, 367. См. также *Революция и Диктатура пролетариата*.
- Промышленная революция* — I, 140, 183, 213, 272, 273; II, 144, 340.
- Промышленность* — I, 7, 8, 26, 41, 83, 139, 140, 142—144, 146, 174, 179, 180, 183, 201, 203, 204, 213; II, 9, 165, 312, 337, 348, 434, 455, 531.
- Просветители XVIII в.* — I, 175, 176, 178, 182, 184.
- Противоположность* — I, 175, 177—179, 181, 183, 189, 190, 201, 354.
- Противоречие* — I, 20, 63, 80, 178, 183, 189, 198, 201, 204, 418, 419.
- Процент* — I, 28, 251, 286, 287.
- Прудонизм* — I, 14, 15, 44, 135, 163; II, 146, 238, 364—366, 441, 486, 489.
- Пруссия* — I, 38; II, 26, 66, 437; до 1848 г. — II, 40—53; после 1848 г. — I, 38; II, 99—102, 371, 421.

Р

- Рабовладельческое общество* — I, 63, 69, 77, 78, 81, 312, 408.
- Рабочая сила* — I, 9, 25, 41, 81, 145, 221—223, 227—230, 234, 235, 279—281;
 стоимость р. с. — I, 9, 25, 145, 221—223, 227—230, 281—285, 291, 292.
- Рабочее движение* — I, 15, 25, 36, 37; II, 37, 445, 488, 491, 493, 495, 498, 514;
 его международный характер — I, 15; II, 3, 10, 13, 21, 457, 488. См. также *Интернационализм рабочего класса*;
 в Англии — I, 36, 37; II, 341, 349, 351, 373, 381, 441, 507. См. также *Чартизм*;
 во Франции — II, 47, 48, 146, 147, 166, 167, 351, 421, 441, 507. См. также *Революция 1848 г., Парижская коммуна*;
 в Германии — II, 3, 20—22, 24, 28—30, 38, 47, 48, 62, 63, 147, 148, 351, 378, 379, 436, 440—442, 467, 468, 507. См. также *Революция 1848 г.*;
 и кооперативное движение — II, 350, 351, 461;

- Маркс и Энгельс как вожди международного рабочего движения — II, 9—13, 22, 443, 444, 471, 475, 497, 506.
- Рабочий день* — I, 25, 282, 293—295, 319, 320.
- Рабство* — I, 8, 9, 78, 138, 209, 280, 284, 408.
- Равенство* — I, 10, 162, 176, 334; II, 452, 453, 471.
- «*Развитие социализма от утопии к науке*» Энгельса — I, 169—210.
- Разделение труда* — I, 26, 140, 160, 197, 245, 248, 312, 350, 351, 353, 357.
- Ревизионизм* — I, 44—50;
в философии — I, 45, 46;
в политической экономии — I, 46—48;
и классовая борьба — I, 45, 46, 48—50;
в политике — I, 48—50;
его классовые корни — I, 47—50.
- Революция* — I, 20, 56, 58, 83—85, 328, 333; II, 18, 59, 60, 94, 140, 142, 143, 153, 222, 254, 255, 329, 340, 542;
ее причины — I, 20, 81—83, 328, 333; II, 18, 32, 33, 140, 238, 239;
буржуазная — I, 52, 167; II, 62, 63, 142—144, 253, 254, 256, 404;
буржуазная р. в Англии XVII в. — I, 177, 342, 353, 369, 370, 373; II, 143, 254, 325, 514;
буржуазная р. во Франции XVIII в. — I, 175—179, 182, 369, 371, 372; II, 27, 129, 135, 225, 253, 254, 272, 329, 333, 398;
буржуазная р. во Франции 1830 г. (июльская) — I, 157, 158, 373; II, 157, 163, 399;
перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую — см. *Непрерывная революция*;
революции — локомотивы истории — II, 227;
народная р. — I, 56, 58; II, 426;
роль народных масс в р. — I, 56, 58;
армия и р. — II, 78, 149—152, 283, 284;
значение р. для политического развития масс — II, 27;
р. и контрреволюция — II, 157, 263;
эпоха социальной р. — I, 20, 85, 328, 333. См. также *Пролетарская революция*.
- Революция 1848 г.* — I, 37, 45, 51, 373, 374; II, 17, 27, 77, 78, 157, 166, 340, 359;
и экономический кризис — II, 140, 161, 168, 238, 239, 309.
- Революция 1848 г. во Франции* — I, 3, 51, 225, 226, 373; II, 23, 27, 49, 58, 62, 141, 165, 255, 256, 272, 273;
этапы развития — II, 258—260, 268, 269, 272, 326, 327;
буржуазия и ее различные фракции в революции — II, 180, 202, 203, 221, 222, 229, 230, 242, 261, 262, 275—277, 314;
финансовая буржуазия в р. — II, 219, 220, 223, 232, 316, 317;
промышленная буржуазия в р. — II, 77, 164, 167, 172, 175, 178, 179, 186, 188, 262, 268, 269, 279, 309, 317—319, 321, 324, 325;
мелкая буржуазия в р. — II, 77, 166, 172, 178, 179, 182—184, 188, 189, 204—206, 212, 213, 259, 277—279, 292, 293, 328;
крестьянство в р. — II, 163, 166, 170, 178, 184, 187, 188, 192, 204—206, 223—228, 259, 268, 288, 331, 332, 334—336;
пролетариат в р. — II, 164—167, 173, 175, 176, 178, 188, 189, 205, 210, 232, 233, 258—260, 277—279, 293, 359;
июньское восстание пролетариата — I, 3, 51, 225, 226; II, 28, 78, 95, 141, 175—179, 206, 207, 212, 259, 260, 359, 433;
партия Горы — II, 179, 189, 195—199, 201, 204—206;
партия социальной демократии (новая Гора) — II, 204, 205, 210—212, 230, 231, 233, 239—242, 261, 272—274, 277—282, 292, 293, 308;
партия порядка — II, 203, 229, 232, 235, 239, 240, 242, 261, 272—276, 279, 284, 305—311, 314, 315;
Национальное собрание — II, 174, 175, 181—185, 189, 190, 192—197, 204, 202, 213—215, 259, 261, 269, 270, 294, 295, 301—303, 306.
- Революция 1848 г. в Германии* — I, 3, 15, 36, 225, 226, 334, 369, 374; II, 23, 27, 49, 62, 430, 433;
классы накануне революции — II, 33—39, 49—57;

буржуазия — II, 24, 34, 35, 40, 41, 44, 45, 47, 49, 50, 52, 54—57;
 пролетариат — II, 24, 37, 38, 47, 48, 50, 55, 56;
 мелкая буржуазия — II, 36, 50, 52, 55, 56;
 крестьянство — II, 38, 39, 50, 52, 55, 56, 65;
 роль буржуазии в революции — II, 59, 60, 62, 65, 66, 78, 82, 84, 99, 105, 128, 129, 433;
 роль пролетариата — II, 24, 59—61, 84, 85, 109, 113, 433;
 роль мелкой буржуазии — II, 27, 59, 99, 105—107, 113—116, 130, 131;
 роль крестьянства — II, 61, 65, 113;
 национальное движение — II, 72—76, 97, 98;
 пролетарская партия в р. — II, 64, 65, 121—123, 127, 128, 130;
 демократическая партия в р. — II, 64, 65, 99, 103, 106—109, 117, 120, 121, 127—130;
 восстание в Вене в марте 1848 г. — II, 59—61, 89;
 восстание в Вене в октябре 1848 г. — I, 225, 226; II, 80—92, 95;
 восстание в Берлине в марте 1848 г. — II, 61—65, 95;
 франкфуртское Национальное собрание — II, 26, 64, 65—70, 80, 89, 91—96, 99—106, 108, 111, 116—121;
 причины поражения революции — I, 36; II, 28.
Революция 1871 г. — см. *Парижская коммуна*.
«Рейнская газета» — I, 1, 12—14, 326, 327, 391; II, 45.
Религия — I, 8, 39, 45, 155, 175, 354, 366—380, 393, 394; II, 464;
 ее связь с идеализмом — I, 39, 45, 393, 394;
 социальные корни — I, 366—379, 422—424;
 происхождение — I, 381, 393, 394, 421;
 и философия Фейербаха — I, 403—410;
 и государство — II, 363, 401.
Ремесло — I, 7, 77—79, 174, 196, 197, 200, 418.
Рента поземельная — I, 9, 29—31, 286, 287, 369;

абсолютная — I, 30;
 дифференциальная — I, 29, 30.
Республика буржуазная — I, 176, 226; II, 163, 164, 174, 175, 178, 180, 202, 203, 207, 219, 227, 236, 259, 260, 282, 289, 290, 311, 327, 330, 399, 462.
Реформация — I, 367, 368, 423, 424.
Реформизм и реформисты — I, 44—50, 52, 65.
Роль личности в истории — I, 358, 359, 416; II, 250, 253.
Россия дореволюционная — I, 26, 45, 64, 133, 134; II, 534—549;
 ее роль в Европе — I, 133; II, 26, 40, 72, 74, 110, 352, 357, 358, 372, 373, 378, 536, 537, 549;
 революция в России — I, 56, 57, 133, 134; II, 534, 538, 539, 549;
 пролетарская революция в Европе и Россия — I, 56, 57, 133, 134; II, 26, 28, 548, 549;
 классы в России — I, 64, 134; II, 539, 548.
Рынок при капитализме — I, 24, 27, 41, 139, 140, 144, 203, 251;
 всемирный — I, 27, 140, 154, 201, 248, 251, 314.

С

«Свобода» буржуазная — I, 152, 155; II, 263, 264, 289, 464, 470, 511.
Свобода и необходимость — см. *Необходимость и свобода*.
Свобода торговли — I, 141, 152, 154, 164, 332, 355, 358; II, 347.
«Святое семейство» Маркса и Энгельса — I, 2, 16, 360—362, 392, 410.
Священный союз — II, 129, 179, 184, 214.
Семья и брак
 при капитализме — I, 32, 33, 147, 148, 154;
 при социализме — I, 32, 33.
Сен-симонизм — I, 164, 177, 180—182; II, 41.
Случайность — см. *Необходимость и случайность*.
Собственность — I, 20, 78, 143, 144, 148, 151, 167, 196, 312—314, 327, 328; II, 182, 276;
 общественная — I, 78, 80, 151, 312; II, 135;
 частная, ее происхождение — I, 80, 151, 152, 196; II, 136, 404, 405;
 общественная и частная — I, 150, 312—314; II, 435, 436, 454;

- индивидуальная (личная) — I, 78, 150, 152; II, 405;
 общинная — I, 134, 138; II, 136, 544, 545;
 феодальная — I, 78, 79, 143, 150; II, 135;
 буржуазная — I, 79, 133, 143, 144, 150—152, 156; II, 321, 454;
 поземельная — I, 133, 156, 167; II, 267, 312, 333, 435, 436;
 отношения собственности — I, 20, 143, 144, 150, 156, 160, 306, 327, 328; II, 135;
 уничтожение частной собственности при социализме — I, 80, 150, 151, 314; II, 131, 135, 451, 452, 454.
Сословия — I, 7, 139, 159, 181, 195.
Социал-демократия немецкая — I, 52, 167; II, 22, 23, 147, 154, 379, 440, 442—477, 496—510.
Социализм научный — I, 10, 14, 16, 32, 35, 194, 196, 215; II, 9, 21, 141, 144, 232, 289, 441, 497, 539.
 См. также *Коммунизм* научный; критически - утопический — I, 164—166; II, 441, 486, 497;
 реакционный — I, 157—163;
 немецкий или «истинный» — I, 160—163, 393; II, 12, 503, 509;
 консервативный или буржуазный — I, 136, 163, 164; II, 141, 231, 488;
 мелкобуржуазный — I, 159, 160; II, 141, 231, 454, 486, 497;
 феодальный — I, 157—159; II, 141; христианский — I, 159.
Социалистическое общество — I, 32—35, 76, 77, 80, 81, 209—215, 223, 224; II, 373, 451—454;
 возможность построения социализма в одной стране — см. *Теория о возможности победы социализма в одной стране*;
 производство в с. о. — I, 32—35, 76, 77, 80, 81, 156, 157, 209—215, 223; II, 453, 454;
 распределение в с. о. — I, 80, 214, 215, 223; II, 452—454;
 государство при социализме — I, 33—35, 156, 209, 210, 214, 215; II, 461;
 соединение города и деревни при социализме — I, 157;
 уничтожение разрыва между физическим и умственным трудом — II, 453. См. также *Коммунистическое общество*.
Союз коммунистов — I, 2, 14; II, 3—21, 122, 123, 127, 128.
Способ производства — I, 9, 20, 21, 28, 74, 75, 81, 82, 141, 142, 152, 156, 194, 195, 199, 291, 312, 313, 327, 333, 356, 357, 418; II, 454;
 и способ распределения — I, 195, 196, 198, 199, 203; II, 451—454;
 и способ обмена — I, 195, 196, 198, 199, 356, 357.
Спрос и предложение — I, 231, 232, 259 — 264, 267 — 269, 279, 296, 299.
«Спроса и предложения закон» — I, 267—269, 299.
Среднее сословие — I, 22, 23, 145, 148, 370.
Средства к жизни — I, 9, 73, 144, 151, 200, 223, 228, 236, 238, 240, 241, 251, 281, 291, 297, 298.
Средства производства — I, 9, 26—28, 30, 76—80, 143, 196, 199, 236, 251.
Средства труда — I, 27, 81, 196.
Стоимость — I, 23—26, 28, 29, 218, 219, 222, 223, 248, 271—279, 283, 285, 303;
 и труд — I, 218, 223, 272—279, 285;
 меновая с. — I, 23, 227, 237, 272, 276, 339;
 субстанция стоимости — I, 273, 274, 303;
 форма с. — I, 24, 304.
Субъект — см. *Объект и субъект*.

Т

- Тактика классовой борьбы пролетариата* — I, 35—38, 48, 49, 533; II, 23, 130—137, 153.
Теория и ее значение — I, 15, 39—43, 68—74, 180, 380—382, 425, 426; II, 23, 440, 441;
 партийность теории — I, 68;
 т. и практика — I, 68, 380—382; II, 23.
Теория о возможности победы социализма в одной стране — I, 55, 56.
Теория познания — см. *Диалектический материализм, Гносеология*.
Техника — I, 357.
Товар — I, 24, 25, 41, 174, 197, 200, 237, 269—274, 311, 339, 340.
Товарное хозяйство — I, 174, 197—200, 213.

Труд — I, 9, 10, 23, 24, 28, 30, 32, 33, 42, 150, 151, 199, 223, 318, 319; II, 447—449;
 абстрактный — I, 24, 273—275;
 конкретный — I, 24;
 общественный — I, 27, 271—279;
 общественно-необходимый — I, 9, 24, 223, 273—276;
 наемный — I, 149—151, 199, 209, 216—251, 281, 284, 302; II, 164, 458;
 производительный — I, 33, 338;
 производительность труда — I, 32, 261, 276, 277, 290, 300;
 интенсивность труда — I, 276, 295;
 сельскохозяйственный и индустриальный — I, 269, 285, 300;
 умственный и физический — II, 453;
 т. в буржуазном обществе — I, 216—307;
 т. в коммунистическом обществе — I, 34, 35, 223; II, 373, 453.

У

«Убывающего плодородия почвы закон» — I, 29.
Условия материальной жизни — I, 21, 69—75, 333, 357.

Ф

Фабрика — I, 79, 80, 196, 197, 213, 214.
Феодализм — I, 7, 10, 20, 30, 34, 69, 72, 74, 77, 78, 81, 139, 144, 158, 178, 195, 236, 328, 367—370.
Фидеизм — I, 67.
Философия — I, 8, 353, 354, 357, 393—395, 425. См. также *Материализм, Идеализм, Диалектический материализм, Диалектика*.
Франция — I, 7, 42, 56, 140, 159, 160, 179, 181, 182, 225, 331, 369, 371, 372, 374, 375, 386; II, 78, 141, 147, 153, 165, 166, 220—222, 236—238, 251, 286, 287, 309, 319—321, 333, 334, 403. См. также *Рабочее движение* во Франции, *Революция буржуазная* во Франции XVIII в. и 1830 г., *Революция 1848 г. во Франции*, *Парижская коммуна*, *Июль-*

ская монархия во Франции, Империя Вторая;
 пролетариат во Франции — II, 37, 165, 166, 421, 486, 507;
 буржуазия во Франции — II, 33, 34, 37, 165, 166, 221, 222, 287, 319—321;
 крестьянство во Франции — II, 163, 187, 188, 223—228, 238, 331—335.
Фурьеризм — I, 136, 154, 166, 177, 179, 182, 183; II, 45.

Х

Химия — см. *Наука*.
Христианство — I, 155, 159, 422—425; II, 155, 156.

Ц

Цена — I, 217, 218, 230—236, 246, 248, 252—302.
Централизация — см. *Концентрация и централизация капитала*.
Цеховой строй — I, 139, 140, 160, 177, 198—200, 331, 342, 418.

Ч

Чартизм — I, 37, 193, 373, 374, 377; II, 8, 10, 341, 349, 350.

Э

Эволюция — I, 19.
Экономика
 как основа общественной жизни — I, 75, 348—359;
 и политика — I, 75, 350—359.
Эксплуатация — I, 8, 10, 27, 31, 32, 34, 78, 79, 141, 142, 144, 151, 155, 158, 239, 251, 288, 313, 314; II, 227.
Экспроприация — I, 27, 28, 31, 33, 34, 156, 209, 313, 314;
 мелких собственников — I, 27, 34, 313, 314;
 экспроприаторов — I, 28, 33, 34, 314; II, 405.
Электричество и его применение — I, 12, 18, 143, 208, 357, 413.
Эмпиризм — I, 414.
Этика — см. *Мораль*.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ф. ЭНГЕЛЬС. К ИСТОРИИ СОЮЗА КОММУНИСТОВ	Стр. 3
Ф. ЭНГЕЛЬС. МАРКС И «НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА» (1848—1849) . .	22
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ	31—126
I. Германия накануне революции	31
II. Прусское государство	40
III. Прочие немецкие государства	49
IV. Австрия	53
V. Восстание в Вене	59
VI. Восстание в Берлине	61
VII. Франкфуртское Национальное собрание	65
VIII. Поляки, чехи и немцы	70
IX. Панславизм. Шлезвиг-голштинская война	74
X. Парижское восстание. Франкфуртское собрание	77
XI. Венское восстание	80
XII. Штурм Вены. Предательство, совершенное по отношению к Вене.	85
XIII. Прусское Учредительное собрание — Национальное собрание . .	93
XIV. Восстановление порядка — Сейм и палата	97
XV. Торжество Пруссии	101
XVI. Национальное собрание и правительства	105
XVII. Восстание	108
XVIII. Мелкая буржуазия	112
XIX. Конец восстания	116
XX. Процесс коммунистов в Кельне	121
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ОБРАЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИ- ТЕТА К СОЮЗУ КОММУНИСТОВ.	127
К. МАРКС. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ С 1848 ПО 1850 г.	138—248
Введение Ф. Энгельса	138
Классовая борьба во Франции	157
I. От февраля до июня 1848 г.	157
II. От июня 1848 г. до 13 июня 1849 г.	179
III. От 13 июня 1849 г. до 10 марта 1850 г.	207
IV. Отмена всеобщего избирательного права в 1850 г.	236
К. МАРКС. ВОСЕМНАДЦАТОЕ БРЮМЕРА ЛУИ БОНАПАРТА	249—339
Предисловие автора ко второму изданию	249
Предисловие Энгельса к третьему немецкому изданию	251
Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта	253
I.	253
II.	261
III.	272
IV.	285
V.	294
VI.	310
VII.	327

К. МАРКС. РЕЧЬ НА ЮБИЛЕЕ «НАРОДНОЙ ГАЗЕТЫ»	340
К. МАРКС. ПИСЬМО ЭНГЕЛЬСУ. 16 апреля 1856 г.	342
К. МАРКС. УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ.	344
К. МАРКС. ОБЩИЙ УСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ	353
К. МАРКС. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ	357—425
Введение Ф. Энгельса	357
Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарище- ства Рабочих о франко-прусской войне	369
Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарище- ства Рабочих о франко-прусской войне	374
Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Ра- бочих о гражданской войне во Франции 1871 г.	382
I.	382
II.	391
III.	398
IV.	412
Приложения	423
К. МАРКС. ИЗ ПИСЕМ К КУГЕЛЬМАНУ О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ.	426—428
Маркс — Кугельману. 12 апреля 1871 г.	426
Маркс — Кугельману. 17 апреля 1871 г.	427
Ф. ЭНГЕЛЬС. ПРЕДИСЛОВИЕ К «КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМА- НИИ»	429
К. МАРКС. КРИТИКА ГОТСКОЙ ПРОГРАММЫ	443—465
Предисловие Ф. Энгельса	443
К. Маркс. Письмо к В. Бранке. 5 мая 1875 г.	445
К. Маркс. Замечания к программе германской рабочей партии.	447
I.	447
II.	457
III.	459
IV.	460
Ф. ЭНГЕЛЬС. ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ. 18—28 марта 1875 г.	466
Ф. ЭНГЕЛЬС. ПИСЬМО К. КАУТСКОМУ. 23 февраля 1891 г.	474
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ИЗ ПИСЕМ О БОРЬБЕ ЗА ПРОЛЕТАРСКУЮ ПАРТИЮ	478—509
Маркс — Энгельсу. 4 ноября 1864 г.	478
Маркс — Л. Кугельману. 23 февраля 1865 г.	482
Маркс — Л. Кугельману. 9 октября 1866 г.	486
Маркс — Энгельсу. 11 сентября 1867 г.	487
Маркс — Энгельсу. 5 марта 1869 г.	488
Маркс — Ф. Больте. 23 ноября 1871 г.	489
Энгельс — Т. Куно. 24 января 1872 г.	492
Энгельс — А. Бебелю. 20 июня 1873 г.	493
Энгельс — Ф. Зорге. 12 [и 17] сентября 1874 г.	495
Маркс — Ф. Зорге. 19 октября 1877 г.	496
Энгельс — И.-Ф. Беккеру. 1 июля 1879 г.	497
Маркс и Энгельс — Бебелю, Либкнехту, Бранке и др. Циркулярное письмо. [Середина сентября 1879 г.]	498
Энгельс — А. Бебелю. 14 ноября 1879 г.	504
Энгельс — Э. Вернштейну. 25 октября 1881 г.	506
Энгельс — Э. Вернштейну. 30 ноября 1881 г.	507
Энгельс — А. Бебелю. 28 октября 1882 г.	508
Энгельс — И.-Ф. Беккеру. 15 июня 1885 г.	509

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. ИЗ ПИСЕМ ОБ ИРЛАНДИИ	510—517
Энгельс — Марксу. 23 мая 1856 г.	510
Маркс — Л. Кугельману. 29 ноября 1869 г.	512
Маркс — Мейеру и Фогту. 9 апреля 1870 г.	514
К. МАРКС. БРИТАНСКОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО В ИНДИИ	518
К. МАРКС. БУДУЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БРИТАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ИНДИИ	525
Ф. ЭНГЕЛЬС. ИЗ ПИСЬМА КАУТСКОМУ О КОЛОНИЯХ. 12 сентября 1882 г.	532
К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. О РОССИИ	534—549
Маркс — Ф. Зорге. 27 сентября 1877 г.	534
Энгельс. Об общественных отношениях в России	536
УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН	550
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	562

К. Маркс. Избранные произведения, т. II.
 Государственное издательство политической литературы, 1940 г.
 Индекс КЛ/М. Изд. № 1782. Леноблгортлит № 3619.

Технический редактор **В. Чубаринов.**
 Корректоры: **Б. Вайнтрауб, Е. Николаева, З. Окунь и З. Патеревская.**
 Переплет художн. **И. Седельникова.**

Подписано к печати с матриц 2/VIII 1940 г. Формат 60×92¹/₁₆.
 Объем 36 печ. л., бум. л. 18, уч.-авт. л. 38,5², тип. знаков в печ. л. 46850.
 Тираж 300 тыс. экз. (250 001—300 000). Бумага Камского бумкомбината. Заказ № 471.

Цена книги в переплете 8 руб.